

мастера меча и магии

Патрик Ростфусс

Умья Велпа

Впервые на русском языке!

Annotation

Все началось со страха. Однажды, вернувшись с лесной прогулки, юный Квоут, актер из бродячей труппы, нашел на месте разбитого на ночь лагеря страшное пепелище. И изуродованные трупы друзей-актеров, его странствующей семьи. И тени странных созданий, прячущихся во мраке леса. Так впервые в жизнь юноши вторгаются чандрианы, загадочное племя, чьим именем пугают детей и о жутких делах которых рассказывается в древних преданиях. Теперь отыскать убийц и воздать им по заслугам становится целью Квоута. Но чтобы воевать с демонами, нужно овладеть знаниями, недоступными для простого смертного, — изучить магическое искусство и научиться повелевать стихиями...

- [Патрик Ротфусс](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОКОВАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ](#)

- [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ ЗНАКИ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Патрик Ротфусс

«Имя ветра»

*Моей матери, которая научила меня любить книги
и открыла мне двери в Нарнию, Перн и Средиземье*

*И моему отцу, который научил меня правилу: если
собираешься что-то сделать, не торопись и сделай это
хорошо.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю всех читателей моих первых набросков. Вас слишком много, чтобы назвать поименно, но не слишком много, чтобы всех вас любить. Я писал благодаря вашей поддержке. Продолжал совершенствоваться благодаря вашей критике.

Если бы не вы, я бы не победил на конкурсе «Писатели будущего».

Если бы не проводившиеся там семинары, я бы никогда не встретился с Кевином Дж. Андерсоном.

Если бы не его советы, я бы никогда не оказался у Мэтта Байалера, лучшего из литературных агентов.

Если бы не его наставления, я бы никогда не продал эту книгу Бетси Уолхейм, любимому издателю и президенту «DAW Books».

Если бы не она, вы не держали бы сейчас эту книгу в руках. Возможно, я написал бы что-то похожее, но этой книги не существовало бы.

И наконец, я благодарю мистера Бохейджа, моего учителя истории в старших классах. В 1989 году я обещал упомянуть его в своем первом романе. Держу свое обещание.

ПРОЛОГ

ТРЕХЧАСТНАЯ ТИШИНА

Наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в тишину, и складывалась эта тишина из трех частей.

Самой заметной частью было пустое, гулкое до эха молчание, порожденное несколькими причинами. Будь сегодня ветер, он пошелестел бы в кронах деревьев, покачал на крюках скрипучую трактирную вывеску и унес бы тишину по дороге, словно палые осенние листья. Соберись в трактире толпа, да пусть хоть несколько человек, они заполнили бы молчание разговорами, смехом, звоном кружек и гомоном, привычными для питейного заведения в темный вечерний час. Играй здесь музыка... Нет, вот уж музыки точно не было. Так что в воздухе висела тишина.

В трактире у края стойки сидели, сгорбившись, двое мужчин. Они пили тихо и целеустремленно, избегая серьезных разговоров и обсуждения тревожных новостей. Этим они добавляли немного угрюмого молчания к общей тишине. Получался своего рода сплав, контрапункт.

Третью тишину ощутить было не так легко. Пожалуй, пришлось бы прождать около часа, чтобы почувствовать ее в деревянном полу под ногами и грубых бочонках позади стойки бара. Тишина таилась в черноте каменного очага, еще хранящего тепло угасшего огня. Она пряталась в медленном движении — взад-вперед — белой льняной салфетки в руках человека, натиравшего красное дерево стойки, и без того сияющее в свете лампы.

У человека за стойкой были рыжие волосы — совершенно рыжие, словно пламя. Его темные глаза смотрели куда-то вдаль, а в движениях сквозила та уверенная легкость, которая приходит лишь со многими знаниями.

Трактир «Путеводный камень» принадлежал ему, и третья тишина тоже. Вполне закономерно, тишина эта была самой большой из трех: она окутывала две первые, заключала их в себе — бездонная и безбрежная, словно конец осени, и тяжелая, как обкатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека, ожидающего смерти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕ МЕСТО ДЛЯ ДЕМОНОВ?

Вечером поверженья в трактире «Путеводный камень» собралась обычная толпа. Всего-то пятеро — но больше трактиру давненько видеть не доводилось. Такие уж времена.

Старый Коб был, как всегда, кладезем волшебных историй и добрых советов. Остальные собравшиеся за стойкой пили и слушали. За дверью в задней комнате стоял молодой трактирщик и улыбался, прислушиваясь к давно знакомой истории.

— Пробудившись ото сна, Таборлин Великий обнаружил, что заточен в высокой башне. У него отняли меч, да и всего инструмента лишили: и ключ, и монетка, и свеча — все исчезло. Но хуже-то всего было даже не это... — Коб сделал эффектную паузу. — Лампы-то на стенах горели синим пламенем!

Грейм, Джейк и Шеп привычно кивнули: три друга выросли вместе, с равным удовольствием слушая истории Коба и пропуская мимо ушей его советы.

Коб перенес все внимание на новую, более благодарную часть маленькой аудитории — ученика кузнеца:

— Слыхал, мальчик, что это значит?

Все в городке называли ученика кузнеца «мальчик», хотя он уже вымахал на ладонь выше любого из жителей. Но такова традиция всех небольших городков: парень остается мальчиком, пока не пробьется борода или пока он не расквасит кому-нибудь нос.

Мальчик кивнул:

— Чандрианы.

— Верно, — одобрительно произнес Коб. — Всякий знает, синий огонь — один из их знаков. Теперь ему...

— Но как они его нашли? — перебил мальчик. — И почему не убили, раз уж могли?

— Тихо ты, все ответы в конце, — сказал Джейк. — Просто слушай.

— Да ладно тебе, Джейк, — вмешался Грейм. — Мальчик просто спросил. Пей давай.

— Я уж выпил, — буркнул Джейк. — И еще хочу, да трактирщик застрял где-то — небось у себя на кухне крыс к ужину обдирает. — Он

гулко стукнул кружкой по красному дереву стойки и гаркнул: — Эй! Мы тут от жажды помираем!

Из задней комнаты тут же появился трактирщик с пятью мисками тушеного мяса и двумя теплыми караваем. Ловко уместив все это на стойке, он принес Джейку, Шепу и Старому Кобу еще пива.

Историю пришлось на время отложить: все принялись за ужин. Старый Коб заглотив мясо с хищной быстротой вечного холостяка. Остальные еще только на миски дули, а он уже прикончил свою долю карава и вернулся к рассказу.

— Теперь Таборлину надо было сбежать оттуда, но, оглядевшись, он увидел, что в камере нет дверей. И окон тоже нет. Вокруг только гладкий твердый камень.

Но Таборлин Великий знал имена всех вещей, и потому все вещи его слушались. Он сказал стене: «Откройся!» — и стена открылась. Порвалась, словно бумага. Через дыру Таборлин увидел небо и вдохнул сладкий весенний воздух. Он ступил на край, посмотрел вниз и, не мешкая ни секунды, шагнул наружу...

Глаза мальчика расширились от ужаса и удивления:

— Не может быть!

Коб торжественно кивнул:

— Таборлин упал, но не разбился. Ведь он знал имя ветра, и ветер его слушался. Ветер подхватил его, обнял и опустил на землю легко, словно пушинку, а потом поставил на ноги, да так нежно, как и мать родная не поцелует. Оказавшись на земле, Таборлин ощупал бок, куда его ранили кинжалом, и увидел, что уж и царапины не осталось. Может, просто повезло ему... — Коб выразительно похлопал себя по носу, — а может, все дело в амулете, который он носил под рубашкой.

— А что за амулет-то? — восторженно пробубнил мальчик сквозь набитый рот.

Старый Коб откинулся на спинку стула, радуясь возможности расширить историю.

— За пару дней до того Таборлин встретил на дороге лудильщика. И хотя у него самого еды почти не было, Таборлин поделился со стариком ужином.

— Очень разумно, — шепнул мальчику Грейм. — Всякий знает, «лудильщик платит вдвое за добро».

— Да нет, — вмешался Джейк. — Правильно: «совет лудильщика добро вдвойне покроет».

И тут впервые за весь вечер заговорил трактирщик.

— На самом деле вы пропустили больше половины, — бросил он из-за стойки:

Долг лудильщик платит споро:
На торгу — по уговору,
Помощь вдвое перекроет,
А обиду — так и втрое.

Компания словно впервые заметила трактирщика. Они приходили в трактир «Путеводный камень» каждый вечер поверженья, но Коут до сих пор никогда не вмешивался в их разговоры. Да и с какой стати? Он и в городе-то живет всего год или около — как есть чужак. Ученик кузнеца с одиннадцати лет здесь, а про него до сих пор говорят «тот мальчик из Рэнниша», как будто Рэнниш — какая-то далекая страна, а не городишко в пятидесяти километрах отсюда.

— Ну, я так слышал... — смущенно пробормотал Коут, чтобы заполнить наступившую тишину.

Старый Коб снисходительно кивнул, прокашлялся и вернулся к истории:

— Амулет этот стоил целого ведра золотых роялов, но в благодарность за Таборлинову доброту лудильщик продал его всего лишь за железный пенни, медный пенни и серебряный пенни. Амулет был черный, как зимняя ночь, и холодный, как лед, но пока Таборлин носил его на шее, ему не могли повредить никакие злобные твари: ну, демоны там и все такое прочее.

— Дорого бы я дал за такой амулет, — мрачно заметил Шеп.

В этот вечер он больше пил, чем говорил. Всякий знал, что на ферме Шепа в прошлое возжиганье случилось что-то ужасное, но настоящие друзья понимают, когда стоит выпытывать подробности, а когда лучше помолчать. До ночи еще далеко, да и выпито маловато — язык потом сам развяжется.

— Ясное дело, — рассудительно протянул Старый Коб и сделал большой глоток.

— А я и не знал, что чандрианы — демоны, — сказал мальчик. — Я слышал...

— Не демоны они, — твердо возразил Джейк. — Это те первые шесть человек, которые отказались выбрать путь Тейлу, и он проклял их, чтобы они вечно скитались...

— Кто здесь рассказчик, Джейкоб Вокер? — резко осведомился Коб. — Коли ты, так давай говори, а я послушаю.

Джейк и Коб мрачно уставились друг на друга. Потом Джейк отвел взгляд, пробормотав что-то, отдаленно напоминающее извинения.

Коб снова повернулся к мальчику.

— Это великая тайна чандриан, — пояснил он. — Откудова они взялись? Куда уходят, когда заканчивают свои кровавые дела? Может, они люди, которые продали свои души? Или демоны? Духи? Никто не знает. — Коб смерил Джейка уничижительным взглядом. — Хотя всякий дурак говорит, что знает...

История потонула в перебранке о дураках, чандрианах и знаках, выдающих их присутствие внимательному взгляду, а заодно о том, защищал ли амулет Таборлина от бандитов, бешеных собак и падений с лошади. Обстановка накалялась, как вдруг распахнулась входная дверь.

— Вовремя ты, Картер! — воскликнул Джейк. — Объясни этому проклятому тупице, чем демон отличается от собаки. Всякий зна... — Джейк прервал тираду на полуслове и бросился к двери: — Тело Господне! Картер, что стряслось?

Картер сделал несколько шагов вперед. Его бледное лицо было залито кровью, к груди он прижимал неуклюжий сверток — словно старой попоной обмотали охапку лучин.

Все повскакивали с табуретов и бросились к Картеру.

— Со мной все хорошо, — проговорил тот, медленно входя в общий зал. Уголки его глаз подрагивали, словно у перепуганной лошади. — Хорошо все, хорошо.

Возчик уронил сверток на ближайший стол — он брякнул о дерево, словно набитый камнями. Одежду Картера рассекали длинные прямые разрезы; серая рубаха висела лоскутами — там, где не прилипла к телу, пропитанная темно-красным.

Грейм попытался усадить его на стул:

— Матерь божья! Да ты сядь, Картер, успокойся. Что случилось-то? Садись!

Картер упрямо потряс головой:

— Да говорю ж вам, все со мной хорошо. Мне не сильно досталось.

— Сколько их было? — спросил Грейм.

— Один, — ответил Картер. — Да вы не думайте...

— Раздери тебя демоны, Картер! — взорвался Старый Коб — он захлебывался злостью, позволительной только друзьям и родным. — Сколько я тебе талдычу? Нельзя щас одному ездить. Даже в Бейдн. Опасно

это!

Джейк успокаивающе положил ладонь старику на плечо.

— Да сядь ты уж. — Грейм продолжал толкать Картера к стулу. — Снимай рубашку, раны промоем.

Картер снова потряс головой:

— Да все в порядке. Слегка порезали, но крови больше от Нелли. Он прыгнул прямо на нее. Убил, в трех километрах от города, за Старокаменным мостом.

Такие новости заставили всех на минуту замолчать. Ученик кузнеца сочувственно положил руку на плечо Картера:

— Проклятье. Она же добрая была, как ягненок. Не кусалась и не брыкалась, когда ты приводил ее подковывать. Лучшая лошадь в городе. Проклятье. Ну что ж... — Он запнулся и беспомощно огляделся. — Что ж теперь скажешь.

Наступило неловкое молчание. Джейк и Коб переглядывались, остальные же, казалось, потеряли дар речи, не зная, чем утешить друга.

В тишине в круг протолкался трактирщик, ловко обогнул Шепа и принялся выставлять на стол то, что принес: миску с горячей водой, ножницы, немного чистого льняного полотна, какие-то стеклянные бутылочки, иглу и моток ниток из кишок.

Коб наконец вырвался от Джейка.

— Говорил я тебе! — повторил он, грозя пальцем. — Эти люди убьют за пару пенни, не то что за лошадь с телегой. Что теперь делать-то будешь? Сам телегу таскать? — Джейк снова попытался утихомирить его, но старик совсем разбушевался: — Я всего-навсего говорю правду в глаза. А уж что с Нелли вышло, так просто позор. Пусть он хоть теперь послушает, а то, глядишь, и вовсе без головы останется. Во второй раз так просто не отделаешься.

Губы Картера сжались в тонкую линию. Он бросился к столу и рванул край окровавленной попоны. То, что лежало внутри, видимо, зацепилось за ткань и только перевернулось. Картер дернул сильнее, раздался стук, будто на стол уронили мешок плоских речных камней.

Из попоны выпал паук — огромный, как тележное колесо, и черный, словно уголь.

Ученик кузнеца отскочил назад, опрокинув стол и едва удержавшись на ногах. Лицо Коба словно обвисло. Грейм, Шеп и Джейк вскрикнули и испуганно отпрянули, закрыв лица руками. Картер тоже сделал судорожный шаг назад. Тишина расплзлась по комнате, как холодный пот по спине.

— Не может быть, чтобы они зашли так далеко на запад, — нахмурившись, пробормотал трактирщик.

Если бы не молчание, его вряд ли бы кто-нибудь расслышал. Но теперь все взгляды оторвались от чудища на столе и обратились к рыжеволосому трактирщику.

Первым подал голос Джейк:

— Ты знаешь, что это такое?

— Скрель, — рассеянно ответил трактирщик, не глядя на фермера. — Я-то думал, горы...

— Скрель? — взвился Джейк. — Почернелое Господне тело, Коут! Видал ты таких раньше?

— А? — Трактирщик словно вспомнил, где находится, и внимательно посмотрел на Джейка. — Да нет, что ты. Конечно же, нет. — Заметив, что стоит ближе всех к твари на столе, Коут сделал тщательно выверенный шаг назад. — Так, слышал кой-чего. Помните того торговца? Ну, который приезжал два оборота назад?

Все кивнули.

— Этот гад пытался всучить мне двести грамм соли за десять пенсов! — пожаловался Коб — в сотый, наверное, раз.

— Надо было мне купить тогда, — пробормотал Джейк, и Грейм согласно кивнул.

— Да за кого он меня принял? — Коб, казалось, успокаивался, повторяя привычные слова. — Два пенни, в крайнем случае. Но десять — это же суший грабеж!

— Больше-то не приезжает никто, — мрачно заметил Шеп.

Все взгляды снова обратились к твари на столе.

— Так вот, он тогда сказал, что слышал про них — где-то аж возле Мелькомба, — затараторил Коут, внимательно оглядывая посетителей, уставившихся на паука. — Я-то подумал, он просто пытается вздуть цену...

— Что он еще говорил? — спросил Картер.

Трактирщик на мгновение задумался, потом пожал плечами:

— Всего он так и не рассказал. Да и в городе пробыл каких-то пару часов.

— Боюсь я пауков, — жалобно сказал ученик кузнеца с другой стороны стола — ближе чем на пять метров к остальным он подойти не решался. — Закройте его обратно.

— Не паук это, — возразил Джейк. — У него и глаз-то нет.

— И рта, — заметил Картер. — Как же оно ест?

— Что ест? — мрачно уточнил Шеп.

Трактирщик с любопытством разглядывал тварь на столе, потом наклонился к ней и протянул руку. Все отодвинулись — просто на всякий случай.

— Осторожно, — сказал Картер. — У него ноги острые, как ножи.

— Скорей уж, как бритвы, — заметил трактирщик и коснулся черного плоского тела. — Твердое, будто глиняное.

— Не трогайте его, — взмолился ученик кузнеца.

Коут осторожно, обеими руками взял тварь за длинную ногу и попытался ее, будто палку, сломать.

— Вовсе не глина, — подытожил он и, положив ногу на угол стола, навалился на нее всем телом. Резкий хруст — нога сломалась. — Похоже на камень. Как же ты ухитрился его поломать? — с любопытством спросил трактирщик Картера, указывая на тонкие трещины, протянувшиеся вдоль гладкого черного тела.

— Нелли на него упала, — ответил тот. — Оно с дерева прыгнуло и давай по ней ползать да ногами своими резать. Да так быстро, я и не понял, что такое творится-то. — Картер наконец упал в кресло под натиском Грейма. — Нелли запуталась в сбруе, на него упала, ну и сломала ему пару ног. Тогда оно поползло ко мне, по мне стало бегать. — Картер обхватил себя руками и содрогнулся. — Я его кое-как скинул, ногой со всей силы долбанул, а оно снова прыг на меня... — Он умолк, его лицо посерело.

Трактирщик кивнул, словно рассказ Картера подтвердил какие-то его мысли, и продолжил разглядывать непонятную тварь.

— Крови нет. И органов никаких, — ткнул он пальцем в чудище. — Оно внутри просто серое. Как гриб.

— Тейлу великий! Оставьте же его в покое! — взмолился ученик кузнеца. — Пауки иногда дергаются, даже мертвые!

— Да вы только послушайте себя! — крикнул Коб. — Пауки не бывают здоровенные, будто свиньи. Вы все знаете, что это такое. — Он обвел взглядом лица и веско произнес: — Это демон.

— Да ну, — возразил Джейк скорее по привычке. — Непохоже... — Он сделал неопределенный жест рукой. — Да быть того не может...

Все уставились на неподвижную тварь на столе, думая об одном и том же. Конечно, на свете существуют демоны. Но они же вроде ангелов Тейлу, вроде героев и королей: они не отсюда — их место в сказках и легендах. Таборлин Великий уничтожал демонов огнем и молнией, Тейлу ломал их голыми руками и сбрасывал в бездну — вечно скулить и жаловаться. Но чтобы парень, которого ты знаешь с детства, затоптал демона на Бейдн-Брютской дороге? Просто смешно!

Коут запустил руку в свою рыжую шевелюру и решительно проговорил:

— Есть только один способ узнать правду. — Он пошарил в кармане и вытащил пухлый кошель. — Огонь или железо.

— И имя Господа, — припомнил Грейм. — Демоны боятся трех вещей: холодного железа, чистого пламени и священного имени Господа.

— Разумеется, — быстро согласился трактирщик и как-то по-особенному сжал губы. Из кошеля он высыпал на стол кучку монет: тяжелых серебряных талантов и тонких серебряных битов, медных йот, ломаных полпенни и железных драбов. — У кого-нибудь есть шим?

— Да ты прямо драбом, — посоветовал Джейк. — Там хорошее железо.

— Тут чистое железо нужно, — возразил трактирщик. — В драбе слишком много угля, это почти сталь.

— Он прав, — поддержал Коута ученик кузнеца. — Только не угля. У вас тут сталь делают на коксе. Кокс и известняк.

Трактирщик уважительно кивнул:

— Ну, тебе лучше знать, молодой мастер. Это ведь твое ремесло. — Его длинные пальцы откопали наконец в кучке монет шим. — Вот что надо.

— А что он сделает? — спросил Джейк.

— Железо убивает демонов, — неуверенно протянул Коб. — Но этот ужедохлый... С ним железо ничего не сделает.

— Сейчас и проверим. — Трактирщик быстро и испытующе обвел взглядом лица посетителей, успев посмотреть в глаза каждому, а затем решительно повернулся к столу. Все чуть-чуть отодвинулись.

Коут прижал железный шим к черной спине существа, и раздался короткий громкий треск, какой издает порой в жарком камине сосновое полено. Все вздрогнули, но, увидев, что черная тварь осталась неподвижной, переглянулись и неуверенно заулыбались, словно мальчишки, перепуганные байкой о привидении. Но улыбки тут же исчезли: комната наполнилась едким сладковатым запахом гниющих цветов и паленого волоса.

Шим резко звякнул о поверхность стола.

— Ну, полагаю, все понятно, — сказал трактирщик, вытирая руки о фартук. — Что теперь будем делать?

Несколько часов спустя трактирщик стоял в дверях «Путеводного камня» и смотрел в темноту, давая отдых усталым глазам. Квадраты света

из трактирных окон желтели на дороге и дверях кузницы напротив. Не очень-то оживленная дорога, да и не такая уж большая. Порою кажется, она вообще никуда не ведет, не то что другие, приличные дороги. Трактирщик набрал полную грудь осеннего воздуха и беспокойно огляделся, словно ожидая чего-то.

Рыжий трактирщик называл себя Коутом: он тщательно подобрал имя, перед тем как поселиться здесь. Новое имя понадобилось ему по многим вполне понятным причинам, а также по нескольким весьма странным — одной из которых было то, что имена для этого человека значили очень много.

Трактирщик поднял взгляд к звездам, мерцающим на черном бархате безлунной ночи. Он знал их все до единой: все их истории и имена. Знал давно и привычно, как собственные руки.

Коут посмотрел под ноги, вздохнул, сам того не заметив, и вошел в дом. Он запер дверь и закрыл широкие окна ставнями, словно отделяя и отдаляя себя от звезд и их бесчисленных имен.

Потом он методично подмел пол, не пропустив ни одного угла, вымыл столы и стойку, терпеливо и тщательно. После часовой работы вода в его ведре оставалась почти чистой — и благородная дама не побрезговала бы умыться.

Наконец Коут втащил за стойку табурет, влез на него и начал протирать бесчисленные бутылки и бутылочки, уютно гнездившиеся между двумя огромными бочками. Эта работа шла куда медленнее, и скоро стало понятно, что вытирание пыли — только повод подержать бутылки в руках и погладить. Трактирщик даже замурлыкал какую-то песенку — сам того не замечая, иначе тут же перестал бы.

Привычные движения — поворот бутылки в ловких длинных пальцах — словно стерли несколько усталых складок с лица трактирщика, омолодили его. Теперь этому человеку никто не дал бы и тридцати. Да какое тридцать! Он вообще стал выглядеть слишком молодо для трактирщика — и слишком молодо для обладателя таких глубоких печальных морщин.

Коут поднялся по лестнице и открыл дверь. Его комната была обставлена просто и по-монашески строго: черный каменный камин в центре, пара кресел и небольшой стол. У стены узкая кровать, в ее изножье большой сундук темного дерева. И всё — ни украшений на стенах, ни коврика на полу.

В коридоре слышались шаги, и в комнату вошел юноша с миской тушеного мяса, от которого исходил пар и запах острого перца. Юноша был

само очарование: темноволосый, с бойкой улыбкой и хитрыми глазами.

— Давненько ты не засиживался допоздна, — сказал он, ставя миску на стол. — Сегодня были хорошие истории, Реши?

Трактирщик чуть улыбнулся этому имени — почти прозвищу, еще одному из многих его имен — и уселся в низкое кресло перед огнем:

— Что ты узнал сегодня, Баст?

— Сегодня, учитель, я узнал, почему у великих любовников зрение лучше, чем у великих ученых.

— И почему же, Баст? — спросил Коут с едва заметной смешинкой в голосе.

Баст закрыл дверь и, развернув второе кресло к огню, сел напротив учителя. Двигался юноша с удивительным изяществом и грацией, будто пританцовывая.

— Понимаешь, Реши, все мудрые книги лежат в темных комнатах. А прелестные девы гуляют под ярким солнцем, и поэтому их изучение гораздо меньше вредит глазам.

Коут кивнул:

— Поэтому умнейшие из студентов выносят книги на улицу, где могут совершенствоваться, не боясь за свое драгоценное зрение.

— Конечно, Реши, я тоже так подумал. Я же один из умнейших.

— Разумеется.

— Но когда я нашел уютное местечко на солнышке и собрался углубиться в чтение, появилась прекрасная дева и помешала моим занятиям.

Коут вздохнул:

— Я прав, предполагая, что за сегодня ты не прочитал ни строчки из «Целум Тинтур»?

Басту удалось изобразить на лице что-то вроде смущения.

Глядя в огонь, Коут попытался сохранить суровую гримасу учителя, но мало преуспел в этом и расхохотался:

— Ох, Баст, надеюсь, она была прелестна, как теплый ветерок под сенью деревьев. Я плохой учитель, раз так говорю, но я рад. Сейчас я не готов к длинному уроку. — Оба помолчали. — На Картера сегодня вечером напал скрелинг.

Улыбка сползла с лица Баста, словно треснувшая маска.

— Скрель? — Бледный от потрясения, он приподнялся в кресле, будто собрался бежать, потом, смутившись, заставил себя опуститься обратно. — Откуда ты знаешь? Кто нашел тело?

— Он все еще жив, Баст. И принес труп — скрелинг был один.

— Скрелинг не бывает один, сам знаешь, — мрачно возразил Баст.

— Знаю, — сказал Коут. — Но факт остается фактом — там был только один.

— И Картер убил его? Может, это был не скрелинг? А...

Коут осадил ученика тяжелым взглядом:

— Баст, это был один из скреля. Я сам его видел. Картеру просто повезло. Но он сильно пострадал: сорок восемь швов, я почти все нитки на него извел. — Коут взял со стола миску. — Если кто-нибудь спросит, говори, что мой дедушка служил охранником в караване и научил меня промывать и зашивать раны. Сегодня они были слишком потрясены, чтобы задавать вопросы, но завтра могут и поинтересоваться. А мне это ни к чему. — Он подул на миску так, что пар окутал его лицо.

— Что ты сделал с трупом?

— Я, — подчеркнул Коут, — с ним ничего не делал. Я просто трактирщик и понятия не имею, что следует делать с такими вещами.

— Реши, но ты же не мог позволить, чтобы они разбирались с этим сами!

Коут вздохнул:

— Они отнесли труп к священнику. Сделал он все правильно — хотя совершенно не представлял, с чем имеет дело.

Баст открыл рот, но Коут не дал ему вставить ни слова:

— Да, я удостоверился, что яма достаточно глубокая. Да, я проверил, чтобы в костре было рябиновое полено. Да, труп горел долго и жарко и сгорел дотла, прежде чем его закопали. И да, я проследил: никто не отломил себе кусочек и не отсыпал пепла на память. — Брови трактирщика сурово сошлись к переносице. — Я не идиот, знаешь ли.

Баст явно успокоился и откинулся в кресле:

— Знаю, знаю, Реши. Просто без подсказки половина из этих фермеров не догадается даже помочиться по ветру. — Он помолчал секунду и сказал: — Все равно я не могу представить, почему скрелинг был только один.

— Может быть, все остальные погибли при переходе через горы, — предположил Коут. — Все, кроме этого.

— Возможно, — неохотно признал Баст.

— А может, дело в той буре, что случилась пару дней назад. Настоящий фугоновал, как мы когда-то говорили в труппе. Ужасный ветер и дождь — может быть, один отбился от скреля...

— Первый вариант нравится мне больше, Реши, — встревожился Баст. — Тройной-четверной скрель пройдет через этот городок, как... как...

— Горячий нож сквозь масло?

— Как много горячих ножей сквозь пару десятков фермеров, — сухо ответил Баст. — Эти люди совсем не умеют защищаться. Могу поспорить, что во всем городишке не найдется и шести мечей. Да и что мечи против скреля?

Наступило задумчивое молчание, потом Баст снова заерзал:

— Другие новости есть?

Коут покачал головой:

— До новостей они сегодня не добрались. Они еще только истории рассказывали, когда ввалился Картер и все перевернулось вверх дном. Но, думаю, из-за такого события они завтра придут снова — мне будет чем заняться.

Коут рассеянно помешал ложкой в миске.

— Пожалуй, надо было купить скреля у Картера, — сказал он задумчиво. — А он бы на эти деньги купил новую лошадь. Люди приходили бы отовсюду взглянуть на чудище — и дела пошли бы в гору...

Баст, словно онемев, перепуганно воззрился на учителя.

Коут успокаивающе махнул ложкой и криво улыбнулся:

— Да шучу я, Баст. Хотя могло и хорошо получиться.

— Нет, Реши, хорошо получиться не могло! — горячо возразил Баст и передразнил: — «Люди приходили бы отовсюду взглянуть на чудище...» Ну ты скажешь!

— Но дела пошли бы в гору, — мечтательно повторил Коут. — И побольше бы дел. — Он снова потыкал ложкой в мясо. — Хоть каких.

Он умолк и уставился в миску отсутствующим взглядом. Потом мрачно сказал:

— Я ужасный учитель, Баст. Ты, должно быть, помираешь здесь с тоски.

Баст пожал плечами.

— Ну, в городе есть пара-тройка скучающих молодых, да и девицы имеются, — заметил он с мальчишеской ухмылкой. — У меня свои развлечения.

— Вот и славно, Баст.

Снова воцарилось молчание. Коут занялся едой: зачерпнул мяса, положил в рот, прожевал, проглотил.

— Знаешь, они решили, что это был демон.

Баст опять пожал плечами:

— Мог ведь быть и демон, Реши. Пусть лучше так думают.

— Да. В общем, я-то их убедил. Но ты понимаешь, что это значит?

Кузнец хорошо заработает в ближайшую пару дней.

Их взгляды встретились. Баст старательно изобразил на лице полное равнодушие:

— Вот как?

Коут кивнул:

— Я не буду винить тебя, Баст, если ты захочешь уйти. В конце концов, ты сможешь найти место и получше.

Баста словно громом поразило:

— Но я не могу уйти, Реши! — Он беззвучно открывал и закрывал рот, словно потерял дар речи. — Кто же станет меня учить?

— И в самом деле, кто? — Усмешка на мгновение высветила его истинный возраст.

Под глубокими морщинами и безмятежной маской туповатого трактирщика прятался совсем молодой человек — ничуть не старше своего темноволосого товарища. Он указал ложкой на дверь:

— Тогда иди читай. Или не давай спать какой-нибудь фермерской дочке. Наверняка у тебя найдутся занятия поинтереснее, чем смотреть, как я ужинаю.

— На самом деле...

— Изыди, демон! — провозгласил Коут с набитым ртом и повторил то же самое на темийском, пестрящем непредсказуемыми ударениями: — Техус антауза еха!

Баст прыснул от неожиданности и продемонстрировал непристойный жест.

Коут прожевал и попробовал другой язык:

— Арой те денна-лейан!

— Да прекрати, уже не смешно! — взмолился Баст.

— Заклинаю землей и камнем, изыди! — Коут опустил пальцы в свою чашку и небрежно побрызгал на Баста. — Чары, рассейтесь!

— Сидром закликаешь? — обиженно хихикнул Баст, смахивая с рубашки каплю. — Не осталось бы пятен...

Коут положил в рот очередную ложку мяса:

— Иди прямой. Если ничто не поможет, то рекомендую все же приучиться к тайнам бесчисленных формул растворителей, которые хранит «Целум Тинтур». Главе где-то в тринадцатой.

— Ладно. — Баст встал и все с той же странной грацией прошествовал к выходу. — Позови, если понадобится. — Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Трактирщик ел медленно, подбирая соус куском хлеба и то и дело

поглядывая в окно, хотя свет лампы в комнате и темнота снаружи превращали стекло в зеркало.

Потом его взгляд возвращался к обстановке комнаты, перебегая с одного предмета на другой: камин в центре, сложенный из того же черного камня, что и очаг внизу, — маленькая инженерная находка, которой трактирщик весьма гордился. Кровать: узкая, почти походная койка, да и матрас на ней — одно название. Но наметанный глаз мог заметить еще кое-что, от чего взгляд отвлекался как бы сам собой. Так избегают встретиться глазами с прежней пассией на званом обеде или с давним врагом в битком набитой вечерней пивной.

Коут попытался поуютнее устроиться в кресле, поерзал, вздохнув, повернулся, и взгляд его нечаянно упал на сундук в изножье кровати.

Сундук был сделан из роу — редкого тяжелого дерева, угольно-черного и гладкого, словно стекло. Это дерево высоко ценили парфюмеры и алхимики — кусочек размером с ноготь большого пальца продавался на вес золота. Целый сундук из роу превосходил всякие представления о сумасбродстве и расточительности.

Сундук запирался на три замка: железный, медный и невидимый. В ночи дерево издавало едва уловимый цитрусовый запах с оттенком раскаленного железа.

Коут не сразу отвел взгляд, он не стал притворяться, будто сундука здесь нет и никогда не было. В один краткий миг на лице трактирщика проступили все морщины, стертые простыми вечерними радостями. Уютное спокойствие бутылей и книг мгновенно исчезло, оставив в глазах только боль и пустоту. Лицо на миг исказила гримаса острой тоски, смешанной с сожалением.

Но все тут же исчезло под маской усталого трактирщика, называющего себя Коутом. Человек снова незаметно для себя вздохнул и поднялся с кресла.

Он не сразу собрался с духом, чтобы пройти мимо сундука к кровати. И не сразу смог заснуть.

Как и предполагал Коут, компания следующим вечером вернулась в «Путеводный камень», чтобы поужинать и выпить. Вялые попытки рассказать историю быстро заглохли: ни у кого не было настроения.

Так что еще засветло разговор свернул на более важные вещи — слухи, доходившие до городка, по большей части малоутешительные. Кающийся король никак не мог расправиться с мятежниками в Резавеке. Это немного беспокоило, но лишь немного. Резавек был далеко, и даже

Коб, повидавший больше всех остальных, затруднился бы отыскать его на карте.

Войну здесь обсуждали на своем языке, понятном и близком каждому. Коб предсказывал третий налог после уборки урожая. Никто с ним не спорил, хотя на памяти людской не было случая, чтобы обдирали три раза за один год.

Джейк полагал, что урожай будет достаточно хорош, чтобы третий налог не заставил голодать большинство семей. Кроме разве что Бентли, у которых и так трудные времена. И Оррисонов: у них продолжают исчезать овцы. И Чокнутого Мартина, конечно, — он в этом году все засеял ячменем, когда фермеры с мозгами посадили бобы. В войне есть и хорошие стороны — солдатам надо есть, едят они бобы, так что цены будут высоки.

Выпив еще по паре кружек, компания обратилась к более близким и насущным проблемам. На дорогах полно дезертиров и других подозрительных типов; даже короткие поездки небезопасны. Сами дороги в ужасном состоянии, но тут уж ничего не поделаешь: зима всегда холодна, а дороги — плохи. Жаловаться, конечно, можно, но лучше помалкивать да жить себе потихоньку.

Но теперь все изменилось. За последние два месяца дороги так испортились, что люди перестали даже ворчать. Последний караван состоял из двух фургонов и четырех охранников. Торговец просил десять пенни за двести граммов соли и пятнадцать — за голову сахара. У него не было ни перца, ни корицы, ни шоколада, только один маленький мешочек кофе, за который он хотел два серебряных таланта. Поначалу все смеялись над такими ценами, но, когда торговец стал настаивать, обругали его и выставили вон.

Это было два оборота назад: двадцать два дня. С тех пор не проехало ни одного дельного торговца, хотя сезон был в разгаре. Так что, несмотря на третий налог, маячивший вечной угрозой, люди стали заглядывать в кошельки и жалеть, что не купили чего-нибудь про запас — просто на случай, если снег выпадет рано.

Никто из компании и словом не обмолвился о вчерашней ночи и о твари, которую они сожгли и закопали. Город, ясное дело, полнился слухами и сплетнями; звучало и слово «демон», но его произносили с едва скрываемой улыбкой. Раны Картера, конечно, подтверждали, что истории и легенды хотя бы наполовину правдивы — но ведь не больше чем наполовину...

Тварь видели только шестеро друзей, они же ее и сожгли. При этом один из компании был ранен, а остальные пьяны. Священник, говорят, тоже

видел дохлую тварь, но ему не привыкать. Работа у него такая: видеть демонов.

Трактирщик тоже видел чудище, но он-то нездешний. И не может знать того, что знает каждый ребенок в городке: рассказывать истории у камелька можно сколько угодно, только происходят они всегда где-нибудь «в далекой-предалекой стране». А здесь, в городке, не место для демонов.

Кроме того, дела и так шли из рук вон плохо. Коб и остальные понимали — обсуждать эту историю больше не стоит. Иначе они выставят себя на посмешище, как Чокнутый Мартин, который однажды пытался вырыть колодец прямо посреди дома.

И все же каждый из шестерых купил у кузнеца что-нибудь из железа холоднойковки, годное для хорошего удара, но своими мыслями и опасениями делиться они друг с другом не стали. Этим вечером они, как обычно, жаловались на дороги: те и были-то ужасны, а становятся еще хуже; говорили о торговцах и дезертирах, о сборщиках налогов и о том, что на зиму не хватит соли. Вспоминали, как десять лет назад никому и в голову бы не пришло запирать двери, не говоря о том, чтобы задвигать их на ночь чем-нибудь тяжелым.

Потом беседа пошла на убыль, и, хотя никто из них так и не отважился заговорить о своих тревогах, вечер снова закончился на унылой ноте. А как иначе — такие уж времена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЕК

Стоял великолепный осенний день, каких много в сказках и крайне мало в реальном мире. Погода была сухая и теплая — очень подходящая для созревания пшеницы и ржи. Деревья по обеим сторонам дороги уже меняли цвет. Высокие тополя обрели желтизну доброго масла, а заросли сумаха, выползающие на дорогу, горели ослепительно красным. Только старые дубы с неохотой отпускали лето: в их листве зелень и золото мешались поровну.

Лучшего денька и представить нельзя для того, чтобы полдюжину дезертиров с охотничьими луками освободили вас от тягот собственности.

— Да разве это лошадь, сэр? — взмолился Хронист. — Как только ее запрягут в телегу и пойдет дождь, она...

Предводитель шайки оборвал его резким жестом:

— Слушай, приятель, королевская армия платит хорошие деньги за любую четвероногую животину, да будь она и одноглазая. Если б ты часом сбрендил и стал кататься по дороге на игрушечной лошадке, я б и ее забрал.

Этот человек явно умел командовать. Похоже, недавно ходил в младших офицерах, подумал Хронист.

— Так что слезай, — спокойно посоветовал главарь, — да иди своей дорогой.

Хронист слез с лошади. Его грабили неоднократно, и он понимал, когда можно что-нибудь выиграть болтовней, а когда не стоит и пытаться. Эти ребята дело свое знали, на пустую браваду и угрозы времени не тратили. Один из грабителей осмотрел лошадь, проверил копыта, зубы, сбрую. Двое с солдатской сноровкой обшарили седельные сумки и выбросили все нехитрые пожитки наземь. Два одеяла, плащ с капюшоном, плоский кожаный пенал и тяжелый, плотно набитый саквояж.

— Это все, командир, — сказал один, — да еще килограмм восемь овса.

Главварь присел, открыл кожаный пенал и заглянул внутрь.

— Здесь только бумага и перья, — сказал Хронист.

Главварь обернулся через плечо:

— Так ты писец?

Хронист кивнул:

— Этим я зарабатываю на жизнь, сэр. Но вам оно без пользы.

Главарь осмотрел пенал, понял, что там действительно больше ничего нет, и отложил его. Потом вытряхнул содержимое саквояжа на расстеленный плащ Хрониста и стал неторопливо рыться в вещах.

Он забрал почти всю соль и пару шнурков. Затем, к печали писца, вытащил рубашку, которую Хронист купил в Линвуде. Сшитая из тонкого льна и выкрашенная в ярко-синий цвет — так называемый «королевский синий», — она была слишком хороша для путешествия. Хронист вздохнул: он даже не успел ни разу ее надеть.

Главарь оставил все прочее лежать на плаще и встал. Остальные грабители по очереди копались в вещах.

— У тебя ведь только одно одеяло, Джениз? — спросил главарь. Тот кивнул. — Тогда забери одно у него — зимой пригодится.

— Его плащ лучше моего, сэр.

— Возьми, но оставь свой. Ты тоже, Виткинс, если заберешь его трутницу, оставь ему свою старую.

— Я свою потерял, сэр, — сказал Виткинс. — А то бы оставил.

Грабеж проходил на удивление цивилизованно. Хронист лишился всех иголок, кроме одной, двух запасных пар носков, мешочка сушеных фруктов, двух голов сахара, ополовиненной бутылки спирта и пары игральные кубиков из слоновой кости. Ему оставили всю прочую одежду, сушеное мясо и недоеденную буханку поразительно черствого ржаного хлеба. Плоский кожаный пенал не тронули вовсе.

Когда грабители запихнули оставшееся добро обратно в саквояж, их предводитель повернулся к Хронисту:

— Ну, теперь давай кошелек.

Хронист отдал кошелек.

— И кольцо.

— Сомневаюсь, что в нем есть серебро, — буркнул Хронист, с трудом стягивая кольцо с пальца.

— А это что у тебя на шее?

Хронист расстегнул рубашку и показал простое кольцо из серого металла, висящее на кожаном шнурке.

— Просто железо, сэр.

Главарь подошел ближе, потер кольцо двумя пальцами и отпустил обратно.

— Оставь себе. Я не из тех, кто встает между человеком и его религией. — Он вытряхнул содержимое кошелька в ладонь, перебрал

монеты пальцем, хмыкнул довольно и удивленно заметил: — А за писанину платят лучше, чем я думал, — и стал делить деньги между своими людьми.

— Не стоит, наверно, надеяться, что вы оставите мне один-два пенни? — спросил Хронист. — Чтобы хоть пару раз поесть горячего.

Шестеро молодцов обернулись к нему, словно не веря своим ушам. Предводитель расхохотался.

— Тело Господне! Да у тебя, парень, орехи в штанах не мелкие! — В его голосе звучало ворчливое уважение.

— Вы кажетесь разумным человеком, — пожал плечами Хронист. — А всем нужно что-то есть.

В первый раз за все время главарь шайки улыбнулся:

— С этой мыслью я полностью согласен. — Он взял два пенни, показал всем и положил обратно в кошелек Хрониста. — Вот тебе: по пенни на орех.

Вручив Хронисту кошелек, он затолкал прекрасную, королевского синего цвета рубашку в седельную сумку.

— Спасибо, сэр, — сказал Хронист. — Возможно, вам полезно будет узнать, что в бутылке, которую взял у меня один из ваших людей, древесный спирт — я им протираю перья. Плохо будет, если он его выпьет.

Предводитель снова улыбнулся и кивнул.

— Видите, что с людьми хорошее обращение делает? — спросил он своих соратников и взобрался на лошадь. — Истинное удовольствие было с вами пообщаться, господин писец. Если вы продолжите путь сейчас, то к темноте как раз доберетесь до Аббатсфорда.

Когда стук копыт затих вдаль, Хронист перепакował свой саквояж, убедившись, что все сложено как следует. Потом он стащил один башмак, оторвал подкладку и вытащил из носка плотно замотанную связку монет. Он переложил несколько монет в кошелек, затем развязал штаны, из-под нескольких слоев одежды вытащил еще одну связку монет, часть которых переложил туда же.

Главное на дороге — держать в кошельке правильное количество денег. Положишь слишком мало — грабители разочаруются и станут искать еще; слишком много — придут в восторг и в них разгорится жадность.

Была и третья связка монет — запеченная в ту самую черствую буханку хлеба, которой мог заинтересоваться только совсем уж отчаявшийся грабитель. Эту связку Хронист оставил нетронутой, как и целый серебряный талант, спрятанный в чернильнице. Многие годы он считал эту монету счастливой — ее никто ни разу не нашел.

Хронист не мог не признать, что это было самое цивилизованное ограбление, какому он когда-либо подвергался. Досадно, конечно, потерять лошадь и седло, но можно купить другие в Аббатсфорде, и еще останется довольно, чтобы со всеми удобствами закончить это дурацкое путешествие и встретиться со Скарпи в Трейе.

Повинуясь настоящему зову природы, Хронист сошел с дороги и продрался сквозь заросли кроваво-красного сумаха. Когда он застегивал штаны, в подлеске что-то зашевелилось и из кустов вырвалась черная тень.

Хронист отпрянул, вскрикнув от ужаса, и тут же понял, что это всего-навсего ворона. Посмеиваясь над собственной глупостью, он оправил одежду и пошел через кусты обратно к дороге, счищая невидимые нити паутины, прилипшие к лицу.

Закинув за спину саквояж и пенал, Хронист вдруг почувствовал, что у него будто камень с души свалился. Самое худшее уже случилось и оказалось не особенно-то и страшным. В ветвях шелестел легкий ветерок, срывая тополиные листья и бросая их, словно золотые монеты, на разрытую колеями дорогу. Одним словом: чудесный денек!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕРЕВО И СЛОВО

Коут лениво листал книгу, пытаясь отгородиться от тишины пустого трактира, когда вдруг отворилась дверь и вошел, пятась задом, Грейм.

— Только что закончил, — пробубнил он, лавируя с преувеличенной осторожностью между столами. — Думал прошлым вечером принести, да потом решил: «Положу-ка еще слой масла, разотру и просушу». И не скажу, что пожалел. Лорды-леди, вот уж не худшее, что из этих рук выходило!

Между бровями трактирщика пролегла было недоуменная складка, но при виде большого плоского свертка в руках Грейма его озарило:

— А-а! Крепежная доска! Прости, Грейм, это так давно было. Я уж и забыл. — Коут вымученно улыбнулся.

Грейм посмотрел на него с некоторым удивлением:

— Четыре месяца — не слишком долго для дерева из самого Ариена. Да еще при таких дурных дорогах, как щас.

— Четыре месяца... — эхом повторил Коут, но, заметив, что Грейм внимательно за ним наблюдает, поспешно добавил: — Это ж целая жизнь, когда ждешь чего-то. — Он попытался выдавить радостную улыбку, но вышло бледно.

Да и сам Коут выглядел плоховато: не то чтобы нездоровым, но каким-то изможденным — как растение, пересаженное в неподходящую почву и увядающее от нехватки жизненных соков.

Грейм заметил перемену: жесты трактирщика стали скупее и суше, голос утратил глубину. Даже глаза блестели не так ярко, как месяц назад, и словно выцвели. В них стало меньше морской пены и травяной зелени, чем раньше, теперь они напоминали цветом речноросль или бутылку зеленого стекла. А волосы трактирщика, пламеневшие прежде, теперь казались рыжими. Просто рыжими.

Коут развернул ткань и заглянул под нее. Дерево было угольно-черное, с еще более темными прожилками — и тяжелое, как железный лист. Над врезанным в доску словом торчали три темных колышка.

— «Глупость», — прочел Грейм. — Странное имя для меча.

Коут кивнул, изображая полнейшее равнодушие, и спросил:

— Сколько я тебе должен?

Грейм подумал секунду:

— За вычетом того, что ты мне уже дал, и чтобы покрыть стоимость дерева... — В его глазах блеснул хитрый огонек. — Где-то один и три.

Коут отдал ему два таланта:

— Возьми все. С этим деревом трудно работать.

— Это уж точно, — удовлетворенно заметил Грейм. — Под пилой — как каменное. Резец пробую — как железо. А под конец еще и прожечь никак не мог.

— Я заметил, — сказал Коут с искрой интереса и провел пальцем по более темной ложбинке, образованной в дереве буквами. — И как тебе это удалось?

— Ну, — самодовольно отозвался Грейм, — я полдня зря убил, да и притащил его в кузницу. Мы с мальчиком прожгли его каленым железом. Больше двух часов мучились, чтобы почернело. И ни дымка не пустило, зато старой кожей и клевером жуть как смердело. Вот проклятущая штукавина! Что ж это за дерево такое, что не горит?

Грейм подождал минутку, но трактирщик не подавал виду, что слышал вопрос.

— Куда его повесить-то?

Коут приподнялся, чтобы оглядеть зал:

— Оставь пока здесь. Я еще не решил, куда его пристроить.

Грейм отсыпал горсть железных гвоздей и пожелал трактирщику доброго дня. Коут остался за стойкой, рассеянно поглаживая дерево и выбитое слово. Вскоре из кухни вышел Баст и заглянул учителю через плечо.

Оба молчали — долго, словно отдавая дань мертвому.

Наконец Баст заговорил:

— Реши, могу я задать вопрос?

Коут мягко улыбнулся:

— Всегда, Баст.

— Неприятный вопрос?

— Только такие вопросы и имеют смысл.

Они помолчали еще с минуту, разглядывая предмет на стойке, словно стараясь запомнить его в мельчайших подробностях. «Глупость».

Баст открыл было рот, но, не найдя слов, расстроенно закрыл, затем повторил эту пантомиму.

— Покончим с этим, — наконец сказал Коут.

— О чем ты думал? — спросил Баст со странной смесью участия и смущения.

Коут долго молчал, прежде чем ответить.

— Что-то я стал слишком много думать, Баст. Мои величайшие успехи происходили из решений, которые я принимал, когда не раздумывал, а просто делал, что мне подсказывало сердце. Даже если не мог дать разумного объяснения... — Он мечтательно улыбнулся. — И даже если у меня были веские причины не делать того, что я делал.

Баст потер щеку:

— Таким путем ты пытаешься избежать собственных сомнений?

Коут поколебался.

— Можно сказать и так, — признал он.

— Так мог бы сказать я, — бесцеремонно заявил Баст. — А вот ты стал бы все усложнять — неизвестно зачем.

Коут пожал плечами и снова вернулся к созерцанию доски:

— Что ж, делать нечего, придется найти ей место.

— Но не здесь же? — испугался Баст.

Ядовитая усмешка несколько оживила лицо Коута.

— Конечно же здесь, — ответил он, словно радуясь ужасу Баста, затем сжал губы и обвел стены оценивающим взглядом: — Кстати, где ты его припрятал?

— У себя в комнате, — признался Баст. — Под кроватью.

Коут рассеянно покивал, продолжая разглядывать стены:

— Так иди достаешь. — Он махнул рукой, будто отгоняя муху, и Баст поспешил вон, совершенно расстроенный.

Когда Баст вернулся в зал, помахивая черными ножнами с мечом, на стойке уже красовался ряд сверкающих бутылок, а Коут стоял на освободившейся полке и пристраивал крепежную доску над одной из тяжелых дубовых бочек. При виде ученика он перестал бить по гвоздю и негодуя воскликнул:

— Повежливее, Баст! У тебя в руках настоящая леди, а не простушка с деревенских танцулек.

Баст замер на полпути к стойке и послушно взял меч обеими руками.

Коут загнал в стену пару гвоздей, накрутил проволоку и надежно закрепил доску на стене.

— Подай, если не сложно, — попросил он с непонятной запинкой.

Обеими руками Баст протянул ему меч, на мгновение став похожим на оруженосца, который подает оружие доблестному рыцарю в сверкающих доспехах. Но здесь никакого рыцаря не было — только обычный человек в фартуке, именующий себя трактирщиком Коутом. Приняв у Баста меч, он выпрямился на полке за стойкой.

Без всякой торжественности трактирщик вытащил меч из ножен. В осеннем свете, заливающим трактир, клинок тускло отливал серовато-белым. Он выглядел совершенно новым: ни единой царапины на сером металле, — но на самом деле был очень стар. И хотя всякий узнал бы в нем настоящий меч, его форму никто — по крайней мере, в этом городке — не назвал бы привычной. Он выглядел так, словно алхимик подверг перегонке десяток мечей, а когда тигель остыл, на дне остался этот: меч в чистом виде. Узкий и изящный, он был смертоносен, как острый камень под быстрой водой.

Коут подержал меч пару секунд. Рука его не дрогнула.

Затем разместил меч на доске. Серовато-белый металл засиял на фоне темного роу, а рукоять почти слилась с деревом. Слово под мечом, черное на черном, словно осуждало: «Глупость».

Коут слез с полки, встал рядом с Бастом и посмотрел на дело своих рук. Первым нарушил молчание Баст.

— Действительно потрясающе, — признал он печальную правду. — Но ведь... — Он умолк и пожал плечами, тщетно пытаясь подобрать слова.

Коут, непривычно веселый, похлопал его по спине:

— На мой счет не беспокойся. — Он заметно оживился, словно повешенный меч придал ему сил. — Мне нравится, — заявил он с внезапной убежденностью и прицепил черные ножны к одному из колышков крепежной доски.

Потом пришло время других дел: надо было протереть и расставить по местам бутылки, приготовить обед, убрать после готовки. На какое-то время оба погрузились в несложные и приятные хлопоты, болтая за работой о всяких пустяках. И лишь когда почти все было приготовлено, стало заметно, как неохотно расстаются они с каждым делом — словно боясь, что работа закончится и трактир снова заполнит тишина.

Но тут случилось нечто неожиданное. Дверь распахнулась, и в «Путеводный камень» хлынула теплая бурлящая волна шума, а за ней потянулись и люди. Болтая, они выбирали столы, бросали рядом свои пожитки и вешали плащи на спинки стульев. Мужчина в рубахе из тяжелых металлических колец отстегнул меч и поставил его у стены. У двоих-троих гостей на поясах висели ножи. Некоторые сразу потребовали выпивки.

Пару секунд Коут и Баст смотрели на все это словно замороженные, а затем слаженно и гладко включились в происходящее. Коут заулыбался и стал разливать напитки. Баст бросился на улицу: посмотреть, есть ли лошади, нуждающиеся в стойлах.

Через десять минут трактир полностью переменялся. На стойке

звенели монеты, на деревянных блюдах громоздились фрукты и куски сыра, а в кухне над огнем пыхтел большой медный чайник. Гости сдвинули столы и стулья, чтобы усесться одной группой — всего их оказалось около десятка.

Коут угадал, кто здесь кто, едва они вошли. Двое мужчин и две женщины — фургонщики-перевозчики, закаленные долгими годами походной жизни; они радуются, что проведут сегодняшнюю ночь не на ветру. Трое охранников с жесткими цепкими взглядами, от них пахнет железом. Лудильщик с печкой-пузанкой и вечной улыбкой, обнажающей остатки зубов. Два юнца, один рыжеватый, другой темноволосый, оба хорошо одеты и правильно говорят: путешественники, достаточно благоразумные, чтобы объединиться с большей группой ради безопасности на дороге.

Размещение гостей заняло час или два. Сначала поторговались о ценах на комнаты, потом начались дружеские споры, кому с кем спать. Из фургонов и седельных сумок принесли необходимую мелочь. Кто-то потребовал ванну, и вода уже грелась. Лошадям дали сена, и Коут доверху заполнил маслом все лампы.

Лудильщик поспешил на улицу, чтобы провести оставшееся до темноты время с пользой для дела. Со своей двухколесной тележкой, запряженной мулом, он шел по улицам городка, а вокруг него роилась ребятня, выпрашивая сладости, сказки и шимы.

Когда дети поняли, что им ничего не перепадет, их интерес к лудильщику угас. Они окружили кольцом одного из мальчиков и стали хлопать в такт детской песенке, которая уже была стара как мир, когда ее распевали их дедушки и бабушки:

Синим стал огонь в печи —
Что нам делать, научи!
Наутек — со всех ног!

Мальчик в кругу, смеясь, пытался выбраться из кольца, а другие дети отталкивали его.

— Лужу-паяю, — звенел колокольчиком старческий голос. — Кастрюли починаю. Ножи-ножницы точу. Воду прутиком ищу. Вырежу пробку. Есть матушкин листок. Шали из шелку — не уличный платок. Бумага, чтоб писать. Конфеты, чтоб сосать.

Это снова привлекло внимание детей, и они стайкой сбегались к

лудильщику. Сопровождаемый этим небольшим парадом, старик шел по улицам, напевая:

— На хороший пояс кожа. Злой черный перец. Кружева работы тонкой, яркие перья. Днем пришел лудильщик в город, утром уж уйдет. Дотемна с работой спорит, песенки поет. Подходи, жена, и дочка тоже подходи, ткани есть, а может, хочешь розовой воды?

Через пару минут он расположился во дворе «Путеводного камня», установил точильное колесо и начал точить нож.

Вокруг старика стали собираться взрослые, а дети вернулись к своей игре. Девочка в центре круга, прикрыв глаза рукой, пыталась поймать других детей, а они убегали, хлопая в ладоши и распевая:

Словно ворон, черен глаз.
Где спасение для нас?
Дальше, ближе — всех увижу.

Лудильщик обслуживал всех в очередь, а иногда одновременно двоих или троих. За острый нож он брал тупой да мелкую монетку. Продавал ножницы и иголки, медные кастрюли и маленькие бутылочки, которые жены прятали, едва купив. Он торговал пуговицами и мешочками с корицей и солью, лаймами из Тинуэ, шоколадом из Тарбеана, полированным рогом из Аэруэха...

А дети тем временем продолжали петь:

Может человек безлицый,
Словно тень, везде явиться.
Вот бы вывести их планы...
Чандрианы, чандрианы.

Путешественники, как прикинул Коут, провели вместе около месяца: достаточно, чтобы притереться друг к другу, но маловато, чтобы начать ссориться из-за пустяков. Запах дорожной пыли и лошадей, исходивший от них, щекотал трактирщику ноздри, словно дорогие духи.

Лучше всего был шум: поскрипывала кожа, хохотали мужчины, трещал и плевался огонь в очаге, кокетничали женщины, кто-то опрокинул стул. Впервые за очень долгое время трактир «Путеводный камень» покинула тишина — впрочем, возможно, она просто хорошо спряталась

или истончилась до полной незаметности.

Коут все время оказывался в самой гуще, ни на секунду не прекращая движения, управляя происходящим, словно огромной сложной машиной. Он подбегал с напитком, как только выкрикивали заказ, он говорил и слушал ровно столько, сколько требовалось, он смеялся над шутками, пожимал руки, улыбался и сметал монеты со стойки, будто и в самом деле нуждался в деньгах.

Затем пришло время песен. Когда все любимые песни были спеты, людям захотелось еще, и Коут за стойкой заводил все новые и новые, отбивая такт ладонями. В волосах его плясали отблески пламени, и столько куплетов в «Лудильщике да дубильщике», сколько спел он, никто до сих пор не слыхивал — но никто не обратил на это ни малейшего внимания.

Пару часов спустя в общем зале воцарились уют и непринужденное веселье. Коут раздувал огонь, стоя на коленях перед очагом, как вдруг за его спиной кто-то произнес:

— Квоут?

Трактирщик обернулся, нацепив удивленную улыбочку:

— Сэр?

Это был один из хорошо одетых юношей. Он слегка пошатывался.

— Ты Квоут.

— Коут, сэр, — ответил Коут тем ласковым тоном, каким матери увещевают детей, а трактирщики — подгулявших клиентов.

— Квоут Бескровный! — упорствовал юноша с пьяной уверенностью. — Ты показался мне похожим на кого-то, но на кого, я не мог понять. А потом услышал, как ты поешь, и вспомнил. — Он гордо улыбнулся и постучал пальцем по носу. — Я как-то слышал тебя в Имре. Все глаза проплакал потом. Никогда не слышал ничего подобного ни до, ни после. Прямо сердце разорвалось.

Речь юноши становилась все более путаной, но лицо его оставалось непреклонным.

— Я знал, что это не можешь быть ты. Но потом подумал, что все равно ты. У кого еще твои волосы? — Он потряс головой, безуспешно пытаясь протрезветь. — Я видел место в Имре, где ты его убил. Около фонтана. Там все камни распиты. — Он сосредоточенно нахмурился и поправился: — Разбиты. Говорят, никто не может починить.

Рыжеватый юноша снова умолк и тщетно попытался сфокусировать взгляд. Реакция трактирщика его удивила: этот рыжий ухмылялся во весь рот.

— Так ты говоришь, я похож на Квоута? На того самого Квоута? Я тоже всегда так считал. У меня даже гравюра с ним есть в задней комнате. Помощник-то меня все дразнит за нее. А ты можешь ему повторить то, что мне щас сказал?

Коут бросил последнее полено в огонь и встал. Сделал шаг назад от очага, но тут нога его подвернулась, и он неловко рухнул на пол, опрокинув стул.

Несколько путешественников поспешили к нему, но трактирщик уже сам поднялся на ноги и замахал руками, показывая, что беспокоиться не о чем.

— Нет-нет. Со мной все хорошо. Извините, если кого-нибудь напугал.

Однако улыбка у него вышла напряженная, и ушибся он, похоже, серьезно. Стул, на который трактирщик оперся для равновесия, скрипнул от тяжести.

— Получил стрелу в колено по пути через Эльд три лета назад. С тех пор то и дело дает о себе знать. — Коут поморщился, осторожно потрогал неловко согнутую ногу и добавил с тоской: — Это-то и заставило меня завязать с веселой дорожной жизнью.

— Надо горячую примочку положить, — посоветовал один из охранников. — А то распухнет еще.

Коут потрогал ногу еще раз и сказал:

— Думаю, это мудро, сэр. — Он повернулся к рыжеватому юноше: тот по-прежнему стоял, покачиваясь, возле очага: — Можешь сделать мне одолжение, сынок?

Юноша тупо кивнул.

— Закрой заслонку. — Коут указал на очаг. — Баст, поможешь мне подняться по лестнице?

Баст поспешил к нему и подставил плечо. Коут тяжело наваливался на него при каждом шаге, пока они шли к дверям и поднимались по ступенькам.

— Стрела в колене? — спросил Баст шепотом. — Почему ты смутился из-за падения?

— Слава богу, ты так же легковверен, как они, — огрызнулся Коут, как только они скрылись из виду, и начал беззвучно ругаться, хотя с его коленом явно все было в порядке.

Баст изумленно распахнул глаза, потом понимающе сощурился.

Коут поднялся на самый верх лестницы и, нахмурившись, потер глаза:

— Один из них знает, кто я. Подозревает.

— Который? — спросил Баст с тревогой и яростью.

— Зеленая рубашка, рыжеватые волосы. Который стоял ближе всех к очагу. Дай ему что-нибудь, чтоб заснул. Он уже напился — никто ничего не заподозрит.

Баст быстро прикинул:

— Левотраву?

— Мхенку.

Баст поднял бровь, но кивнул.

Коут выпрямился:

— Слушай меня трижды, Баст.

Баст моргнул и снова кивнул. Коут заговорил сухо и четко:

— Я был охранником с лицензией от города Ралиена. Меня ранили, когда я успешно защищал караван. Стрела в правое колено. Три года назад. Летом. Благодарный сильдийский торговец дал мне денег, чтобы открыть трактир. Его звали Деолан. Мы шли из Пурвиса. Упомяни об этом вскользь. Ты запомнил?

— Я услышал тебя трижды, Реши, — ответил Баст по всей форме.

— Иди.

Полчаса спустя Баст принес в комнату хозяина ужин и заверил его, что внизу все в порядке. Коут кивнул и отдал краткие распоряжения, чтобы до завтра никому не пришлось в голову его беспокоить.

Закрыв за собой дверь, Баст некоторое время постоял на верхней площадке лестницы, пытаясь что-нибудь придумать. На его лице ясно читалась тревога.

Баст и сам не понимал, что его так беспокоило. Коут с виду ничуть не изменился — разве что двигался чуть медленнее да искорка в глазах, которая зажглась сегодня вечером, потускнела. На самом деле стала почти неразличима. Если вообще не погасла.

Коут сел перед очагом и механически съел свой ужин: просто сложил в себя, как на полку в кладовой. Дожевав последний кусок, он продолжал сидеть, глядя в пустоту — не помня ни вида, ни вкуса того, что ел.

Внезапный треск в камине заставил Коута моргнуть и оглядеться. Он посмотрел вниз, на свои стиснутые руки. Потом поднял их с колен и вытянул вперед, словно согревая у огня: изящные ладони с длинными тонкими пальцами. Коут пристально вглядывался в них, словно ожидая, что они начнут делать что-нибудь сами по себе, затем снова обхватил одну руку другой и, опустив их на колени, вернулся к созерцанию огня. Так он и сидел: неподвижно, не меняясь в лице, пока в очаге не осталось ничего, кроме серой золы и тускло светящихся угольков.

Когда Коут раздевался перед сном, пламя вдруг вспыхнуло и алый свет нарисовал на его спине и руках тонкие светлые линии. Шрамы были ровные и серебристые, они прочерчивали тело, как молнии, как следы былых воспоминаний. Вспышка на мгновение высветила все раны: и давние, и свежие. Тонкие, ровные, серебристые шрамы — все, кроме одного.

Огонь мигнул и погас. В пустой постели человека встретил сон — и обнял, словно возлюбленная.

Путешественники уехали рано утром следующего дня. Ими занимался Баст, объяснив, что колено его хозяина ужасно распухло и он не может спуститься по ступенькам в такую рань. Все посочувствовали бедняге, кроме рыжеволосого купеческого сынка: после вчерашней выпивки он почти ничего не помнил. Лудильщик выдал на-гора проповедь о пользе умеренности, охранники обменялись улыбками и закатили глаза, а Баст порекомендовал несколько малоприятных способов лечения похмелья.

Когда они уехали, Баст занялся хозяйством — не слишком тяжелая работа при отсутствии клиентов. По большей части она состояла в придумывании себе развлечений.

Коут, спустившийся в зал после полудня, обнаружил помощника за стойкой: тот колот орехи толстенной книгой в кожаном переплете.

— Доброе утро, Реши.

— Доброе утро, Баст, — ответил Коут. — Какие новости?

— Мальчик Оррисонов забегал. Спрашивал, не нужна ли нам баранина.

Коут кивнул, будто ожидал чего-то в этом роде.

— Сколько ты заказал?

Баст сделал гримасу:

— Я ненавижу баранину, Реши. У нее вкус мокрых рукавиц.

Коут пожал плечами и направился к двери:

— У меня есть несколько дел. Присмотришь тут?

— Как всегда.

Осенний воздух, тяжелый и неподвижный, висел над пустынной фунтовой дорогой, идущей через центр городка. Ровная серая простыня облаков, похоже, никак не могла справиться с силами и пролиться дождем.

Коут пересек улицу и подошел к открытой двери кузницы. Кузнец, коротко стриженный, но с густой косматой бородой, аккуратно загнал пару гвоздей в воротник косы, прочно закрепив лезвие на изогнутом косовище. Трактирщик молча наблюдал за его работой.

— Привет, Калёб, — сказал он наконец.

Кузнец прислонил косу к стене.

— Что могу сделать для тебя, мастер Коут?

— Мальчик Оррисонов к тебе тоже забежал? — (Калёб кивнул.) — У них продолжают пропадать овцы?

— На самом деле несколько пропавших нашлось. И все разодранные, прямо-таки в клочья.

— Волки? — предположил Коут.

Кузнец пожал плечами:

— Вроде не сезон для них, но кому еще? Медведь? Оррисоны, видать, распродают все, за чем не могут уследить, — у них рук не хватает, да и вообще.

— Рук не хватает?

— Батрака пришлось отпустить из-за налогов, а старший сын принял королевскую монету в начале лета. Так что сейчас он сражается с бунтовщиками в Менате.

— В Менерасе, — мягко поправил Коут. — Если увидишь парня еще раз, передай, пожалуйста, что я хотел бы купить три полутуши.

— Ладно, скажу. — Кузнец одарил трактирщика понимающим взглядом. — Еще что-нибудь?

— Ну... — Коут, внезапно смутившись, отвел глаза. — Я тут подумал... Нет ли у тебя, случайно, железного прута? — спросил он, не поднимая взгляда. — Не обязательно что-то красивое — простая чугунная палка прекрасно подойдет.

Калёб фыркнул:

— Я уж гадал, зайдешь ли ты. Старый Коб и остальные позавчера еще приходили. — Он прошел к верстаку и поднял кусок холстины. — Вот я и сделал парочку про запас, на всякий случай.

Коут взял железный прут около полуметра длиной и небрежно помахал им.

— Разумно.

— Я свое дело знаю, — степенно отвечал кузнец. — Тебе еще чего-нибудь?

— На самом деле, — сказал Коут, поудобнее пристраивая прут на плече, — есть еще кое-что. У тебя найдутся ненужные рукавицы и фартук?

— Может, и найдутся, — с сомнением отозвался кузнец. — А тебе зачем?

— Да у меня за трактиром, — Коут кивнул в сторону «Путеводного камня», — ежевичник старый. Я подумываю выкорчевать его, чтобы в

следующем году посадить сад. Но совсем не хочется потерять на этом половину своей шкуры.

Кузнец кивнул и прошел в заднюю комнату лавки, махнув Коуту следовать за ним.

— Вот, остались старые, — сказал он, извлекая на свет пару тяжелых рукавиц и жесткий кожаный фартук, местами почерневший и заляпанный жиром. — Не слишком хороши, но от самого худшего, пожалуй, спасут.

— Сколько ты за них хочешь? — спросил Коут, вытаскивая кошелек.

Кузнец помотал головой:

— Йоты за глаза хватит. Ни мне, ни мальчику они уже не нужны.

Трактирщик отдал ему монетку, и кузнец запихал покупку в старый холщовый мешок.

— Ты уверен, что стоит это делать сейчас? — спросил Калерб. — Дождя вон уже сколько не было. После весенних оттепелей земля-то помягче будет.

Коут пожал плечами:

— Дедуля мне всегда говорил: осень — самое время выкорчевать то, чего не хочешь больше видеть, оно тогда не возвращается. — Он подпустил в голос старческой дрожи: — Весной во всем слишком много жизни. Летом все растет и крепнет, так просто не уйдет. А вот осенью... — Он оглянулся на желтеющие деревья. — Осень — самое время. Все устает и готово умереть.

Вернувшись, Коут послал Баста досыпать, а сам вяло занялся отложенными вчера из-за гостей мелкими делами. Клиентов не было. Когда наконец пришел вечер, Коут зажег лампы и принялся без всякого интереса листать книгу.

Осень считалась самым горячим сезоном, но в последнее время путешественников становилось все меньше и меньше. В Коуте зрела мрачная уверенность, что зима будет долгой.

Он впервые рано закрыл трактир. Не стал подметать: пол в этом не нуждался; не помыл столы и стойку: им не с чего было испачкаться, — лишь протер бутылку-другую и, заперев дверь, отправился спать.

И никто не заметил разницы — один только Баст, наблюдая за хозяином, тревожился и ждал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НА ПОЛДОРОГЕ В НЬЮАРР

Хронист шел не быстро. Вчера он прихрамывал, но сегодня на ногах и вовсе не остаюсь живого места, так что хромота не спасала. Он искал лошадь в Аббатсфорде и Рэннише, предлагая немислимые деньги за полудохлых кляч. Но в таких городишках не бывает лишних лошадей, а уж когда на носу уборка урожая...

Несмотря на тяжелый дневной переход, Хронист продолжал путь, даже когда спустилась ночь и изрытая телегами дорога превратилась в еле видимую стезю преткновений и спотыканий. Проковыляв часа два в темноте, Хронист увидел свет, пробивающийся между деревьями, и оставил мысль добраться этой ночью до Ньюарра, решив, что сейчас его вполне устроит фермерское гостеприимство.

Он сошел с дороги и побрел на свет, ощупью пробираясь между деревьями. Но огонь оказался куда дальше, чем он думал, и куда больше. Это был не свет лампы в доме и даже не отблеск походного костерка, а огромный костер, почти пожар: он бушевал в разрушенном доме, от которого осталась лишь пара осыпающихся стен. В углу между этими стенами сидел человек в плотном плаще с капюшоном — он закутался так, словно на дворе стояла лютая зима, а не теплый осенний вечер.

Надежда Хрониста воспряла при виде маленького поварского костерка с висящим над ним котелком. Но, подойдя поближе, он почувствовал странный скверный запах, мешавшийся с дымом: вонь паленого волоса и гниющих цветов. Хронист тут же решил ни в коем случае не есть того, что этот человек готовит в своем котелке. Но хотя бы можно поспать у огня — все лучше, чем ютиться у дороги.

Хронист вошел в круг света от костра.

— Я увидел твой о... — начал он и запнулся: незнакомец тут же вскочил на ноги и наставил на него меч. Нет, не меч — какую-то длинную темную палку, слишком прямую и ровную, чтобы быть простым поленом.

Хронист замер как вкопанный.

— Я просто искал место для ночлега, — быстро сказал он, бессознательно хватаясь за железное кольцо, висящее на шее. — Я не хочу никаких неприятностей. Я оставляю вас с вашим ужином. — Он сделал шаг назад.

Незнакомец расслабился и опустил палку — та металлически звякнула о камень.

— Обгорелое Господне тело, что ты здесь делаешь в такую пору?

— Я направлялся в Ньюарр и увидел ваш огонь.

— И ты просто пошел на неизвестный огонь? В лесу, ночью? — Человек удивленно повертел капюшоном. — Вот ведь угораздило тебя. — Он сделал Хронисту знак подойти, и писец заметил на его руках толстые кожаные рукавицы. — Тейлу болезный, тебе всю жизнь так не везет или только этой ночью?

— Я не знаю, кого вы ждете, — сказал Хронист, отступая еще на шаг, — но полагаю, вам лучше делать это одному.

— Заткнись и слушай, — оборвал его незнакомец. — Неизвестно, сколько у нас времени. — Он опустил глаза и потер подбородок. — Боже, я никогда не знаю, сколько вам, людям, можно рассказать. Если ты не согласишься, то решишь, что я рехнулся. Если все-таки согласишься, то запаникуешь и толку от тебя не будет никакого. — Он взглянул на Хрониста, который и не думал двигаться с места. — Проклятье! Да иди же сюда! Если уйдешь — считай, ты уже мертв.

Хронист оглянулся через плечо на темный лес.

— Почему? Что там такое?

Человек издал короткий горький смешок и покачал головой.

— Тебе правду сказать? — Он рассеянно провел рукой по волосам, откидывая капюшон. В свете костра его волосы казались невозможно яркими, прямо огненными, а глаза сняли невероятной пугающей зеленью. Он смерил Хрониста оценивающим взглядом и веско произнес: — Демоны. Демоны в виде огромных черных пауков.

Хронист совершенно успокоился.

— Демонов не бывает. — По его тону было заметно, как он устал повторять очевидные истины.

Рыжий скептически фыркнул:

— Ну, тогда можно смело отправляться по домам! — Он сверкнул безумной ухмылкой, но тут же посерьезнел. — Слушай, я так понимаю, ты человек образованный. Я ученых уважаю, и по большому счету ты прав. Но здесь и сейчас, сегодня ночью, ты ошибаешься, как никогда еще не ошибался. Если ты это поймешь, то не захочешь топтаться по ту сторону костра.

От абсолютной уверенности в голосе незнакомца по спине Хрониста пробежал неприятный холодок. Чувствуя себя полным идиотом, он осторожно обошел вокруг костра.

Человек быстро оглядел его.

— Оружия у тебя наверняка нет? — (Хронист покачал головой.) — Да и не важно. Меч тебе и не помог бы. — Он вручил Хронисту тяжелое полено. — Вряд ли тебе удастся зашибить хоть одного, но попытаться стоит. Они очень быстрые. Если какой-нибудь прыгнет на тебя, просто падай на землю. Постарайся придавить его и поломать своей тяжестью. Покатайся на нем. Схватишь — бросай в огонь.

Человек снова надвинул капюшон и быстро добавил:

— Если есть еще одежда, надень. Есть одеяло — завер...

Он вдруг умолк и посмотрел в сторону леса.

— Спиной к стене держись, — бросил он, поднимая свой прут обеими руками.

Хронист взглянул через огонь. Среди деревьев что-то шевелилось.

Они выползли на свет: невысокие многоногие тени размером с тележное колесо. Одна из тварей, более прыткая, чем другие, без малейших колебаний рванулась к костру с пугающей стремительностью опасного насекомого.

Не успел Хронист поднять полено, как тварь обежала вокруг костра и прыгнула, словно кузнечик, прямо на него. Хронист вскинул руки, защищая лицо и грудь. Черная тварь скребла холодными твердыми ногами, пытаясь удержаться, и по тыльным сторонам рук писца полоснуло острой болью. Он отшатнулся, зацепился пяткой и начал падать назад, бешено молотя по воздуху руками. Падая, Хронист бросил последний взгляд на лес. Все больше и больше черных тварей выбегало из темноты, их ноги выстукивали быстрое дробное стаккато по корням, камням и палой листве. Человек в плотном плаще стоял по другую сторону костра, выставив перед собой железную палку, — совершенно неподвижный и спокойный. Он ждал.

Хронист упал на спину — тварь оказалась сверху, — и в голове его грянул темный взрыв от встречи со стеной позади. Мир замедлился, расплылся и погас.

Хронист открыл глаза, но не увидел ничего, кроме пляски теней и света. В черепе пульсировала боль. Исполосованные тыльные стороны рук горели, а в левом боку что-то тупо ныло и тянуло при каждом вдохе.

После нескольких попыток Хронисту удалось кое-как сфокусировать взгляд. Закутанный человек сидел рядом. На нем больше не было перчаток, тяжелый плащ свисал с него лохмотьями, но в остальном он выглядел невредимым. Лицо скрывал капюшон.

— Ты очнулся? — с любопытством спросил человек. — Это хорошо. С этими травмами головы никогда не знаешь... — Капюшон слегка наклонился. — Говорить можешь? Знаешь, где находишься?

— Да, — невнятно произнес Хронист; даже такое простое слово потребовало уйму сил.

— Еще лучше. Ну что ж, третий раз платит за все. Как думаешь, сможешь встать и помочь мне? Нужно сжечь и закопать тела.

Хронист приподнял голову, и тут же на него навалились головокружение и дурнота.

— Что случилось? — спросил он.

— Я, наверное, сломал тебе пару ребер, — ответил человек. — Одна из этих тварей вцепилась в тебя, выбирать особо не приходилось. — Он пожал плечами: — Уж извини. Я зашил тебе порезы на руках, должно зажить.

— Они ушли?

Капюшон чуть опустил голову.

— Скрель не убегает. Они как осы в гнезде: нападают, пока все не погибнут.

По лицу Хрониста растекся ужас:

— Этих тварей целое гнездо?

— Господи, да нет же. Тут были только пятеро. Тем не менее их надо сжечь и закопать, просто на всякий случай. Я уже нарубил нужных дров: ясень и рябина.

Хронист хихикнул с ноткой истерики:

— Прямо как в детской песенке:

Я скажу, что делать надо:

Вырой яму десять на два.

Вяз в огонь, рябину, ясень...

— Именно так, — сухо отозвался закутанный. — Ты бы удивился, узнав, какие штуки можно обнаружить в детских песенках. Но хоть я и сомневаюсь, что надо закапываться на все три метра, от помощи не откажусь... — Он многозначительно умолк.

Хронист осторожно ощупал затылок и поднес руку к лицу, с удивлением обнаружив, что крови на пальцах нет.

— Думаю, со мной все в порядке, — сказал он, осторожно приподнимаясь на локте и принимая сидячее положение. — Есть тут...

Он моргнул и обмяк, бессильно повалившись обратно. Голова

ударилась о землю, подпрыгнула, перекатилась набок и замерла.

Коут посидел несколько долгих минут, разглядывая потерявшего сознание Хрониста. Когда тот совсем затих — только грудная клетка продолжала медленно подниматься и опадать, — Коут неуклюже поднялся на ноги, подошел к писцу и опустился около него на колени. Он приподнял одно веко лежащего, потом другое и что-то пробурчал — видимо, не слишком удивившись тому, что увидел.

— Полагаю, нет шансов, что ты снова очухаешься? — спросил он без особой надежды, легонько похлопав Хрониста по бледной щеке. — М-да, шансов...

На лоб Хрониста упала капля крови: одна, вторая...

Коут выпрямился, чтобы не нависать над лежащим, и как мог стер кровь с его лица — получилось не очень, потому что его собственные руки были все в крови.

— Ну, извини, — рассеянно пробормотал он.

Потом, тяжело вздохнув, откинул с лица капюшон. Его рыжие волосы прилипли к голове, половину лица покрывала подсыхающая кровь. Коут медленно стащил с себя лохмотья, оставшиеся от плаща; под ними обнаружился кожаный фартук кузнеца, изрезанный в клочья. Он снял и его тоже, оставшись в простой серой домотканой рубахе, плечи и левый рукав которой пропитались темной кровью.

Коут взялся за пуговицу рубахи, но потом решил не снимать ее. Осторожно встав на ноги, он подобрал лопату и начал медленно, мучительно копать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАПИСКИ

Было уже далеко за полночь, когда Коут добрался до Ньюарра, таща бесчувственное тело Хрониста на израненных плечах. Дома и лавки городка уже умолкли и погасили огни, но трактир «Путеводный камень» сиял как свеча в ночи.

Баст стоял в дверном проеме, пританцовывая от бешенства. Заметив приближающуюся фигуру, он бросился к ней по улице, яростно размахивая клочком бумаги.

— Записка? Ты уходишь тайком и оставляешь мне записку? — яростно прошипел он. — Я тебе что, портовая шлюха?

Коут повернулся к Басту спиной и свалил Хрониста ему на руки.

— Так и знал, что ты будешь со мной спорить, Баст.

Тот легко подхватил бесчувственное тело.

— Что это за записка, скажи на милость: «Если ты читаешь это, я, скорее всего, мертв»?

— Предполагалось, что ты найдешь ее не раньше утра, — устало ответил Коут и побрел к трактиру.

Баст посмотрел на тело на своих руках, как будто впервые заметил его.

— А это кто? — Он слегка встряхнул Хрониста, с любопытством разглядывая его, потом перекинул через плечо, как пустой мешок.

— Да бродяга какой-то, оказался на дороге не в то время, — махнул рукой Коут. — Не тряси его слишком — у него с головой плоховато.

— За каким же хреном ты поперся куда-то среди ночи? — потребовал отчета Баст, как только они вошли в трактир. — Если уж ты собрался оставить записку, в ней должно было говориться, что...

Тут он увидел Коута в свете ламп: бледного и перемазанного кровью и грязью — и глаза его расширились от ужаса.

— Можешь продолжать злиться, если хочешь, — буркнул Коут. — Но все именно так...

— Ты ушел охотиться на них? — прошипел Баст, и тут его осенило: — Нет. Ты сохранил кусочек того, которого убил Картер. Я больше не могу тебе верить. Ты мне врал. Мне!

Коут дотащился до лестницы и вздохнул:

— Ты больше огорчен ложью или тем, что не поймал меня на ней? —

и начал подниматься по ступенькам.

Баст задохнулся:

— Я огорчен тем, что ты мог подумать, будто мне нельзя доверять.

Разговор прекратился сам собой. Они открыли одну из маленьких пустующих комнат на втором этаже, раздели Хрониста и уложили на постель, плотно закутав. Коут оставил пенал и саквояж на полу около кровати.

Закрыв дверь комнаты, Коут сказал:

— Я доверяю тебе, Баст, но я хотел, чтобы ты остался в живых. Я знал, что смогу справиться сам.

— Я бы помог, Реши, — уязвленно возразил Баст. — Сам ведь знаешь.

— Ты и сейчас можешь помочь, Баст, — ответил Коут, добираясь до своей комнаты и тяжело опускаясь на край узкой кровати. — Меня надо слегка подштопать. — Он начал расстегивать рубашку. — Я могу и сам, но на плечах и спине шить трудно.

— Ерунда, Реши, я все сделаю.

Коут жестом указал на дверь:

— Все нужное внизу, в подвале.

Баст негодуя фыркнул:

— Вот уж нет, спасибо, я буду шить своими иглами: добрая честная кость, а не твои подлые кривые железные штуки, которые вонзаются в тело, как осколки ненависти. — Его передернуло. — Ручей и камень, просто ужас, до чего вы, люди, примитивные.

Баст вышел, оставив дверь открытой.

Коут медленно снял рубашку, гримасничая и втягивая воздух сквозь зубы, когда приходилось отрывать присохшую к ранам ткань. Как только появился Баст с лоханью воды, лицо Коута вновь приняло стоическое выражение.

Когда засохшая кровь отмылась, под ней обнаружилось множество длинных прямых порезов, ало зиявших на бледной коже трактирщика. Его словно кромсали цирюльничьими ножницами или осколком стекла. Ран было с десятков, большая часть на плечах, несколько — на спине и руках. Один порез начинался на макушке и спускался до уха.

— Вроде бы из тебя не должна идти кровь, Реши, — язвительно заметил Баст. — Ты же Бескровный, все такое.

— Не верь всему, что слышишь в сказках, Баст. Они любят приврать.

— Ну, с тобой все не так плохо, как я думал, — сказал Баст, насухо вытирая руки. — Хотя ты спокойно мог потерять кусок уха. Они были ранены, как тот, что напал на Картера?

— Да я как-то не заметил, — ответил Коут.
— Сколько их было?
— Пятеро.
— Пятеро? — ужаснулся Баст. — А сколько убил этот парень?
— Он отвлек одного на время, — свеликодушничал Коут.
— Анпауен, Реши, — сказал Баст, продевая в костяную иглу нечто куда более тонкое и ровное, чем кишка. — Ты должен быть мертв. Дважды.

Коут пожал плечами:

— Не в первый раз я должен был помереть, Баст, уже привык как-то.
Баст склонился над работой.
— Будет немного жечь, — сказал он, на удивление мягко касаясь раны. — Честно говоря, Реши, я не понимаю, как тебе так долго удастся оставаться в живых.

Коут снова пожал плечами и закрыл глаза.

— Я тоже, Баст. — Его голос звучал устало и уныло.

Несколько часов спустя дверь в комнату Коута, скрипнув, отворилась и внутрь заглянул Баст. Не услышав ничего, кроме размеренного дыхания, юноша неслышно прошел к кровати и склонился над спящим. Баст проверил цвет его щек, понюхал дыхание и легонько коснулся лба, запястья и впадинки под горлом, над сердцем.

Затем Баст пододвинул к кровати кресло и сел, глядя на хозяина и слушая его дыхание. Помедлив мгновение, будто мать над спящим ребенком, убрал неправдоподобно рыжую прядь волос с его лица. И тихонько запел — чудная переливчатая мелодия звучала нежно, убаюкивающе:

Странно зреть, как смертных души,
Вспыхнув, гаснут день за днем,
Зная: ветер их разрушит
И уйдет своим путем.
Поделиться бы огнем...
Что в мерцании твоём?

Голос Баста становился все тише. Наконец он умолк и застыл неподвижно, глядя, как тихо вздымается и опадает грудь хозяина в предрассветной тьме.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦЕНА ВОСПОМИНАНИЯ

Только к вечеру следующего дня Хронист сошел по ступенькам в общий зал трактира «Путеводный камень». Бледный и нетвердо стоящий на ногах, он, однако, нес под мышкой свой плоский кожаный пенал.

Коут сидел за стойкой, листая книгу.

— О, наш неожиданный гость! Как голова?

Хронист пощупал затылок.

— Немного кружится, когда поворачиваюсь слишком быстро. Но еще соображает.

— Рад слышать, — сказал Коут.

— Это... — Хронист замялся, оглядываясь. — Мы в Ньюарре?

Коут кивнул:

— Ты фактически стоишь в самом центре Ньюарра. — Он театрально взмахнул рукой: — Цветущая метрополия. Дом десятков и десятков.

Опершись на стол для устойчивости, Хронист во все глаза уставился на рыжеволосого человека за стойкой.

— Обгорелое Господне тело, — произнес он почти неслышно. — Неужели это в самом деле вы?

Трактирщик озадаченно посмотрел на него:

— Прошу прощения?

— Я знаю, вы собираетесь все отрицать, — заторопился Хронист. — Но то, что я видел прошлой ночью...

Трактирщик поднял руку, успокаивая его.

— Прежде чем мы станем говорить о том, насколько ты повредился в уме после удара по голове, скажи-ка мне лучше, какова дорога в Тинуэй?

— Что? — раздраженно переспросил Хронист. — Я направлялся вовсе не в Тинуэй. Я шел... ох. Ну, до прошлой ночи дорога была довольно трудной. Меня ограбили у Аббатсфорда, и с тех пор я иду пешком. Но оно того стоило, раз вы действительно здесь. — Писец бросил взгляд на меч, висевший над стойкой, и у него перехватило дыхание, а на лице появилось боязливое выражение. — Я не собираюсь причинять вам неприятностей, правда. Я здесь вовсе не из-за цены за вашу голову. — Он слабо улыбнулся. — Хотя какие неприятности могут быть вам от меня...

— Отлично, — прервал его трактирщик, доставая белую льняную

салфетку и протирая стойку. — Тогда кто ты?

— Можешь называть меня Хронист.

— Я не спрашивал, как тебя можно называть, — заметил Коут. — Как твое имя?

— Деван. Деван Локииз.

Коут перестал полировать стойку и взглянул на него:

— Локииз? Так ты родня Герцогу... — Коут умолк и кивнул сам себе. — Ну, конечно. Не просто Хронист, а тот самый Хронист. — Он внимательно оглядел лысоватого писца с ног до головы. — Ну надо же! Сам великий разоблачитель.

Хронист, явно довольный тем, что слава бежит впереди него, слегка расслабился.

— Я вовсе не старался запутать вас. Я перестал думать о себе как о Деване много лет назад, просто оставил это имя позади. — Он многозначительно посмотрел на трактирщика: — Полагаю, вы знаете об этом не понаслышке...

Коут проигнорировал вопрос:

— Я много лет назад читал твою книгу «Особенности брачных игр драккусов обыкновенных». Просто глаза раскрывает юнцу с головой, полной сказок. — Он опустил взгляд и снова начал возить белой салфеткой по стойке. — Признаюсь, я был очень разочарован, узнав, что драконов не существует. Тяжелый урок для мальчика.

Хронист улыбнулся:

— Честно говоря, я и сам был немного разочарован. Я отправился искать легенду, а нашел ящерицу. Всего лишь ящерицу.

— А теперь ты здесь, — подвел итог Коут. — Ты пришел доказать, что и меня не существует?

Хронист нервически хохотнул:

— Нет. Понимаете, до нас дошел слух...

— «До нас»? — перебил его Коут.

— Я путешествовал с вашим старым другом, со Скарпи.

— Взял тебя под свое крылышко? — пробормотал Коут про себя. — Вот оно как... Ученичок Скарпи.

— На самом деле скорее коллега.

Коут бесстрастно кивнул:

— Я мог ожидать, что он найдет меня первым. Вы оба любители сплетен.

Улыбка Хрониста скисла, и он проглотил слова, готовые уже сорваться с губ, пытаясь взять себя в руки и вернуться к прежней спокойной манере.

— Так что я могу для вас сделать? — Коут отложил салфетку и выдал свою лучшую трактирщицкую улыбку. — Выпить или перекусить? Комнату для ночлега?

Хронист заколебался.

— У меня здесь все есть. — Коут обвел широким жестом полки за стойкой. — Старое вино, мягкое и легкое? Медовуха? Темный эль? Сладкий фруктовый ликер? Слива, вишня, зеленое яблоко, ежевика? — Он поочередно указывал на бутылки, называя их. — Давайте же, наверняка вы чего-нибудь хотите!

Широкая улыбка у него выходила слишком зубастой для дружелюбного трактирщика. А глаза становились все холоднее, жестче и злее.

Хронист опустил взгляд.

— Я подумал, что...

— Ах, ты поду-у-мал, — язвительно протянул Коут, уже не стараясь улыбаться. — Я очень в этом сомневаюсь. Иначе ты бы подумал, — будто выплюнул он, — в какое опасное положение меня ставишь, приходя сюда.

Хронист покраснел.

— Я слышал, что Квоут ничего не боялся, — запальчиво возразил он.

Трактирщик пожал плечами:

— Ничего не боятся только священники да дурачки, а я всегда был с Богом не в лучших отношениях.

Хронист нахмурился, уловив насмешку.

— Послушайте, — заговорил он увещательным тоном. — Я был чрезвычайно осторожен. Никто, кроме Скарпи, не знал, что я приеду. Я ни с кем о вас не говорил. Я даже не ожидал вас здесь найти.

— Вообрази, как ты меня успокоил, — саркастически вернул Коут.

Хронист заметно пал духом:

— Я первым признаю, что мой приход сюда был ошибкой... — Он сделал паузу, давая Коуту возможность возразить, но тот не стал спорить.

Хронист тяжело вздохнул и продолжил:

— Но что сделано, то сделано. Неужели вы даже не захотите...

Коут покачал головой:

— Это было слишком давно...

— Даже двух лет не прошло, — запротестовал Хронист.

— ...и я не тот, кем был тогда, — продолжил Коут без паузы.

— А кем же вы были тогда?

— Квоутом, — коротко сказал он, отказываясь от всяких дальнейших объяснений. — Теперь я Коут и забочусь о своем трактире. Это значит, что

пиво стоит три шима, а отдельная комната — медяк. — Он снова начал яростно полировать стойку. — Как ты сказал, «что сделано, то сделано». А сказки сами о себе позаботятся.

— Но...

Коут посмотрел на него, и на секунду Хронист увидел под злостью, горящей в его глазах, боль — свежую и кровоточащую, словно рана, слишком глубокая для исцеления. Затем Коут отвел глаза, и осталась одна только злость.

— Что ты вообще можешь предложить мне более ценного, чем воспоминания?

— Все считают вас мертвым.

— Ты не понял, что ли? — Коут покачал головой, не зная, сердиться ему или смеяться. — В этом все и дело. Никто не ищет тебя, когда ты мертв. Старые враги не пытаются свести счеты. А люди не приходят, требуя сказок и историй, — едко закончил он.

Хронист не желал сдаваться:

— Некоторые говорят, что вы миф.

— Я миф, — легко согласился Коут, театрально разводя руками. — Такой особый род мифа — который сам себя создает. Лучшие враки, что обо мне ходят, сочинил лично я.

— Говорят, вы никогда не существовали, — мягко поправил его Хронист.

Коут равнодушно пожал плечами, но его улыбка едва заметно поблекла.

Почувствовав слабинку, Хронист продолжил:

— Некоторые истории рисуют вас просто рыжим убийцей.

— Ну так я и он тоже. — Коут отвернулся, чтобы протереть полку за стойкой. Он снова пожал плечами, но уже не так непринужденно, как раньше. — Я убивал людей и существ, которые были больше чем люди. Каждый из них это заслужил.

Хронист медленно покачал головой:

— Истории говорят об «убийце», а не о «герое». Квоут Неведомый и Квоут Убийца Короля — два очень разных человека.

Коут перестал тереть стойку, отвернулся и кивнул, не поднимая глаз.

— Кое-кто даже говорит о новом чандриане. Очередной ужас в ночи. Его волосы красны, как кровь, которую он проливает.

— Кому надо, знают правду, — сказал Коут, словно пытаясь убедить себя, но его голос прозвучал слабо и безнадежно, без всякой уверенности.

Хронист деликатно усмехнулся:

— Разумеется. Пока. Но вы как никто другой должны понимать, насколько тонка грань между правдой и ложью в красивой обертке. Между реальной историей и байкой для развлечения. — Хронист выдержал паузу, чтобы слова оставили след в голове собеседника. — И вы знаете, что побеждает со временем.

Коут продолжал смотреть в стену, положив руки на полку и склонив голову, будто придавленный огромной тяжестью. Он не отвечал.

Хронист, чуя победу, шагнул вперед:

— Люди говорят о какой-то женщине...

— Что они знают? — Голос Коута звучал жутко, как пила, проходящая сквозь кость. — Что они могут знать о случившемся? — Он говорил очень тихо, и Хронисту пришлось затаить дыхание, чтобы расслышать.

— Говорят, она... — Слова застряли во внезапно пересохшем горле Хрониста: в комнате повисла неестественная тишина.

Коут по-прежнему стоял спиной, неподвижно, стиснув зубы в пугающем молчании. Его правая рука, запутавшаяся в белой салфетке, медленно сжималась в кулак.

В двух десятках сантиметров от него лопнула бутылка. В воздухе разлился запах земляники и звон стекла. Маленький звук среди огромной тишины, но его оказалось достаточно, чтобы разбить молчание на множество мелких острых осколков. По спине Хрониста, вдруг осознавшего, какую опасную игру он затеял, пробежал холодок.

«Так вот в чем разница: рассказывать легенду или находиться в ней, — подумал он. — В страхе».

Коут резко обернулся.

— Что любой из них может знать о ней? — тихо спросил он.

У Хрониста перехватило дыхание: трактирщицкая безмятежность треснула, как разбитая маска. Затравленный, полубезумный взгляд Коута блуждал между этим миром и иным, полным воспоминаний.

Хронист припомнил подробности услышанной как-то истории, одной из многих. В ней говорилось о том, как Квоут ушел искать свою любовь. Ему удалось обмануть демона и получить ее, но, когда она уже была в его объятиях, Квоуту пришлось сражаться с ангелом, чтобы ее удержать.

«Я верю, — внезапно понял Хронист. — Если раньше это была только сказка, то теперь я могу в нее поверить. Это лицо человека, убившего ангела».

— Что любой из них может знать обо мне? — произнес Коут с холодной яростью в голосе. — Что они вообще могут знать об этом?

Он сделал короткий гневный жест, словно вбирающий в себя все

вокруг: разбитую бутылку, стойку, весь мир.

Хронист сглотнул, чтобы смягчить пересохшее горло:

— Только то, что им рассказали.

«Та, та, та-та» — капли ликера из разбитой бутылки дробно заплесали по полу.

— Ха-а-а, — выдохнул Коут. «Та-та, та, та». — Умно. Ты хочешь использовать мой лучший трюк против меня: отдать в заложники мою историю.

— Я хочу рассказать правду.

— Ничто, кроме правды, не может меня сломать. Есть ли что-нибудь немилосерднее правды? — Его лицо скривилось в горькой насмешливой улыбке.

Какое-то время тишину нарушал только стук капель по полу.

Наконец Коут вышел в дверь за стойкой. Хронист остался стоять посреди пустой комнаты, гадая, отвергли его предложение или нет.

Через несколько минут Коут вернулся с ведром мыльной воды. Не глядя в сторону писца, он начал аккуратно, методично перемывать бутылки. Коут брал их по одной, протирал доньшки от земляничного вина и выставлял на стойку — между собой и Хронистом, словно они могли защитить его.

— Значит, ты отправился за мифом, а нашел человека, — произнес он ровным тоном, не поднимая глаз. — Слушал легенды и истории, а теперь хочешь знать всю правду.

Просияв от облегчения, Хронист положил свой пенал на стол, удивляясь легкой дрожи в руках.

— Мы пронюхали о тебе некоторое время назад. Дошел слух. На самом деле я и не предполагал... — Хронист запнулся, внезапно смутившись. — Я думал, вы сильно старше.

— Так и есть, — сказал Коут. Хронист обескураженно открыл рот, но трактирщик тут же продолжил: — Что привело тебя в этот никчемный уголок мира?

— Встреча с графом Бейди-Брютским, — ответил Хронист, приосаниваясь. — Через три дня, в Трейе.

Трактирщик отвлекся от протирания.

— Ты собираешься добраться до графского замка за четыре дня? — спросил он.

— Я уже опаздываю, — признался Хронист. — Мою лошадь отобрали у Аббатсфорда. — Он посмотрел в окно на темнеющее небо. — Но я готов немного не поспать. А утром уберусь с ваших глаз долой.

— О нет, я не хочу лишать вас драгоценного сна, — саркастически отозвался Коут, его взгляд снова сделался жестким. — Я могу рассказать всю свою историю на одном дыхании. — Он откашлялся: — «Я выступал перед публикой, путешествовал, любил, терял, доверял и познал предательство» — запиши это и сожги, все равно пользы никакой.

— Не надо так говорить, — быстро сказал Хронист. — Мы можем поработать целую ночь, если хотите. И еще пару часов утром...

— Как мило! — огрызнулся Коут. — На всю мою историю ты даешь мне один вечер? Ни времени собраться с мыслями, ни подготовки? — Его губы сжались в тонкую линию. — Нет. Езжай развлекайся со своим графом. Мне это не подходит.

Хронист быстро сказал:

— Если вы уверены, что понадобится...

— Да. — Коут веско припечатал бутылку к стойке. — Лучше всего сказать, что мне понадобится куда больше времени. А сегодня ты ничего не получишь. Настоящей истории нужно время на подготовку.

Хронист нахмурился и нервно почесал голову.

— Я могу посвятить вашей истории и завтрашний день... — Он замялся, видя, что Коут качает головой. После паузы он начал снова, будто уговаривая сам себя: — Если мне удастся найти лошадь в Бейдне, я смогу уделить вам весь завтрашний день, почти всю ночь и часть следующего дня. — Он потер лоб. — Я ненавижу ездить ночью, но...

— Мне нужно три дня, — сказал Коут. — Это совершенно точно.

Хронист побледнел:

— Но... граф!

Коут пренебрежительно отмахнулся.

— Никому не требуется три дня, — твердо заявил Хронист. — Я беседовал с Ореном Велсайтером. С самим Ореном Велсайтером. Ему восемьдесят лет, а сделал он на все двести. На пятьсот, если считать рассказы о нем. Он сам искал меня, — подчеркнул писатель. — Даже ему понадобилось всего два дня.

— Таково мое условие, — заявил трактирщик. — Я сделаю это хорошо или не буду делать вовсе.

— Подождите! — внезапно просиял Хронист. — Я тут подумал обо всем этом, — продолжил он, поражаясь собственной глупости. — Я просто посещу графа и вернусь. И тогда у вас будет сколько угодно времени. Я могу даже привезти с собой Скарпи.

Коут бросил на Хрониста взгляд, исполненный глубочайшего презрения.

— С какой стати ты вдруг решил, что я все еще буду здесь, когда ты вернешься? — издевательски спросил он. — И если уж на то пошло, почему ты думаешь, что тебе позволят так просто уйти отсюда с тем, что ты знаешь?

Хронист словно окаменел:

— Вы... — Он сглотнул и продолжил: — Вы имеете в виду...

— История займет три дня, — прервал его Коут. — Начиная с завтрашнего. Вот что я имею в виду.

Хронист закрыл глаза и провел рукой по лицу. Граф, разумеется, будет в ярости. Страшно представить, чего будет стоить вновь завоевать его расположение. И все же...

— Если это единственный способ получить вашу историю, я согласен.

— Рад слышать. — Трактирщик смягчился и даже чуть улыбнулся. — А что, три дня — это действительно так необычно?

Хронист снова принял важный вид:

— Три дня — это достаточно необычно. Но опять же... — Важность постепенно утекала из него. — Опять же. — Он махнул рукой, будто признавая бессилие и бесполезность слов. — Вы ведь Квоут!

Человек, называвший себя Коутом, взглянул на него поверх бутылок. На его губах играла широкая улыбка. В глазах играла искра. Он казался выше.

— Да уж, не кто-нибудь, — сказал Квоут, и его голос прозвенел металлом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О НАЧАЛАХ И ИМЕНАХ ВСЕХ ВЕЩЕЙ

В трактир «Путеводный камень» лился солнечный свет — ласкающий, свежий, очень подходящий для любых начинаний. Он скользнул по лицу мельника, запускавшего водяное колесо. Осветил горн, который снова разжигал кузнец после четырех дней работы по холодному металлу. Огладил тяжеловозов, запряженных в фургоны, и лезвия серпов, остро поблескивающих и готовых к работе.

Внутри «Путеводного камня» свет упал на лицо Хрониста и высветил чистую страницу, ожидающую начала истории. Свет перетек через стойку, выпустил тысячи крошечных радужных начал из цветных бутылей и вскарабкался по стене к мечу, словно ища одно — последнее — начало.

Но когда луч коснулся меча, ничего не изменилось. Свет, отразившийся от клинка, был тусклым, выхолощенным и старым как мир. Глядя на него, Хронист прочувствовал всеми фибрами: пусть сейчас и самое начало дня, но на дворе уже поздняя осень и становится все холоднее. Меч светился знанием, что рассвет — очень маленькое начало по сравнению с концом сезона и концом года.

Хронист с трудом оторвал взгляд от меча, услышав, что Квоут задал какой-то вопрос, но не разобрав, какой именно.

— Прошу прощения?

— Как обычно люди поступают со своими историями? — повторил Квоут.

Хронист пожал плечами:

— Большинство просто рассказывают, что помнят. Позже я располагаю события в нужном порядке, удаляю лишнее, проясняю, упрощаю и все такое.

Квоут нахмурился:

— Я не думаю, что это подойдет.

Хронист смущенно улыбнулся:

— Рассказчики все разные. Они предпочитают, чтобы их истории оставались без изменений, но хотят также заинтриговать публику. Я обычно слушаю, а записываю позже. У меня почти абсолютная память.

— Почти мне не подходит. — Квоут прижал палец к губам. — Как быстро ты можешь писать?

Хронист понимающе улыбнулся:

— Быстрее, чем человек может говорить.

Квоут поднял бровь:

— Хотел бы я посмотреть на это.

Хронист открыл свой пенал и извлек оттуда пачку тонкой белой бумаги и бутылочку чернил. Аккуратно все разложив, он обмакнул перо в чернильницу и выжидающе посмотрел на Квоута.

Квоут наклонился вперед и быстро заговорил:

— Я. Мы. Он. Она. Я был. Он был. Они будут. — Перо Хрониста плясало и чиркало по бумаге, а Квоут наблюдал за ним. — Я, Хронист, здесь признаюсь, что не умею ни читать, ни писать. Ленивый. Непочтительный. Болтун. Кварц. Лак. Эгголиант. Лин та Лу сорен хеа. «В Фаэтоне вдова молодая жила, в добродетели твердая, ровно скала. И призналась она, что желаньем больна...» — Квоут наклонился еще сильнее, наблюдая, как пишет Хронист. — Интересно... Ладно, можешь остановиться.

Хронист снова улыбнулся и вытер перо тряпочкой. На листе перед ним красовалась единственная строчка непонятных символов.

— Какой-то шифр? — вслух воскликнул Квоут. — Очень аккуратно сделано. Могу поспорить, ты не много страниц портишь.

Он повернул листок к себе, чтобы лучше рассмотреть запись.

— Я никогда не порчу страницы, — самодовольно заявил Хронист.

Квоут кивнул, не отрывая взгляда от листа.

— А что значит «эгголиант»? — поинтересовался Хронист.

— Хм! Да ничего. Я его придумал. Хотел посмотреть, запнешься ли ты на незнакомом слове. — Он потянулся и придвинул стул поближе к Хронисту. — Как только ты покажешь мне, как это читать, мы можем начинать.

На лице Хрониста нарисовалось глубокое сомнение.

— Это очень сложно... — начал он, но, видя, что Квоут нахмурился, вздохнул: — Я попробую.

Хронист набрал побольше воздуха и начал писать символы в строчку, рассказывая:

— В речи мы используем около пятидесяти различных звуков. Я присвоил каждому из них символ, состоящий из одной или двух черт. Все логично устроено. Я могу, пожалуй, записать даже язык, которого не понимаю. — Он ткнул пером: — Это различные гласные звуки.

— Все вертикальные линии, — сказал Квоут, внимательно глядя на страницу.

Хронист запнулся, выбитый из колеи.

— Ну... да.

— Тогда согласные будут горизонтальными? И будут сочетаться вот так? — Взяв перо, Квоут сделал несколько собственных линий на странице. — Умно. Получается не больше двух-трех на слово.

Хронист молча наблюдал за Квоутом, тот ничего не замечал, погрузившись в рисование.

— Если это «она», тогда это должны быть звуки «а». — Он показал на группу черточек, написанных Хронистом. «А, ай, аэ, ау». Значит, эти — «о», — кивнул сам себе Квоут и вложил перо в руку Хрониста. — Покажи теперь согласные.

Хронист ошеломленно записал согласные, называя их. Через минуту Квоут взял перо и стал писать сам, попросив потерявшего дар речи Хрониста поправить, если он ошибется.

Хронист смотрел и слушал, как Квоут исписывает лист. От начала до конца весь процесс занял около пятнадцати минут. Квоут не сделал ни одной ошибки.

— Чрезвычайно эффективная система, — одобрил Квоут. — Очень логичная. Ты сам ее разработал?

Хронист долго молчал, глядя на ряды значков на листе. Наконец, не отвечая Квоуту, он спросил:

— Вы действительно выучили темью за один день?

Квоут чуть улыбнулся:

— Это старая история. Я почти уж и забыл. На самом деле это заняло полтора дня. Полтора дня без сна. А почему ты спрашиваешь?

— Я слышал об этом в Университете. И никогда не верил. — Хронист посмотрел на страницу, исписанную его шифром — но аккуратным почерком Квоута. — Всю?

— Ну конечно же нет, — раздраженно отмахнулся Квоут. — Только часть. Довольно большую часть, если быть точным, но я не верю, что можно узнать все о чем бы то ни было — особенно о языке.

Он потер руки:

— Ну, ты готов?

Хронист потряс головой, пытаясь прийти в себя от изумления, положил перед собой новый лист бумаги и кивнул.

Квоут поднял руку, чтобы Хронист не записывал, и заговорил:

— Я никогда не рассказывал эту историю раньше и сомневаюсь, что расскажу еще хоть раз. — Он наклонился вперед в своем кресле. — Прежде чем мы начнем, ты должен запомнить, что я из эдема руэ. Мы рассказывали

истории еще до того, как сгорела Калуптена. Раньше, чем появились книги. Раньше, чем появилась музыка. Когда зажегся первый огонь, мы, руэ, сидели вокруг него, сочиняя в мерцающем свете легенды.

Квоут кивнул писцу:

— Я знаю твою репутацию великого собирателя историй и описателя событий. — Взгляд Квоута сделался жестким, словно кремь, и острым, как осколок стекла. — При всем том не считай возможным изменить хотя бы слово в моем рассказе. Если тебе покажется, что я запутался или отклонился от темы, вспомни, что истинные истории редко избирают самый прямой путь.

Хронист мрачно кивнул, пытаясь вообразить разум, расколовший его шифр за какие-то четверть часа, — ум, который смог за день выучить чужой язык.

Квоут мягко улыбнулся и оглядел комнату, словно запечатлевая ее в памяти. Хронист обмакнул перо в чернила, и Квоут, опустив взгляд на свои сложенные руки, умолк на три долгих вдоха.

Наконец он заговорил.

— В каком-то смысле все началось, когда я услышал, как она поет. Как ее голос сплетается и соединяется с моим. Ее голос был отражением ее души: дикий и неистовый, как пламя, острый, будто битое стекло, свежий и чистый, словно клевер. — Квоут покачал головой. — Нет. Все началось в Университете. Я пришел учиться магии — той магии, о которой толкуют в сказках и легендах. Как у Таборлина Великого. Я хотел знать имя ветра. Я жаждал огня и молнии. Я желал получить ответы на десять тысяч вопросов и доступ в их архивы. Но то, что я нашел в Университете, разительно отличалось от легенд, и я был сильно разочарован. Но я думаю, что истинное начало кроется в том, что привело меня в Университет. Внезапные огни в сумерках. Человек с глазами как лед на дне колодца. Запах крови и паленого волоса. Чандрианы. — Он кивнул сам себе: — Да, полагаю, именно там все и начинается. Это во многом история о чандрианах.

Квоут потряс головой, словно избавляясь от какой-то мрачной мысли.

— Но, пожалуй, стоит углубиться в прошлое еще дальше. Если должно получиться что-то вроде книги моих деяний, я могу потратить на это время — пусть выйдет не слишком лестно, зато правдиво.

Но что бы сказал мне отец, если бы услышал, как я рассказываю свою историю? «Начни с начала» — вот что. Итак, раз уж у нас будет рассказ, пусть он строится по всем правилам.

Квоут выпрямился в своем кресле.

— В начале, насколько я знаю, мир был вызван из безымянной пустоты Алефом, который дал всему сущему имена. Впрочем, по другой версии, все вещи уже обладали именами, а он их только узнал.

Хронист чуть усмехнулся, не поднимая глаз от работы и не переставая писать.

Квоут и сам улыбнулся:

— Я вижу, ты смеешься. Очень хорошо, для простоты будем считать, что я — центр вселенной, и таким образом пропустим бесчисленное множество скучных историй: возвышения и падения империй, саги о героических деяниях, баллады о трагической любви... Лучше поспешим к единственной по-настоящему важной истории. — Его улыбка стала еще шире. — Моей.

Мое имя Квоут: К-в-о-у-т — с маленьким придыханием в конце. Имена имеют большое значение, потому что много говорят о нас. У меня было больше имен, чем вправе иметь человек.

Адем называют меня Маэдре, что, в зависимости от произношения, означает «Пламя», «Гром» или «Сломанное Дерево».

Почему «Пламя» — ясно всякому, кто меня видел. У меня рыжие волосы, ярко-рыжие. Если бы я родился на пару веков раньше, меня бы наверняка сожгли как демона. Я стригу их коротко, но это не помогает: они топорщатся сами по себе, и кажется, словно я горю.

«Гром» я отношу на счет моего сильного баритона и приличной сценической подготовки в раннем возрасте.

«Сломанному Дереву» я никогда не придавал особого значения. Хотя сейчас, оглядываясь назад, думаю, что его можно считать в какой-то мере пророческим.

Мой первый наставник называл меня э'лир, потому что я был умен и знал это. Моя первая любовница звала меня Дулатор, потому что ей нравилось, как звучит это слово. Меня также называли Теникар, Легкая Рука и Шестиструнный. Меня именовали Квоутом Бескровным, Квоутом Неведомым и Квоутом Убийцей Короля. Я заслужил все эти имена. Купил их и заплатил за покупку.

Но рос я просто Квоутом. Отец однажды сказал мне, что это значит «знать».

Конечно, меня называли еще многими словами. Среди них много непристойных, но незаслуженных очень мало.

Я похищал принцесс у королей, спящих под землей. Я сжег дотла

городок Требон. Я провел ночь с Фелуриан и ушел, сохранив жизнь и здравый рассудок. Меня исключили из Университета в таком возрасте, в каком большинство людей еще не успевают туда поступить. Я ходил при лунном свете по тропам, о которых другие не осмеливаются говорить даже ясным днем. Я говорил с богами, любил женщин и писал песни, заставлявшие рыдать менестрелей.

Возможно, вы слышали обо мне.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОРЫ, ЕРЕТИКИ И ШЛЮХИ

Если эта история должна быть чем-то вроде книги моих деяний, нужно начать с начала — с того, кто я на самом деле такой. Для этого следует вспомнить, что, прежде чем стать кем-либо еще, я был одним из эдема руэ.

Вопреки всеобщему заблуждению, не все странствующие актеры относятся к руэ. Моя труппа не была жалкой кучкой фигляров, показывающих за пенни трюки на перекрестках или поющих за ужин. Мы были придворными актерами, людьми лорда Грейфеллоу. Во многих городках наш приезд становился большим событием, чем праздник Середины Зимы и Солинадские игрища, вместе взятые. В нашей труппе было не меньше восьми фургонов, а артистов больше двух десятков: актеры и акробаты, музыканты и фокусники, жонглеры и шуты — вся моя семья.

Вряд ли вы когда-нибудь видели лучшего актера и музыканта, чем мой отец. А моя мать обладала удивительным даром слова. Оба они были красивы: темноволосые и смешливые — и руэ до мозга костей. Этим уже все сказано.

Пожалуй, только стоит добавить, что моя мать была благородной дамой — до того, как стала бродячей артисткой. По ее рассказам, мой отец сманил ее из «убогого, тоскливого ада» дивной музыкой и еще более дивными речами. Могу только предполагать, что она имела в виду Три Перекрестка: когда я был совсем мал, мы ездили туда навестить родственников. Один раз.

Мои родители не были по-настоящему женаты — я имею в виду, они не позаботились узаконить свои отношения в какой-либо церкви. Меня этот факт совершенно не смущает. Они считали себя женатыми и не видели особого смысла объявлять об этом какому-либо правительству или богу. Я уважаю это. По правде говоря, они выглядели куда более преданными и любящими супругами, чем многие официально женатые пары, которые мне встречались с тех пор.

Нашим покровителем был барон Грейфеллоу, его имя открывало многие двери, обычно закрытые для эдема руэ. В благодарность мы носили его цвета: серый и зеленый — и способствовали укреплению славы Грейфеллоу во всех краях, до которых добирались. Раз в год мы проводили

два оборота в замке патрона, развлекая его самого с домочадцами.

Это было счастливое детство — расти посреди вечной ярмарки. Во время долгих переездов между городами отец читал мне классические монологи. Декламировал он в основном по памяти, и его голос раскатывался по дороге на четверть километра. Я помню и чтение вместе, где я вступал на вторых ролях. Отец поощрял меня произносить особенно удачные отрывки самому, и я научился ценить хорошо сказанное слово.

С матерью мы вместе сочиняли песни. В остальное время мои родители разыгрывали романтические диалоги, а я повторял за ними по книгам. Иногда мне это казалось чем-то вроде игры. Плохо же я понимал, как ловко меня учили.

Я рос любознательным ребенком — скорым на вопросы и всегда готовым учиться. Поскольку моими учителями были акробаты и актеры, мне никогда не приходилось бояться уроков, как большинству детей.

Дороги в те дни были хороши, но осторожные люди все равно, ради пущей безопасности, путешествовали вместе с нашей труппой. Они пополняли и расширяли мое образование. Эклектическим рассуждениям о законе Содружества я научился у странствующего адвоката, слишком пьяного — или самодовольного, — чтобы замечать, что читает лекции восьмилетнему мальчишке. Я выучился понимать лес у охотника по имени Лаклис, который путешествовал с нами почти целый сезон.

Я изучил омерзительную закулисную кухню королевского двора в Модеге с помощью... куртизанки. Мой отец всегда говорил: «Называй щуку щукой, а лопату лопатой. Но шлюху всегда зови леди. Их жизнь нелегка, а вежливость никому еще не вредила».

Гетера едва уловимо пахла корицей и в мои девять лет казалась мне необычайно привлекательной, хоть я еще не догадывался почему. Она учила меня никогда не делать втайне того, о чем я бы не захотел говорить публично, и предостерегала от разговоров во сне.

А затем появился Абенти, мой первый настоящий учитель. Он научил меня большему, чем все остальные, вместе взятые. Если бы не он, я бы никогда не стал тем, кем стал.

Не держите на него зла. Он хотел как лучше.

— Вам придется проехать дальше, — сказал мэр. — Разбейте лагерь за городом, и никто вас не потревожит, если вы не затеете драку или не сбежите с чем-нибудь, вам не принадлежащим. — Он адресовал моему отцу многозначительный взгляд. — А завтра продолжайте свой веселый путь. Никаких представлений. От них больше беды, чем пользы.

— Но у нас есть лицензия, — возразил мой отец, доставая из внутреннего кармана куртки сложенный лист пергамента. — Мы просто обязаны давать представления.

Мэр отрицательно затряс головой и даже не шевельнулся, чтобы взглянуть на наше уведомление о покровительстве.

— Народ от этого буянит, — заявил он. — В прошлый раз во время пьесы разразился жуткий скандал — перепили да разволновались. Народ сорвал двери таверны и переломал столы. А она, знаете ли, принадлежит городу. И все расходы по ремонту тоже несет город.

К этому времени наши фургоны уже начали привлекать внимание. Трип принялся жонглировать. Марион с женой разыгрывали импровизированное кукольное представление. Я наблюдал из фургона за отцом.

— Мы, разумеется, не хотели бы обидеть вас или вашего покровителя, — сказал мэр. — Тем не менее, город вряд ли может себе позволить еще один такой вечерок. Как жест доброй воли я готов предложить каждому по медяку: скажем, двадцать пенни — чтобы вы просто продолжили путь и не доставляли нам здесь беспокойства.

Здесь следует заметить, что двадцать пенни могли показаться приличной суммой для какой-нибудь маленькой нищенской группы, едва сводящей концы с концами. Но для нас это было попросту оскорбительно. Ему следовало бы предложить нам сорок за одно только вечернее выступление, не говоря уже о предоставлении питейного зала в наше полное распоряжение, хорошем ужине и ночевке в трактире. Последнее мы бы с благодарностью отвергли, поскольку в их постелях наверняка было полно вшей, а в наших фургонах — нет.

Хотя мой отец был удивлен и оскорблен, но не подал и виду.

— Собирайтесь! — крикнул он через плечо.

Трип рассовал свои шары по многочисленным карманам, даже не рисуясь перед публикой. Несколько десятков горожан заголосили разочарованным хором, когда куклы остановились на середине трюка и попрятались в ящики. Мэр с видимым облегчением вытащил кошелек и извлек оттуда два серебряных пенни.

— Я непременно расскажу барону о вашей щедрости, — сказал отец ровно в тот момент, когда мэр вложил деньги в его руку.

Мэр замер:

— Барону?

— Барону Грейфеллоу. — Отец сделал паузу, ища искру узнавания на лице мэра. — Лорд восточных болот, Худумбрана-у-Тирена и

Вайдеконтских холмов. — Он обозрел горизонт. — Ведь мы еще не выехали из Вайдеконтских холмов, правда?

— Ну да, — нехотя отозвался мэр. — Но сквайр Семелан...

— О, так мы во владениях Семелана! — воскликнул мой отец, оглядываясь, словно только что понял, где он. — Стройенький такой джентльмен, аккуратненькая маленькая борода? — Он изобразил бородаку рукой у себя на лице.

Мэр ошеломленно кивнул.

— Очаровательный человек, прекрасный голос. Встречался с ним, когда мы развлекали барона в прошлое Средьзимье.

— Да, это он. — Мэр сделал многозначительную паузу. — Могу я посмотреть вашу грамоту?

Я смотрел, как мэр ее читает. Чтение заняло у него некоторое время, потому что мой отец не удосужился упомянуть большинство титулов барона, таких как виконт Монтрон и лорд Треллистон. А получалось вот что: сквайр Семелан действительно владел этим городком и окрестными землями, но сам был вассалом Грейфеллоу. Проще говоря, Грейфеллоу командовал кораблем, а Семелан драил палубу и отдавал честь.

Мэр снова свернул пергамент и отдал моему отцу.

— Понимаю.

И все. Меня, помнится, поразило, что мэр не извинился и не предложил отцу больше денег.

Отец тоже сделал паузу и затем продолжил:

— Город в вашем ведении. Но мы будем выступать в любом случае. Это будет либо здесь, либо за пределами города.

— Вы не будете выступать в зале трактира, — твердо сказал мэр. — Я не хочу, чтоб его снова разнесли.

— Мы можем выступать прямо здесь. — Отец указал на рыночную площадь. — Здесь достаточно места, и людям не придется выходить из города.

Мэр заколебался, а я с трудом верил своим ушам. Мы иногда решали выступать на лугу, потому что местные постройки не могли вместить всех. Два наших фургона были сконструированы так, чтобы превращаться в сцены, — как раз для таких случаев. Но за все мои одиннадцать лет я по пальцам мог сосчитать случаи, когда нас заставляли давать представление на лугу. Мы никогда не выступали за городскими пределами.

Но от этого судьба нас избавила. Мэр наконец кивнул и поманил моего отца к себе. Я выскользнул из задка фургона и подобрался поближе, успев уловить последние слова: «...здесь народ богобоязненный. Ничего

непристойного или еретического. У нас были полные пригоршни проблем с последней трупой, которая здесь выступала: две драки, бельишко у народа попропадало, а одна из дочерей Брэнстона оказалась в положении».

Я был оскорблен до глубины души. И ждал, что отец продемонстрирует мэру остроту своего языка, объяснив разницу между простыми бродячими актерами и эдема руэ. Мы не крадем. Мы никогда не позволим себе настолько выпустить ситуацию из-под контроля, чтобы кучка пьянчуг разгромила зал, где мы играем.

Но отец не сделал ничего подобного: он просто кивнул и пошел обратно к нашему фургону. Один взмах рукой, и Трип снова начал жонглировать. Куклы выскочили из ящиков.

Обогнув фургон, отец увидел меня, притаившегося за лошадьми.

— По твоему лицу я вижу, что ты все слышал, — сказал он с кривой усмешкой. — Пусть будет так, мой мальчик. Он заслуживает уважения хотя бы за честность, если не за любезность: ведь он просто говорит вслух то, что другие прячут в глубине своих сердец. Как ты думаешь, почему я слежу, чтобы в больших городах все ходили по двое, когда отправляются по делам?

Я знал, что это правда. И все же слишком горькая пилюля для маленького мальчика.

— Двадцать пенни, — сказал я язвительно. — Словно милостыню бросил.

Это самая тяжелая часть жизни эдема руэ. Мы везде чужаки. Многие люди считают нас проходимцами и нищими бродягами, другие — чем-то вроде сборища воров, еретиков и шлюх. Трудно терпеть клевету, но куда тяжелее, когда на тебя сверху вниз смотрят тупицы, за всю жизнь не прочитавшие ни одной книжки и не отъезжавшие от мест, где родились, даже на двадцать километров.

Отец рассмеялся и потрепал меня по волосам.

— Просто пожалей его, мой мальчик. Завтра мы продолжим путь, а ему предстоит обуздывать свой несговорчивый народ до самой смерти.

— Он невежественный болван, — буркнул я.

Отец положил мне на плечо тяжелую крепкую руку, показывая, что я сказал достаточно.

— Полагаю, так будет и дальше на пути к Атуру. Завтра мы повернем на юг: трава там зеленее, народ добрее, женщины милее. — Он скосил глаз в сторону фургона и пихнул меня локтем.

— Я слышу все, что вы говорите, — сладко пропела моя мать из повозки.

Отец ухмыльнулся и подмигнул мне.

— И какую пьесу мы собираемся играть? — спросил я отца. — Ничего непристойного, запомни. В этих краях очень богобоязненный народ.

Он прищурился:

— А что бы ты выбрал?

Я долго обдумывал.

— Я бы сыграл что-нибудь из Брайтфилдовского цикла. «Кование пути» — в этом роде.

Отец скорчил гримасу:

— Не очень хорошая пьеса.

Я пожал плечами:

— Они не поймут разницы. Кроме того, она под завязку набита Тейлу, так что никто не сможет пожаловаться, будто пьеса непристойна. — Я посмотрел на небо. — Надеюсь только, дождь не застанет нас на середине представления.

Отец поднял взгляд к облакам.

— Застанет. Ну, есть вещи и похуже, чем выступать под дождем.

— Например, играть под дождем и получить за это мелкую монетку? — спросил я.

К нам спешил мэр — семенил со всей возможной быстротой. Он даже слегка задыхался, словно бежал изо всех сил. Его лоб поблескивал от пота.

— Я поговорил с несколькими членами совета, и мы решили, что вам вполне можно разрешить использовать общий зал трактира, если вы захотите.

Отец безукоризненно владел языком жестов. Было абсолютно ясно, что он обижен, но слишком вежлив, чтобы высказать это.

— Я совсем не хочу выгонять вас...

— Нет-нет. Никакого беспокойства. Фактически я настаиваю.

— Ну, если вы настаиваете...

Мэр улыбнулся и засеменил прочь.

— Что ж, уже лучше, — вздохнул мой отец. — Пока нет нужды затягивать пояса.

— Полпенни с головы — какой пустяк! Кто безголовый — проходи за так. Спасибо, сэр.

Трип стоял в дверях, проверяя, чтобы каждый входящий заплатил за представление.

— Полпенни с головы. Хотя по розам на щеках вашей леди я бы сказал, что вас тут все полторы головы. Ну да то дело не мое.

У Трипа был самый острый в труппе язык, и для такой работы он подходил как нельзя лучше: при нем никто не пытался пробраться внутрь болтовней или силой. Одетый в серо-зеленый шутовской костюм, Трип мог заболтать любого и в случае чего легко выкручивался.

— Мамулька, привет, за мальчика платы нет, а коль будет пиццать, надо титьку давать или уж выноси подышать, — продолжал скороговоркой Трип. — Все верно, полпенни. О да, сэр, пустая голова все равно платит по полной.

Хотя всегда было весело смотреть, как Трип работает, сегодня меня больше интересовал фургон, вкатившийся в городок с другого конца около четверти часа назад. Мэр немного поругался со стариком, управлявшим ослами, и унесся в гнев. Теперь он возвращался к фургону в сопровождении высокого парня с длинной дубиной — констебля, насколько я мог судить.

Мое любопытство родилось вперед меня, так что я стал пробираться к фургону, изо всех сил стараясь оставаться незамеченным. Когда я подобрался достаточно близко, чтобы расслышать разговор, мэр и старикан снова спорили. Констебль стоял рядом, сердитый и отчего-то встревоженный.

— ...сказал вам. У меня нет лицензии. Мне не нужна лицензия. Что, теперь уже и разносчику нужна лицензия? Может, и лудильщику нужна?

— Ты не лудильщик, — возразил мэр. — И не пытайся выдать себя за него.

— Я не пытаюсь выдавать себя ни за кого, — оборвал его старик. — Я и лудильщик, и разносчик — и больше, чем оба, вместе взятые. Я арканист! Ты понял, груда бурлящего идиотизма?

— О чем я и говорю, — гнул свое мэр. — Мы все в этих краях люди богобоязненные и не желаем водиться с темными силами, которые лучше не трогать. Нам не нужны неприятности с такими, как ты.

— С такими, как я? — спросил старик. — Да что ты знаешь о таких, как я? В эти края настоящие арканисты наверняка лет пятьдесят уж не заглядывали.

— Это-то нам и надо. Просто разворачивайся и езжай, откуда явился.

— Черта с два я проведу ночь под дождем из-за твоей тупой башки, — запальчиво возразил старик. — Мне не нужно твое разрешение, чтобы снять комнату или поработать на улице. Так что отойди от меня или на своей шкуре узнаешь, какие неприятности могут быть от «таких, как я».

На лице мэра промелькнул страх, который тут же смыло волной гнева. Он через плечо махнул констеблю.

— Тогда ты проведешь ночь в кутузке за бродяжничество и вызывающее поведение. Мы отпустим тебя утром, если научишься придерживать язык.

Констебль приблизился к фургону, благоразумно прижимая дубинку к бедру.

Старик выпрямился и поднял руку. Яркий красный свет заструился из передних углов фургона.

— Вам повезло, что далеко, — зловеще произнес он. — Иначе бы никому не поздоровилось.

После секундного удивления до меня дошло, что красный свет идет от пары симпатических ламп, которые старик укрепил на своем фургоне. Я видел одну такую раньше, в библиотеке лорда Грейфеллоу. Они горели ярче газовых ламп, ровнее свечей или масляных ламп и были практически вечными. Кроме этого, они чертовски дорого стоили. Я мог поспорить, что в этом городишке никто даже не слышал о таких штуках — не то что видел.

Когда зажегся свет, констебль замер как вкопанный. Но поскольку больше вроде бы ничего не происходило, он браво выпятил челюсть и продолжил путь к фургону.

Старик беспокоился.

— Ну-ка погодите минутку, — начал он, когда красный свет в фургоне стал гаснуть. — Мы же не хотим...

— Заткни хлебало, старый пердун, — велел констебль.

Он схватил арканиста за плечо с таким видом, словно совал руку в раскаленную печь. Ничего ужасного не произошло, и констебль ухмыльнулся, снова преисполнившись уверенности:

— А будешь еще какую дьявольщину творить, я тебя долбану как следует.

— Молодец, Том, — похвалил мэр, просияв от облегчения. — Веди его, а потом пришьем кого-нибудь за фургоном.

Констебль ухмыльнулся еще раз и вывернул руку старика. Арканист согнулся пополам, издав короткий свистящий, полный боли звук.

С того места, где я прятался, я видел, как тревога на лице арканиста сменилась болью, а потом яростью — все за одну секунду. Его губы шевельнулись...

Из ниоткуда ударил свирепый порыв ветра — будто в одно мгновение разразилась буря. Ветер зацепил фургон старика, и он встал на два колеса, а потом снова грохнулся на все четыре. Констебль отшатнулся и упал, словно пораженный Господней дланью. Даже там, где я прятался — метрах в десяти от них, — ветер был так силен, что мне пришлось шагнуть вперед,

будто кто толкнул меня в спину.

— Изыдите! — гневно прокричал старик. — Не тревожьте меня больше! Я превращу вашу кровь в огонь, а сердца наполню ужасом, что холоднее льда и железа!

В этих словах было что-то знакомое, но я не мог припомнить, откуда знаю их.

Мэр с констеблем поджали хвосты и бросились наутек — с глазами, белыми от ужаса, как у перепуганных лошадей.

Ветер стих так же внезапно, как и появился. Вся буря продолжалась не более пяти секунд. Поскольку почти все горожане сейчас собрались в трактире, я сомневался, что кто-либо еще видел это, кроме меня, мэра, констебля и пары стариковых ослов, запряженных в фургон и хранящих полнейшую невозмутимость.

— Избавьте это место от вашего нечистого присутствия, — бормотал про себя арканист, наблюдая за бегущими обидчиками. — Силою имени моего я повелеваю, чтобы стало так.

Наконец я понял, почему эти слова показались мне столь знакомыми. Он цитировал сцену изгнания демонов из «Даэоники». Не многие знали эту пьесу.

Старик вернулся к своему фургону и начал импровизировать:

— Я превращу вас в масло на летнем солнце. В поэта с душой священника. Я нашпигую вас лимонным кремом и выброшу из окна. — Он сплюнул. — Идиоты.

Гнев, похоже, покинул его, и старик испустил глубокий усталый вздох.

— Да уж, хуже и быть не могло, — пробормотал он, потирая вывернутое плечо. — Думаете, они вернутся с целой толпой?

На мгновение я подумал, что старик обращается ко мне. Затем я понял: он говорит с ослами.

— Я тоже не думаю, — кивнул он. — Но бывало, что я ошибался. Давайте-ка лучше остановимся на краю города и полюбуемся на остатки овса.

Старик вскарабкался в фургон и вылез оттуда с широким ведром и почти пустым холщовым мешком. Он высыпал содержимое мешка в ведро, явно пав духом при виде результата, взял горсточку овса себе и ногой подтолкнул ведро к ослам.

— Не смотрите на меня так, — буркнул он. — Все на голодном пайке. Кроме того, вы хоть пастись можете. — Поглаживая осла, он начал жевать сырой овес, иногда останавливаясь, чтобы выплюнуть шелуху.

Мне показалось очень печальным, что этот старик путешествует

совсем один и, кроме ослов, ему даже поговорить не с кем. Нам, эдема руэ, тоже приходится нелегко, но нас много. А у этого человека не было никого.

— Мы забрались слишком далеко от цивилизации, ребятки. Те, кто нуждается во мне, мне не доверяют, а те, кто доверяет, не могут себе позволить моих услуг. — Старик уставился в свой кошелек. — У нас есть пенни и еще полпенни, так что выбор невелик. Хотим мы промокнуть сегодня или поголодать завтра? Никакого бизнеса тут, похоже, не получится. Так что придется выбирать: не одно, так другое.

Я крался вокруг угла дома, пока не смог разглядеть, что написано на боку стариковского фургона. Надпись гласила:

АБЕНТИ: АРКАНИСТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ

Писец. Лозоходец. Аптекарь. Зубной врач.

Редкие товары. Вылечу все боэьзни.

Найду пропавшее. Починю сломанное.

Не гороскопы. Не любовные зелья. Не черная магия.

Абенти заметил меня, как только я выступил из-за дома, где прятался.

— Эй, привет. Могу я тебе чем-то помочь?

— Вы неправильно написали «болезни», — указал я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— На самом деле это шутка, — объяснил он. — Я немножко варю пиво.

— А, эль. Понятно, — кивнул я и вытащил руку из кармана. — Можете мне что-нибудь продать за пенни?

К удивлению в его взгляде примешалось любопытство.

— А чего ты ищешь?

— Я бы хотел немного лациллиума. — За последний месяц мы пару десятков раз представляли пьесу «Фариен Справедливый», и мой юный разум насквозь пропитался интригами и убийствами.

— Ты предполагаешь, что тебя кто-то отравит? — слегка ошеломленно

спросил арканист.

— На самом деле нет. Но мне кажется, когда противоядие понадобится, искать его будет поздно.

— Пожалуй, на пенни я могу продать тебе лациллиума, — сказал старик. — Это будет как раз доза для человека твоих размеров. Но это вещество опасно. Оно спасает только от настоящих ядов. А если примешь не вовремя, можешь навредить себе.

— О, — сказал я. — Я этого не знал. — В пьесе лациллиум подавался как абсолютная панацея.

Абенти задумчиво постучал пальцем по губам.

— Можешь пока ответить мне на один вопрос? — (Я кивнул.) — Чья это труппа?

— В каком-то смысле моя, — ответил я. — Но в другом смысле она моего отца, потому что он тут всем заправляет и указывает, куда ехать фургонам. Но также она и барона Грейфеллоу, потому что он наш покровитель. Мы люди барона Грейфеллоу.

Арканист весело прищурился:

— Я слышал о вас. Хорошая группа. Хорошая репутация.

Я кивнул, не видя смысла в ложной скромности.

— Как думаешь, твой отец может быть заинтересован в какой-нибудь помощи? — спросил старик. — Не буду врать, что я великий актер, но руки у меня растут откуда надо. Я могу делать белила и румяна, не напичканные свинцом, ртутью и мышьяком. Могу еще делать свет: быстрый, чистый и яркий. Разные краски, если надо.

Я даже не стал раздумывать: свечи дорого стоили и боялись сквозняков, факелы коптили и были опасны. И все в труппе с детства знали о вреде грима. Трудновато стать старым опытным актером, если через день мажешь на себя яд, в результате чего к двадцати пяти сходишь с ума.

— Возможно, я опережаю события, — сказал я, протягивая старику руку, — но позвольте мне первым поприветствовать вас в труппе.

Если это должен быть полный и честный рассказ о моей жизни и деяниях, то я чувствую себя обязанным упомянуть, что мои причины пригласить Бена к нам не ограничивались альтруистическим порывом. Что правда, то правда: качественный грим и чистый свет были для нашей труппы желанным приобретением. Правда и то, что мне стало жалко одинокого старика на дороге.

Но кроме всего, мною двигало любопытство. Я видел, как Абенти сделал что-то, чего я не мог объяснить: нечто странное и чудесное. Не тот

трюк с симпатическими лампами — его я сразу раскусил: обычная показуха, блеф, чтобы поразить невежественных горожан.

Но то, что он сделал потом, было совсем иным. Он позвал ветер, и ветер пришел. Настоящая магия — та самая, о какой я слышал в легендах о Таборлине Великом и в которую перестал верить с тех пор, как мне исполнилось шесть. Теперь я не знал, чему верить.

Так что я пригласил его в нашу труппу, надеясь найти ответы на свои вопросы. Тогда я еще этого не знал, но искал я имя ветра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В ФУРГОНЕ С БЕНОМ

Абенти был первым арканистом, который мне встретился в жизни, и он совершенно поразил мое мальчишеское воображение. Он разбирался во всех науках: ботанике, астрономии, психологии, анатомии, алхимии, геологии, химии...

К его представительному виду, венчику седых волос на затылке и изрядному брюшку прилагались блестящие, часто моргающие глазки, быстро перескакивавшие с одного предмета на другой. Брови у Абенти отсутствовали полностью — и это мне в нем запомнилось больше всего. Точнее, брови были: они все время пытались отрасти, но снова и снова сгорали в очередных алхимических опытах. Это делало лицо Абенти одновременно удивленным и насмешливым.

Говорил он мягко и негромко, часто смеялся и никогда не избирал других мишенью для своего остроумия. Он ругался, как пьяный матрос, сломавший ногу, но только на ослов. Их звали Альфа и Бета. Абенти баловал их морковкой и кусочками сахара, когда думал, что никто не видит. Химия была его главной страстью. Мой отец говаривал, что в жизни не видел человека, делающего перегонку лучше Абенти.

Уже на второй день пребывания Бена в труппе я завел привычку ехать в его фургоне. Я задавал ему вопросы, а он отвечал. Иногда он просил меня сыграть что-нибудь, и я играл ему на лютне, позаимствованной из отцовского фургона.

Временами он даже пел. У него был чистый бесшабашный тенор, постоянно плавающий в поисках нот и находящий их в самых неожиданных местах. Чаще всего в таких случаях Абенти останавливался и смеялся над собой. Он был славным человеком, без тени чванства.

Вскоре после появления Абенти в труппе я спросил его, каково это, быть арканистом.

Он задумчиво посмотрел на меня:

— А ты когда-нибудь раньше был знаком с арканистом?

— Мы как-то платили одному, чтобы он починил нам ось на дороге. — Я помолчал, вспоминая. — Он направлялся вглубь страны с рыбным караваном.

Абенти сделал презрительный жест:

— Нет, мальчик, нет. Я говорю об арканистах. Не о каком-то нищем заклинателе холода, который работает на караванных маршрутах, сохраняя мясо свежим.

— А в чем разница? — спросил я, чувствуя, что он от меня этого ждет.

— Ну-у... — протянул он, — это может потребовать некоторых объяснений.

— У меня нет ничего, кроме времени.

Абенти бросил на меня оценивающий взгляд, словно говорящий: «По словам ты старше, чем на вид», — а мне только того и нужно было. Иногда устаешь, когда с тобой говорят как с ребенком, даже если ты ребенок и есть.

Он вздохнул:

— Просто если человек знает один-другой трюк, это еще не значит, что он арканист. Он может уметь вправить кость или читать на эльдвинтисе, может даже немного понимать симпатию, но...

— Симпатию? — перебил я как можно вежливее.

— Ты бы, пожалуй, назвал это магией, — неохотно сказал Абенти, пожимая плечами. — На самом деле это не так. Но даже знание симпатии не делает тебя арканистом. Настоящий арканист обязательно проходит через арканум в Университете.

При упоминании арканума я ошетинился двумя десятками новых вопросов. Не так уж много, можете подумать вы, но если прибавить их к той полусотне, что я носил с собой повсюду, я был готов взорваться. Только могучим усилием воли я сдержался, ожидая, пока Абенти продолжит сам.

Абенти, однако, заметил мое волнение.

— Значит, ты уже слыхал об аркануме? — Кажется, его это позабавило. — Тогда расскажи мне, что ты слышал.

Эта маленькая подсказка была именно тем предлогом, который мне требовался.

— Я слышал от одного мальчика в Темпер Глен, что если тебе отрезало руки, то в Университете их могут пришить обратно. Правда могут? В некоторых историях говорится, что Таборлин Великий отправился туда, чтобы узнать имена всех вещей. Еще там есть библиотека с тысячью книг. Их правда так много?

Абенти ответил на последний вопрос, остальные высыпались из меня слишком быстро.

— На самом деле их там куда больше тысячи. Десять раз по десять тысяч книг. И даже еще больше. Больше книг, чем ты смог бы прочитать за всю жизнь. — В голосе Абенти прорезались мечтательные нотки.

Больше книг, чем я смогу прочитать? Почему-то я в этом сомневался.

Бен продолжал:

— Люди, которых ты видишь в караванах: заклинатели, предохраняющие пищу от порчи, лозоходцы, предсказатели судьбы, пожиратели жаб, — такие же арканисты, как все бродячие артисты — эдема руэ. Они могут немного знать алхимию, немного симпатию, немного медицину. — Он покачал головой. — Но они не арканисты. Многие ими притворяются. Нацепляют на себя мантии и задирают нос, чтобы обманывать доверчивых невежд. Но вот как можно узнать настоящего арканиста.

Абенти стащил через голову тонкую цепочку и протянул мне. Я впервые видел знак арканума. Он оказался не особенно впечатляющим: просто плоский кусочек свинца с впечатанными в него незнакомыми письменами.

— Это настоящий гил'те — или гильдер, если тебе так больше нравится, — объяснил Абенти с явным удовольствием. — Это единственный верный способ узнать, арканист перед тобой или нет. Твой отец попросил меня показать его, прежде чем позволить ехать с вами. Это значит, что он опытный человек, человек мира. — Абенти исподтишка наблюдал за мной. — Неприятно?

Я стиснул зубы и кивнул. Ладонь моя онемела, как только я коснулся свинца. Я с любопытством рассматривал знаки на его сторонах, но уже через два вдоха рука у меня онемела до самого плеча, словно я проспал на ней всю ночь. Мне было ужасно интересно, онемее ли все тело, если я подержу знак арканума достаточно долго.

Выяснить это мне не удалось: фургон подпрыгнул на кочке, и моя затекшая рука чуть не выронила знак на подножку фургона. Абенти подхватил его, надел через голову обратно и довольно хмыкнул.

— А как ты это выдержишь? — спросил я, пытаюсь растереть руку, чтобы она хоть что-нибудь почувствовала.

— Так получается только с другими людьми, — пояснил Абенти. — А для хозяина он просто теплый. Вот так и можно отличить настоящего арканиста от человека, просто обладающего даром находить воду или предсказывать погоду.

— Трип умеет что-то вроде этого, — сказал я. — Он выбрасывает семерки.

— Ну, это немножко другое, — рассмеялся Абенти. — Не такое необъяснимое, как дар. — Он ссутулился на своем сиденье. — Возможно, и к лучшему. Пару сотен лет назад человек был все равно что мертв, если

люди замечали, что у него есть особый дар. Тейлинцы считали это демоническим знаком и сжигали людей, обладавших необычными дарами. — Абенти, казалось, загрустил.

— Нам приходилось устраивать Трипу побегу из тюрьмы раз или два, — сказал я, пытаясь вернуть беседу в более приятное русло. — Но на самом деле его никто не собирался сжигать.

Абенти устало улыбнулся:

— Подозреваю, у Трипа есть пара особых костей или особый навык, который, возможно, также распространяется на карты. Спасибо тебе за своевременное предупреждение, но дар — это нечто совсем другое.

Покровительственного тона я снести не мог.

— Трип не станет жульничать даже ради спасения собственной жизни, — заявил я чуть резче, чем намеревался. — И любой в труппе может отличить хорошие кости от плохих. Трип просто выбрасывает семерки. Не важно, чьими костями — всегда семерки. Если он спорит с кем-то, выпадают семерки. Если он натывается на стол с костями на нем — опять семерка.

— Хм... — покивал Абенти. — Прими тогда мои извинения: это похоже на дар. Было бы любопытно посмотреть.

Я пожал плечами:

— Только возьмите свои кости. Мы не разрешали ему играть многие годы. — Внезапно меня осенила мысль: — Так что... может, он и разучился...

Он пожал плечами:

— Дары не уходят так просто. Когда я рос в Стаупе, я знал одного юношу, обладавшего особым даром: он необычайно хорошо управлялся с растениями. — Усмешка Абенти исчезла, он словно вглядывался во что-то, невидимое мне. — Его помидоры уже краснели, когда у других еще только лоза завивалась, тыквы вырастали больше и слаще, а виноград превращался в вино прежде, чем разливался по бутылкам. — Он умолк, по-прежнему глядя в никуда.

— Его сожгли? — спросил я с нездоровым любопытством юности.

— Что? Нет, конечно нет. Я не настолько стар. — Он сдвинул брови, изображая суровость. — Случилась засуха, и он пропал из города. Сердце его бедной матери было разбито.

Наступила тишина. Я слышал, как за два вагона до нас Терен и Шанди репетируют отрывок из «Свинопаса и соловушки».

Абенти тоже слушал, но отстраненно. После того как Терен запутался на середине монолога в саду Фейна, я повернулся к Бену.

— А актерскому искусству в Университете учат? — спросил я.

Абенти покачал головой, слегка удивленный вопросом:

— Там учат многим вещам, но не этому.

Я посмотрел на Абенти и увидел, что он наблюдает за мной, а в его глазах пляшут веселые огоньки.

— Ты мог бы научить меня некоторым из этих вещей? — спросил я.

Он улыбнулся — вот так просто все и получилось.

Абенти начал давать мне краткие основы всех наук. Хотя его главной любовью была химия, он верил в необходимость разностороннего образования. Я научился обращаться с секстаном, компасом, логарифмической линейкой и счетами. Что более важно, я научился обходиться и без них.

Спустя оборот я мог узнать и назвать любое вещество в его фургоне. Через два месяца я мог продистиллировать настойку, чтобы она стала крепче, чем возможно пить, перевязать рану, вправить кость и диагностировать сотни болезней по их симптомам. Я изучил процесс изготовления четырех различных афродизиаков, трех отваров для предохранения от беременности, девяти — от импотенции и двух зелий, называвшихся просто «помощь девице». Абенти довольно туманно говорил о назначении последних, но у меня были некоторые подозрения.

Я выучил формулы десятков ядов и кислот, а также сотню лекарств и панацей — последние даже иногда работали. Я удвоил свои знания о растениях — по крайней мере, в теории, если не на практике. Абенти начал звать меня Рыжим, а я его Беном — сначала в отместку, а потом по дружбе.

Только сейчас, спустя долгое время, я понимаю, как осторожно Бен готовил меня к тому, что будет в Университете. Раз или два в день в ходе обычных лекций Бен показывал мне маленькое умственное упражнение, с которым я должен был справиться, прежде чем перейти к другому предмету. Он заставлял меня играть в тирани без доски — просто запоминая ходы фишек. Иногда он останавливался посреди разговора и заставлял повторить все сказанное в последние минуты, слово в слово.

Это было куда сложнее, чем обычное запоминание, которым я пользовался для сцены. Мой разум учился работать разными способами и становился сильнее. Так тело чувствует себя после рубки дров, плавания или секса: вымотанным, расслабленным и богоподобным. Ощущения были похожи, только работало не тело, а мозг — это он уставал и растягивался, расслаблялся и набирался сил. Я чувствовал, как мой разум начинает пробуждаться.

Чем дальше, тем быстрее я учился — так вода размывает песчаную запруды. Не знаю, понимаете ли вы, что такое геометрическая прогрессия, но это лучший способ описать мое продвижение. И все это время Бен продолжал учить меня умственным упражнениям, а я был почти уверен, что он придумывает их исключительно из вредности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

АЛАР И КАМНИ

Бен держал в руке грязный камень размером чуть больше своего кулака.

— Что случится, если я отпущу этот камень?

Я задумался. Простые вопросы во время уроков очень редко оказывались простыми. Наконец я дал очевидный ответ:

— Наверное, он упадет.

Абенти поднял бровь. У него не было свободного времени, чтобы снова их сжечь: в последние месяцы он почти постоянно занимался со мной.

— Наверное? Ты говоришь как софист, мальчик. Разве раньше он не всегда падал?

Я показал ему язык:

— Не пытайся меня запутать такими рассуждениями. Это логическая ошибка, ты сам так учил.

Он ухмыльнулся:

— Отлично. Будет ли справедливо сказать, что ты веришь, что камень упадет?

— Вполне справедливо.

— Я хочу, чтобы ты поверил, что он поднимется вверх, когда я его отпущу. — Бен заухмылялся еще шире.

Я попытался. Это было похоже на занятия умственной гимнастикой. Через некоторое время я кивнул:

— Ага.

— Насколько твердо ты в это веришь?

— Не очень, — признался я.

— Я хочу, чтобы ты поверил, что этот булыжник улетит. Поверь в это с той силой веры, что движет горами и сотрясает деревья. — Он помолчал и попробовал зайти с другой стороны: — Ты веришь в бога?

— В Тейлу? Ну, до некоторой степени.

— Недостаточно. Ты веришь в своих родителей?

Я слегка улыбнулся:

— Иногда. Я не вижу их прямо сейчас.

Он фыркнул и снял с крючка хлыст, которым подгонял Альфу и Бету,

когда они ленились.

— Веришь ли ты в это, э'лир? — Бен называл меня э'лиром, только когда считал, что я упрямлюсь ему назло.

Он показал мне хлыст. В его глазах тлел зловредный огонек. Я решил не испытывать судьбу:

— Да.

— Хорошо. — Бен резко щелкнул хлыстом по борту фургона. Альфа повернула одно ухо на шум, не поняв, было ли это адресовано ей. — Такая вера мне и нужна. Она называется алар, «вера-в-хлыст». Когда я отпущу этот камень, он улетит прочь, свободный как птица.

Он помахал хлыстом.

— И никакой мне тут философии — или заставлю тебя пожалеть, что ты вообще познакомился с этой игрушкой.

Я кивнул. Я очистил свой разум с помощью одного из трюков, которым уже научился и старался поверить. По спине побежал пот.

Где-то минут через десять я снова кивнул.

Бен отпустил камень. Он упал.

У меня заболела голова.

Бен снова подобрал камень.

— Ты веришь, что он улетел?

— Нет! — буркнул я, потирая виски.

— Хорошо. Он не улетел. Никогда не убеждай себя, что видишь то, чего не существует. Это тонкая грань, но симпатия — искусство не для слабовольных.

Он снова держал камень на ладони.

— Ты веришь, что он улетит?

— Но он не улетел!

— Это не имеет значения. Попробуй еще раз. — Бен покачал булыжник на ладони. — Алар — краеугольный камень симпатии. Если ты собираешься навязывать свою волю миру, ты должен иметь власть над собственной верой.

Я старался снова и снова. Никогда в жизни мне не доводилось заниматься такой тяжелой работой. Это заняло у меня почти весь день до вечера.

Наконец Бен отпустил камень, и мне удалось удержать твердую веру, что он не упадет, несмотря на очевидность обратного.

Я услышал звук удара и посмотрел на Бена.

— У меня получилось, — сказал я спокойно, хотя чуть не лопался от гордости.

Бен искоса взглянул на меня, словно не совсем верил, но не хотел этого показывать. Он рассеянно крутанул камень на пальце, затем пожал плечами и снова положил его на ладонь.

— Теперь ты должен верить, что камень упадет и не упадет, когда я отпущу его, — ухмыльнулся Бен.

Этим вечером я лег спать поздно. Из носа у меня текла кровь, а на лице покоилась довольная улыбка. Я свободно удерживал в голове две отдельных веры и мирно уснул, убаюканный их диссонансом.

Умение одновременно думать о двух различных вещах великолепно повышало эффективность мышления и походило на пение дуэтом с самим собой. Это стало моей любимой игрой. После двух дней практики я мог петь трио. Скоро я научился мысленному эквиваленту тасования колоды и жонглирования кинжалами.

Было еще много разных уроков, хотя ни один не стал для меня настолько поворотным, как алар. Бен научил меня «каменному сердцу» — умственному упражнению, которое позволяло отбросить эмоции и предрассудки и думать о чем тебе угодно. Бен сказал, что человек, который действительно владеет «каменным сердцем», может не пролить ни единой слезинки на похоронах собственной сестры.

Он также научил меня игре под названием «ищи камень». Смысл ее заключался в следующем: ты заставлял одну часть разума спрятать воображаемый камень в воображаемой комнате. Затем другая часть твоего разума должна была найти его.

На самом деле это прекрасно учит мысленному контролю. Если у тебя действительно получается играть в «ищи камень», то ты развиваешь совершенно железный алар — именно тот, что необходим для симпатии.

И хотя умение одновременно думать о двух вещах чрезвычайно удобно, обучение этому в лучшем случае неприятно, а в худшем подрывает веру в себя, причиняя серьезное беспокойство.

Я помню, как однажды искал камень около часа, прежде чем позволил себе спросить вторую половину разума, где она спрятала камень, — только чтобы выяснить, что я не прятал камня вообще. Просто проверял, сколько продержусь, прежде чем сдаться. Вы когда-нибудь бывали одновременно злы на себя и смешны себе? Мягко говоря, интересное ощущение.

Иногда я просил подсказок и заканчивал насмешками над собой. Неудивительно, что многие арканисты слегка эксцентричны, если не совсем без башни. Как и говорил Бен, симпатия — занятие не для слабовольных.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СВЯЗЫВАНИЕ ЖЕЛЕЗА

Я сидел в задке Бенова фургона. Для меня это было место, полное чудес: гнездо сотен бутылочек и свертков, пропитанных тысячью запахов. Здесь мой юный ум обычно находил куда больше интересного, чем в тележке лудильщика, но только не сегодня.

Прошлой ночью прошел сильный ливень, и дорога превратилась в вязкое болото. Поскольку трупку не связывал какой-либо график выступлений, мы решили переждать денек-другой, пока подсохнут дороги. Дело довольно обычное, но Бен счел его отличным поводом продолжить мое обучение. Поэтому я сидел за деревянным столом в фургоне Бена и бесился, что теряю день, слушая его рассказы о давно известных мне вещах.

Эти мысли, похоже, были написаны у меня на лице, потому что Абенти вздохнул и сел рядом со мной.

— Не совсем то, чего ты ожидал?

Я немного расслабился, зная, что этот тон означает временное избавление от урока. Бен сгреб со стола пригоршню железных драбов, позвенел ими в кулаке и посмотрел на меня:

— Ты научился жонглировать сразу? Пятью шариками, с самого начала? И кинжалами тоже?

Припомнив первый опыт жонглирования, я покраснел. Вначале Трип не позволил мне даже взять три шарика — заставил жонглировать двумя. И то я их уронил пару раз. Так я и сказал Бену.

— Правильно, — ответил Бен. — Освоишь этот трюк и сможешь научиться новому.

Я ожидал, что он встанет и продолжит урок, но он этого не сделал. Вместо этого он протянул мне горсть драбов.

— Что ты знаешь о них? — Он потряс монетки в горсти.

— В каком смысле? — уточнил я. — С точки зрения физики, химии, истории...

— Истории, — ухмыльнулся он. — Удиви меня знанием исторических подробностей, э'лир.

Однажды я спросил его, что означает э'лир. Он заявил, что это «мудрец», но так при этом скривил рот, что я усомнился в его правдивости.

— Давным-давно люди, которые...

— Насколько давно?

Я сдвинул брови с притворной суровостью:

— Примерно две тысячи лет назад. Кочевой народ, скитавшийся в предгорьях Шальды, объединился под руководством одного вождя.

— Как его звали?

— Хелдред. Его сыновьями были Хелдим и Хелдар. Ты хочешь услышать всю его родословную или мне можно перейти к делу? — Я смерил его сердитым взглядом.

— Прошу прощения, сэр. — Бен сел прямо и изобразил такое пристальное внимание, что мы оба расхохотались.

Я продолжил:

— Хелдред в конце концов стал контролировать предгорья Шальды — а значит, и все горы. Его люди научились сеять хлеб, кочевой образ жизни был забыт, и они постепенно начали...

— Переходить к делу? — ввернул Абенти, высыпая драбы на стол передо мной.

Я старательно проигнорировал его.

— Они контролировали единственный богатый и легкодоступный источник металлов в тех краях и скоро стали самыми искусными работниками по этим металлам. Воспользовавшись этим преимуществом, они обрели богатство и власть.

До тех пор самым обычным способом торговли был обмен. Некоторые большие города чеканили собственную монету, но вне этих городов деньги ценились на вес металла. Бруски металла лучше подходили для торговли, но много брусков было неудобно носить.

Бен скорчил гримасу студента, умирающего от скуки. Эффект слегка портили спаленные пару дней назад брови.

— Надеюсь, ты не собираешься рассуждать о сравнительных достоинствах валют?

Я тяжело вздохнул и решил впредь поменьше дергать Бена, когда он читает мне лекции.

— Теперь уже не кочевники, называемые «сильдим», были теми, кто устанавливал валютные стандарты. Разрезав маленький брусок на пять частей, ты получал пять драбов. — Я начал складывать два ряда по пять драбов, чтобы проиллюстрировать свою речь. Они напоминали маленькие бруски. — Десять драбов равняются медной йоте; десять йот...

— Достаточно, — вмешался Бен, заставив меня вздрогнуть. — Возьмем вот эти два драба. — Он протянул мне два кусочка железа. —

Могли они получиться из одного бруска?

— На самом деле их наверняка отливают по отдельности... — Я умолк под его суровым взглядом. — Могли.

— Значит, между ними все еще есть что-то, их соединяющее? — Он снова пробуравил меня взглядом.

Я был не совсем согласен, но решил не выпендриваться:

— Так.

Бен положил обе монетки на стол.

— Значит, если ты двинешь один, то второй тоже должен двинуться?

Я согласился для вида — и для спора — и потянулся, чтобы передвинуть один драб. Но Бен остановил мою руку, покачав головой.

— Сначала им надо это напомнить — фактически уговорить.

Он принес миску и сцедил в нее густую каплю соснового дегтя. Потом обмакнул один драб в деготь, прилепил к нему другой, произнес несколько слов, которые я не узнал, и медленно раздвинул кусочки металла в стороны. Между ними протянулись ниточки дегтя.

Затем Бен положил один драб на стол, а другой зажал в руке. Пробормотал что-то еще и расслабился. Потом поднял руку, и драб на столе повторил его движение. Бен поводил рукой, и бурый кусочек железа повис в воздухе.

Он перевел взгляд с меня на монетку.

— Закон симпатии — одна из основ магии. Он гласит, что чем больше похожи два объекта, тем сильнее между ними симпатическая связь. Чем сильнее связь, тем больше они воздействуют друг на друга.

— Твое определение замкнуто само на себя.

Бен опустил монетку. Менторская важность сменилась ухмылкой, когда он попытался тряпкой отскрести с рук деготь — почти безрезультатно.

Задумавшись на секунду, он спросил:

— Выглядит довольно бесполезной штукой?

Я нерешительно кивнул: каверзные вопросы были обычным делом во время уроков.

— Ты бы предпочел научиться призывать ветер? — Его глаза гипнотизировали меня.

Он пробормотал какое-то слово, и холщовый верх фургона над нашими головами зашуршал под дыханием ветра.

Я почувствовал, как мое лицо расползается в волчьей ухмылке.

— Никуда не годится, э'лир. — Бен ответил такой же волчьей жесткой усмешкой. — Надо выучить буквы, прежде чем писать. Сначала выучи

аккорды, а потом играй и пой.

Он вытащил клочок бумаги и нацарапал на нем пару слов.

— Штука в том, чтобы твердо удерживать алар в своем сознании. Нужно верить, что между ними есть связь. Нужно знать это. — Он передал мне бумажку. — Вот фонетическое произношение. Это называется «симпатическое связывание параллельного движения». Тренируйся. — Теперь он еще больше походил на волка: седой, старый и безбровый.

Бен ушел мыть руки. Я очистил разум с помощью «каменного сердца» и скоро погрузился в море бесстрастного спокойствия. Потом склеил два кусочка металла сосновым дегтем. Зафиксировал в сознании алар — веру-в-хлыст, — что два драба связаны между собой. Произнес слова, разделил монетки, проговорил последнее слово и стал ждать.

Никакого потока силы. Меня не бросило ни в жар, ни в холод. Луч света не озарил меня.

Я был весьма разочарован — насколько мог в состоянии «каменного сердца». Поднял руку с монеткой, и вторая монетка на столе повторила движение. Без сомнения, это была магия, но я не чувствовал никакого восторга. Я-то ожидал... Не знаю, чего я ожидал, но не этого.

Остаток дня был проведен в экспериментах с простым симпатическим связыванием, которому меня научил Абенти. Я узнал, что связано может быть почти все. Железный драб и серебряный талант, камень и кусочек фрукта, два кирпича, ком земли и осел. Около двух часов ушло у меня на то, чтобы сообразить: деготь здесь необязателен. Когда я спросил Бена, он признался, что это просто помогает концентрации. Кажется, он удивился, что я выяснил это самостоятельно.

Быстренько обобщу законы симпатии, поскольку вам наверняка никогда не понадобится больше чем примерное представление, как она работает.

Во-первых, энергию нельзя создать или уничтожить. Когда ты поднимаешь один драб, а второй поднимается со стола, тот, который в твоей руке, весит как два — фактически ты и поднимаешь два.

Это в теории. А на практике тебе кажется, что ты поднимаешь три драба. Ни одна симпатическая связь не совершенна. Чем меньше похожи объекты, тем больше энергии теряется. Представьте себе дырявый желоб, ведущий к водяному колесу. У хорошей симпатической связи очень мало утечек и почти вся энергия идет в дело. В плохой связи дырок полно; очень малая часть прикладываемого усилия идет, собственно, на то, что ты хочешь сделать.

Например, я пытался связать кусочек мела и стеклянную бутылку с

водой. Между ними было очень мало похожего, поэтому, хотя бутылка с водой весила не больше килограмма, когда я попытался поднять мелок, то почувствовал все тридцать. А лучшую связь показала ветка дерева, которую я сломал пополам.

После того как я освоил это несложное симпатическое действие, Бен научил меня другим. Десяток десятков симпатических заклинаний, сотня маленьких трюков для управления течением энергии. Каждое из них было новым словом в обширном словаре языка, на котором я учился говорить. Довольно часто это оказывалось скучным, и я не стану здесь рассказывать и половины.

Бен продолжал понемногу знакомить меня с другими областями знаний: историей, арифметикой и химией. Но я вытягивал из него все, чему он мог меня научить в симпатии. Он выдавал свои секреты по капле, заставляя доказывать, что я освоил одно, прежде чем давать мне другое. Но у меня, видимо, был к этому искусству дар, далеко превосходящий мою естественную склонность к поглощению знаний, так что слишком долго ждать никогда не приходилось.

Я вовсе не хочу сказать, что путь мой всегда был гладок. То же самое любопытство, которое делало меня столь ретивым учеником, с завидной регулярностью приводило меня к всевозможным неприятностям.

Однажды вечером, когда я разводил огонь для кухонного костра, мать застала меня за пением песенки, услышанной мною за день до того. Не зная, что позади меня стоит мать, я постукивал одним поленом о другое и рассеянно напевал:

Леди Лэклесс в черное одета,
Семь диковин прячет платье это.
Есть не для ношения кольцо,
Не для брани острое словцо.
У супруга леди, верь — не верь,
Свечка есть, при ней без ручки дверь.
В ларчике без крышки и замка
Лэклесс держит камни муженька.
А еще у леди есть секрет,
Видит сны она, да сна ей нет.
На дороге, что не для хождения,
Лэклесс ждет загадки разрешенья.

Эту песенку распевала маленькая девочка за игрой в «прыг-скок». Я прослушал ее только два раза, но она застряла у меня в голове — детские песенки легко запоминаются.

Мать услышала меня и подошла к огню.

— Что ты пел, мой милый? — Ее тон не был суровым, но я почувствовал, что она весьма недовольна.

— Да так, одну штуку, я услышал ее в Феллоу, — уклончиво ответил я.

Убегать с городскими детьми мне было строго-настрого запрещено.

«Недоверие быстро превращается в неприязнь, — говорил мой отец новым членам труппы, — так что в городе не разделяйтесь и ведите себя вежливо».

Я подложил в огонь поленья потолще и стал смотреть, как пламя лижет их. Мать некоторое время молчала, и я уже стал надеяться, что на этот раз пронесло, когда она вдруг сказала:

— Это не слишком хорошая песня. Ты не задумался, о чем она?

Я действительно об этом не думал: стишок казался совершенно бессмысленным. Но теперь, прокрутив его в голове, я увидел совершенно явный сексуальный подтекст.

— Я понял. Но прежде не подумал.

— Всегда думай, о чем поешь, дорогой, — смягчилась мать, погладив меня по голове.

Похоже, мне повезло, но я не смог удержаться от вопроса:

— Но чем это отличается от некоторых отрывков из «При всех его надеждах»? Например, там, где Фейн спрашивает леди Периаль о ее шляпе: «Я слышал о ней от стольких людей, что сам желаю теперь я увидеть ее и примерить». Ведь всем понятно, о чем он на самом деле говорит.

Мать сжала губы: не рассерженно, но и без радости. Затем что-то в ее лице изменилось, и она предложила:

— А вот сам скажи мне, в чем разница.

Я терпеть не мог вопросы с подвохом. Разница была очевидна: одно навлечет на меня неприятности, а другое нет. Я подождал немного, чтобы показать, что всесторонне рассмотрел дело, а потом покачал головой.

Мать присела перед огнем, согревая руки.

— Разница в том... можешь передать мне треногу? — Она легонько пихнула меня в бок, и я вскочил, чтобы достать треногу из нашего фургона, а мать продолжала: — Разница в том, говорится что-то человеку или о человеке. Первое может быть грубостью, зато второе всегда называется сплетней.

Я принес треногу и помог матери установить ее над огнем.

— А кроме того, леди Периаль — всего лишь персонаж пьесы. Леди Лэклесс — реальный человек, чувства которого можно задеть. — Она посмотрела на меня снизу вверх.

— Я не знал, — виновато сказал я.

Наверное, я выглядел достаточно жалостливо, поскольку мать заключила меня в объятия и поцеловала.

— Ну и не стоит горевать, солнышко. Просто помни: всегда думай, что делаешь. — Она погладила меня по голове и улыбнулась — словно солнце засияло. — Полагаю, мы обе: леди Лэклесс и я — извиним тебя, если ты найдешь сладкой крапивы для ужина.

Любой предлог, позволявший избежать наказания и поиграть в зарослях деревьев у дороги, годился для меня. Я исчез чуть ли не раньше, чем слова слетели с ее уст.

Я также должен пояснить, что большая часть времени, проводимого с Беном, была моим свободным временем. Я все так же выполнял свои обычные обязанности в труппе: играл роль юного пажа, когда требовалось; помогал раскрашивать декорации и шить костюмы. Чистил лошадей вечером и громыхал куском жести за сценой, если нужно было изобразить гром.

Но я совершенно не оплакивал потерю свободного времени. Бесконечная детская энергия и моя ненасытная жажда знаний сделали следующий год одним из счастливейших периодов моей жизни.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КУСОЧКИ ГОЛОВОЛОМКИ

Ближе к концу лета я случайно услышал разговор, который вытряхнул меня из состояния блаженного неведения. Будучи детьми, мы редко задумываемся о будущем, и это позволяет нам радоваться жизни так, как умеют не многие взрослые. В день, когда мы начинаем беспокоиться о будущем, детство наше остается позади.

Наступил вечер, и труппа встала лагерем у дороги. Абенти дал мне для практики новый симпатический трюк, называвшийся «максима преобразования переменного тепла в постоянное движение» — или как-то столь же претенциозно.

Трюк был нелегким, но упал точно на нужное место, словно кусочек головоломки, сложившийся с остальными. У меня получилось через пятнадцать минут, а по тону Абенти я понял, что он дает мне на это не меньше трех-четырех часов.

Так что я отправился его искать. Частично для того, чтобы получить новое задание, а частично — немного похвастаться.

Я выследил его у родительского фургона. Услышал их, всех троих, прежде чем увидел. Их голоса звучали, как гул или жужжание, — отдаленная музыка, которую создает разговор, когда слова еще неразличимы. Но, подойдя поближе, одно слово я разобрал четко: «чандрианы».

Услышав это, я остановился как вкопанный. Все в труппе знали, что мой отец работает над песней. Он выпрашивал у горожан старые легенды и стишки уже больше года, где бы мы ни останавливались для выступления.

В первое время это были истории о Ланре. Потом он начал собирать старые истории о фейри, сказки о домовых, привидениях и шаркунах. И в конце концов перешел на вопросы о чандрианах.

Это случилось несколько месяцев назад. За последние полгода он больше выпрашивал о чандрианах и меньше о Ланре, Лире и прочих. Почти все песни, написанные прежде, отец заканчивал за сезон, а работа над этой тянулась уже второй год.

Вам также следует знать, что отец не позволял ни словечку — ни даже шепотку — из песни достигнуть чужих ушей прежде, чем он оканчивал ее.

Только моя мать была посвящена в эту тайну, поскольку прикладывала руку к каждой песне, созданной отцом. Музыкальные красоты принадлежали ему, но лучшие стихи выходили у нее.

Когда ждешь несколько оборотов или даже месяц, чтобы услышать законченную песню, предвкушение подогревает интерес. Но через год он начинает бродить и бурлить, а к тому моменту прошло полтора года, и люди уже с ума сходили от любопытства. Если кого-нибудь заставляли бродящим слишком близко к нашему фургону, в то время как мои родители работали над песней, это обычно приводило к ругани и ссорам.

Так что я придвинулся поближе к родительскому костру, стараясь ступать как можно тише. Подслушивание — прискорбная привычка, но с тех пор я приобрел множество куда худших.

— ...много о них, — услышал я слова Бена. — Но готов.

— Рад поговорить на эту тему с образованным человеком. — Глубокий баритон отца контрастировал с тенорком Бена. — Я устал от этих суеверных деревенщин, и...

Кто-то подложил дров в огонь, и в треске пламени я не расслышал последних слов. Так быстро, как только осмеливался, я перебрался под длинную тень родительского фургона.

— ...что я гоняюсь за призраками с этой песней. Что пытаться сложить эту легенду воедино — дурацкая затея. Лучше бы я никогда ее и не начинал.

— Ерунда, — сказала моя мать. — Это будет твоя лучшая работа, сам знаешь.

— Так ты думаешь, существует исходная история, из которой растут все остальные? — спросил Бен. — Историческая основа легенд о Ланре?

— Все знаки указывают на то, — сказал отец. — Посмотри на дюжину внуков, и если увидишь, что у десяти из них голубые глаза, то поймешь, что и у бабушки глаза были голубые. Я уже делал так раньше и здорово наострился. Таким же образом я написал «Под стенами». Но... — Отец тяжело вздохнул.

— Тогда в чем проблема?

— Эта легенда старше, — объяснила мать. — Тут словно смотришь на прапраправнуков.

— Которые разбежались по всем четырем сторонам, — проворчал отец. — Да к тому же когда я нахожу одного, у него оказывается пять глаз: два зеленых, голубой, карий и зелено-желтый. А у следующего глаз один, зато меняет цвет. Как мне из этого делать выводы?

Бен откашлялся.

— Неприятная аналогия, — заметил он. — Но я готов предоставить тебе свои знания о чандрианах. За долгие годы я слышал множество историй.

— Во-первых, мне нужно знать, сколько их на самом деле, — ответил отец. — Большинство легенд говорит, что семеро, но даже это ставится под сомнение. Одни говорят — трое, другие — пятеро, а в «Падении Фелиора» их вообще тринадцать: по одному на каждый понтифет в Атуре да еще один на столицу.

— На этот вопрос я могу ответить, — сказал Бей. — Семеро. Можешь не сомневаться. Собственно, это уже есть в их имени. «Чаэн» значит «семь». «Чаэн-диан» означает «их семеро» — «чандриан».

— Я не знал... — сказал отец. — «Чаэн»... Что это за язык? Иллийский?

— Похоже на темью, — сказала мать.

— У тебя хороший слух, — заметил Бен. — Это действительно темийский. Предок темью, лет на тысячу постарше.

— Что ж, тогда все проще, — облегченно вздохнул отец. — Надо было спросить тебя месяц назад. Может быть, ты еще знаешь, что заставляет их делать то, что они делают? — По его тону было понятно, что ответа он не ожидает.

— Истинная тайна? — хмыкнул Бен. — Думаю, именно благодаря этому они становятся более пугающими, чем прочие призраки и страшилки, о которых болтают сказки. Привидение жаждет мщенья, демону нужна твоя душа, шаркуну голодно и холодно. Потому-то они и не так страшны. То, что нам понятно, мы можем контролировать. Но чандрианы приходят, будто молния среди ясного неба. Просто разрушение — ни причины, ни смысла.

— В моей песне будет и то и другое, — уверенно заявил отец. — Думаю, теперь я докопался-таки до причин. Я вытягивал их по кусочкам, по осколочкам историй. Но что больше всего раздражает: самая трудная часть работы проделана, а какие-то мелочи мешают закончить картину.

— Знаешь, в чем дело? — с любопытством спросил Бен. — Какова твоя теория?

Отец хмыкнул:

— О нет, Бен, тебе придется подождать вместе с другими. Я не затем столько потел над этой песней, чтобы выдать самое ее сердце, прежде чем она будет завершена.

— Похоже, это только хитрая уловка, чтобы заставить меня и дальше ехать с вами. — В голосе Бена почувствовалось разочарование. — Я не

смогу уйти, пока не услышу эту проклятую вещь.

— Тогда помоги нам закончить ее, — сказала мать. — Знаки чандриан — вот еще один важный кусочек, который мы не можем выловить. Все соглашались, что есть знаки, говорящие об их присутствии, но нет никакого согласия в том, какие они.

— Дайте подумать... — сказал Бен. — В первую очередь, конечно, синее пламя. Но сомневаюсь, что оно сопутствует только чандрианам. В некоторых легендах это знак демонов. В других — фее или любой магии.

— Этот знак также показывает дурной воздух в шахтах, — указала мать.

— Правда? — спросил отец.

Она кивнула:

— Когда лампа горит мутным синим пламенем, в воздухе гремучий газ.

— О господи, гремучий газ в угольной шахте! — поразился отец. — Задувай свою лампу и блуждай в темноте, а не то тебя разнесет на кусочки. Это страшней любого демона.

— Признаюсь честно, некоторые арканисты используют иногда особые свечи или факелы, чтобы произвести впечатление на легковверных простаков, — самодовольно откашлявшись, заявил Бен.

Моя мать рассмеялась.

— Вспомни, с кем ты разговариваешь, Бен. Мы никогда не будем ставить человеку в вину маленькое позерство. На самом деле синие свечи пришлось бы весьма кстати, когда мы будем в следующий раз играть «Даэонику». Если, конечно, у тебя где-нибудь завалялась парочка.

— Поищу, конечно, — довольно сказал Бен. — Другие знаки... Кажется, один из них — это козлиные глаза, или черные, или вообще никаких глаз. Я слышал такое довольно часто. Слышал также, что, когда чандрианы где-то рядом, гибнут растения. Дерево гниет, металл ржавеет, кирпич крошится... — Он помолчал. — Хотя не знаю, разные это знаки или один.

— Ты начинаешь понимать, в чем мои трудности, — мрачно заметил отец. — Но все равно еще остаются вопросы. У всех ли чандриан одинаковые знаки или у каждого пара своих?

— Я тебе говорила, — раздраженно сказала мать. — Один знак на каждого. В этом больше смысла.

— Любимая теория моей леди жены, — пояснил отец. — Но она не подходит. В некоторых легендах единственный знак — это синее пламя. В других есть только животные, сходящие с ума, но никакого пламени. В

третьих — и человек с черными глазами, и сбесившиеся животные, и синее пламя.

— Я уже подсказывала тебе, как придать всему этому смысл, — перебила мать, ее раздраженный тон показывал, что эту тему они обсуждали раньше. — Чандрианам не надо все время ходить вместе. Они могут ходить втроем или вчетвером. Если один из них делает огонь тусклым, то это выглядит как если бы все они делали так же. Этим можно объяснить различия в легендах. Разнообразие знаков зависит от того, в каком количестве чандрианы приходят.

Отец что-то пробурчал.

— Тебе досталась умная жена, Арл, — встрял Бен, разрушив напряжение. — За сколько продашь?

— К сожалению, она нужна мне для работы. Но если тебя интересует краткосрочный наем, уверен, мы смогли бы назначить при... — Послышался звонкий удар, а потом слегка болезненный смешок отца. — Еще какие-нибудь знаки есть?

— Говорят, на ощупь они холодные. Хотя каким образом смог кто-то об этом узнать, выше моего разумения. Также я слышал, что вокруг них не горит огонь. Но это противоречит синему пламени. Может быть...

Поднявшийся ветер встревожил деревья. Шелест листьев поглотил следующие слова Бена. Я воспользовался шумом и подобрался еще ближе.

— ...быть «впряженными в тень», что бы это ни значило, — услышал я отцовский голос, когда ветер улегся.

Бен крикнул.

— Я тоже не представляю. Я слышал историю, где их вычислили по тому, что их тени падали не в ту сторону, к свету. А в другой истории один из них назывался «захомутанным тенью». «Что-то там, захомутанное тенью». Будь я проклят, если вспомню имя, хотя...

— Кстати об именах, с этим у меня тоже сложности, — признался отец. — Я собрал пару десятков и был бы рад услышать твоё мнение. Самые...

— На самом деле, Арл, — перебил Бен, — я был бы рад, если бы ты не произносил их вслух. Именно имена людей. Можешь нацарапать их на земле, если хочешь, или я могу сходить за доской, но будет спокойнее, если ты не станешь произносить ни одно из них. Лучше безопасность, чем неприятность, как говорится.

Наступила глубокая тишина. Я остановился на полушаге, на одной ноге, опасаясь, что они услышат меня.

— Да перестаньте вы оба так на меня смотреть, — раздраженно

буркнул Бен.

— Мы просто удивлены, Бен, — прозвучал мягкий голос моей матери. — Ты не выглядишь суеверным типом.

— Я не суеверен, — сказал Бен, — а осторожен. Это большая разница.

— Разумеется, — сказал отец. — Я бы никогда...

— Оставь свои фокусы для зевак с деньгами, Арл, — отрезал Бен, в его голосе явственно звучало раздражение. — Ты слишком хороший актер, но я-то прекрасно знаю, когда меня считают сумасшедшим.

— Я совсем не о том, Бен, — извиняющимся тоном сказал отец. — Ты образованный человек, а я так устал от людей, хватающихся за железо и стучащих по кружке с пивом, как только я заведу речь о чандрианах. Я просто восстанавливаю легенду, а вовсе не вожусь с темными силами.

— Тогда послушай. Вы оба мне слишком нравитесь, чтобы я позволил вам считать меня старым дураком, — сказал Бен. — Кроме того, мне есть о чем поговорить с вами позже, и нужно, чтобы вы воспринимали меня серьезно.

Ветер продолжал усиливаться, и я использовал шум, чтобы преодолеть последние несколько шагов. Я прополз за угол родительского фургона и стал смотреть и слушать сквозь завесу листвы. Они втроем сидели около костра: Бен на пеньке, завернувшись в свой обтрепанный бурый плащ, родители напротив него. Мать прислонилась к отцу, и оба они закутались в одно одеяло.

Бен налил что-то из глиняного кувшина в кожаную кружку и передал ее моей матери. От его дыхания шел пар.

— Как относятся к демонам в Атуре? — спросил он.

— Боятся. — Отец постучал себя по виску. — Все эти религии размягчают мозги.

— А как в Винтасе? — спросил Бен. — Большая часть жителей там тейлинцы. Они тоже боятся демонов?

Мать покачала головой:

— Нет, они считают, что все это глупости. Им нравится представлять демонов в виде метафоры.

— Чего же в Винтасе боятся по ночам?

— Фейе, — ответила мать.

Отец одновременно сказал:

— Драугар.

— Вы оба правы, в зависимости от того, в какой части страны находиться, — сказал Бен. — А здесь, в Содружестве, люди посмеиваются уткой над обоими страхами. — Он указал на окружающие деревья. —

Но они становятся осторожны, когда приходит осень, потому что боятся привлечь внимание шаркунов.

— Известное дело, — сказал отец. — Половина успеха наших выступлений зависит от того, во что верят зрители.

— Вы все еще думаете, что у меня крыша съехала, — хмыкнул Бен. — Слушайте, если завтра мы приедем в Бирен и кто-нибудь скажет, что в лесах бродят шаркуны, вы им поверите?

Отец покачал головой.

— А если об этом расскажут двое?

Он снова покачал головой.

Бен наклонился вперед на своем пеньке:

— А если десяток людей скажут вам на полном серьезе, что в полях видели шаркунов, пожирающих...

— Все равно я им не поверю, — раздраженно перебил отец. — Это же смешно.

— Разумеется, смешно, — согласился Бен, назидательно подняв палец. — Но вопрос вот в чем: пойдете ли вы после этого в лес?

Отец замолчал и задумался.

Бен удовлетворенно кивнул:

— Вы будете дураками, если проигнорируете предупреждения половины городка, даже если не верите в то, во что верят они. Но если не шаркунов, то чего вы боитесь?

— Медведей.

— Разбойников.

— Вполне понятные страхи для бродячего артиста, — сказал Бен. — Страхи, которых горожанин просто не поймет. В каждом местечке есть свои маленькие суеверия, и все смеются над тем, чего боятся соседи за рекой. — Он серьезно посмотрел на них. — Но слышал ли кто-нибудь из вас смешную песню или историю про чандриан? Ставлю пенни, что нет.

Мать, подумав минутку, покачала головой. Отец сделан длинный глоток и присоединился к ней.

— Так вот, я не говорю, что чандрианы где-то поблизости и вот-вот ударят. Но везде все люди их боятся. Для такого страха должна быть причина.

Бен ухмыльнулся и перевернул свою глиняную кружку, выплеснув последние капли пива на землю.

— А имена — штука странная. Опасная. — Он многозначительно посмотрел на родителей. — Уж я-то знаю точно, потому как я человек образованный. И если я еще чуточку суеверен... — Он пожал плечами. —

Ну, это мой выбор. Я стар. Придется вам меня простить.

Отец задумчиво покивал.

— Странно, я никогда не замечал, что к чандрианам все относятся одинаково. Я должен был это увидеть. — Он потряс головой, прочищая ее. — Полагаю, к именам мы еще вернемся. О чем ты хотел поговорить?

Я приготовился уползти, прежде чем меня поймают, но то, что сказал Бен, пригвоздило меня к месту, прежде чем я успел сделать хотя бы шаг.

— Возможно, вам как родителям трудно это заметить и все такое. Но ваш юный Квоут весьма одарен. — Бен снова наполнил чашку и передал кувшин отцу, но тот отказался. — На самом деле слово «одарен» не говорит и половины.

Мать посмотрела на Бена поверх кружки.

— Любой, кто проведет с мальчиком немного времени, может заметить это, Бен. Не понимаю только, почему все считают это таким важным. Особенно ты.

— Сомневаюсь, что вы верно оцениваете ситуацию, — сказал Бен, протянув ногу чуть ли не в костер. — Насколько легко он научился играть на лютне?

Отец, казалось, был слегка удивлен переменной темы.

— Очень легко, а что?

— Сколько ему было лет?

Отец задумчиво потерев бороду. В тишине голос моей матери прозвучал подобно флейте:

— Восемь.

— Вспомни, как ты учился играть. Сколько лет тебе тогда было? Можешь припомнить, какие у тебя были трудности?

Отец продолжал терев бороду, но его лицо стало еще более задумчивым, а взгляд уплыл куда-то вдаль.

Абенти продолжал:

— Я могу поспорить, что он запоминал все аккорды, каждую постановку пальцев с первого раза, без запинок и жалоб. А если делал ошибку, то не больше одного раза.

Отец казался слегка обеспокоенным.

— В основном да, но у него были трудности, такие же, как у всех. Аккорд Е. У него была куча проблем с увеличенным и уменьшенным Е.

Мать мягко вмешалась:

— Я это тоже помню, дорогой, но думаю, что все дело в маленьких руках. Он ведь был совсем мал...

— Ручаюсь, это ненадолго его задержало, — тихо сказал Бен. — У

него чудесные руки; моя мать сказала бы: «пальцы волшебника».

Отец улыбнулся:

— Он получил их от своей матери: тонкие, но сильные. Лучше не придумай, чтоб вычищать горшки, а, женщина?

Мать шлепнула его, затем поймала руку мужа и показала ее Бену.

— Руки у него от отца: изящные и нежные. Лучше не придумай для соблазнения дворянских дочек. — Отец запротестовал, но она не обратила внимания. — С его глазами и руками ни одна женщина в мире не будет чувствовать себя в безопасности, когда он начнет охотиться за дамами.

— Ухаживать, дорогая, — мягко поправил ее отец.

— Суть одна, — пожалала она плечами. — Все лишь охота, и когда закончена она, достойна скорби дева та, что бегством спасена. — Она снова привалилась к моему отцу, не выпуская его руки, и чуть наклонила голову — он понял намек, наклонился и поцеловал ее в уголок рта.

— Аминь, — сказал Бен, салютуя кружкой.

Отец обнял мать второй рукой и прижал ее.

— Все еще не понимаю, к чему ты клонишь, Бен.

— Он все делает так: быстро, как хлыст, и почти не делая ошибок. Могу поспорить, он знает все песни, которые вы ему когда-либо пели. Он больше меня знает о том, что есть в моем фургоне.

Бен взял кувшин и вытащил пробку.

— И это не просто запоминание. Он понимает. Половину того, что я собирался ему показать, он угадал сам.

Бен наполнил кружку моей матери.

— Ему одиннадцать. Вы когда-нибудь встречали мальчика его возраста, который бы говорил так, как он? В основном это, конечно, из-за жизни в такой просвещенной атмосфере. — Бен обвел рукой фургоны. — Но большинство одиннадцатилетних мальчишек способны думать только о пускании блинчиков по воде да о том, как раскрутить kota за хвост.

Мать рассмеялась, словно колокольчики зазвенели, но лицо Абенти осталось серьезным.

— Это чистая правда, леди. У меня были ученики постарше, которые могли только мечтать сделать хотя бы половину того, что может он. — Бен усмехнулся. — Если бы у меня были его руки и хоть четверть его смекалки, я бы круглый год ел с серебряной тарелки.

Наступило молчание, потом мягко заговорила моя мать:

— Я помню, когда Квоут был совсем малышом, еле ковылял, он всегда и за всем наблюдал. Такими ясными чистыми глазами, словно хотел вобрать в себя весь мир. — Голос матери чуть дрогнул.

Отец обнял ее, и она спрятала лицо у него на груди.

Теперь тишина длилась дольше. Я уже собирался уползть прочь, когда отец нарушил ее.

— Так что, ты считаешь, нам надо делать? — В его голосе мешались легкое беспокойство и отцовская гордость.

Бен мягко улыбнулся:

— Ничего особенного — только подумать, что вы сможете предложить ему, когда придет время. Он оставит свой след в мире как один из лучших.

— Лучших в чем? — проворчал отец.

— В том, что выберет. Я не сомневаюсь, что если он останется здесь, то станет новым Иллиеном.

Отец улыбнулся. Иллиен — герой бродячих артистов. Единственный по-настоящему известный эдема руэ во всей истории. Все наши старейшие, лучшие песни — его песни.

И кроме того, если верить легендам, Иллиен заново изобрел лютню. Прекрасный мастер-лютнист, Иллиен преобразил хрупкий и громоздкий придворный инструмент в чудную практичную семиструнную лютню бродячего артиста, которой мы пользуемся по сей день. Те же самые легенды говорят, что на лютне Иллиена было восемь струн.

— Иллиен. Мне нравится эта мысль, — заметила мать. — Короли будут приезжать за сотни километров, чтобы послушать, как играет мой маленький Квоут.

— Его музыка будет умирять ссоры и прекращать войны, — улыбнулся Бен.

— Дикие женщины, сидя у него на коленях, — с энтузиазмом продолжил отец, — будут возлагать груди ему на голову.

Наступила ошеломленная тишина. Затем моя мать медленно и с нажимом произнесла:

— Думаю, ты имел в виду, «дикие звери будут возлагать головы ему на колени».

— Разве?

Бен кашлянул и продолжил:

— Если он решит стать арканистом, я ручаюсь, что к двадцати четырем годам он получит королевское назначение. Если он захочет стать торговцем, то к концу жизни наверняка будет владеть половиной мира.

Брови моего отца недовольно сошлись. Бен улыбнулся:

— О последнем можно не волноваться. Для торговца он слишком любопытен.

Бен помолчал, словно очень тщательно подбирал следующие слова.

— Знаете, ему стоит поступить в Университет. Не сейчас, конечно, и не в ближайшие годы. Семнадцать лет — нижний предел для приема, но я не сомневаюсь, что...

Остальные слова Бена я пропустил. Университет! Я думал об Университете так же, как большинство детей думают о дворе Фейе — как о некоем мифическом месте, созданном специально для мечтаний о нем. Школа размером с небольшой город. Десять раз по десять тысяч книг. Люди, которые знают ответ на любой вопрос...

Когда я снова смог сосредоточиться на разговоре, стояла тишина.

Отец смотрел на мать в гнездышке его руки.

— Что скажешь, женщина? Не случилось ли тебе дюжину лет назад делить постель с каким-нибудь бродячим богом? Это могло бы пролить свет на нашу загадку.

Она пихнула его в бок и приняла задумчивый вид.

— Дай-ка припомнить... Была такая ночь около двенадцати лет назад, когда ко мне пришел мужчина. Он связал меня поцелуями и песней струн. Он похитил мою добродетель и саму меня украл. — Она сделала паузу. — Но у него были не рыжие волосы. Точно не он.

Она шаловливо улыбнулась слегка смутившемуся отцу и поцеловала его. А он поцеловал ее в ответ.

Таковыми я и вспоминаю их сейчас. Я уполз прочь; в голове моей плясали мысли об Университете.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ПЛОТЬ, А ПОД НЕЮ КРОВЬ

В трактире «Путеводный камень» наступила тишина — и окружила двух людей, сидящих за столом в пустой комнате. Квоут перестал говорить, и хотя взгляд его был устремлен на сложенные руки, сам он блуждал где-то далеко. Наконец он поднял глаза, почти с удивлением посмотрев на сидящего напротив Хрониста, перо которого зависло над чернильницей.

Квоут смущенно хмыкнул и жестом показал Хронисту отложить перо. Помедлив секунду, Хронист так и сделал, предварительно вытерев кончик пера чистой тряпичей.

— Надо чего-нибудь попить, — внезапно произнес Квоут, словно удивленный этим открытием. — Давно я не рассказывал таких долгих историй. Даже в глотке пересохло. — Он быстро, но плавно поднялся из-за стола и прошел между пустых столиков к пустой стойке. — Могу предложить все, что угодно: темный эль, светлое вино, сидр со специями, шоколад, кофе.

Хронист поднял бровь:

— Выпить шоколаду было бы чудесно, если он у вас есть. Я не ожидал найти столь экзотический напиток вдали от... — Он вежливо кашлянул. — Ну, отовсюду.

— У нас в «Путеводном камне» есть все, — сказал Квоут, обводя широким жестом пустой зал. — Кроме клиентов, конечно. — Он извлек из-под стойки глиняный кувшин и с шумом водрузил его на стойку.

— Баст! — вздохнув, позвал он. — Принеси сидру, пожалуйста.

Из-за двери в заднюю комнату что-то невнятно ответили.

— Баст, — укорил Квоут, казалось, слишком тихо, чтобы его слышали за дверью.

— Лезь сюда сам, зануда, и возьми! — крикнул голос из подвала. — Я занят.

— Наемный работник? — спросил Хронист.

Квоут облокотился на стойку и благодушно улыбнулся.

Через секунду из-за дверей послышался звук тяжелых ботинок, поднимающихся по деревянной лестнице. Баст вошел в комнату, чуть слышно что-то бормоча.

Он был одет очень просто: черная рубаша с длинными рукавами, заправленная в черные штаны, заправленные, в свою очередь, в мягкие черные башмаки. На его лице, заостренном и изящно очерченном, чуть ли не прелестном, выделялись удивительно яркие синие глаза.

Баст поставил кувшин на стойку; его движения были исполнены непривычной, но приятной глазу грации.

— Всего один клиент? — укоризненно спросил он. — И ты не мог достать сидр сам? Ты оторвал меня от «Целум Тингур», а ведь уже целый месяц зудишь, чтоб я ее прочитал.

— Баст, ты знаешь, что делают в Университете со студентами, которые подслушивают за учителями? — ехидно поинтересовался Квоут.

Баст прижал руку к груди и начал отстаивать свою невиновность.

— Баст... — Квоут посмотрел на него куда более сурово.

Баст захлопнул рот. Секунду казалось, что он собирается попытаться все объяснить, но потом его плечи поникли.

— Как ты догадался?

Квоут хмыкнул:

— Ты целый век бегал от этой книжки. Так что ты или внезапно сделался исключительно прилежным учеником, или занимаешься чем-нибудь недозволенным.

— А что делают в Университете со студентами, которые подслушивают? — с любопытством спросил Баст.

— Не имею понятия. Меня никогда не ловили на этом. Думаю, заставить тебя сидеть и слушать продолжение моей истории будет достаточным наказанием. Но я забыл, — сказал Квоут, указывая на зал. — Наш гость совсем заскучал без внимания.

Хронист, однако, выглядел каким угодно, только не скучающим. Как только Баст появился в дверях, писатель начал с интересом его разглядывать. По мере разговора лицо Хрониста приобретало все более обескураженное и напряженное выражение.

Справедливости ради следует поподробнее рассказать о Басте. На первый взгляд он выглядел как обычный — разве что весьма привлекательный — молодой человек. Но было в нем что-то, отличавшее его от других. Например, он носил мягкие черные кожаные ботинки. И, глядя на него, вы видели именно это. Но если вам удавалось взглянуть на Баста краешком глаза в тот момент, когда он стоял к вам лицом, то вы могли заметить совсем другое.

При должном складе ума — том, который действительно видит то, на что смотрит, — вы могли также отметить некоторую странность в глазах

Баста. Если бы ваш разум обладал редким талантом не обманываться собственными ожиданиями, вы могли бы уловить в нем еще кое-что странное и удивительное.

Потому Хронист и пялился на юного ученика Квоута, пытаясь понять, что же он в нем видит такого особенного. К тому времени, как разговор закончился, взгляд Хрониста можно было назвать по меньшей мере пристальным, если не оскорбительно назойливым. Когда Баст наконец отвернулся от стойки, глаза Хрониста явственно расширились и краска совсем сбежала с его и без того бледного лица.

Хронист сунул руку за ворот рубашки, снял что-то с шеи и брякнул это на стол на расстоянии вытянутой руки между собой и Бастом — все за долю секунды. Его глаза не отрывались от темноволосого юноши у стойки, лицо было совершенно спокойно; двумя пальцами он прижимал к столу металлическое кольцо.

— Железо, — произнес он.

Его голос прозвучал странно глубоко и с каким-то эхом, словно сказанное слово было приказом, которому нельзя не подчиниться.

Баст сложился пополам, как от удара в живот, обнажив зубы и издав нечто среднее между рычанием и визгом. Потом неестественно быстрым и гибким движением он поднял руку к виску и напрягся для прыжка.

Все произошло за время, равное резкому вдоху. Тем не менее длинные пальцы Квоута как-то оказались на запястье Баста. Не обращая на это внимания, Баст бросился к Хронисту и тут же запнулся, скованный хваткой Квоута, будто наручником. Он яростно забился, пытаясь высвободиться, но Квоут по-прежнему стоял за стойкой, вытянув руку, — неподвижный, словно камень или железо.

— Стоп! — гневно прорезал наступившую тишину голос Квоута. — Я не потерплю драк между моими друзьями. Я и без этого потерял достаточно. — Он в упор посмотрел на Хрониста: — Отмени это, или я разобью.

Хронист, потрясенный, замешкался. Затем его губы беззвучно задвигались, и он убрал дрожащую руку с тусклого металлического кольца на столе.

Напряжение словно разом вылилось из Баста. На мгновение он обвис, словно тряпичная кукла, на одной руке, все еще зажатой в пальцах Квоута, потом с трудом поднялся на ноги и привалился к стойке, весь дрожа. Квоут впился в ученика долгим изучающим взглядом и отпустил его запястье.

Не отрывая глаз от Хрониста, Баст доковылял до табурета и плюхнулся на него — неловко, как только что раненный человек.

Он изменился. Глаза, наблюдавшие за Хронистом, сохранили удивительную морскую синеву, но теперь они были скорее как драгоценные камни или глубокие лесные озера, — а мягкие кожаные ботинки сменились изящными раздвоенными копытцами.

Квоут властным жестом велел Хронисту подойти, затем повернулся и, захватив два толстых стакана и первую попавшуюся бутылку, выставил их на стойку. Баст и Хронист буравили друг друга подозрительными взглядами.

— Так, — сердито сказал Квоут, — вы оба повели себя вполне понятно, но нельзя сказать, что хорошо. Давайте-ка начнем все заново.

Он набрал побольше воздуха:

— Баст, позволь мне представить тебя Девану Локиизу, также известному как Хронист. Он общепризнанный великий рассказчик, заповинатель и записыватель историй. Кроме того, если я правильно понял, Хронист — реальный член арканума, по меньшей мере ре'лар, и один из сорока людей в мире, знающих имя железа.

— Но, несмотря на все эти лестные титулы, — продолжал Квоут, — он, похоже, мало искушен в делах мирских. Это показывает его весьма неумный поступок: практически самоубийственное нападение на первого же представителя иного народа, которого ему посчастливилось увидеть.

Никак не отреагировав на подобное представление, Хронист продолжал разглядывать Баста, словно неизвестную змею.

— Хронист, я бы хотел, чтобы ты поприветствовал Бастаса, сына Реммена, принца Сумерек и телвит маэль. Лучший, что означает «единственный», ученик, которого я имею несчастье учить. Чаровник, бармен и, что немаловажно, мой друг. Который за сто пятьдесят лет своей жизни, не считая двух лет моего личного наставничества, умудрился пропустить мимо ушей несколько важных вещей. Первая: нападать на члена арканума, достаточно умелого, чтобы заковать железо, глупо.

— Он первый начал! — с жаром возразил Баст.

Квоут холодно посмотрел на него.

— Я не сказал, что это было необоснованно. Я сказал, что это было глупо.

— Я бы победил!

— Весьма возможно. Но был бы ранен, а он — тоже ранен или убит. Ты помнишь, что я представил его как своего гостя?

Баст молчал, воинственность и не думала покидать его.

— Теперь, — радушно продолжал Квоут, хотя радушие трещало по всем швам, — вы представлены.

— Очень приятно, — ледяным тоном произнес Баст.

— Взаимно, — парировал Хронист.

— У вас двоих нет ни единой причины не быть друзьями, — указал Квоут с металлической ноткой в голосе. — А друзья так не здороваются.

Баст и Хронист по-прежнему глазели друг на друга, ни один не шевельнулся.

Тон Квоута сделался очень спокойным:

— Если вы не прекратите это дурачество, то оба можете уходить отсюда прямо сейчас. Один из вас унесет пустую блестящую обертку от истории, а другой сможет подыскать себе нового учителя. Если и есть что-то, чего я не могу стерпеть, так это глупость и упорство в гордыне.

Нечто в глубине голоса Квоута разорвало неприязнь между Бастом и Хронистом. И когда они повернулись к нему, им показалось, что за стойкой стоит кто-то совсем иной. Жизнерадостный трактирщик исчез, а на его месте возник некто суровый и гневный.

«Он так молод, — поразился Хронист. — Ему не больше двадцати пяти. Как я этого раньше не заметил? Он мог переломить меня руками, как лучинку. Как я мог принять его за трактирщика хоть на мгновение?»

Потом он увидел глаза Квоута. Они потемнели и из зеленых превратились почти в черные.

«Это тот, кого я приехал увидеть, — подумал Хронист. — Человек, который давал советы королям и странствовал по древним дорогам, не имея другого проводника, кроме собственного ума. Тот, чье имя стало в Университете высшей похвалой и худшим проклятием».

Квоут посмотрел на Хрониста, потом на Баста; ни один не смог выдержать его взгляд. После неловкой паузы Баст протянул руку. Хронист поколебался мгновение и ответил на рукопожатие — быстро, словно совал руку в огонь.

Ничего не произошло; оба выглядели слегка удивленными.

— Поразительно? — ехидно спросил Квоут. — Пять пальцев: плоть, а под нею кровь. Можно даже предположить, что на другом конце руки находится какая-то личность.

На лицах помирившихся проступила краска стыда. Они опустили руки.

Квоут разлил жидкость из зеленой бутылки в стаканы. Это простое действие изменило его: он словно выцвел до себя прежнего, в нем почти ничего не осталось от темноглазого человека, стоявшего за стойкой минуту назад. При виде трактирщика с салфеткой в руке Хронист ощутил острую боль утраты.

— Итак, — Квоут подтолкнул к ним стаканы, — возьмите, сядьте за стол и поговорите. Я не хочу увидеть одного из вас мертвым или дом в огне, когда вернусь. Ясно?

Баст смущенно улыбнулся, а Хронист взял стаканы и направился к столу. Баст последовал за ним и уже почти сел, но вдруг вскочил и вернулся к стойке за бутылкой.

— Только не слишком много, — предупредил Квоут, уходя в заднюю комнату. — А то обхихикаетесь, пока я буду досказывать мою историю.

Двое за столом начали неловкую, то и дело запинаящуюся беседу, а Квоут отправился на кухню. Через несколько минут он вернулся, неся сыр и буханку темного хлеба, холодную курицу и колбасу, масло и мед.

Они переместились за больший стол, и Квоут принес деревянные тарелки; поглощенный этими хлопотами, он выглядел трактирщиком до мозга костей. Хронист тайком наблюдал за ним, с трудом веря, что этот напевающий себе под нос и нарезающий колбасу человек мог быть тем ужасным темноглазым существом, которое стояло за стойкой несколько минут назад.

Когда Хронист привел в порядок бумагу и перья, Квоут задумчиво посмотрел, насколько высоко стоит солнце над горизонтом, и повернулся к Басту:

— Сколько тебе удалось подслушать?

— Большую часть, Реши, — улыбнулся Баст. — У меня хорошие уши.

— Ладно. Не придется повторять. — Он вздохнул. — Тогда давайте вернемся к рассказу. Соберитесь с духом, в истории наступает поворот. Темнеет. Тучи сгущаются на горизонте.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИМЯ ВЕТРА

Зима — мертвый сезон для странствующей труппы, но Абенти вышел из положения, начав наконец учить меня симпатии всерьез. Тем не менее предвкушение оказалось гораздо более волнующим, чем реальность, — так часто случается, особенно с детьми.

Нельзя сказать, что я разочаровался в симпатии. Но, честно говоря, был немного озадачен: она оказалась совсем не такой, какой я представлял магию.

Без сомнения, она приносила пользу. Бен прибегал к симпатии для создания света во время наших представлений. Симпатия могла разжечь огонь без кремня или поднять тяжелый груз без громоздких веревок и блоков.

Но когда я в первый раз увидел Бена, он каким-то образом призвал ветер. Это была не просто симпатия, но магия из сказок и легенд — и этот секрет я жаждал узнать больше всего на свете.

Мы оставили весеннюю распутицу позади, и труппа двигалась теперь через леса и поля западной части Содружества. Я как обычно ехал в фургоне Бена. Лето решило вновь заявить о себе, и все вокруг зеленело и цвело.

Около часа мы мирно ехали. Бен подремывал над поводьями, пока фургон не налетел на камень и не выбил нас из грез — каждого из своих.

Бен выпрямился на козлах и обратился ко мне тем особенным тоном, который я давно обозначил для себя как «есть-тут-для-тебя-хорошая-задача».

— Как ты вскипятишь воду в чайнике?

Оглядевшись, я заметил на обочине дороги большой валун.

— Этот камень наверняка нагрелся под солнцем. Я свяжу его с водой в чайнике и использую жар камня, чтобы вскипятить воду.

— Камень с водой — не слишком эффективно, — поддел меня Бен. — Только одна пятнадцатая пойдет на согревание воды.

— Но это сработает.

— Признаю, сработает. Но это неаккуратно. Ты можешь сделать лучше, э'лир.

Затем он начал громко бранить Альфу с Бетой — в знак особенно хорошего расположения духа. Они принимали хозяйские вопли так же спокойно, как и всегда, хотя Бен обвинял их в таких грехах, какие ни один осел не стал бы совершать по доброй воле, особенно Бета, обладавшая безукоризненным нравом.

Остановившись на середине тирады, он спросил:

— Как ты собьешь вон ту птицу? — и указал на ястреба, парящего высоко над пшеничным полем, а потом на обочину дороги.

— Наверное, я бы не стал его сбивать. Он мне ничего не сделал.

— Гипотетически.

— Я и говорю гипотетически — не стал бы этого делать.

Бен хмыкнул:

— Я уже понял, э'лир. А как именно ты не станешь этого делать? Подробности, пожалуйста.

— Попрошу Терена подстрелить его.

Он задумчиво кивнул:

— Ладно, ладно. Но дело-то касается только тебя и птицы. Этот ястреб, — он негодуяюще ткнул пальцем в птицу, — сказал какую-то грубость о твоей матери.

— О, тогда моя честь требует, чтобы я сам защитил ее доброе имя.

— Именно так.

— У меня есть перо?

— Нет.

— Хватка Тейлу и... — Я проглотил остаток ругательства под неодобрительным взглядом Бена. — Ты не даешь простых задачек.

— Эту раздражающую привычку я подцепил от одного слишком умного студента, — улыбнулся он. — Что бы ты стал делать, будь у тебя перо?

— Я бы связал его с птицей и намылил едким мылом.

Бен взъерошил бровь, всю, какая у него оставалась.

— Каким типом связывания?

— Химическим. Возможно, вторым каталитическим.

Задумчивая пауза.

— Вторым каталитическим... — Бен почесал подбородок. — Чтобы растворить жир, который делает перо гладким и плотным?

Я кивнул.

Он посмотрел вверх на птицу.

— Никогда бы до такого не додумался, — сказал он с каким-то тихим восхищением.

Я принял это как комплимент.

— Тем не менее пера у тебя нет. — Наконец он посмотрел на меня. — Как ты собьешь ястреба?

Подумав несколько минут, я так и не смог ничего изобрести и решил сменить тему задания.

— Я бы, — сказал я беспечно, — просто позвал ветер и заставил его сбить птицу с неба.

Бен бросил на меня хитрый взгляд, говорящий, что он отлично понимает, куда я клоню.

— А как ты это сделаешь, э'лир?

Я почувствовал, что он, возможно, готов открыть мне секрет, который хранил все зимние месяцы. Как вдруг меня осенила догадка.

Я вдохнул поглубже и произнес слова, чтобы связать воздух в моих легких с воздухом снаружи, твердо зафиксировал в сознании алар и, поднеся большой и указательный пальцы к губам, дунул между ними.

Легкий порыв ветра за моей спиной взъерошил мои волосы и заставил брезентовый верх фургона на мгновение натянуться. Это могло быть и простым совпадением, но я сразу почувствовал, как по лицу моему расползается торжествующая улыбка. Секунду я просто смотрел на недоверчивую мину Бена, ухмыляясь как безумец.

Затем что-то сдавило мне грудь, словно я оказался глубоко под водой.

Я попытался вдохнуть, но не мог. Слегка обескураженный, я продолжал хватать ртом воздух. Ощущение было такое, словно я упал на спину и из меня вышибло весь воздух.

Внезапно я осознал, что наделал. Мое тело покрылось холодным потом, я бешено схватился за рубашку Бена, показывая на свою грудь, шею и открытый рот.

Бен посмотрел на меня, и его лицо посерело.

Я ощутил, как неподвижно все кругом. Не шевелилась ни травинка, даже скрип фургона звучал приглушенно, словно издалека.

Ужас вопил в моем мозгу, затопляя все мысли. Я зацарапал по горлу, разрывая ворот рубашки. Сердце грохотало до звона в ушах. Боль пронзала мою сжатую грудь, когда я пытался ухватить хоть глоток воздуха.

Двигаясь быстрее, чем когда-либо, Бей схватил меня за лохмотья рубашки и прыгнул с козел фургона. Приземлившись на траву у обочины, он вдавил меня в землю с такой силой, что если бы в моих легких оставалось хоть немного воздуха, его тут же бы вышибло.

Слезы потекли по моему лицу, я слепо выдирался из его рук, понимая, что сейчас умру. Глаза покраснели и горели. Я бешено скреб землю

онемевшими и холодными как лед руками.

Я услышал чей-то крик, но он показался очень далеким. Бен встал надо мной на колени; небо за его спиной начало меркнуть. На его лице застыло рассеянное выражение, словно он внимал чему-то, чего я не мог услышать.

Затем он посмотрел на меня — все, что я помню, это его взгляд: далекий и полный свирепой силы, бесстрастной и холодной.

Бен смотрел на меня. Его губы шевельнулись: он позвал ветер.

Я содрогнулся, как листок под ударом молнии. Ахнул черный гром.

Следующее, что я помню, — как Бен помогает мне подняться на ноги. Я смутно осознавал, что остальные фургоны тоже остановились и на нас смотрят любопытные лица. Мать прибежала из своего фургона, но Бен перехватил ее на полпути, ухмыляясь и бормоча что-то утешительное. Я не мог разобрать слов, потому что все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы дышать: вдыхать и выдыхать, вдыхать и выдыхать.

Другие фургоны покатались прочь, и я поковылял за Беном к его фургону. Он сделал вид, что ему нужно срочно проверить веревки, удерживающие брезентовый верх. Я уже немного пришел в себя и помогал ему как мог, пока мимо нас не проехал замыкающий фургон труппы.

Когда я поднял взгляд на Бена, в его глазах кипела ярость.

— О чем ты думал? — прошипел он. — Ну? О чем? О чем ты думал?

Я никогда раньше не видел Бена таким; все его тело словно скрутилось в один тугой узел, он прямо трясся от злости. Он отвел руку, собираясь ударить меня, и... остановился. Через мгновение рука его бессильно упала.

Он тщательно проверил последнюю пару веревок и забрался в фургон. Не зная, что еще делать, я последовал за ним.

Бен дернул поводья, и Альфа с Бетой поволокли фургон вперед. Теперь мы были последними в караване. Бен смотрел прямо перед собой, я теребил разорванную рубашку. Висело напряженное молчание.

Оглядываясь назад, я понимаю, как глупо было то, что я сделал, поразительно глупо. Когда я связал мой выдох с воздухом вокруг, я сделал невозможным для себя вдохнуть. Мои легкие были недостаточно сильны, чтобы всколыхнуть такой объем воздуха. Мне понадобились бы кузнечные меха вместо легких. С тем же успехом я мог попытаться выпить реку или поднять гору.

Около двух часов мы ехали в тягостной тишине. Солнце уже золотило верхушки деревьев, когда Бен наконец глубоко вздохнул, шумно выдохнул и передал мне поводья.

Когда я взглянул на него, я впервые осознал, насколько же он стар. Я давно знал, что он подбирается к шестому десятку своих лет, но никогда не видел, чтобы он выглядел на свои годы.

— Я солгал твоей матери, Квоут. Она видела финал того, что произошло, и беспокоилась за тебя. — Его глаза не отрывались от переднего фургона. — Я сказал ей, что мы работали над трюком для представления. Она хорошая женщина и не заслуживает лжи.

Мы покатали дальше в бесконечной пытке молчания. До заката оставалось еще несколько часов, когда я услышал голоса.

— Серовик! — передали по цепочке.

Скачок нашего фургона, свернувшего на траву, вывел Бена из размышлений. Он огляделся и увидел, что солнце еще стоит высоко над горизонтом.

— Почему мы так рано останавливаемся? Дерево поперек дороги?

— Серовик, — указал я вперед, на огромный каменный монолит, видневшийся над крышами фургонов впереди нас.

— Что?

— Мы иногда встречаем на дороге такие камни. — Я снова указал на серовик, торчащий выше некоторых деревьев вдоль обочины.

Как большинство камней, он представлял собой грубо высеченную прямоугольную плиту более трех метров высотой. Фургоны, столпившиеся вокруг него, казались крошечными и хрупкими по сравнению с громадой камня.

— Я слышал, их называют стоячими камнями, но я видел много таких же, которые не стояли, а лежали на боку. Мы всегда останавливаемся на дневку, когда находим их, если не очень торопимся. — Я замолчал, поняв, что заболтался.

— Я знал их под другим названием: путевики, — тихо произнес Бен.

Он выглядел постаревшим и усталым. Через секунду он спросил:

— А почему вы останавливаетесь, когда их находите?

— Мы всегда так делаем. Для передышки. — Я подумал немного. — Наверное, считается, что они приносят удачу.

Мне ужасно хотелось рассказать что-нибудь еще, чтобы поддержать беседу, раз уж у Бена вдруг проснулся интерес, но я не смог ничего больше придумать.

— Пожалуй, можно и так считать. — Бен направил Альфу и Бету за камень, в сторону от остальных фургонов. — Приходи ко мне на ужин или сразу после. Надо поговорить. — Он отвернулся и начал выпрягать Альфу из фургона.

Я никогда раньше не видел Бена в таком плохом настроении. Боясь, что разрушил все между нами, я повернулся и побежал к родительскому фургону.

Мать сидела перед только что разведенным костром, медленно добавляя в огонь веточки, чтобы он разгорался. Отец растирал ей шею и плечи. Они оба повернулись на звук моих торопливых шагов.

— Можно, я сегодня поужинаю с Беном?

Мать посмотрела вверх, на отца, затем снова на меня.

— Не будь назойливым, милый.

— Он пригласил. Если я пойду сейчас, то смогу помочь ему устроиться на ночь.

Мать шевельнула плечами, и отец снова принялся их растирать.

— Тоже верно, только не задерживайся до утра, — сказала она и улыбнулась мне. — Поцелуй меня.

Я обнял и поцеловал ее.

Отец тоже меня поцеловал.

— Дай-ка сюда свою рубашку. Будет чем заняться, пока твоя мать готовит ужин. — Он снял с меня рубашку и ощупал порванные края. — Да она совсем дырявая — больше, чем положено.

Я начал бормотать объяснения, но он отмахнулся.

— Знаю, знаю, это все ради благой цели. Будь аккуратней, а не то придется тебе самому чинить рубашки. В твоём сундуке есть другая. Принеси мне заодно иголку с ниткой, будь так любезен.

Я бросился в заднюю часть фургона и вытащил чистую рубашку. Копаясь в поисках нитки с иголкой, я услышал, как моя мать запела:

По вечерам, когда уходит солнце в тени,
Я с высоты буду выглядывать тебя.
Давно уж вышли сроки возвращенью,
Но я живу, по-прежнему любя.

А отец ответил:

Под вечер, только начал меркнуть свет,
Я к дому наконец направил шаг.
Вздыхает ветер в ивовой листве.
Пусть в ночи не гаснет твой очаг.

Когда я вылез из фургона, отец нависал над матерью в эффектном наклоне и целовал ее. Я положил нитку с иглой рядом с рубашкой и стал ждать. Поцелуй выглядел весьма приятным. Я наблюдал внимательно, смутно догадываясь, что в будущем мне тоже захочется поцеловать даму. Если такое в конце концов случится, я желал проделать все грамотно.

Через минуту отец заметил меня и снова поставил мать на ноги.

— С тебя полпенни за представление, мастер подглядыватель, — расхохотался он. — Почему ты еще здесь, парень? Могу поспорить на те же полпенни, что тебя задержал какой-то вопрос.

— Почему мы останавливаемся у серовиков?

— Традиция, мой мальчик, — торжественно сказал он, широко разводя руками. — И суеверие. Что, в общем-то, одно и то же. Мы останавливаемся для удачи, и все радуются неожиданному отдыху. — Он помолчал. — Я знал даже стишок о них. Как там было?..

И как будто тяговик, даже во сне,
Стоит камень, где дорога подревнее.
Это путь, что заведет далеко в Фейе.
Настовик в долине или на холме,
Серовик ведет во... что-то, что-то... ме...

Отец постоял секунду, глядя в пространство и покусывая нижнюю губу, потом покачал головой:

— Не могу вспомнить конец. Господи, как я ненавижу поэзию! Как можно запомнить слова, не положенные на музыку? — Его лоб собрался складками от сосредоточенности, пока он прокручивал про себя слова.

— А что такое тяговик? — спросил я.

— Старое название лоденников, — объяснила мать. — Это кусочки звездного железа, они притягивают к себе другое железо. Я видела один много лет назад в шкатулке с диковинами. — Она посмотрела на отца, все еще бормочущего про себя. — Мы ведь видели лоденник в Пелересине.

— А? Что? — Вопрос вытряхнул отца из размышлений. — Да, в Пелересине. — Он снова прикусил губу и нахмурился. — Помни, сын мой, даже если забудешь все остальное: поэт — это музыкант, который не может петь. Словам приходится искать разум человека, прежде чем они смогут коснуться его сердца, а умы людей — прискорбно маленькие мишени. Музыка трогает сердца напрямую — не важно, насколько мал или неподатлив ум слушающего.

Мать издала не слишком подходящее даме фырканье:

— Ах, какие мы элитарные. Просто ты стареешь. — Она испустила театральный вздох. — Вот память и изменяет тебе.

Отец принял картинную позу крайнего негодования, но мать уже повернулась ко мне:

— Единственная традиция, которая притягивает артистов к серовикам, — это лень. Стишок должен быть такой:

И в какое бы время
Я ни шел по дороге,
Мне любой повод годен:
Пастовик или лоден —
Чтоб сложить свое бремя
И вытянуть ноги.

В глазах отца зажегся непонятный огонек.

— Старею? — произнес он тихим низким голосом, снова начиная растирать ей плечи. — Женщина, я намерен доказать, что ты ошибаешься.

Она шутливо улыбнулась:

— Сэр, я намерена позволить вам это.

Я решил оставить их в покое и уже бежал к фургону Бена, когда меня настиг голос отца:

— Гаммы завтра после обеда? И второй акт «Тинбертина»?

— Ладно. — Я перешел на шаг.

Когда я вернулся к фургону Бена, он уже выпряг Альфу и Бету и чистил их. Я начал разводить огонь, окружив сухие листья пирамидкой из больших прутьев и веток. Закончив, я повернулся в ту сторону, где сидел Бен.

И снова молчание; я почти видел, как он подбирает слова. Наконец он заговорил:

— Что ты знаешь о новой песне своего отца?

— Той, которая про Ланре? — спросил я. — Не много. Ты же знаешь, какой он. Никто не услышит песню, пока она не закончена. Даже я.

— Я говорю не о самой песне, — сказал Бен, — а об истории, что стоит за ней. Об истории Ланре.

Я сразу припомнил десятки историй, которые мой отец собрал за последний год в попытках выделить общие звенья.

— Ланре был принцем, — сказал я. — Или королем. Кем-то важным.

Он хотел стать могущественней всех в мире. И продал свою душу за могущество, но что-то пошло не так, и потом он вроде бы сошел с ума, или не мог больше спать, или... — Я остановился, увидев, что Бен отрицательно качает головой.

— Не продавал он души, — сказал Бен. — Это сушая ерунда. — Он тяжело вздохнул и словно сдулся. — Я все делаю не так. Оставим песню твоего отца. Поговорим о ней, когда он ее закончит. Впрочем, история Ланре может дать тебе кое-какую пищу для размышлений.

Бен перевел дух и начал снова:

— Предположим, у тебя есть легкомысленный мальчишка-шестилетка. Какой вред он может причинить, если разбуйнится?

Я помолчал, не зная, какого рода ответ он хочет услышать. Прямой, пожалуй, будет лучшим:

— Небольшой.

— А если предположить, что ему двадцать, но он все такой же легкомысленный?

Я решил держаться очевидных ответов:

— Все равно небольшой, но больше, чем раньше.

— А если дать ему меч?

Понимание забрезжило у меня в мозгу, и я закрыл глаза:

— Больше, намного больше. Я понимаю, Бен, правда понимаю. Сила — это хорошо, а глупость обычно безвредна. Но глупость вместе с силой опасны.

— Я не говорил о глупости, — поправил меня Бен. — Ты умен, мы оба это знаем. Но ты можешь быть легкомысленным. Умный, но притом легкомысленный человек — одно из самых ужасных существ на свете. И что хуже всего, я научил тебя некоторым опасным фокусам.

Бен посмотрел на костер, который я сложил, затем подобрал листик, пробормотал несколько слов и стал смотреть, как среди прутиков и трута разгорается маленький огонек. Затем снова повернулся ко мне.

— Ты мог убить себя, делая что-нибудь совсем простое, вроде этого. — Он криво ухмыльнулся. — Или гоняясь в поисках имени ветра.

Он начал было говорить что-то еще, но остановился, потер лицо руками, снова вздохнул и совсем сгорбился. Когда Бен отнял руки от лица, на нем читалась одна лишь усталость.

— Сколько тебе сейчас?

— В следующем месяце будет двенадцать.

Бен покачал головой:

— Так легко забыть об этом. Ты ведешь себя не на свой возраст. — Он

пошевелил палочкой костер. — Мне было восемнадцать, когда я поступил в Университет. Только к двадцати я знал столько, сколько ты, — сказал он, глядя в огонь. — Прости, Квоут, мне надо сейчас побыть одному. Кое-что обдумать.

Я молча кивнул и встал. Достав из его фургона треногу и чайник, воду и чай, принес их к костру и тихо положил около Бена. Когда я уходил, он все еще смотрел в огонь.

Поскольку родители еще не ожидали меня, я отправился в лес. Мне тоже надо было кое-что обдумать. Жаль, но это все, что я мог сделать сейчас для Бена.

Прошел целый оборот, прежде чем к Бену вернулось обычное жизнерадостное настроение. Но наши отношения уже не были прежними. Мы оставались друзьями, но что-то пролегло между нами, и я догадывался, что Бен намеренно держится отчужденно.

Уроки почти прекратились. Бен прервал начавшееся было изучение алхимии, оставив только химию. Учить меня сигалдри он отказался вообще, а симпатию стал ограничивать областями, которые считал для меня безопасными.

Эти изменения выводили меня из себя, но я держал марку, полагая, что, если буду вести себя ответственно и осторожно, Бен в конце концов расслабится и все вернется на круги своя. Мы были одной семьей, и я знал, что любые сложности между нами когда-нибудь разрешатся. Все, в чем я нуждался, — это время.

Но я не подозревал, что время наше уже подходило к концу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И РАССТАВАНИЯ

Городок звался Хэллоуфелл. Мы остановились в нем на несколько дней, потому что там был хороший тележник, а почти все наши фургоны нуждались в ремонте. Пока мы ждали, Бен получил предложение, от которого не мог отказаться.

Она была вдовой, весьма состоятельной, еще достаточно молодой и, на мой неопытный взгляд, очень привлекательной. По официальной версии, она искала человека, готового учить ее маленького сына. Однако каждый, кто видел их с Беном гуляющими вместе, сразу понимал, в чем тут дело.

Дама была женой пивовара, утонувшего два года назад. Она пыталась управлять пивоварней как могла, но совершенно не представляла, как это делается...

Как вы понимаете, вряд ли можно было придумать лучшую ловушку для Бена, даже если очень постараться.

По ходу дела планы наши изменились, и труппа осталась в Хэллоуфелле еще на несколько дней. Мой двенадцатый день рождения перенесли на более ранний срок и совместили с отвальной, которую устраивал Бен.

Чтобы представить, какой это был праздник, нужно понимать, что нет ничего более грандиозного, чем труппа, играющая сама для себя. Хорошие артисты стараются каждое выступление сделать особенным, но следует помнить, что представление, которое они тебе показывают, разыгрывалось уже перед сотнями других зрителей. Даже у самых лучших трупп случаются провальные выступления — особенно когда артисты чувствуют, что им это сойдет с рук.

В маленьких городках или сельских трактирах не отличают хорошего представления от плохого. Но твои товарищи артисты прекрасно видят разницу.

Теперь подумайте, каково это: развлекать людей, которые видели твой номер тысячи раз? Вы стряхиваете пыль со старых трюков, пробуете новые и надеетесь на лучшее. И не забываете, что громкие провалы радуют зрителей не меньше, чем великие успехи.

Я запомнил тот вечер как чудесное облако теплых чувств, отдающих

горечью. Скрипки, лютни и барабаны — все играли, пели и плясали, как хотели. Полагаю, мы бы потягались с любой пирушкой фейри, какую только можно вообразить.

Я получил подарки. Трип подарил поясной нож с кожаной рукояткой, заявив, что всем мальчишкам нужны какие-нибудь штуки, которыми можно царапать друг друга. Шанди преподнесла прекрасный плащ, сшитый ею самой и усеянный изнутри маленькими кармашками для мальчишечьих сокровищ. Родители подарили лютню — прекрасный инструмент из гладкого темного дерева. Мне тут же пришлось сыграть песню, и Бен спел вместе со мной. Мои пальцы чуть скользили на непривычном инструменте, а Бен раз или два заблудился в поисках нот, но получилось здорово.

Он открыл бочонок медовухи, которую берег «как раз для такого случая». Я помню, что на вкус она была как мои чувства: сладкая, горьковатая и приглушенная.

Несколько человек объединились, чтобы написать «Балладу о Бене, превосходном пивоваре». Отец, аккомпанируя себе на полуарфе, прочел их творение с таким пафосом, словно это была генеалогия модеганского королевского рода. Все смеялись, пока животы не заболели, а Бен больше других прочих.

В какой-то момент праздника мать подхватила меня и закружила в танце. Ее смех звучал как музыка под ветром, ее волосы и юбка кружились вокруг меня. Она благоухала умиротворением — так пахнут только матери. Этот запах и ее быстрый смешливый поцелуй смягчили глухую боль от расставания с Беном лучше, чем все развлечения и радости вечера, вместе взятые.

Шанди предложила исполнить для Бена особый танец, но только если он придет в ее палатку. Я никогда раньше не видел, чтобы Бен краснел, но у него хорошо получилось. Он колебался и отказался — видно было, что далось это ему нелегко: прямо душа разрывалась. Шанди заупрямилась и мило надула губки, утверждая, что тренировалась специально для него. Наконец она затащила Бена к себе в палатку; их исчезновение вызвало бурю одобрения у всей труппы.

Трип и Терен представили шуточный бой на мечях. На треть это была умопомрачительная игра клинков, на треть — драматический монолог (произносимый Тереном) и еще на треть — буффонада, которую Трип, я уверен, придумывал прямо по ходу. Битва пронеслась по всему лагерю. В горячке боя Трип умудрился сломать свой меч, спрятаться под женской юбкой, пофехтовать колбасой и продемонстрировать столь фантастическую акробатику, что чудом не повредил себе ничего, кроме штанов,

разошедшихся по шву.

Декс поджег себя, когда пытался показать особенно зрелищный трюк с выдыханием огня, и его пришлось бросить в воду. Результатом фокуса стала только чуть подпаленная борода и слегка потрепанная гордость. Но Деке быстро пришел в себя благодаря заботливому лечению Бена: кружке медовухи и напоминанию, что не все люди созданы для ношения бровей.

Мои родители спели «Песнь о сэре Савиене Тралиарде». Как большинство величайших песен, «Сэр Савиен» написан Иллиеном и обычно считается его коронной работой.

Это прекрасная песня, и еще прекрасней ее делало то, что раньше я всего пару раз слышал, как отец пел ее целиком. Она чудовищно сложна, и мой отец был, пожалуй, единственным в труппе, кто мог спеть ее как надо. И хотя он старался этого не показывать, я знал, что песня тяжела даже для него. Мать пела вторую партию, ее голос лился мягко и живо. Даже огонь, казалось, притухал, когда они брали дыхание. Мое сердце взлетало и падало вместе с мелодией, и я плакал от чудесной красоты переплетающихся голосов и трагичности самой истории.

Да, я плакал в конце песни. Плакал тогда и плачу с тех пор каждый раз. Даже чтение этой истории вслух вызывает слезы на моих глазах. По-моему, в том, кого она не трогает, нет ничего человеческого.

Когда родители закончили, на минуту наступила тишина, пока все вытирали глаза и продували носы. Потом, выждав подходящее время, кто-то крикнул:

— Ланре! Ланре!

Крик был подхвачен другими голосами:

— Да! Ланре!

Отец криво улыбнулся и покачал головой: он никогда не показывал отрывков из недописанной песни.

— Давай же, Арл! — крикнула Шанди. — Ты уже долго ее варишь. Дай чему-нибудь убежать из горшка.

Он снова потряс головой, все еще улыбаясь:

— Она еще не готова. — Отец наклонился и аккуратно убрал лютню в футляр.

— Дай хоть попробовать, Арлиден. — Теперь это был Терен.

— Да, ради Бена. Нечестно, что он слушал твое бормотание про нее все это время и не...

— ...Понятно, что ты со своей женой делаешь в своем фургоне, если не...

— Спой ее!

— Ланре!

Трип быстренько превратил всю труппу в голосащую и улюлюкающую толпу, которой мой отец ухитрился противостоять целую минуту. Наконец он снова достал лютню из футляра. Все зааплодировали.

Как только отец снова сел, толпа моментально успокоилась. Он подтянул пару струн, хотя убирал инструмент всего минуту назад. Размял пальцы, взял несколько мягких пробных нот и вошел в песню так гладко, что я и не заметил, как она началась. Затем над волнами музыки зазвучал отцовский голос:

Сядьте и внимайте, ибо я спою
Старую забытую историю
О минувших временах и человеке —
Гордом Ланре, твердом, словно сталь
Ярого клинка в его руках.
Как сражался он, и пал, и снова встал,
Чтобы пасть под тень уже навеки.
Как любовь к родной земле его сгубила
И любовь к жене своей, на чей призыв
Он пришел из-за дверей могилы,
Имя Лира в первый вздох вложив.

Отец перевел дыхание и сделал паузу — с открытым ртом, словно собираясь продолжать. Тут по его лицу расплылась широкая злорадная ухмылка, он быстро наклонился и аккуратно убрал лютню в футляр. Раздался хоровой вопль и громогласные сетования, но все понимали, что им повезло услышать хотя бы столько. Кто-то завел танцевальную мелодию, и протесты стихли.

Мои родители танцевали вдвоем: голова матери лежала на груди отца, глаза у обоих были закрыты. Они выглядели совершенно счастливыми. Если вам удастся найти кого-то, с кем вы можете обняться и закрыть глаза на весь мир, вам повезло — даже если это продлится всего минуту. Мои родители, покачивающиеся под музыку, — именно так я и представляю себе любовь до сих пор.

После этого с моей матерью танцевал Бен, его движения были уверенны и полны достоинства. Я поразился, как красиво они смотрятся вместе. Бен — старый седой толстяк с морщинистым лицом и полусожженными бровями, и моя мать, стройная и прекрасная, совсем

белокожая в свете костра. Они подходили друг другу как две противоположности, и мне было больно думать, что я уже никогда не увижу их снова вместе.

К этому времени небо на востоке стало светлеть. Все собрались, чтобы окончательно попрощаться с Беном.

Я не могу вспомнить, что сказал ему, прежде чем мы уехали. Тогда это казалось совсем неуместным, но я знал, что он все понял. Бен заставил меня пообещать не попадать больше ни в какие переделки при работе с фокусами, которым он меня научил.

Он наклонился и обнял меня, а потом взъерошил мне волосы. Я даже не протестовал. В качестве маленькой мести я попытался расчесать его брови — всегда хотелось попробовать.

Изумление Бена было великолепно. Он снова заключил меня в объятия и наконец ушел.

Родители пообещали снова привести трупку в городок, когда мы окажемся поблизости. Все в трупке ответили, что вести их не надо — сами дорогу найдут. Но даже я, в моем юном возрасте, понимал: пройдет очень-очень много времени, прежде чем я снова увижу Бена. Многие годы.

Я не помню, как мы уезжали тем утром, но помню, что пытался заснуть и чувствовал себя совершенно одиноким, если не считать глухой горько-сладкой боли.

Проснувшись уже днем, я обнаружил рядом сверток, замотанный в мешковину и перевязанный бечевкой. Сверху на нем был прикреплен яркий клочок бумаги с моим именем; он развевался на ветру, как маленький флаг.

Развернув его, я увидел обложку книги. Это оказалась «Риторика и логика»: книга, по которой Бен учил меня спорить. Из всей его маленькой библиотеки, состоявшей из десятка книг, одну эту я прочел от корки до корки — и возненавидел всем сердцем.

Я раскрыл ее и прочел надпись на внутренней стороне обложки:

Квоут!

Защищайся в Университете так, чтобы я гордился тобой.
Помни песню твоего отца. Избегай глупостей. Твой друг

Абенти.

Мы с Беном никогда не обсуждали мое поступление в Университет. Конечно, я грезил когда-нибудь туда попасть, но мечтами своими не

делился даже с родителями. Поступление в Университет означало бы расставание с отцом и матерью, а также с труппой — всем и всеми, кто у меня был.

Честно говоря, даже одна мысль об этом приводила меня в ужас. Как это может быть: жить на одном месте не один вечер и даже не оборот, а месяцы? Годы? Больше никаких представлений? Никаких кувырков с Трипом и роли своевольного дворянского сынка в «Трех пенни за желание»? Никаких фургонов? Не с кем даже спеть?

Я никогда не говорил об этом вслух, но Бен угадал. Я снова прочитал его инструкцию, немного поплакал и пообещал ему сделать все, что смогу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НАДЕЖДА

В последующие месяцы родители делали все возможное, чтобы залатать дыру, оставшуюся после ухода Бена. Другие члены труппы тоже старались чем-нибудь занять меня и спасти от хандры.

Понимаете, в труппе возраст почти не имеет значения. Если ты достаточно силен, чтобы седлать лошадей, ты седлаешь лошадей. Если твои руки достаточно ловки, ты жонглируешь. Если ты гладко выбрит и влезаешь в платье, будешь играть леди Рейтиэль в «Свинопасе и соловушке». Все очень просто.

Трип учил меня подтрунивать и кувыркаться. Шанди гоняла по придворным танцам полдесятка стран. Терен измерил меня эфесом своего меча и счел достаточно высоким, чтобы осваивать основы фехтования. Не для настоящей драки, подчеркнул он, а только чтобы я мог прилично изобразить ее на сцене.

Дороги в то время года были хороши, так что мы прекрасно проводили время, двигаясь на север по землям Содружества и делая по двадцать — тридцать километров в день в поисках новых городов для выступлений. С уходом Бена я все чаще ехал с отцом, и он начал серьезно готовить меня для сцены.

Конечно, я уже много знал, но все это лежало в моей голове беспорядочной грудой обрывков. Теперь отец методично показывал мне истинную механику актерского ремесла: как легкое смещение акцента или смена позы заставляет человека выглядеть неуклюжим, коварным или глупым.

И наконец, мать начала учить меня поведению в приличном обществе. Я получил некоторое представление об этом во время наших нечастых посещений барона Грейфеллоу и считал себя достаточно воспитанным и без заучивания форм вежливого обращения, застольных манер и сложных, запутанных титулов знати. Так я и сказал матери.

— Какая разница, превосходит по рангу модеганский виконт винтийского спаратана или нет? — возмущался я. — И кому важно, что один из них «ваша светлость», а другой — «мой лорд»?

— Им важно, — твердо ответила мать. — А если ты будешь выступать для них, тебе придется научиться вести себя с достоинством и не лезть

локтями в суп.

— Отец никогда не беспокоится, какой вилкой есть и кто кому выше рангом, — проворчал я.

Мать нахмурилась, сощутив глаза.

— Кто кого выше, — неохотно поправился я.

— Твой отец знает больше, чем показывает, — сказала мать. — Но не знает, что во многих случаях он выезжает только благодаря своему могучему обаянию. Пока ему удастся выкручиваться. — Она взяла меня за подбородок и повернула лицом к себе. Ее глаза, зеленые с золотым ободком вокруг зрачка, заглянули в мои. — Ты предпочитаешь просто выкручиваться или хочешь, чтобы я тобой гордилась?

На это мог быть только один ответ. И как только я сосредоточился на этикетке, он стал для меня просто еще одним видом актерства. Очередной пьесой. Мать складывала стишки, чтобы помочь мне запомнить самые бессмысленные формальности. Вместе мы сочинили непристойную песенку под названием «Понтифику место под королевой». Мы смеялись над этой песенкой целый месяц, и мать строго-настрого запретила мне петь ее отцу — он бы мог сыграть ее не тем людям и навлечь на нас серьезные неприятности.

— Дерево! — послышался далекий крик от начала каравана. — Трехвесный дуб!

Отец остановился посреди монолога, который читал мне, и вздохнул.

— Похоже, сегодня мы приехали, — сердито проворчал он, взглянув на небо.

— Мы останавливаемся? — спросила мать из фургона.

— Еще одно дерево поперек дороги, — объяснил я.

— Проклятье, — буркнул отец, направляя фургон к просвету на обочине. — Королевская это дорога или нет? Можно подумать, мы единственные, кто по ней ездит. Когда случилась буря? Два оборота назад?

— Нет, — ответил я. — Шестнадцать дней.

— А деревья все еще перегораживают дорогу! У меня есть мысль послать консульству счет за каждое дерево, которое нам пришлось распилить и оттащить с дороги. Задержка еще на три часа. — Фургон остановился, и отец спрыгнул с козел.

— Думаю, это даже неплохо, — сказала мать, выходя из-за фургона. — Позволяет надеяться на что-нибудь горяченькое... — Она бросила на отца многозначительный взгляд. — Поесть. Надоело обходиться тем, что остается к вечеру. Тело просит большего.

Настроение отца моментально улучшилось.

— Что да, то да, — согласился он.

— Дорогой, — позвала меня мать. — Поищешь дикого шалфея?

— Не знаю, растет ли он здесь, — отозвался я с тщательно выверенным сомнением.

— Ну, поискать-то не вредно, — резонно заметила она, искоса взглянув на отца. — Если найдешь много, неси целую охапку. Мы его засушим про запас.

Обычно не имело значения, находил я то, о чем меня просили, или нет.

Я частенько бродил в стороне от труппы по вечерам. Как правило, мне давали какое-нибудь поручение на то время, пока родители готовят ужин. Всего лишь предлог, чтобы не мешать друг другу. Не так уж легко найти уединение на дороге, и родители нуждались в нем не меньше, чем я. Когда я целый час собирал охапку хвороста, их это не слишком заботило. А если они еще даже не приступали к ужину, когда я возвращался — ну так и это было справедливо, правда?

Надеюсь, они хорошо провели те последние часы. Надеюсь, они не теряли времени на бессмысленные дела: разжигание огня и нарезание овощей для ужина. Надеюсь, они пели вдвоем, как обычно. Надеюсь, они ушли в фургон и занялись друг другом, а после этого лежали, обнявшись, и болтали о пустяках. Надеюсь, они были вместе в любви до самого конца.

Слабая надежда и довольно пустая: они все равно мертвы.

И все же я надеюсь...

Пропустим время, которое я провел в одиночестве в лесу тем вечером — за обычными детскими играми, выдуманными, чтобы занять время. Последние беззаботные часы моей жизни. Последние мгновения моего детства.

Пропустим мое возвращение в лагерь, когда солнце только начинало садиться. Тела, разбросанные повсюду, будто сломанные куклы. Запах крови и паленого волоса. Мои бесцельные блуждания — ничего не понимающий, отупевший от ужаса, я не мог даже паниковать.

Пожалуй, я пропустил бы весь тот вечер. Я избавил бы вас от этого ужасного груза, если бы один момент не был важен для всей истории — прямо-таки жизненно необходим. Это своего рода дверная петля, на которой поворачивается история, — можно сказать, здесь она и начинается.

Так давайте покончим с этим.

Редкие клочья дыма плавали в спокойном вечернем воздухе. Было

тихо, как будто все в труппе к чему-то прислушивались, стараясь не дышать. Ленивый ветерок пошевелил листья в кронах деревьев и принес мне, словно облачко, клочок дыма. Я вышел из леса и направился в лагерь.

Пройдя через завесу дыма, щипавшего глаза, я протер их и огляделся. Палатка Трипа почти лежала в его же костре. Пропитанный холст горел неровно, и едкий серый дым стелился над землей в вечерней тиши.

Мне попало на глаза тело Терена со сломанным мечом в руке, лежавшее возле его фургона. Одежда на нем — привычное серое и зеленое — стала мокрой от крови. Одна нога загибалась под неестественным углом, и сломанная кость, выпиравшая из кожи, была очень, очень белой.

Я стоял, не в силах отвести взгляд от Терена: от серой рубашки, красной крови, белой кости. Глазел, словно это была схема из книжки, в которой я пытался разобраться. Мое тело онемело, мысли ползли, как сквозь патоку.

Какая-то маленькая рациональная часть меня понимала, что я в глубоком шоке. Она повторяла мне это снова и снова; приходилось использовать все уроки Бена, чтобы не слушать ее. Я не хотел думать о том, что вижу. Не хотел знать, что здесь случилось. Не хотел понимать, что все это значит.

Спустя какое-то время мой взгляд снова заволокло облако дыма. Я присел в оцепенении у ближайшего костерка. Это был костер Шанди, над ним кипел маленький котел с картошкой — странно знакомая вещь посреди всеобщего хаоса.

Я сфокусировал взгляд на котелке. Потыкал палочкой в его содержимое и увидел, что оно готово. Снял котелок с огня и поставил его на землю рядом с телом Шанди. Одежда на ней была изодрана в лохмотья. Я попытался отвести волосы с ее лица, и моя рука стала липкой от крови. Свет костра отразился в ее тусклых, пустых глазах.

Я встал и бесцельно огляделся. Палатка Трипа уже почти вся горела, и фургон Шанди стоял одним колесом в костре Мариона. Пламя отливало синим, превращая всю картину в сюрреалистический сон.

И тут до меня донеслись голоса. Выглянув из-за колеса фургона Шанди, я увидел нескольких незнакомцев, мужчин и женщин, сидящих вокруг костра — костра моих родителей. У меня закружилась голова, и я схватился за колесо фургона, чтобы не упасть. Как только я коснулся его, железные обручи, укрепляющие колесо, рассыпались под моими руками пыльными слоистыми клубами бурой ржавчины. Я отдернул руку, колесо закрипело и начало трескаться. Я отступил назад, фургон просел и вдруг рассыпался в труху, словно сгнивший пенёк.

Теперь я стоял прямо напротив костра. Один из сидящих оглянулся и вскочил, вытаскивая меч. Его движение напомнило мне шарик «живого серебра», выкатывающийся из банки на стол: такое же упругое и мягкое, совершенно без усилия. Лицо незнакомца было напряженным, а тело расслабленным, словно он просто встал и потянулся.

Его меч, изящный и бледный, рассек воздух с тонким свистом. Он был как тишина, что ложится в самые холодные дни зимы, когда больно дышать и все неподвижно.

Человек стоял метрах в семи от меня, но в меркнувшем свете заката я видел его совершенно четко. Я помню его так же ясно, как свою мать, — иногда даже лучше. Его лицо, узкое и острое, было красиво совершенной фарфоровой красотой; волосы, длиной по плечи, обрамляли его крупными локонами цвета инея. Все в этом детище бледной зимы было холодным, острым и белым.

Кроме глаз: черных, словно у козла, и совсем без радужки. Глаза были как его меч — ни то ни другое не отражало света костра и заходящего солнца.

Увидев меня, он расслабился. Опустил меч и улыбнулся идеально белоснежными зубами. Это было лицо кошмара. Я почувствовал, как кинжал чувства проникает сквозь оцепенение, в которое я завернулся, будто в толстое спасительное одеяло. Что-то запустило когти в мою грудь и сжало их внутри. Возможно, тогда я впервые в жизни по-настоящему испугался.

Лысый человек с седой бородой, сидящий у костра, хмыкнул:

— Похоже, мы пропустили одного крольчонка. Осторожнее, Пепел, у него могут быть острые зубки.

Тот, кого называли Пеплом, вбросил меч в ножны с таким звуком, какой издает дерево, трескаясь под тяжестью зимнего льда. Не приближаясь ко мне, он встал на колени — и снова его движение напомнило мне ртуть. Теперь его лицо было на одном уровне с моим и выражало искреннее участие — все, кроме матово-черных глаз.

— Как твое имя, мальчик?

Я молчал, застыв на месте, словно испуганный олененок.

Пепел вздохнул и на мгновение опустил взор. Когда он снова посмотрел на меня, я увидел само сострадание, глядящее на меня пустыми глазами.

— Юноша, — начал он, — где же ваши родители?

Секунду он удерживал мой взгляд, потом оглянулся через плечо на костер, вокруг которого сидели остальные.

— Кто-нибудь знает, где его родители?

Один из сидящих улыбнулся, жестко и хищно, словно радуясь особенно удачной шутке. Один или двое засмеялись. Пепел снова повернулся ко мне, и сострадание опало с его лица, словно потрескавшаяся маска, оставив только кошмарную улыбку.

— Это костер твоих родителей? — спросил он с изуверским восторгом в голосе.

Я оцепенело кивнул.

Его улыбка медленно погасла. Он заглянул вглубь меня пустыми глазами.

Голос его был спокоен, холоден и резок.

— Чьи-то родители, — сказал он, — пели совсем неправильные песни.

— Пепел, — прозвучал от костра холодный голос.

Черные глаза сузились от гнева.

— Что? — прошипел он.

— Ты приближаешься к моей немилости. Мальчишка ничего не сделал. Отправь его в мягкое и безболезненное одеяло сна. — Холодный голос чуть запнулся на последнем слове, словно его было трудно произнести.

Голос исходил от человека, укутанного тенью, — он сидел отдельно от остальных, на краю круга света. Хотя небо все еще пламенело закатным светом и говорившего ничто не заслоняло от костра, тень растекалась вокруг него, словно вязкое масло. Огонь плясал, потрескивая, живой и теплый, подернутый синим, но ни один отблеск света не подбирался близко к человеку. Тень вокруг его головы была еще гуще. Я смог разглядеть темный балахон вроде тех, что носят некоторые священники, но дальше тени сливались в одно черное пятно — словно смотришь в колодец в полночь.

Пепел коротко взглянул на человека в тених и отвернулся.

— Ты здесь только часовой, Хелиакс, — огрызнулся он.

— А ты, кажется, забываешь о нашей цели. — Голос черного человека стал еще холоднее и резче. — Или же твоя цель отличается от моей?

Последние слова прозвучали тяжелее, словно таили какой-то особый смысл.

Надменность покинула Пепла в один миг — так вода уходит из опрокинутого ведра.

— Нет, — сказал он, снова повернувшись к огню. — Конечно нет.

— Это хорошо. Мне ненавистна мысль, что наше долгое знакомство подходит к концу.

— Мне тоже.

— Напомни еще раз, каковы наши отношения, Пепел, — произнес

человек в тених, и в его ровном тоне прозвенела серебряная нотка ярости.

— Я... я у тебя на службе... — Пепел сделал умиротворяющий жест.

— Ты — инструмент в моих руках, — мягко прервал его черный. —
Ничего больше.

Тень гнева коснулась лица Пепла.

Помолчав, он начал:

— Я...

Мягкий голос стал жестким, как прут из рамстонской стали:

— Ферула.

Ртутная легкость движений Пепла исчезла. Он пошатнулся, вдруг скорчившись от боли.

— Ты — инструмент в моих руках, — повторил холодный голос. —
Скажи это.

Челюсти Пепла гневно сжались на мгновение, потом он дернулся и закричал, словно раненое животное. В его вопле не было ничего человеческого.

— Я — инструмент в твоих руках, — задыхаясь, проговорил он.

— Лорд Хелиакс.

— Я — инструмент в твоих руках, лорд Хелиакс, — поправился Пепел, падая на колени и весь дрожа.

— Кто проник в самую суть твоего имени, Пепел? — Слова произносились терпеливо и неторопливо, словно школьный учитель повторял забытый учеником урок.

Пепел обхватил себя руками и сгорбился, закрыв глаза:

— Ты, лорд Хелиакс.

— Кто защищает тебя от амир? От певцов? От ситхе? От всего в мире, что могло бы тебе повредить? — вопрошал Хелиакс с холодной учтивостью, как будто искренне интересовался, каким может быть ответ.

— Ты, лорд Хелиакс. — Голос Пепла дрогнул тонкой нитью боли.

— И чьим целям ты служишь?

— Твоим целям, лорд Хелиакс, — выдавил он. — Твоим. Ничьим больше.

Напряжение исчезло из воздуха, и тело Пепла внезапно обмякло. Он упал вперед на руки, и капли пота, падающие с его лица, застучали по земле, словно дождь. Белые волосы безжизненными сосульками свисали вдоль лица.

— Спасибо, лорд, — искренне выдохнул он. — Больше я не забуду.

— Забудешь. Вы слишком увлечены своими мелкими жестокостями — все вы. — Скрытое капюшоном лицо Хелиакса повернулось поочередно к

каждой из сидящих у костра фигур. — Я рад, что решил присоединиться к вам сегодня. Вы сбиваетесь с пути, потворствуя своим прихотям. Некоторые из вас, кажется, забыли, что мы ищем и чего желаем достичь. — Сидящие вокруг костра тревожно заерзали.

Капюшон снова обратился к Пеплу:

— Но ты получаешь мое прощение. Возможно, если бы не такие напоминания, забылся бы и я. — В последних словах, видимо, скрывался намек. — Теперь закончи то... — Его холодный голос умолк, а капюшон слегка приподнялся к небу.

Повисла выжидающая тишина.

Сидевшие вокруг костра вдруг стали совершенно неподвижны, их лица напряглись и застыли. Они одновременно подняли головы, словно ища только им известную точку на меркнувшем небе. Будто пытаюсь уловить в воздухе какой-то запах.

Меня кольнуло ощущение чужого взгляда. Я почувствовал напряженность — какое-то изменение в текстуре воздуха — и сосредоточился на нем, радуясь поводу отвлечься, радуясь всему, что могло еще хоть на несколько секунд помешать мне ясно мыслить.

— Они идут, — тихо произнес Хелиакс. Он встал, и тень будто вскипела и поползла от него, как черный туман. — Быстро. Ко мне.

Остальные вскочили. Пепел с трудом поднялся на ноги и проковылял десяток шагов к костру.

Хелиакс раскинул руки, и тень, окружавшая их, распахнулась, словно цветок. Тогда все остальные повернулись одинаковым заученным движением и шагнули к Хелиаксу, в окружающую его тень. Но они так и не закончили шага, растаяв в воздухе легко и тихо, — так рассыпаются песчаные фигуры под дыханием ветра. Только Пепел оглянулся, в его кошмарных глазах горел огонек злобы.

Они исчезли.

Я не буду мучить вас тем, что было дальше: моими метаниями от тела к телу в безумных попытках нащупать признаки жизни, как учил меня Бен; бесплодными потугами вырыть могилу — я ковырялся в грязи, пока не ободрал пальцы до крови. Тем, как я нашел родителей...

Только к темноте я отыскал наконец наш фургон. Конь оттащил его почти на сотню метров по дороге, прежде чем околоть. Внутри фургона все казалось таким обычным, уютным и спокойным. Задняя часть фургона так удивительно пахла ими обоими...

Я зажег все лампы и свечи в фургоне. Свет не принес облегчения, но

это был чистый золотой свет огня, без всяких признаков синевы. Я достал отцовскую лютню из футляра, обнял ее и лег на родительскую постель. Подушка матери пахла ее волосами, ее руками и объятиями. Я не собирался спать, но сон одолел меня.

Я проснулся от собственного кашля. Все вокруг было в огне — конечно же, из-за свечей. Так и не придя в себя от шока, я сложил в сумку несколько вещей. Двигался я медленно и тупо, ничего уже не боясь: книгу Бена я вытащил из-под горящего матраса голыми руками. Какой страх мог внушить мне теперь обычный огонь?

Я положил отцовскую лютню в футляр, чувствуя себя так, будто краду ее, но ничего другого, что напоминало бы мне о родителях, придумать я не мог. Их руки касались этого дерева тысячи тысяч раз.

Потом я выпрыгнул из фургона и углубился в лес, продолжая идти, пока рассвет не озарил восточный край неба. Когда запели птицы, я остановился и поставил сумку. Вытащил отцовскую лютню и прижал ее к себе. Потом стал играть.

Мои пальцы болели, но я все равно играл. Играл, пока по струнам не потекла кровь. Играл, пока солнце не пробилось сквозь листву. Играл, пока мои руки не занемели от боли. Играл, стараясь не вспоминать, пока не заснул.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ОСЕНЬ

Квоут жестом остановил Хрониста и, нахмурившись, повернулся к ученику:

— Перестань так смотреть на меня, Баст.

Тот, казалось, был готов разрыдаться.

— Ох, Реши, — выдавил он. — Я даже не представлял...

Квоут рубанул ладонью воздух.

— И не надо тебе представлять. Не придавай этому большого значения, Баст.

— Но, Реши...

Квоут оборвал ученика свирепым взглядом:

— Что, Баст? Что? Я должен рыдать и рвать на себе волосы? Проклинать Тейлу и всех его ангелов? Бить себя в грудь? Это все театральная дешевка. — Он чуть смягчился. — Я ценю твое участие, но пойми, что это лишь эпизод истории, причем даже не худший. А я рассказываю ее не для того, чтобы вызвать сочувствие.

Квоут отодвинулся от стола и встал.

— Да и случилось все это давно. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Время — великий целитель и все такое.

Он потер руки.

— Сейчас я собираюсь принести дров. Если я хоть что-нибудь понимаю в погоде, сегодня ночью будут заморозки. Можешь приготовить пару буханок для выпечки, пока я хожу. И постарайся взять себя в руки. Я не буду рассказывать дальше, пока у тебя глаза на мокром месте.

С этими словами Квоут прошел через кухню к задней двери трактира.

Баст вытер глаза и посмотрел вслед хозяину.

— Все хорошо, пока он чем-нибудь занят, — тихо сказал он.

— Прошу прощения? — рассеянно отозвался Хронист.

Он поерзал на стуле, словно собирался встать, но не мог придумать вежливого объяснения.

Баст тепло улыбнулся, его синие глаза уже приобрели вполне человеческий вид.

— Я так разволновался, когда услышал, кто ты такой и что он собирается рассказать свою историю. В последнее время он был в ужасном

настроении, и ничто не могло его оттуда вытряхнуть — просто сидел часами, уйдя в свои мысли. Уверен, что воспоминания о хороших временах будут... — Баст поморщился. — Я не слишком понятно говорю. Извини, что с тобой так получилось. Я не подумал.

— Н-нет, — поспешно пробормотал Хронист. — Это все я... Моя вина. Прости.

Баст покачал головой:

— Ты был ошеломлен, потому и пытался зажать меня. — По его лицу пробежала тень недавней боли. — Скажу честно, не очень-то приятно. Ощущение такое, будто тебя пнули между ног, только по всему телу. Да еще тошнота, слабость, но это всего лишь боль, даже на настоящую рану не похоже, — Баст смущенно опустил взгляд. — А я собирался не просто ударить тебя. Я мог убить тебя раньше, чем успел бы остановиться и подумать.

Опередив неловкое молчание, Хронист сказал:

— Почему бы нам не принять его версию, что нас обоих вдруг поразила идиотическая слепота, и не забыть это? — Хронист даже умудрился выдавить бледную улыбку, весьма сердечную, несмотря ни на что. — Мир? — Он протянул руку.

— Мир. — Они пожали руки с куда большей теплотой и искренностью, чем прежде.

Когда Баст протянул руку через стол, рукав его задрался, открыв синяк, расцветший на запястье.

Он смущенно одернул рукав:

— Это он так меня схватил. Он сильнее, чем выглядит. Не говори ему про синяк — он огорчится.

Квоут вышел из кухни и закрыл за собой дверь. Огляделся, будто ожидая увидеть весенний лес из своей истории, а не теплый осенний день. Потом поднял за ручки тачку и, шурша опавшими листьями, покатыл ее в лес за трактором.

Неподалеку в лесу хранился запас дров на зиму. Полена на полена, дуб и ясень были сложены в высокие корявые стены между древесных стволов. Квоут бросил два полена в тачку, с глухим барабанным стуком они упали на плоское дно. За ними последовали еще два. Движения Квоута были точными, лицо — спокойным, взгляд — отсутствующим.

По мере того как тачка наполнялась, он двигался все медленнее и медленнее — будто машина, у которой кончается завод. Наконец он совсем остановился и несколько минут простоял неподвижно, словно камень.

Только тогда его спокойствие вдруг рухнуло; и хотя никто не мог его увидеть, он спрятал лицо в ладонях, содрогаясь всем телом под тяжкими волнами беззвучных рыданий.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДОРОГИ В БЕЗОПАСНЫЕ МЕСТА

Способность справляться с болью — величайший дар нашего ума. Классическая мысль говорит о четырех дверях разума, которыми всякий может воспользоваться в случае необходимости.

Первая — это дверь сна. Сон предлагает нам убежище от мира и его боли. Сон ускоряет течение времени, отделяя и отдаляя нас от того, что причинило нам боль. Раненые часто теряют сознание, а люди, получившие страшные вести, падают в обморок. Так разум защищает себя от боли, проходя через первую дверь.

Вторая дверь — дверь забвения. Некоторые раны слишком глубоки и не поддаются исцелению — во всяком случае, быстро. Кроме того, воспоминания часто причиняют боль, тут уж ничего не поделаешь. Пословица «время лечит все раны» лжива: время лечит многие раны. Остальные прячутся за второй дверью.

Третья дверь — дверь безумия. Порой разум получает такой удар, что впадает в сумасшествие. Хотя это выглядит бессмысленным, на самом деле польза есть. Бывают времена, когда реальность не приносит ничего, кроме боли, и, чтобы от нее уберечься, разум вынужден бежать от реальности.

Четвертая дверь — дверь смерти. Последнее прибежище. Ничто не может причинить нам боль, когда мы мертвы, — по крайней мере, так кажется.

После того как убили мою семью, я ушел подальше в лес и уснул. Мое тело требовало этого, и разум воспользовался первой дверью, чтобы унять боль. Рана покрылась корочкой в ожидании подходящего для исцеления времени. Защищая себя, большая часть моего разума просто перестала работать — заснула, если угодно.

Пока мой разум спал, многие острые моменты предыдущего дня скрылись за второй дверью. Не полностью. Я не забыл, что произошло, но память поблекла, словно я смотрел сквозь густой туман. При желании я мог вспомнить лица мертвых и человека с черными глазами. Но я не хотел вспоминать. Я отодвинул эти мысли подальше и оставил пылиться в темном заброшенном уголке моего сознания.

Мне снились сны: не о крови, пустых стеклянных глазах и запахе

паленого волоса, но о более приятных вещах. И потихоньку боль затихала.

Мне снилось, что я иду по лесу с Лаклисом — простым и честным охотником, который путешествовал с нашей группой, когда я был помладше. Он неслышно двигался через подлесок, а я создавал шума больше, чем раненый бык с опрокинутой телегой.

После долгого уютного молчания я остановился, чтобы рассмотреть какое-то растение.

— Борода мудреца, — сказал Лаклис. — Можно определить по кромке.

Он протянул руку и осторожно коснулся названной части листа: она действительно походила на бороду. Я кивнул.

— Это ива. Можно жевать ее кору, чтобы уменьшить боль.

Кора была горькой и похрустывала на зубах.

— Это зудокорень, не касайся листьев.

Я не касался.

— Эти мелкие ягодки — гореника. Их можно есть, когда совсем покраснеют, но зеленые, желтые и оранжевые — ни в коем случае. Вот так надо ставить ноги, если хочешь идти бесшумно.

От такой ходьбы у меня заболели голени.

— Вот так надо разделять кусты, чтобы не оставлять следов. Вот так можно спрятаться от дождя, если нет холста. Это отчий корень; есть можно, но вкус отвратительный. Это, — указал он, — прямопрут и рыжекрайник, никогда их не ешь. Вон то, с маленькими шишечками, — колючник. Его можно есть, но только если перед этим проглотил что-нибудь вроде прямопруса. Он заставит тебя выплюнуть все, что есть в желудке. Вот так ставят силок, который не убьет кролика. А вот этот убьет. — Он свернул веревку сначала одним способом, потом другим.

Понаблюдав, как его руки порхают над веревкой, я понял, что это уже больше не Лаклис, а Абенти. Мы ехали в фургоне, и он учил меня завязывать морские узлы.

— Узлы — интересная штука, — рассказывал Абенти, пока вязал. — Узел будет или самым крепким, или самым слабым местом веревки. Все целиком и полностью зависит от того, насколько хорошо его завязали. — Он протянул руки, показывая мне невероятно сложный узел, натянутый на пальцах.

Его глаза поблескивали:

— Вопросы есть?

— Вопросы есть? — спросил отец.

Мы рано остановились на дневку из-за серовика. Он сидел, настраивая

лютно и наконец собираясь сыграть нам с матерью свою песню. Мы так долго этого ждали.

— Есть какие-нибудь вопросы? — повторил он, прислонившись спиной к огромному серому камню.

— Почему мы останавливаемся у путевиков?

— В основном по традиции. Но некоторые говорят, что они отмечали древние дороги... — Голос моего отца изменился и превратился в голос Бена. — Безопасные дороги. Иногда дороги в безопасные места, иногда дороги, ведущие к опасности. — Бен протянул руку к камню, словно он согревал, как костер. — В них есть сила. Только дурак станет это отрицать.

Потом Бен исчез, и стоячий камень был уже не один, а много — больше, чем я когда-либо видел в одном месте. Они окружали меня двойным кольцом. Один камень лежал поперек двух стоячих, получалась огромная арка, дающая густую тень. Я протянул руку, чтобы коснуться ее...

И проснулся. Мой разум прикрыл свежую рану именами сотни корней и трав, четырьмя способами разжечь огонь, девятью капканами, сделанными только из веревки и молодого деревца, и знанием, как найти питьевую воду.

Едва ли я задумывался о другой стороне сна: Бен никогда не учил меня морским узлам, отец не успел закончить песню.

Я провел ревизию того, что взял с собой: холщовый мешок, маленький нож, клубок бечевки, немного воска, медный пенни, два железных шима и «Риторика и логика» — книга, подаренная мне Беном. Одежда, что на себе, и отцовская лютня — больше у меня ничего не было.

Я отправился искать воду.

— Первым делом вода, — говорил мне Лаклис. — Без всего остального можно обойтись несколько дней.

Я учел уклон местности и побрел по каким-то звериным тропам. К тому времени, как я нашел маленький пруд, спрятавшийся среди берез и питаемый родником, небо за деревьями уже окрашивалось в пурпур. Меня мучила ужасная жажда, но осторожность победила, и я сделал лишь маленький глоток.

Потом набрал сухих дров в дуплах и под кронами деревьев. Установил простую ловушку. Поискал и нашел несколько стеблей матушкиного листа и намазал его соком изодранные, кровоточащие пальцы. Жжение помогло мне не думать о том, как я их поранил.

Ожидая, пока высохнет сок, я наконец огляделся. Дубы и березы здесь боролись за место под солнцем. Их стволы под пологом ветвей создавали узоры из света и тени. Из пруда вытекал ручеек и, журча по камням, убегал

на восток. Возможно, все это было красиво, но я не замечал. Не мог замечать. Для меня деревья были укрытием, подлесок — источником пропитания, а пруд, отражающий луну, только напоминал о моей жажде.

У пруда лежал на боку огромный прямоугольный камень. Несколькими днями раньше я бы узнал в нем серовик. Теперь он представлялся мне отличным заграждением от ветра — можно привалиться спиной, когда спишь.

Сквозь просветы в листве я увидел, что появились звезды. Значит, прошло уже несколько часов с тех пор, как я попробовал воду. Поскольку мне не стало плохо, я счел воду безопасной и вволю напился.

Вода лишь немного освежила меня, зато заставила осознать, насколько я голоден. Я сел на камень у края пруда, общипал стебли матушкиного листа и съел один листик. Он оказался жестким, кожистым и горьким. Я сжевал остальные, но это не помогло. Тогда я еще немного попил и лег спать, не обращая внимания на холодную твердость камня — или притворившись, что мне все равно.

Проснувшись, я напился и пошел проверить ловушку, которую поставил вчера. К моему удивлению, в ней обнаружился кролик, все еще борющийся с веревкой. Я достал свой маленький нож и припомнил, как разделывать кролика, — Лаклис мне показывал. Но тут я представил себе кровь и почти ощутил ее на своих руках. Меня затошнило и вырвало. Я отпустил кролика и вернулся к пруду.

Выпив еще воды, я сел на камень. Голова кружилась, скорее всего, от голода.

Но через мгновение в голове у меня снова прояснилось, и я выругал себя за глупость. Найдя какой-то гриб на мертвом дереве, я съел его, вымыв перед этим в пруду. Он был жесткий, а на вкус напоминал грязь. Я съел все, что нашел.

Потом я поставил новую ловушку — убивающую, а почувствовав приближение дождя, вернулся к серовику, чтобы сделать укрытие для лютни.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПАЛЬЦЫ И СТРУНЫ

Сначала я существовал как автомат, бездумно совершая действия, необходимые для поддержания жизни.

Второго пойманного кролика я съел, и третьего тоже. Нашел полянку дикой земляники, накопал кореньев. К концу четвертого дня у меня было все необходимое для выживания: обложенное камнями кострище и укрытие для лютни. Я даже собрал небольшой запас съестных припасов — на крайний случай.

А еще у меня было вдоволь того, в чем я совершенно не нуждался: у меня было сколько угодно времени. Позабывшись о нуждах насущных, я обнаружил, что мне совершенно нечего делать. Думаю, именно тогда небольшая часть моего разума начала пробуждаться.

Следует понимать: я не был собой — по крайней мере, тем человеком, каким являлся всего оборот назад. Теперь я посвящал весь разум тому, что делал в данный момент, не позволяя себе отвлечься и вспомнить.

Я отощал и обтрепался. Спал под дождем и под солнцем, на мягкой траве, влажной земле и острых камнях с одинаковым безразличием, которое способно вызвать лишь горе. Окружающую действительность я замечал только во время дождя, потому что не мог тогда вытащить лютню и поиграть, а это причиняло мне боль.

Конечно же, я играл. То было единственным моим утешением.

К концу первого месяца на пальцах у меня выросли твердокаменные мозоли, и я мог играть много часов подряд. Снова и снова я повторял все песни, которые знал на память. Потом стал играть те, что помнил не целиком, восполняя забытые части как получится.

Наконец я смог играть с момента пробуждения до того, как засыпал. Я перестал повторять известные мне песни и начал придумывать новые. Я уже сочинял песни раньше и даже иногда помогал отцу сложить куплет-другой, но теперь посвятил этому все мое внимание. Некоторые из тех песен остались со мной до сего дня.

Вскоре я начал играть... как мне это описать?

Я начал играть нечто иное, чем песни. Когда солнце согревает траву и ветерок освежает тебя, это вызывает определенное чувство. Я играл до тех пор, пока не получал правильное ощущение. Играл, пока мелодия не

начинала звучать как «трава под солнцем и прохладный ветерок».

Играл я только для себя, но сам я был придирчивым слушателем. Помню, как провел почти три дня в попытках уловить «ветер, играющий листком».

К концу второго месяца я мог сыграть что угодно — почти так же запросто, как видел и ощущал это: «солнце садится в тучи», «птичка пьет», «роса на папоротниках».

Где-то на третий месяц я перестал смотреть по сторонам и начал искать то, что можно сыграть, внутри себя. Я научился играть «Едем в фургоне с Беном», «Поем с отцом у костра», «Гляжу на танец Шанди», «Растираю тут листья, а на улице прекрасная погода», «Улыбка матери»...

Нечего и говорить, играть такие штуки было больно, но болят и кровоточат только непривычные к струнам пальцы. Душа у меня тоже кровоточила, и я надеялся, что скоро она обрастет мозолями.

Ближе к концу лета одна из струн лопнула — так, что ее нельзя было связать. Я провел большую часть дня в тупом оцепенении, не зная, что теперь делать. Мой разум все еще не проснулся, но работающую часть его я целиком сосредоточил на проблеме, пробудив бледную тень былой смекалки. Поняв, что новую струну мне никак не сделать и негде достать, я сел и начал учиться играть на шести струнах.

Через оборот я почти так же хорошо играл на шести струнах, как прежде на семи. Три оборота спустя я попытался изобразить «ожидание во время дождя», и тут лопнула вторая струна.

На этот раз я не раздумывал: просто снял бесполезную струну и начал учиться заново.

Где-то в середине жатина у меня лопнула третья струна. Полдня я пытался играть так, но понял, что три порванные струны — это слишком много. Я сунул в потрепанный холщовый мешок тупой маленький ножик, полмотка бечевки и Бенову книжку, повесил на плечо отцовскую лютню и пошел.

Я попробовал напевать «Снег падает вместе с последними листьями», «Мозоли на пальцах» и «Лютню с четырьмя струнами», но это было не то же самое, что играть.

Мой план был прост: найти дорогу и дойти по ней до города. Я не представлял, как далеко отсюда до какого-либо города, в каком направлении он лежит и как называется. Знал только, что нахожусь где-то в южной части Содружества, но точное местоположение было запрятано

слишком глубоко — вместе с другими воспоминаниями, которые я был не готов раскапывать.

Принять решение мне помогла погода. Прохладная осень клонила к зимним морозам. Я знал, что на юге теплее. Поэтому за неимением лучшего плана я просто пошел, держась левым плечом к солнцу и стараясь проходить за день как можно больше.

Следующий оборот стал тяжким испытанием. Небольшой запас еды, который я нес с собой, быстро кончился; мне приходилось останавливаться, когда хотелось есть, и искать пропитание. Несколько дней я не мог найти воду, а когда нашел, у меня не оказалось никакого сосуда, чтобы взять ее с собой про запас. Узкая колея от фургона влилась в широкую дорогу, а та — в еще большую. Я стер башмаками все ноги. По ночам становилось жутко холодно.

На дороге попадались трактиры, но я старался обходить их, лишь иногда отпивая украдкой пару глотков из лошадиной поилки. Встречались и мелкие городишки, но мне требовалось что-нибудь побольше: фермерам не нужны лютневые струны.

Поначалу, заслышав приближающуюся лошадь или фургон, я ковылял к обочине и прятался. С той ночи, когда была убита моя семья, я не говорил ни с одним человеком. Сейчас я больше походил на дикое животное, чем на мальчика двенадцати лет. Но потом дорога стала шире, люди попадались чаще, и я понял, что больше прячусь, чем иду. Наконец я нашел в себе смелость просто брести вперед и с огромным облегчением увидел, что никому нет до меня дела.

Однажды утром, пройдя меньше часа, я услышал нагоняющую меня телегу. Дорога была достаточно широка, чтобы две повозки могли ехать рядом, но я все равно передвинулся на обочину.

— Эй, мальчик! — завопил позади меня грубый мужской голос. Я не обернулся. — Эгей, мальчик!

Не оглядываясь, смотря только на землю под ногами, я отошел подальше с дороги на траву.

Телега неторопливо догнала меня. Голос проревел вдвое громче, чем раньше:

— Мальчик! Мальчик!

Я поднял взгляд и увидел обветренного старика, щурящегося на меня против солнца. Лет ему могло быть сколько угодно: от сорока до семидесяти. Рядом с ним в телеге сидел широкоплечий парень с простоватым лицом. Наверняка это были отец и сын.

— Ты что, глухой, мальчик?

Старик произносил это как «глухой».

Я покачал головой.

— Немой, что ль?

Я снова покачал головой:

— Нет.

Было очень странно говорить вслух, да еще с кем-то. Мой голос с непривычки звучал грубо и хрипло.

Старик прищурился:

— В город идешь?

Я кивнул, не желая больше говорить.

— Тогда залазь, — кивнул он на телегу и похлопал мула по крупу: — Не надорвется Сэм с такого задохлика.

Было проще согласиться, чем убежать. А мозоли на ногах щипало от пота. Я обошел телегу сзади и забрался внутрь вместе с лютней. Задняя часть повозки была на три четверти завалена мешками. Несколько круглых шишковатых тыковок, выпавших из развязавшегося мешка, катались по полу.

Старик тряхнул поводьями:

— Н-но-о! — И мул потащился неспешным шагом.

Я подобрал катающиеся тыквы и засунул их в открытый мешок.

Старый фермер улыбнулся мне через плечо:

— Спасибо, мальчик. Я Сет, а это Джейк. Ты бы лучше сел, а то слетаешь через борт на колдобине.

Я сел на один из мешков, почему-то сжавшись и не зная, чего ожидать.

Старый фермер передал поводья сыну и вытащил из мешка, лежавшего между ними, большую бурую буханку хлеба. Он легко оторвал от нее большой ломоть, намазал толстым слоем масла и передал мне.

От этой неожиданной доброты у меня закололо в груди. Прошло полгода с тех пор, как я последний раз ел хлеб, тем более теплый и мягкий, со сладким маслом. Поев, я припрятал в свой холщовый мешок кусочек на потом.

С четверть часа все молчали, потом старик полуобернулся ко мне.

— Играешь на этой штуке, мальчик? — Он указал на футляр с лютней.

Я прижал футляр крепче к себе:

— Она сломана.

— О! — Старик был разочарован.

Я подумал, что мне сейчас велят слезть, но вместо этого Сет улыбнулся и кивнул сыну:

— Тогда самим придется тебя развлекать.

Он затянул «Лудильщик да дубильщик» — застольную песню, которая старше самого бога. Через секунду к нему присоединился сын. Их громкие хриплые голоса слились в простой гармонии, которая заставила меня вздрогнуть от воспоминаний о других фургонах и иных песнях — о полузабытом доме.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ОКРОВАВЛЕННЫЕ РУКИ, СЖАТЫЕ В САДНЯЩИЕ КУЛАКИ

Около полудня телега свернула на новую дорогу, вымощенную булыжниками и широкую, как река. Поначалу нам попадались только редкие путники да пара фургонов, но после стольких дней одиночества они казались мне огромной толпой.

Мы заехали в город, и приземистые строения уступили место более высоким лавкам и трактирам. Рощицы и сады сменились улочками и повозками. Широкое русло дороги запрудилось сотнями двуколок и пешеходов, десятками телег и фургонов да редкими всадниками.

Мешались вместе стук конских копыт, людские крики, запахи пива и пота, мусора и дегтя. Я задумался, что это за город и бывал ли я в нем прежде, прежде чем...

Стиснув зубы, я заставил себя думать о другом.

— Почти на месте. — Голос Сета перекрыл шум и грохот.

Дорога наконец привела на рыночную площадь. Фургоны катились по брусчатке со звуком, напоминающим далекие громовые раскаты. Голоса торговались и переругивались. Где-то плакал ребенок, тонко и пронзительно. Мы колесили по рынку, пока не нашли пустой угол перед книжной лавкой.

Сет остановил повозку, и я выскочил, пока они разминали затекшие после дороги ноги. Затем я, следуя некоему молчаливому соглашению, помог им выгрузить из телеги тяжелые бугорчатые мешки и сложить их у стены.

Полчаса спустя мы отдыхали среди сложенных мешков.

Прикрывая глаза от солнца, Сет посмотрел на меня:

— Что делаешь седня в городе, мальчик?

— Мне нужны струны для лютни, — ответил я.

Только сейчас я понял, что не вижу отцовской лютни. Ее не было ни в телеге, где я ее оставлял, ни у стены, ни у груды тыкв. У меня похолодело в животе, но тут я заметил футляр под пустым мешком. Я бросился к нему и схватил дрожащими руками.

Старый фермер усмехнулся, глядя на меня, и протянул две бугристые тыквы, которые мы выгружали.

— Мамка-то небось обрадуется, коли принесешь домой пару самых рыжих масляных тыкв по эту сторону Эльда?

— Нет, я не могу, — пробормотал я, отбрасывая память о содранных пальцах, копающихся в грязи, и запахе паленого волоса. — Я... то есть вы уже... — Я умолк и отступил на пару шагов назад, прижимая лютню к груди.

Он поглядел на меня повнимательнее, словно впервые увидал. Я вдруг смутился, представив, как сейчас выгляжу: весь оборванный и полуживой от голода. Прижав лютню еще крепче, я отступил еще.

Руки фермера упали, его улыбка поблекла.

— Ох, парень... — сказал он.

Он положил тыквы, снова повернулся ко мне и заговорил мягко и серьезно:

— Мы с Джейком до самого заката будем торговать. Коли к тому времени найдешь, чего ищешь, поехали с нами на ферму. Еще одним рукам у нас с миссус дело всяко найдется. Мы тебе только рады будем. Верно, Джейк?

Джейк тоже смотрел на меня, на его честном лице большими буквами была написана жалость.

— Дык, па. Она так и сказала, как мы поехали.

Старый фермер, указав себе под ноги, продолжил тем же тоном:

— Это Приморская площадь. Мы тут до темноты будем, а то и подольше. Возвращайся, коли захочешь еще прокатиться. Слышь меня? — забеспокоился он. — Можешь поехать обратно с нами.

Я продолжал отступать шаг за шагом, сам не зная, почему это делаю, но понимая, что, если поеду с ними, придется объяснять, придется вспоминать. Что угодно, только не открывать эту дверь...

— Нет. Нет, спасибо большое, — пробормотал я. — Вы так мне помогли. Со мной все будет хорошо.

Тут меня толкнул в спину человек в кожаном фартуке. От неожиданности я развернулся и бросился бежать.

Я слышал, как один из фермеров зовет меня, но толпа вскоре поглотила крики. Я бежал, и камень на моем сердце тяжелел.

Тарбеан настолько велик, что из одного конца в другой не пройти за целый день — даже если вам удастся избежать блужданий и неприятных встреч в путанице кривых улочек и тупиков.

Город действительно был велик, даже огромен — необъятен. Море людей, лес зданий, улицы шириной с реку. Тарбеан смердел мочой, потом, угольным дымом и дегтем. Если бы я был в своем уме, я ни за что бы не

пришел сюда.

В какой-то момент я заблудился: свернул то ли слишком рано, то ли поздно, а потом попытался исправить ошибку, срезав путь по переулку, похожему на узкое ущелье между двумя высокими зданиями. Он вился, как овраг, оставшийся от реки, которая нашла более удобное русло. Мусор громоздился у стен, заполнял проемы между домами и ниши дверей. После нескольких поворотов я почувствовал тухлый запах мертвечины.

Я повернул еще раз и налетел на стену, ослепленный звездочками боли. На моих запястьях сомкнулись чьи-то грубые руки.

Открыв глаза, я увидел мальчишку постарше. Он был выше и сильнее меня, с темными волосами и хищным взглядом. Грязь на его лице выглядела как борода, от этого мальчишка казался особенно диким и свирепым.

Двое других мальчишек оторвали меня от стены. Я вскрикнул, когда один из них вывернул мне руку. Старший улыбнулся на это и провел рукой по волосам.

— Что ты здесь делаешь, Налът? Заблудился? — Он заухмылялся еще шире.

Я попытался вырваться, но другой мальчишка вывернул мне запястье, и я выдавил:

— Нет.

— Да заблудился он, Пика, — сказал мальчишка справа от меня. Тот, что слева, саданул мне локтем по голове, и переулок бешено завертелся у меня перед глазами.

Пика захохотал.

— Я ищу столярную лавку, — буркнул я, слегка оглушенный.

Лицо Пики исказилось от злости, он сграбастал меня за плечи.

— Тебя спрашивали? — заорал он. — Я чо, сказал, тебе можно говорить? — Он ударил меня лбом в лицо, послышался резкий хруст, и все ворвалось болью.

— Эй, Пика. — Голос шел непонятно откуда.

Кто-то пнул футляр лютни, заставив его выпасть из моих рук.

— Пика, глянь сюда.

Пика повернулся на гулкое «бух!» от падения футляра на землю.

— Что ты спер, Налът?

— Ничего я не спер.

Один из мальчишек, державших мне руки, загоготал:

— Ага, твой дядюшка попросил тебя это продать и купить лекарство для больной бабули. — Он заржал еще громче, глядя, как я пытаюсь

проморгаться от слез.

Я услышал три щелчка — открылись замки. Потом мелодично тренькнуло — лютню вытащили из футляра.

— Бабуля-то твоя помрет с горя, что ты такую штуку посеял, Налът, — тихо произнес Пика.

— Побей нас Тейлу! — взорвался мальчишка справа. — Пика, ты знаешь, сколько такие стоят? Золота, Пика!

— Не говори так имя Тейлу, — сказал левый мальчишка.

— Чего?

— «Не называй имя Тейлу, кроме как в величайшей нужде, ибо Тейлу судит каждую мысль и деяние», — процитировал левый.

— Да пусть меня Тейлу всего обоссyt своим великим сияющим хером, если эта штука не стоит двадцати талантов. Значит, от Дикена мы получим не меньше шести. Ты знаешь, что можно сделать с такой кучей денег?

— Ничего ты с ними не сделаешь, если будешь так говорить. Тейлу охраняет нас, но он и карает, — отозвался второй мальчишка с благочестивым страхом.

— Ты, что ли, опять в церкви спал? Ты религию цепляешь, как я блох.

— Да я тебе руки узлом свяжу.

— Твоя мамаша — пенсовая шлюха.

— Не болтай про мою мать, Лин.

— Железнопенсовая.

К этому времени мне удалось проморгаться от слез, и я увидел Пику, сидящего на корточках посреди переулка и будто зачарованного моей лютней. Моей прекрасной лютней! Он вертел ее и так и сяк своими грязными руками, на лице его застыло мечтательное выражение. Ужас медленно поднимался во мне сквозь туман страха и боли.

Два голоса позади меня заспорили громче, а я почувствовал в груди холодную ярость и напрягся. Я не мог с ними драться, но понимал, что если схвачу лютню и затеряюсь в толпе, то смогу от них оторваться и снова буду в безопасности.

— ...но все равно продолжала трахаться. Да теперь ей только полпенни за палку давали. Вот почему у тебя башка такая мягкая — повезло еще, что вмятины нету. Из-за этого ты на религию так запросто ведешься, понял? — триумфально закончил первый мальчишка.

Я почувствовал, что теперь меня держат крепко только справа, и приготовился к броску.

— Но спасибо, что предупредил. Тейлу небось любит прятаться за большими кучами лошадиного дерьма и...

Вдруг обе мои руки оказались свободны: один мальчишка налетел на второго и впечатал его в стену. Я пробежал три шага до Пики, схватил лютню за гриф и дернул.

Но Пика был быстрее, чем я предполагал, или сильнее и лютню не выпустил. Мой рывок затормозил меня, а Пике помог вскочить на ноги.

Во мне вскипела безумная ярость. Я отпустил лютню и бросился на Пику, бешено царапая его лицо и шею, но он был ветераном слишком многих уличных драк, чтобы подпустить меня к чему-нибудь жизненно важному. Мой ноготь прочертил кровавую полосу на его лице от уха до подбородка, но тут он перешел в наступление и стал теснить меня назад, пока я не уперся в стену переулка.

Голова моя ударилась о кирпич, и я бы упал, если бы Пика не вдавливал меня в осыпающуюся стену. Я задохнулся и только тогда понял, что уже давно визжу.

От Пики воняло застарелым потом и прогорклым маслом. Он прижал мои руки к бокам и еще сильнее вдавил меня в стену, наверняка уронив мою лютню.

Я снова задохнулся и слепо забился, ударившись головой о стену. Мое лицо впечаталось в его плечо, и я стиснул зубы, чувствуя, как расходится под ними его кожа, а мой рот наполняется кровью.

Пика заорал и отшатнулся от меня. Я вдохнул и сморщился от рвущей грудь боли.

Прежде чем я успел дернуться или подумать, Пика снова поймал меня и ударил о стену — раз, другой... Моя голова болталась взад-вперед, отскакивая от кирпичей. Затем он ухватил меня за горло, развернул и швырнул наземь.

Тут я услышал треск, и все будто остановилось.

После того как убили мою трупку, мне иногда снились родители, живые и поющие. В моем сне их смерть была ошибкой, недопониманием, новой пьесой, которую они репетировали. И на несколько мгновений я получал облегчение и свободу от огромного бесконечного горя, постоянно терзавшего меня. Я обнимал родителей, и мы вместе смеялись над моей глупой тревогой. Я пел с ними, и какой-то миг все было чудесно. Чудесно...

Но потом я просыпался, совсем один, в темноте у лесного пруда. Что я здесь делаю? Где мои родители?

И тогда я вспоминал все, словно открывалась рана. Они были мертвы, а я чудовищно одинок. Огромный груз, приподнявшийся на пару

мгновений, снова падал на меня — тяжелее, чем прежде, потому что я был не готов к нему. Потом я лежал на спине, глядя в темноту, — грудь моя болела, дыхание теснило, — зная в глубине души, что ничто никогда уже не будет как прежде.

Когда Пика швырнул меня на землю, мое тело совсем онемело и почти не чувствовало, как лютня отца ломается подо мной. Звук, который она издала, походил на умирающую мечту и пробудил ту самую невыносимую, теснящую грудь боль.

Я огляделся и увидел Пику, тяжело дышащего и зажимающего плечо. Один из мальчишек стоял коленями на груди другого. Они больше не дрались, а остолбенело пялились на меня.

Я медленно посмотрел на свои руки, кровоточащие там, где осколки дерева прошили кожу.

— Маленький гад укусил меня, — тихо произнес Пика, словно не мог поверить в это.

— Слезь с меня, — сказал мальчик, лежащий на спине.

— Я тебе говорил, что нельзя такое говорить. Смотри, что получилось. Лицо Пики скривилось и покраснело.

— Укусил меня! — крикнул он и злобно пнул меня, целясь в голову.

Я попытался отодвинуться, чтобы не повредить больше лютню. Его пинок пришелся мне в почку и провез по обломкам, которые раскрошились еще сильнее.

— Видишь, что бывает, когда смеешься над именем Тейлу?

— Заткнись ты про Тейлу своего. Слезай с меня и забери эту штуку. Может, Дикен сколько-нибудь за нее еще даст.

— Смотри, что ты наделал! — продолжал орать на меня Пика.

Новый пинок пришелся мне в бок и почти перевернул меня. В глазах начало темнеть; я чуть ли не радовался этому как возможности отвлечься от боли. Но затаенная боль никуда не делась. Я сжал окровавленные руки в саднящие кулаки.

— Эти крутилки вроде целые и на серебряные похожи. Спорим, мы за них что-нибудь вырчим.

Пика снова занес ногу. Я попытался поймать ее и отвести, но мои руки только слабо дернулись, и Пика пнул меня в живот.

— Вон там еще возьми...

— Пика, Пика!

Пика снова отвесил мне пинок в живот, и меня стошнило на булыжники.

— Эй, вы там, стоять! Городская стража! — прокричал новый голос.

Удар сердца длилась тишина, а потом послышался звук драки и поспешные бегущие шаги. Секундой позже тяжелые сапоги прогрохотали мимо и смолкли вдалеке.

Помню боль в груди, потом все погасло.

Из темноты меня вытряхнул кто-то, выворачивающий мои карманы. Я безуспешно попытался открыть глаза.

Потом услышал голос, бормочущий сам себе:

— И это все, что я получу за спасение твоей жизни? Медяк и парашимов? Выпивка на вечер? Никчемный маленький негодник. — Человек зашелся грудным кашлем, и меня окатило запахом перегара. — Визжал как резаный. Если б ты не орал, как девчонка, я бы не стал этого делать.

Я попытался что-нибудь сказать, но получился только стон.

— Значит, живой. Ну, хоть что-то. — Я услышал кряхтение, когда он встал, затем тяжелый грохот его сапог замер вдали.

Через некоторое время я обнаружил, что могу открыть глаза. В глазах у меня мутилось, нос казался больше всей остальной головы. Я осторожно ощупал его — сломан. Вспомнив, чему меня учил Бен, я сжал его с обеих сторон и резко вставил на место. Глаза наполнились слезами, и я стиснул зубы, чтобы не заорать от боли.

Сморгнув слезы, я с облегчением увидел улицу уже без того болезненного тумана, как минуту назад. Содержимое моего холщового мешка валялось рядом на земле: подмотка бечевки, маленький тупой ножик, «Риторика и логика» и остаток хлеба, который фермер дал мне на обед. Казалось, это случилось вечность назад.

Фермер. Я подумал о Сете и Джейке. Мягкий хлеб и масло. Песни во время поездки в телеге. Их предложение безопасного места, нового дома...

Внезапное воспоминание вдруг вызвало тошнотворную панику. Я оглядел переулок, от резкого движения моя голова заболела. Разгребая руками мусор, я отыскал несколько до боли знакомых обломков дерева. Я тупо смотрел на них, пока мир вокруг меня не начал темнеть; тогда я понял, что сгущаются сумерки.

Сколько сейчас времени? Я поспешно собрал свои пожитки, упаковав Бенову книгу бережнее, чем прочее, и поплелся прочь: туда, где лежала Приморская площадь, — по крайней мере, я надеялся, что иду правильно.

К тому времени, как я нашел площадь, последний отблеск заката угас на небе. Несколько повозок лениво разъезжались с последними покупателями. Я как безумный таскался из одного угла площади в другой,

ища старого фермера, который подвез меня сегодня. Хотя бы одну корявую бугристую тыковку.

Когда я наконец отыскал книжную лавку, у которой останавливался Сет, я тяжело дышал и хромал. Сета и его телеги нигде не было видно. Я опустился на то место, где стояла их повозка, и на меня навалилась вся боль десятка ран, которую я заставлял себя игнорировать.

Я прочувствовал их все, одну за другой. Болело несколько ребер, хотя я не мог понять, сломаны ли они и порваны ли хрящи. Когда я слишком быстро двигал головой, она кружилась и накатывала тошнота — возможно, сотрясение мозга. Нос был сломан, а синяки и царапины нельзя было сосчитать. Кроме того, я хотел есть.

С последним я хоть что-то мог сделать, поэтому достал то, что осталось от хлеба, и съел: мало, но лучше, чем ничего. Потом попил из лошадиной поилки — меня мучила такая жажда, что я даже не обратил внимания на противный тухлый привкус воды.

Я подумывал уйти, но в моем нынешнем состоянии ходьба заняла бы много часов. А на окраинах города меня не ждало ничего, кроме многих километров убранных полей. Ни деревьев, чтобы спрятаться от ветра. Ни дров, чтобы развести огонь. Ни кроликов, чтобы поставить ловушку. Ни вереска для постели.

Я был так голоден, что желудок свернулся в тугой узел. Здесь я, по крайней мере, могу понюхать курицу, жарящуюся где-то неподалеку. Я бы пошел на запах, но голова моя кружилась, а ребра болели. Может быть, завтра кто-нибудь даст мне поесть. Прямо сейчас я слишком устал и хотел только спать.

Камни мостовой отдавали последнее солнечное тепло, а ветер крепчал. Я пододвинулся к двери книжной лавки, чтобы укрыться от ветра, и уже почти уснул, когда хозяин лавки открыл дверь и пнул меня, велел убираться, пока он не позвал стражу. Я быстро уковылял прочь.

Потом я нашел в переулке несколько пустых ящичков и свернулся между ними, избитый и замученный. Закрыл глаза и попытался не вспоминать, как это: засыпать сытым и в тепле, рядом с любящими тебя людьми.

Это была первая ночь из почти трех лет, которые я провел в Тарбеане.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОДВАЛ, ХЛЕБ И ВЕДРО

Время было послеобеденное. Точнее, было бы, если бы мне удалось добыть хоть что-нибудь поесть. Я просил подаяния в Торговом кругу, и день принес мне два пинка (один от стражника, другой от солдата), три тычка (два фургонщика и матрос), одно новое ругательство, касающееся маловероятной анатомической конфигурации (также от матроса), и очередь плевков от какого-то отвратительного старикана неизвестной профессии.

И один железный шим — скорее благодаря закону вероятности, чем человеческой доброте. Даже слепая свинья когда-нибудь находит желудь.

Я жил в Тарбеане уже почти месяц и вчера впервые попробовал украсть. Начинание обернулось плачевно: меня поймали за руку, когда я шарил в кармане мясника. Это принесло мне такой удар в голову, что остаток дня я мучился головокружением, если пытался резко встать или двигаться слишком быстро. Не особенно вдохновленный первой попыткой воровства, я решил, что сегодня день попрошайничества — впрочем, как и всегда.

Голод скручивал мой желудок, и единственный шим, на который можно было купить протухшего хлеба, спасти меня не мог. Я уже думал перейти на другую улицу, когда увидел, как к маленькому нищему, просящему через дорогу от меня, подбежал мальчик. Они возбужденно поговорили пару секунд и поспешили прочь.

Я, конечно, ринулся вслед за ними, ведомый бледной тенью бывшего любопытства. К тому же то, что могло сдвинуть нищих с угла оживленной улицы в середине дня, наверняка заслуживало внимания. Может быть, тейлинцы снова раздают хлеб, или опрокинулась тележка с фруктами, или стража вешает кого-нибудь. Это стоило полчаса моего времени.

Я шел за мальчишками по извилистым улочкам, пока не увидел, что они повернули за угол и спустились в подвал сгоревшего здания. Я остановился, смутная искра любопытства задохнулась под гнетом здравого смысла.

Через минуту они появились снова, у каждого в руках был кусок плоского бурого хлеба. Я смотрел, как они идут мимо, болтая и толкаясь. Младший, не старше шести лет, заметил мой взгляд и махнул рукой на подвал.

— Там еще осталось, — невнятно крикнул он сквозь набитый хлебом рот. — Но лучше поторопись.

Здравый смысл резко переменял курс, и я осторожно спустился в подвал. Внизу под ступеньками валялось несколько гниющих досок — все, что осталось от сломанной двери. Внутри я увидел короткий коридор, открывающийся в плохо освещенную комнату. Маленькая девочка с суровым лицом протолкалась мимо меня, не поднимая глаз. Она тоже прижимала к груди кусок хлеба.

Я переступил через сломанные доски двери и углубился в холодную сырую темноту. Через десяток шагов я услышал тихий стон, от которого застыл на месте. Звук был почти животный, но ухо подсказывало мне, что исходил он из человеческого горла.

Не знаю, чего я ожидал, но только не того, что там нашел. Две древние лампы, заправленные рыбьим жиром, бросали неясные тени на темные каменные стены. В комнате стояло шесть коек, и все были заняты. Двое малюток, едва вышедших из младенчества, делили одеяло на каменном полу, а третий свернулся на гряде лохмотьев. Мальчик моего возраста сидел в темном углу, привалившись головой к стене.

Один из мальчиков пошевелился на койке, будто дернулся во сне. Но что-то в его движении показалось мне странным: слишком оно вышло напряженное, неестественное. Я присмотрелся и увидел, в чем дело: он был привязан к койке. Все были привязаны.

Мальчик снова забился в своих веревках и издал звук, который я слышал в коридоре. Теперь он звучал яснее — долгий стонущий крик:

— А-а-а-а-ба-а-а-ах!

В эту секунду все, что я мог, — припомнить все истории, какие я слышал о герцоге Гибей. Как он и его люди целых двадцать лет похищали и мучили людей, пока не вмешалась церковь и не положила этому конец.

— Что-что, — послышался голос из другой комнаты.

Интонация была странной, как будто на самом деле человек не задавал вопроса.

Мальчик на койке задергался в веревках:

— А-а-а-а-ахбе-е-ех!

Вошел старик, вытирая руки о подол драной рясы.

— Что-что, — повторил он в том же невопросительном тоне.

Голос его был надтреснутым и усталым, но невероятно терпеливым — как тяжелый камень или кошка с котятами. Совсем не такой голос, какого можно ожидать от герцога Гибей.

— Что-что, тс-тс, Тани. Я не ушел, просто отошел на минутку. —

Босые ноги старика мягко шлепали по голому каменному полу.

Я почувствовал, как напряжение медленно утекает из меня. Что бы здесь ни происходило, оно было не так ужасно, как на первый взгляд.

Увидев человека, мальчик перестал вырываться из веревок.

— Э-э-э-э-а-ах, — произнес он.

— Что? — На этот раз это был вопрос.

— Э-э-э-э-а-ах.

— Хм? — Старик огляделся и впервые заметил меня. — Ох. Привет. — Он снова посмотрел на мальчика на койке. — Разве ты сегодня не умница? Тани позвал меня, чтобы показать, что у нас гость!

Лицо Тани расплылось в пугающей улыбке, и он резко, с хрюканьем вдохнул. Звук вышел неприятный, но было ясно, что это смех.

Повернувшись ко мне, босоногий человек сказал:

— Я тебя не узнаю. Ты бывал здесь раньше?

Я покачал головой.

— Ладно, у меня есть немного хлеба, ему всего два дня. Если ты натаскаешь мне немного воды, можешь получить столько, сколько съешь. Хорошо звучит?

Я кивнул. Стол, стул и открытый бочонок у одной из дверей были в комнате единственной мебелью, помимо коек. На столе лежали четыре большие круглые буханки.

Он кивнул в ответ и медленно пошел к стулу осторожной и неуклюжей походкой, словно ему было больно ступать.

Дойдя до стула и водрузившись на него, старик указал на бочонок у двери.

— За дверью насос и ведро. Не спеши, тут не гонки. — Говоря, он рассеянно скрестил ноги и начал тереть босую ступню.

«Плохая циркуляция крови, — подумала давно не просыпавшаяся часть меня. — Повышенный риск заражения и постоянное беспокойство. Ноги надо поднять, помассировать и натереть согревающей настойкой из ивовой коры, камфары и маранты».

— Не наполняй ведро доверху. Я не хочу, чтобы ты надорвался или разлил воду. Здесь и так достаточно сыро. — Он поставил ногу на пол и наклонился, чтобы поднять малютку, беспокойно заерзавшего на одеяле.

Наполняя бочонок, я украдкой разглядывал человека. Несмотря на седину и медленную, неуклюжую походку, он был не слишком стар — около сорока, а то и меньше. Длинная ряса на нем так пестрела заплатами и штопкой, что я не мог даже представить ее первоначального цвета и фасона. Обтрепанный почти так же, как и я, человек этот был чище. Не то

чтобы абсолютно чист — просто чище меня. Несложное дело.

Его звали Трапис. Залатанная ряса составляла всю его одежду. Почти все время, когда не спал, он проводил в этом сыром подвале, заботясь о безнадежно больных — в основном маленьких мальчиках, — до которых никому не было дела. Одних, вроде Тани, приходилось привязывать, иначе они могли нанести себе какое-нибудь увечье или упасть с койки. Других же, таких как Джаспин, сошедший с ума от лихорадки два года назад, связывали, чтобы они не поранили других.

Парализованные, калеки, кататоники, припадочные — Трапис заботился обо всех с равным и бесконечным терпением. Я никогда не слышал, чтобы он жаловался на что-нибудь, даже на босые ноги, всегда распухшие и наверняка постоянно ноющие.

Он давал нам, детям, всю помощь, какую мог дать, и немного еды, если появлялся излишек. Чтобы отработать эту пищу, мы носили воду, драили пол, бегали по разным поручениям и укачивали плачущих младенцев. Мы делали все, что Трапис просил, и, если не было еды, мы всегда могли получить глоток воды и усталую улыбку того, кто видел в нас людей, а не животных в обносах.

Иногда казалось, что Трапис в одиночку пытается заботиться обо всех отчаявшихся и больных существах в нашей части Тарбеана. В ответ мы любили его с молчаливой лютостью, свойственной только животным. Если бы кто-нибудь когда-нибудь поднял руку на Траписа, сотни улюлюкающих детей разорвали бы негодяя в кровавые клочья прямо посреди улицы.

Я часто забегал к нему в подвал в те первые несколько месяцев, но со временем стал приходить все реже и реже. Трапис и Тани были прекрасными компаньонами: никто из нас не испытывал потребности много говорить, и это подходило мне как нельзя лучше. Но другие уличные дети меня страшно нервировали, поэтому я приходил не часто — только когда отчаянно нуждался в помощи или у меня было чем поделиться.

Хотя я редко бывал там, приятно было знать, что в городе есть место, где меня не станут пинать, гонять или оплевывать. Даже в одиночестве на крышах, меня грело знание, что есть Трапис и его подвал. Это было почти как дом, куда можно вернуться. Почти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВРЕМЯ ДЛЯ ДЕМОНОВ

Я многое узнал в те первые месяцы в Тарбеане.

Узнал, какие трактиры и рестораны выбрасывают приличную еду и какой должна быть тухлятина, чтобы не заболеть от нее.

Узнал, что обнесенный стеной ряд зданий около доков — храм Тейлу. Тейлинцы иногда раздавали хлеб, заставляя нас прочитать молитву, прежде чем взять буханку. Мне было все равно — уж легче, чем просить подавание. Иногда священники в серых рясах пытались уговорить меня зайти в церковь, чтобы прочитать молитву там, но я достаточно наслушался о них и убегал от таких уговоров — с хлебом или без.

Я научился прятаться и нашел себе потайное местечко на старой дубильне, где три крыши сходились вместе, создавая убежище от дождя и ветра. Книгу Бена я укрыв под стропилами, завернув в холстину. Изредка я доставал ее и держал в руках, как священную реликвию. Она была последней живой частью моего прошлого, и я принимал все меры предосторожности, чтобы сохранить ее.

Я узнал, что Тарбеан огромен. Этого нельзя постичь, пока не увидишь своими глазами. Тут как с океаном: я могу рассказать о воде и волнах, но вы не получите даже отдаленного представления о нем, оставаясь на берегу. Невозможно понять океан, пока не окажешься посреди него: со всех сторон ничего, кроме океана, простирающегося в бесконечную даль. Только тогда осознаешь, как мал и ничтожен ты сам.

Тарбеан огромен еще и потому, что разделен на тысячу маленьких кусочков, у каждого из которых свои особенности. Здесь есть Низы, площадь Гуртовщиков, Стиральня, Средний город, Сальники, Дубильни, Доки, Дегтевое, Швейский переулок... Можно всю жизнь прожить в Тарбеане и не узнать всех его частей.

Но для моих практических целей в Тарбеане было всего две части: Берег и Холмы. На Берегу люди бедные — это делает их нищими, ворами и шлюхами. На Холмах люди богатые — это делает их стряпчими, политиками и придворными.

Я жил в Тарбеане уже два месяца, когда мне впервые пришлось в голову попробовать попрошайничать на Холмах. Зима крепко держала город в своих когтях, а праздник Середины Зимы делал улицы еще опаснее, чем

обычно.

Это поразило меня до глубины души. Каждую зиму моего детства наша труппа организовывала праздник для какого-нибудь городка. Нарядившись в маски демонов, мы в течение семи дней высокого скорбенья терроризировали горожан, к их неописуемому восторгу. Мой отец изображал Энканиса так убедительно, что можно было подумать, будто мы действительно вызвали демона. И главное, он мог пугать и оберегать одновременно. Никто никогда не получал даже царапины, если на празднике играла наша труппа.

Но в Тарбеане все оказалось по-другому. Составляющие праздника были те же самые: такие же люди в пестро раскрашенных масках демонов бродили по городу и отпускали шутки и проказы. Был здесь и Энканис в традиционной черной маске, но причинял он куда более серьезные неприятности. И хотя я не видел Тейлу в серебряной маске, но не сомневался, что он тоже играет свою роль — где-нибудь в более приятных местах. Как я уже сказал, составляющие праздника были те же самые. Но выглядело все по-другому.

Во-первых, Тарбеан был слишком велик, чтобы одна труппа могла обеспечить достаточно демонов, — здесь и сотни трупп не хватило бы. И вместо того чтобы нанять благоразумных и надежных профессионалов, церкви Тарбеана избрали более выгодный путь и просто продавали демонические маски.

Поэтому в первый день высокого скорбенья на городские улицы вырывались десять тысяч демонов. Десять тысяч демонов-любителей, имеющих право творить все, что им заблагорассудится.

Вроде бы идеальные условия для юного воришки, но на самом деле получалось наоборот. На Берегу демонов всегда было больше, и хотя многие вели себя правильно, убегая при звуке имени Тейлу и в шалостях своих не переходя разумных пределов, так поступали далеко не все. В первые дни высокого скорбенья везде было опасно, и я большую часть времени провел, прячась.

Но по мере приближения Средьзимья все успокаивалось. Число демонов уменьшалось, поскольку люди теряли маски или уставали от игры. Тейлу, без сомнения, тоже вносил свою лепту, но это был всего один человек, хоть и в серебряной маске. Вряд ли он мог обойти весь Тарбеан за эти семь дней.

Для похода на Холмы я выбрал последний день высокого скорбенья. В день Середины Зимы настроение у людей всегда хорошее, а хорошее настроение означает хорошее подаяние. Кроме того, ряды демонов заметно

поредели, а значит, ходить по улицам стало безопасно.

Я вышел уже днем, голодный, потому что не смог найти или украсть хлеба. Помню, я даже пребывал в легком возбуждении, направляясь на Холмы. Возможно, какая-то часть меня вспомнила, каким был праздник с родителями: горячая еда и теплая постель после большого веселья. А может, меня заразил радостью запах веток вечнозелей, собранных в кучи и зажженных в ознаменование триумфа Тейлу.

В тот день я узнал две вещи: почему попрошайки остаются на Берегу и что, несмотря на болтовню церкви, Средьзимье — время для демонов.

Я вышел из переулка и сразу поразился разнице в атмосфере между этой частью города и той, откуда я пришел.

На Берегу торговцы обхаживали и уговаривали покупателей, надеясь затащить их в свою лавку. Если это не удавалось, они могли обругать или высмеять клиента, не стесняясь в выражениях.

Здесь владельцы магазинов картинно заламывали руки. Они кланялись, шаркали ножкой и были неизменно вежливы. Голос не повышался никогда. После грубого мира Берега мне казалось, что я случайно забрел на торжественный прием. Все здесь были чистые, в новой одежде и будто исполняли свои партии в каком-то сложном общественном танце.

Но и здесь таились свои тени. Оглядев улицу, я заметил пару мужчин, прячущихся в темном переулке. На них были отличные маски: кроваво-красные и злобные, одна с разверстой пастью, вторая с оскаленной острозубой мордой. Я оценил их традиционные черные балахоны с капюшонами — увы, многие демоны на Берегу не озаботились правильным костюмом.

Два демона выскользнули из переулка и пристроились в хвост юной парочке, неторопливо прогуливающейся под ручку. Демоны крались за ними около сотни метров, затем один из демонов сдернул шляпу джентльмена и швырнул ее в ближайший сугроб. Второй грубо обхватил женщину и поднял над землей. Она завизжала, а ее спутник, явно сбитый с толку, принялся сражаться с демоном за свою тросточку.

К счастью, леди сохранила самообладание.

— Техус! Техус! — закричала она. — Техус антауза еха!

При звуке имени Тейлу двое в красных масках оробели и отпрянули, а затем, повернувшись, побежали вниз по улице.

Все заплодировали. Один из лавочников помог джентльмену вернуть шляпу. Я был удивлен благопристойностью всего действия. Очевидно, в

хорошей части города вежливы даже демоны.

Ободренный увиденным, я оглядел толпу, выискивая наиболее подходящего клиента, и подступил к молодой женщине в бледно-голубом платье и накидке из белого меха. Ее длинные золотистые волосы были искусно уложены локонами вокруг лица.

Женщина увидела меня и остановилась. Я услышал испуганное «ах!», когда ее рука взлетела ко рту.

— Пенни, мэ? — Я заставил задрожать свою протянутую руку. Мой голос тоже дрогнул. — Пожалуйста.

Я переминался с ноги на ногу на тонком сером снегу, стараясь выглядеть таким же маленьким и отчаявшимся, каким себя чувствовал.

— Ах ты, бедняжка, — вздохнула она почти неслышно и потянулась к висящему на боку кошельку, не отводя от меня глаз.

Помедлив секунду, она заглянула в кошелек, что-то вытащила, вложила мне это в руку и сжала ее. Я почувствовал холодную тяжесть монеты.

— Спасибо, мэ, — автоматически сказал я, взглянул вниз и увидел сквозь пальцы серебряный блеск.

Разжал ладонь — серебряный пенни. Целый серебряный пенни.

Я разинул рот. Серебряный пенни равнялся десяти медным пенни или пятидесяти железным. Более того, он равнялся полумесяцу сытых вечеров. За железный пенни я мог провести ночь на полу в «Красном глазе», за два я мог поспать у очага перед последними угольками вечернего огня. Я мог купить старое одеяло, спрятать его на крышах и всю зиму спать в тепле.

Я поднял глаза на женщину: она все так же сочувственно смотрела на меня. Она не могла понять, что это для меня значит.

— Леди, благодарю вас. — Мой голос сорвался. Я вспомнил одну из фраз, которые мы говорили давным-давно, когда я жил в труппе: — Пусть все ваши приключения будут счастливыми, а дороги прямыми и короткими.

Она улыбнулась и, кажется, хотела что-то сказать, но тут я почувствовал подозрительный зуд у основания шеи: кто-то наблюдал за мной. На улице или развиваешь чувствительность к определенным вещам, или твоя жизнь кончается быстро и печально.

Я оглянулся и увидел, как лавочник разговаривает со стражником и указывает на меня. И это был вовсе не береговой стражник, но чисто выбритый и подтянутый, в черной кожаной куртке с металлическими заклепками. Он поигрывал окованной медью дубинкой в руку длиной. До меня долетели обрывки слов лавочника.

— ...покупатели. Которые собираются купить шоколада при... — Он

снова ткнул пальцем в мою сторону и сказал что-то, что я не расслышал. — ...Платит тебе? Именно. Может, мне стоит упомянуть...

Стражник повернулся ко мне. Поймав его взгляд, я побежал.

Свернул в первый попавшийся переулок, башмаки мои скользили на тонком слое снега, покрывавшего землю. Позади грохотали тяжелые сапоги, и я повернул в другой переулок.

Дыхание обжигало грудь. Я искал, куда бы побежать, где бы спрягаться, но не знал этой части города. Здесь не было ни куч мусора, куда можно заползти, ни сгоревших домов, где можно схорониться. Сквозь тонкую подошву ступню колот острый замерзший камень, но я заставлял себя бежать дальше, несмотря на боль.

После третьего поворота я оказался в тупике. Почти вскарабкавшись на стену, я почувствовал на щиколотке руку, которая стянула меня вниз.

Голова моя ударилась о мостовую, и мир тошнотворно завертелся, когда стражник поднял меня за запястье.

— Умный мальчонка, — пропыхтел он, горячо дыша мне в лицо. От него пахло кожей и потом. — Ты уже не маленький, пора и знать, что убегать вредно. — Он яростно потряс меня и дернул за скрученные волосы.

Переулок закачался передо мной, и я заорал.

Стражник притиснул меня к стене:

— И ты уже должен знать достаточно, чтобы не приходить на Холмы. — Он снова потряс меня. — Ты тупой, парень?

— Нет, — бестолково ответил я, чувствуя холод стены под свободной рукой. — Нет.

Мой ответ только разъярил его.

— Нет? — рявкнул он. — Ты втянул меня в неприятности. На меня напишут донос. Если ты не тупой, то тебе нужен урок.

Он развернул меня и швырнул наземь. Я поскользнулся на снегу, ударился локтем о землю. Рука онемела. Ладонь, сжимавшая месяц еды, теплые одеяла и сухие башмаки, разжалась. Мое сокровище вылетело и покатилося куда-то, даже не звякнув.

Но я не заметил этого. Воздух загудел, и дубинка опустилась на мою ногу.

— Не приходи больше в Холмы, понял? — прорычал стражник. Дубинка нашла меня снова, на этот раз попав в лопатку. — Для вас, маленькие шлюхины дети, все, что за Бурой улицей, — запретная зона. Понял?

Он отвесил мне оплеуху, и я почувствовал вкус крови, когда голова снова коснулась булыжника мостовой.

Я сжался в комок, а он шипел мне:

— И Мучная улица, и Мучной рынок, где я работаю. Так что никогда. Не. Приходи. Больше. Сюда. — Каждое слово он отмечал ударом дубинки. — Понял?

Весь дрожа, я лежал на взрытом снегу, надеясь, что все закончилось. Надеюсь, что теперь он просто уйдет.

— Понял? — Стражник пнул меня в живот, и я почувствовал, как что-то рвется внутри.

Я закричал и, должно быть, что-то пробормотал. Он снова пнул меня и, когда я не смог подняться, развернулся и ушел.

Думаю, я потерял сознание. Когда я пришел наконец в чувство, уже смеркалось. Я промерз до костей, но все равно стал ползать по грязному снегу и мокрому мусору, ища серебряный пенни. Мои пальцы так занемели от холода, что едва шевелились.

Один глаз у меня распух и закрылся, во рту стоял вкус крови, но я искал, пока не погас последний луч вечернего света. Даже когда переулок погрузился в смоляную черноту, я продолжал пересыпать снег, хотя и сознавал, что мои пальцы слишком задубели, чтобы почувствовать монету, даже если случайно наткнутся на нее.

Потом я поднялся, опираясь о стену, и побрел. Израненная ступня не позволяла двигаться быстро. Боль прошивала ногу при каждом шаге, и я старался держаться поближе к стене, перекладывая на нее часть веса.

Я двигался к Берегу — той части города, которая стала моим домом в большей степени, чем любое другое место. Стопа совсем онемела от холода, и хотя некую рациональную часть меня это беспокоило, практическая часть радовалась, что я не весь покалечен.

До моего тайного места оставались километры и километры, а шел я медленно и вяло. В какой-то момент я, видимо, упал. Не помню этого, но помню, как лежал в снегу и наслаждался восхитительным удобством и уютом. Меня накрывал сон — как толстое одеяло, как смерть.

Я закрыл глаза — помню глубокую тишину пустынной улицы вокруг меня — и представил себе смерть в образе огромной птицы с огненными крыльями. Она парила надо мной, терпеливо ожидая... ожидая меня...

Пришел сон, и огромная птица обвила меня горящими крылами, неся великолепное тепло. Но тут ее когти вонзились в меня, разрывая на части...

Нет, это была всего лишь боль в сломанных ребрах, когда кто-то перекатил меня на спину.

С трудом разлепив один глаз, я увидел над собой демона. В моем оглушенном и доверчивом состоянии вид человека в маске демона напугал

меня до того, что я очнулся. Соблазнительное тепло, обнимавшее меня секунду назад, исчезло, оставив тело бессильным и налитым свинцовой тяжестью.

— Это правда. Я говорил тебе. Здесь ребенок, прямо на снегу! — Демон поднял меня на ноги.

Теперь, окончательно придя в себя, я заметил, что его маска совсем черная. Это был Энканис, князь демонов. Он поставил меня на нетвердые ноги и начал обметать покрывающий меня снег.

Здоровым глазом я разглядел еще одну фигуру в мертвенно-зеленой маске, стоящую рядом.

— Пойдем! — настойчиво сказала демоница, ее голос сквозь ряд нарисованных острых зубов звучал глухо.

Энканис не обратил на нее внимания:

— Ты как?

Я не смог придумать ответ, поэтому сконцентрировался на удержании равновесия, пока человек продолжал счищать с меня снег рукавом своего черного балахона. Разнесся далекий звук рогов.

Демоница бросила тревожный взгляд на улицу.

— Если мы не удержимся впереди них, то совсем завязнем, — нервно прошипела она.

Пальцами в черных перчатках Энканис смел снег с моих волос, затем наклонился поближе и заглянул в лицо. Его черная маска странным пятном маячила перед моим затуманенным взором.

— Господне тело, Холли, кто-то зверски избил этого ребенка. Да еще в день Середины Зимы.

— Стражник, — умудрился прокаркать я, чувствуя во рту кровь.

— Ты замерзаешь, — сказал Энканис и начал растирать мои руки и ноги, стараясь восстановить кровоток. — Тебе лучше пойти с нами.

Рога взревели снова, ближе. Их звук мешался с отдаленным шумом толпы.

— Не глупи, — возразил второй демон. — Он не в той форме, чтобы бежать через весь город.

— Он не в той форме, чтобы оставаться здесь, — отрезал Энканис, продолжая с силой массировать мои руки и ноги. Некоторое чувство возвращалось к ним, в основном жгучий колющий жар — мучительная насмешка над умиротворяющим теплом, которое я чувствовал минуту назад, уплывая в сон. Боль пронзала меня всякий раз, как его руки попадали на ушиб, но тело слишком устало, чтобы дергаться.

Демоница в зеленой маске подошла поближе и положила руку на

плечо друга.

— Нам надо уходить, Геррек! Кто-нибудь другой о нем позаботится, — сказала она, безуспешно пытаясь оттащить от меня Энканиса. — Если они найдут нас здесь, то решат, что это мы его избили.

Человек в черной маске выругался, затем кивнул и начал копать под своим балахоном.

— Не ложись больше, — приказал он мне. — И иди в дом. Куда-нибудь, где сможешь согреться.

Звуки толпы были уже настолько близко, что я мог различить отдельные голоса, перемешанные со стуком конских копыт и скрипом деревянных колес. Человек в черной маске протянул руку.

Секунду я не мог понять, что он держал. Серебряный талант, более толстый и тяжелый, чем потерянный мной пенни. Столько денег я даже представить себе не мог.

— Бери же.

Черной тенью — черный балахон с капюшоном, черная маска, черные перчатки — Энканис стоял передо мной, протягивая блестящий в свете луны кусочек серебра. Мне вспомнилась сцена из «Даэоники», где Тарсус продает свою душу.

Я взял талант, но рука так онемела, что не чувствовала его. Мне пришлось посмотреть вниз и убедиться, что пальцы сжимают монету. Я представил тепло, распространяющееся от нее по руке, и, почувствовав себя сильнее, криво улыбнулся человеку в черной маске.

— Возьми еще мои перчатки. — Он стащил с рук перчатки и сунул их мне.

Тут женщина в зеленой маске утащила моего благодетеля прочь, прежде чем я успел произнести хоть слово благодарности. Я смотрел, как эти двое уходят: черные балахоны делали их похожими на клочки теней, бегущих по угольному рисунку залитых луной улиц Тарбеана.

Не прошло и минуты, как я увидел факельное шествие, поворачивающее из-за угла. Голоса сотен мужчин и женщин волной обрушились на меня. Я стал отодвигаться, пока не почувствовал спиной стену, и пополз вдоль нее до ближайшей дверной ниши.

Оказалось, это очень выгодная позиция, чтобы смотреть на шествие. Люди текли мимо, смеясь и крича. Высокий и гордый Тейлу стоял в повозке, которую тащили четыре белые лошади. Его серебряная маска сияла в свете факелов, а белое одеяние, отороченное мехом по подолу и вороту, поражало абсолютной чистотой. Священники в серых рясах шли рядом с повозкой, звоня в колокольчики и распевая, многие — с тяжелыми

железными цепями каяльчиков. Голоса и песнопения, звон колокольчиков и цепей смешивались и сплетались, создавая своего рода музыку. Все глаза были устремлены на Тейлу, никто не заметил меня, стоящего в тени дверного проема.

Процессия проходила мимо меня почти десять минут. Только когда они ушли дальше, я вышел из ниши и начал неуклюжий и осторожный путь домой. Продвигался я медленно, но зато чувствовал себя сильнее из-за монеты, которую сжимал в кулаке. Я проверял талант каждый десяток шагов, убеждаясь, что моя онемевшая рука все еще крепко держит его. Я хотел надеть перчатки, но побоялся уронить монету и потерять ее в снегу.

Не знаю, сколько времени у меня занял обратный путь. Ходьба немного согрела меня, хотя ступни все еще были деревянными. Оглянувшись через плечо, я увидел, что каждый второй мой след отмечен пятнами крови. Это странным образом подбодрило меня: кровоточащая ступня лучше замерзшей намертво.

Я остановился у первого знакомого трактира, это оказался «Весельчак». Он был полон музыки, пения и праздника. Я не пошел в переднюю дверь, а обогнул трактир и попал на задворки. Там, в проеме кухонной двери, болтали две совсем молоденькие девушки, увиливавшие от работы.

Опираясь о стену, я подковылял к ним. Они не замечали меня, пока я чуть не налетел на них. Та, что помладше, подняла на меня взгляд и охнула.

Я сделал еще один шаг.

— Может кто-нибудь из вас принести мне еды и одеяло? Я заплачу. — Я протянул руку и испугался ее дрожи. После того как я ощупал лицо, руку покрывали пятна крови. Во рту все горело, говорить было больно. — Пожалуйста!

Секунду девушки смотрели на меня в ошеломленном молчании. Затем переглянулись, и старшая жестом велела второй идти внутрь. Младшая исчезла за дверью, не сказав ни слова. Старшая, которой было, наверное, около шестнадцати, подошла ближе и протянула мне руку.

Я отдал ей монету и позволил руке бессильно упасть. Девушка тоже исчезла внутри трактира, напоследок одарив меня еще одним долгим взглядом.

Сквозь открытую дверь я слышал теплые суетливые звуки переполненного трактира: негромкое журчание беседы, прерываемое смехом, яркий звон бутылок и глухие удары о стол деревянных пивных кружек.

И, мягко вплетаясь в эти звуки, на заднем плане играла лютня. Прочий

шум почти поглощал музыку, но я слышал ее так же отчетливо, как мать слышит плач ребенка через десять комнат. Музыка была как память о семье, дружбе и теплых человеческих отношениях — от нее все внутри у меня скрутилось в узел, а зубы заныли. Руки на мгновение перестали болеть от холода и затосковали по знакомому ощущению текущей сквозь них музыки.

Волоча ноги, я стал медленно отходить от двери, пока не перестал слышать музыку. Тогда я сделал еще один шаг, и мои руки снова заныли от холода, а боль в груди стала всего лишь болью в сломанных ребрах — куда более простой, легче переносимой.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем девушки вернулись. Младшая несла одеяло, в которое было что-то завернуто. Я прижал его к болящей груди. Сверток казался удивительно тяжелым для своего размера, но мои руки дрожали даже от собственного веса, так что трудно сказать точно. Старшая девушка протянула мне маленький твердый кошелек. Я взял и его, стиснув в кулаке так, что обмороженные пальцы заболели.

— Ты можешь, если хочешь, получить здесь место у огня, — сказала старшая.

Младшая быстро закивала:

— Натти не против. — Она шагнула ко мне и взяла меня за руку.

Я отшатнулся от нее, едва не упав.

— Нет! — Я попытался крикнуть, но получился только слабый хрип. — Не трогайте меня. — Мой голос дрожал не то от страха, не то от ярости, смутно отдаваясь у меня в ушах. Я привалился к стене. — Все нормально.

Младшая из девушек начала плакать, бессильно свесив руки.

— Мне есть куда идти. — Мой голос сорвался, и, отвернувшись, я как можно быстрее заковылял прочь.

Я не понимал, от чего бегу — не от людей же? Это был еще один урок, который я выучил, может быть, слишком хорошо: люди означают боль. За спиной я слышал сдавленные рыдания. Казалось, прошла уйма времени, прежде чем я завернул за угол.

Направившись к потайному месту, где крыши двух домов сходились под навесом третьей, я как-то умудрился туда забраться.

Внутри одеяла обнаружилась целая фляга вина со специями и буханка свежего хлеба, притиснутая к индюшачьей грудке размером больше двух моих кулаков. Я завернулся в одеяло и уполз от ветра и мокрого снега. Кирпич трубы за моей спиной был божественно теплым.

Первый глоток вина огнем ожег мой пораненный рот, но второй уже щипал гораздо меньше. Хлеб был мягким, а индейка еще теплой.

Я проснулся в полночь, когда зазвонили все колокола в городе. Семь дней высокого скорбенья остались позади. Средьзимье миновало, начался новый год.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГОРЯЩЕЕ КОЛЕСО

Всю ночь я провел в моем потайном месте, завернувшись в одеяло, а на следующее утро проснулся поздно и обнаружил, что тело мое затекло и свилось в один тугий узел боли. Поскольку у меня еще оставалась еда и немного вина, я решил сидеть в своем убежище — просто боялся, что свалюсь при спуске на улицу.

Был серый пасмурный день; сырой ветер, казалось, никогда не прекратится. Мокрый снег забивался под козырек нависающей крыши. Труба за моей спиной была теплой, но не настолько, чтобы высушить одеяло или выгнать сырость, пропитавшую мою одежду.

Я быстро прикончил вино и хлеб, а потом провел немало времени, разгрызая и обсасывая косточки индейки и пытаюсь растопить немного снега в пустую винную фляжку, чтобы напиться. Ни то ни другое мне особенно не удалось, и в конце концов пришлось есть пригоршнями талый снег, содрогаясь от привкуса дегтя во рту.

После полудня, несмотря на раны, я заснул и поздно ночью проснулся: меня переполняло чудесное тепло. Я сбросил одеяло и откатился от разогревшейся трубы, чтобы потом проснуться на рассвете дрожащим и промокшим до костей. Чувствовал я себя странно: слегка пьяно и дурновато. Я снова подкатился к трубе и провел остаток дня, то впадая в беспокойный лихорадочный сон, то выпадая из него.

Память не сохранила, как мне — почти калеке, в бреду и лихорадке — удалось слезть с крыши. Я не помню, как прошел больше километра по Сальникам и Ящикам. Помню только, что упал на ступеньках, ведущих в подвал Траписа, крепко сжимая в руке кошелек с деньгами. Дрожащий, весь в поту, я лежал там, пока не услышал тихое шлепанье его босых ног по камню.

— Что-что, — ласково сказал он, поднимая меня. — Тс-тс.

Трапис ухаживал за мной все долгие дни моей болезни. Он заворачивал меня в одеяла, кормил и, поскольку лихорадка не прекращалась, купил какое-то горько-сладкое лекарство на деньги, которые я принес. Он обтирал мне лицо и руки, бормоча свое терпеливое тихое «что-что, тс-тс», когда я кричал в бесконечном бреду о мертвых родителях, чандрианах и человеке с пустыми глазами.

Наконец однажды я проснулся с ясной головой и без жара.

— О-о-охри-и-и, — громко заявил со своей койки привязанный Тани.

— Что-что, тс-тс, Тани, — ответил Трапис, укладывая одного младенца и забирая другого. Ребенок по-совиному озирался большими темными глазами, но сам, похоже, головку держать не мог. В комнате стояла тишина.

— О-о-охри-и-и, — повторил Тани.

Я кашлянул, пытаюсь прочистить горло.

— На полу рядом с тобой чашка, — сказал Трапис, глядя ребенка по головке.

— О-о-ох о-охррри-и и-и-иххя-а-а! — проревел Тани, странные полувздохи рвали его крик.

Шум взволновал остальных, и они беспокойно завозились на койках. Сидевший в углу мальчик постарше закрыл уши руками и начал стонать. Он раскачивался туда-сюда, сначала слабо, а потом все более яростно, так что, когда откинулся назад, его голова ударилась о голый камень стены.

Трапис оказался рядом, прежде чем мальчик успел себе серьезно навредить, и обнял его.

— Тс-тс, Лони. Тс-тс. — Раскачивания замедлились, но не прекратились. — Тани, ты же такой умный, а так шумишь. — Его тон был серьезен, но не суров. — Зачем ты устраиваешь неприятности? Лони мог ушибиться.

— Ве-ехни-и, — тихонько протянул Тани.

Мне показалось, я услышал в его голосе нотку раскаяния.

— Я думаю, он хочет историю, — сказал я, сам удивляясь, что заговорил.

— А-а-а, — поддержал Тани.

— Ты этого хочешь, Тани?

— А-а-а-а.

Наступила тишина.

— Но я не знаю ни одной истории, — сказал Трапис.

Тани упрямо молчал.

«Одну-то историю всякий знает, — подумал я. — Хоть одну — всякий».

— О-о-о-о-о-ори-и!

Трапис оглядел тихую комнату, словно ища повод избежать рассказа.

— Ну, — неохотно сказал он. — Прошло много времени с тех пор, как мы слушали историю. — Он посмотрел на мальчика, которого обнимал. —

А ты хочешь историю, Лони?

Лони яростно и утвердительно закивал, чуть не попав Трапису по щеке головой.

— Будешь хорошим мальчиком, посидишь сам, чтобы я мог рассказать?

Лони перестал раскачиваться почти сразу. Трапис медленно отпустил руки и отошел от него. Понаблюдав и убедившись, что мальчик не повредит себе, старик осторожно проковылял к своему стулу.

— Та-ак, — тихонько бормотал он под нос, наклоняясь, чтобы снова подобрать малыша. — Есть у меня история? — Он говорил очень тихо, прямо в широко раскрытые глаза младенца. — Нет. Нет, нету. Помню ли я какую-нибудь? Тут уж лучше припомнить...

Он посидел пару минут, задумчиво баюкая ребенка.

— Да, конечно. — Он выпрямился на стуле. — Вы готовы?

Эта история о далеких временах. Раньше, чем родился любой из нас. И раньше, чем родились наши отцы. Это было давным-давно. Может быть... может быть, четыреста лет назад. Нет, больше. Наверное, тысячу лет. Но может быть, и не настолько давно.

Были плохие времена. Люди болели и голодали, случалось и худшее. Много войн и других несчастий происходило в то время, потому что не было никого, кто мог бы их остановить.

Но хуже всего в те далекие времена было то, что по земле ходили демоны. Некоторые, мелкие и проказливые, портили лошадей и молоко, но многие причиняли куда больше вреда.

Одни демоны прятались в человеческих телах и делали людей больными или безумными, но они не были самыми страшными. Другие демоны, похожие на огромных чудищ, ловили и пожирали людей живьем, но и эти не были такие страшные. Некоторые демоны крали человеческую кожу и носили ее как одежду, но даже они не были самыми ужасными.

Над всеми стоял демон Энканис — тьма поглощающая. Тень скрывала его лицо, где бы ни шел он. Даже скорпионы, жалившие его, умирали от скверны, которой коснулись.

А Тейлу, создатель мира и Господь, смотрел на человеческий мир. Он видел, что демоны сделали из нас забаву, и убивают нас, и пожирают наши тела. Некоторых людей он спасал, но лишь немногих. Потому что Тейлу справедлив и спасает только достойных, а в те времена очень мало людей творили благо даже самим себе, не говоря уж о других.

Поэтому Тейлу пребывал в печали, ибо сотворил мир, чтобы в нем

жили люди, и сотворил его хорошим. Но церковь погрязла в разврате и пороке: священники крали у бедных и перестали жить по законам, которые Тейлу им заповедал...

Нет, погодите. Тогда еще не было церкви, и священников тоже не было — только обычные мужчины и женщины. Некоторые из них знали, кто такой Тейлу, но даже они были порочны, и, когда взывали к Господу Тейлу о помощи, он не хотел помогать им.

Но вот после многих лет ожидания Тейлу увидел женщину, чистую сердцем и духом. Звали ее Периаль. Мать воспитала ее в знании о Тейлу, и она чтит его так, как позволяли ей убогие средства. Хотя жизнь ее была тяжела, Периаль молилась только за других и никогда за себя.

Тейлу наблюдал за ней многие годы. Он видел, что ее жизнь трудна, полна несчастий и страданий от демонов и злых людей. Но Периаль никогда не проклинала имя Тейлу, не прекращала молитв и всегда по-доброму, с уважением относилась к людям.

И однажды ночью Тейлу пришел к ней во сне. Он явился перед нею во всей славе, словно сотканный целиком из огня или солнечного света, и спросил, знает ли она, кто он.

— Конечно, знаю, — ответила Периаль.

Понимаете, она очень спокойно к этому отнеслась: думала, что просто видит удивительный сон.

— Ты — Господь Тейлу, — сказала она.

Он кивнул и спросил, знает ли она, почему он пришел к ней.

— Наверное, ты хочешь сделать что-нибудь для моей соседки Деборы, — ответила Периаль, потому что молилась за нее, прежде чем заснуть. — Ты возложишь руку на ее мужа Лозеля и сделаешь его лучше? Он нехорошо с ней обращается. Мужчина не должен поднимать руку на женщину, кроме как в любви.

Тейлу знал ее соседей. Он видел, что они порочные люди и совершают злые дела. Все в деревне были порочны, кроме Периаль. Все в мире. Так он ей и сказал.

— Дебора всегда очень добра и мила со мной, — возразила Периаль. — И даже Лозель, о котором я не молюсь, все равно мой сосед.

Тейлу сказал ей, что Дебора часто проводит время в постели с разными мужчинами, а Лозель напивается каждый день, даже в скорбенье. Нет, погодите, тогда еще не было скорбенья. Ну все равно, он ужасно много пил. Иногда он становился таким злым, что бил свою жену до тех пор, пока у нее не оставалось сил ни стоять, ни кричать.

Периаль долго молчала. Она знала, что Тейлу говорит правду. Хотя

Периаль была чиста сердцем, дурой она не была и давно подозревала, что ее соседи делают все то, о чем говорил Тейлу. Но даже теперь, зная точно, Периаль все равно заботилась о своих соседях.

— Ты не поможешь ей?

Тейлу ответил, что эти мужчина и женщина — подходящее наказание друг для друга. Они порочны, а порок должен быть наказан.

Периаль честно сказала — возможно, она думала, что просто спит, а может, сказала бы то же самое и наяву, ибо это было в ее сердце:

— Не их вина, что мир полон трудного выбора, голода и одиночества. Чего ты ждешь от людей, если их соседи — демоны?

Но хотя Тейлу услышал ее мудрые слова, он ответил, что человечество погрязло в пороке, а порок должен быть наказан.

— Ты просто не знаешь, каково это — быть человеком, — возразила Периаль и решительно добавила: — Я все равно буду помогать им, пока смогу.

— Да будет так, — рек Тейлу и возложил руку ей на сердце.

Когда он коснулся Периаль, она почувствовала себя огромным золотым колоколом, который только что издал свой первый звук. Она открыла глаза и поняла, что это не был обычный сон.

Поэтому Периаль не слишком удивилась, обнаружив вскоре, что беременна. Через три месяца она родила прекрасного темноглазого мальчика и назвала его Менд. На следующий день после рождения он уже ползал, через два дня начал ходить. Периаль удивилась, но не обеспокоилась, потому что знала: ребенок этот — дар Господа.

Тем не менее Периаль была мудра. Она знала, что люди могут многого не понять. Поэтому она не отпускала Менда далеко от себя, и когда друзья и соседи приходили ее навестить, отсылала их прочь.

Но так не могло продолжаться долго, в маленьком городке секретов нет. Люди знали, что Периаль не замужем. И хотя дети, рожденные вне брака, были в то время обычным делом, дети, взрослеющие за два месяца, встречались не так часто. Люди стали подозревать, что Периаль переспала с демоном и ребенок ее — от демона. Разные слухи ходили тогда, и люди всего боялись.

Поэтому в первый день седьмого оборота все собрались и пришли к маленькой хижине, где жила Периаль с сыном. Их привел городской кузнец по имени Ренген.

— Покажи нам мальчика, — закричал он, но в доме никто не ответил. — Выведи мальчика и покажи нам, чтоб мы увидели, что он — обычный ребенок!

Дом хранил молчание, и хотя в толпе было много мужчин, ни один не хотел заходить в дом, где мог скрываться сын демона.

Поэтому кузнец снова закричал:

— Периаль, выведи своего Менда, или мы подожжем дом вместе с тобой.

Дверь открылась, и вышел человек. Никто из горожан не понял, кто это, потому что Менд семи оборотов от роду выглядел как семнадцатилетний юноша. Он стоял перед ними, гордый и высокий, с угольно-черными глазами и волосами.

— Я тот, кого вы считаете Мендом, — произнес он глубоким и исполненным силы голосом. — Чего вы хотите от меня?

От звука его голоса Периаль в хижине ахнула. Это были первые слова Менда, и она узнала тот самый голос, который говорил с ней во сне несколько месяцев назад.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мы считаем тебя Мендом? — спросил кузнец, поудобней перехватывая молот.

Он знал, что бывают демоны, которые выглядят как люди или носят человеческую кожу, словно костюм, — так человек может спрятаться под овечьей шкурой.

Ребенок, который не был ребенком, снова заговорил:

— Я сын Периаль, но я не Менд. И я не демон.

— Тогда прикоснись к железу моего молота, — сказал Ренген, ибо знал, что демоны боятся двух вещей: холодного железа и чистого пламени.

Он протянул свой тяжелый кузнечный молот. Руки его дрожали, но никто не подумал о нем плохо.

Тот, кто не был Мендом, сделал шаг вперед и положил обе руки на железный молот — ничего не произошло. Периаль, стоявшая в дверях своего дома, разразилась слезами, ибо, хотя она и доверяла Тейлу, ее сердце исходило материнской тревогой за сына.

— Я не Менд, хотя так назвала меня мать. Я Тейлу, Господь над всем. Я пришел избавить вас от демонов и порочности ваших сердец. Я Тейлу, свой собственный сын. Пусть все злые и порочные услышат мой голос и вострепещут.

И они вострепетали. Но некоторые из них отказались верить. Они обзывали его демоном и угрожали ему, они говорили грубые слова. Некоторые бросали камни, и проклинали его, и плевали на него и мать его.

Тогда Тейлу пришел в ярость и наверняка убил бы всех, но Периаль бросилась вперед и опустила руку ему на плечо.

— Чего ты ждал, — кротко сказала она, — от людей, которые живут

рядом с демонами? Даже самый лучший пес будет кусаться, если его долго бить.

Тейлу услышал ее слова и внял ее мудрости. Он посмотрел на Ренгена и, заглянув в самую глубь его сердца, сказал:

— Ренген, сын Энгена, у тебя есть любовница, которой ты платишь, чтобы она спала с тобой. Люди приходят к тебе за работой, а ты обманываешь и обкрадываешь их. И хотя ты громко молишься, ты не веришь, что я, Тейлу, создал мир и наблюдаю за всеми, кто живет здесь.

Услышав это, Ренген побледнел и уронил свой молот на землю. Ибо то, что сказал ему Тейлу, было правдой. А Господь посмотрел на всех мужчин и женщин, собравшихся здесь, и, заглянув в их сердца, рассказал о том, что увидел. Все они были порочны настолько, что Ренген среди них оказался лучшим.

Тогда Тейлу прочертил в дорожной грязи черту, так чтобы она пролегла между ним и пришедшими.

— Эта дорога подобна извилистой тропе жизни. Можно выбрать один из двух путей, они идут бок о бок. Все вы уже извели ту сторону и теперь должны выбрать. Оставайтесь на своем пути или придите ко мне.

— Но дорога ведь одна и та же? — спросил кто-то. — Она все равно ведет в одно и то же место.

— Да.

— А куда ведет эта дорога?

— К смерти. Все жизни заканчиваются смертью, кроме одной. Таков порядок вещей.

— Тогда какая разница, по какой стороне идет человек? — продолжал спрашивать Ренген.

Крупный мужчина, он один из немногих был выше темноглазого Тейлу. Однако его совершенно потрясло то, что он увидел и услышал.

— Что на нашей стороне дороги?

— Боль, — ответил Тейлу голосом жестким и холодным, как камень. — И наказание.

— А на твоей?

— Тоже боль, — тем же тоном отозвался Тейлу. — И тоже наказание — за все, что вы уже совершили. Его нельзя избежать. Но есть я, и это мой путь.

— Как мне перейти к тебе?

— Исполнишь сожаления, раскайся и иди ко мне.

Ренген переступил черту и встал рядом со своим Господом. Тогда Тейлу наклонился и подобрал молот, который уронил кузнец, — но не

отдал Ренгену, а ударил того молотом, будто хлыстом: раз, другой, третий. Третий удар заставил Ренгена, плачущего и стенающего от боли, упасть на колени. Но после третьего удара Тейлу отложил молот, опустил на колени рядом с кузнецом и заглянул ему в лицо.

— Ты перешел первым, — сказал он так тихо, что его слышал только кузнец. — Это был храбрый поступок и очень трудный. Я горжусь тобой. Больше ты не Ренген, теперь ты Верет, Кузнец Пути.

Потом Тейлу обнял кузнеца, и от его прикосновения большая часть боли Ренгена, который теперь был Веретом, исчезла. Но ушла не вся боль, ибо Тейлу говорил правду: наказания нельзя избежать.

Один за другим люди переступали черту, и одного за другим Тейлу повергал молотом наземь. Но когда мужчина или женщина падали, Тейлу вставал рядом с ними на колени и говорил с ними, давая им новые имена и снимая часть их боли.

У многих мужчин и женщин внутри прятались демоны, с визгом убегавшие, когда молот касался их. С этими людьми Тейлу говорил дольше, обнимая их в конце, и все были ему благодарны. Некоторые из этих людей плясали от радости, что освободились от столь ужасных существ, живших внутри их.

В конце концов на другой стороне остались только семеро. Тейлу три раза спросил, хотят ли они перейти к нему, и три раза они отказались. После третьего отказа Тейлу перескочил через черту и сильнейшим ударом поверг их на землю.

Оказалось, что не все они были людьми. Когда Тейлу ударил четвертого, послышалось шипение раскаленного железа и разнесся запах паленого волоса. Ибо четвертый был вовсе не человеком, а демоном в человеческой шкуре. Когда это открылось, Тейлу схватил демона и переломил его в руках, прокляв имя его и отослав обратно во внешнюю тьму, в обителище ему подобных.

Оставшиеся трое позволили сбить себя с ног. Ни один из них не был демоном, хотя демоны убегали из тел некоторых упавших. Закончив, Тейлу не стал говорить с этими шестью, не перешедшими к нему. Не стал он и преклонять колени, обнимать их и облегчать боль.

На следующий день Тейлу пустился в путь, чтобы завершить начатое. Он шел из города в город, предлагая в каждом селении такой же выбор. И всегда результат был тот же: одни переходили к нему, другие оставались, а третьи были не людьми, но демонами, и их Тейлу уничтожал.

Но один демон все время ускользал от Тейлу: Энканис, чье лицо было скрыто тенями. Энканис, чей голос, словно нож, проникал в умы людей.

Где бы Тейлу ни останавливался, чтобы предложить выбор пути, Энканис опережал его, уничтожая урожай и отравляя колодцы. Энканис заставлял людей убивать друг друга и крал детей из кроваток по ночам.

К концу седьмого года Тейлу обошел весь мир. Он изгнал демонов, мучивших нас, — всех, кроме одного. Энканис продолжал ускользать от него, творя зло за тысячу демонов, неся гибель и разорение повсюду.

Так и было все время: Тейлу преследовал, Энканис убегал. Но скоро Тейлу оказался всего в одном обороте позади демона, затем в двух днях, затем в полудне. Наконец он подобрался так близко, что чувствовал холод присутствия Энканиса и мог опознать места, куда тот ступал и где возлагал руки, ибо места те были покрыты холодным черным инеем.

Зная, что за ним гонятся, Энканис пошел в большой город. Князь демонов призвал всю свою силу, и город превратился в руины. Он сделал так в надежде, что Тейлу задержится там, а сам он сможет ускользнуть, но Идущий Бог остановился, только чтобы назначить священников, которые позаботились бы о людях в разрушенном городе.

Шесть дней бежал Энканис, и шесть больших городов разрушил он.

Но на седьмой день Тейлу нагнал его раньше, чем Энканис успел дать волю своей силе, и седьмой город был спасен. Вот почему семь — счастливое число и вот почему мы празднуем Каэнин. Теперь Энканису дышали в спину, и все его мысли были только о спасении. Но на восьмой день Тейлу не остановился даже поспать и поесть и потому в конце поверженья догнал Энканиса. Он прыгнул на демона и ударил его кузнечным молотом. Энканис упал, словно камень, но молот Тейлу рассыпался в прах и смешался с дорожной пылью.

Тейлу нес обмякшее тело демона всю долгую ночь и утром девятого дня пришел в город Атур. Когда люди увидели Тейлу, несущего бесчувственного демона, они решили, что Энканис мертв. Но Тейлу знал, что это не так. Ни один простой клинок не мог убить демона. Ни одна темница с тяжелыми засовами не могла удержать его.

Поэтому Тейлу принес Энканиса в кузницу. Он потребовал железа, и люди принесли все, что у них было. Хотя Тейлу почти не ел, весь девятый день он трудился. Десять человек раздували меха, а Тейлу ковал огромное железное колесо.

Всю ночь он работал, и, когда первый свет десятого утра коснулся его, Тейлу ударил по колесу в последний раз, завершив дело. Выкованное из черного железа, колесо имело шесть спиц толщиной в рукоять кузнечного молота и обод шириной в ладонь, а в высоту превосходило человеческий рост. Оно весило как сорок мужчин и холодило руки. Звучание его имени

было ужасно, и никто не мог произнести его.

Тейлу собрал людей, которые наблюдали за всем этим, и выбрал из них священника. Затем он отправил их копать огромную яму в центре города: шириной четыре с половиной метра и глубиной — шесть.

Когда поднялось солнце, Тейлу положил тело демона на колесо. При первом прикосновении железа Энканис начал метаться во сне. Но Тейлу крепко приковал его к колесу цепью, склепав звенья и закрепив надежнее, чем любой замок.

Тогда Тейлу отступил, и все увидели, как Энканис дернулся снова, словно потревоженный дурным сном. Потом он весь содрогнулся и полностью пробудился. Демон напрягся в цепях, и его тело выгнулось дугой. Когда железо касалось кожи Энканиса, это было для него как вонзающиеся ножи, как обжигающая боль мороза, как укус сотни ядовитых пчел. Энканис заметался на колесе и завыл, ибо железо обжигало, жалило, морозило его.

Но для Тейлу этот вой звучал прекраснейшей музыкой. Он лег на землю рядом с колесом и погрузился в глубокий сон, ибо очень устал.

Когда он проснулся, был вечер десятого дня. Энканис все так же лежал, прикованный к колесу, но уже не выл и не бился, будто зверь в капкане. Тейлу наклонился и с трудом поднял край колеса, прислонив его к дереву, что росло неподалеку. Когда он подошел ближе, Энканис стал проклинать его на неизвестных никому языках, скрежеща когтями, щелкая зубами.

— Ты сам навлек на себя беду, — возвестил Тейлу.

Той ночью был великий праздник. Тейлу послал людей срубить дюжину вечнозелей и развел из них огромный костер на дне выкопанной ямы.

Всю ночь горожане плясали и пели вокруг горящего огня, радуясь, что последний и самый опасный из демонов мира наконец пойман.

И всю ночь Энканис висел на своем колесе и наблюдал за ними, неподвижный, как мертвая змея.

Когда пришло утро одиннадцатого дня, Тейлу подошел к Энканису в третий и последний раз. Демон выглядел изнуренным и поникшим. Кожа его стала землистого цвета, под ней проступили кости. Но сила все еще теплилась в демоне, словно черная мантия, скрывая его лицо тенями.

— Энканис, — рек Тейлу. — У тебя есть последняя возможность что-нибудь сказать. Сделай это, ибо я знаю, что это в твоих силах.

— Господь Тейлу, я не Энканис. — На какое-то мгновение голос демона стал жалостным, и все, кто его слышал, опечалились.

Но потом раздалось шипение, будто вода пролилась на раскаленное железо, и колесо зазвенело, как колокол. Тело Энканиса мучительно выгнулось и бессильно обвисло на прикованных запястьях, а звон стих.

— Оставь свои хитрости, темный. Не лги мне, — сурово произнес Тейлу, его взгляд был черен и тверд, как железо колеса.

— А что будет? — прошипел Энканис, будто камень проскрежетал по камню. — Что? Чтоб тебя распяли да сломали, чего ты хочешь от меня?

— Твой путь короток, Энканис. Но ты все еще вправе выбрать сторону, по которой идти.

Энканис расхохотался.

— Ты дашь мне тот же выбор, что и этим скотам? Тогда да, я перейду на твою сторону пути. Я сожалею и рас...

Колесо вновь зазвенело, как огромный гулкий колокол. Энканис снова выгнулся на цепях, и звук его вопля сотряс землю и раздробил камни на километр вокруг.

Когда звон колеса стих, Энканис повис на цепях, задыхаясь и дрожа.

— Ведь я велел тебе не лгать, Энканис, — сочувственно сказал Тейлу.

— Я выбираю свой путь! — завопил Энканис. — И ни о чем не сожалею! Если бы у меня снова был выбор, я увеличил бы только скорость бегства. Твои люди — скот, которым питается мой народ! Чтоб тебя ужалило да скрючило! Если б ты дал мне всего полчаса, я бы сотворил такое, что эти убогие лупоглазые крестьяне тут же свихнулись бы от ужаса. Я бы выпил кровь их детей, купался бы в слезах их женщин. — Он хотел сказать больше, но задохнулся, пытаясь вырваться из цепей.

— Итак, — сказал Тейлу и сделал шаг к колесу.

Мгновение казалось, что он сейчас обнимет Энканиса, но он просто взялся за спицы. Напрягшись, Тейлу поднял колесо над головой, отнес его на вытянутых руках к яме и бросил Энканиса туда.

Всю долгую предыдущую ночь там горела дюжина вечнозелей. Пламя угасло ранним утром, оставив полную яму тлеющих углей, раздуваемых дыханием ветра.

Колесо упало плашмя, Энканис оказался сверху. Раздался взрыв и взлетел сноп искр, когда колесо утонуло на несколько сантиметров в горячих углях. Железо удерживало Энканиса над углями, и оно же связывало его, жалило и жгло.

Хотя огонь не касался тела демона, жар был так силен, что одежда Энканиса обуглилась и начала осыпаться, даже не загоревшись. Демон метался в своих оковах, все плотнее вжимая колесо в угли. Энканис завопил, ибо знал, что от железа и огня любой демон может погибнуть. Он

был могуч, но скован — и горел. Он чувствовал, как металл колеса накаляется под ним, обугливая плоть рук и ног. Энканис выл. Его кожа начала дымиться и чернеть, но лицо все еще скрывалось в тени, вздымавшейся, словно язык темного пламени.

Потом демон замолчал, и единственным звуком стало шипение капель пота и крови, падающих с его напряженных рук и ног. Долгий-долгий миг все было тихо. Энканис пытался вырваться из цепей, и казалось, что он будет рваться, пока не отдерет мышцы от костей и сухожилий.

И вдруг раздался резкий звук — будто разбился колокол, — и рука демона оторвалась от колеса. Звенья цепи, покрасневшие от жара огня, вылетели на дымящуюся землю, прямо под ноги тех, кто стоял около ямы. Энканис захохотал, кроша тишину, как стекло.

Через секунду высвободилась и вторая рука демона, но, прежде чем он успел сделать что-либо еще, Тейлу спрыгнул в яму, ударив ногами в дно с такой силой, что колесо зазвенело. Тейлу схватил руки демона и прижал их к железу.

Энканис завопил от ярости, не веря своим глазам: ведь хотя он снова был прижат к горящему колесу и чувствовал, что Тейлу держит его крепче, чем разорванные цепи, он видел, как Тейлу тоже горит в пламени.

— Дурак! — завыл он. — Ты умрешь здесь вместе со мной. Отпусти меня и живи. Отпусти меня, и я больше не потревожу тебя.

И колесо не зазвенело в ответ, потому что Энканис действительно испугался.

— Нет, — сказал Тейлу. — Твое наказание — смерть. И ты его примешь.

— Дурак! Безумец! — Энканис тщетно рвался из рук Тейлу. — Ты сгоришь в пламени вместе со мной и умрешь, как и я!

— Все в пепел возвращается, и эта плоть кончается. Но я — Тейлу, свой собственный сын и свой собственный отец. Я был прежде и пребуду после. Если я жертва, то только себе самому. И если возникнет нужда и меня вновь призовут, я приду судить и карать.

Тейлу держал Энканиса на горящем колесе, и никакие угрозы и вопли демона не могли поколебать его. Вот так Энканис ушел из мира, и вместе с ним ушел Тейлу, который был Мендом. Оба они сгорели дотла в той яме в Атуре. Вот почему священники Тейлу носят пепельно-серые рясы, а мы все знаем, что Тейлу заботится о нас, следит за нами и хранит нас от...

Джаспин начал выть и метаться в своих веревках, и Трапис прервал историю. Как только пропала нить рассказа, удерживавшая мое внимание, я

соскользнул обратно в забытие.

После этого у меня возникло подозрение, которое никогда не покидало меня: может, Трапис — тейлинский священник? Его балахон был заношен и грязен, но когда-то давно он вполне мог иметь серый цвет. Некоторые части его истории звучали коряво и бессвязно, но другие — величественно и внушительно, словно он рассказывал наизусть что-то полузабытое. Из проповедей? Из «Книги о Пути»?

Я не спрашивал. И хотя в следующие месяцы частенько заглядывал в подвал, больше ни разу не слышал, чтобы Трапис рассказывал какую-либо историю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕНИ

Все время, проведенное в Тарбеане, я продолжал учиться, хотя большинство уроков были тяжелыми и болезненными.

Я научился просить подаяние — своеобразное применение актерского искусства к очень трудной публике. У меня получалось хорошо, но на Берегу с деньгами было туговато — чашка для подаяния часто оставалась пустой, что означало холодную и голодную ночь.

Путем проб и ошибок я отыскал правильный способ разрезания кошельков и освобождения карманов от содержимого. В последнем я особенно преуспел. Всевозможные замки и засовы тоже быстро сдали мне свои секреты. Мои ловкие пальцы нашли такое применение, какого мои родители и Абенти и предположить не могли.

Я научился убегать от людей, у которых была неестественная белозубая улыбка. Смола деннера постепенно отбеливает зубы, так что если сладкоежка прожил достаточно долго, чтобы его зубы совершенно побелели, то наверняка он уже продал все, что у него было. Тарбеан полон опасных людей, но никто не страшен так, как сладкоеды, мучимые отчаянной жаждой все новых порций смолы. Такие могут убить за пару пенни.

Я научился вязать самодельную обувь из лохмотьев. Настоящие башмаки отошли для меня в мир грез и мечтаний. В первые два года мои ноги всегда были замерзшими или порезанными — или и то и другое вместе. Но к третьему году ступни стали похожи на старую задубелую кожу; теперь я мог часами бегать босиком по грубым городским булыжникам и вообще не чувствовать их.

Я научился ни от кого не ждать помощи. В дурных районах Тарбеана зов о помощи привлекает хищников не хуже запаха крови.

Я спал наверху, уютно устроившись в потайном месте, где сходились три крыши. Из глубокого сна меня вырвали звуки грубого резкого смеха и топота ног в проулке внизу.

Топот внезапно прекратился, и за звуком рвущейся ткани последовал новый взрыв смеха. Скользнув к краю крыши, я глянул вниз, в проулок. Там собралось несколько взрослых мальчишек, почти уже мужчин, одетых,

как и я, в лохмотья и грязь. Их было пятеро или шестеро. Они тяжело дышали после бега, я слышал их дыхание даже на крыше. То исчезая в тенях, то вновь появляясь, они сами были как тени.

Объект преследования лежал посреди переулка: маленький мальчик — лет восьми, не больше. Один из старших мальчишек прижимал его к земле. Голая кожа мальчугана бледно светилась под луной. Еще один звук рвущейся одежды — и мальчик издал тихий вопль, потонувший в сдавленном плаче.

Остальные наблюдали и переговаривались тихо и жадно, их лица скалились в жестоких голодных ухмылках.

Меня несколько раз преследовали ночью, а пару месяцев назад даже поймали. Посмотрев вниз, я с удивлением обнаружил у себя в руке тяжелую красную черепицу, готовую к полету.

Но, оглянувшись на потайное место, я остановился. Здесь лежало лоскутное одеяло и полбуханки хлеба. Здесь были спрятаны деньги на дождливый день: восемь пенни, которые я копил на случай, если удача вдруг повернется ко мне спиной. И самое драгоценное — Бенова книжка. Здесь я был в безопасности. Даже если я зашибу одного из этих, остальные окажутся на крыше в две минуты. И тогда, даже если мне и удастся сбежать, идти будет некуда.

Я положил черепицу и вернулся в то, что стало моим домом. Свернулся клубочком в укрытии ниши под нависающей крышей, до боли сжал в кулаках одеяло и стиснул зубы, пытаюсь отгородиться от бормотания, прерываемого грубым хохотом и тихими безнадежными рыданиями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ПОИСК ПРИЧИН

Квоут махнул Хронисту, чтоб тот отложил перо, и потянулся, сцепив пальцы над головой.

— Давненько я не вспоминал об этом, — сказал он. — Если ты хочешь докопаться до причины, по которой я стал Квоутом, то, пожалуй, стоит остановиться именно здесь.

Хронист наморщил лоб:

— Что вы имеете в виду?

Квоут помолчал, глядя на руки.

— Знаешь, сколько раз меня в жизни били?

Хронист отрицательно покачал головой.

Подняв глаза, Квоут ухмыльнулся и беззаботно пожал плечами:

— Я тоже. Ты, поди, думаешь, что такие случаи должны застревать в голове. Думаешь, я должен помнить, сколько костей я переломал, помнить все швы и повязки. — Он потряс головой. — Нет. Я помню только плач того мальчика в темноте. Четко, как звон колокола, — все эти годы.

Хронист нахмурился:

— Вы же сами сказали, что ничего не могли сделать.

— Мог, — серьезно ответил Квоут, — но не сделал. Я тогда сделал выбор и сожалею об этом выборе до сего дня. Кости срастаются, но сожаления остаются навсегда.

Квоут отодвинулся от стола.

— Полагаю, темной стороны Тарбеана уже достаточно.

Он встал и снова потянулся, закинув руки за голову.

— Почему, Реши? — Слова вдруг хлынули из Баста потоком. — Почему ты оставался там, если все было так ужасно?

Квоут задумчиво покивал, словно ожидал вопроса.

— А куда еще мне было идти, Баст? Все, кого я знал, были мертвы.

— Не все, — настаивал Баст. — Оставался еще Абенти. Ты мог отправиться к нему.

— Хэллоуфелл был в сотнях километров, Баст, — устало ответил Квоут, пересекая комнату. — Сотни километров без отцовских карт, которые могли бы привести меня туда. Без какой-либо помощи, денег и обуви. Путешествие теоретически возможное. Но для подростка,

отупевшего от потери родителей... — Квоут тряхнул головой. — Нет. В Тарбеане я, по крайней мере, мог просить милостыню или воровать. Я едва ухитрился выжить в лесу летом. Но зимой? — Он снова покачал головой. — Я бы замерз там или умер от голода.

Подойдя к стойке, Квоут наполнил кружку и начал добавлять туда щепотки специй из разных коробочек и баночек. Затем прошел к большому каменному камину и задумчиво сказал:

— Конечно же, ты прав. Где угодно было бы лучше, чем в Тарбеане.

Он пожал плечами:

— Но все мы — дети привычки. Куда проще оставаться в знакомой колее, которую проложил. Возможно, я даже полагал это справедливым — своего рода наказанием за то, что не был вместе со всеми, когда пришли чандрианы. За то, что не умер со своей семьей, хотя должен был.

Баст открыл рот, потом закрыл и, нахмурившись, уставился в стол.

Квоут оглянулся через плечо и мягко улыбнулся:

— Я не говорю, что это разумно, Баст. Эмоции по своей природе — не очень-то разумные штуки. Я давно уже так не считаю, но тогда было именно так... я помню... — Он снова отвернулся к огню. — Бендова тренировка дала мне память столь ясную и острую, что ею и впрямь порезаться можно, если неосторожно пользоваться.

Квоут вытащил из камина камень для согревания и бросил в кружку. Камень утонул с резким шипением, а комнату наполнил аромат увядшего клевера и муската.

Квоут вернулся к столу, помешивая сидр длинной ложкой.

— Я ведь тогда был не совсем в своем уме. Большая часть моего разума пребывала в шоке — спала, если угодно. Мне требовалось что-то — или кто-то, — чтобы пробудиться.

Он кивнул Хронисту, который тряс уставшей рукой, чтобы расслабить ее. Тот снова откупорил чернильницу.

Квоут откинулся на стуле.

— Мне нужно было напомнить о том, что я забыл. Мне нужна была причина, чтобы жить. Прошли годы, прежде чем я встретил человека, которому удалось это сделать. — Он улыбнулся Хронисту: — Прежде чем я встретил Скарпи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЛАНРЕ ОБЕРНУЛСЯ

К тому времени я прожил в Тарбеане почти три года. Три дня рождения проскользнули незамеченными, и мне только-только исполнилось пятнадцать. Я научился выживать на Берегу. Стал опытным попрошайкой и вором, замки и карманы открывались по первому моему прикосновению. Теперь я знал, какие ломбарды берут товар «от дяди» без вопросов.

Я по-прежнему ходил в обносках, часто бывал голоден, но опасность смерти от голода для меня миновала. Понемногу накапливались деньги «на дождь». Даже после суровой зимы, вынуждавшей меня платить за теплое место для ночевки, казна моя составляла больше двадцати железных пенни. Для меня это было все равно что груды сокровищ для дракона.

Я вполне освоился в городе, но жил только во имя радости добавить еще денег в копилку. Ничто не вело меня, ничто не ждало впереди. Мои дни проходили в выглядывании того, что можно украсть, и придумывании себе развлечений.

Но однажды все изменилось. В подвале Траписа я услышал восторженную болтовню одной девочки о сказителе, который все время сидит в Доках, в баре под названием «Приспущенный флаг». По ее словам, каждый день после шестого колокола он рассказывает историю. Он знает все — какую ни попроси. А кроме того, сказала она, старикан предлагает пари: если он не знает истории, которую ты просишь, то дает тебе целый талант.

Весь оставшийся день я был под впечатлением от ее рассказа. Хоть я и сомневался, что это правда, но не мог перестать фантазировать, что бы сделал, будь у меня целый талант. Я бы мог купить башмаки и, пожалуй, нож, мог дать денег Трапису — и при этом все равно удвоить мой «дождливый» запас.

Даже если девчонка соврала насчет пари, все равно мне было интересно. Найти развлечение на улице случалось редко. Иногда нищенская труппа разыгрывала пантомиму на углу или удавалось послушать скрипача в пабе. Но настоящие развлечения стоили денег, а мои трудно заработанные пенни были слишком драгоценны, чтобы транжирить их по пустякам.

Но тут крылась еще одна проблема: в Доках было небезопасно.

Сейчас поясню. Больше года назад я увидел на улице Пика — впервые с того дня, когда он с друзьями загнал меня в переулок и разбил отцовскую лютню.

Я осторожно следовал за ним, сохраняя дистанцию и скрываясь в тени. Наконец он пришел домой, в маленький тупичок в Доках, где было его тайное убежище: гнездо из разбитых ящиков, сколоченных вместе, чтобы укрываться от непогоды.

Всю ночь до утра я просидел на крыше, словно на насесте, ожидая, пока он уйдет. Тогда я спустился в его гнездышко из ящиков и огляделся. Здесь было уютно, по углам пряталось множество вещей — накоплений нескольких лет. Я нашел бутылку пива и выпил ее, потом полголовки сыра — и съел, а рубашку, чуть менее поношенную, чем моя, забрал себе.

Дальнейшее исследование принесло кучу всякой всячины: свечу, моток бечевки, несколько разнокалиберных шариков. Больше всего меня поразили обрывки парусины с угольными набросками женского лица. Мне пришлось рыться почти десять минут в куче разной ерунды, чтобы найти то, что я на самом деле искал: маленькую деревянную шкатулку, всю потертую и поцарапанную. В ней обнаружился букетик увядших фиалок, перевязанный белой ленточкой, игрушечная лошадка, почти лишившаяся нитяной гривы, и локон светлых волос.

Несколько минут у меня отняла возня с кремнем и сталью, чтобы зажечь огонь. Фиалки послужили хорошей растопкой, и скоро густые клубы дыма поднялись высоко в воздух. Я стоял рядом и смотрел, как сгорает все, что любит Пика.

Но я слишком задержался там, наслаждаясь местью. Пика с дружкой, привлеченные дымом, прибежали в тупик, и я оказался в ловушке. Кипя от ярости, Пика бросился на меня. Он был выше на пятнадцать сантиметров, а весил больше килограмма на двадцать. Что еще хуже, у него был грубый самодельный нож из осколка бутылки, обмотанного с одного конца бечевкой.

Пика успел ткнуть меня один раз: в икру, под колено, — а потом я сумел направить его руку в мостовую, и нож разбился. Но он все равно поставил мне фингал и сломал несколько ребер, прежде чем мне удалось пнуть его точно между ног и высвободиться. Я бросился наутек, а он ковылял за мной, вопя, что убьет за то, что я сделал.

В этом я не сомневался. Когда нога зажила, я взял все накопленные деньги и купил три литра дрега — отвратительного дешевого пойла, обжигающего рот до пузырей. А потом прихромал в Доки и подождал, пока

Пика с дружками заметят меня.

Ждать пришлось недолго. Я позволил ему с двумя приятелями преследовать меня около километра, за Швейский переулок и в Сальники, но держался главных улиц, зная, что они не осмелятся напасть днем в людном месте.

Когда я свернул в боковую улочку, они прибавили ходу, чтобы сократить расстояние, думая, что я пытаюсь оторваться от них. Однако за углом никого не оказалось.

Пика догадался поглядеть вверх как раз в ту минуту, когда я вылил на него бутылку дрега с края низко висящей крыши. Зелье расплескалось по лицу и груди Пики, ослепив его. Он заорал и упал на колени, царапая глаза. Тогда я чиркнул украденной фосфорной спичкой и бросил ее вниз, на Пику, глядя, как она потрескивает и разгорается в полете.

Движимый наивной ребяческой ненавистью, я надеялся, что Пика вспыхнет пламенным столбом. Так красиво не вышло, но он все же начал гореть, орать и дергаться, а дружки стали хлопать по нему, стараясь потушить. Я тем временем сбежал.

Это случилось больше года назад, и с тех пор я Пику не видел. Он не пытался найти меня, а я держался подальше от Доков, иногда обходя их за километр. В войне наступило затишье, однако я не сомневался, что Пика и его дружки помнят меня и захотят сквитаться, если увидят.

Обдумав все это, я решил, что идти в Доки слишком опасно. Даже обещание бесплатных историй и шанс получить серебряный талант не стоили риска снова взбаламутить Пику. Да и какую историю я мог бы попросить?

Вопрос вертелся в моей голове следующие несколько дней: какую историю попросить? Я наткнулся на рабочего из Доков и отлетел в сторону, прежде чем успел запустить руку в его карман — какую историю? Просил милостыню на углу напротив тейлинской церкви — какую? Я украл три буханки хлеба и отнес две Трапису в подарок — что попросить?

И когда я лежал на крышах, в своем убежище, уплывая в сон, ответ пришел ко мне: Ланре. Конечно! Я могу попросить его рассказать истинную историю Ланре. Историю, которую отец...

Сердце екнуло в груди — я вдруг вспомнил то, что избегал вспоминать годами: мой отец в фургоне, лениво бренчащий на лютне, и поющая мать рядом с ним. Я судорожно оттолкнул эти воспоминания — так отдергивают руку от огня.

Но тут с удивлением обнаружил, что их сопровождает лишь слабая ноющая боль, а совсем не та, нутряная и жестокая, какую я ожидал. Во мне

вдруг поднялось волнение при мысли, что я смогу услышать историю, которую искал мой отец. Историю, которую он сам, наверное, мог рассказать.

Я, конечно, понимал, что бежать сломя голову в Доки ради какой-то истории будет чистейшим безумием. Суровая практичность, которой научил меня за эти годы Тарбеан, настаивала, чтобы я оставался в знакомом, безопасном уголке мира...

Первый человек, которого я увидел, войдя в «Приспущенный флаг», был Скарпи. Он сидел на высоком табурете у стойки — тощий обветренный старик с густой седой шевелюрой, бородой и шерстью на руках, с глазами как алмазы и телом как обточенный водой древесный корень. Белизна волос выделялась на темном загаре, будто брызги морской пены.

У его ног сидела стайка детей числом около двадцати — некоторые моего возраста, но большая часть помладше. Странно было видеть рядом таких разных детей: от грязных босоногих уличных мальчишек вроде меня до хорошо одетых и чисто вымытых ребятишек, вероятно, имеющих и родителей, и дом.

Никто из них не показался мне знакомым, но я не знал, могли ли здесь быть дружки Пики. Поэтому нашел себе местечко у двери и сел на корточки, прислонившись спиной к стене.

Скарпи кашлянул пару раз — так, что мне тут же захотелось пить. Затем с ритуальной многозначительностью скорбно заглянул в свою глиняную кружку и аккуратно поставил ее вверх дном.

Дети бросились вперед, кладя на стойку монеты. Я быстро подсчитал: два железных полпенни, девять шимов и драб. Итого чуть больше трех железных пенни в деньгах Содружества. Может, он уже больше не предлагает пари на серебряный талант. Скорее всего, слух был ложным.

Старик едва заметно кивнул бармену:

— Феллоуское красное. — Голос у него оказался глубокий и гулкий, почти завораживающий.

Лысый человек за стойкой сгреб монеты и проворно налил в широкую глиняную кружку вина.

— Ну, про что вы сегодня хотите послушать? — пророкотал Скарпи, его низкий голос перекатывался, как отдаленный гром.

Секунду царило молчание, снова поразившее меня своей почти благоговейной ритуальностью. Затем тишина взорвалась — все дети загомонили разом:

— Я хочу историю про фейри!
— ...Орена и битву у Мната...
— Да, про Орена Велсайтера! Ту, где с бароном...
— Лартам...
— Мир Тариниэль!
— Иллиен и Медведь!
— Ланре, — сказал я, почти неожиданно для себя.

Комната снова умолкла, когда Скарпи сделал глоток. Пристальность, с которой дети наблюдали за ним, была странно знакомой, но я никак не мог понять откуда.

Скарпи неторопливо выпрямился посреди наступившей тишины.

— Неужели я, — его голос тек медленно, как темный мед, — слышу, как кто-то говорит: «Ланре»? — Он взглянул прямо на меня ясными и острыми голубыми глазами.

Я кивнул, не зная, чего ожидать.

— Я хочу послушать про сухие земли за Штормвалом, — пожаловалась одна из младших девочек. — О песчаных змеях, которые выскакивают из земли, как акулы. И о сухих людях, которые прячутся под дюнами и пьют твою кровь вместо воды. И... — Она умолкла под шиканье со всех сторон.

Скарпи сделал еще один глоток, и снова мгновенно упала тишина. Наблюдая за детьми, смотрящими на Скарпи, я понял, что мне это напоминает: человека, взволнованно глядящего на песочные часы. Я догадался, что когда вино у старика выйдет, история закончится тоже.

Скарпи сделал еще один глоток, на этот раз только пригубив вино, затем поставил кружку на стойку и повернулся на своем табурете, чтобы видеть всех нас.

— Кто хочет услышать историю о человеке, который потерял глаз и получил лучшее зрение?

Что-то в тоне его голоса или в реакции детей подсказало мне, что вопрос был чисто риторическим.

— Итак, Ланре и Война творения. Старая-престарая история. — Он оглядел детей. — Сядьте и внимайте, ибо я буду говорить о сияющем городе, что от нас отделили многие годы и многие километры...

Где-то когда-то, во многих годах и многих километрах от нас, стоял Мир Тариниэль, Сияющий город. Он сверкал посреди высочайших гор мира, как драгоценный камень в короне короля.

Представьте себе город, большой, как Тарбеан, где на каждом углу каждой улицы сверкает чудесный фонтан, или растет зеленое дерево, или

стоит статуя, столь прекрасная, что один взгляд на нее заставляет плакать самого гордого человека. Дома в том городе были высокие и изящные, вырезанные в самой горе из сияющего белого камня, который удерживал солнечный свет еще долго после того, как опускался вечер.

Правил в Мир Тариниэле Селитос. Просто поглядев на вещь, он мог увидеть ее скрытое имя и постичь ее суть. В те дни многие люди умели подобное, но Селитос был самым могущественным именователем из всех, живших в тот век.

Селитоса горячо любили люди, которых он защищал. Его суд был строгим, но справедливым, и никто не мог поколебать его ложью, умолчанием или лукавством. Такова была сила его взгляда, что он мог читать в сердцах людей, как в книге с крупными буквами.

Еще в те дни по всей огромной империи шла ужасная война. Она звалась Войной творения, а империя называлась Эрген. И хотя мир еще никогда не видел империи столь огромной и войны столь жестокой, обе они остались лишь в памяти людской. Даже исторические книги, называвшие их сомнительными слухами, давным-давно рассыпались в пыль.

Война продолжалась так долго, что люди едва могли припомнить время, когда небо не застилал дым горящих селений. Когда-то по всей империи были рассыпаны сотни гордых городов, теперь же от них остались руины, усеянные мертвыми телами. Голод и болезни царили повсюду, а кое-где доходило до такого отчаяния, что матери не могли уже собраться с надеждой и дать детям имена. Но восемь городов еще стояли. Это были Белен, Антус, Ваэрет, Тинуза, Эмлен и города-близнецы Мурелла и Мурилла. Последним был Мир Тариниэль, величайший из всех и единственный не задетый долгими веками войны, ибо его защищали горы и доблесть воинов. Но истинной причиной мира в Мир Тариниэле был Селитос. Прозорливым взглядом он бдительно следил за горными тропами, ведущими в любимый город. Его покои располагались в самых высоких башнях города, и он мог оттуда увидеть любую атаку, любую скрытую угрозу.

Остальные семь городов, не обладающие возможностями Селитоса, искали защиту в другом. Они полагались на толстые стены, на камень и сталь, надеялись на силу оружия и доблесть, на храбрость и кровь. И потому возлагали свои надежды на Ланре.

Ланре сражался с тех пор, как мог поднять меч, и к тому времени, когда голос его начал ломаться, стоил десятка опытных воинов. Он женился на деве по имени Лира, и его любовь к ней стала страстью более могучей и властной, чем ярость и гнев.

Ли́ра была прекрасна и мудра и обладала такой же силой и властью, как и он. Ибо Ланре принадлежала крепость рук и верность людей, а Ли́ра знала имена вещей и силой голоса могла убить человека или усмирить бурю.

Шли годы, Ланре с Ли́рой сражались плечом к плечу. Они защищали Белен от внезапных атак, спасая город от врага, который иначе давно захватил бы его. Они собирали армии и убеждали города в необходимости союза. Долгие годы они отбрасывали врагов империи все дальше и дальше. Люди, отупевшие от отчаяния, начинали чувствовать, как в груди вновь разгорается надежда. Люди уповали на мир, и мерцающие фонарики надежды в их душе были связаны с именем Ланре.

Затем настал Блак-при-Дроссен-Тор. «Блак» на языке тех времен означало «битва», и при Дроссен Тор случилась величайшая и жесточайшая битва в той великой и жестокой войне. Противники сражались без передышки — три дня при свете солнца и три ночи при свете луны. Ни одна сторона не могла одолеть другую, но никто не желал отступить.

О самой битве я скажу лишь одно: при Дроссен Тор погибло больше людей, чем живет во всем мире сегодня.

Ланре всегда оказывался в самой гуще сражения, там, где в нем больше всего нуждались. Его меч не покидал руки, не отдыхал в ножнах. В самом конце битвы посреди целого поля трупов, залитых кровью, Ланре встретился один на один с ужасным врагом. Это было огромное чудовище с чешуей из черного железа, чье смрадное дыхание душило людей. Ланре сразился с чудовищем и убил его. Ланре одержал победу, но купил ее ценою жизни.

Когда битва окончилась и врагов заключили за каменные ворота, подле убитого чудовища нашли тело Ланре, холодное и безжизненное. Известие о смерти Ланре разлетелось быстро и накрыло поле боя облаком отчаяния. Люди выиграли битву, переломив ход войны, но каждый почувствовал холод в груди. Маленький огонек надежды, который лелеяли все они, начал мерцать и гаснуть. Их надежды возлагались на Ланре, а Ланре был мертв.

И тогда посреди молчания над телом Ланре встала Ли́ра и произнесла его имя. Ее голос гремел приказом. Ее голос был сталью и камнем. Ее голос повелевал жить. Но Ланре лежал недвижим и мертв.

И тогда среди страха Ли́ра встала на колени и выдохнула имя Ланре. Ее голос звенел зовом. Ее голос был любовью и тоской. Ее голос звал жить. Но Ланре лежал холоден и мертв.

И тогда среди отчаяния Ли́ра пала на тело Ланре и прорыдала его имя. Ее голос шелестел мольбой. Ее голос был пустотой и эхом. Ее голос умолял

жить. Но Ланре лежал бездыханен и мертв.

Ланре был мертв. Лира сдавленно зарыдала и коснулась его лица дрожащими руками. Все кругом отвернулось, ибо смотреть на залитое кровью поле было не так ужасно, как на горе Лиры.

И тут Ланре услышал ее зов. Он обернулся на звук ее голоса и пришел. Из-за дверей смерти вернулся к ней Ланре. И произнес имя Лиры и обнял ее, утешая. Он открыл глаза и вытер слезы ее дрожащими руками. А потом сделал долгий живительный вдох.

Уцелевшие в битве увидели, что Ланре поднялся, и поразились. Мерцающая надежда на мир, которую все столь долго лелеяли, вновь разгорелась ярким пламенем.

— Ланре и Лира! — вскричали они, и их голоса гремели подобно грому. — Любовь нашего лорда сильнее смерти! Голос нашей леди вернул его! Они одолели смерть! Они вместе, теперь мы победим!

Война продолжалась, но при виде Ланре и Лиры, сражающихся бок о бок, будущее казалось не таким мрачным. Скоро все знали историю о том, как Ланре умер и как любовь Лиры вернула его обратно. Впервые в истории люди могли открыто говорить о мире и на них не смотрели как на дураков или безумцев.

Прошли годы. Враги империи ослабли и отчаялись, и даже скептики понимали, что конец войны близок.

Как вдруг поползли слухи: Лира больна, Лира похищена, Лира умерла. Ланре бежал из империи, Ланре сошел с ума. Некоторые даже говорили, что Ланре убил себя и отправился искать жену в стране мертвых. Рассказов было много, но правды не знал никто.

И вот среди этих слухов Ланре прибыл в Мир Тариниэль. Он пришел один, облаченный в панцирь из черных железных чешуй, с серебряным мечом на поясе. Доспехи плотно охватывали тело, будто вторая кожа. Ланре сделал их из останков чудовища, которого убил при Дроссен Тор.

Ланре попросил Селитоса прогуляться с ним за город. Селитос согласился, надеясь узнать правду о беде Ланре и предложить ему дружескую помощь и утешение. Они часто искали друг у друга совета, ибо были владыками над людьми.

Селитос знал о слухах и тревожился. Он боялся за здоровье Лиры, но еще больше боялся за Ланре. Селитос был мудр и понимал, как горе может извратить сердце, как страсть толкает людей на глупости.

Вместе они шли по горным тропам. Ланре взошел на вершину, откуда открывался вид на обширные земли. Гордые башни Мир Тариниэля ярко сияли в последних лучах заходящего солнца.

— Я слышал ужасные вести о твоей жене, — сказал Селитос.

Ланре ничего не ответил, но по его молчанию Селитос понял, что Лира умерла.

После долгой паузы Селитос проговорил:

— Хотя я не знаю всего, Мир Тариниэль к твоим услугам, и я дам тебе все, что только может дать друг.

— Ты и так дал мне достаточно, старый друг. — Ланре повернулся и положил руку на плечо Селитосу. — Силанкси, я заклинаю тебя. Именем камня: стань неподвижен, как камень. Аэрух, я повелеваю воздуху: пусть ляжет свинцом на твой язык. Селитос я именую тебя. Пусть вся твоя сила покинет тебя, кроме взгляда.

Селитос знал, что в целом мире существовало только три человека, которые могли тягаться с ним в искусстве имен: Алеф, Иакс и Лира. У Ланре не было дара к именам — его могущество принадлежало силе его рук. Пытаться связать Селитосу именем было для Ланре столь же напрасным, как мальчишке с ивовым прутиком нападать на воина.

Однако же сила Ланре сдавила Селитосу тяжестью, словно железные тиски, и он обнаружил, что не может ни пошевелиться, ни заговорить. Он стоял, неподвижный, как камень, и мог только дивиться: как Ланре достиг такого могущества?

В смятении и отчаянии Селитос смотрел, как ночь окутывает горы. С ужасом увидел он, что часть наползающей тьмы была на самом деле огромной армией, движущейся к Мир Тариниэлю. И что хуже всего, не звонили тревожные колокола. Селитос мог только стоять и смотреть, как вражеская армия подбирается к его городу.

Мир Тариниэль был сожжен дотла и вырезан до последнего человека, и чем меньше говорить об этом, тем лучше. Белые стены почернели от копоти, а фонтаны стали бить кровью. Ночь и еще день стоял Селитос рядом с Ланре и не мог ничего, кроме как смотреть и слушать вопли умирающих, звон железа, грохот рушащегося камня.

Когда следующий день занялся над черными башнями города, Селитос обнаружил, что может двигаться. Он повернулся к Ланре, на этот раз взгляд не подвел его: он увидел в том великую тьму и измученный дух. Но Селитос все еще чувствовал оковы заклинания, связывавшего его.

Ярость и непонимание боролись в нем, и Селитос спросил:

— Ланре, что ты сделал?

Ланре продолжал смотреть на руины Мир Тариниэля. Его плечи ссутулились, словно на нем лежало огромное бремя.

Когда же он заговорил, в голосе его звучала усталость:

— Меня считали хорошим человеком, Селитос?

— Тебя считали одним из лучших. Мы считали тебя безупречным.

— Но я сделал это.

Селитос не мог заставить себя посмотреть на погубленный город.

— Но ты сделал это, — признал он. — Почему?

Ланре помолчал.

— Моя жена мертва. Обман и предательство привели меня к этому — ее смерть на моих руках. — Он сглотнул и отвернулся, глядя на земли внизу.

Селитос проследил его взгляд. С высоты гор он увидел клубы темного дыма, поднимающиеся с равнины. Селитос с ужасом понял, что Мир Тариниэль — не единственный город, который был разрушен. Союзники Ланре принесли гибель последним бастионам империи.

Ланре повернулся к нему.

— Я считался одним из лучших! — На его лицо было страшно смотреть. Горе и отчаяние опустошили его. — Я, мудрый и добрый, сделал все это! — Он обвел яростным безумным жестом вид внизу. — Представь, какие нечестивые вещи прячет на дне своего сердца мелкий человечиска. — Ланре посмотрел на Мир Тариниэль, и какое-то успокоение снизошло на него. — Для них, по крайней мере, все кончилось. Они в безопасности. Скрылись от тысячи каждодневных зол. Скрылись от тягот несправедливой судьбы.

— Скрылись от радости и чуда... — тихо сказал Селитос.

— Радости нет! — страшно прокричал Ланре. Камни крошились от звука его голоса, и эхо громом отдавалось в них. — Любая радость, вырастающая здесь, поражается сорняками. Я вовсе не чудовище, сеющее разрушение и гибель ради извращенного удовольствия. Я сею соль, потому что выбор есть только между сорняками и ничем. — В глазах его Селитос не увидел ничего, кроме пустоты.

Селитос наклонился и подобрал острый зазубренный осколок горного стекла.

— Ты хочешь убить меня камнем? — Ланре глухо засмеялся. — Я хотел, чтобы ты понял — не безумие заставило меня совершить все это.

— Ты не безумен, — согласился Селитос. — Я не вижу в тебе безумия.

— Я надеялся, ты присоединишься ко мне в том, что я намереваюсь сделать, — заговорил Ланре с отчаянной тоской. — Этот мир — как смертельно раненный друг. Горькое лекарство, данное быстро, облегчает боль.

— Уничтожить мир? — тихо произнес Селитос. — Ты не безумен,

Ланре. Это хуже безумия. Я не могу исцелить тебя. — Он потрогал пальцем острый, как игла, край камня.

— Ты хочешь убить меня, чтобы исцелить, старый друг? — снова захохотал Ланре, ужасно и дико. Потом посмотрел на Селитоса с внезапной отчаянной надеждой в пустых глазах. — Можешь? — спросил он. — Сможешь убить меня, старый друг?

Селитос посмотрел на друга, и с глаз его спала пелена. Он увидел, как Ланре, обезумев от горя, искал силу, чтобы вернуть Лиру к жизни. Из любви к Лире Ланре искал знание там, куда лучше не соваться, и получил его за чудовищную цену.

Но даже всей этой трудно добытой силой он не смог призвать Лиру обратно. Без нее жизнь Ланре стала тяжким бременем, а полученная сила жгла его разум, как раскаленный нож. Чтобы избежать мучительного отчаяния, Ланре убил себя. Совершил побег, пытаясь ускользнуть чрез врата смерти.

Но как прежде любовь Лире вернула его назад из-за последней черты, в этот раз вернуться из сладкого забытья Ланре заставило его могущество. Новообретенная сила вогнала его обратно в тело, принуждая жить дальше.

Селитос обратил на Ланре силу своего взгляда и понял все. История Ланре, словно темный гобелен, развернулась в воздухе вокруг его расплывчатого силуэта.

— Я могу убить тебя, — сказал Селитос и отвернулся от лица Ланре, внезапно озарившегося надеждой. — На час или день. Но ты вернешься, притянешься, как железо к лоденнику. Твое имя горит в тебе силой. Я могу погасить его не больше, чем камнем сбить луну с неба.

Плечи Ланре поникли.

— Я надеялся, — просто сказал он. — Но знал, что так и будет. Я больше не Ланре, которого ты знал. У меня новое, ужасное имя. Я Хелиакс, и ни одна дверь не сможет преградить мне путь. Для меня все потеряно: нет Лире, нет сладкого убежища сна, нет благословенного забвения, даже безумия для меня нет. Сама смерть — распахнутая дверь для моего могущества. Выхода нет. Есть только надежда на забытие после того, как все уйдет и Алеу падет безымянным с неба.

Сказав это, Ланре спрятал лицо в ладонях, и его тело затряслось от тяжких беззвучных рыданий.

Селитос посмотрел на землю внизу и почувствовал слабую искру надежды. Шесть столбов дыма поднимались к небу. Мир Тариниэль погиб и еще шесть городов разрушены. Но это значит, что потеряно не все: один город еще стоит.

Несмотря на случившееся, Селитос посмотрел на Ланре с состраданием, и когда он заговорил, в его голосе звучала печаль.

— Неужели ничего не осталось? Никакой надежды? — Он положил руку на плечо Ланре. — Жизнь прекрасна. Даже после всего я помогу тебе увидеть это. Если ты постарайся.

— Нет, — ответил Ланре. Он выпрямился в полный рост, его лицо в складках горя было царственно. — Нет ничего прекрасного. Я буду сеять соль, чтобы не росли злые сорняки.

— Жаль, — сказал Селитос и тоже выпрямился.

И голосом, полным мощи, заговорил Селитос:

— Никогда раньше не был мой взор замутнен. Я не смог увидеть истину в твоём сердце.

Селитос сделал глубокий вдох.

— Моим глазом был я предан. Никогда больше... — Он поднял камень и направил острие себе в глаз. Его крик эхом заметался среди скал, когда он упал на колени, выдохнув: — Пусть никогда больше я не буду так слеп.

Наступила великая тишина, и оковы заклинания спали с Селитоса.

Он бросил камень к ногам Ланре и сказал:

— Силой собственной крови заклинаю тебя. Твоим именем да будь ты проклят.

Селитос произнес могучее имя, лежавшее в сердце Ланре, и от звука его солнце померкло и ветер покатиł камни по склону.

И еще сказал Селитос:

— Это мой приговор тебе. Пусть твоё лицо всегда будет скрыто в тенях, черных, как упавшие башни моего возлюбленного Мир Тариниэля.

Это мой приговор тебе. Твоё собственное имя обернется против тебя, и не будет тебе мира.

Это мой приговор тебе и тем, кто пойдет за тобой. Да будет так, пока мир не закончится и Алеу не падет с неба безымянным.

И вокруг Ланре стала сгущаться тьма. Скоро уже не видно было его красивого лица, только размытые очертания рта, носа и глаз. Все остальное стало тенью, черной и цельной.

Потом Селитос встал и сказал:

— Один раз ты коварством победил меня, но больше этого не будет. Теперь я вижу яснее, чем прежде, и сила моя со мной. Я не могу убить тебя, но я могу изгнать тебя с этого места. Изыди! Твой вид тем ужаснее, чем лучше знаешь, что когда-то ты был прекрасен.

Он говорил, и слова обжигали горечью его рот. И будто дым на ветру, унесло прочь Ланре, окутанного тенью более темными, чем беззвездная

ночь.

Тогда Селитос склонил голову, и его жаркие кровавые слезы пали на землю.

Пока Скарпи не перестал говорить, я и не замечал, насколько погрузился в историю. Он откинул голову назад и допил из широкой глиняной кружки последние капли вина. Потом перевернул ее и с печальным завершающим стуком поставил на стойку.

Поднялась шумиха из вопросов, объяснений, просьб и благодарностей от детей, в течение всего рассказа сидевших неподвижно, словно камни. Скарпи сделал небольшой жест бармену, и тот поставил перед ним кружку с пивом, а дети устремились на улицу.

Я подождал, пока уйдет последний, и подошел к Скарпи. Он уставился на меня своими алмазно-голубыми глазами, и я замялся.

— Спасибо. Хочу поблагодарить вас. Моему отцу очень понравилась бы эта история. Это... вам... — Я запнулся и вытащил железный полпенни. — Я не знал, как тут принято, и не заплатил.

Мой голос звучал хрипло, будто заржавел. Столько слов я, пожалуй, не говорил и за целый месяц.

Он пристально посмотрел на меня.

— Правила такие. — Он стал загибать узловатые пальцы. — Первое: не говоришь, пока говорю я. Второе: даешь мелкую монетку, если у тебя есть лишняя.

Скарпи перевел взгляд на полпенни на стойке.

Не желая признаваться, насколько мне нужна эта монетка, я начал лихорадочно придумывать, что бы еще сказать.

— Вы знаете много историй?

Он улыбнулся, и сеть морщин, рассекавших лицо, впелась в эту улыбку.

— Я знаю только одну историю. Но частенько ее маленькие кусочки кажутся отдельными историями. — Он отхлебнул пива. — Она растет повсюду вокруг нас. В манорах сильдим, и мастерских сильдар, и за Штормвалом в великом песчаном море. В низких каменных домах адем, полных молчаливых бесед. И иногда, — он улыбнулся, — иногда история вырастает в убогих трущобных барах в Доках Тарбеана. — Его лучистые глаза заглянули глубоко в меня, словно я был книгой, в которой он запросто мог читать.

— Нет хорошей истории, которая не касалась бы правды, — сказал я, повторив слова, которые любил говорить мой отец, в основном, чтобы

заполнить тишину. Было странно снова с кем-то разговаривать, странно, но хорошо. — Полагаю, здесь столько же правды, как и везде. Это плоховато, мир мог бы прожить с чуть меньшим количеством правды или с чуть большим...

Я умолк, не зная, чего еще пожелать. Поглядел на свои руки и обнаружил желание, чтобы они были чище.

Скарпи подтолкнул полпенни ко мне. Я взял монетку, и он улыбнулся. Его загрубелая рука опустилась на мое плечо легко, словно птичка.

— Каждый день, кроме скорбенья. Шестой колокол, чуть больше — чуть меньше.

Я уже пошел к выходу и вдруг остановился.

— Это правда? Вот эта история? — Я сделал неопределенный жест. — Та часть, что вы рассказали сегодня?

— Все истории правдивы, — ответил Скарпи. — Но эта действительно произошла, если ты это имеешь в виду. — Он сделал медленный глоток и снова улыбнулся, в его сияющих глазах плясали искры. — Чуть больше — чуть меньше. Надо быть немножечко лжецом, чтобы правильно рассказывать истории. Слишком много правды — и факты перемешаются и перепутаются. Слишком много честности — и будет звучать неискренне.

— Мой отец говорил то же самое.

При этом воспоминании целая буря чувств поднялась во мне. Только увидев глаза Скарпи, следящие за мной, я понял, что нервно пячусь к выходу. Я остановился и заставил себя повернуться и выйти из двери.

— Я приду, если смогу.

В его голосе слышалась улыбка:

— Я знаю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ С ГЛАЗ ЕГО СПАЛА ПЕЛЕНА

Я покинул бар, улыбаясь и совсем забыв, что я до сих пор в Доках — и в опасности. Во мне бурлила радость от мысли, что очень скоро я смогу послушать еще одну историю. Прошло так много времени с тех пор, как я хоть что-то радостно предвкушал. Я отправился на свой рабочий угол и умудрился, потратив три часа на попрошайничество, получить за свои усилия лишь один тонкий шим. Даже это не могло подмочить мою радость. Завтра скорбенье, но через день снова будут истории!

Но пока я сидел на углу, в меня вползло легкое беспокойство. Ощущение, что я упустил что-то, пыталось испортить так редко выпадающее мне счастье. Я попробовал отмахнуться от него, но оно зудело во мне весь тот день и весь следующий, как комар, которого нельзя даже увидеть, не то что прихлопнуть. К концу дня я уверился, что пропустил что-то важное в истории, рассказанной Скарпи.

Вам, слушающим историю такой, как я ее рассказываю — удобно составленной и последовательной, — конечно, все уже понятно. Но вспомните, что почти три года я прожил в Тарбеане, как животное. Некоторые части моего разума еще спали, а мучительные воспоминания собирали пыль за дверью забвения. Я привык избегать их — так хромой калека не опирается на поврежденную ногу.

На следующий день удача улыбнулась мне: я сумел украсть мешок тряпья из задка фургона и продать его старьевщику за четыре железных пенни. Слишком голодный, чтобы заботиться о завтрашнем дне, я купил толстый кусок сыра и горячую сосиску, а еще целую буханку свежего хлеба и теплый яблочный пирог. Наконец, повинувшись внезапной прихоти, я подошел к задней двери ближайшего трактира и потратил последний пенни на кружку крепкого пива.

Сев на ступеньки булочной, я смотрел на суетящихся людей в трактире напротив, наслаждаясь лучшей едой за последние несколько месяцев.

Скоро сумерки канули в темноту, а моя голова приятно закружилась от пива. Но когда пища улеглась в желудке, назойливое ощущение вернулось — еще более сильное, чем прежде. Я нахмурился, раздраженный этими потугами неизвестно чего, грозящими испортить такой великолепный день.

Ночь сгущалась, и скоро трактир оказался единственным источником

света. Около входа толпилось несколько женщин. Они негромко переговаривались и бросали многозначительные взгляды на проходящих мужчин.

Допив остатки пива, я уже собрался дойти до трактира и вернуть кружку, как вдруг заметил в конце улицы приближающийся свет факела. Разглядев характерное серое одеяние тейлинского священника, я решил подождать, пока он пройдет. Я только что совершил кражу да еще напился в скорбенье и подозревал, что мне сейчас лучше не сталкиваться с духовенством.

Священник был в капюшоне, а факел нес перед собой, так что я не мог видеть его лица. Он подошел к группе женщин, и послышался тихий спор. Я услышал отчетливый звон монет и поглубже спрятался в тень дверной ниши.

Тейлинец повернулся и направился туда, откуда пришел. Я сидел неподвижно, не желая привлекать его внимание и спастись бегством, пока моя голова так приятно кружится. На этот раз, однако, факел не разделял нас. Когда он повернулся и взглянул в мою сторону, я снова не увидел его лица — только тьму под капюшоном рысы, только тень.

Священник продолжил путь, не догадываясь о моем присутствии или не интересуясь мной. Но я застыл, где сидел, не в силах двинуться с места. Образ человека в капюшоне, его лицо, скрытое в тенях, распахнуло дверь в моем мозгу, и воспоминания хлынули наружу. Я вспоминал человека с пустыми глазами и кошмарной улыбкой, вспоминал кровь на его мече. Голос, похожий на ветер, слова Пепла: «Это костер твоих родителей?»

Нет, не он — человек позади него. Тот, кто сидел у костра. Молчаливый человек, чье лицо было скрыто в тенях. Хелиакс. Вот то полузабытое воспоминание, ютившееся на краю моего сознания с тех пор, как я услышал историю Скарпи.

Я бросился к себе на крышу и закутался в одеяло. Кусочки истории медленно складывались в одну картину. Я стал допускать жуткую правду: чандрианы реальны, Хелиакс реален. Если рассказанная Скарпи история правдива, тогда Ланре и Хелиакс — один и тот же человек. Чандрианы убили моих родителей, всю мою труппу. Почему, за что?

Другие воспоминания всплывали, как пузыри, на поверхность моего сознания. Я увидел человека с черными глазами, Пепла, стоящего на коленях передо мной. Его лицо ничего не выражало, голос был резок и холоден.

«Чьи-то родители, — сказал он, — пели совсем неправильные песни».

Они убили моих родителей за то, что те собирали истории о них.

Убили всю мою труппу за одну песню. Я просидел без сна всю ночь, в голове крутились одни и те же мысли. Очень медленно до меня доходило, что все это правда.

Что я делал тогда? Клялся ли, что найду их, убью их всех до одного? Возможно. Но даже если и клялся, то в глубине души понимал, что это невозможно. Тарбеан научил меня жесткой практичности. Убить чандриан? Убить Ланре? Я даже не представляю, с чего начать. Украсть луну с неба и то проще — по крайней мере, я знаю, где искать луну по ночам.

Но кое-что я все-таки мог: попросить Скарпи рассказать то, что стоит за этой историей, рассказать правду. Не так уж много, но это все, что мне доступно. Пусть месть мне не по силам — по крайней мере, сейчас, — но вдруг я все же узнаю правду.

Я цеплялся за эту надежду все долгие ночные часы, пока не встало солнце и меня не сморил сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

БДИТЕЛЬНОЕ ОКО ТЕЙЛУ

На следующий день я проснулся с трудом — от звона колокола, отбивающего часы. Я насчитал четыре удара, но не знал, сколько их проспал. Я встряхнулся ото сна и попытался определить время по положению солнца. Примерно шестой колокол. Скарпи, должно быть, сейчас начинает рассказ.

Я бежал по улицам. Мои босые ноги шлепали по грубым булыжникам, расплескивали лужи и проносились по переулкам, срезая путь. Окружающий мир превратился в размытое пятно, сырой затхлый воздух города со свистом вылетал из моих легких.

Я ворвался в «Приспущенный флаг», еле успев затормозить, и занял место у задней стены, рядом с дверью. Краем глаза я заметил, что в трактире собралось больше людей, чем обычно бывает так рано вечером, но потом история Скарпи захватила меня, и я уже только внимал его глубокому раскатистому голосу и смотрел в его лучистые глаза.

...Селитос Одноглазый вышел вперед и спросил:

— Господи, если я сделаю это, будет ли мне дана сила отомстить за гибель Сияющего города? Смогу ли я спутать планы Ланре и его чандриан, убивших невинных людей и разрушивших мой возлюбленный Мир Тариниэль?

Алеф ответил:

— Нет. Отбрось все личные цели. Ты должен наказывать и награждать лишь то, чему сам будешь свидетелем от сего дня и далее.

Селитос склонил голову:

— Прости, но сердце говорит мне, что я должен остановить зло прежде, чем оно будет совершено, а не ждать и наказывать за него потом.

Многие из руач зашептались, соглашаясь с Селитосом, перешли к нему и встали рядом с ним, ибо помнили Мир Тариниэль и полны были гнева и боли из-за предательства Ланре.

Селитос приблизился к Алефу и преклонил перед ним колени.

— Я должен отказаться, потому что не могу забыть. Но я выступлю против него вместе с этими руач, которые согласились со мной. Я вижу, что сердца их чисты. Мы назовемся амир, в память о погибшем городе, и будем

разрушать планы Ланре и всех, кто последует за ним. Ничто не помешает нам достичь нашей благой цели.

После этих слов большинство руач отшатнулись от Селитоса. Они боялись и не хотели вступать в великие дела.

Но Тейлу выступил вперед и сказал:

— Выше всего в моем сердце справедливость. Я покину этот мир, чтобы лучше служить ей и тебе.

Он встал на колени перед Алефом, склонив голову и опустив руки.

Вперед выступили и другие. Высокий Кирел, обгоревший, но оставшийся в живых среди пепла Мир Тариниэля. Деа, потерявшая в битвах двух мужей, — ее лицо, уста и сердце были жестки и холодны, как камень. Энлас, никогда не поднимавший меча и не вкушавший плоти животных, — от него никто ни разу не слышал дурного слова. Прекрасная Гейза, чьей благосклонности искали сотни мужчин Белена, пока стояли его стены, — и первая женщина, познавшая непрошенное прикосновение мужчины.

Лекелте, смеявшийся часто и легко, даже в самой глубокой скорби. Имет, почти мальчик — он никогда не пел и убивал быстро, без жалости. Ордадь с яркой лентой в золотых волосах, младшая из всех них и никогда не видевшая, как умирает живое, храбро встала перед Алефом. И рядом с ней встал Андан, чье лицо было как маска с горящими глазами и чье имя означало «гнев».

Они приблизились к Алефу, и он коснулся их рук, очей и сердец. Его последнее прикосновение отозвалось болью: их спины прорвали крылья, чтобы они могли попасть, куда пожелают, — крылья из огня и тени, крылья из железа и стекла, крылья из камня и крови.

Затем Алеф произнес их долгие имена, и смельчаков охватил белый огонь. Огонь проплясал по их крыльям, и они стали быстрыми. Огонь сверкнул в их глазах, и они стали прозревать в глубинах людских сердец. Огонь наполнил их уста, и они запели песни силы. Огни вспыхнули у них во лбу, как серебряные звезды, и они тотчас исполнились справедливости и мудрости, и никто более не мог вынести их сияния. Потом огонь поглотил их, и они навсегда скрылись от смертного взора.

Никто больше не может увидеть их — только самые могущественные, да и то с великим трудом и опасностями. Они вершат правосудие в мире, и Тейлу — величайший из них...

— Я услышал достаточно. — Человек говорил негромко, но даже крик не прозвучал бы ужаснее.

Когда Скарпи рассказывал историю, любая помеха была как камешек во рту, полном хлеба.

Из дальнего угла к стойке проталкивались два человека в темных плащах: один высокий и надменный, другой низенький, в капюшоне. Тейлинские священники. Их лица были суровы, а под плащами угадывались мечи, незаметные, пока они сидели. Теперь стало ясно, что это церковные воины.

Не я один заметил это — дети потихоньку выскальзывали за дверь. Самые ушлые пытались притворяться случайными посетителями, но некоторые срывались на бег, не дойдя до дверей. Вопреки здравому смыслу трое детей остались: сильдийский мальчик в рубашке со шнуровкой, маленькая босоногая девочка и я.

— Полагаю, все мы слышали достаточно, — спокойно и жестко произнес высокий священник.

Он был тощий, с запавшими глазами, поблескивающими, как тлеющие угли. Аккуратно подстриженная бородка цвета сажки заостряла черты его лица, и без того похожего на лезвие ножа.

Он отдал свой плащ низенькому священнику в капюшоне и остался в светло-серой тейлинской рясе. На его шее виднелись серебряные весы. Мое сердце ушло в пятки: не просто священник, а справедливый судия. Краем глаза я заметил, как двое оставшихся детей выскользнули за дверь.

Судия заговорил:

— Пред бдительным оком Тейлу я обвиняю тебя в ереси.

— Засвидетельствовано, — буркнул второй священник из-под капюшона.

Судия махнул воинам:

— Свяжите его.

Воины бросились выполнять приказ. Скарпи перенес эту процедуру совершенно спокойно, не вымолвив ни слова.

Судия пронаблюдал, как его телохранитель связывает запястья Скарпи, потом отвернулся, словно вдруг позабыв о сказителе. Он обвел комнату долгим взглядом и наконец остановил его на лысом человеке за стойкой.

— Т-тейлу благослови вас! — тут же отозвался, заикаясь, хозяин «Приспущенного флага».

— Благословил, — веско приложил судия и еще раз оглядел комнату. Наконец он повернулся ко второму священнику, стоявшему дальше от стойки. — Антоний, разве может такое прекрасное место давать приют еретикам?

— Все возможно, справедливый судия.

— А-а-ах, — мягко сказал судия, снова медленно обозрел бар и опять остановился на человеке за стойкой.

— Могу я предложить вашим честям чего-нибудь выпить? Если в-вы хотите? — быстро предложил трактирщик.

Ответом была тишина.

— Я, это... напитки для вас и ваших братьев. Прекрасный бочонок феллоуского белого? Чтобы подкрепить мою благодарность. Я позволял ему тут оставаться, потому что поначалу он интересные истории рассказывал. — Хозяин нервно сглотнул и поспешно продолжил: — Но потом он начал говорить ужасные вещи. Я боялся выкинуть его прочь, потому что он явно сумасшедший, а всякий знает, как тяжело немилость Господня ложится на тех, кто поднимает руку на безумцев...

Его голос сорвался, и в комнате повисла тишина. Он снова сглотнул, и я со своего места у двери услышал сухой щелчок в его горле.

— Щедрое предложение, — наконец сказал судия.

— Очень щедрое, — эхом отозвался маленький священник.

— Однако крепкие напитки иногда толкают людей на порочные дела.

— Порочные, — прошипел маленький.

— А некоторые из наших братьев приняли обеты противостоять искушениям плоти. Я вынужден отказаться. — Голос судии сочился благочестивым сожалением.

Мне удалось поймать взгляд Скарпи, и он чуть улыбнулся мне. В животе у меня заныло. Старый сказитель будто совершенно не представлял, в какую беду попал.

Но в то же время глубоко внутри что-то эгоистическое талдычило мне: «Если бы ты пришел раньше и выяснил, что хотел, сейчас было бы не так плохо».

Бармен нарушил тишину:

— Может быть, вы тогда возьмете стоимость бочонка, сэры? Если бочонок нельзя...

Судия помолчал, словно размышляя.

— Ради детей, — умолял лысый. — Я знаю, вы потратите деньги на них.

Судия сжал губы.

— Очень хорошо, — сказал он секунду спустя, — ради детей.

В голосе маленького священника прорезалась нехорошая радость:

— Ради детей.

Хозяин выдавил слабую улыбку.

Скарпи закатил глаза и подмигнул мне.

— А ведь если подумать, — густым медом потек голос Скарпи, — такие добродетельные святоши, как вы, могли бы найти себе занятие поинтереснее, чем арестовывать сказителей и выбивать деньги из честных людей.

Звон монет трактирщика утих, и весь бар будто затаил дыхание. С напускным равнодушием судия повернулся к Скарпи спиной и через плечо сообщил второму священнику:

— Антоний, похоже, нам попался любезный еретик, как это удивительно и чудесно! Пожалуй, надо продать его в труппу руэ: он напоминает говорящую собаку.

Скарпи продолжил говорить со спиной священника:

— Я, конечно же, не предполагаю, что вы лично занимаетесь поисками Хелиакса и семерых. «Маленькие дела для маленьких людей», я всегда так говорю. Вероятно, вся беда в том, что трудно найти дело вам по плечу. Но вы не сдавайтесь: можно, например, подбирать мусор или искать вшей в постелях, когда заглядываете в бордель.

Развернувшись, судия схватил глиняную кружку со стойки и саданул Скарпи по голове. Посыпались черепки.

— Не говорить в моем присутствии! — прокричал он. — Ты ничего не знаешь!

Скарпи слегка потряс головой, прочищая ее. Красная струйка прочертила след на его лице, словно выточенном из дерева, до бровей цвета морской пены.

— Полагаю, это может оказаться правдой. Тейлу всегда говорил...

— Не произноси имени божьего! — взвизгнул судия, побагровев. — Твой рот оскверняет его. На кончике твоего языка одни кощунства.

— Да тише, тише, Эрлус, — уговаривал его Скарпи, словно маленького ребенка. — Тейлу тебя ненавидит даже сильнее, чем весь остальной мир, а это что-то.

В комнате повисла неестественная тишина. Лицо судии побелело.

— Да смилостивится над тобой господь, — холодно заявил он дрогнувшим голосом.

Секунду Скарпи молча глядел на судию, а затем начал смеяться. Могучий неостановимый смех рвался с самого дна его души.

Глаза судии встретились с глазами человека, связывавшего Скарпи. Без всякого предупреждения суровый здоровяк ударил Скарпи кулаком: раз — в почку, второй — сзади по шее.

Скарпи упал. В комнате стояла тишина. Звук удара тела о доски пола растаял, казалось, раньше, чем отголоски смеха. По жесту судии один из

охранников поднял старика за шиворот. Он висел, как тряпичная кукла, ноги болтались над землей.

Но Скарпи не потерял сознания, просто был оглушен. Взгляд сказителя с трудом сфокусировался на судии.

— Смилостивится над моей душой! — еле слышно произнес он — в лучший день это был бы смешок. — Ты не представляешь, как забавно слышать это от тебя.

Скарпи повернулся, глядя в пространство перед собой:

— Тебе надо бежать, Квоут. С такими людьми лучше дела не иметь. Иди на крыши и сиди там, чтобы они тебя не видели. У меня есть друг в церкви, он может мне помочь, а ты здесь ничего не сделаешь. Иди.

Он говорил, не глядя на меня, и все ненадолго застыли в замешательстве. Потом судия снова махнул рукой, и охранник ударил Скарпи по затылку. Глаза старика закатились, голова поникла. Я меж тем выскользнул на улицу.

Следуя совету Скарпи, я убежал по крышам прежде, чем они покинули бар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ДВЕРИ МОЕГО РАЗУМА

Добежав по крышам до своего тайного убежища, я завернулся в одеяло и заплакал. Я рыдал так, словно внутри меня вдруг рухнула запруда и все хлынуло наружу.

Была уже глубокая ночь, когда у меня закончились и слезы, и силы. Я лежал, глядя в небо в полном изнеможении, но заснуть не мог. Я думал о родителях и трупке, с удивлением обнаруживая, что воспоминания причиняют меньше боли, чем прежде.

Впервые за эти годы я воспользовался одним из трюков, которым учил меня Бен, чтобы успокоить и обострить разум. Это оказалось труднее, чем я помнил, но все же удалось.

Если вам когда-нибудь случалось проспать целую ночь в одной позе, тогда к утру все ваше тело затекает от неподвижности. Если вы помните ощущение первого пугающего потягивания, приятного и мучительного одновременно, тогда вы можете понять, как чувствовал себя мой разум после всех этих лет, вдруг пробудившись и потягиваясь на крышах Тарбеана.

Остаток той ночи я провел, вновь отворяя двери моего разума. За ними я обнаружил много забытого: мать, складывающую строчки для песни, сценическую речь, три рецепта усыпляющего и успокаивающего нервы чая, раскладку тонов на грифе лютни...

Моя музыка. Неужели прошли годы с тех пор, как я держал в руках лютню?

Я долго думал о чандрианах, о том, что они сделали с моей трупкой, что они отняли у меня. Я вспомнил кровь и запах паленого волоса и чувствовал, как глубокая ярость медленно разгорается в моей груди. Признаюсь, той ночью в голове моей кипели темные мстительные мысли.

Но годы в Тарбеане по капле влили в меня твердую, как железо, практичность. Я знал, что месть — это только детская фантазия. Мне пятнадцать лет. Что я могу сделать?

В одном я был уверен. Это всплыло, когда я лежал и вспоминал. Хелиакс тогда спросил Пепла:

«Кто защищает тебя от амир? От певцов? От ситхе? От всего в мире, что могло бы тебе повредить?»

У чандриан есть враги. Если мне удастся найти их, они помогут мне. Я не имел ни малейшего представления о том, кто такие «певцы» или «ситхе». Но всякий знает, что амир были рыцарями церкви, могучей десницей Атуранской империи. К сожалению, всякий также знает, что последние три сотни лет амир нет на белом свете: орден распался вместе с империей.

Но Хелиакс говорил о них так, словно они по-прежнему существовали. А история Скарпи намекала, что амир начались с Селитоса, а не с Атуранской империи, как меня учили. Очевидно, в этой истории таилось еще много из того, что мне требовалось узнать.

Чем больше я думал об этом, тем больше вопросов у меня возникало. Сомнительно, чтобы чандрианы убивали каждого, кто собирает истории или поет песни о них. Всякий знает про них историю-другую, а каждый ребенок тут же споет дурацкую песенку об их знаках. Что сделало песню моих родителей столь опасной?

Вопросы росли как снежный ком. Теперь было только одно место, куда я мог пойти за ответом.

Я перетряхнул свои скудные пожитки: лоскутное одеяло и холщовый мешок с соломой, заменяющий подушку, пол-литровая бутылка с пробкой, до середины наполненная чистой водой. Кусок парусины, который я утяжелял кирпичами и использовал как защиту от ветра в холодные ночи. Пара кубиков соли и один потрепанный башмак, слишком маленький для меня. Я надеялся обменять его на что-нибудь.

И двадцать семь железных пенни общепринятой монетой — мои «дождливые» деньги. Несколько дней назад они казались мне огромным кладом, но теперь я знал, что этого будет мало.

Когда солнце начало подниматься, я достал из укромного места под стропилами «Риторику и логику», развернул потрепанную холстину, защищавшую книгу, с радостью обнаружив, что она суха и цела. Я ощупывал гладкую кожу переплета. Подносил книгу к лицу и вдыхал запах Бенова фургона, специй и дрожжей с едкой примесью кислот и химических солей. Это была последняя вещь из моего прошлого.

Я открыл книгу на первой странице и прочел посвящение, написанное Беном больше трех лет назад:

Квоут!

Защищайся в Университете так, чтобы я гордился тобой.
Помни песню твоего отца. Избегай глупостей. Твой друг

Абенти.

Я кивнул и перевернул страницу.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

РАЗОРВАННЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Вывеска над дверью гласила: «Разорванный переплет». Я счел это великолепным знаком и вошел.

За конторкой сидел длинный тощий человек с редкими волосами; я решил, что это хозяин. Он раздраженно поднял глаза от бухгалтерской книги.

Решив свести любезности к минимуму, я прошел к конторке и протянул ему книгу.

— Сколько вы мне дадите за это?

Хозяин профессионально пролистал ее, щупая бумагу пальцами, посмотрел на корешок и, пожав плечами, сказал:

— Пару йот.

— Она стоит больше! — негодуя воскликнул я.

— Она стоит столько, сколько ты сможешь за нее выручить, — трезво возразил он. — Я дам тебе полтора.

— Два таланта и возможность выкупить ее в течение месяца.

Он издал короткий лающий смешок.

— Здесь не ломбард!

Одной рукой он через конторку толкнул книгу мне, а второй взял перо.

— Двадцать дней?

Он поколебался, затем еще раз быстро осмотрел книгу, достал кошелек и вытащил два тяжелых серебряных таланта. Я давным-давно не видел столько денег сразу.

Он пихнул мне монеты через стол. Я сдержал желание схватить их немедленно и сказал:

— Мне нужна расписка.

На этот раз хозяин посмотрел на меня столь долгим и тяжелым взглядом, что я немного занервничал. Только тогда я осознал, как все это выглядит: мальчишка, покрытый годовым слоем уличной грязи, пытается получить расписку за книгу, которую, несомненно, украл.

Наконец хозяин еще раз пожал плечами и нацарапал на листке бумаги несколько слов. Подведя под ними черту, он показал пером:

— Распишись здесь.

Я посмотрел на расписку. Надпись гласила:

«Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что не умею ни читать, ни писать».

Я поднял взгляд на хозяина лавки, сохранявшего полную невозмутимость, обмакнул перо и аккуратно вывел буквы «О. О.», как инициалы.

Он помахал бумагой, чтобы чернила скорее высохли, и отправил расписку мне через конторку.

— А что значит твое «О»? — спросил он со слабым намеком на улыбку.

— Отмена, — ответил я. — Это означает, что нечто, обычно контракт, объявляется недействительным. Вторая «О» означает обжиг, акт помещения человека в огонь.

Хозяин озадаченно посмотрел на меня.

— Обжиг — это наказание за подделку документов в Джанпуре. Полагаю, фальшивые расписки попадают в эту категорию.

Я не шевельнулся, чтобы взять деньги или расписку. Повисла напряженная тишина.

— Здесь не Джанпуй, — заметил он с тщательно выверенным спокойствием.

— Верно, — согласился я. — У вас прекрасное чутье на отъем чужих денег. Возможно, мне стоит добавить третью «О».

Хозяин еще раз лающе хохотнул и улыбнулся:

— Ты убедил меня, юный мастер. — Он вытащил чистый листок бумаги и положил передо мной. — Ты напиши мне расписку, а я ее подпишу.

Взяв перо, я написал:

«Я, нижеподписавшийся, соглашаюсь вернуть экземпляр книги „Риторика и логика“ с дарственной надписью Квоуту, подателю сей расписки, в обмен на два серебряных пенни при условии, что он представит эту расписку до...»

Я посмотрел на хозяина:

— Какой сегодня день?

— Оден. Тридцать восьмое.

Я потерял привычку отслеживать даты. На улице все дни похожи один на другой, разве что обычно люди чуть пьянее в хаэтен и чуть щедрее в скорбенье.

Но если сегодня тридцать восьмое, то у меня осталось всего пять дней, чтобы добраться до Университета. Я знал от Бена, что прием продолжается только до возжиганья. Если я пропущу его, мне придется ждать два месяца

до начала следующей четверти.

Я внес в расписку дату и подвел черту, чтобы книготорговец расписался. Он выглядел немного ошеломленным, когда я подтолкнул бумагу к нему. И главное, не заметил, что в расписке вместо талантов стояли пенни. Таланты стоили значительно больше. Это означало, что он согласился вернуть мне книгу за меньшую сумму, чем купил ее у меня.

Моя радость поутихла, когда до меня дошло, насколько все это глупо. Пенни или таланты — у меня не будет денег, чтобы выкупить книгу в течение двух оборотов. Если все пойдет хорошо, меня уже завтра не будет в Тарбеане.

Расписка, несмотря на бесполезность, помогала облегчить боль от расставания с последней вещью, оставшейся у меня из детства. Я подул на бумажку, аккуратно положил ее в карман и забрал свои два таланта. И очень удивился, когда торговец протянул мне руку.

Он виновато улыбнулся:

— Извини за расписку. Просто ты не выглядел человеком, который собирается вернуться. — Он слегка пожал плечами: — Вот, — и сунул мне в руку медную йоту.

Я решил, что он не такой уж плохой парень, улыбнулся ему в ответ и на секунду даже пожалел, что так составил расписку.

Потом пожалел, что украл три пера, но тоже только на секунду. И поскольку не было удобной возможности вернуть перья, то, уходя, я прихватил еще бутылочку чернил.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРОДА БЛАГОРОДСТВА

Два таланта имели особый вес — придающий уверенности и не имеющий ничего общего с их реальной тяжестью. Любой, кто достаточно долго сидел без денег, поймет, о чем я говорю. Моим первым вложением капитала стал кожаный кошелек. Я спрятал его под одежду, поближе к телу.

Следующим был настоящий завтрак: тарелка горячей яичницы с ломтем ветчины. Хлеб, мягкий и свежий, с толстым слоем меда и масла, и стакан молока, не больше двух дней из-под коровы. Это стоило мне пяти железных пенни. Возможно, это была лучшая еда в моей жизни.

Я чувствовал себя неуверенно, сидя за столом и орудуя ножом и вилкой. Мне было странно находиться среди людей — и еще более странно, что мне приносят еду.

Подобрав остатки завтрака кусочком хлеба, я понял, чем следует заняться в первую очередь.

Даже в этом грязноватом Береговом трактире я привлекал внимание. Моя рубашка представляла собой старый дерюжный мешок с дырками для рук и головы. Холщовые штаны были мне изрядно велики и провоняли дымом, салом и застоялой уличной водой. Я подвязывал их обрывком веревки, откопанным в каком-то мусоре. В общем, я был грязен, бос, да к тому же здорово смердел.

Что лучше: купить одежду или поискать ванну? Если я сначала помоюсь, то потом придется надевать старую одежду. Однако если я в таком виде, как сейчас, попытаюсь купить одежду, меня могут даже не пустить в лавку. И я сомневался, что кто-нибудь захочет снять с меня мерку.

Трактирщик подошел забрать у меня тарелку, и я решился на ванну — в основном потому, что меня смертельно тошнило от собственного запаха крысы недельной дохлости. Я улыбнулся трактирщику:

— Где бы мне найти ванну?

— Здесь, если у тебя есть пара пенни. — Он оглядел меня с ног до головы. — Или я дам тебе работы на час, на добрый час. Очаг нужно почистить.

— Мне понадобится много воды и мыло.

— Тогда два часа, и еще посуда. Сначала очаг, потом ванна, потом посуда. Идет?

Час спустя мои плечи болели, а очаг был чист. Трактирщик указал мне на заднюю комнату с большой деревянной лоханью и сливной решеткой на полу. По стенам торчали колышки для одежды, а кусок жести, прибитый к стене, служил зеркалом.

Трактирщик принес мне щетку, ведро горячей воды, и лепешку щелокового мыла. Я оттирался, пока моя кожа не порозовела и не стала саднить. Трактирщик принес еще одно ведро воды, затем третье. Я вознес молчаливую благодарственную молитву, что за все это время не набрался вшей. Вероятно, я был слишком грязен, чтобы служить жильем уважающей себя вши.

Ополоснувшись в последний раз, я посмотрел на свою сложенную одежду. Впервые за годы я был чист и не хотел даже прикасаться к ней, не то что надевать. Если бы я попытался ее выстирать, она бы просто рассыпалась.

Я обсушился полотенцем и грубой щеткой расчесал колтуны в волосах. Это оказалось гораздо дольше и труднее, чем раньше, когда волосы были грязными. Я вытер пар с запотевшего самодельного зеркала и удивился: я выглядел взрослым — по крайней мере, намного взрослее. И не только взрослее — худым и светлым лицом я походил теперь на юного дворянского сынка. Волосы бы еще немного подровнять, но зато они длиной до плеч и прямые, как раз по нынешней моде. Единственное, чего мне не доставало, — дворянской одежды.

И это заронило в мою голову идею.

По-прежнему голый, я завернулся в полотенце и вышел через заднюю дверь. Я взял с собой кошелек, но припрятал его поглубже. Был почти полдень, и везде сновали люди. Не стоит и говорить, что некоторые взгляды сразу обратились в мою сторону. Я игнорировал их и шел горделиво, не стараясь прятаться. Лицо я сложил в невозмутимую, но гневную маску без всякого следа смущения.

Я остановился около отца с сыном, загружавших в телегу мешки. Сын был года на четыре старше меня и на полторы головы выше.

— Где я здесь могу купить одежду? — Я указал пальцем на его рубашку и добавил: — Приличную одежду.

Парень посмотрел на меня со смесью смущения и злости. Его отец поспешно снял шляпу и заслонил сына собой.

— Ваше лордство могут попробовать зайти к Бентли. У него простая одежда, но лавка всего в паре улиц отсюда.

Я сдвинул брови:

— Это единственное место в округе?

Он открыл рот:

— Ну... может... еще одно...

Я нетерпеливо махнул ему замолчать:

— Где оно? Просто укажи, раз уж разум оставил тебя.

Он указал, и я зашагал вперед, припоминая роли юных пажей, которые обычно играл в труппе. Паж по имени Дансти, невыносимо наглый мальчишка, сын важного вельможи, здесь подходил как нельзя лучше. Я высокомерно вскинул голову, немного по-иному расправил плечи, на ходу выстраивая план действий.

Пинком открыв дверь, я ворвался в лавку. Там сидел человек лет сорока в кожаном фартуке, тощий и лысоватый; я счел, что это и есть Бентли. Он подпрыгнул при ударе двери о стену, повернулся и уставился на меня с неопишуемым выражением лица.

— Принеси мне одеться, недоумок. Меня уже тошнит от того, как на меня таращатся все эти мямли, которым сегодня взбрело в голову пойти на рынок. Хоть ты займись делом. — Я опустил в кресло и напыжился. Хозяин не двинулся, и я злобно зыркнул на него: — Я что, непонятно говорю? Может быть, не видно, что мне нужно? — Я подергал за полотенце, показывая нагляднее.

Бентли так и стоял, ловя воздух открытым ртом.

Я угрожающе понизил голос.

— Если ты не принесешь мне что-нибудь надеть... — Я вскочил и заорал: — Да я разнесу это место в щепки! Я попрошу отца подарить мне твои камешки на Средьзимье. Я брошу твой труп на растерзание отцовским собакам. Да ты хоть представляешь, кто я такой?

Бентли поспешно скрылся, а я упал обратно в кресло. Покупатель, которого я до сих пор не замечал, выбежал вон, задержавшись на секунду, чтобы поклониться мне.

Я подавил желание расхохотаться.

После этого все оказалось на удивление легко. Я гонял Бентли туда-сюда около получаса, заставляя приносить один предмет одежды за другим. Я насмехался над материей, покроем и пошивом всего, что он мне предлагал. Короче, вел себя как настоящий избалованный дворянский сынок.

По правде говоря, на лучшее я и надеяться не мог: одежда была простая, но хорошо сшитая. А по сравнению с тем, что на мне красовалось всего час назад, даже чистый дерюжный мешок показался бы царским нарядом.

Если вам не случалось проводить много времени при дворе или в больших городах, вы не поймете, почему мне так легко удалось все это проделать. Так что я объясню.

Дворянские сынки — одна из величайших разрушительных сил в природе, не хуже наводнения или урагана. Единственное, что может сделать обычный человек, столкнувшись с таким стихийным бедствием, — стиснуть зубы и попытаться свести ущерб к минимуму.

Бентли прекрасно это знал. Он сметал на мне рубашку и штаны и помог снять их. Я снова завернулся в одолженный мне плащ, и Бентли начал ушивать одежду, словно в шею ему дышал демон.

Я откинулся в кресле.

— Ты можешь задать вопрос. Готов поспорить, ты умираешь от любопытства.

Он на миг поднял глаза от шитья:

— Сэр?

— О событиях, повлекших мое нынешнее нагое состояние.

— Ах да. — Бентли завязал узелок и приступил к штанам. — Признаюсь, я немного любопытствую. Но не больше, чем следует. Я не из тех, кто лезет не в свое дело.

— О, — кивнул я, притворяясь разочарованным. — Похвальное свойство.

Наступило долгое молчание, единственным звуком было протягивание нитки сквозь ткань. Я начал ерзать и наконец продолжил, словно портной все-таки спросил меня:

— Мою одежду украла шлюха.

— Неужели, сэр?

— Да, она пыталась выманить у меня кошелек, тварь такая.

Бентли взглянул на меня с искренней заинтересованностью:

— А кошелек не был с одеждой, сэр?

Я сделал вид, что шокирован:

— Конечно нет! «Рука джентльмена никогда не бывает далеко от кошелька». Так говорит мой отец. — Я помахал у него перед носом кошельком для подтверждения.

Портной с трудом подавил смехок, и я почувствовал себя чуть лучше. Я мучил беднягу почти час, так отплачу ему хотя бы байкой — посмеется с друзьями.

— Она сказала, что если я не хочу уронить свою честь, то отдам ей кошелек и уйду домой одетым. — Я негодуяще потряс головой. — Презренная распутница, ответил я ей, честь джентльмена не в одежде. Если

бы я отдал тебе кошелек, дабы избежать смущения, вот тогда бы я уронил свою честь.

Изобразив на лице работу мысли, я заговорил тихо, словно размышляя вслух:

— Тогда, значит, «честь джентльмена в его кошельке». — Я посмотрел на кошелек в своих руках и сделал длинную паузу. — Кажется, мой отец говорит нечто подобное.

Бентли превратил смешок в кашель, затем встал и встряхнул штаны и рубашку.

— Вот, сэр, теперь будет сидеть как перчатка, — сказал он, передавая одежду мне. На его губах плясала тень улыбки.

Я выскользнул из плаща и натянул штаны.

— Полагаю, до дома они меня доведут. Сколько за твоё беспокойство, Бентли? — спросил я.

Он подумал секунду:

— Один и два.

Ничего не отвечая, я стал зашнуровывать рубашку.

— Простите, сэр, — быстро сказал он. — Забыл, с кем имею дело. — Он сглотнул. — Ровно одного будет вполне достаточно.

Вытащив кошелек, я вложил ему в руку серебряную монету и посмотрел прямо в глаза:

— Мне понадобится мелочь.

Губы Бентли сжались в тонкую линию, но он кивнул и вернул мне две йоты.

Я убрал монетки и крепко привязал кошелек под рубашкой, затем, бросив на Бентли многозначительный взгляд, похлопал по кошельку.

Улыбка снова коснулась его губ:

— До свидания, сэр.

Я подобрал свое полотенце, вышел из лавки и теперь уже с куда меньшей помпой направился обратно в трактир, где до того получил завтрак и ванну.

— Что вам угодно, юный сэр? — спросил трактирщик, когда я приблизился к стойке. Он улыбнулся и вытер руки о фартук.

— Грязную посуду и тряпку.

Трактирщик непонимающе покосился на меня, потом, улыбнувшись, расхохотался:

— Я-то думал, ты прямо голым сбежал.

— Не совсем голым. — Я положил на стойку полотенце.

— Раньше в тебе было больше грязи, чем мальчишки. И я бы поспорил

на целую марку, что у тебя черные волосы. Ты действительно не похож на себя. — Трактирщик молча разглядывал меня. — Тебе нужна старая одежда?

Я покачал головой:

— Выкиньте эти лохмотья, а лучше сожгите и последите, чтоб никто случайно не вдохнул дым.

Он снова расхохотался.

— Но у меня тут остались другие вещи, — напомнил я.

Трактирщик кивнул и постучал себя по носу:

— И то правда. Секунду.

Он повернулся и исчез за дверью позади стойки.

А я стал рассматривать зал. Теперь, когда я не привлекал враждебных взглядов, он выглядел по-другому. Каменный очаг с черным закипающим чайником. Кисловатые запахи лакированного дерева и пролитого пива. Негромкий гул разговоров...

Я всегда питал склонность к тавернам — видимо, оттого что вырос на дорогах. Таверна — безопасное место, своего рода убежище. Мне вдруг стало так уютно и легко, а в голову пришла мысль, что неплохо бы стать хозяином такого вот заведения.

— Вот они. — Трактирщик положил на стойку три пера, бутылочку чернил и расписку из книжной лавки. — Это меня озадачило почти так же, как то, что ты убежал без одежды.

— Я собираюсь в Университет, — объяснил я.

Он поднял бровь:

— А ты не маловат?

Я почувствовал нервный холодок от его слов, но стряхнул его.

— Там всяких берут.

Он вежливо кивнул, словно это объясняло, почему я появился босой и воняющий трущобными переулками. Подождав немного, чтобы посмотреть, уверен ли я в своем решении, бармен налил себе выпить:

— Не обижайся, но ты действительно больше не выглядишь человеком, который захотел бы мыть посуду.

Я открыл рот, чтобы возразить; железный пенни за час работы — не та сделка, которую я мог с легкостью отвергнуть. Два пенни равнялись буханке хлеба, а за прошедший год я был голодным бесчисленное число раз.

Но тут я увидел свои руки на стойке: такие чистые и розовые, что и сам едва узнал их.

И понял, что не хочу мыть посуду: у меня есть дела поважнее. Я встал из-за стойки и вынул из кошелька пенни.

— Где лучшее место, чтобы найти караван на север? — спросил я.

— Площадь Гуртовщиков, на Холмах. Около четырех сотен метров от мельницы на Зеленой улице.

При упоминании Холмов по моей спине пробежал тревожный холодок. Я постарался не обращать на него внимания и кивнул.

— У вас чудесный трактир. Был бы счастлив завести такой, когда вырасту. — Я отдал трактирщику пенни.

Тот расплылся в широченной улыбке и отдал пенни обратно:

— С такими комплиментами можешь приходить в любое время.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

МЕДЯКИ, МОСТОВЫЕ И ТОЛПЫ

Когда я вышел на улицу, до полудня оставалось около часа. Солнце сияло в небе, и камни мостовой под ногами были теплыми. Говор рынка разрастался в непрерывный неровный гул. А я наслаждался великолепным ощущением полного желудка и чистого тела.

Но под ложечкой у меня ныло — такое беспокойство появляется, когда кто-то смотрит тебе в затылок. Это чувство преследовало меня, пока инстинкты не взяли верх и я не скользнул рыбкой в боковую улочку.

Я постоял там, прижавшись к стене, и ощущение испарилось. Через несколько минут я почувствовал себя идиотом: я доверял инстинктам, но время от времени они поднимали ложную тревогу. Выждав еще несколько минут, просто на всякий случай, я вышел на улицу.

Беспокойство вернулось почти немедленно. Я шел как ни в чем не бывало, стараясь понять, откуда же оно берется. Но через пять минут не выдержал и свернул в переулок, разглядывая толпу в поисках того, кто меня преследует.

Никого. Еще полчаса и два переулка окончательно вымотали мне нервы, но я наконец понял, в чем дело.

Я странно чувствовал себя в толпе.

За последние пару лет толпа стала для меня частью городского ландшафта. Я мог прятаться в ней от стражника или хозяина лавки, мог двигаться сквозь толпу, чтобы попасть туда, куда мне надо. Я даже мог идти в том же направлении, что и толпа, но я никогда не бывал ее частью.

Привыкнув, что все меня игнорируют, я чуть не сбежал от первого же разносчика, попытавшегося мне что-то продать.

Как только я догадался, что меня беспокоит, большая часть тревоги исчезла, ведь страх обычно приходит от незнания. Я понял, в чем дело, и осталась лишь проблема, которой незачем бояться.

Как я уже упоминал, Тарбеан делился на две большие части: Холмы и Берег. Берег был бедным, Холмы богатыми. На Берегу жили воры, на Холмах бандиты. Прошу прощения, банкиры.

Я уже рассказывал о своем злополучном походе в Холмы. Так что, возможно, вы поймете мои ощущения, когда толпа передо мной вдруг на мгновение расступилась и я увидел именно то, что выглядывал, —

стражника. Я нырнул в ближайшую дверь, сердце мое колотилось как бешеное.

Целую минуту я напоминал себе, что я уже не тот грязный маленький побродяжка, которого избили два года назад. Теперь, чистый и хорошо одетый, я выглядел как местный. Но старые привычки умирают долго. Я изо всех сил сдерживал черно-алую ярость, но не мог понять, злюсь ли я на себя, на стражника или на весь мир. Возможно, на все понемножку.

— Да будет вам благо, — раздался жизнерадостный голос из-за занавешенной двери.

Я оглядел лавочку. Свет из переднего окна падал на заваленный верстак и множество пар обуви на полках. Не самый худший выбор магазина, решил я.

— Дайте-ка угадаю... — снова послышался голос из задней комнаты. Из-за занавески появился седовласый человек с длинным лоскутом кожи в руках. Он был невысокий и сгорбленный, морщинистый и улыбчивый — такими обычно рисуют дедушек. — Вам нужны туфли.

Он застенчиво улыбнулся, словно его шутка была парой старых башмаков, давным-давно сносившихся, но слишком удобных, чтобы выбросить. Потом посмотрел на мои ноги. Я тоже невольно посмотрел на них.

Конечно, я ходил босиком. У меня так давно не было башмаков, что я даже не думал о них. По крайней мере, летом — зимой я о них мечтал.

Я поднял взгляд. В глазах старика плясали искорки, словно он не мог решить, будет смех стоить ему покупателя или нет.

— Наверное, мне нужны туфли, — признал я.

Он рассмеялся, провел меня к креслу и руками обмерил мои босые ноги. К счастью, улицы были сухими, так что стопы просто запылились от камней мостовой. Если бы шел дождь, они бы еще и перепачкались.

— Давайте посмотрим, что вам нравится и есть ли у меня что-нибудь на вашу ногу. Если нет, я могу сшить или подогнать пару на вас за час-другой. Итак, для чего бы вы хотели туфли? Для ходьбы? Танцев? Верховой езды?

Старик откинулся назад на своем табурете и снял пару с полки за спиной.

— Для ходьбы.

— Так я и думал. — Он проворно натянул мне на ноги пару чулок, словно все покупатели приходили к нему босыми. Потом вставил мои ноги в туфли с пряжками, сшитые из чего-то черного. — Как эти? Походите немного, чтобы проверить.

— Я...

— Прекрасно. Я так и думал. Нет ничего более досадного, чем туфли, которые жмут.

Он снял их с меня, и со скоростью удара хлыста всунул мои ноги в другую пару.

— Как насчет этих?

Эти были цвета темного пурпура и сшиты из плиса — или фетра.

— Они...

— Не совсем то, что вы ищете? Правду сказать, не могу вас винить — снашиваются ужасно быстро. Хотя цвет хорош, особенно для охоты за дамами. — Он натянул мне на ноги новую пару. — Как эти?

Эти были из простой коричневой кожи и сидели так, словно старик брал с меня мерку, прежде чем шить их. Я поставил ногу на пол, и башмаки ласково охватили ступни. Я уже и забыл, как чудесно может ощущаться обувь.

— Сколько? — спросил я с опаской.

Вместо ответа старик встал и начал обыскивать полки глазами.

— Можно много сказать о человеке по его ногам, — задумчиво проговорил он. — Некоторые люди приходят сюда, улыбаясь и похохатывая, их туфли чисты и натерты ваксой, чулки припудрены. Но когда они снимают туфли, их ноги пахнут просто ужасно. Это люди, которые что-то скрывают. У них есть секреты с душком, и они пытаются спрятать их, так же как пытаются спрятать ноги.

Он повернулся и посмотрел на меня:

— Но это никогда не работает. Единственный способ, чтобы ноги перестали пахнуть, — дать им немного проветриться. Возможно, с секретами так же. Хотя об этом я ничего не знаю. Я знаю только о туфлях.

Старик начал рассматривать беспорядок на верстаке.

— Некоторые юные придворные входят, прикрывая лицо веером и стеная о своей последней трагедии. Но их ноги такие розовые и мягкие... Сразу понимаешь, что они никогда никуда не ходили сами. Понимаешь, что им никогда не было действительно больно.

Он наконец нашел искомое: пару туфель, похожих на те, что были у меня на ногах.

— Вот они. Эти носил мой Джейкоб, когда был в твоём возрасте. — Старик сел на табурет и расшнуровал на мне башмаки.

— А у тебя, — продолжал он, — слишком старые подошвы для столь юного мальчика: шрамы, мозоли. Эти ноги долго бегали босиком, без всякой обуви. Мальчик твоего возраста может заработать такие ноги

только так.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул.

Улыбнувшись, старик положил руку мне на плечо.

— Как тебе эти?

Я встал, чтобы проверить башмаки. Они показались мне даже более удобными, чем новые, поскольку были разношены.

— Значит, так: эта пара, — он махнул башмаками, которые держал, — новая. В них не прошли и километра, а за такие новые башмаки я беру талант, иногда талант и два. — Он указал на мои ноги. — С другой стороны, эти башмаки поношены, а я не торгую поношенной обувью.

Старик повернулся ко мне спиной и начал бесцельно перекладывать вещи на верстаке, что-то напевая себе под нос. Прошла секунда, прежде чем я узнал мелодию: «Беги из города, лудильщик».

Я понял, что башмачник пожалел меня и пытается помочь. Еще неделю назад я бы прыгал до небес от возможности бесплатно получить туфли. Но сейчас мне это почему-то казалось неправильным. Я тихо собрал вещи и ушел, оставив на табурете пару медных йот.

Почему? Потому что гордость — странная вещь, а великодушие заслуживает ответного великодушия. Но в основном потому, что так мне показалось правильным, — и это вполне достаточная причина.

— Четыре дня. Шесть, если дождь.

Роунт был третьим возчиком, которого я спрашивал о поездке на север, в Имре, — ближайший к Университету город. Сильдиец, коренастый и плотный, он зарос буйной черной бородой, скрывавшей большую часть его лица. Отвернувшись, Роунт пролаял ругательство на сиару, понукая человека, загружающего фургон рулонами ткани. Когда он говорил на родном языке, его голос звучал как горный обвал.

Роунт повернулся ко мне и понизил свой грохочущий бас до рокота:

— Два медных. Йоты. Не пенни. Можешь ехать в фургоне, если там будет место. Можешь в нем спать ночью, если хочешь. Вечером ешь с нами. В обед только хлеб. Если фургон застрянет, помогаешь вытаскивать.

Еще одна пауза — Роунт заорал на работников. Три фургона сейчас набивали товарами для торговли, а четвертый оказался до боли знакомым: один из тех самых домов на колесах, в каких я провел большую часть детства. Жена Роунта, Рета, сидела перед фургоном. На ее лице суровость при взгляде на работников сменялась улыбкой, когда она обращалась к девушке, стоящей рядом.

Я решил, что девушка такая же пассажирка, как и я. Она была моего

возраста, возможно, на год старше, но в этот период жизни год значит много. У таль есть поговорка о детях наших лет: «Мальчики растут, а девочки вырастают».

Девушка была одета практично для дальней дороги: в штаны и рубашку — и достаточно юна, чтобы это не казалось неприличным. Судя по ее поведению, будь она еще на год старше, мне бы пришлось смотреть на нее как на женщину. Как бы там ни было, в разговоре с Ретой девушка легко перескакивала от благовоспитанного изящества к детской радости. У нее были длинные темные волосы и...

Короче говоря, она была красива. Прошло так много времени с тех пор, как я видел хоть что-нибудь красивое.

Роунт проследил за моим взглядом и продолжил:

— Все помогают устраивать лагерь на ночь. Все по очереди караулят. Уснешь на страже — останешься там. Ешь с нами то, что приготовит моя жена. Жалуешься — останешься там. Идешь слишком медленно — останешься там. Побеспокоишь девушку... — Он пробежался рукой по бороде. — Плохое случится.

Надеясь повернуть его мысли в нужном направлении, я заговорил:

— Когда закончат грузить фургоны?

— Через два часа, — сказал он с мрачной уверенностью, словно вызывая работников поспорить с ним.

Один из работников выпрямился на телеге, прикрыл глаза рукой и крикнул, перекрывая шум лошадей, фургонов и людей, заполнявших площадь:

— Не дай ему запугать тебя, малыш. Он вполне приличный человек, хоть и ворчун.

Роунт ткнул жестким пальцем, и человек вернулся к работе.

Убеждать меня было не нужно. Человеку, путешествующему с женой, обычно можно доверять. Кроме того, цена выглядела справедливой и караван уходил сегодня. Я вытащил пару йот из кошелька и протянул их Роунту.

Тот повернулся ко мне.

— Два часа. — Он поднял два толстых пальца, чтобы подтвердить свои слова. — Опоздал — останешься здесь.

Я торжественно кивнул:

— Риеуза, ту киалус А'иша туа. (Спасибо тебе, что приблизил меня к моей семье.)

Огромные косматые брови Роунта взлетели вверх. Он быстро взял себя в руки и кивнул, почти поклонился. Я оглядел площадь, пытаюсь

определить направление.

— Человек, полный сюрпризов.

Я обернулся и увидел рабочего, который кричал мне с телеги.

Он протянул руку:

— Деррик.

Я неловко пожал его руку. Прошло столько времени с тех пор, как я говорил с кем-нибудь, что теперь чувствовал себя странно и нерешительно.

— Квоут.

Деррик закинул руки за спину и потянулся, поморщившись, — белокурый и высокий, на полторы головы выше меня. На вид ему было около двадцати.

— Эк ты Роунта повернул. Где научился говорить на сиару?

— Меня один арканист немного учил, — объяснил я, глядя, как Роунт подошел к жене поговорить.

Темноволосая девушка посмотрела в мою сторону и улыбнулась. Я отвернулся, не зная, как себя вести.

Парень пожал плечами:

— Давай беги за вещами. Роунт только рычит, а злится редко, но, когда фургоны загрузят, он ждать не будет.

Я кивнул, хотя никаких вещей у меня не имелось. Зато мне надо было сделать несколько покупок. Люди говорят, что в Тарбеане можно найти все, если у тебя достаточно денег. По большому счету они правы.

Я спустился по ступенькам в подвал Траписа. Странно было проделывать этот путь в башмаках, не чувствуя холодной сырости камня под ногами.

Пока я шел по короткому коридору, из внутренних комнат появился мальчик в лохмотьях, сжимающий маленькое зимнее яблочко. Он резко затормозил, увидев меня, потом подозрительно сощурился. Глядя в пол, мальчишка грубо протиснулся мимо меня.

Даже не поняв, что делаю, я оттолкнул его руку от своего кошелька и повернулся к нему, слишком ошарашенный для слов. Мальчишка бросился наружу, оставив меня в смущении и тревоге: мы никогда не крали друг у друга. Снаружи, на улицах, каждый был сам за себя, но подвал Траписа для нас приближался к святилищу, к церкви. Никто из нас не рискнул бы нарушить святость сего места.

Я прошел последние метры до главной комнаты и с облегчением увидел, что все остальное выглядит как обычно. Траписа я не увидел — возможно, он собирал милостыню на детей. Все шесть коек были заняты, и

еще больше детей лежали на полу. Несколько потрепанных мальчишек толпились около объемистой корзины на столе, хватая зимние яблоки. Они повернулись и уставились на меня, на лицах проступила злость.

Тогда меня осенило: никто из них меня не узнал. Чистый и хорошо одетый, я выглядел как домашний мальчик, случайно забредший сюда. Я не подходил этому месту.

Тут вошел Трапис, неся под мышкой одной руки несколько плоских буханок хлеба и вопящего ребенка под мышкой другой руки.

— Ари, — позвал он одного из мальчиков у корзины, — иди помоги. У нас новая гостья, и ей нужно переодеться.

Мальчик поспешно взял ребенка из рук Траписа. Тот положил хлеб на стол рядом с корзиной, и глаза всех детей обратились к буханкам. Мне стало плохо: Трапис даже не посмотрел на меня. А вдруг не узнал? Что, если он скажет мне уходить? Я не знал, смогу ли пережить это, и потихоньку попятился к двери.

Трапис поочередно указывал на детей пальцем:

— Дайте-ка подумать. Давид, ты выльешь и вымоешь бочку для питья. Что-то она засаливается. Когда он закончит, ты, Натан, наполнишь ее из насоса.

— Можно мне взять две порции? — спросил Натан. — Мне нужно для брата.

— Твой брат сам может прийти за своим хлебом, — мягко сказал Трапис, затем, что-то почуяв, пригляделся к мальчику внимательнее. — Он болен?

Натан кивнул, глядя в пол.

Трапис положил руку ему на плечо:

— Приведи его сюда. Мы за ним присмотрим.

— Это нога, — выпалил Натан, кажется, готовый разреветься. — Она вся горячая, и он не может идти!

Трапис кивнул и махнул следующему ребенку:

— Джен, ты помогаешь Натану привести его брата.

Дети поспешили наружу.

— Тэм, раз Натан ушел, то ты носишь воду вместо него.

— Квоут, ты бежишь за мылом. — Он протянул мне полпенни. — Иди к Марне в Стиральню. Если скажешь, для кого мыло, получишь больше.

Я проглотил комок в горле: он меня узнал! Не могу описать, какое облегчение я испытал. Трапис был для меня почти как семья. Мысль о том, что он может меня не узнать, вызывала ужас.

— У меня нет времени бежать туда, Трапис, — нерешительно сказал

я. — Я уезжаю. Во внутренние земли, в Имре.

— Правда? — спросил он, затем помолчал и оглядел меня еще раз, повнимательнее. — Ну да, похоже, уезжаешь.

Конечно же. Трапис никогда не видел одежды, только ребенка внутри ее.

— Я задержался, чтобы рассказать, где мои вещи. Над свечной мастерской есть место, где встречаются три крыши. Там лежит немного вещей: одеяло, бутылка. Мне они больше не понадобятся. Это хорошее место для сна, если кому-нибудь нужно, там сухо и никого не бывает... — Я умолк.

— Это очень добросердечно с твоей стороны. Я пошлю туда одного из мальчиков, — сказал Трапис. — Иди сюда. — Он подошел ко мне и заключил в неловкие объятия; его борода щекотала мне лицо. — Я всегда рад видеть, когда кто-то из вас выбирается, — тихо сказал он. — Знаю, у тебя все будет хорошо. Но ты всегда можешь вернуться сюда, если понадобится.

Одна из девочек на койке начала ворочаться и стонать. Трапис отпустил меня и вернулся посмотреть.

— Что-что, — сказал он, спеша к ней. Его босые ноги шлепали по каменному полу. — Что-что. Тс-тс.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

МОРЕ ЗВЕЗД

Я вернулся на Площадь гуртовщиков с дорожной сумкой на плече. В ней лежала смена одежды, буханка дорожного хлеба, немного вяленого мяса, мех с водой, иголка с ниткой, кремь и огниво, перья и чернила. Короче, все, что разумный человек берет с собой в дорогу.

Однако самым удачным моим приобретением стал темно-синий плащ, который я купил у старьевщика всего за три йоты. Плащ был теплый, чистый и, если чутье меня не подводило, имел всего одного владельца.

Вот что хочу сказать: в дороге хороший плащ стоит гораздо больше, чем все остальные пожитки, вместе взятые. Если вам негде спать, он может служить и кроватью, и одеялом. Он спасет вашу спину от дождя, а глаза — от солнца. Под ним можно спрятать любое нужное вам оружие, если вы умны и ловки.

В любом случае, остаются еще две причины рекомендовать плащ. Во-первых, мало что производит на людей такое впечатление, как хорошо сидящий плащ, который развеивается вокруг вашей фигуры. А во-вторых, в хороших плащах есть множество маленьких кармашков, к которым я питаю необъяснимую и неодолимую страсть.

Как я уже сказал, плащ был хорош, и в нем обнаружилось несколько кармашков. Порывшись в них, я нашел бечевку и воск, немного сушеных яблок, трутницу, стеклянный шарик в маленьком кожаном мешочке, узелок с солью, изогнутую иглу и нитку из кишок.

Я постарался потратить все накопленные монеты Содружества, оставив на дорогу сильдийские деньги. Пенни ходили здесь, в Тарбеане, но сильдийские монеты хорошо принимались во всех четырех сторонах, куда бы вас ни занесло.

Когда я подошел к каравану, завершались последние приготовления. Роунт встревоженным зверем носился вокруг фургонов, проверяя все снова и снова. Рета присматривала за работниками, суровым взглядом и метким словом отмечая все, что, на ее взгляд, делалось плохо. На меня, к моей радости, не обращали внимания, пока мы не направились к выезду из города и — к Университету.

Километры текли прочь, и словно огромная тяжесть скатывалась с

меня. Я наслаждался ощущением земли под подошвами башмаков, ароматом воздуха, тихим шелестом ветра, волнующего озимую пшеницу на полях. Вдруг я обнаружил, что улыбаюсь без всякой причины — просто от счастья. Мы, руэ, не созданы для того, чтобы долго оставаться на одном месте. Я вдохнул поглубже и чуть не рассмеялся вслух.

Пока мы ехали, я, отвыкнув от компаний, держался сам по себе. Роунт и охранники охотно оставили меня в покое. Деррик иногда перекидывался со мной парой шуток, но, по его мнению, я был чересчур скрытным.

Оставалась только пассажирка, Денна. До конца первого дневного перегона мы почти не разговаривали. Я ехал с одним из охранников, рассеянно обдирая кору с ивового прутика. Пальцы работали, а сам я тем временем изучал профиль девушки, восхищаясь линией подбородка, изгибом шеи, плавно переходящим к плечу. Почему она путешествует одна и куда направляется? Пока я так размышлял, Денна повернулась, поймав меня за разглядыванием.

— Пенни за твою мысль, — предложила она, убирая выбившуюся прядь.

— Я все думаю, что ты здесь делаешь, — ответил я почти честно.

Улыбнувшись, она удержала мой взгляд:

— Лжец.

Я воспользовался старым сценическим трюком, чтобы не покраснеть, изобразил самое беззаботное пожатие плечами, какое только мог, и опустил взгляд на ивовый прутик. Через несколько минут я услышал, как Денна снова беседует с Ретой, и с удивлением обнаружил, что огорчен этим.

На ночь был разбит лагерь и уже готовился ужин, а я слонялся вокруг фургона, изучая узлы, которыми Роунт привязывал поклажу. Услышав за спиной шаги, я обернулся и увидел, что ко мне идет Денна. В животе у меня все перевернулось, и я сделал короткий резкий вдох, чтобы успокоиться.

Она остановилась метрах в четырех от меня:

— Ты уже додумался?

— Прости, что?

— Почему я здесь. — Денна мягко улыбнулась. — Меня это всю жизнь мучает, знаешь ли. Я подумала, вдруг у тебя есть какие-то идеи... — Она адресовала мне застенчивый, полный надежды взгляд.

Я покачал головой, слишком сбитый с толку, чтобы уловить юмор.

— Я только предположил, что ты куда-то едешь.

Она серьезно кивнула:

— Я додумалась ровно до того же. — Она помолчала, оглядывая круг,

очерченный горизонтом. Ветер поймал ее волосы и она откинула их назад. — А вдруг ты знаешь, куда я еду?

Я почувствовал, как мое лицо заливает улыбка. Ощущение было странное. Я совсем отвык улыбаться.

— А ты знаешь?

— У меня есть некоторые подозрения. Прямо сейчас, наверное, в Анилен. — Она перекатилась с пятки на носок. — Но иногда я уже ошибалась.

Над нашей беседой повисла тишина. Денна смотрела на руки, рассеянно вертя на пальце кольцо. Я заметил блеск серебра и бледно-голубой камень. Внезапно она уронила руки и взглянула на меня:

— А ты куда едешь?

— В Университет.

Она изогнула бровь, став лет на десять старше:

— Так уверенно, — и снова помолодела. — Как себя чувствуешь, когда знаешь, куда едешь?

Я не смог придумать ответ, но от этой необходимости меня избавила Рета, позвавшая нас ужинать. Мы с Денной пошли к костру вместе.

Начало следующего дня прошло в коротком неловком ухаживании. Кипя от нетерпения, но не желая выглядеть нетерпеливым, я совершал медленный танец вокруг Денны, пока не нашел какой-то предлог, чтобы побыть с ней.

Денна же вела себя совершенно непринужденно. Мы провели остаток дня как давние друзья, шутя и обмениваясь байками. Я указывал на различные типы облаков и объяснял, какую они обещают погоду. Она придумывала названия формам, которые принимали облака: роза, арфа, водопад.

Так прошел день. Позже, когда вытягивали жребии на очередность стражи, мы с Денной вытянули первые две смены. Не сговариваясь, мы провели эти четыре часа вместе. Мы сидели рядышком у огня, разговаривая тихо-тихо, чтобы не разбудить остальных, и едва ли следили за чем-нибудь, кроме друг друга.

Третий день прошел почти так же. Мы прекрасно проводили время, разглядывая окрестности и болтая, что в голову взбредет. На ночь караван остановился в придорожном трактире, где Рета купила корм для лошадей и немного других припасов.

Рета рано удалилась вместе с мужем спать, сказав каждому, что договорилась с трактирщиком об ужине и постелях. Первое оказалось

совсем неплохим: добрая ветчина и картофельный суп, свежий хлеб и масло. Второе размещалось в стойлах, но все же было намного лучше того, к чему я привык в Тарбеане.

Общий зал пропах потом, дымом и пролитым пивом. Я обрадовался, когда Денна спросила, не хочу ли я прогуляться. Снаружи стояла теплая тишина безветренной весенней ночи. Мы болтали, неторопливо бредя по лесу позади трактира, и через некоторое время вышли на широкую прогалину у пруда.

У самой воды высились два путевика, их поверхность серебрилась на черном фоне вод и неба. Один камень стоял вертикально — перст, указующий в небо. Другой лежал на земле, вдаваясь в воду, как короткий каменный пирс.

Даже слабое дуновение ветерка не тревожило поверхность воды. Так что когда мы забрались на упавший камень, звезды оказались и вверху и внизу — словно сидишь посреди звездного моря.

Мы проговорили много часов, до глубокой ночи. Никто из нас не упоминал о своем прошлом. Я чувствовал, что есть темы, на которые Денна не хотела бы говорить. Поскольку она меня не расспрашивала, я понял: она догадалась, что и у меня полно таких тем. Вместо прошлого мы обсуждали сами себя, говорили о невероятном и фантастическом. Я показывал на небо, называя имена звезд и созвездий, а она рассказывала про них истории, каких я никогда не слышал.

Мой взгляд то и дело возвращался к Денне. Она сидела рядом со мной, обхватив руками колени. Ее кожа светилась ярче луны, а глаза были больше неба, глубже воды, темнее ночи.

До меня медленно начинаю доходить, что я уже невесть сколько смотрю на нее и молчу, потерявшись в своих мыслях, потерявшись в ее взгляде. Но на ее лице не было ни обиды, ни насмешки: Денна словно изучала мои черты, она как будто ждала чего-то.

Я хотел взять ее за руку. Хотел провести пальцами по ее щеке. Хотел сказать ей, что она — первое прекрасное существо, которое я вижу за три года. Что от одного взгляда на то, как она зевает, прикрываясь тыльной стороной ладони, у меня перехватывает дыхание. Признаться ей, что иногда в дивном звучании ее голоса теряю смысл слов. Хотел сказать, что если она будет рядом, то со мной никогда больше не случится ничего плохого.

В этот зачарованный миг я чуть не спросил ее — я чувствовал, как вопрос закипает в моей груди. Помню, как уже набрал воздуха и вдруг заколебался: что я могу сказать? «Пойдем со мной»? «Останься со мной»?

«Пойдем в Университет»? Нет. Внезапная уверенность сжала мою грудь, словно холодный кулак. О чем я могу просить ее? Что я могу ей предложить? Ничего. Все, что бы я ни сказал, прозвучало бы глупо — детская фантазия, не более.

Я закрыл рот и перевел взгляд на воду. В нескольких сантиметрах от меня Денна сделала то же самое. Я чувствовал тепло ее тела. От нее веяло дорожной пылью, и медом, и тем запахом, который появляется в воздухе перед сильным летним дождем.

Мы оба молчали. Я закрыл глаза: ее близость была самой сладким и острым ощущением в моей жизни.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТОЛЬКО ПРЕДСТОЯЛО УЗНАТЬ

На следующее утро, едва продрав глаза после двух часов сна, я пристроился в одном из фургонов и продремал все утро. Был почти полдень, когда я понял, что ночью в трактире мы взяли еще одного пассажира.

Его звали Джосн, и он заплатил Роунту за проезд до Анилена. У него были простые манеры и честная улыбка. Он казался хорошим, искренним человеком. Но мне он не понравился.

Причина была проста: Джосн провел целый день рядом с Денной. Безмерно ей льстил и шутливо предлагал стать одной из его жен. По ней вовсе не заметно было, что мы засиделись вчера допоздна, — выглядела она так же прекрасно и свежо, как всегда.

В результате я целый день мучился злостью и ревностью, хотя делал вид, что мне все равно. Слишком гордый, чтобы присоединиться к их разговору, я коротал время в одиночестве. Я провел день в угрюмых размышлениях, стараясь игнорировать звук его голоса и то и дело вспоминая, как была хороша Денна прошлой ночью, когда луна отражалась в воде за ее спиной.

Тем вечером, после того как все устроятся на ночлег, я планировал позвать Денну прогуляться. Но прежде чем я успел подойти к ней, Джосн слазал в один из фургонов и принес большой черный футляр с медными застежками на боку. От его вида сердце перевернулось у меня в груди.

Оценив радостное предвкушение попутчиков, — но не мое, — Джосн медленно расстегнул медные застежки и с напускной небрежностью вытащил свою лютню. Это оказалась лютня бродячего артиста, ее длинный изящный гриф и круглая головка были мне до боли знакомы. Уверившись во всеобщем внимании, Джосн склонил голову и стал дергать струны, делая паузы и слушая, как они звучат. Затем, удовлетворенно кивнув, заиграл.

У него был чистый приятный тенор и ловкие пальцы. Он сыграл балладу, потом бодрую, быструю застольную песенку, потом медленную печальную песнь на языке, которого я не узнал, но заподозрил в нем иллийский. Наконец он заиграл «Лудильщика да дубильщика», и все

подхватили припев. Все, кроме меня.

Я сидел неподвижно, как камень, пальцы мои болели. Я хотел играть, а не слушать. «Хотел» — недостаточно сильное слово. Я изголодался, умирал от жажды. Без особой гордости признаюсь, что подумывал украсть его лютню и ночью сбежать.

Джосн эффектно закончил песню, и Роунт хлопнул в ладоши пару раз, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— Время спать. Будете спать слишком долго...

Деррик вмешался, мягко поддразнив:

— «...останетесь тут». Мы знаем, мастер Роунт. Мы будем готовы выехать с рассветом.

Джосн рассмеялся и ногой открыл футляр. Но прежде чем он успел положить туда лютню, я спросил:

— Можно подержать секунду?

Я изо всех сил старался убрать отчаяние из голоса, старался, чтобы в нем прозвучало только праздное любопытство.

Я ненавидел себя за этот вопрос. Попросить подержать инструмент музыканта — почти то же самое, что попросить у мужа разрешения поцеловать его жену. Дилетантам не понять этого. Инструмент — он как друг и как возлюбленная. А посторонние люди просят потрогать и подержать его с досадной регулярностью. Все это я прекрасно знал, но не мог ничего с собой поделать.

— Только на секунду...

Я заметил, как Джосн слегка напрягся, не желая давать мне лютню. Но дружелюбие — такая же работа менестреля, как и музыка.

— Конечно, — сказал он с шутливой легкостью. Я почувствовал фальшь, но для других его согласие прозвучало вполне убедительно. Джосн шагнул ко мне и протянул лютню. — Только осторожно.

Потом он отступил на пару шагов назад и удачно изобразил, что ему все равно. Но я видел, как он стоит: слегка согнув руки, готовый броситься вперед и выхватить у меня лютню, если потребуется.

Я повернул ее, рассматривая. Говоря объективно, в ней не было ничего особенного. Мой отец поместил бы ее лишь на одну ступеньку выше растопки для костра. Я коснулся дерева, приложил лютню к груди.

— Она прекрасна, — сказал я тихо, не поднимая глаз. От волнения мой голос звучал хрипло.

Она была прекрасна — самая красивая вещь, которую я видел за три года. Прекрасней, чем вид весеннего поля после трех лет жизни в зловонной помойке города. Прекрасней, чем Денна. Почти.

Скажу честно, я был не совсем собой. Всего четыре дня назад я покинул уличную жизнь. Я перестал быть тем человеком, что рос в труппе, но еще не стал тем, о ком вы слышали в историях. Тарбеан изменил меня — я научился многим штукам, жить без которых гораздо легче.

Но сейчас, сидя у огня, обнимая лютню, я чувствовал, как те неприглядные, жесткие мозоли в моей душе, что выросли в Тарбеане, трескаются. Они отпадали, как глиняная форма от остывшей железной отливки, оставляя после себя нечто чистое и твердое.

Я проверил одну за одной струны. Третья оказалась слегка расстроена, и я около минуты совершенно бездумно подкручивал один из колков.

— Эй, осторожней, не трогай их. — Джосн пытался говорить непринужденно. — Ты свернешь их с правильного строя.

Но я его не слышал. Певец и все остальные были так же далеки от меня, как дно Сентийского моря.

Я коснулся последней струны и подстроил ее тоже — чуть-чуть. Поставил простой аккорд и сыграл его. Он прозвенел мягко и верно. Я передвинул палец, и аккорд стал минорным — мне всегда казалось, что лютня так говорит: «грусть». Я снова передвинул пальцы, и лютня издала два аккорда, прозвеневшие один за другим. Затем, не осознавая, что делаю, я начал играть.

Струны и пальцы чувствовали себя странно — как встретившиеся друзья, которые забыли, что их объединяло. Я играл тихо и медленно, посылая ноты не дальше круга света от костра. Пальцы и струны вели осторожную беседу, словно их танец выплетал строки безумной любви.

Затем я ощутил, как внутри меня что-то рухнуло, и в тишину ночи полилась музыка. Мои пальцы плясали; ловкие, точные и быстрые, они ткали в круге света, созданном нашим костром, что-то паутинчатое и нежное. Музыка двигалась, как паучок, поддуваемый легким дыханием; менялась, как крутится лист, падая на землю; и звучала она как три года на тарбеанском Берегу — с пустотой внутри и болью от холода в руках.

Не знаю, как долго я играл — могло пройти десять минут, а мог и час. Но мои пальцы отвыкли от точных движений. Они начали соскальзывать, и музыка рассыпалась на части, как сон после пробуждения.

Я поднял глаза и увидел, что все слушают меня, затаив дыхание, совершенно неподвижно — на лицах застыло изумление. Потом все зашевелились, словно мой взгляд разорвал некое заклятие. Роунт приподнялся на стуле, два охранника повернулись друг к другу и подняли брови. Деррик смотрел на меня, словно впервые видел. Рета так и сидела, прикрыв рукой рот. Денна спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала.

Джосн просто стоял, как каменный истукан. В его потрясенном лице не осталось ни кровинки, словно его пырнули ножом.

Я протянул ему лютню, не зная, благодарить или извиняться. Он молча взял ее. Мгновение спустя, так и не придумав, что бы сказать, я оставил их сидеть у костра и ушел к фургонам.

Вот так Квоут провел свою последнюю ночь перед приходом в Университет; плащ служил ему и постелью и одеялом. Он лежал спиной к свету костра, а перед ним, будто смятая мантия, простиралась тень. Глаза его были открыты, это точно, но кто сможет сказать, будто знает, что он видел?

Лучше посмотрим на круг света и оставим Квоута наедине с самим собой. Всякий имеет право на пару минут одиночества, когда хочет этого. И если там пролились слезы, простим его — в конце концов, он был всего лишь ребенком. Ему еще только предстояло узнать, что такое настоящее горе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Погода держалась хорошая, так что фургоны вкатились в Имре как раз перед заходом солнца. Настроение у меня было мрачное и обиженное: Денна целый день болтала в фургоне с Джосном, а я, по глупости и гордости, держался от них подальше.

Как только фургоны встали, закипела работа. Роунт начал спорить с гладко выбритым человеком в бархатной шляпе даже раньше, чем остановил свою повозку. После первого раунда торговли десять человек начали выгружать рулоны тканей, бочонки с патокой и холщовые мешки с кофе. Рета бросала на них суровые взгляды. Джосн суетился вокруг своего багажа, опасаясь, чтобы его не повредили или не украли.

С моим собственным багажом было проще, поскольку весь он состоял из одной только дорожной сумки. Я вытащил ее из каких-то свертков материи и отошел от фургонов. Повесив сумку на плечо, я огляделся в поисках Денны.

Но наткнулся на Рету.

— Ты очень помогал в дороге, — сказала она. Ее атуранский звучал гораздо лучше, чем Роунтов: почти без ситарского акцента. — Хорошо, когда человека не надо водить за ручку, пока он распрягает лошадь, — и Рета протянула мне монету.

Я бездумно взял ее. После стольких лет попрошайничества это уже сделалось рефлексом — как отдергивать руку от огня. Только после того, как монета оказалась в моей руке, я посмотрел на нее внимательнее. Это оказалась целая медная йота, ровно половина от того, что я заплатил за проезд с ними в Имре. Когда я снова поднял голову, Рета уже шла обратно к фургонам.

Не зная, что и думать, я подошел к Деррику, сидящему на краю лошадиной поилки. Он прикрыл глаза от вечернего солнца и посмотрел на меня.

— Уходишь? Я уж думал, ты пристанешь к нам на время.

Я покачал головой:

— Рета только что дала мне йоту.

Он кивнул:

— Я не очень-то удивлен. Большинство людей — только мертвый

груз. — Он пожал плечами. — Она оценила твою игру. Ты не думал стать менестрелем? Говорят, Имре — хорошее место для этого.

Я свернул беседу обратно к Рете.

— Я не хочу, чтобы Роунт злился на нее. Он, кажется, относится к деньгам весьма серьезно.

Деррик расхохотался:

— А она, думаешь, нет?

— Я платил Роунту, — пояснил я. — Если бы он хотел отдать часть денег обратно, то, наверное, сделал бы это сам.

Деррик покачал головой:

— Это не в их привычках. Мужчина не отдает деньги.

— Об этом я и говорю, — настаивал я. — Я не хочу, чтобы у нее были неприятности.

Деррик замахал руками, обрывая меня.

— Этого я сам объяснить не могу, — сказал он. — Роунт знает. Может, даже он сам ее послал. Но взрослый сильдийский мужчина не отдает деньги. Это считается женским поведением. Они даже не покупают ничего, если могут обойтись. Ты не заметил, что именно Рета торговалась за наши комнаты и еду в трактире пару ночей назад?

Теперь, когда он об этом сказал, я вспомнил.

— Но почему? — спросил я.

Деррик пожал плечами:

— Нет тут никакого «почему». Просто у них так принято. Вот потому-то сильдийские караваны — команда из мужа и жены.

— Деррик! — послышался рокот Роунта из-за фургонов.

Он вздохнул и встал.

— Долг зовет, — ухмыльнулся он. — Увидимся еще.

Я сунул йоту в карман и подумал о том, что рассказал мне Деррик. По правде говоря, моя труппа никогда не забиралась так далеко на север, чтобы попасть в Шальд. Мысль, что я не так много знаю о мире, как полагал, немного меня расстроила.

Закинув сумку на плечо, я огляделся в последний раз, думая, что, возможно, будет лучше, если я уйду без всяких трудных прощаний. Денны нигде не было видно. Ну, пусть будет так. Я повернулся, чтобы уйти...

...И чуть не налетел на нее. Денна улыбнулась немного застенчиво, сцепив руки за спиной. Она была прекрасна, как цветок, и совершенно этого не осознавала. У меня вдруг перехватило дыхание, я забыл о своем раздражении, своей боли — и о самом себе.

— Ты все-таки идешь? — спросила она.

Я кивнул.

— Ты бы мог поехать с нами в Анилен, — предложила Денна. — Говорят, там улицы вымощены золотом. Ты бы научил Джосна играть на лютне, которую он с собой таскает. — Она улыбнулась. — Я спрашивала его, он сказал, что не против.

Я обдумал это предложение. Половину удара сердца я был готов забросить весь свой план, просто чтобы остаться с ней чуть подольше. Но момент прошел, и я покачал головой.

— Не делай такое лицо, — с улыбкой укорила меня Денна. — Я пробуду там некоторое время, и если что-то у тебя здесь не заладится... — Она с надеждой умолкла.

Я не представлял, что мне делать, если у меня здесь не заладится: все надежды я возложил на Университет. Кроме того, Анилен в сотнях километров отсюда, а у меня одежда только та, что на мне. Как я найду там Денну?

Она, похоже, прочитала мои мысли по лицу и шаловливо улыбнулась:

— Ну, видно, мне придется искать тебя.

Мы, руэ, путешественники. Наши жизни сотканы из встреч и расставаний с короткими яркими знакомствами в промежутках. Поэтому я знал правду, чувствовал ее, тяжело и уверенно, всем сердцем: я больше никогда не увижу Денну.

Прежде чем я успел что-либо сказать, она беспокойно оглянулась.

— Мне лучше идти. А ты жди меня.

Она снова сверкнула озорной улыбкой и, отвернувшись, пошла прочь.

— Буду ждать, — крикнул я ей вслед. — Увидимся там, где дороги сойдутся.

Она оглянулась, помедлила секунду и наконец, махнув мне рукой, убежала в ранние вечерние сумерки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ТАЛАНТЫ С МИНУСОМ

Ночь я провел неподалеку от Имре на мягкой подстилке из вереска. На следующий день проснулся поздно, умылся в ближайшем ручье и отправился на запад, в Университет.

Глядя вдаль, я пытался рассмотреть самое большое из университетских зданий. Из описаний Бена я знал, какое оно: гладкое, серое и квадратное, как здоровенный камень. Больше, чем четыре амбара, составленные вместе. Без окон, без украшений, с единственным входом через огромные каменные двери. Десять раз по десять тысяч книг — архивы.

Я шел в Университет по многим причинам, но эта была сердцем и основанием всех прочих. В архивах хранились ответы, а у меня накопилось много, очень много вопросов. В первую очередь я хотел узнать истину о чандрианах и амир. Мне нужно было знать, насколько правдива история, рассказанная Скарпи.

Там, где дорога пересекала реку Омети, высился старый Каменный мост — колоссальное древнее сооружение. Наверняка вы такие знаете: они разбросаны по всему миру и настолько старые и прочные, что стали частью пейзажа и никто уже не интересуется, кто их возводил и зачем. Этот мост выглядел особенно внушительно: более шестидесяти метров длиной и достаточно широкий, чтобы разъехались два фургона, он был перекинут через ущелье, прорезанное в скале рекой. Дойдя до гребня моста, я впервые в жизни увидел архивы, торчащие над деревьями, как огромный серовик.

Университет находился в центре небольшого городка. По правде говоря, я не решаюсь даже назвать его городом. Он совсем не походил на Тарбеан с его кривыми улочками и мусорной вонью, куда больше напоминая захолустный городишко с широкими улицами и чистым воздухом. Между невысокими домами и лавками раскинулись лужайки и сады.

Но поскольку городок вырос, чтобы обслуживать нужды Университета, внимательный наблюдатель мог заметить небольшие отличия в предлагаемых товарах и услугах. Были здесь две стеклодувные

мастерские, три аптеки широкого профиля, две переплетные мастерские, четыре книжные лавки, два борделя и невероятное количество трактиров. На двери одного из них красовалась большая деревянная табличка, гласящая: «Никакой симпатии!» Мне стало любопытно, что думают о таком предупреждении посетители-неарканисты.

Сам Университет состоял примерно из пятнадцати зданий, мало походивших друг на друга. «Гнезда» имели круглый центр, от которого расходились восемь крыльев, так что выглядели они как роза ветров. «Пустоты» были простыми и квадратными, с витражами в окнах, изображающими Теккама в классической ситуации: босой, он стоял у входа в свою пещеру и что-то вещал группе учеников. Главное здание нельзя было перепутать ни с каким другим — оно занимало около шести тысяч квадратных метров и выглядело так, словно его сложили и склеили из нескольких меньших, плохо сочетающихся построек.

Когда я подошел к архивам, их серая ровная поверхность без окон снова напомнила мне огромный серовик. Было трудно поверить, что после долгих лет ожидания я наконец-то здесь. Обогнув здание, я нашел вход — пару массивных, широко распахнутых каменных дверей. На них виднелись слова, выбитые на камне: «Ворфелан Рхината Морие». Я не узнал язык: это был не сиару... может быть, иллийский или темийский. Еще один вопрос, на который нужен ответ.

За каменными дверями обнаружился маленький тамбур с деревянными дверями обычного размера, ведущими внутрь. Потянув их на себя, я почувствовал дуновение прохладного сухого воздуха. Стены, сложенные из простого серого камня, озарял ровный красноватый свет симпатических ламп. В вестибюле стоял большой деревянный стол, а на нем громоздились несколько больших, бухгалтерского вида, книг.

За столом сидел юноша, на вид чистокровный сильдиец — с характерным смугло-красноватым цветом лица, темными глазами и волосами.

— Разрешите вам помочь, — сказал он, его голос звучал хрипло от режущей ухо картавости, которую дает сиарский акцент.

— Я пришел в архивы, — тупо сказал я. В животе у меня словно бабочки плясали, а ладони взмокли.

Он оглядел меня, явно удивляясь моему возрасту:

— Вы студент?

— Скоро буду, — сказал я. — Я еще не прошел экзамены.

— Сначала вам нужно это сделать, — серьезно сказал он. — Я не могу пустить никого, если его нет в книге.

Он указал на тома на столе перед ним.

Бабочки умерли. Я не скрывал разочарования.

— Нельзя ли мне только зайти на пару минут? Я прошел чудовищно длинный путь...

Я посмотрел на две пары дверей, ведущих из зала; надпись на одной гласила: «Книги», на другой: «Хранилище». Маленькая дверь позади стола была подписана: «Только хранисты».

Лицо юноши немного смягчилось.

— Я не могу. Будут неприятности. — Он снова оглядел меня. — Ты действительно собираешься проходить экзамены?

Скепсис в его голосе слышался даже сквозь сильный акцент.

Я кивнул.

— Просто сюда я пришел первым делом, — объяснил я, оглядывая комнату, буравя взглядом закрытые двери и пытаюсь придумать, как убедить его впустить меня.

Он заговорил прежде, чем мне в голову что-нибудь пришло:

— Если ты хочешь успеть на экзамены, тебе надо поспешить. Сегодня последний день. Иногда они не сидят даже до полудня.

Мое сердце гулко забилося — я-то думал, они работают целый день.

— Где они?

— В пустотах. — Он указал на наружную дверь. — Вниз, потом налево. Короткое здание с... цветными окнами. Два больших... дерева перед ним. — Он помолчал. — Клен? Это название дерева?

Кивнув, я выскочил наружу и побежал по дороге.

Двумя часами позже, борясь с тошнотой в желудке, я взобрался на сцену пустого театра в пустотах. Помещение было совершенно темным, за исключением широкого круга света, охватывавшего стол магистров. Пройдя вперед, я встал на краю светового круга и стал ждать. Девять магистров неспешно закончили беседу и повернулись ко мне.

Огромный стол в форме полумесяца был поднят на возвышение, так что, даже сидя, магистры смотрели на меня сверху вниз. Выглядели они весьма серьезными людьми — в возрасте от зрелости до седой старины.

Повисла долгая тишина. Наконец человек, сидевший в центре полумесяца, сделал мне знак. Я предположил, что это ректор.

— Подойди ближе, чтобы мы могли видеть тебя. Вот так хорошо. Здравствуй. Как тебя зовут, мальчик?

— Квоут, сэр.

— И зачем ты здесь?

— Я хочу учиться в Университете, — сказал я, посмотрев ему в глаза, — хочу быть арканистом.

Потом оглядел всех по очереди: некоторые развеселились, но никто особенно не удивился.

— Понимаешь ли ты, — произнес ректор, — что Университет нужен для продолжения образования? А не для его начала?

— Да, ректор. Я знаю.

— Очень хорошо, — ответил он. — Могу я посмотреть на твое рекомендательное письмо?

Я не колебался:

— Боюсь, у меня его нет, сэр. Оно совершенно необходимо?

— Обычно у поступающих есть поручитель, — пояснил он. — Желательно, арканист. Эти письма рассказывают нам, что вы уже знаете, в чем вы сильны, а в чем слабы.

— Арканиста, у которого я учился, звали Абенти, сэр. Но он не давал мне рекомендательного письма. Могу я вам сам все рассказать?

Ректор сурово покачал головой:

— К несчастью, у нас нет способа установить, учился ли ты у арканиста, без каких-либо доказательств. Есть у тебя что-нибудь, что могло бы подтвердить твой рассказ? Например, переписка или какая-нибудь запись?

— Он подарил мне книгу перед тем, как наши пути разошлись, сэр. И написал в ней посвящение для меня, а также свое имя.

Ректор улыбнулся:

— Это подойдет. Книга у тебя с собой?

— Нет. — Я подпустил в голос искренней горечи. — Мне пришлось заложить ее в Тарбеане.

Сидящий слева от ректора магистр риторики Хемме издал на это негодующее фырканье, принесшее ему раздраженный взгляд ректора.

— Пойдем, Эрма, — сказал Хемме, хлопнув по столу ладонью. — Мальчик явно лжет. У меня есть важные дела на сегодняшний день.

Ректор бросил на него чрезвычайно раздраженный взгляд:

— Я не давал тебе разрешения говорить, магистр Хемме. — Они уставились друг на друга и смотрели, пока Хемме наконец не нахмурился и не отвернулся.

Ректор снова повернулся было ко мне, но уловил какое-то движение от одного из других магистров.

— Да, магистр Лоррен?

Высокий тощий магистр без всякого выражения посмотрел на меня:

— Как называлась книга?

— «Риторика и логика», сэр.

— И где ты ее заложил?

— В «Разорванном переплете» на Приморской площади.

Лоррен повернулся к ректору:

— Я еду завтра в Тарбеан за материалами для наступающей четверти. Если книга там, я привезу ее. Тогда можно будет уладить дело о заявке мальчика.

Ректор чуть кивнул:

— Спасибо, магистр Лоррен. — Он откинулся в кресле и сложил руки перед собой. — Очень хорошо. Что бы рассказало нам письмо Абенти, если бы он его написал?

Я набрал побольше воздуха:

— Оно бы рассказало, что я знаю наизусть первые девять симпатических заклятий. Что я могу делать двойную перегонку, титровать, кальцинировать, возгонять и осаждать растворы. А также, что я сведущ в истории, споре, медицине и геометрии.

Ректор прикладывал все усилия, чтобы не улыбнуться.

— Приличный список. Ты уверен, что не упустил чего-нибудь?

Я промолчал.

— Возможно, он также упомянул бы о моем возрасте, сэр.

— И сколько же тебе лет, мальчик?

— Квоут, сэр.

Улыбка расплылась по лицу ректора:

— Квоут.

— Пятнадцать, сэр.

Среди магистров послышался шорох, все они сделали какое-нибудь маленькое движение: обменялись взглядами, подняли брови, покачали головами. Хемме закатил глаза.

Только ректор не шевельнулся.

— А как бы он упомянул о твоём возрасте?

Я позволил себе чуть — на тонкую серебряную монетку — улыбнуться:

— Он бы убеждал вас не обращать на это внимания.

Наступила пауза — не дольше вдоха. Потом ректор глубоко вздохнул и откинулся в кресле.

— Хорошо. У нас будет к тебе несколько вопросов. Начнете, магистр Брандье? — Он сделал жест в сторону одного из концов полукруглого стола.

Я повернулся к Брандье, тучному и лысоватому магистру арифметики.

— Сколько гран в тринадцати унциях?

— Шесть тысяч двести сорок, — немедленно ответил я.

Он слегка поднял брови.

— Если у меня есть пятьдесят серебряных талантов и я перевожу их в винтийскую монету, а потом обратно, сколько я получу, если сильдийцы всякий раз берут по четыре процента?

Я начал сложный перевод валют, потом улыбнулся, поняв, что он не нужен.

— Сорок шесть талантов и восемь драбов, если обмен честный. Сорок шесть ровно, если нет.

Он снова кивнул, глядя на меня еще более пристально.

— У тебя есть треугольник, — медленно сказал он. — Одна сторона — семь метров, другая три с половиной метра. Один угол — шестьдесят градусов. Какой длины третья сторона?

— Угол между этими двумя сторонами?

Он кивнул. Я закрыл глаза на длину половины вдоха, затем открыл снова.

— Шесть метров шесть сантиметров. Почти ровно.

Он издал звук наподобие «хммпф» и сказал удивленно:

— Вполне хорошо. Магистр Арвил?

Арвил задал свой вопрос прежде, чем я успел к нему повернуться.

— Каковы лекарственные свойства чемерицы?

— Противовоспалительное, антисептическое, слабое успокоительное, слабое болеутоляющее. Кровоочистительное, — сказал я, глядя на старичка в очках, похожего на доброго дедушку. — Токсична, если принимать сверх меры. Опасна для женщин, носящих ребенка.

— Опиши строение кисти руки.

Я назвал все двадцать семь костей, по алфавиту. Затем все мышцы, от самой большой до самой маленькой. Перечислял их быстро и четко, показывая местоположение на кисти собственной руки.

Скорость и точность моих ответов произвела впечатление на магистров. Некоторые старались это скрыть, другие выказывали явное удивление. По правде говоря, мне было необходимо такое впечатление. Из давних разговоров с Беном я знал, что для поступления в Университет нужны деньги или мозги. Чем больше у тебя одного, тем меньше требуется другого.

Так что я сплутовал: пробрался в пустоты через заднюю дверь, изобразив мальчика на побегушках. Затем открыл отмычкой два замка и

провел больше часа, наблюдая за опросом других соискателей. Я услышал сотни вопросов и тысячи ответов.

Также я услышал, насколько высока плата для других студентов. Самая низкая составляла четыре таланта и шесть йот, но в основном получалось раза в два больше. Одному студенту назначили за обучение тридцать талантов. Для меня проще было достать луну с неба, чем такие деньги.

У меня в кармане лежали две медные йоты, и я не видел ни одного способа раздобыть хоть на ломаный пенни больше. Так что мне было необходимо произвести впечатление на магистров. И даже больше — я обязан был смутить их своим умом и знаниями, ослепить.

Я закончил перечислять мышцы руки и принялся за связки, но тут Арвил махнул рукой и задал следующий вопрос:

— При каких условиях ты бы пустил кровь пациенту?

Вопрос меня озадачил.

— Ну, если бы я хотел, чтобы он умер... — с сомнением ответил я.

Арвил кивнул, больше самому себе, чем мне.

— Магистр Лоррен?

Магистр Лоррен был бледен и казался неестественно высоким, даже когда сидел.

— Кто был первым провозглашенным королем Тарвинтаса?

— Посмертно? Фейда Калантис. Иначе — его брат Джарвис.

— Почему рухнула Атуранская империя?

Я умолк, застигнутый врасплох масштабом вопроса, — столь обширной темы при мне еще не давали ни одному студенту.

— Ну, сэр, — произнес я медленно, чтобы дать себе секунду-другую на раздумье, — частично потому, что лорд Нальто был самовлюбленным болваном, неспособным управлять. Частично из-за усиления церкви, упразднившей орден амир, который составлял изрядную часть сил Атура. Частично потому, что войска сражались в трех завоевательных войнах одновременно, а высокие налоги приводили к восстаниям в землях, уже принадлежащих империи.

Я наблюдал за лицом магистра, надеясь, что он даст какой-нибудь знак, когда услышит достаточно.

— Также атуранцы обесценили свою валюту, подорвали универсальность железного закона и восстановили против себя адем. — Я пожал плечами. — Но конечно, все гораздо сложнее, чем я рассказал.

Выражение лица магистра Лоррена не изменилось, но он кивнул.

— Кто был величайшим из людей, когда-либо живших на свете?

Еще один новый вопрос. Я подумал минуту:

— Иллиен.

Магистр Лоррен не изменился в лице, но моргнул.

— Магистр Мандраг?

Мандраг был чисто выбрит и гладколиц и, казалось, состоял из одних суставов и костей. Его руки пестрели пятнами полусотни различных цветов.

— Если тебе понадобится фосфор, где ты его возьмешь?

Его тон прозвучал так похоже на Абенти, что я на мгновение забылся и брякнул, не подумав:

— У аптекаря?

Один из магистров на другой стороне стола хмыкнул, и я прикусил свой слишком быстрый язык.

Он чуть улыбнулся, и я тихонько выдохнул.

— Уберем доступ к аптекарю.

— Я могу выпарить его из мочи, — быстро ответил я. — Если у меня будет печь и достаточно времени.

— Сколько тебе потребуется, чтобы получить две унции чистого?

Он рассеянно щелкнул суставами пальцев.

Опять новый вопрос. Я замолчал, размышляя.

— По крайней мере сто пятьдесят литров, магистр Мандраг, в зависимости от качества материала.

Повисла долгая пауза, магистр продолжал щелкать суставами.

— Какие три самых важных правила химика?

Это я знал от Бена:

— Маркируй четко. Отмеряй дважды. Не ешь на рабочем месте.

Он кивнул все с той же слабой улыбкой.

— Магистр Килвин?

Килвин был сильдьйцем, его крепкие плечи и черная щетинистая борода напомнили мне медведя.

— Ладно, — буркнул он, растопыривая перед собой толстые пальцы. — Как ты сделаешь вечно горящую лампу?

Каждый из восьми магистров произвел негодующий звук или жест.

— Что? — огрызнулся Килвин, раздраженно зыркнув на них. — Это мой вопрос. Моя очередь спрашивать. — Он снова обратил все внимание на меня. — Ну? Как ты ее сделаешь?

— Возможно, — сказал я медленно, — я бы начал с маятника какого-нибудь рода. Затем я бы связал его с...

— Краэм. Нет. Не так, — прорычал Килвин, бухая кулаком по столу при каждом слове. Каждый удар сопровождался очередью вспышек

красноватого света, исходящего от его руки. — Никакой симпатии. Я хочу не вечно светящую лампу. Я хочу вечно горящую.

Он снова посмотрел на меня, оскалив зубы, словно собирался съесть.

— Литиевая соль? — брякнул я не подумав, затем дал задний ход: — Нет, натриевое масло, которое горит в закрытом... нет, проклятье, — пробормотал я и умолк.

Другие соискатели не сталкивались с подобными вопросами.

Магистр оборвал меня коротким взмахом руки:

— Достаточно. Поговорим позже. Элкса Дал.

Мгновение ушло у меня на то, чтобы вспомнить: Элкса Дал — следующий магистр. Я повернулся к нему. Он выглядел как архетипический злой колдун, неприменный участник столь многих дурных атуранских пьес: холодные темные глаза, худое лицо, короткая черная борода. Несмотря на все это, смотрел он вполне дружелюбно.

— Назови слова первого параллельного кинетического связывания?

Я бойко назвал. Он, кажется, не удивился.

— Какое заклятие использовал магистр Килвин минуту назад?

— Конденсаторно-кинетическое свечение.

— Каков синодический период?

Я недоуменно посмотрел на него:

— Луны? — Вопрос несколько выбивался из ряда.

Он кивнул.

— Семьдесят два с третью дня, сэр. Плюс-минус.

Он пожал плечами и скривил рот в улыбке, словно ожидал поймать меня последним вопросом.

— Магистр Хемме?

Хемме поглядел на меня поверх сложенных лесенкой пальцев.

— Сколько ртути понадобится, чтобы восстановить два гила белой серы? — спросил он презрительно, словно я уже дал неправильный ответ.

За час молчаливого наблюдения я узнал многое. В частности, что магистр Хемме — главная и непревзойденная шельма в этой компании. Он приходил в восторг от затруднений студента и изо всех сил старался найти повод придраться и выбить почву из-под ног. Особую страсть он питал к вопросам с подвохом.

К счастью, я видел, как он испытывал этим вопросом другого студента. Видите ли, белую серу нельзя восстановить ртутью.

— Ну... — протянул я, притворяясь, что обдумываю вопрос. На секунду гнусная улыбка Хемме стала шире. — Если вы имеете в виду красную серу, то около сорока одной унции, сэр.

Я коротко улыбнулся ему. Широко, во все зубы.

— Назови девять главных логических ошибок, — рявкнул он.

— Упрощение. Обобщение. Замкнутость на себя. Редукция. Аналогия. Ложная причинность. Смысловая игра. Нерелевантность аргументов...

Я замолчал, не в силах вспомнить формальное название последнего. Мы с Беном называли его Налът, по императору Налъто. Меня ужасно раздражало, что я не могу вспомнить слово, хотя читал его в «Риторике и логике» всего несколько дней назад.

Мое раздражение, очевидно, отразилось на лице. Хемме впился в меня глазами, когда я умолк, и ехидно спросил:

— Ну же, неужели ты не знаешь всего на свете? — и откинулся в кресле, совершенно удовлетворенный.

— Я бы не пришел сюда, если бы не считал, что мне еще есть чему учиться, — резко ответил я, не успев поймать себя за язык.

Килвин по другую сторону стола басовито хохотнул.

Хемме открыл было рот, но ректор заткнул его взглядом, прежде чем тот успел что-либо сказать.

— Итак, — начал ректор, — я думаю...

— Я тоже хочу задать несколько вопросов, — произнес человек справа от ректора. Он говорил с акцентом, которого я не смог распознать, — возможно, его голос давал особенный призыв. Когда он заговорил, все за столом пошевелились и застыли, как листья, чуть тронутые ветром.

— Магистр имен, — сказал ректор с равными долями почтения и тревоги.

Элодин был младше остальных по меньшей мере на десяток лет. Чисто выбритый, с глубокими глазами, среднего роста, среднего сложения — в нем не было ничего особенного, кроме того, как он сидел за столом, порой пристально за чем-то наблюдая, а в следующую минуту скучая и блуждая взглядом среди высоких балок потолка. Он выглядел почти как ребенок, которого заставили сидеть со взрослыми.

Магистр Элодин посмотрел на меня. Я почувствовал это — именно почувствовал — и подавил дрожь.

— Сохекетх ка сиару крема'тетх ту? — спросил он. «Насколько хорошо ты говоришь на сиару?»

— Риеуза, та крелар деала ту. — «Не очень хорошо».

Он поднял руку, оттопырив указательный палец вверх.

— Сколько пальцев я поднял?

Я замешкался на секунду — хотя, казалось бы, вопрос не заслуживал никакого размышления.

— По крайней мере один, — сказал я. — Но точно не больше шести.

Элодин расплылся в широкой улыбке и вытащил из-под стола вторую руку, на ней были подняты два пальца. Он помахал рукой перед носом других магистров, призывая их посмотреть и вертя головой — радостно, как ребенок. Затем он положил руки перед собой на стол и внезапно стал серьезен.

— Ты знаешь семь слов, которые заставят женщину полюбить тебя?

Я посмотрел на него, стараясь решить, есть ли в вопросе что-то еще.

Поскольку больше ничего не добавилось, я просто ответил:

— Нет.

— Они существуют, — заверил меня магистр имен и сел с довольным видом. — Магистр языков?

— По-моему, ответы покрывают большую часть необходимых знаний, — сказал ректор почти про себя.

У меня создалось впечатление, будто его что-то выбило из колеи, но я не мог понять, что именно, — он был слишком сложен для меня.

— Ты простишь, если я буду спрашивать о вещах ненаучных?

Не имея особенного выбора, я кивнул.

Ректор бросил на меня взгляд, затянувшийся, как мне показалось, на несколько минут.

— Почему Абенти не прислал с тобой рекомендательное письмо?

Я колебался. Не все странствующие актеры так достойны уважения, как наша труппа, поэтому, понятно, не все их уважали. Но я сомневался, что ложь — лучший путь.

— Он оставил мою труппу три года назад. С тех пор я его не видел.

Все магистры посмотрели на меня. Я почти слышал, как они производят мысленный расчет, сколько мне тогда было лет.

— Да пойдемте уже, — негодуя сказал Хемме и дернулся, словно собираясь встать.

Ректор бросил на него мрачный взгляд, заставивший его умолкнуть.

— Почему ты хочешь учиться в Университете?

Я стоял огорошенный. Это был единственный вопрос, к которому я оказался совершенно не готов. Что я мог сказать? «Десять тысяч книг. Ваши архивы. Я с детства мечтал их прочитать»? Правда, но слишком по-детски. «Я хочу отомстить чандрианам»? Слишком театрально. «Стать столь могущественным, чтобы никто больше не мог причинить мне боль»? Слишком угрожающе.

Я поднял глаза на ректора и осознал, что молчу уже довольно долго. Не в состоянии придумать ничего больше, я пожал плечами и сказал:

— Я не знаю, сэр. Полагаю, мне придется узнать и это тоже.

В глазах ректора засветился любопытный огонек, но он задавил его и спросил:

— Есть еще что-нибудь, что ты хочешь сказать?

Он задавал этот вопрос другим соискателям, но ни один из них не воспользовался возможностью. Вопрос выглядел почти риторическим, ритуальным — перед тем, как магистры начнут обсуждать плату за обучение для данного студента.

— Да, спасибо, — сказал я, удивив всех. — Я имею честь просить о большем, чем простой прием. — Я сделал глубокий вдох, заставляя сосредоточить внимание на мне. — Я добирался сюда около трех лет. Возможно, я кажусь слишком юным, но я подхожу этому месту не меньше, если не больше, чем некоторые богатые сынки лордов, которые не отличат соль от цианида даже на вкус.

Пауза.

— Однако на данный момент у меня в кошельке две йоты, и в целом мире нет места, где я мог бы достать больше. У меня нет ничего, что я мог бы продать и еще не продал. Назначите мне сумму большую, чем две йоты, — и я не смогу учиться. Назначите меньшую — и я буду здесь каждый день, а каждую ночь буду делать все, чтобы выжить, пока учусь. Я буду спать на улицах и в конюшнях, мыть посуду за кухонные объедки, кланчить пенни, чтобы купить перья. Я буду делать все, что понадобится.

Последние слова я произнес яростно, почти прорычал.

— Но если примете меня бесплатно и дадите три таланта, чтобы я мог жить и купить все необходимое для хорошей учебы, я стану студентом, какого вам еще не доводилось видеть.

Полдыхания стояла тишина, потом раздался громовой раскат хохота Килвина.

— Ха! — проревел он. — Если бы у одного студента из десяти была хоть половина такого задора, я бы учил хлыстом и стулом, а не мелом и доской. — Он тяжело впечатал ладонь в стол.

Это всколыхнуло всех: магистры заговорили одновременно, каждый в своей манере. Ректор чуть махнул в мою сторону, и я воспользовался шансом упасть на стул, стоящий на краю освещенного круга.

Казалось, дискуссия продолжается невозможно долго. Но даже две или три минуты покажутся вечностью, когда ты сидишь, а кучка стариков спорят о твоём будущем. До настоящего крика не дошло, но руками махали изрядно — в основном магистр Хемме, который, похоже, невзлюбил меня так же, как я его.

Все было бы не так плохо, если бы я мог понять, что они говорят, но даже мои чуткие уши слухача не могли уловить, что происходит за столом.

Внезапно они прекратили совещаться, ректор глянул на меня и махнул, чтоб я подошел.

— Да будет записано, — сказал он официально, — что Квоут, сын... — Он умолк, посмотрев вопросительно.

— Арлидена, — продолжил я. Имя прозвучало странно для меня после всех этих лет.

Магистр Лоррен повернулся, моргнув один раз.

— ...Арлидена, принимается в Университет на время получения им образования сорок третьего равниса. Зачисление в состав арканума по подтверждению, что он освоил базовые принципы симпатии. Официальный поручитель — Килвин, магистр артефактов. Ему назначается плата за обучение в сумме трех талантов с минусом.

Внутри у меня сгустилась огромная черная тяжесть. С тем же успехом они могли потребовать не три таланта, а все деньги мира — все равно у меня не было ни малейшей надежды заработать их до начала семестра. Помогая на кухне, бегая по поручениям за пенни, я скопил бы столько за год — при определенном везении, конечно.

На миг во мне вспыхнула отчаянная надежда, что я смогу срезать столько кошельков к нужному времени. Но я знал, что эта мысль именно от отчаяния. Люди с такими деньгами обычно лучше знают, куда их класть, а не швыряют в кошелек.

Я не замечал, что магистры уходят из-за стола, пока один из них не подошел ко мне. Я поднял глаза и увидел магистра архивов.

Лоррен оказался выше, чем я предполагал, — около двух метров. С длинным лицом и руками, он выглядел так, будто его хорошенько растянули. Увидев, что я наконец обратил на него внимание, Лоррен спросил:

— Ты сказал, что имя твоего отца Арлиден?

Он спросил это очень спокойно, без тени сожаления или извинения в голосе. Почему-то это ужасно меня разозлило: сначала он на корню подрубил мое стремление попасть в Университет, а теперь подходит и спрашивает о моем погибшем отце так легко, словно желает доброго утра.

— Да, — напряженно ответил я.

— Арлиден-бард?

Мой отец всегда считал себя актером. Он никогда не называл себя бардом или менестрелем. Услышав, что его так называют, я разозлился еще больше, если это было возможно, и даже не соизволил ответить — просто

резко кивнул.

Если Лоррен посчитал мой ответ слишком скупым или дерзким, то не подал и виду.

— Мне было интересно, в какой труппе он выступает.

Мое тонкое терпение лопнуло.

— А, вам было интересно, — сказал я со всем ядом, какой мог пролить мой отточенный в труппе язык. — Тогда вам придется еще некоторое время пробыть в неведении. Думаю, у вас хватит терпения перенести его. Когда я вернусь, заработав мои три таланта, может быть, тогда вы сможете узнать.

Я бросил на него яростный взгляд, словно надеясь прожечь его насквозь.

Реакция магистра была почти незаметной, и только позже я обнаружил, что дожидаться от Лоррена хоть какой-нибудь реакции — все равно что узреть моргающий каменный столп.

Сначала он выглядел слегка озадаченным, потом чуть-чуть ошарашенным, потом, поскольку я так и пялился на него, выдал бледную тонкую улыбку и молча вручил мне полоску бумаги. Я развернул ее и прочитал:

«Квоут. Весенний семестр. Обучение: —3 тлн». Минус три таланта. Конечно.

Облегчение затопило меня. Будто огромная волна сшибла меня с ног — я внезапно сел на пол и разревелся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

Лоррен вел меня через двор.

— Об этом и была большая часть дискуссии, — объяснил магистр Лоррен голосом спокойным, как камень. — Тебе надо было назначить плату. Всем полагается плата.

Придя в себя, я извинился за свое ужасное поведение. Он спокойно кивнул и предложил проводить меня к казначею, чтобы не вышло никакой путаницы с моей вступительной «платой».

— После того как было решено принять тебя на тех условиях, что ты предложил... — Лоррен сделал краткую, но многозначительную паузу, подводя меня к мысли, что все оказалось не так просто. — Возникла некоторая проблема: не было еще случая, чтобы поступающим студентам раздавали деньги. — Он снова сделал паузу. — Довольно необычная ситуация.

Лоррен провел меня через холл и вниз по лестнице в другое каменное здание.

— Здравствуй, Риём.

Казначей был раздражительным пожилым человеком, который стал еще раздражительнее, когда узнал, что ему придется отдавать деньги мне, а не наоборот. После того как я получил три таланта, магистр Лоррен вывел меня наружу.

Я вспомнил кое-что и порылся в кармане, радуясь поводу сменить тему беседы.

— У меня есть расписка из «Разорванного переплета». — Я передал ему клочок бумаги, забавляясь мыслью, что подумает владелец, когда книгу, проданную ему грязным уличным оборванцем, вдруг потребует назад университетский магистр архивов. — Магистр Лоррен, я очень ценю, что вы согласились сделать это, и надеюсь, вы не сочтете меня неблагодарным, если я попрошу еще об одном одолжении...

Лоррен бросил взгляд на расписку, прежде чем сунуть ее в карман, и внимательно посмотрел на меня. Нет, не внимательно. Не вопросительно. На его лице вообще не было никакого выражения: ни любопытства, ни раздражения — ничего. Если бы не тот факт, что его взгляд был сосредоточен на мне, я бы мог подумать, что он обо мне забыл.

— Проси, не стесняйся, — сказал он.

— Эта книга. Она — все, что у меня осталось от... прежней жизни. Я бы очень хотел выкупить ее у вас когда-нибудь, когда у меня будут деньги.

Он кивнул, по-прежнему не изменившись в лице.

— Это можно устроить. Не беспокойся: ее будут хранить так же тщательно, как любую другую книгу в архивах.

Лоррен поднял руку, подзывая проходящего мимо студента.

Рыжеватый юноша резко остановился и, явно занервничав, подошел. Излучая почтение, он кивнул магистру архивов, кивок получился похожим на поклон.

— Да, магистр Лоррен?

Лоррен указал на меня своей длинной рукой.

— Симмон, это Квоут. Ему надо все тут показать, записать на уроки и все такое. Килвин хочет его на артефакцию. В остальном доверяйся своему опыту. Сможешь?

Симмон снова кивнул и отбросил волосы с глаз:

— Да, сэр.

Не сказав больше ни слова, Лоррен повернулся и пошел широким шагом, заставлявшим его черную магистерскую мантию развеваться позади.

Симмон выглядел юным для студента, но все же старше меня на пару лет. Он был выше, но лицо и по-детски робкие манеры выдавали в нем мальчишку.

— У тебя есть где остановиться? — спросил он. — Комната в трактире или что-нибудь?

Я покачал головой.

— Я только пришел. Главное было — сдать экзамен, дальше не загадывал.

Симмон хмыкнул:

— Знаю, что это такое. В начале каждой четверти все еще потею от страха. — Он указал налево, вдоль широкой аллеи, окаймленной деревьями. — Тогда пойдем сначала в гнезда.

Я остановился.

— У меня не так уж много денег, — признался я.

Снимать комнату я не планировал, привыкнув спать на улице и зная, что мне нужно сохранить свои три таланта на одежду, еду, бумагу — и на обучение в следующей четверти. Не стоит надеяться на щедрость магистров две четверти подряд.

— Прием прошел не слишком удачно? — сочувственно спросил Симмон, взяв меня за локоть и направляя к другому серому университетскому зданию. Оно было трехэтажное, с большим количеством окон и несколькими крыльями, расходящимися от центрального круга. — Ты не расстраивайся. Я так нервничал, когда поступал, что чуть не описался. Фигурально выражаясь.

— Да я не расстраиваюсь, — сказал я, внезапно очень остро ощутив три таланта в кошельке. — Но я боюсь, что обидел магистра Лоррена. Он показался немного...

— Холодным? — перебил Симмон. — Сухим? Похожим на каменный столб с глазами? — Он расхохотался. — Лоррен всегда такой. Ходят слухи, что Элкса Дал давно обещает десять золотых марок тому, кто его рассмешит.

— А-а. — Я немного расслабился. — Это хорошо. Он последний человек, с которым мне хотелось бы поссориться. Я собираюсь много времени проводить в архивах.

— Просто хорошо обращайся с книгами, и все будет в порядке. Обычно Лоррен абсолютно невозмутим, но с книгами его будь аккуратен. — Он поднял брови и покачал головой. — Когда дело касается книг, магистр страшнее медведицы, защищающей детенышей. Честно говоря, я бы лучше попался медведице, чем Лоррену, если он увидит, как я загибаю уголок на странице.

Симмон пнул камешек, послав его скакать по мостовой.

— Ладно. Ты можешь устроиться в гнездах. За талант тебе дадут койку и карточку на еду на четверть. — Он пожал плечами. — Не особенно роскошно, но хоть от дождя укроет. Можно получить комнату на двоих за два таланта или на одного — за три.

— А что за карточка на еду?

— Еда три раза в день вон там, в столовой. — Симмон указал на длинное невысокое строение через лужайку. — Не так уж и плоха, если не слишком задумываться о том, откуда она могла взяться.

Я быстро подсчитал. Талант за два месяца хорошей еды и сухое место для сна — лучшее, на что я мог надеяться. Я улыбнулся Симмону:

— То, что надо.

Симмон кивнул, открывая дверь в гнезда.

— Тогда койки. Пошли найдем старосту и запишем тебя.

Койки для студентов-неарканистов располагались на четвертом этаже восточного крыла гнезд — самого дальнего от умывален первого этажа.

Как и предупреждал Сим, жилье оказалось не особенно роскошным. Но на узкой кровати лежали чистые простыни, а под ней стоял сундук с замком, где я мог хранить свои скудные пожитки.

Все нижние койки уже были заняты, поэтому я выбрал верхнюю, в дальнем углу комнаты. Выглянув со своей койки в узкое окно, я вспомнил потайное место на тарбеанских крышах. Похожесть удивительно успокаивала.

На обед полагалась миска истекающего паром картофельного супа, бобы, тонкие ломтики жирного бекона и свежий бурый хлеб. Большие дощатые столы были заполнены почти наполовину, всего в столовой сидело около двухсот студентов. Помещение наполнилось тихим гулом разговоров, прерываемых смехом и металлическим стуком ложек и вилок по жестяным подносам.

Симмон провел меня в дальний угол длинной комнаты. Два студента подняли на нас глаза, когда мы подошли. Симмон, ставя поднос, свободной рукой указал на меня:

— Люди, встречайте Квоута. Наш самый новенький ясноглазый первочетвертник. — Он показал сначала на одного студента, потом на другого: — Квоут, это худшие студенты, которых может предложить арканум: Манет и Вилем.

— Уже виделись, — сказал Вилем. Он оказался тем самым темноволосым сильдийцем из архивов. — Ты действительно шел на экзамены? — добавил он, слегка удивленный. — Думал, ты пытаешься меня надуть. — Он протянул мне руку: — Добро пожаловать.

— Тейлу болезный, — пробормотал Манет, оглядывая меня. Ему было не меньше пятидесяти. При его буйной шевелюре и сидящей бороде вид он имел слегка взъерошенный, словно проснулся пару минут назад. — Я действительно так стар, как себя чувствую? Или он так молод, как выглядит?

— И то и другое, — жизнерадостно заверил его Симмон, садясь. — Квоут, Манет тут в аркануме дольше, чем все мы, вместе взятые.

Манет фыркнул.

— Бери больше: я в аркануме дольше, чем любой из вас прожил.

— И все еще презренный э'лир, — заметил Вилем, из-за его сиарского акцента непонятно было, с сарказмом он говорит или нет.

— Ура э'лирам, — с готовностью отозвался Манет. — Вы, мальчишки, еще пожалеете, если продвинетесь выше по рангу, уж поверьте мне. Только больше склок и выше плата.

— Мы, Манет, хотим получить гильдеры, — сказал Симмон. — И

желательно до того, как помрем.

— Гильдеры тоже переоценивают, — заметил Манет, отламывая кусок хлеба и обмакивая его в суп. Беседа звучала легко и непринужденно, и я предположил, что тема привычная.

— Как у тебя? — нетерпеливо спросил Симмон у Вилема.

— Семь и восемь, — буркнул тот.

Симмон выглядел пораженным.

— Что, во имя Господа, случилось? Ты дал в глаз кому-то из них?

— Да промахнулся с цифрами, — мрачно ответил Вилем. — Лоррен спросил о влиянии субинфеодации на модеганскую валюту. А Килвину пришлось переводить. Даже тогда я не смог ответить.

— Моя душа рыдает по тебе, — беспечно сообщил Симмон. — Ты издевался надо мной последние две четверти, я был просто обязан в конце концов отыграться. У меня пять талантов и за эту четверть. — Он протянул руку. — Плати.

Вилем порылся в кармане и отдал Симу медную йоту.

Я посмотрел на Манета:

— А ты не играешь в это?

Шевелюристый старикан фыркнул и покачал головой.

— У меня против них слишком большое преимущество, — ответил он с набитым ртом.

— Давай послушаем, — вздохнул Симмон. — Сколько за эту четверть?

— Один и шесть, — ответил Манет, по-волчьи осклабившись.

Прежде чем кто-нибудь догадался спросить меня о моей плате, я сказал:

— Я слышал, кому-то назначили тридцать талантов. Часто так задирают?

— Нет, если у тебя достаточно здравого смысла, чтобы оставаться в нижних классах, — буркнул Манет.

— Только дворянам, — сказал Вилем. — Краэмлиш, недоумки, которым нечем заняться, здесь учатся. Думаю, им ставят такую высокую плату, только чтобы они могли жаловаться.

— Мне все равно, — сказал Манет. — Пусть берут их деньги, а мою плату оставят низкой.

Я подпрыгнул, когда по другую сторону стола грохнул поднос.

— Полагаю, вы говорите обо мне.

Владелец подноса, голубоглазый и красивый, с аккуратно подстриженной бородкой и высокими модеганскими скулами, был одет в насыщенные, но неяркие цвета. На бедре у него висел нож с резной

рукоятью — первое оружие, которое я видел в Университете.

— Совой? — ошарашенно спросил Симмон. — Что ты здесь делаешь?

— Я задаюсь тем же вопросом. — Совой посмотрел на скамью. — Что, в этом месте нет приличных стульев? — Он сел, странно сочетая в своем движении непринужденное изящество и чопорность оскорбленного достоинства. — Отлично. Дальше я буду обедать с солдатней и через плечо бросать кости собакам.

— Этикет диктует, чтобы через левое, ваше высочество, — ухмыльнувшись, заметил Манет с полным хлеба ртом.

Глаза Совоя вспыхнули гневом, но, прежде чем он успел что-нибудь сказать, Симмон спросил его:

— Что случилось?

— Моя плата теперь шестьдесят восемь стрелаумов, — возмущенно сообщил он.

Симмон ошеломленно моргнул:

— Это много?

— Это много, — язвительно отозвался Совой. — И без всякой причины. Я ответил на все вопросы. Это зависть, просто и ясно. Мандраг меня не любит, и Хемме тоже. Кроме того, всякий знает, они выжимают из благородных вдвое больше, чем из вас, просто до костей высасывают.

— Вон Симмон благородный. — Манет указал ложкой. — Но, кажется, неплохо сам справляется.

Совой резко втянул носом воздух.

— Папаша Симмона — бумажный герцог, кланяющийся жестяному королю в Атуре. Да у лошадей моего отца родословная длиннее, чем у половины из вас, атуранских дворянчиков.

Симмон слегка напрягся, но глаз от еды не поднял.

Вилем повернулся к Совою, его темные глаза сурово сузились. Но прежде чем он что-нибудь сказал, Совой ссутулился и потер лицо рукой.

— Прости, Сим, мой дом и имя твои. Просто... все вроде бы шло лучше в этой четверти, а стало, наоборот, хуже. Мое содержание даже не покроет плату за обучение, и никто больше не даст мне кредита. Знаешь, как это унижительно? Мне пришлось уйти из моих комнат в «Золотом пони». Я теперь на третьем этаже гнезд. Мне чуть ли не приходится делить комнату. Что бы сказал мой отец, если бы узнал?

Жующий Симмон пожал плечами и сделал некий жест ложкой, который, видимо, означал, что он не обижен.

— Ты бы лучше не наряжался, как павлин, — сказал Манет. — Снимай шелка, когда идешь на экзамен.

— То есть как это? — спросил Совой, снова вспыхивая гневом. — Я должен унижаться? Посыпать голову пеплом? Рвать на себе одежду? — По мере нарастания злости его мелодичный акцент становился все более отчетливым. — Нет. Ни один из них не лучше меня. Мне нет нужды кланяться.

За столом наступила неловкая тишина. Я заметил, что немало студентов наблюдает за представлением из-за ближних столов.

— Хилта тиам, — продолжал Совой. — Нет ничего в этом месте, что не заслужило бы моей ненависти. Погода у вас буйная и первобытная, религия варварская и ханжеская. Ваши шлюхи невежественны и невоспитанны. А язык ваш едва способен выразить, насколько это жалкое место...

Голос Совой становился все тише, и наконец он уже будто разговаривал сам с собой.

— Мои корни уходят в глубь веков на пятьдесят поколений, они старше деревьев и камней. И я докатился до такого. — Он подпер подбородок ладонями и воззрился на свой поднос. — Ячменный хлеб. Боги свидетели, человек создан, чтобы есть пшеницу.

Я наблюдал за ним, жуя свежий ячменный хлеб — божественно вкусный.

— Не знаю, о чем я думал, — внезапно сказал Совой, вскакивая. — Я не могу так жить.

И он унесся прочь, оставив поднос на столе.

— Вот это Совой, — непринужденно сказал мне Манет. — Не худший в своем роде, хотя обычно до такого он не допивается.

— Он модеганец?

Симмон рассмеялся:

— Большого модеганца, чем Совой, не найти.

— Не стоило заводить его, — сказал Вилем Манету.

Из-за акцента я не мог понять, упрекает ли он старого студента, но его темное сильдийское лицо выказывало явный укор. Я догадался, что он, будучи иностранцем, сочувствует Совой в привыкании к языку и культуре Содружества.

— У Совой действительно трудные времена, — поддержал его Симмон. — Помните, как ему пришлось отпустить своего слугу?

Манет, жуя, закатил глаза и изобразил обеими руками игру на воображаемой скрипке. На лице его не отражалось никакого сочувствия.

— В этот раз ему пришлось продать кольца, — заметил я. Вилем, Симмон и Манет повернулись ко мне с любопытством. — У него на

пальцах были бледные полосы, — объяснил я, подняв руку для наглядности.

Манет оглядел меня внимательнее.

— Неплохо! Наш новый студент, похоже, умен со всех сторон. — Он повернулся к Вилему и Симмону. — Парни, у меня есть настроение побиться об заклад. Ставлю две йоты, что юный Квоут попадет в арканум до конца своей третьей четверти.

— Три четверти? — удивленно пробормотал я. — Они сказали, я должен только подтвердить, что освоил основные принципы симпатии.

Манет мягко мне улыбнулся:

— Они всем это говорят. «Принципы симпатии» — один из предметов, через который надо продраться, чтобы тебя повысили до э'лира. — Он выжидающе повернулся к Виду и Симу: — Ну как? Две йоты?

— Я поспорю. — Вилем глянул на меня и, извиняясь, пожал плечами. — Без обид. Я играю на вероятность.

— А что ты будешь изучать? — спросил Манет, когда они ударили по рукам.

Вопрос застал меня врасплох.

— Все, наверное.

— Ты говоришь прямо как я тридцать лет назад, — ухмыльнулся Манет. — С чего собираешься начать?

— С чандриан, — сказал я. — Я хочу узнать о них все, что только возможно.

Манет нахмурился, потом расхохотался.

— Что ж, это замечательно. Сим здесь изучает фейри и пикси. Вил верит во всяких дурацких сильдийских духов неба и все такое. — Он смешно напыжился. — А я спец по бесам и шаркунам.

Я почувствовал, как мое лицо заливает горячая волна смущения.

— Господне тело, Манет, — оборвал его Сим. — Что тебе в голову ударило?

— Я только что поставил две йоты на мальчишку, который хочет изучать детские сказочки, — пробурчал Манет, тыкая в мою сторону вилкой.

— Он имел в виду фольклор. Вот что. — Вилем повернулся ко мне: — Ты хочешь работать в архивах?

— Фольклор — часть этого, да, — быстро увильнул я, радуясь возможности оправдаться. — Я хочу посмотреть, как сказки в различных культурах согласуются с теорией Теккама о семеричности в сюжетах.

Сим повернулся к Манету:

— Видишь? Чего ты сегодня такой дерганый? Когда ты в последний раз спал?

— Не разговаривай со мной в таком тоне, — буркнул Манет. — Я урвал пару часиков прошлой ночью.

— И какая это была ночь? — нажимал Сим.

Манет задумался, глядя на поднос:

— Поверженья?

Вилем потряс головой, пробормотав что-то на сиару.

Симмон выглядел испуганным:

— Манет, вчера было возжиганье. Неужели ты два дня не спал?

— Наверно, нет, — неуверенно сказал Манет. — Я всегда теряю счет времени во время экзаменов. Когда нет занятий, это ломает мне график. Кроме того, у меня идет проект в артной. — Он умолк, почесав лицо обеими руками, затем повернулся ко мне: — Они правы. Я немного не в себе сейчас. Теккамовская семеричность, фольклор и все такое. Слегка книжно для меня, но прекрасный предмет для изучения, я не хотел тебя обидеть.

— Да я не обиделся, — беспечно сказал я и кивнул на поднос Совоя. — Двиньте-ка это сюда. Если наш благородный товарищ не собирается возвращаться, я заберу его хлеб.

После того как Симмон сводил меня записаться на предметы, я направился в архивы, горя желанием посмотреть на них после стольких лет мечтаний.

На этот раз, когда я вошел в архивы, за столом сидел юноша дворянского вида. Он постукивал пером по листку бумаги, носящему следы многократного переписывания и зачеркивания. Когда я подошел, юноша сердито нахмурился и зачеркнул еще одну строку. Его лицо было просто создано, чтобы хмуриться, а мягкие бледные руки, ослепительно белая льняная рубашка и ярко окрашенный синий жилет просто-таки благоухали богатством. Некая часть меня, не так давно сбежавшая из Тарбеана, зачесалась проверить его карманы.

Юноша еще несколько секунд постучал пером, потом с чрезвычайно раздраженным вздохом отложил его.

— Имя, — сказал он, не поднимая глаз.

— Квоут.

Он пролистал журнал, нашел нужную страницу и нахмурился.

— Тебя нет в книге. — Он коротко взглянул на меня, снова нахмурился и вернулся к стишку, над которым трудился. Поскольку я не собирался

уходить, юноша махнул пальцами, словно отгоняя жука. — Свободен, проваливай.

— Я только что...

Он снова взялся за перо.

— Слушай, — сказал он медленно и отдельно, словно объясняя дураку. — Тебя нет в книге. — Он театрально показал обеими руками на журнал, потом на двери: — Ты не пройдешь внутрь. Точка.

— Я только что прошел экзамены...

Дворянчик воздел и уронил руки в бешенстве.

— Тогда конечно тебя нет в книге.

Я порылся в кармане в поисках своей приемной карточки.

— Магистр Лоррен сам мне это дал.

— Да пусть он тебя хоть на спине сюда притащит, — отмахнулся благородный невежа, аккуратно обмакивая перо в чернильницу. — Хватит тут тратить мое время. У меня есть дела.

— Тратить твое время? — взвился я, потеряв терпение. — Да ты хоть представляешь, через что я прошел, чтобы попасть сюда?

Он поднял глаза на меня, его лицо внезапно стало глумливым.

— Ну-ка дай угадаю, — сказал он, положив ладони на стол и поднимаясь на ноги. — Ты всегда был сообразительнее других детишек в Трахогрязках, или из какой ты там загаженной дыры. Твое умение читать и считать повергало деревенских в священный трепет.

Я услышал, как за моей спиной открылась и затворилась наружная дверь, но наглец не обратил на это никакого внимания. Обойдя стол, он облокотился на него и продолжал:

— Твои родители поняли, что ты особенный, за пару лет скопили денег и купили тебе пару башмаков, а свиную попойку перешли в рубашку. — Он протянул руку, чтобы пощупать ткань моей новой рубахи. — Это заняло месяцы ходьбы, сотни километров тряски на телегах, запряженных мулами. Но в конце концов... — Он широко развел руки: — Хвала Тейлу и всем его ангелам! Ты здесь — с горящими глазами и полный мечтаний!

Я услышал смех и, обернувшись, увидел двух мужчин и молодую женщину, вошедших посреди его тирады.

— Господне тело, Амброз. Что тебя так взбеленило?

— Проклятые первочетвертники, — проворчал Амброз, направляясь обратно к своему месту за столом. — Заваливаются сюда, одетые в груды лохмотьев, и ведут себя так, словно они здесь хозяева.

Трое вошедших направились к двери с пометкой «Хранилище». Я изо

всех сил постарался подавить горячий прилив смущения, когда они оглядели меня с головы до ног.

— Так мы идем вечером в «Эолиан»?

Амброз кивнул:

— Конечно. Шестой колокол.

— Ты не собираешься проверить, есть ли они в книге? — спросил я, когда за ними закрылась дверь.

Амброз повернулся ко мне с широкой, раздраженной и уж никак не дружеской улыбкой.

— Слушай, я дам тебе бесплатный совет. У себя дома ты был чем-то особенным. Здесь ты просто еще один наглый мальчишка. Так что обращай ко мне «ре'лар», отправляйся обратно на свою койку и благодари того языческого бога, которому молишься, что мы не в Винтасе. Мы с отцом приковали бы тебя к столбу, как бешеную собаку.

Он пожал плечами:

— Ну или не уходи. Оставайся здесь. Закати сцену. Залейся слезами. Еще лучше, набросься на меня с кулаками. — Амброз улыбнулся. — Я дам тебе подзатыльник и выведу отсюда за ухо.

Он взял перо и вернулся к тому, что писал.

Я ушел.

Вы можете подумать, что эта стычка обескуражила меня и привела в уныние. Что я почувствовал себя преданным, а мечты моего детства об Университете были жестоко разбиты.

Совсем наоборот: это придало мне уверенности. Я чувствовал себя несмело, пока Амброз не показал мне, в своей неповторимой манере, что нет большой разницы между Университетом и улицами Тарбеана. Не важно, где ты находишься, — люди по большому счету везде одинаковые.

Кроме того, злость согревает ночами, а уязвленная гордость может подвигнуть человека на отчаянные подвиги.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СИМПАТИЯ В ГЛАВНОМ ЗДАНИИ

Главное здание было самым старым в Университете. Веками оно медленно разрасталось во всех направлениях, постепенно поглощая меньшие строения и дворики. Оно имело вид причудливой породы архитектурного лишайника, пытающегося захватить как можно больше квадратных метров.

Найти в этом месте то, что тебе нужно, было нелегкой задачей. Коридоры делали странные повороты, внезапно оканчивающиеся тупиками, или превращались в длинные извилистые окольные тропы. На проход из одного помещения в другое легко могло уйти минут двадцать, даже если располагались они в пятнадцати метрах друг от друга. Более опытные студенты, конечно, знали короткие пути: через какие аудитории и лекционные залы пройти, чтобы быстрее попасть туда, куда нужно.

По меньшей мере один из двориков был полностью изолированным, и попасть в него можно было только через окно. По слухам, существовало несколько комнат, замурованных кирпичом, — часть из них вместе со студентами. Рассказывали, что их привидения до сих пор бродят ночью по залам, оплакивая свою участь и жалуясь на столовскую еду.

Мое первое занятие проходило в главном здании. К счастью, однокашники предупредили меня, что в этом здании непросто найти класс, так что хоть я и поплутал немного, но пришел даже раньше.

Найдя наконец нужный мне кабинет, я с удивлением заметил, что он напоминает маленький театр. Сиденья шли вверх полукруглыми ярусами перед маленькой, поднятой на возвышение сценой. В больших городах моя труппа давала представления в местах, весьма похожих на это. Мысль эта меня успокоила, и я нашел себе местечко в задних рядах.

Наблюдая, как другие студенты медленно просачиваются в зал, я начал вскипать от возбуждения. Все они были старше меня по крайней мере на несколько лет. Я прокрутил в голове первые тридцать симпатических заклятий, а театр все заполнялся взволнованными студентами. Всего нас было человек пятьдесят, и мы занимали около трех четвертей зала. У некоторых были с собой перья и бумага с твердой подставкой, чтобы писать на ней. У некоторых — восковые дощечки. Я не принес ничего, но это меня не особенно беспокоило: память у меня всегда была прекрасная.

Магистр Хемме вошел в зал и, поднявшись на сцену, встал за каменный стол. В черных магистерских одеждах он выглядел весьма эффектно, так что не прошло и пары секунд, как перешептывающаяся, ерзающая ватага замерла в тишине.

— Так вы хотите быть арканистами? — начал магистр. — Хотите той магии, о которой вы слышали в сказках на сон грядущий? Вы наслушались песен о Таборлине Великом: рвущиеся языки пламени, магические кольца, плащи-невидимки, мечи, которые никогда не тупятся, зелья, от которых начинаешь летать. — Он с отвращением потряс головой. — Что ж, если это то, чего вы ищете, можете уходить прямо сейчас — здесь вы этого не найдете. Потому что всего этого не существует.

В этот момент вошел один студент и, поняв, что опоздал, быстро уселся на свободное место. Но Хемме его заметил.

— Здравствуйте. Рад, что решили заглянуть. Как вас зовут?

— Гел, — робко отозвался парень. — Извините. У меня никак не получалось...

— Гел, — прервал его Хемме. — Куда вы пришли?

Гел открыл рот на секунду, прежде чем ему удалось сказать:

— На принципы симпатии...

— Я не люблю медлительности на своих уроках. К завтрашнему дню вы подготовите доклад о создании симпатических часов, об их отличиях от предшествующих, более капризных часов, которые используют гармоническое движение, и их влиянии на правильное обращение со временем.

Парень заерзал на сиденье:

— Да, сэр.

Хемме вроде бы удовлетворила его реакция.

— Очень хорошо. Так что же такое симпатия?

Еще один мальчик вбежал в класс, прижимая к груди доску. Он был совсем юн, то есть не больше чем на пару лет старше меня. Хемме остановил его, прежде чем тот успел сесть.

— И вам здравствуйте, — сказал он преувеличенно любезно. — А вы кто?

— Бэзил, сэр.

Мальчик неуверенно застыл у дверей. Я узнал его: я шпионил за ним на приемном собеседовании.

— Бэзил, вы случайно не из Илла? — спросил Хемме, ядовито улыбаясь.

— Нет, сэр.

— О, — сказал Хемме, изображая разочарование. — Я слышал, что иллийские племена используют солнце, чтобы определять время, и поэтому не имеют должного понятия о пунктуальности. Ну, раз вы не иллиен, то я не вижу никакого извинения вашему опозданию. А вы?

Губы Бэзила беззвучно двигались секунду, словно пытаюсь составить оправдание, потом выбрали явно лучшее:

— Нет, сэр.

— Хорошо. К завтрашнему дню вы можете подготовить доклад об иллийском лунном календаре в сравнении с более точным и цивилизованным атуранским календарем, с которым вы уже должны быть к этому времени знакомы. Садитесь.

Бэзил безмолвно, как побитая собака, поплелся к ближайшему сиденью.

Хемме находил все новые поводы задерживать лекцию, поджидая следующего запоздавшего студента. Поэтому когда бедняга нерешительно переступил порог, в зале почти звенела напряженная тишина.

Это была девушка лет восемнадцати. Редкая птица. Соотношение мужчин и женщин в Университете где-то десять к одному.

Лицо Хемме смягчилось, когда она вошла. Он быстро сбежал по ступенькам, чтобы поприветствовать девушку.

— О, моя дорогая. Я чрезвычайно доволен, что мы еще не начали сегодняшнее обсуждение.

Он взял ее за локоток и провел вниз по ступенькам к свободному месту в первом ряду.

Девушку явно смутило такое внимание.

— Извините, магистр Хемме. Главное здание больше, чем я полагала.

— Не волнуйтесь, — сердечно произнес Хемме. — Вы здесь, и это главное.

Он заботливо помог ей разместить бумагу и чернила и вернулся на сцену.

Тут уже казалось, что он действительно начнет читать лекцию. Но он снова посмотрел на девушку:

— Простите, мисс. — Она была единственной женщиной в классе. — Простите мои дурные манеры. Как вас зовут?

— Риа.

— Риа — это сокращение от Риан?

— Да, — улыбнулась она.

— Риан, не могли бы вы положить ногу на ногу?

Просьба была высказана в таком серьезном тоне, что в классе не

раздалось ни единого смешка. Обескураженная, Риан скрестила ноги.

— Ну теперь, когда врата ада закрыты, — сказал Хемме в своей обычной, более грубой манере, — мы можем начинать.

Так он и сделал, весь остаток лекции не обращая на девушку внимания. Полагаю, это доброе дело он совершил по чистой случайности.

Это были долгие два с половиной часа. Я слушал внимательно, все время надеясь, что он подойдет к чему-нибудь, что я знал от Абенти. Но ничего подобного не произошло. Я быстро понял, что Хемме обсуждает принципы симпатии на самом низком, базовом уровне. Предмет оказался колоссальной потерей моего времени.

После того как Хемме распустил всех, я сбежал по ступеням и перехватил магистра, когда он уже выходил в другую, низкую дверь.

— Магистр Хемме?

Он повернулся ко мне.

— Ах да, наш чудо-ребенок. Я и не знал, что ты у меня на занятии. Я шел не слишком быстро для тебя, нет?

Я прекрасно понимал, что отвечать честно не стоит.

— Вы раскрыли основы чрезвычайно ясно, сэр. Принципы, о которых вы говорили сегодня, будут хорошим фундаментом знаний для остальных студентов в классе.

Дипломатия — изрядная часть актерского искусства.

Хемме слегка раздулся от полученного комплимента, но затем посмотрел на меня более внимательно.

— Остальных студентов? — переспросил он.

— Боюсь, я уже знаком с основами, сэр. Я знаю три закона и четырнадцать следствий. Как и первые девяносто...

— Да-да, понимаю, — оборвал он меня. — Я очень занят сейчас. Мы можем поговорить об этом завтра перед занятием. — Он повернулся и быстро ушел.

Полбуханки — лучше, чем ничего. Я пожал плечами и отправился в архивы. Если я не могу узнать ничего нового из лекций Хемме, то можно ведь начать самообразование.

Когда я на этот раз вошел в архивы, за столом сидела девушка, причем поразительно красивая — с длинными темными волосами и чистыми ясными глазами. Несомненно, значительное улучшение по сравнению с Амброзом.

Она улыбнулась, когда я подошел к столу.

— Как твое имя?

— Квоут, — ответил я. — Сын Арлидена.

Она кивнула и начала листать журнал.

— А твое? — спросил я, чтобы заполнить тишину.

— Фела, — ответила она, не поднимая глаз. Затем кивнула сама себе и похлопала по журналу: — Вот ты где. Проходи.

Из вестибюля вели две пары дверей, одна была помечена «Хранилище», другая — «Книги». Не зная разницы между ними, я направился к тем, что были помечены «Хранилище». Это было то, чего я хотел: кучи книг, огромные груды книг, бесконечные полки книг.

Я положил руку на ручку двери, но голос Фелы остановил меня:

— Извини. Ты здесь первый раз?

Я кивнул, не отпуская ручку. Я был так близок. Что не так теперь?

— Хранилище только для арканума, — извиняющимся тоном сказала она. Потом встала из-за стола, прошла к другой двери. — Сюда, давай покажу.

Я неохотно отпустил ручку двери и последовал за ней.

Обеими руками она потянула тяжелую деревянную дверь на себя, открыв большое помещение с высоким потолком, заполненное длинными столами. Десяток студентов сидели по всему залу, читая. Зал был хорошо освещен неподвижным светом множества симпатических ламп.

Фела наклонилась ко мне и тихо сказала:

— Это главный читальный зал. Ты найдешь здесь все необходимые книги по основным предметам.

Придержав дверь ногой, она указала на длинный ряд полок вдоль стены с тремя или четырьмя сотнями книг. Столько книг одновременно я еще не видел.

Фела продолжала шептать мне на ухо:

— Это тихое место. Разговаривать можно только шепотом. — (Я уже заметил, что в комнате стоит почти неестественная тишина.) — Если тебе понадобится книга, которой здесь нет, можешь оставить заявку на столе. — Она показала на стол. — Хранисты найдут книгу и принесут тебе.

Я повернулся спросить ее и только тогда понял, насколько она близко ко мне. Как же очарован я был архивами, раз не заметил, что одна из самых красивых женщин Университета стоит меньше чем в пятнадцати сантиметрах от меня.

— А сколько времени уходит на то, чтобы найти книгу? — спросил я, стараясь не глазеть на нее.

— Когда как. — Фела перекинула длинные черные волосы через плечо. — Иногда мы больше заняты, иногда меньше. Некоторые люди лучше ищут нужные книги. — Она пожала плечами, и прядь волос

скользнула по моей руке. — Обычно не больше часа.

Я кивнул, разочарованный, что не могу посмотреть все архивы, но в восторге оттого, что все-таки попал сюда. Опять же, полбуханки лучше, чем ничего.

— Спасибо, Фела. — Я вошел внутрь, и она отпустила дверь, которая закрылась за мной.

Но через секунду хранистка снова вошла.

— Одно, последнее, — тихо сказала она. — Вообще-то это ясно без слов, но ты здесь первый раз... — Ее лицо было серьезно. — Книги не покидают эту комнату. Ничто не выходит из архивов.

— Конечно, — сказал я. — Естественно.

На самом деле я этого не знал.

Фела улыбнулась и кивнула:

— Я просто хотела убедиться. Пару лет назад у нас был юный дворянин, который привык таскать книги из отцовской библиотеки. До этого я никогда не видела, как Лоррен хмурится или говорит громче, чем шепотом. Но когда он поймал этого парня на улице с одной из книг...

Она потрясла головой, словно не могла даже примерно описать то, что увидела.

Я попытался вообразить высокого сурового магистра в гневе и потерпел неудачу.

— Спасибо за предупреждение.

— Не за что. — Фела вернулась в холл.

Я подошел к столу, который она мне указала.

— Как мне попросить книгу? — тихо спросил я храниста.

Он показал на большую книгу записей, наполовину заполненную именами студентов и их запросами. Некоторые просили книги с конкретным названием или автором, но большая часть была просто запросами на информацию. Одна из записей привлекла мое внимание: «Бэзил — иллийский лунный календарь. История алуранского календаря». Я оглядел комнату и увидел мальчика с занятия Хемме: он сгорбился над книгой, делая выписки.

Я написал: «Квоут. История чандриан. Сообщения о чандрианах и их знаки: черные глаза, синее пламя и т. д.».

Потом я прошел к полкам и стал разглядывать книги. Я узнал одну или две с моих занятий с Беном. Единственными звуками в комнате были случайный скрип пера и тихий, как шорох птичьих крыльев, звук переворачиваемых страниц. Я обнаружил, что тишина отнюдь не выбивает меня из колеи, но странным образом успокаивает. Позже я узнал, что это

место зовется «могилой» из-за гробового молчания, царящего здесь.

Наконец мое внимание привлекла книга с названием «Особенности брачных игр драккусов обыкновенных», и я унес ее на один из читальных столов. Я выбрал ее из-за обложки: на ней был вытиснен красивый рельефный дракон, — но, когда начал читать, обнаружил, что это подробное исследование нескольких общеизвестных мифов.

Я уже прочел половину введения, поясняющего, что миф о драконе, по всей вероятности, произошел от куда более прозаичных драккусов, когда моего локтя коснулся хранист.

— Квоут?

Я кивнул, и он вручил мне маленькую книжку в синей матерчатой обложке.

Открыв ее, я сразу же разочаровался. Это оказался сборник сказок о фейри. Я пролистал книгу, надеясь найти хоть что-нибудь полезное, но она была полна приторно-липких сказок о приключениях, адресованных детям. Ну, вы знаете такие: храбрый сирота обманывает чандриан, добывает богатство, женится на принцессе и живет долго и счастливо.

Вздыхнув, я закрыл книгу. Этого следовало ожидать: ведь пока чандрианы не убили мою семью, я тоже считал их не более чем детскими сказками. Такой поиск ни к чему не приведет.

Пройдя к столу, я довольно долго размышлял, прежде чем написать новую строчку в книге запросов. «Квоут. История ордена амир. Происхождение амир. Практики амир». Я дошел до конца строчки и, вместо того чтобы начать новую, посмотрел на храниста за столом.

— Я возьму все об амир, правда, — сказал я.

— Сейчас мы немного заняты, — ответил он, указывая на зал. С тех пор как я пришел сюда, появилось еще около десятка студентов. — Но принесем сразу, как только сможем.

Я вернулся за стол и еще раз просмотрел детские сказки, а потом сменил их на бестиарий. На этот раз ожидание было куда более долгим, и я открывал для себя необычную летнюю спячку саскинианов, когда почувствовал легкое прикосновение к плечу. Я обернулся, ожидая увидеть храниста с грудой книг или, может быть, Бэзила, подошедшего поздороваться. И был очень удивлен, узрев над собой магистра Лоррена в черной магистерской мантии.

— Пойдем, — сказал он и жестом показал мне следовать за ним.

Не зная, в чем может быть дело, я вышел вслед за ним из читального зала. Мы завернули за стол храниста и прошли вниз по ступенькам в маленькую безликую комнату со столом и двумя стульями. В архивах было

полно комнаток вроде этой — читальных норок, сделанных для того, чтобы дать членам арканума возможность посидеть в одиночестве, изучая книги.

Лоррен положил книгу запросов из могилы на стол.

— Я помогал одному из новых хранистов и обратил внимание на твой запрос, — сказал он. — Ты интересуешься чандрианами и амир?

Я кивнул.

— Это связано с заданием от преподавателя?

Секунду я размышлял о том, не сказать ли ему правду. О том, что случилось с моими родителями. О легенде, которую я услышал в Тарбеане.

Но реакция Манета на мое упоминание о чандрианах показала, насколько это будет глупо. Пока я не увидел чандриан своими глазами, я не верил в них. И если бы раньше кто-то заявил мне, что видел их, я бы решил, что он сумасшедший.

В лучшем случае Лоррен подумает, что я видел это в бреду, в худшем — что я глупый ребенок. Я вдруг остро осознал тот факт, что, разговаривая с магистром архивов Университета, я прикасаюсь к одному из краеугольных камней цивилизации.

Новая картина вдруг сложилась передо мной. Истории старика из какой-то таверны в Доках вдруг показались очень далекими и незначительными.

Я покачал головой:

— Нет, сэр. Просто хочу удовлетворить любопытство.

— Я весьма уважаю любопытство, — без всякого выражения произнес Лоррен. — И возможно, смогу немного удовлетворить твое. Амир являлись частью церкви, давно, когда еще была сильна Атуранская империя. Их девиз звучал так: «Иваре Эним Эуге» — что приблизительно переводится как «Ради благой цели». Они были рыцарями, в равной мере странствующими и творящими суд. Обладая властью судить, они могли выступать судьями в религиозных и светских судах. Все они в той или иной степени освобождались от исполнения законов.

Большую часть этого я уже знал.

— Но откуда они появились? — спросил я. Ближе подойти к истории Скарпи я не осмелился.

— Они произошли от странствующих судей, — ответил Лоррен. — Людей, которые ходили из города в город, неся власть закона маленьким атуранским селениям.

— Значит, они появились в Атуре?

Он посмотрел на меня:

— А где еще они могли появиться?

Я не смог заставить себя сказать ему правду: ведь после истории, рассказанной стариком, я подозревал, что у амир могут быть куда более древние корни, чем Атуранская империя. И о своей надежде, что амир и сейчас существуют где-то в мире.

Лоррен принял мое молчание за ответ.

— Маленький совет, — мягко сказал он. — Амир — эффектные фигуры. В юности все мы воображаем себя амир и сражаемся в битвах на ивовых прутиках. Для мальчиков естественно тянуться к таким историям. — Он встретился со мной глазами. — Однако мужчина, арканист, должен сосредоточиваться на глубинных основах. Ему следует заниматься практическими делами.

Он удерживал мой взгляд, продолжая говорить:

— Ты юн. Многие осудят тебя только за это.

Я открыл было рот, но он поднял руку.

— Я не виню тебя за увлечение мальчишескими фантазиями. Но советую избегать выказывать это увлечение.

Он спокойно смотрел на меня, его лицо, как всегда, ничего не выражало.

Я подумал о том, как Амброз обошелся со мной, и кивнул, чувствуя, что щеки заливают краска.

Лоррен достал перо и нарисовал ряд штрихов поперек моей первой записи в книге запросов.

— Я весьма уважаю любопытство, — повторил он. — Но другие думают не так, как я. Я бы не хотел, чтобы твоя первая четверть осложнилась проблемами. Полагаю, для тебя все и так будет нелегко и без этой дополнительной заботы.

Я повесил голову, чувствуя, что чем-то разочаровал его.

— Понимаю. Спасибо, сэр.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ДОСТАТОЧНО ВЕРЕВКИ

На следующий день я пришел на лекцию Хемме на десять минут раньше и сел в первом ряду. Я надеялся поймать Хемме до того, как начнется занятие, и таким образом избавить себя от присутствия на еще одной его лекции.

К сожалению, он не пришел раньше. Лекционный зал был полон к тому времени, как он вошел через маленькую дверь и поднялся по трем ступенькам на возвышающуюся деревянную сцену. Он оглядел класс, ища меня глазами.

— Ах да. Наш чудо-ребенок. Встаньте, если не трудно.

Не совсем понимая, что происходит, я встал.

— У меня приятные новости для всех, — сказал Хемме. — Господин Квоут вчера уверял меня, что он полностью понимает принципы симпатии. По ходу дела он предложил прочитать сегодняшнюю лекцию. — Он сделал широкий жест, приглашая меня присоединиться к нему на сцене, и улыбнулся, буравя меня холодным взглядом. — Господин Квоут?

Конечно, он издевался надо мной, ожидая, что я сгорблюсь на своем сиденье, оробевший и пристыженный.

Но я повидал за свою жизнь немало провокаций и провокаторов. Поэтому я поднялся на сцену и пожал ему руку. И заговорил со студентами хорошо поставленным сценическим голосом:

— Я благодарю магистра Хемме за эту возможность и всего лишь попытаюсь помочь ему пролить некоторый свет на этот чрезвычайно важный предмет.

Начав эту маленькую игру, Хемме не мог прекратить ее, не выставив себя дураком. Пожимая мне руку, он бросил на меня взгляд, каким волк достаивает загнанного на дерево кота. Самодовольно улыбаясь, он сошел со сцены и занял мое место в первом ряду. Уверенный в моем невежестве, он был готов продолжать фарс.

Я бы ни за что не выкрутился, если бы не два из многочисленных слабых мест Хемме. Во-первых, его общая глупость: он не поверил в то, что я рассказал магистрам за день до того. Во-вторых, его желание увидеть меня потерпевшим поражение.

Проще говоря, он дал мне достаточно веревки, чтобы повеситься.

Очевидно, он не понимал, что, когда петля завязана, она подойдет к любой шее.

Я обозрел класс.

— Сегодня я покажу пример работы законов симпатии. Однако, поскольку время ограничено, мне потребуется помощь. — Я указал на первого попавшегося студента. — Не будете ли вы так добры принести мне волосок магистра Хемме?

Хемме выдернул волосок с преувеличенным изяществом. Когда студент принес его мне, Хемме осклабился, искренне забавляясь, уверенный, что чем грандиозней мои приготовления, тем большим будет мой конфуз в конце.

Я извлек пользу из этой маленькой заминки, чтобы посмотреть, с каким оборудованием мне предстоит работать. На одном краю сцены была установлена жаровня, а быстрый обыск ящиков стола принес мне мел, призму, серные спички, увеличительное стекло, несколько свечей и несколько металлических болванок странной формы. Я взял три свечи, а прочее оставил.

Я принял волос магистра Хемме у студента и узнал Бэзила, мальчика, которого Хемме застращал накануне.

— Спасибо, Бэзил. Принесите сюда эту жаровню и зажгите как можно быстрее.

Когда он поднес ее ближе, я с восторгом увидел, что она оборудована маленькими мехами. Пока Бэзил поливал угли спиртом и высекал искру, я обратился к классу:

— Концепцию симпатии не так уж просто понять. Но в основе всего лежат три простых закона. Первый — доктрина соответствия, гласящая: «Подобие усиливает симпатию». Второй — принцип сродства, который говорит: «Часть предмета может представлять весь предмет». Третий — это закон сохранения: «Энергия не может быть создана или уничтожена». Соответствие, сродство, сохранение — три «С».

Я сделал паузу, слушая звук полусотни перьев, записывающих мои слова. Рядом Бэзил усердно раздувал меха. Я понял, что вполне могу получать удовольствие от всего этого.

— Не огорчайтесь, если пока вам это кажется бессмысленным. Демонстрация сделает все предельно ясным.

Поглядев вниз, я увидел, что жаровня хорошо разогревается. Я поблагодарил Бэзила и, подвесив металлическую чашу над углями, бросил на нее две свечи, чтобы натопить воска.

Третью свечу я поставил в подсвечник на столе и поджег серной

спичкой. Потом убрал чашу с жара и осторожно вылил расплавленное содержимое на стол, получив приличную кляксу размягченного воска. Я снова посмотрел на студентов.

— В симпатии большая часть вашей работы состоит в перенаправлении энергии. Симпатические связи — вот те каналы, по которым идет энергия. — Я вытащил из воска фитили и начал лепить из него куколку, отдаленно напоминающую человека. — Первый закон, который я назвал «Подобие усиливает симпатию», просто означает, что чем больше предметы похожи друг на друга, тем сильнее будет между ними симпатическая связь.

Я поднял куклу и показал классу:

— Это магистр Хемме. — По залу пронесся смешок. — На самом деле это мой симпатический образ магистра Хемме. Кто-нибудь хочет угадать, почему он не слишком хорош?

Наступила тишина. Я позволил ей подержаться немного: холодная публика, Хемме их запугал вчера, и они не торопились отвечать. Наконец с задних рядов один студент сказал:

— Не того размера?

Я кивнул и продолжал озирать класс.

— Сам-то он не из воска.

Я кивнул:

— Кукла слегка напоминает его общими очертаниями и пропорциями. Однако это довольно плохой симпатический образ. Поэтому любая симпатическая связь, основанная на нем, будет довольно слабой. Вероятно, около двух процентов эффективности. Как мы можем улучшить ее?

Снова повисла тишина, более короткая, чем первая.

— Можно сделать куклу побольше, — предложил кто-то.

Я кивнул, продолжая ждать. Другие голоса закричали:

— Можно вырезать на ней лицо магистра Хемме. Можно нарисовать. Надеть маленькую мантию. — Все засмеялись.

Я поднял руку, призывая к тишине, и удивился, как быстро она наступила.

— Отложим практику, предположим, что вы сделали все это. Двухметровый, полностью раскрашенный, мастерски вырезанный образ магистра Хемме стоит рядом со мной. — Я сделал жест. — Даже при всех этих усилиях лучшее, на что вы можете надеяться, — это десяти- или пятнадцатипроцентная симпатическая связь. Не очень-то хорошо, а прямо сказать — плохо. Это подводит меня ко второму закону, сродству. Легкий способ запомнить его: «Однажды вместе — навсегда вместе». Благодаря

великодушию магистра Хемме у меня есть его волос. — Я показал волос и торжественно воткнул его в голову куклы. — И вот теперь мы уже получаем симпатическую связь, которая будет работать на тридцать — тридцать пять процентов.

Я наблюдал за Хемме. Если поначалу он выглядел немного настороженным, то теперь снова вернулся к самодовольной ухмылке. Он знал, что без правильного заклинания и хорошо сфокусированного алара весь воск и все волосы мира не принесут ни малейшей пользы.

Уверившись, что Хемме считает меня дурачком, я указал на свечу и спросил его:

— С вашего разрешения, магистр?

Он благожелательно махнул рукой и откинулся на стуле, сложив руки перед собой, уверенный в полной безопасности.

Конечно, я знал нужное заклинание. Я говорил ему об этом. А Бен научил меня алару, вере в хлыст, давным-давно — когда мне было еще двенадцать.

Но меня это не волновало. Я поместил ноги куклы в пламя оплывающей коптящей свечи.

Наступила напряженная тишина, все задержали дыхание и вытянули шеи, глядя на магистра Хемме.

Тот пожал плечами, изображая удивление. Но в глазах его мне ясно виделись почти сомкнувшиеся челюсти капкана. Ухмылка растянула уголок его рта, и Хемме начал подниматься с места.

— Я ничего не чувствую. Ч...

— Именно, — сказал я резко, словно щелкнул хлыстом, и снова перевел внимание студентов на себя. — А почему? — Я выжидательно посмотрел на зал. — Из-за третьего закона, о котором я говорил: закона сохранения. «Энергия не может быть создана или разрушена, только утеряна или найдена». Если бы мне пришлось поднести свечу к ногам нашего высокочтимого учителя, ничего страшного бы не случилось. А поскольку всего лишь около тридцати процентов тепла проходят по связи, мы не получаем даже малого результата.

Я сделал паузу, чтобы дать слушателям обдумать мои слова.

— Это главный вопрос симпатии: где мы берем энергию? Ответ прост.

Я задул свечу и снова зажег ее от жаровни. И неслышно пробормотал несколько нужных слов.

— Добавляя вторую симпатическую связь между свечой и более устойчивым огнем... — Я разделил свой разум на две части, одна связывала вместе Хемме и куклу, а другая — свечу и жаровню. — Мы

получаем желаемый эффект.

Я небрежно поднес ноги восковой куклы к фитильку свечи — точнее, сантиметра на два-три выше: туда, где пламя горячее всего.

Испуганный возглас раздался с места, где сидел Хемме.

Не глядя на него, я продолжал совершенно бесстрастным тоном:

— И похоже, в этот раз мы добились успеха.

Класс засмеялся.

Я задул свечу.

— Это также хороший пример силы, которой повелевает умелый симпатист. Вообразите, что бы случилось, если бы мне вздумалось бросить куклу в огонь? — Я задержал ее над жаровней.

Словно по сигналу, Хемме бросился на сцену. Может, это была всего лишь моя фантазия, но мне показалось, что он немного волочит левую ногу.

— Очевидно, теперь магистр Хемме считает нужным подвести итоги лекции. — По классу прокатался смех, на этот раз более громкий. — Благодарю вас всех, студенты и товарищи. На этом моя скромная лекция заканчивается.

Тут я использовал один из сценических трюков. Существуют особая интонация и поза, которые дают толпе сигнал аплодировать. Я не могу объяснить, как точно, но это всегда дает желаемый эффект. Поклонившись залу, я повернулся к Хемме среди аплодисментов, хотя и не оглушительных, но, возможно, больших, чем ему доставались за всю его жизнь.

Когда он сделал последние несколько шагов ко мне, я чуть не отскочил. Его лицо опасно покраснело, на горле билась жилка, словно готовая лопнуть.

И все же сценическая подготовка помогла мне сохранить самообладание. Я спокойно встретил взгляд Хемме и протянул ему руку. С немалым удовлетворением я наблюдал, как он бросил быстрый взгляд на все еще аплодирующий класс, сглотнул и пожал мне руку.

Пожатие Хемме было болезненно крепким. Могло выйти и хуже, если бы я не провел в эту минуту над жаровней восковой куклой. Лицо магистра сменило цвет с синевато-багрового на пепельно-серый быстрее, чем можно было ожидать. Его рукопожатие претерпело ту же трансформацию, и я получил свою руку в целости и сохранности.

Я еще раз поклонился студентам и вышел из зала, не оглядываясь.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ НА РОГАХ

После того как Хемме отпустил класс, новости о моем выступлении распространились по Университету со скоростью лесного пожара. По реакции студентов я понял, что магистра Хемме не особенно любили: когда я сидел на каменной скамье возле гнезд, проходящие студенты улыбались мне, некоторые приветственно махали или со смехом поднимали большие пальцы.

Пока я наслаждался признанием, холодная тревога медленно вползала в сердце: я сделал своим врагом одного из девяти магистров. Мне было необходимо узнать, насколько велика опасность, в которой я оказался.

На ужин в столовой давали черный хлеб с маслом, тушеное мясо и бобы. Там уже сидел Манет, буйные лохмы делали его похожим на большого белого волка. Симмон и Совой лениво ковырялись в еде, обмениваясь невероятными предположениями насчет того, чье мясо сегодня потушили. Но мне, меньше оборота назад покинувшему улицы Тарбеана, еда казалась великолепной.

Однако, слушая друзей, я стал быстро терять аппетит.

— Не пойми меня превратно, — сказал Совой. — Орехи у тебя увесистые, в этом сомневаться не приходится. Но все же... — Он сделал жест ложкой. — Они тебя за это выпорют.

— Если ему повезет, — заметил Симмон. — В смысле, мы ведь тут говорим о злоупотреблении магией, разве нет?

— Да большое дело! — протянул я куда уверенней, чем себя чувствовал. — Я лишь слегка поджарил ему пятки.

— Любая вредоносная симпатия подпадает под злоупотребление магией. — Манет указал на меня куском хлеба, его кустистые седые брови сурово сошлись арками у него над переносицей. — Надо умнее выбирать драки, мальчик. Перед магистрами нос не задирай. Они могут сделать твою жизнь настоящим адом, если ты вдруг попадешь в их черные книги.

— Он первый начал, — сказал я угрюмо сквозь полный рот бобов.

К нашему столу подбежал запыхавшийся мальчишка.

— Ты Квоут? — спросил он, оглядывая меня.

Я кивнул, желудок мой внезапно сжался.

— Тебя ждут в Зале магистров.

— Где это? — спросил я. — Я здесь всего пару дней.

— Может кто-нибудь из вас показать ему? — спросил мальчик, озирая стол. — Мне надо сказать Джеймисону, что я его нашел.

— Я покажу, — сказал Симмон, отталкивая от себя миску. — Я уже сыт.

Джеймисонов посыльный убежал, и Симмон начал вылезать из-за стола.

— погоди, — сказал я, указывая ложкой на поднос. — Я еще не доел.

Симмон был весь как на иголках.

— Не могу поверить, что ты ешь, — сказал он. — Даже я не могу. А как ты можешь?

— Я голоден, — объяснил я. — Не знаю, что ждет меня в Зале магистров, но полагаю, что лучше встретить это с полным желудком.

— Тебя прокатят на рогах, — сказал Манет. — Это единственная причина, зачем тебя вызывают так поздно вечером.

Я не знал, что под этим подразумевалось, но не хотел демонстрировать свою неосведомленность всей столовой.

— Они могут подождать, пока я закончу. — Я отгрыз еще немного мяса.

Симмон вернулся на место и рассеянно поковырялся в еде. По правде говоря, я уже совсем не хотел есть, но досадовал, что меня выдергивают из-за стола после стольких голодных дней в Тарбеане.

Когда мы с Симмоном наконец выбрались из-за стола, обычный гул в столовой утих: все смотрели, как мы уходим. Они знали, куда я направляюсь.

Выйдя из столовой, Симмон засунул руки в карманы и пошел напрямую к пустотам.

— Серьезно говоря, ты, знаешь ли, влип в изрядную переделку.

— Я надеялся, что Хемме сконфузится и промолчит об этом, — признался я. — Они много студентов исключают? — Я постарался, чтобы это прозвучало как шутка.

— В этой четверти пока еще никого, — сказал Симмон со своей застенчивой, невинной улыбкой. — Но сегодня только второй день занятий. Ты можешь установить новый рекорд.

— Не смешно, — сказал я, но тут же обнаружил на своем лице ухмылку. Симмону всегда удавалось рассмешить меня, что бы ни происходило.

Сим показывал дорогу, и мы дошли до пустот даже слишком быстро

— на мой взгляд. Симмон поднял руку на прощание, а я открыл дверь и вошел.

Меня встретил Джеймисон. Он надзирал за всем, что не попадало под прямой контроль магистров: за кухнями, прачечными, конюшнями и складами. Нервный, он походил на птицу — человек с телом воробья и глазами ястреба.

Джеймисон проводил меня в большую комнату без окон со знакомым столом в форме полумесяца. Ректор сидел в центре, как и во время приемных экзаменов. Единственной разницей было то, что здесь стол не стоял на возвышении и мы с сидящими магистрами смотрели друг другу почти глаза в глаза.

Взгляды, встретившие меня, нельзя было назвать дружелюбными. Джеймисон проводил меня до самого стола; посмотрев на него с этого ракурса, я понял значение фразы про «рога». Джеймисон удалился за маленький отдельный стол и окунул перо в чернильницу.

Ректор сцепил пальцы лесенкой и заговорил без всяких предисловий:

— Второго кайтелина Хемме созвал магистров.

Перо Джеймисона сновало по листу, иногда снова окунаясь в чернильницу на верхнем краю стола. Ректор продолжал, все так же официально:

— Все ли магистры присутствуют?

— Магистр медицины, — сказал Арвил.

— Магистр архивов. — Лоррен, как всегда, хранил абсолютную невозмутимость.

— Магистр арифметики, — отозвался Брандье, рассеянно похрустывая суставами.

— Магистр артефактов, — буркнул Килвин, не отрывая глаз от стола.

— Магистр алхимии, — сказал Мандраг.

— Магистр риторики. — Лицо Хемме было красным и злым.

— Магистр симпатической магии, — произнес Элкса Дал.

— Магистр имен. — Элодин улыбнулся мне — не просто формальное изгибание губ, но теплая широкая зубастая улыбка.

Я вздохнул от облегчения оттого, что хотя бы один человек из присутствующих вроде бы не рвется подвесить меня за пальцы.

— И магистр языков, — сказал ректор. — Все восемь... — Он нахмурился. — Извините. Вычеркните это. Все девять магистров присутствуют. Изложите свое обвинение, магистр Хемме.

Хемме не заставил долго себя просить.

— Сегодня студент-первочетвертник Квоут, не числящийся в

аркануме, наложил на меня симпатическое заклятие со злобным умыслом.

— Записаны два обвинения от магистра Хемме против Квоута, — сурово сказал ректор, не отрывая от меня глаз. — Первое обвинение: недозволенное применение симпатии. Какое за это полагается наказание, магистр архивов?

— За недозволенное применение симпатии, приведшее к травме, студент-нарушитель будет связан и высечен кнутом. Количество ударов не меньше двух и не больше десяти, по спине, кнут одинарный, — произнес Лоррен, словно зачитывая указания из книги.

— Назначаемое число ударов? — Ректор посмотрел на Хемме.

Хемме помолчал, раздумывая:

— Пять.

Я почувствовал, как кровь отлила от лица, и заставил себя сделать медленный вдох через нос, чтобы успокоиться.

— Возражает ли кто-нибудь из магистров против этого? — Ректор оглядел стол, но все рты были закрыты, все взгляды суровы. — Второе обвинение: злоупотребление магией. Магистр архивов?

— От четырех до пятнадцати ударов одинарным кнутом и исключение из Университета, — ровным голосом сообщил Лоррен.

— Назначаемое количество?

Хемме уставился на меня:

— Восемь.

Тринадцать ударов кнутом и исключение. Холодный пот выступил у меня на спине, и я почувствовал тошноту под ложечкой. Я знал страх и раньше. В Тарбеане он всегда был рядом, помогая выживать. Но никогда раньше я не испытывал такой отчаянной беспомощности. Страх не того, что будет больно моему телу, но что рухнет вся моя жизнь. У меня начала кружиться голова.

— Ты понимаешь, в чем суть этих обвинений? — жестко спросил ректор.

Я сделал глубокий вдох.

— Не совсем, сэр. — Я ненавидел звук своего голоса, дрожащий и слабый.

Ректор поднял руку, и Джеймисон убрал перо с листа.

— Если студент, не являющийся членом арканума, применяет симпатию без разрешения магистра, это нарушение законов Университета.

Его лицо посуровело.

— Категорически запрещается причинять вред с помощью симпатии, особенно магистру. Несколько сотен лет назад за арканистами охотились и

сжигали их живьем за такие дела. Мы не потерпим здесь подобного поведения.

Я услышал тяжелую злость, закрадывающуюся в голос ректора, и только тогда почувствовал, насколько он разгневан. Он перевел дыхание.

— Теперь ты понимаешь?

Я потрясенно кивнул.

Он снова махнул Джеймисону, и тот снова занес перо над бумагой.

— Понимаешь ли ты, Квоут, эти обвинения против тебя?

— Да, сэр, — сказал я как мог ровно. Все казалось слишком ярким, и мои ноги слегка дрожали. Я попытался заставить их успокоиться, но они только больше затряслись.

— Есть ли тебе что сказать в свою защиту? — коротко спросил ректор.

Я хотел только уйти. Взгляды магистров подавляли меня, мои руки похолодели и взмокли. Возможно, я бы покачал головой и выскользнул из комнаты, если бы ректор снова не заговорил.

— Ну? — раздраженно повторил он. — Нет защиты?

Фраза отозвалась во мне целым аккордом: этими же словами сотни раз пользовался Бен, бесконечно натаскивая меня в спорах. Теперь они вернулись ко мне, укоряя: «Что? Нет защиты? Любой мой ученик должен уметь защитить свои идеи. Не важно, как ты проведешь свою жизнь, твой ум защитит тебя лучше меча. Не давай ему тупиться».

Я сделал еще один глубокий вдох, закрыл глаза и сосредоточился. Через долгую минуту я почувствовал, как меня окружило холодное бесстрашие «каменного сердца». Дрожь прекратилась.

Я открыл глаза и услышал, как мой собственный голос произносит:

— У меня было разрешение на применение симпатии, сэр.

Ректор бросил на меня долгий суровый взгляд:

— Что?

Я завернулся в «каменное сердце», как в успокаивающий плащ.

— У меня было разрешение от магистра Хемме: и явное, и подразумеваемое.

Магистры зашевелились на своих местах, озадаченные.

Ректор недовольно потребовал:

— Объяснись.

— Я подошел к магистру Хемме после его первой лекции и сказал, что уже знаком с концепциями, которые он сегодня излагал. Он ответил, что мы обсудим это завтра. Когда он пришел на занятие на следующий день, то объявил, что сегодня лекцию буду читать я и на ней продемонстрирую принципы симпатии. Осмотрев доступные материалы, я показал классу

первую демонстрацию, которую мне дал мой учитель.

Вранье, конечно. Как я уже говорил, в моем первом уроке участвовала горстка железных драбов. Это была ложь, но правдоподобная ложь.

Судя по выражениям лиц магистров, это оказалось для них новостью. Где-то в глубине «каменного сердца» я успокоился, радуясь, что магистерское раздражение основывалось на урезанной Хемме версии событий.

— Ты делал демонстрацию перед классом? — спросил меня ректор, прежде чем я успел продолжить. Он переводил взгляд с меня на Хемме.

Я сыграл наивность:

— Очень простую. А это не обычное дело?

— Немного странно... — заметил ректор, глядя на Хемме. Я снова почувствовал его гнев, однако в этот раз он, похоже, был направлен не на меня.

— Я подумал: наверное, таким способом подтверждают свое знание материала и переходят в более продвинутый класс, — невинно заметил я. Еще одна ложь, но опять правдоподобная.

Заговорил Элкса Дал:

— Что включала демонстрация?

— Восковую куклу, волос с головы магистра Хемме и свечу. Я бы выбрал другой пример, но мои материалы были ограничены. Я думал, это еще одна часть проверки: показать свои знания на том, что есть, — снова пожал плечами я. — Я не смог придумать другой способ продемонстрировать все три закона на имеющихся материалах.

Ректор посмотрел на Хемме:

— То, что говорит мальчик, — правда?

Хемме открыл рот, словно собираясь это опровергнуть, затем, очевидно, вспомнил, что полный класс студентов были свидетелями нашего обмена любезностями. И не сказал ничего.

— Проклятье, Хемме, — взорвался Элкса Дал. — Ты позволяешь мальчику сделать свой образ, а затем притаскиваешь его сюда, обвиняя в злоупотреблении магией? — брызгая слюной, прошипел он. — Ты заслуживаешь худшего, чем получил.

— Э'лир Квоут не смог бы обжечь его просто свечой, — пробормотал Килвин. Он озадаченно смотрел на свои пальцы, словно прокручивал что-то у себя в голове. — Не с воском и волосом. Может быть, с кровью и глиной...

— Порядок! — Голос ректора был слишком тихим, чтобы назвать его криком, но в нем содержалась та же властность. Он обменялся короткими

взглядами с Элксой Далом и Килвином. — Квоут, ответь на вопрос магистра Килвина.

— Я сделал второе связывание между свечой и жаровней, чтобы проиллюстрировать закон сохранения.

Килвин не отрывал взгляда от своих рук.

— Воск и волос? — буркнул он, не совсем удовлетворенный моим объяснением.

Я изобразил полуозадаченный-полусмущенный вид и сказал:

— Я сам не понимаю, сэр. Я должен был получить десять процентов передачи, в лучшем случае. Этого даже недостаточно, чтобы обжечь магистра Хемме, не то что сжечь. — Я повернулся к Хемме. — Я действительно не собирался причинять вам вред, сэр, — сказал я своим лучшим смущенным тоном. — Я предполагал только чуть-чуть нагреть ваши ботинки, чтобы вы подпрыгнули. Я держал куклу над огнем не больше пяти секунд и никак не думал, что обычный огонь при десяти процентах передачи может повредить вам.

Я даже стиснул руки: на все сто виноватый студент. Это было хорошее представление, отец бы мной гордился.

— Однако повредило, — язвительно отозвался Хемме. — И где, в конце концов, проклятая кукла? Я требую, чтобы ты отдал ее немедленно!

— Боюсь, что не могу, сэр. Я уничтожил ее. Она была слишком опасна, чтобы оставлять ее валяться просто так.

Хемме бросил на меня злобный пронизывающий взгляд.

— На самом деле не так уж важно, — пробормотал он.

Ректор снова взял поводья в свои руки.

— Все это значительно меняет дело. Хемме, ты все еще выдвигаешь обвинение против Квоута?

Хемме бросил на меня свирепый взгляд и ничего не ответил.

— Я предлагаю вычеркнуть оба обвинения, — сказал Арвил. Старческий голос магистра стал для меня сюрпризом. — Если Хемме поставил его перед классом, значит, он дал разрешение. И это не злоупотребление, если ты даешь свой волос и смотришь, как его втыкают в голову куклы.

— Я ожидал, что он лучше контролирует то, что делает, — сказал Хемме, стрельнув в меня ядовитым взглядом.

— Это не злоупотребление, — упрямо сказал Арвил, уставясь на Хемме из-за очков, морщины доброго дедушки сложились в гневную гримасу.

— Это подпадает под «неосторожное применение симпатии», —

холодно заметил Лоррен.

— Вы предлагаете вычеркнуть два предыдущих обвинения и заменить на «неосторожное применение симпатии»? — спросил ректор, пытаясь вернуть хотя бы видимость официальности.

— Да, — сказал Арвил, грозно взирая на Хемме сквозь очки.

— Кто за предложение? — спросил ректор.

Раздался хор «да» — от всех, кроме Хемме.

— Против?

Хемме промолчал.

— Магистр архивов, каково наказание за «неосторожное применение симпатии»?

— Если кто-то получил травму, студент-нарушитель будет выпорот одинарным кнутом не более семи раз.

Я задумался, что за книгу цитирует магистр Лоррен.

— Назначаемое число ударов?

Хемме посмотрел на лица остальных магистров, понимая, что волна пошла против него.

— Моя нога в пузырях до колена, — проскрежетал он. — Три удара.

Ректор прокашлялся.

— Кто-нибудь из магистров возражает против этого наказания?

— Да, — хором сказали Килвин и Элкса Дал.

— Кто желает отменить наказание? Голосование поднятием рук.

Сразу подняли руки Элкса Дал, Килвин и Арвил, за ними ректор.

Мандраг руки не поднял, как и Лоррен, Брандье и Хемме. Элодин жизнерадостно ухмыльнулся мне, но тоже не поднял руки. Я выругал себя за вчерашний поход в архивы и дурное впечатление, которое произвел на магистра Лоррена. Если бы не это, он бы склонил весы в мою сторону.

— Четыре с половиной голоса за откладывание наказания, — сказал ректор после паузы. — Наказание остается: три удара будут нанесены завтра, третьего кайтелина, в полдень.

Поскольку я находился в «каменном сердце», то все, что я почувствовал, — это легкий аналитический интерес, каково это: быть публично выпоротым. Магистры уже собирались встать и уйти, но, прежде чем все завершилось, я заговорил:

— Ректор?

Он сделал глубокий вдох и выпустил его в слове:

— Да?

— Во время моего приема вы сказали, что мое зачисление в арканум будет произведено по подтверждению, что я освоил базовые принципы

симпатии. — Я процитировал почти слово в слово. — Это может считаться подтверждением?

Оба, Хемме и ректор, открыли рты, но Хемме оказался громче:

— Слушай, ты, мелкий наглец!

— Хемме! — рывкнул ректор. Затем повернулся ко мне: — Боюсь, подтверждение усвоения требует большего, чем простое симпатическое связывание.

— Двойное связывание, — хрипло поправил Килвин.

Элодин заговорил, кажется, застав врасплох всех за столом:

— Я припоминаю студентов, уже допущенных в арканум, которые едва ли выжали бы из себя двойное связывание, не говоря уже о том, чтобы «покрыть волдырями ногу человека до колена».

Ясный и легкий голос Элодина проник в самые глубины моего сердца. Он снова радостно улыбнулся мне.

Наступила минута молчаливого размышления.

— Верно, — заметил Элкса Дал, бросив на меня пристальный взгляд.

Ректор с минуту разглядывал пустой стол перед собой. Затем, пожав плечами, поднял взгляд и выдал на удивление веселую улыбку.

— Все, кто считает «неосторожное применение симпатии» первочетвертником Квоутом подтверждением того, что он овладел основными принципами симпатии, поднимите руки для голосования.

Килвин и Элкса Дал подняли руки одновременно. Арвил — секундой позже. Элодин помахал мне. После паузы ректор тоже поднял руку, сказав:

— Пять с половиной голосов за принятие Квоута в арканум. Предложение принято. Собрание распущено. Храни нас Тейлу, дураков и детей.

Хемме унесся из зала вихрем, за ним, как на буксире, тащился Брандье. Когда они проходили в дверь, я услышал:

— Ты был без грэма?

— Да, — огрызнулся Хемме. — И не разговаривай со мной таким тоном, словно это моя вина. Можно с тем же успехом винить зарезанного в темном переулке, что на нем не было кольчуги.

— Следует принимать все меры предосторожности, — успокаивающе сказал Брандье. — Ты прекрасно знаешь, как и... — Их голоса отрезал звук захлопнутой двери.

Килвин встал и пожал плечами, разминаясь. Посмотрев в мою сторону, он с задумчивым видом поскреб обеими руками косматую бороду, затем подошел ко мне.

— У тебя уже есть сигалдри, э'лир Квоут?

Я непонимающе посмотрел на него.

— Вы имеете в виду руны, сэр? Боюсь, что нет.

Килвин задумчиво провел рукой по волосам.

— Не морочься с основами артефакции, на которые ты записался. Вместо этого придешь в мою мастерскую завтра. В полдень.

— Боюсь, у меня в полдень другая встреча, магистр Килвин.

— Хм... Да. — Он нахмурился. — Тогда в первый колокол.

— Боюсь, у мальчика будет встреча с моими ребятами сразу после порки, Килвин, — сказал Арвил со смешливым блеском в глазах. — Пусть кто-нибудь потом принесет тебя в медику, сынок. Мы тебя подлатаем.

— Спасибо, сэр.

Арвил кивнул и направился к выходу из зала.

Килвин проводил его взглядом и повернулся ко мне.

— Моя мастерская. Послезавтра. Полдень. — Тон его голоса намекал, что это на самом деле не вопрос.

— Почту за честь, магистр Килвин.

Он ухмыльнулся в ответ и ушел с Элксой Далом.

Я остался один на один со все еще сидящим ректором. Мы молча смотрели друг на друга, пока не стихли звуки шагов в коридоре. Выйдя из «каменного сердца», я почувствовал запоздалую смесь предвкушения и страха от всего, что здесь сейчас произошло.

— Мне очень жаль, что я сразу доставил столько неприятностей, сэр, — нерешительно начал я.

— Да? — сказал он, значительно смягчившись теперь, когда мы остались одни. — И как долго ты собирался ждать?

— По крайней мере оборот, сэр.

Во мне оставалось легкомысленное головокружение после миновавшей катастрофы. Я почувствовал, как неудержимая улыбка расползается по моему лицу.

— По крайней мере оборот... — пробормотал ректор, закрыл лицо руками и потер его, затем поднял взгляд и удивил меня насмешливой улыбкой. Я понял, что он не особенно стар — ему, пожалуй, лет под сорок, просто его лицо всегда сковано маской суровости. — Ты не выглядишь как человек, который знает, что его завтра выпорют, — заметил он.

Я отбросил эту мысль.

— Полагаю, я поправляюсь, сэр.

Он бросил на меня странный взгляд, только через пару секунд я вспомнил, что привык к таким в трупке. Ректор открыл рот, чтобы заговорить, но я неожиданно произнес его слова раньше:

— Я не так юн, каким кажусь, сэр. Я знаю это и хочу, чтобы другие люди тоже знали.

— Думаю, много времени это не займет. — Он посмотрел на меня долгим взглядом, а затем вытолкнул себя из-за стола и протянул мне руку: — Добро пожаловать в арканум.

Я торжественно пожал ему руку, и мы разошлись. Выбравшись наружу, я с удивлением увидел, что уже глубокая ночь. Я полной грудью вдохнул сладкий весенний воздух и почувствовал, как на лице расплывается улыбка.

Вдруг кто-то коснулся моего плеча. Я подскочил чуть не на полметра и едва не упал на Симмона в воющем, царапающемся и кусающемся помутнении рассудка, которое было моим единственным способом защиты в Тарбеане.

Он отступил на шаг, испуганный выражением моего лица.

Я попытался утихомирить свое бешено бьющееся сердце.

— Симмон, прости. Я просто... постарайся издавать какой-нибудь шум. Я легко пугаюсь.

— Я тоже, — потрясенно пробормотал он, вытирая лоб. — Хотя не могу тебя винить. Катание на рогах ломает даже лучших из нас. Как все прошло?

— Я буду выпорот и принят в арканум.

Симмон испытующе посмотрел на меня, пытаюсь понять, не шучу ли я.

— Сочувствую? Поздравляю? — Он робко улыбнулся. — Тебе купить повязку или пива?

Я улыбнулся в ответ:

— И того и другого.

Когда я добрался до четвертого этажа гнезд, слухи о том, что меня не исключили, а приняли в арканум, расползлись повсюду. Меня приветствовал взрыв аплодисментов от соседей по комнате — Хемме не особенно любили. Некоторые из однокашников произносили торжественные поздравления, а Бэзил даже специально подошел пожать мне руку.

Только я успел залезть на свою койку и начать объяснять Бэзилу разницу между одинарным кнутом и шестихвосткой, как пришел староста третьего этажа. Он велел мне собрать вещи, объяснив, что студенты арканума живут в западном крыле.

Все мои пожитки по-прежнему помещались в дорожную сумку, так что

труд был невелик. Когда староста уводил меня, позади раздавался хор прощаний от товарищей-первокурсников.

Комнаты в западном крыле были похожи на ту, что я оставил. Здесь также стояли ряды узких коек, но они не были составлены в два этажа. К каждой кровати прилагался маленький одежный шкаф и стол — в придачу к сундуку. Не особенно роскошно, но определенно шаг вверх.

Самая большая разница обнаружилась в отношении соседей по комнате: меня встретили хмурые лица и сердитые взгляды, хотя основная часть студентов меня подчеркнуто проигнорировали. Это был холодный прием, особенно в свете одобрения, которое я только что получил от своих неарканумских соседей.

Но нетрудно понять, почему он оказался таким: большинство студентов отучились в Университете несколько четвертей, прежде чем были приняты в арканум. Здесь все своим трудом зарабатывали продвижение в ранге. А я нет.

Заняты были только три четверти коек. Я выбрал кровать в дальнем углу, отдельно от остальных. Повесив запасную рубашку и плащ в шкаф, а сумку запихнув в сундук у изножья кровати, я лег и уставился в потолок. Моя койка была в стороне от света свечей и симпатических ламп других студентов. Наконец-то я стал членом арканума — в каком-то смысле, занял то место, о котором всю жизнь мечтал.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

КРОВЬ ДРУГА

На следующее утро я проснулся рано, умылся и перехватил что-то в столовой. Затем, поскольку до порки делать мне было абсолютно нечего, я бесцельно шатался по Университету. Осмотрел несколько аптек и бутылочных лавок, повосхищался прекрасно ухоженными газонами и садами.

И наконец присел отдохнуть на каменную скамейку в широком дворе. Слишком взволнованный, чтобы думать или заняться чем-нибудь полезным, я просто сидел и наслаждался погодой, наблюдая, как ветер гонит по камням дорожки обрывки бумаги.

Очень скоро прибрел Вилем и уселся без приглашения рядом. Темные сильдийские волосы и глаза заставляли его выглядеть старше меня и Симмона, но он пока сохранил нескладный вид мальчика, еще не привыкшего к манерам взрослого.

— Нервничаешь? — спросил он с резкой картавостью сиарского акцента.

— На самом деле стараюсь об этом не думать, — ответил я.

Вилем хмыкнул. Мы помолчали с минуту, глядя на проходящих мимо студентов. Несколько из них прервали беседу, указывая на меня.

Я быстро устал от их внимания.

— Ты сейчас что-нибудь делаешь?

— Сижу, — просто ответил он. — Дышу.

— Умно. Понимаю, почему ты в аркануме.

— Ты занят в следующий час?

Он пожал плечами и выжидающе посмотрел на меня.

— Можешь мне показать, где магистр Арвил? Он сказал мне заглянуть... после.

— Конечно, — сказал он, указывая на один выход из двора. — Медика с другой стороны архивов.

Мы обошли архивы — массивное строение без окон, и Вилем показал пальцем:

— Вот это медика.

Это было большое здание странной формы. Оно выглядело как более высокий и менее хаотичный вариант главного.

— Больше, чем я ожидал, — задумчиво пробормотал я. — И все для обучения медицине?

Он покачал головой:

— Тут много лечат больных. И никогда не отправляют прочь, если нечем заплатить.

— Правда? — Я посмотрел на медику еще раз, подумав о магистре Арвиле. — Это удивительно.

— Не надо платить заранее, — уточнил Вилем. — Когда выздоровеешь... — он помолчал, и я ясно уловил намек на «если выздоровеешь», — рассчитаешься. Если нет денег, можешь отработать, пока твой долг не... — Он замялся. — Какое слово для «шейем»? — спросил он, подняв ладони и двигая ими вверх-вниз, словно чашами весов.

— Взвешен? — предположил я.

Он потряс головой.

— Нет. Шейем. — Он выделил слово и поставил ладони на один уровень.

— А-а. — Я скопировал жест. — Уравновесится.

Он кивнул.

— Ты работаешь, пока не уравновесишь свой долг медику. Мало кто уходит, не рассчитавшись с долгами.

Я мрачно ухмыльнулся:

— Неудивительно. Какой смысл убегать от арканиста, у которого есть пара капель твоей крови?

Наконец мы пришли в другой двор. В центре его стоял столб для наказаний, а под ним каменная скамья. Мне не пришлось гадать, кто будет здесь привязан примерно через час. Вокруг слонялось около сотни студентов, придавая дворику странно праздничную атмосферу.

— Обычно их не так много, — сказал Вилем, словно извиняясь. — Но некоторые магистры отменили занятия.

— Хемме, полагаю, и Брандье.

Вилем кивнул.

— Хемме точит на тебя зуб. — Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть свое утверждение. — Он будет здесь со всей своей кликой. — Вилем произнес последнее слово медленно. — Я правильно сказал? «Клика»?

Я кивнул, и Вилем принял слегка самодовольный вид. Затем он нахмурился.

— Это слово заставляет меня вспомнить кое-что странное в вашем языке. Люди всегда спрашивают меня про дорогу в Тинуэй. Они без конца говорят: «Как дорога в Тинуэй?» Что это значит?

Я улыбнулся:

— Это идиоматическое выражение. То есть...

— Я знаю, что такое идиома, — оборвал меня Вилем. — Что значит эта?

— А, — сказал я, слегка смутившись. — Это просто приветствие. Вроде как спросить «Как успехи?» или «Как идут дела?».

— Это тоже идиома, — проворчал Вилем. — Ваш язык набит бессмыслицами. Я удивляюсь, что вы вообще понимаете друг друга. «Как идут дела» — куда идут? — Он неодобрительно потряс головой.

— В Тинуэй, должно быть, — ухмыльнулся я в ответ. — Туан волген окетх ама, — произнес я одну из своих любимых сиарских идиом. Она означала «не дай этому свести тебя с ума», но буквально переводилась как «не суй ложку в глаз, которым на нее смотришь».

Мы вывернули из дворика и некоторое время бесцельно брели по Университету. Вилем показал мне еще ряд примечательных зданий, включая несколько хороших таверн, алхимический комплекс, сильдийскую прачечную и оба борделя: официальный и подпольный. Мы прошли мимо унылых каменных стен архивов, мимо бондарской, переплетной, аптеки...

Мне пришла в голову мысль.

— Ты много знаешь о растениях?

Вилем покачал головой:

— В основном химию, и иногда немного занимаюсь в архивах с Кукловодом.

— Занимаюсь, — сказал я, подчеркнув для него звук «ни». — Займаться — это другое. А кто это — Кукловод?

Вил замаялся.

— Трудно описать. — Он махнул рукой, отодвигая вопрос. — Я тебя потом познакомлю. А что тебе надо знать о растениях?

— Да на самом деле ничего. Можешь сделать мне одолжение? — Он кивнул, и я указал на ближайшую аптеку. — Сходи купи мне два скрупула налрута. — Я протянул ему два железных драба. — Этого должно хватить.

— А почему я? — осторожно спросил он.

— Потому что я не хочу, чтобы парень там бросал на меня взгляды типа «ты ужасно молод». — Я нахмурился. — Сегодня не хочу.

К тому времени, как Вилем вернулся, я почти пританцовывал от волнения.

— Он был занят, — объяснил он, видя нетерпение на моем лице, и передал мне маленький бумажный пакетик и мелкую монетку сдачи. — А что это такое?

— Это чтобы успокоить желудок, — сказал я. — Завтрак улегся не слишком хорошо, но я не собираюсь выбрасывать его посреди порки.

Я купил нам сидра в ближайшем баре, чтобы смыть вкус налruta, и постарался не морщиться от горького мучнистого привкуса. Довольно скоро мы услышали, как на часовой башне пробило полдень.

— Полагаю, мне пора идти на занятия. — Вил попытался сказать это непринужденно, но получилось почти сдавленно. Он смущенно посмотрел на меня, его темное лицо чуть побледнело. — Я не люблю крови. — Он улыбнулся дрожащими губами. — Моя кровь... кровь друга...

— Я не планирую совсем уж истекать кровью, — сказал я. — Но ты не беспокойся — ты же провел меня через самую трудную часть: ожидание. Спасибо тебе.

Мы разошлись, и я поборол волну раскаяния. Зная меня меньше трех дней, Вилем уже сошел с правильного пути, чтобы помочь мне. Он мог выбрать более легкую дорогу и возмущаться по поводу моего зачисления в арканум, как многие другие. Вместо этого он выполнил дружеский долг и помог мне переждать самое трудное время, а я отплатил ему ложью.

Подойдя к столбу для наказаний, я почувствовал на себе тяжесть взглядов толпы. Сколько здесь собралось? Две сотни? Три? По достижении определенного количества число теряет значение и остается лишь безликая масса.

Сценическая тренировка помогла мне держаться прямо под взглядами. Я уверенно прошел к столбу посреди моря шепотков — не выступая горделиво, поскольку знал, что это может настроить людей против меня, но также не выказывая раскаяния. Я нес себя ровно и твердо, как учил меня отец, на моем лице не было ни страха, ни сожаления.

Идя к столбу, я ощутил, как начал действовать налрут. Я вдруг почувствовал себя совершенно проснувшимся, а все вокруг стало почти болезненно ярким. Когда я дошел до середины двора, время словно замедлилось. Ноги наступали на камни, поднимая маленькие облачка пыли. Я ощущал, как дыхание ветерка, поймавшего край моего плаща, пробирается под него и охлаждает пот между лопатками. На секунду показалось, что если я вдруг захочу, то смогу пересчитать все лица вокруг меня, как цветы на лугу.

Я не заметил в толпе никого из магистров, кроме Хемме. Он стоял около столба, в своем самодовольстве похожий на свинью. Руки он сложил перед собой, позволив рукавам черной магистерской мантии свободно свисать по сторонам. Хемме поймал мой взгляд, и его рот изогнулся в

победной ухмылке, которая, я знал, предназначалась мне.

Я решил, что скорее откушу себе язык, чем доставлю ему удовольствие видеть мой испуг или даже беспокойство. Вместо этого я одарил его широкой уверенной улыбкой, а затем отвернулся, словно бы он не имел ко мне никакого отношения.

Потом я оказался у столба и услышал, как кто-то что-то зачитывает, но слова были для меня только призрачным жужжанием. Я снял плащ и положил его на спинку каменной скамьи у подножия столба. Затем начал расстегивать рубашку — так беспечно, словно собирался купаться.

Рука на запястье остановила меня. Человек, который зачитывал приказ, выдал мне улыбку, которая пыталась быть успокаивающей.

— Тебе не обязательно снимать рубашку, — сказал он. — Она немного защитит от боли.

— Я не собираюсь портить прекрасную рубашку, — ответил я.

Он бросил на меня странный взгляд, затем пожал плечами и пропустил веревку через кольцо наверху.

— Давай руки.

Я бесстрастно посмотрел на него.

— Вам не стоит беспокоиться, что я убегу.

— Это чтобы ты не упал, если потеряешь сознание.

Я смерил его жестким взглядом.

— Если я потеряю сознание, можете делать, что хотите, — твердо сказал я. — До этого я привязан не буду.

Что-то в моем голосе заставило человека остановиться. Он не стал спорить со мной, а я залез на каменную скамью под столбом, вытянулся, чтобы достать до железного кольца, и крепко ухватился за него обеими руками. Оно было гладкое и холодное, и это меня странно успокоило. Я сосредоточился на кольце, погружаясь в «каменное сердце».

Я услышал, как люди отодвигаются от основания столба. Потом толпа утихла — не слышалось ни звука, кроме тихого свиста и щелчка кнута, проверяемого за моей спиной. С большим облегчением я узнал, что меня выпорют одинарным кнутом: в Тарбеане я видел ужасное кровавое месиво, в которое может превратить человеческую спину шестихвостая плетка.

Внезапно тишина стала еще глубже. Затем, прежде чем я успел подготовиться, раздался более резкий щелчок, чем предыдущие. На моей спине загорелась полоса тусклого красного огня.

Я стиснул зубы. Но это было не так плохо, как я предполагал. Даже с принятыми мною предосторожностями я ожидал более острой, лютой боли.

Затем пришел второй удар. Его треск был громче, и я услышал его больше телом, чем ушами. Я почувствовал странную слабость в спине и задержал дыхание, понимая, что кожа разорвана и идет кровь. Все на секунду стало красным, и я прислонился к грубому просмоленному дереву столба.

Третий удар пришел, прежде чем я приготовился к нему. Он лизнул левое плечо и разорвал почти всю спину до левого бедра. Я стиснул зубы, не желая издать хоть какой-нибудь звук. Глаза я держал открытыми, и мир передо мной почернел по краям на мгновение, прежде чем вернуться к острой режущей яркости.

Затем, не обращая внимания на жжение в спине, я поставил ноги на скамью и разжал пальцы, стискивавшие железное кольцо. Подскочил юноша, словно ожидая, что меня придется подхватить. Я бросил на него уничтожающий взгляд, и он отпрянул. Я собрал рубашку и плащ, аккуратно перекинул их через руку и покинул двор, не оглядываясь на притихшую толпу вокруг.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

БЕСКРОВНЫЙ

— Могло быть хуже, это точно. — Круглое лицо осматривавшего меня магистра Арвила было серьезно. — Я-то надеялся, что тебя просто слегка побьют. Но при твоей коже этим не отделаешься.

Я сидел на краю длинного стола в глубине медики. Арвил мягко ощупывал мою спину, продолжая болтать:

— Но, как я уже говорил, могло быть хуже. Два разреза, и идут они — просто нельзя лучше. Чистые, неглубокие и прямые. Если будешь делать все, что я скажу, у тебя не останется ничего, кроме гладких серебристых шрамов, чтобы хвастать храбростью перед дамами.

Он встал рядом и восторженно поднял белые брови над круглыми ободками очков.

Выражение его лица вызвало у меня улыбку.

Арвил повернулся к юноше, стоявшему около двери.

— Иди и вызови следующего ре'лара в списке. Скажи только, что надо принести все необходимое для обработки прямого неглубокого разреза.

Юноша повернулся и убежал, его шаги затихли в отдалении.

— Ты послужишь прекрасным практическим пособием для одного из моих ре'ларов, — жизнерадостно сообщил Арвил. — Разрез у тебя хороший и прямой, с небольшой вероятностью осложнений, но это уже не по твоей вине. — Он потыкал морщинистым пальцем в мою грудь и цокнул языком: — Одни кости и немного упаковки. Для нашей работы проще, когда побольше мяса. Но, — пожал он плечами, подняв их к самым ушам, — не всегда все идеально. Это юный медик должен выучить лучше всего и в первую очередь.

Он посмотрел на меня, словно ожидая ответа. Я серьезно кивнул.

Это, казалось, удовлетворило Арвила, и его улыбка с прищуром возвратилась. Он повернулся и открыл шкаф, стоящий у одной из стен.

— Дай мне всего минутку, и я успокою жжение, которое идет у тебя по всей спине.

Он звякнул бутылочками, роясь на полках.

— Все в порядке, магистр Арвил, — стоически отвечал я. — Вы можете зашивать меня прямо так. Меня уже оглушили два скрупула налрута, а я остерегаюсь смешивать анестетики, если можно этого

избежать.

Он замер, одной рукой роясь в глубине шкафа. Ему пришлось вытащить ее, чтобы посмотреть на меня:

— Тебе раньше когда-нибудь накладывали швы, мой мальчик?

— Да, — честно ответил я.

— Без чего-либо, чтобы заглушить боль?

Я снова кивнул.

Поскольку я сидел на столе, мои глаза были чуть выше, чем его. Он скептически посмотрел на меня снизу вверх.

— Дай-ка посмотреть, — сказал он, словно не вполне веря мне.

Я закатал штанину выше колена, стискивая зубы, поскольку каждое движение дергало спину. Наконец я открыл шрам длиной в ладонь на внешней стороне бедра — там, куда Пика пырнул меня бутылочным ножом.

Арвил внимательно осмотрел шрам, придерживая очки рукой, и разок легонько ткнул в него указательным пальцем, прежде чем выпрямиться.

— Неаккуратно, — объявил он с легким отвращением.

Я-то считал, что это весьма приличная работа.

— У меня нитка порвалась на половине, — холодно отозвался я. — Да и работал я не в идеальных условиях.

Арвил помолчал секунду, теребя верхнюю губу пальцем и разглядывая меня прищуренными глазами.

— И что, ты получаешь удовольствие от такого дела? — с сомнением спросил он.

Я рассмеялся выражению его лица, но тут же оборвал смех, когда в спине вспыхнула боль.

— Нет, магистр. Я просто заботился о себе как мог.

Он продолжал смотреть на меня, все еще теребя нижнюю губу.

— Покажи, где порвалась нитка.

Я показал. Подобное не так легко забывается.

Он подверг старый шрам более тщательному осмотру и снова потрогал, прежде чем посмотреть на меня.

— Возможно, ты говоришь правду, — пожал он плечами. — Я не знаю. Но я бы решил, что если... — Он умолк и глянул пристально мне в глаза. Потом поднял руку и оттянул одно веко. — Посмотри вверх, — сказал он медицинским тоном.

Нахмурившись от того, что увидел, Арвил взял мою руку, сильно нажал на кончик ногтя и внимательно наблюдал секунду-другую. Его хмурость усугубилась, когда он, придвинувшись, взял меня за подбородок, открыл мне рот и понюхал.

— Тенназин? — спросил он и сам себе ответил: — Нет, конечно налрут. Я, наверное, старею, раз не заметил раньше. Это также объясняет, почему ты не залил кровью весь мой красивый чистый стол. — Он сурово посмотрел на меня: — Сколько?

Я не видел смысла сопротивляться:

— Два скрупула.

Арвил помолчал немного, затем посмотрел на меня. Через секунду он снял очки и яростно протер их обшлагом рукава. Водрузив их обратно, он посмотрел мне прямо в глаза:

— Нет ничего удивительного в том, что мальчик, боящийся порки, накачивается перед ней лекарствами. — Он внимательно посмотрел на меня. — Но почему если он так боится, то снимает рубашку перед поркой? — Арвил снова нахмурился: — Ты мне это объяснишь. Если ты лгал раньше, признайся, и все будет хорошо. Я знаю, как мальчишки любят сочинять дурацкие сказки.

Его глаза поблескивали за стеклами очков.

— Но если ты сейчас солжешь, то ни я, ни кто-либо из моих ребят не будут зашивать тебя. Мне не лгут. — Он скрестил руки на груди. — Ну. Объясняй. Я не понимаю, что происходит. А этого я не люблю больше всего на свете.

Последнее спасение — правда.

— Мой наставник, Абенти, научил меня в целительском искусстве всему, чему мог, — объяснил я. — Когда мне пришлось жить на улицах Тарбеана, я лечил себя сам. — Я указал на свое колено. — Сегодня я не надел рубашку, потому что у меня всего две рубашки, а прошло уже много времени с тех пор, когда у меня их было так много.

— А налрут? — спросил Арвил.

Я вздохнул.

— Я не вписываюсь в общие рамки, сэр. Я младше всех, и многие люди думают, что мне здесь не место. Я огорчил многих студентов тем, что так быстро попал в арканум. И я умудрился настроить против себя магистра Хемме. Эти студенты и Хемме с друзьями — все они наблюдают за мной, ожидая малейшего признака слабости.

Я перевел дух.

— Я принял налрут, потому что не хотел потерять сознание. Мне нужно было показать им, что они не могут причинить мне боль. Насколько я знаю, лучший способ оставаться в безопасности — это заставить врагов думать, что они не могут причинить тебе боль.

Все сказанное звучало довольно неуклюже, но было правдой. Я

ответил магистру медицины вызывающим взглядом.

Наступило долгое молчание — Арвил смотрел на меня. Его глаза немного сузились за очками, словно он пытался что-то разглядеть внутри меня. Потом он снова потер верхнюю губу пальцем.

— Наверное, если бы я был старше, — медленно произнес он, так тихо, словно говорил сам с собой, — я бы сказал, что ты выступаешь себя на посмешище. Что другие студенты — взрослые люди, а не вздорные драчливые мальчишки.

Арвил снова помолчал, все так же рассеянно теребя губу. Затем его глаза заискрились морщинками по краям — он улыбнулся мне.

— Но я не настолько стар. Хм! Пока нет. Даже наполовину. Всякий, кто думает, что мальчишки невинны и милы, никогда сам не был мальчишкой или позабыл об этом. А тот, кто думает, что люди не бывают жестоки и не причиняют друг другу боль, вряд ли часто выходит из дома. И уж конечно, он никогда не был медиком. Мы видим последствия жестокости чаще, чем кто-либо.

Прежде чем я успел ответить, он сказал:

— Закрой рот, э'лир Квоут, или я почувствую себя обязанным влить в него какое-нибудь сильное тонизирующее. Ага, вот они и пришли. — Последнее было сказано про двух студентов, появившихся в комнате: один — тот самый ассистент, который меня уже видел; другой же, к моему удивлению, оказался девушкой.

— А, ре'лар Мола, — обрадовался Арвил, все следы нашей серьезной беседы исчезли с его лица. — Вы слышали, что у вашего пациента два прямых чистых пореза. Что вы принесли, чтобы исправить ситуацию?

— Прокипяченный лен, крючковую иглу, нитку из кишки, спирт и йод, — решительно сказала девушка. У нее были зеленые глаза, ярко выделявшиеся на бледном лице.

— Что? — возмутился Арвил. — Никакого симпатического воска?

— Нет, — ответила она, побледнев еще больше.

— А почему нет?

Она поколебалась:

— Потому что он мне не нужен.

Арвил выглядел довольным:

— Да. Конечно, он вам не нужен. Очень хорошо. Вы мыли руки перед тем, как пришли сюда?

Мола кивнула, мотнув короткими светлыми волосами.

— Тогда вы зря потратили время и силы, — строго сказал Арвил. — Подумайте обо всех болезнетворных бактериях, которых насобирали, пока

шли сюда по длинному коридору. Вымойте руки еще раз, и начнем.

С привычной тщательной быстротой девушка вымыла руки в ближайшей раковине. Арвил уложил меня на стол лицом вниз.

— Пациенту дали притупляющее? — спросила она. Хотя я не мог видеть ее лица, но услышал в голосе тень сомнения.

— Анестезию, — поправил Арвил. — У вас хороший глаз на детали, Мола. Нет, не давали. Итак, что вы будете делать, если э'лир Квоут уверяет вас, что ему никакие лекарства не нужны? Он заявляет, что у него самоконтроль как прут из рамстонской стали и он не станет дергаться, когда вы будете его зашивать.

Тон Арвила был серьезным, но я мог уловить намек на усмешку, прячущийся в его словах.

Мола посмотрела на меня, затем снова на Арвила.

— Я скажу ему, чтобы не придурился, — ответила она после короткой паузы.

— А если он упорствует в своих заявлениях, что не нуждается в обезболивающих?

Последовала более долгая пауза.

— Он не кажется истекающим кровью, так что я приступлю. Я также объясню ему, что если он будет слишком сильно дергаться, то я привяжу его к столу и буду лечить, как считаю нужным для его благополучия.

— Хм. — Арвил казался слегка удивленным ее ответом. — Да. Очень хорошо. Итак, Квоут, вы все еще желаете отказаться от обезболивания?

— Спасибо, — вежливо ответил я. — Мне не нужно.

— Прекрасно, — сказала Мола, словно я подписал себе приговор. — Во-первых, мы прочистим и стерилизуем рану.

Спирт жег, но это было самое худшее из всей процедуры. Я постарался максимально расслабиться, слушая, как Мола объясняет свои действия по мере выполнения. Арвил выдавал непрерывный поток комментариев и советов. Я занял свой разум другими мыслями и постарался не дергаться от сглаженных налрutom уколов иглы.

Мола быстро закончила и принялась перевязывать меня с восхитительным проворством. Пока она помогала мне сесть и обвязывала льняной тканью, я задавался вопросом, все ли ученики Арвила так вышколены, как она.

Мола заканчивала последние узлы на моей спине, когда я почувствовал легкое, как перышко, прикосновение к плечу, почти неощутимое сквозь налрут, оглушавший меня.

— У него прекрасная кожа, — услышал я задумчивые слова Мола,

вероятно, обращенные к Арвилу.

— Ре'лар! — сурово сказал Арвил. — Такие комментарии непрофессиональны. Я удивлен вашей бестактностью.

— Я говорила о шраме, который получится, — язвительно возразила Мола. — Полагаю, останется не больше чем бледная линия — при условии, что он сможет сохранить в целости шов.

— Хм, — сказал Арвил. — Да, конечно. А как ему этого избежать?

Мола обошла стол и встала передо мной.

— Избегать движений вроде этого, — она вытянула руки перед собой, — или этого, — и подняла их высоко над головой. — Избегать слишком быстрых движений любого рода: бег, прыжки, лазанье. Повязку можно будет снять через два дня. Не мочи ее.

Она повернулась к Арвилу.

Он кивнул:

— Очень хорошо, ре'лар. Вы свободны.

Он посмотрел на младшего ученика, молча наблюдавшего за процедурой.

— Ты тоже можешь идти, Джери. Если кто-нибудь спросит, я буду в своем кабинете. Спасибо.

Через мгновение мы с Арвилем снова остались вдвоем. Он стоял неподвижно, прикрыв рукой рот, пока я осторожно надевал рубашку. Наконец он, видимо, принял решение.

— Э'лир Квоут, ты хочешь учиться здесь, в медике?

— Очень, магистр Арвил, — от всего сердца сказал я.

Он покивал, все так же прижимая руку к губам.

— Приходи через четыре дня. Если ты достаточно умен, чтобы не сорвать швы, ты будешь здесь. — И магистр подмигнул мне.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

МЕРЦАЮЩИЙ ПУТЬ

Поддерживаемый стимулирующим действием налрута, почти не ощущая боли, я отправился в архивы. Поскольку теперь я был членом арканума, мне уже никто не мог запретить исследовать хранилище — а этого я ждал всю жизнь.

Что еще лучше — пока я не стану спрашивать у хранистов, ничего не будет записано в журнал архивов. Это означало, что я могу изучать чандриан и амир сколько душе угодно, и никому, даже Лоррену, не обязательно знать о моих «мальчишеских» изысканиях.

Войдя в красноватый свет архивов, я обнаружил обоих: Амброза и Фелу — за столом при входе. Смешанное удовольствие, если вообще удовольствие.

Амброз склонился к Феле, что-то нашептывая. Она имела вид женщины, которая сознает тщетность вежливого отказа. Одна рука Амброза покоилась у Фелы на колене, а вторая обнимала спинку стула, касаясь ладонью ее шеи. Амброз предполагал, что это должно выглядеть нежно и страстно, но девушка была напряжена, будто загнанный олень. Амброз крепко держал ее — точно так же, как удерживают за шкуру собаку, не давая убежать.

Когда за мной хлопнула дверь, Фела подняла взгляд, встретила со мной глазами, а потом опустила их, пристыженная своим неловким положением. Как будто она сама что-то натворила. Много раз я видел этот взгляд на улицах Тарбеана, и он высек во мне искры застарелой ярости.

Я подошел к столу, шумя чуть больше, чем необходимо. На дальнем его конце стола стояла чернильница с пером, а рядом лежал лист бумаги, исписанный на три четверти — сплошь приписки и зачеркивания. Похоже, Амброз пытался сочинить стишок.

Я дошел до конца стола и на секунду остановился. Фела избегала смотреть на меня и Амброза. Тот оглянулся через плечо и нахмурился.

— У тебя отвратительное чувство такта, э'лир. Зайди попозже. — Он снова отвернулся, как бы отпуская меня.

Я хмыкнул и наклонился над столом, вытянув шею, чтобы посмотреть на лежащий лист бумаги.

— У меня отвратительное чувство такта? Да у тебя здесь в строчке

тринадцать слогов! — Я постучал пальцем по листку. — Это даже не ямб. Я не знаю, есть ли здесь вообще какой-то размер.

Раздраженный, он снова повернулся ко мне:

— Следи за языком, э'лир. День, когда я приду к тебе за помощью в стихосложении, будет...

— Днем, когда у тебя найдется пара часов свободного времени, — закончил я. — Два долгих часа — просто чтобы начать. «Не так ли может скромный дрозд знать свой север?» Честно говоря, я даже не знаю, откуда начать это критиковать. Тут все само над собой издевается.

— Да что ты знаешь о поэзии? — спросил Амброз, не потрудившись даже обернуться.

— Я узнаю хромой размер, когда его слышу, — ответил я. — Но этот даже не хромает. У хромого есть ритм. А это больше похоже на то, как кто-то катится по лестнице. По неровной лестнице. С навозной кучей внизу.

— Это новый пружинящий ритм, — сказал он, его голос звучал холодно и обиженно. — Я и не ожидал, что ты сможешь такое понять.

— Пружинящий? — язвительно расхохотался я. — Думаю, если бы я увидел лошадь с такой «пружинящей» ногой, я бы убил ее из жалости. А потом сжег бы труп из опасения, что местные собаки погрызут его и передохнут.

Амброз наконец повернулся ко мне, и ему пришлось убрать руку с колена Фелы. Половина победы. Но вторая его рука пока оставалась на ее шее, удерживая на месте под видом непринужденной нежности.

— Я так и думал, что ты сегодня заглянешь, — сказал он с несколько надтреснутой радостью в голосе. — Поэтому уже проверил журнал. Тебя в списках пока нет. Тебе придется по-прежнему торчать в «книгах» или прийти позже, когда мы дополним записи.

— Без обид, но не проверишь ли еще раз? Я не уверен, что могу доверять грамотности человека, рифмующего «север» и «плевел». Неудивительно, что тебе приходится силой удерживать женщин, чтобы они это слушали.

Амброз одеревенел, и его рука соскользнула со спинки стула и повисла. Его слова так и сочились ядом:

— Когда ты подрастешь, э'лир, то узнаешь, чем мужчина и женщина могут заниматься...

— Как? В уединении вестибюля архивов? — Я показал рукой вокруг себя. — Господне тело, это же не бордель. И если ты еще не заметил, перед тобой студентка, а не проститутка, которой ты заплатил за случку. Если собираешься изнасиловать женщину, соблюди приличия, делай это в

переулке. По крайней мере, там она сможет закричать.

Лицо Амброза гневно вспыхнуло, и он долго не мог собраться со словами.

— Ты ничего не знаешь о женщинах.

— По крайней мере, в этом мы с тобой схожи, — беспечно ответил я. — Признаться, именно поэтому я и пришел сюда сегодня. Я хотел провести небольшое исследование — найти книжку-другую по этому вопросу. — Я постучал двумя пальцами по журналу. — Так что найди мое имя ипусти меня.

Амброз с грохотом открыл книгу, нашел нужную страницу и повернул книгу ко мне.

— Вот. Если ты найдешь свое имя на этой странице, добро пожаловать изучать хранилище, когда тебе удобно. — Он напряженно улыбнулся. — В противном случае можешь приходить где-то через оборот-другой. К тому времени мы как раз обновим списки.

— У меня есть записка от магистров, просто на всякий случай — если будут какие-нибудь недоразумения насчет моего приема в арканум, — сказал я и задрал рубашку так, чтобы он мог видеть широкую полосу повязок, покрывающих мою спину. — Прочитаешь отсюда или подойти ближе?

Амброз подчеркнуто промолчал, так что я опустил рубашку и обратился к Феле, совершенно его игнорируя.

— Моя леди-хранист, — сказал я с небольшим поклоном. Очень маленьким поклоном, поскольку спина не позволяла большего. — Не будете ли вы так добры и не поможете ли найти книжку о женщинах? Я получил указания от старшего товарища подковаться по этому тонкому вопросу.

Фела чуть улыбнулась и немного расслабилась. Она продолжала сидеть в напряженной позе даже после того, как Амброз убрал руку. Я предположил, что она достаточно знает нрав Амброза и понимает, что если сбежит и поставит его в неловкое положение, то он ей потом отплатит.

— Не знаю, есть ли у нас что-нибудь в этом роде...

— Я бы начал с азов, — с улыбкой сказал я. — Я слышал от людей, достойных доверия, что не знаю о женщинах вообще ничего, так что все послужит углублению знаний.

— Что-нибудь с картинками? — выплюнул Амброз.

— Если наше исследование опустится до этого, я непременно обращусь к тебе, — парировал я, не глядя в его сторону, и улыбнулся Феле. — Может быть, бестиарий... — мягко предположил я. — Я слышал,

они особенные создания, совсем другие, чем мужчины.

Фела расцвела улыбкой и прыснула:

— Полагаю, мы можем поискать.

Амброз посмотрел на нее волком.

Она сделала в его сторону успокаивающий жест.

— Да все знают, что он в аркануме, Амброз, — сказала она. — Что за беда, если мы впустим его просто так?

Амброз злобно зыркнул на нее.

— Почему же ты не торопишься в «книги» и не изображаешь из себя хорошую девочку на побегушках? — холодно спросил он. — Здесь я могу и один управиться.

Фела, словно истукан, поднялась из-за стола и, забрав фолиант, который пыталась читать, направилась в «книги». Открывая дверь, она, как мне хотелось думать, бросила на меня взгляд, полный признательности и облегчения. Но возможно, это было только мое воображение.

Когда дверь за ней закрылась, комната словно потускнела. А отбрасывая поэтическое сравнение: свет действительно потускнел. Я посмотрел на симпатические лампы, развешанные по стенам, недоумевая, что происходит.

Но мгновением позже, почувствовав, как по спине поползло медленное жжение, догадался: действие налрута заканчивалось.

У большинства сильных болеутоляющих есть серьезные побочные эффекты. Тенназип иногда вызывает бред или обмороки. Лациллиум ядовит. Офалум дает быстрое привыкание. Мхенка, пожалуй, действеннее всех, но есть причины называть ее «дьявольским корнем».

Налрут слабее любого из этих средств, но намного безопаснее. Он немного обезболивает, стимулирует и сужает сосуды — вот почему я не истекал кровью, как резаная свинья, когда меня выпороли. И что самое лучшее, у него практически нет побочных эффектов. Тем не менее за все надо платить. Когда действие налрута заканчивается, он оставляет тебя истощенным физически и духовно.

И все равно я пришел сюда, чтобы увидеть книгохранилище. Теперь я стал членом арканума и не собирался уходить, не побывав в самом сердце архивов. Я снова повернулся к столу с решимостью на лице.

Амброз бросил на меня долгий взгляд и вздохнул.

— Прекрасно, — сказал он. — Как насчет сделки? Ты молчишь о том, что видел здесь сегодня, а я поступлюсь правилами и впущу тебя, хотя официально ты еще не записан в книгу. — Он вроде бы слегка нервничал. — Идет?

Пока он говорил, я чувствовал, как слабеет стимулирующий эффект налрута. Тело налилось тяжестью и усталостью, мысли стали вялыми, вязкими. Я поднял руку к лицу и поморщился — движение резкой болью отозвалось в швах на спине.

— Было бы хорошо, — хрипло сказал я.

Амброз открыл один из журналов и вздохнул, перевернув страницы.

— Поскольку ты первый раз в архивах, тебе придется заплатить хранилищный сбор.

Во рту у меня появился лимонный привкус. Об этом побочном эффекте Бен не упоминал. Это отвлекло меня, и через секунду я заметил, что Амброз смотрит с нетерпением.

— Что? — переспросил я.

Он бросил на меня странный взгляд:

— Хранилищный сбор.

— Но раньше никакой платы не было, в «книгах».

Амброз посмотрел на меня как на идиота.

— Потому что это хранилищный сбор. — Он снова перевел взгляд на журнал. — Обычно ты платишь его вместе с платой за первую четверть в аркануме. Но поскольку ты подскочил в ранге, тебе придется заплатить его сейчас.

— А сколько? — спросил я, ища кошелек.

— Один талант, — ответил он. — И тебе придется заплатить его, прежде чем ты сможешь войти. Правила есть правила.

После оплаты места в гнездах талант составлял почти все мои оставшиеся деньги. Я прекрасно понимал, что мне надо напрячь все ресурсы, чтобы собрать деньги за следующую четверть. Если я не смогу заплатить, мне придется покинуть Университет.

Тем не менее это была небольшая плата за то, о чем я мечтал большую часть жизни. Я вытащил из кошелька талант и отдал его Амброзу.

— Мне нужно где-нибудь расписаться?

— Никаких таких формальностей, — сказал Амброз, открывая ящик и вытаскивая оттуда маленький металлический диск. Отупевший от побочных эффектов налрута, я не сразу понял, что это. Оказалось, ручная симпатическая лампа.

— Хранилище не освещено, — буднично сообщил Амброз. — Там слишком большие пространства, да и книгам постоянный свет может повредить. Ручные лампы стоят полтора таланта.

Я заколебался.

Амброз кивнул и принял задумчивый вид.

— Многие оказываются без гроша во время первой четверти. — Он залез в нижний ящик и довольно долго там рылся. — Ручные лампы стоят полтора таланта, и с этим ничего не поделаешь. — Он вытащил десятисантиметровую восковую свечу. — Но свечи всего по полпенни.

Полпенни за свечу было весьма хорошей сделкой. Я вытащил пенни:

— Я возьму две.

— Это последняя, — быстро сказал Амброз. Он нервно огляделся, прежде чем впихнуть ее мне в руку. — Вот что: можешь взять ее бесплатно. — Он улыбнулся. — Только никому не рассказывай. Это будет наш маленький секрет.

Я взял свечу, немало удивляясь. Очевидно, я напугал его своими пустыми угрозами. Или этот наглый напыщенный дворянчик был и вполтину не таким гадом, каким я его считал.

Амброз так поспешно завел меня в хранилище, что у меня не было времени зажечь свечу. Когда дверь за мной закрылась, вокруг оказалось темно, как в мешке, единственный отблеск красноватого симпатического света пробивался сквозь щель двери за моей спиной.

Поскольку спичек у меня с собой не было, мне пришлось прибегнуть к симпатии. Обычно я делал это так же быстро, как моргал, но мой утомленный налрутом разум едва смог достичь нужной концентрации. Я стиснул зубы, зафиксировал в уме алар и через несколько секунд, почувствовав, как в мои мышцы вливается холод, вытянул из своего тела достаточно жара, чтобы на фитиле свечи ожил огонек.

Книги.

Окна для прохода солнечного света отсутствовали, и хранилище освещалось только мягким сиянием моей свечи. Полки за полками уходили в темноту. Больше книг, чем я мог увидеть за целый день. Больше книг, чем я мог прочитать за всю жизнь.

Воздух был сухим и холодным. Он пах старой кожей, пергаментом и позабытыми тайнами. Я рассеянно подумал, как удастся поддерживать воздух таким свежим без окон.

Прикрывая свечу рукой, я прокладывал свой мерцающий путь между полками, наслаждаясь моментом, впитывая все вокруг. Тени бешено плясали по потолку, когда пламя свечи колебалось.

Налрут уже перестал действовать. Спину дергало, а мысли казались свинцовыми, словно у меня был жар или я крепко приложился затылком. Я знал, что сегодня читать долго не получится, но не мог себя заставить уйти так быстро — после всего, через что я прошел на пути сюда.

Так, осматриваясь, я бесцельно блуждал около четверти часа. Потом обнаружил несколько маленьких каменных комнаток с тяжелыми деревянными дверями и столами внутри. Они, очевидно, предназначались для того, чтобы небольшие группы могли встречаться и беседовать, не нарушая полную тишину архивов.

Я нашел лестницы, ведущие как вниз, так и вверх. Архивы были высотой в шесть этажей, но я не знал, что под землей они тоже продолжаются. Насколько глубоко они уходят? Сколько десятков тысяч книг лежат в ожидании под моими ногами?

Я вряд ли смогу описать, насколько уютно мне было в холодной молчаливой темноте. Я был совершенно счастлив, затерявшись среди бесконечных книг. Знание, что ответы на все мои вопросы где-то здесь и ждут меня, давало мне ощущение безопасности.

Исключительно по воле случая нашел я дверь с четырьмя табличками.

Она была сделана из одного куска серого камня, того же цвета, что и окружающие стены. Косяк толщиной двадцать сантиметров тоже оказался серым и бесшовным камнем. Дверь и косяк так плотно прилегали друг к другу, что в щель не пролезла бы и булавка.

На двери не было петель. И ручки. И окошка или сдвижной панели. Ее выделяли только четыре строгие медные таблички, вделанные в косяк, который составлял одно целое с окружающей его стеной. Можно было провести рукой от одной стороны двери до другой и едва нащупать их очертания.

Несмотря на это, участок серого камня, несомненно, был дверью. Просто был. В центре каждой медной таблички виднелось отверстие — замочная скважина непривычной формы. Дверь стояла неколебимая, как скала, спокойная и равнодушная, как море в безветренный день. Это была дверь не для открывания, а для того, чтобы оставаться закрытой.

В центре ее, между потускневшими медными табличками, в камень глубоко врезалось слово: «ВАЛАРИТАС».

В Университете были и другие запертые двери: места, где хранились опасные предметы и где спали старые позабытые секреты — молчаливо и тайно. Двери, открывать которые было запрещено. Двери, чьего порога никто не переступал, чьи ключи были уничтожены или утеряны, а может быть, эти двери запирались сами для пущей надежности.

Но все они бледнели перед дверью с четырьмя табличками. Я положил ладонь на холодную гладкую поверхность двери и толкнул, вопреки здравому смыслу надеясь, что она откроется от моего прикосновения. Но дверь осталась твердой и неподвижной, как серовик. Я попытался

заглянуть в скважины на медных дощечках, но при свете единственной свечи не смог ничего разглядеть.

Я так хотел попасть внутрь, что чувствовал вкус своего желания. Возможно, это демонстрирует извращенную сторону моей личности: хотя я уже наконец был в архивах, окруженный бесчисленными тайнами, меня тянуло к единственной запертой двери, попавшейся мне. Возможно, такова человеческая природа: искать сокровище и стремиться к недоступному.

Внезапно я заметил ровный красный свет симпатической лампы, приближающийся ко мне среди полок. Это был первый признак, что в архивах есть еще студенты. Я сделал шаг назад и стал ждать, собираясь спросить того, кто идет, что за этой дверью. Что значит «Валаритас».

Красный свет разрастался, и я увидел двух хранистов, выворачивающих из-за угла. Они остановились, затем один из них бросился ко мне и выхватил мою свечу, пролив горячий воск мне на руку. Его лицо не могло быть более испуганным, чем если бы он обнаружил у меня в руках свежееотрубленную голову.

— Что ты здесь делаешь с открытым огнем? — спросил он самым громким шепотом, который я когда-либо слышал. Он понизил голос и помахал передо мной отобранной свечой. — Обгорелое Господне тело, что тебе в голову взбрело?

Я вытер горячий воск с тыльной стороны руки, стараясь мыслить ясно сквозь боль и усталость.

«Конечно, — подумал я, вспоминая улыбку Амброза и то, как он всунул мне свечу и поспешно провел в дверь. — Наш маленький секрет. Конечно. Мне следовало догадаться».

Один из хранистов вывел меня из хранилища, а второй побежал за магистром Лорреном. Когда мы появились в вестибюле, Амброзу удалось изобразить смущенный и шокированный вид. Он переигрывал, но для храниста, сопровождавшего меня, это выглядело вполне убедительно.

— Что он здесь делает?

— Мы нашли его бродящим внутри, — объяснил хранист. — Со свечой.

— Что? — Лицо Амброза выражало ошеломление. — Ну, я-то его не записывал, — сказал он, открывая один из журналов. — Сам посмотри.

Никто не успел сказать что-либо еще — в вестибюль ворвался магистр Лоррен. Его обычно бесстрастное лицо было гневным и суровым. Меня прошиб холодный пот, и я подумал о том, что Теккам писал в своей «Теофании»: «Трех стихий страшится мудрый: моря в шторм, ночи без

луны и гнева спокойного человека».

Лоррен возвышался над столом.

— Рассказывай, — потребовал он у ближайшего храниста. Его голос был плотным сгустком гнева.

— Мы с Микой увидели мерцающий свет в хранилище и пошли посмотреть: вдруг у кого-то проблемы с лампой. Мы нашли его около юго-восточной лестницы вот с этим.

Хранист показал свечу. Его рука слегка дрожала под взглядом Лоррена. Лоррен повернулся к столу, где сидел Амброз.

— Как это случилось, ре'лар?

Амброз беспомощно развел руками.

— Он пришел раньше, и я не мог впустить его, поскольку он не записан в книге. Мы некоторое время пререкались, здесь еще сидела Фела. — Он посмотрел на меня. — Наконец я сказал, что ему придется уйти. Наверное, он проскользнул внутрь, когда я отошел в заднюю комнату за чернилами. — Амброз пожал плечами. — А может, пролез за столом в «книгах».

Я стоял совершенно ошеломленный. Та маленькая часть моего разума, которая не была перегружена усталостью, сосредоточилась на вопящей боли в спине.

— Это... неправда. — Я посмотрел на Лоррена. — Он впустил меня. Он отослал Фелу, а потом впустил меня.

— Что? — уставился на меня Амброз, на мгновение потеряв дар речи. Хотя он мне не нравился, я отдал должное его мастерскому исполнению. — Зачем, во имя Господне, я бы стал это делать?

— Потому что я выставил тебя дураком перед Фелой, — ответил я. — Он и свечу мне продал. — Я потряс головой, пытаясь прочистить ее. — Нет, он отдал мне ее так.

Лицо Амброза было изумленным.

— Посмотрите на него! — Он расхохотался. — Маленький петушок чего-то напился.

— Меня только что выпороли! — запротестовал я. Мой голос звучал визгливо даже в моих ушах.

— Довольно! — рывкнул Лоррен, нависая над нами, как столп гнева. Хранисты побледнели от его крика.

Лоррен отвернулся от меня и сделал короткий презрительный жест в сторону стола.

— Ре'лар Амброз официально отчислен со службы за небрежность в исполнении обязанностей.

— Что? — Негодование Амброза на этот раз было совершенно искренним.

Лоррен хмуро взглянул на него, и Амброз закрыл рот. Повернувшись ко мне, Лоррен сказал:

— Э'лир Квоут изгоняется из архивов, — и сделал выметающий жест ребром ладони.

Я попытался придумать, что бы сказать в свою защиту.

— Магистр, я не собирался...

Лоррен развернулся ко мне. Его лицо, всегда столь спокойное, было полно такой холодной и ужасной ярости, что я невольно отступил на шаг.

— Собирался? — произнес он. — Мне нет дела до твоих намерений, э'лир Квоут, а также заблуждений и всего прочего. Все, что имеет значение, это реальность твоих поступков. Твоя рука держала огонь — вот твоя вина. Урок, который должны выучить все взрослые люди.

Я посмотрел себе на ноги, отчаянно пытаюсь придумать, что сказать, какое доказательство привести... Мои свинцовые мысли все еще ползли, когда магистр Лоррен вышел из вестибюля.

— Не понимаю, почему я должен быть наказан за его глупость, — пожаловался Амброз другим хранистам, пока я тупо шел к двери. Я сделал ошибку — обернулся к нему. Его лицо было серьезным, полностью контролируемым.

Но в глазах плясала насмешка.

— Честно говоря, мальчик, — сказал он мне, — я не представляю, о чем ты думал. У члена арканума могло бы быть и побольше ума.

Я направился в столовую, колеса моих мыслей вращались медленно и печально. Неловко плюхнув посуду на тусклый жестяной поднос, я взял порцию горячего пудинга, сосиску и немного традиционных бобов. Потом уныло оглядел зал, пока не заметил Симмона и Манета на обычном месте в северо-восточном углу.

По пути к столу я привлекал изрядное внимание. Вполне понятно: едва ли два часа прошло с тех пор, как я стоял у столба наказаний и получал публичную порку. Я услышал чей-то шепоток: «...не шла кровь, когда его пороли. Я там был. Ни единой капли».

Это, конечно, сработал налрут. Он спас меня от кровотечения. В тот момент это казалось такой хорошей идеей, но теперь она выглядела мелкой и дурацкой. Амброзу ни за что не удалось бы так легко меня одурачить, если бы мою природную подозрительность не притупил дурман. Уверен, я бы нашел способ все объяснить Лоррену, если бы мой разум был при мне.

Проходя в дальний угол зала, я осознал всю правду: я обменял доступ в архивы на сомнительную известность. Однако мне не оставалось ничего, как попытаться извлечь из этого всю возможную пользу. Если репутация — единственное, что я могу противопоставить своей беде, мне следует держаться за нее. Расправив плечи, я прошел через весь зал к Симмону и Манету и поставил еду на стол.

— Ведь нет никакого хранилищного сбора? — тихо спросил я, проскользнув на скамью и стараясь не морщиться от боли в спине.

Сим непонимающе посмотрел на меня:

— Хранилищного сбора?

Манет фыркнул в миску с бобами:

— Прошло несколько лет с тех пор, как я слышал об этом. Раньше, когда я работал хранистом, мы разыгрывали первочетвертников на пенни за пользование архивами. Называли это хранилищным сбором.

Сим неодобрительно посмотрел на него:

— Это ужасно.

Манет, защищаясь, поднял руки перед лицом:

— Просто безобидный розыгрыш. — Он оглядел меня. — У тебя поэтому такое длинное лицо? Кто-то развел тебя на медяк?

Я покачал головой. Я не собирался рассказывать, что Амброз одурачил меня на целый талант.

— Угадай, кого только что изгнали из архивов?

Они тупо посмотрели на меня. Через минуту Симмон высказал очевидную догадку:

— Мм... тебя?

Я кивнул и начал ковыряться ложкой в бобах. На самом деле я не был голоден, но надеялся, что немного еды в желудке поможет стряхнуть налутную вялость. Кроме того, моя натура не могла упустить возможность поесть.

— Тебя отстранили в первый же день? — спросил Симмон. — Это здорово затруднит изучение твоих чандриан.

Я вздохнул:

— Можно сказать и так.

— А на сколько тебя отстранили?

— Он сказал «изгоняется», — ответил я. — О времени не говорил.

— Изгоняется? — Манет поднял взгляд на меня. — Он не изгонял никого уже десяток лет. Что ты сделал? Помочился на книжку?

— Двое хранистов нашли меня внутри со свечой.

— Тейлу милосердный! — Манет положил вилку, его лицо впервые

стало серьезным. — Старый Лори, наверное, был в ярости.

— Ярость — самое точное слово, — согласился я.

— Как тебе в голову взбрело идти туда с открытым огнем? — спросил Симмон.

— Я не мог себе позволить ручную лампу, — сказал я. — Поэтому хранист за столом дал мне свечу.

— Не может быть, — запротестовал Симмон.

— Погоди-ка, — сказал Манет. — Это был темноволосый такой парень? Хорошо одетый? С суровыми бровями? — Он гротескно нахмурился.

Я устало кивнул:

— Амброз. Мы еще вчера познакомились. И сразу неудачно.

— Его трудно пропустить, — осторожно сказал Манет, бросая многозначительный взгляд на людей вокруг. Я заметил, что далеко не одна пара ушей прислушивается к нашей беседе. — Кому-то следовало предупредить тебя держаться от него подальше, — добавил он еще тише.

— Матерь божья, — сказал Симмон. — Из всех людей тебе надо было поссориться с...

— Ну, что сделано, то сделано, — сказал я. Я уже начинал приходить в себя — голова стала не такой ватной и усталость прошла. Или побочные эффекты налрута кончались, или злость во мне выжигала туман утомления. — Он еще узнает, что я могу мочиться рядом с лучшими из них. Он пожалеет даже, что встретил меня, не то что помешал моим делам.

Симмон встревожился.

— Тебе не следует угрожать другим студентам, — сказал он с маленьким смешком, словно пытаюсь перевести мои слова в шутку. Чуть тише он добавил: — Ты не понимаешь. Амброз — наследник баронства там, у себя, в Винтасе. — Он поколебался, глядя на Манета. — Господи, ну с чего хоть начать?

Манет наклонился вперед и заговорил в еще более конфиденциальном тоне:

— Он не один из тех дворянчиков, что крутятся здесь четверть-другую, а потом уезжают. Он здесь несколько лет и честно отработал свой путь до ре'лара. Кроме того, он не какой-нибудь седьмой сын, а перворожденный наследник. А его отец — один из двенадцати влиятельнейших людей во всем Винтасе.

— На самом деле он шестнадцатый по знатности, — прозаично сообщил Сим. — Королевская семья, принцы-регенты, мэр Алверон, герцогиня Самиста, Акулеус и Мелуан Лэклесс... — Он умолк под

взглядом Манета.

— У него есть деньги, — просто сказал Манет. — И друзья, которых покупают за деньги.

— И люди, которые хотят выслужиться перед его отцом, — добавил Симмон.

— Дело в том, — серьезно сказал Манет, — что с ним просто не хотят связываться. В первый год здесь один из алхимиков поссорился с Амброзом. Амброз выкупил его долг у ростовщика в Имре. Когда парень не смог заплатить, его бросили в долговую тюрьму. — Манет разломил пополам кусок хлеба и намазал маслом. — К тому времени, как семья вызволила беднягу, у того уже развилась чахотка. Парень стал развалиной. И так и не смог вернуться к своим исследованиям.

— И магистры просто позволили этому случиться? — спросил я, не веря своим ушам.

— Все абсолютно законно, — сказал Манет все тем же тихим голосом. — И Амброз притом не был так глуп, чтобы выкупать долг самому. — Манет сделал презрительный жест. — За него работал кто-то другой, но он сделал так, чтобы все знали, что он за это в ответе.

— А еще была Табета, — мрачно сказал Сим. — Она подняла такой шум из-за того, что Амброз обещал жениться на ней. Потом она просто исчезла.

Теперь понятно, почему Фела так не хотела его обижать. Я махнул рукой в сторону Симмона.

— Я никому не угрожаю, — невинно заметил я, повысив голос, чтобы любой желающий мог легко меня расслышать. — Просто цитирую одно из моих любимых литературных произведений. Это из четвертого акта «Даэоники», где Тарсус говорит:

Я на него пущу огонь и глад,
Пока все вокруг него не опустеет.
Тогда все демоны во внешней тьме
Посмотрят в изумленье и поймут,
Что месть — святое право человека.

Повисла потрясенная тишина. Она распространилась по столовой чуть дальше, чем я ожидал, — очевидно, я недооценивал количество любопытствующих. Я снова вернулся к еде и решил пока помолчать. Мне нездоровилось, и я не желал сегодня еще каких-нибудь неприятностей.

— Некоторое время тебе это не понадобится, — спокойно сказал Манет после долгого молчания. — Но что касается изгнания из архивов и всего такого, я все же полагаю, тебе лучше знать... — Он неловко откашлялся. — Не надо покупать ручную лампу. Ты просто расписываешься за нее у входа и отдаешь, когда закончишь.

Он посмотрел на меня, словно волнуясь, какую реакцию может вызвать эта информация.

Я устало кивнул. Я был прав с самого начала: Амброз оказался не в половину меньшим гадом, чем я думал, а в десять раз большим.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

ПЛАМЯ В СТЕКЛЕ

Артная была местом, где изготовлялась большая часть университетских ручных изделий. В здании размещались мастерские стеклодувов, столяров и плотников, гончаров и глазировщиков. Также там имелись большая кузница и плавильня, которые навсегда оставались в грезах любого металлурга.

Мастерская Килвина тоже располагалась в артефактной, или артной, как ее обычно называли. Внутри она была огромная, как амбар; в ней стояло по меньшей мере два десятка верстаков из толстого дерева, заваленных бесчисленными и безымянными инструментами, а также новыми проектами. Мастерская была сердцем артной, а Килвин — сердцем мастерской.

Когда я появился там, Килвин изгибал закрученный железный прут. Получалась некая странная конструкция, о которой можно было предположить только, что она зачем-то нужна магистру именно в таком виде. Увидев, как я заглядываю в мастерскую, Килвин швырнул прут на стол и пошел мне навстречу, вытирая руки о рубашку. Затем критически оглядел меня.

— Ты хорошо себя чувствуешь, э'лир Квоут?

Я вышел прогуляться утром и разыскал немного ивовой коры, чтобы пожевать. Спина моя по-прежнему горела и зудела, но вполне переносимо.

— Вполне, магистр Килвин.

Он кивнул:

— Хорошо. Мальчишкам твоего возраста можно не беспокоиться о таких мелочах. Скоро ты снова станешь крепок как камень.

Я постарался придумать вежливый ответ, но мой взгляд привлекло кое-что, висевшее над нашими головами.

Килвин проследил мой взгляд. Когда он понял, на что я смотрю, его большое бородатое лицо расплылось в улыбке.

— А, — сказал он с отеческой гордостью. — Мои красавицы.

Высоко среди стропил мастерской на цепях висели полсотни стеклянных шаров разного размера, но не больше человеческой головы.

И они горели.

Увидев мое лицо, Килвин махнул рукой.

— Пойдем, — сказал он и повел меня к узкой лестнице из кованого железа. Поднявшись наверх, мы вышли на узкие железные мостики метрах в семи над землей, которые вились среди толстых бревен, поддерживающих крышу. Через минуту блужданий в переплетениях дерева и железа мы подошли к ряду висящих стеклянных шаров с огнем внутри.

— Это мои лампочки, — сказал Килвин.

Только тогда я понял, в чем дело. В некоторых шарах были жидкость и фитиль, почти как в обычных лампах, но большинство выглядели совершенно загадочно. В одних не содержалось ничего, кроме бурлящего серого дыма, время от времени мерцавшего. В другом шаре имелся фитиль: он свисал с серебряной проволоки внутри пустой сферы и горел неподвижным белым пламенем, несмотря на очевидное отсутствие топлива.

Два шара, висящих рядом, выглядели как близнецы, только в одном светилось синее пламя, а в другом ярко-оранжевое, как в горне. Некоторые шары были маленькие, как сливы, другие большие — с дыню. В одном находилось нечто похожее на кусочек черного угля и кусочек белого мела, и из точки, где кусочки соприкасались, во всех направлениях било яростное красное пламя.

Килвин позволил мне смотреть довольно долго, потом подошел ближе.

— У сильдар есть легенды о вечно горящих лампах. Я думаю, что такая штука была когда-то вполне возможна. Десять лет я искал. Сделал много ламп, некоторые очень хорошие, долго горящие. — Он посмотрел на меня. — Но нет ни одной вечно горящей.

Он прошел вдоль ряда и указал на один из висящих шаров.

— Ты узнаешь эту, э'лир Квоут?

В шаре не было ничего, кроме зеленовато-серого воска, который горел серовато-зеленым язычком пламени. Я покачал головой.

— Хм. А должен бы. Белая литиевая соль. Я придумал ее за три оборота до того, как ты к нам пришел. Пока хороша: двадцать четыре дня, и я ожидаю много больше. — Он посмотрел на меня. — Твоя догадка об этой штуке удивила меня, поскольку я потратил десять лет на то, чтобы ее придумать. Твоя вторая догадка, натриевое масло, была не так хороша. Я пробовал несколько лет назад — одиннадцать дней.

Килвин прошел до самого конца ряда, показав на пустой шар с неподвижным белым пламенем.

— Семьдесят дней, — гордо сказал он. — Я не надеюсь, что эта окажется той самой, потому что надежда — глупая игра. Но если она будет гореть еще шесть дней, это будет моя лучшая лампа за всю жизнь.

Магистр некоторое время смотрел на шар со странной нежностью.

— Но я не надеюсь, — решительно сказал он. — Я делаю новые лампы и продолжаю исследования. Это единственный способ продвигаться вперед.

Молча он провел меня вниз, в мастерскую, и повернулся ко мне.

— Руки, — повелительно произнес он, протянув мне огромные ладони.

Не понимая, чего он хочет, я вытянул руки перед собой. Он взял их в свои, на удивление мягко, и повернул ладонями вверх, тщательно рассматривая.

— У тебя пальцы сильдара, — пробурчал он явный комплимент. Потом поднял свои руки, показывая мне: толстые пальцы, широкие ладони. Килвин сжал их в кулаки, больше похожие на кувалды, затем сложил вместе. — Прошло много лет, прежде чем эти руки научились быть руками сильдара. Тебе повезло. Ты будешь работать здесь. — Только вопросительным наклоном головы он превратил ворчливое утверждение в приглашение.

— Да. В смысле, спасибо, сэр. Я польщен, что вы...

Он оборвал меня нетерпеливым жестом.

— Приходи ко мне, если у тебя появятся мысли насчет вечно горящих ламп. Если твоя голова так умна, как выглядят твои руки...

То, что могло быть улыбкой, спряталось в густой бороде, но смех светился в темных глазах магистра, когда он поддразнивающе, почти игриво повесил фразу в воздухе.

— Если, — повторил он, подняв палец, кончик его был размером с боек молотка. — Тогда мы с ребятами покажем тебе всякие штуки.

— Тебе надо решить, к кому ты собираешься подлизываться, — сказал Симмон. — Магистр будет выдвигать тебя на ре'лара. Так что тебе надо выбрать одного и пристать к нему как банный лист.

— Очень приятно, — кисло заметил Совой.

Мы с Совоем, Вилемом и Симмоном сидели за дальним столиком в задней части трактирчика «У Анкера», подальше от толпы вечера поверженья, наполнявшей зал гулом разговоров. Швы с меня сняли два дня назад, и мы праздновали мой первый полный оборот в аркануме.

Никто из нас не был особенно пьян. Но опять же, никто не был и особенно трезв. Выяснить наше точное положение между двумя этими точками совершенно бессмысленно, так что я не буду терять время.

— Я просто заостряю внимание на своем могучем уме, — сказал

Совой. — И жду, пока магистры осознают это.

— Как это вышло с Мандрагом? — спросил Вилем с улыбкой. Он нечасто улыбался.

Совой бросил на него мрачный взгляд:

— Мандраг — лошадиная задница.

— Это объясняет, почему ты угрожал ему хлыстом, — согласился Вилем.

Я прикрыл рот, чтобы не рассмеяться:

— Что, правда?

— Они не рассказывают всей истории, — оскорбленно заявил Совой. — Он лишил меня повышения в пользу другого студента. Не давал мне продвигаться, а использовал как бесплатную рабочую силу, вместо того чтобы выдвинуть на ре'лара.

— И ты угрожал ему хлыстом?

— У нас вышел спор, — спокойно сказал Совой. — А у меня случайно оказался в руке хлыст.

— Ты махал этим хлыстом перед ним, — сказал Вилем.

— Я до этого ездил верхом! — горячо возразил Совой. — Если бы я перед занятием бегал по шлюхам и махал перед ним корсетом, никто бы ничего не подумал!

За нашим столом наступило молчание.

— Я уже думаю об этом прямо сейчас, — сказал Симмон и расхохотался, а за ним Вилем.

Совой попытался согнать улыбку, поворачиваясь ко мне:

— Сим прав в одном: тебе надо на ком-то сосредоточиться. Иначе ты кончишь, как Манет, вечным э'лиром. — Он встал и поправил одежду. — Ну, как я выгляжу?

Строго говоря, Совой одевался немодно, поскольку придерживался модеганских фасонов, а не местных. Но нельзя было отрицать, что в шелках и замше приглушенных цветов он выглядел весьма представительно.

— Что это значит? — спросил Вилем. — Ты пытаешься назначить Симу свидание?

Совой улыбнулся.

— К сожалению, я должен вас покинуть. У меня встреча с дамой, и я сомневаюсь, что наши пути приведут нас сегодня вечером в эту половину города.

— Ты не сказал нам, что у тебя свидание, — запротестовал Симмон. — Мы не можем играть в уголки втроем.

То, что Совой вообще дружил с нами, было с его стороны некой уступкой. Он чуть морщил нос от таверн, которые выбирали Сим с Вилом. Заведение «У Анкера» было среднего класса — напитки были дешевыми, но зато не стоило беспокоиться, что кто-нибудь полезет в драку или наблюдает на тебя. Мне оно нравилось.

— Вы хорошие друзья и хорошая компания, — сказал Совой. — Но ни один из вас не женщина и даже — за исключением, пожалуй, Симмона — не красавчик. — Совой подмигнул Симу. — Честно признайтесь, кто из вас не бросил бы друзей, если бы его ждала дама?

Мы ворчливо согласились. Совой улыбнулся; у него были очень белые и ровные зубы.

— Я пришлю вам девицу с выпивкой, — сказал он. — Чтобы облегчить внезапную горечь расставания со мной.

— Не так уж он и плох, — пробормотал я, когда Совой ушел.

Вилем кивнул.

— Как будто знает, что он лучше тебя, но не смотрит свысока, потому что понимает: ты в этом не виноват.

— Итак, к кому ты собрался прицепиться? — спросил Сим, ставя локти на стол. — Полагаю, не к Хемме.

— Да уж и не к Лоррену, — горько сказал я. — Проклятье Амброзу десять раз. Я был бы счастлив работать в архивах.

— Брандье тоже отпадает, — сказал Сим. — Если Хемме на что-то злится, Брандье разделяет с ним все тяготы его злости.

— Как насчет ректора? — спросил Вилем. — Магистра языков? Ты ведь говоришь на сиару, хоть и с варварским акцентом.

Я покачал головой.

— Как насчет Мандрага? У меня много опыта в химии. До алхимии всего один шаг.

Симмон рассмеялся:

— Все думают, что химия и алхимия очень похожи, но на самом деле нет. Они даже не родственники. Им просто случилось жить в одном доме.

Вилем медленно кивнул:

— Хорошо сказано.

— Кроме того, — сказал Симмон, — Мандраг взял около двадцати новых э'лиров в прошлой четверти. Я слышал, как он жаловался на тесноту.

— Если пойдешь в медику, путь будет длинный, — сказал Вилем. — Арвил упрямый, как чугунная болванка. Его никак нельзя склонить. — Он словно рубил что-то на кусочки ребром ладони, пока говорил: — Шесть четвертей э'лиром, восемь ре'ларом и десять — эл'те.

— По меньшей мере, — добавил Симмон, — Мола у него ре'ларом уже три года.

Я попытался придумать, где взять денег на шестилетнее обучение.

— У меня, наверное, терпения не хватит, — сказал я.

Появилась служанка с подносом напитков. «У Анкера» был полон только наполовину, поэтому она пока лишь покраснелась от беготни.

— Ваш благородный друг заплатил за этот круг и за следующий, — сказала она.

— Я все больше люблю Совоя, — сказал Вилем.

— Однако, — она держала напиток Вилема так, чтобы он не мог дотянуться, — он не заплатил за то, чтобы пощипать меня за задницу. — Она посмотрела на каждого из нас. — Я верю, что вы трое уплатите этот долг, прежде чем уйдете.

Сим пробормотал извинения:

— Он... не имел в виду... В его культуре такие вещи вполне обычны.

Служанка закатила глаза, но слегка смягчилась.

— А в нашей культуре хорошие чаевые служат прекрасным извинением.

Она отдала Вилему его напиток и отвернулась, уперев пустой поднос в бедро.

Мы смотрели, как она идет, и каждый думал о чем-то своем.

— Я заметил, Совой вернул свои кольца, — наконец сказал я.

— Он прошлым вечером сыграл великолепную партию в бассат, — объяснил Симмон. — Сделал шесть дублей в ряд и сорвал банк.

— За Совоя, — поднял кружку Вилем. — Пусть удача несет ему продолжение учебы, а нам выпивку.

Мы чокнулись и выпили, затем Вил опять вернул нас к насущным вопросам.

— Это оставляет тебе Килвина и Элксу Дала.

Он показал два пальца.

— А что Элодин? — прервал его я.

Друзья непонимающе посмотрели на меня.

— А что он? — спросил Симмон.

— Он выглядит вполне симпатично, — сказал я. — Разве я не могу учиться у него?

Симмон расхохотался, Вилем ухмыльнулся.

— В чем дело? — спросил я.

— Элодин ничему не учит, — объяснил Сим. — Разве что «углубленному сумасшествию».

— Но он должен чему-нибудь да учить, — запротестовал я. — Он ведь магистр, разве нет?

— Сим прав. Элодин чпокнутый. — Вил постучал пальцем по виску.

— Чокнутый, — поправил Симмон.

— Чокнутый, — повторил Вил.

— Ну, он выглядит слегка... странным, — признал я.

— Ты действительно быстро все схватываешь, — сухо заметил Вилем. — Неудивительно, что ты попал в арканум в столь юном возрасте.

— Да расслабься, Вил, он здесь всего оборот. — Симмон повернулся ко мне. — Элодин был ректором около пяти лет назад.

— Элодин? — Я не мог скрыть удивления. — Но он такой молодой и...

Я умолк, не желая произносить слово, первым пришедшее на ум: «сумасшедший».

Симмон закончил мое предложение:

— ...гениальный. Не такой уж и молодой, если учесть, что он был принят в Университет, когда ему едва исполнилось четырнадцать. — Симмон посмотрел на меня. — Он стал полным арканистом к восемнадцати. Потом остался здесь на несколько лет гиллером.

— Гиллером? — перебил я.

— Гиллеры — это арканисты, которые остаются в Университете, — сказал Вил. — Они-то по большей части и учат. Ты знаешь Каммара из артной?

Я покачал головой.

— Высокий, весь в шрамах. — Вил показал на одну сторону лица. — Только один глаз.

Я мрачно кивнул: Каммара было трудно не заметить. Левая сторона его лица представляла собой сеть шрамов, расходящихся по его черным волосам и бороде, оставляя голые полосы. Поверх дырки на месте левого глаза Каммар носил повязку. Он был ходячим уроком по важной теме, как опасно бывает работать в артной.

— Я его видел. Он полный арканист?

Вил кивнул.

— Он заместитель Килвина. Преподает сигалдри новым студентам.

Сим кашлянул.

— Как я уже говорил, Элодин был самым молодым студентом, принятым в Университет, самым молодым арканистом и самым молодым ректором.

— Даже при этом, — сказал я, — придется признать, что он немного

странный, чтобы быть ректором.

— Не тогда, — мрачно сказал Симмон. — Не до того, как это случилось.

Когда ничего больше не последовало, я спросил:

— Это?

Вил пожал плечами:

— Что-то случилось. Но об этом не говорят. Его заперли в Череповке и держали там, пока он не собрал большую часть шариков обратно.

— Не хочу об этом думать, — сказал Симмон, беспокойно ерзая на стуле. — Один-два студента сходят с ума каждую четверть. — Он посмотрел на Вилема. — Помнишь Слинта? — Вил мрачно кивнул. — Это может случиться с любым из нас.

Наступила тишина, пока оба они пили, глядя в пространство. Я хотел узнать все подробнее, но вопрос был явно больной.

— На самом деле, — тихо сказал Сим, — я слышал, что его не выпускали из Череповки. Я слышал, он сбежал.

— Ни один стоящий арканист не будет сидеть в камере, — сказал я. — Это неудивительно.

— А ты там когда-нибудь был? — спросил Симмон. — Она построена специально для того, чтобы держать арканистов под замком. Вся из сетчатого камня, стража у дверей и окон. — Он потряс головой. — Я не представляю, как оттуда можно выбраться, даже магистру.

— Все это в стороне от темы, — твердо сказал Вилем, возвращая нас к разговору о магистрах. — Килвин позвал тебя в артную. Произвести на него впечатление — твой лучший шанс стать ре'ларом. — Он посмотрел на меня и на Симмона. — Согласны?

— Согласен, — сказал Симмон.

Я кивнул, но колесики в моей голове продолжали крутиться. Я думал о Таборлине Великом, который знал имена всех вещей. Я думал о легендах, рассказанных Скарпи в Тарбеане. Он не упоминал арканистов, только именователей.

И я думал об Элодине, магистре имен, и о том, как бы найти к нему подход.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ТРАКТИРНАЯ СКАЗКА

По жесту Квоута Хронист вытер кончик пера и размял руку. Баст с наслаждением потянулся, сложив руки над спинкой стула.

— Я уже и забыл, как быстро все это произошло, — задумчиво сказал Квоут. — Возможно, то были первые истории, которые стали обо мне рассказывать.

— Их до сих пор рассказывают в Университете, — уверил его Хронист. — Я слышал три различные версии о лекции, которую ты прочел. И о порке тоже. Тогда тебя и начали называть Квоутом Бескровным?

Квоут кивнул:

— Возможно.

— Если уже можно задавать вопросы, Реши, — робко начал Баст, — я все удивляюсь: почему ты не стал искать Скарпи?

— А что я мог сделать, Баст? Вымазать лицо сажей и разыграть дерзкое ночное спасение? — Квоут издал короткий невеселый смешок. — Его забрали за ересь. Все, что я мог, — это надеяться, что у него действительно есть друзья в церкви.

Квоут набрал побольше воздуха и резко выдохнул:

— Но самая простая причина — пожалуй, самая никудышная. Она такова: я жил не в сказке.

— Кажется, я не понимаю тебя, Реши, — смущенно сказал Баст.

— Вспомни все истории, которые ты слышал, Баст. Вот маленький мальчик, главный герой. Его родителей убили. Он отправляется мстить. Что происходит дальше?

Баст задумался, озадаченный. Вместо него на вопрос ответил Хронист:

— Он находит помощь: умную говорящую белку, старого пьянчугу-мечника, сумасшедшего отшельника в лесах — что-нибудь в этом роде.

Квоут кивнул:

— Именно! Он находит сумасшедшего отшельника в лесах, показывает себя достойным тайных знаний и выучивает имена всех вещей, совсем как Таборлин Великий. Затем, овладев этой могущественной магией, что он делает?

Хронист пожал плечами:

— Находит злодеев и убивает их.

— Конечно, — торжественно сказал Квоут. — Чисто, быстро и просто — как вранье. Мы знаем, чем все закончится, еще до начала. Вот почему истории так действуют на нас: они дают ясность и простоту, которых не хватает в реальной жизни.

Квоут откинулся на спинку стула.

— Если бы это была какая-нибудь трактирная сказка, вся состоящая из полуправды и бессмысленных приключений, я бы рассказал вам, как все время в Университете проводил в усердном усвоении знаний. Я бы выучил вечно изменчивое имя ветра, поехал и свершил свою месть чандрианам. — Квоут резко стиснул пальцы. — Вот так просто. Это сойдет для развлекательной истории, но не будет правдой. А правда такова: я оплакивал смерть родителей в течение трех лет, и острая боль выцвела до тупой и ноющей.

Квоут успокаивающе махнул рукой и натянуто улыбнулся.

— Я не буду вам лгать. Бывали времена, когда я лежал ночами без сна, отчаянно одинокий, на своей узкой койке в гнездах, — времена, когда меня поражала печаль столь бесконечная, что я думал, она меня поглотит. Бывали времена, когда я видел мать с ребенком на руках или отца, смеющегося вместе с сыном, и гнев, горячий и яростный, вспыхивал во мне при воспоминании о крови и запахе паленого волоса.

Квоут пожал плечами.

— Но я думал не только о мести. У меня были серьезные препятствия, которые приходилось постоянно преодолевать. Моя бедность. Мое низкое происхождение. Враги, которых я завел в Университете и которые представляли для меня большую опасность, чем любой из чандриан.

Он показал Хронисту снова взяться за перо.

— Но нет дыма без огня, и даже самые нелепые и фантастические истории содержат семена правды, потому что я нашел нечто очень похожее на сумасшедшего отшельника в лесах, — Квоут улыбнулся. — И еще я твердо намеревался узнать имя ветра.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

ВЕЧНО ИЗМЕНЧИВЫЙ ВЕТЕР

Найти Элодина оказалось нелегко. Собственным кабинетом в пустотах он, кажется, никогда не пользовался, а зайдя в «Журналы и списки», я обнаружил, что он преподает только один предмет — «невероятную математику». Однако выслеживать его по журналу было еще бесполезнее: время занятий стояло «сейчас», а место — «везде».

В конце концов мне случайно посчастливилось заметить его на другом конце заполненного людьми двора. На Элодине была черная магистерская мантия — довольно редкий случай. Я шел в медику на обход, но решил, что лучше я опоздаю на занятия, чем упущу возможность поговорить с магистром имен.

К тому времени, как я пробился через толпу и настиг Элодина, мы уже оказались на северной окраине Университета и направлялись по широкой грунтовой дороге в лес.

— Магистр Элодин, — сказал я, догоняя его, — надеюсь, я могу с вами поговорить?

— Прискорбно мелкая надежда, — заметил он, не останавливаясь и не глядя в мою сторону. — Надо метить повыше. Молодой человек обязан гореть высокими стремлениями.

— Тогда я надеюсь изучать именование, — сказал я, следуя за ним.

— Слишком высоко, — сухо заметил он. — Попробуй еще раз. Где-нибудь посерединке.

Дорога изогнулась, и деревья скрыли университетские здания.

— Я надеюсь, вы примете меня в ученики, — попытался я еще раз. — И научите меня тому, что сочтете лучшим для меня.

Элодин резко остановился и повернулся ко мне.

— Прекрасно, — сказал он. — Иди найди мне три сосновые шишки. — Он сложил колечком большой и указательный пальцы: — Вот такой величины, без всяких повреждений. — Он сел прямо посреди дороги и отмахнулся от меня: — Иди. побыстрее.

Я бросился в окружающий лес. Чтобы найти три шишки подходящего вида, мне потребовалось около пяти минут. Когда я вернулся к дороге, растрепанный и исцарапанный ежевикой, Элодина нигде не было видно.

Я тупо огляделся, затем выругался, бросил шишки и побежал по

дороге на север. Нагнал я его довольно быстро — он просто брел, разглядывая деревья.

— Итак, чему ты научился? — спросил Элодин.

— Что вы хотите остаться один?

— Ты быстро соображаешь. — Он театрально раскинул руки и произнес: — Здесь оканчивается урок! Здесь оканчивается мое многотрудное обучение э'лира Квоута!

Я вздохнул. Если я уйду сейчас, то еще успею на занятия в медике, но чутье подсказывало мне, что это может быть своего рода испытанием. Возможно, Элодин просто хочет убедиться, что я искренне интересуюсь его предметом, прежде чем принять меня в ученики. Так обычно происходит в историях: юноше надо доказать старому отшельнику в лесах твердость намерений, и только потом тот возьмет его под свое крыло.

— Вы можете ответить на несколько вопросов? — спросил я.

— Прекрасно, — сказал он, подняв руку с согнутыми большим и указательным пальцами. — Три вопроса. Если ты согласен оставить меня после этого в покое.

Я подумал секунду.

— Почему вы не хотите меня учить?

— Потому что из эдема руэ получаются чрезвычайно дурные ученики, — отрезал Элодин. — Они хороши для механического запоминания, но изучение имен требует такого уровня концентрации, какого выкрутасники вроде тебя достигают редко.

Моя злость вспыхнула так быстро и жарко, что я почувствовал, как краска залила лицо и обожгла грудь и руки. Даже волосы на руках — и те встопорщились.

Я перевел дыхание.

— Мне жаль, что ваш опыт с эдема руэ оставил у вас столь неприятные впечатления, — осторожно сказал я. — Позвольте вас заверить, что...

— О боги, — с отвращением вздохнул Элодин. — Еще один лизоблюд. Тебе не хватает необходимой твердости и тестикулярной силы, чтобы учиться у меня.

Горячие слова вскипели во мне. Я их придушил. Он пытался поймать меня на приманку насмешки.

— Вы не ответили мне, — сказал я. — Почему вы не хотите учить меня?

— По той же причине, по какой я не хочу заводить щенка! — выкрикнул Элодин, махая руками в воздухе, как фермер, пытающийся

отогнать ворон с поля. — Потому что ты слишком низкорослый, чтобы быть именователем. Твои глаза слишком зелены. У тебя неправильное число пальцев. Приходи, когда подрастешь и обзаведешься приличными глазами.

Мы долго таращились друг на друга. Наконец он пожал плечами и снова пошел вперед.

— Прекрасно. Я тебе покажу почему.

Мы шли по дороге на север. Элодин шагал, подбирая камушки и бросая их в деревья. Порой он подпрыгивал, чтобы ухватить лист с низко висящей ветки, тогда его магистерская мантия смешно колыхалась. В одном месте он остановился и простоял, молчаливый и напряженный, около получаса, разглядывая папоротник, медленно качающийся на ветру.

Но я крепко держал язык за зубами. Я не спрашивал: «Куда мы идем?» или «На что вы смотрите?» Я знал сотню историй о мальчиках, которые зря потратили вопросы или желания, выболтав их. У меня осталось еще два вопроса, и я собирался задать их с толком.

Наконец мы вышли из леса, и дорога превратилась в тропинку, ведущую через широкий луг к огромному дому. Размером он превосходил артефактную и отличался от нее элегантными очертаниями, красной черепичной крышей, высокими окнами, сводчатыми дверями и колоннами. Здесь были фонтаны, цветы, живые изгороди...

Но что-то было не так. Чем ближе мы подходили к воротам, тем больше я сомневался, что это собственность какого-нибудь вельможи. Возможно, дело в планировке сада или в том, что кованая ограда, окружавшая лужайки, возвышалась на три метра и перелезть через нее было невозможно даже на мой наметанный воровской глаз.

Два человека с суровыми глазами открыли ворота, и мы прошли по тропинке к парадной двери.

Элодин посмотрел на меня:

— Ты уже слышал о Гавани?

Я помотал головой.

— У нее есть и другие имена: Галчатник, Череповка...

Университетская лечебница.

— Она огромная. Как... — Я остановился, прежде чем успел задать вопрос.

Элодин ухмыльнулся, понимая, что почти поймал меня.

— Джереми, — позвал он крупного мужчину, стоявшего у передней двери. — Сколько гостей у нас сейчас?

— На столе есть отчет, сэр, — встревоженно отозвался тот.

— Ну, примерно, — сказал Элодин. — Мы же все здесь друзья.

— Триста двадцать? — пожал плечами человек. — Триста пятьдесят?

Элодин постучал согнутым пальцем по толстой деревянной двери, и человек завозился, чтобы отпереть ее.

— Сколько мы еще можем вместить, если понадобится?

— Еще сто пятьдесят — легко, — сказал Джереми, толчком открывая огромную дверь. — Если совсем прижмет, то больше.

— Видишь, Квоут? — подмигнул мне Элодин. — Мы готовы.

Вестибюль с витражными окнами и сводчатым потолком был огромен. Отполированный мраморный пол зеркально поблескивал.

И еще здесь стояла сверхъестественная тишина. Я не мог понять почему. Буйница в Тарбеане заняла бы маленький уголок этого дворца, но шумела, как бордель, полный разъяренных шлюх. Ее было слышно за километр, даже в городском шуме.

Элодин подошел к большому столу, у которого стояла молодая женщина.

— Почему никто не гуляет, Эмми?

Она смущенно улыбнулась ему:

— Они сегодня слишком буйные, сэр. Мы думаем, идет буря. — Она сняла с полки журнал. — Кроме того, полнолуние близко. Вы же знаете, как это действует.

— О да. — Элодин наклонился и стал развязывать шнурки на башмаках. — Куда на этот раз спрятали Уина?

Женщина перелистнула несколько страниц:

— Второй этаж, двести сорок семь.

Элодин выпрямился и поставил башмаки на стол.

— Приглядишь за ними, хорошо?

Она неуверенно улыбнулась и кивнула.

Я снова проглотил полный рот вопросов.

— Похоже, Университет очень много тратит на это, — заметил я.

Элодин проигнорировал меня и, повернувшись, стал прямо в носках подниматься по широкой мраморной лестнице. Поднявшись, мы вошли в длинный белый коридор с деревянными дверями. Только теперь я услышал звуки, которых ожидал в подобном месте: стоны, рыдания, неумолчную болтовню, вопли — но все очень тихое.

Элодин пробежал несколько шагов, потом проскользил по гладкому мраморному полу; мантия струилась за ним. Он повторил это: несколько быстрых шагов, затем долгое скольжение с расставленными в стороны руками — для равновесия.

Я продолжал идти за ним.

— Полагаю, магистры могли бы найти другие, более научные применения университетским фундам.

Элодин не смотрел на меня. Шаг. Шаг-шаг-шаг.

— Ты пытаешься заставить меня отвечать на вопросы, которых не задаешь. — Скольжение. — Не сработает!

— Вы пытаетесь хитростью заставить меня задать вопросы, — уличил его я. — По-моему, все справедливо.

Шаг-шаг-шаг. Скольжение.

— Так какого демона ты вообще пристал ко мне? — спросил Элодин. — Килвин тебя и так любит. Почему не прицепить свою звезду к его фургону?

— Я думаю, вы знаете то, что я не смогу узнать больше нигде.

— Что, например?

— То, что я хотел узнать с тех пор, как впервые увидел человека, позвавшего ветер.

— Имя ветра, правда? — Элодин поднял брови. Шаг. Шаг. Шаг-шаг-шаг. — Это хитрый фокус. — Скольже-е-ение. — Почему ты думаешь, будто я знаю хоть что-нибудь о вызывании ветра?

— Отсев негодных версий, — сказал я. — Ни один из магистров не делает ничего подобного, так что это должно быть в вашей компетенции.

— По твоей логике я также должен отвечать за солинадские танцы, вышивание и кражу лошадей.

Мы дошли до конца коридора. На половине скольжения Элодин почти воткнулся в огромного широкоплечего человека, держащего книгу в жестком переплете.

— Прошу прощения, сэр, — сказал человек, хотя явно не был виноват.

— Тимоти. — Элодин показал на него длинным пальцем. — Пойдем с нами.

Элодин повел нас по нескольким коротким коридорам и наконец пришел к тяжелой деревянной двери со сдвижной панелью на уровне глаз. Он отодвинул ее и заглянул внутрь.

— Как он?

— Спокоен, — сказал верзила. — Но сомневаюсь, чтобы много спал.

Элодин попробовал задвижку, потом, помрачнев, повернулся к широкоплечему парню.

— Вы заперли его?

Человек возвышался над Элодином на целую голову и весил, наверное, раза в два больше, но кровь отлила от его лица, когда босоногий магистр

сурово посмотрел на него.

— Не я, магистр Элодин. Это...

Элодин оборвал его резким жестом:

— Отопри.

Тимоти завозился с кольцом ключей.

Элодин продолжал буравить его взглядом.

— Альдера Уина нельзя держать взаперти. Он может приходить и уходить, когда ему вздумается. Ничего нельзя класть ему в пищу, если только он сам об этом не попросит. Я назначаю тебя ответственным за это, Тимоти Дженерой. — Элодин ткнул в грудь верзилы длинным пальцем. — Если я выясню, что Уина накачивали успокоительными или запирали, я прокачусь на тебе, голом, верхом по улицам Имре, как на маленьком розовом пони. — И еще раз гневно на того зыркнул. — Иди.

Парень исчез так быстро, как только мог, не срываясь на бег.

Элодин повернулся ко мне:

— Ты можешь войти, но не делай никакого шума и резких движений. Не говори, пока он с тобой не заговорит. Если заговорит, говори тихо. Понял?

Я кивнул, и Элодин открыл дверь.

Комната оказалась не такой, как я ожидал. Высокие окна пропускали солнечный свет, открывая приличных размеров кровать и стол со стульями. Стены, потолок и пол покрывала толстая белая ткань, поглощавшая даже слабые звуки из коридора. Одежда с постели были сдернуты, и тощий мужчина лет тридцати сидел у стены, съежившись и завернувшись в них.

Элодин закрыл дверь, и перепуганный человек слегка вздрогнул.

— Уин? — сказал Элодин мягко, придвигаясь ближе. — Что случилось?

Альдер Уин осовело посмотрел на него. Тощий, как палка, он прятал голую грудь под одеялом, волосы его торчали в диком беспорядке, а круглые глаза были широко открыты. Он ответил тихим, слегка надтреснутым голосом:

— Я был в порядке. Я хорошо шел. Но все эти говорящие люди, собаки, булыжники... Я просто не могу быть там прямо сейчас.

Уин снова прижался к стене, и одеяло сползло с его костлявого плеча. Я был поражен, увидев свинцовый гильдер на его шее. Это человек, завершивший обучение и ставший арканистом.

Элодин кивнул:

— А почему ты на полу?

Уин посмотрел на кровать, в его глазах была паника.

— Я упаду, — сказал он тихо, в его голосе мешались ужас и смущение. — И там пружины и рейки. Гвозди.

— А как ты себя чувствуешь? — мягко спросил Элодин. — Хочешь вернуться со мной?

— Не-е-ет. — Уин издал безнадежный отчаянный крик, зажмурил глаза и плотнее завернувшись в одеяло. Тонкий пронзительный голос сделал его мольбу еще более душераздирающей, чем если бы он провыл это.

— Прекрасно. Ты можешь остаться, — мягко сказал Элодин. — Я буду тебя навещать.

Уин открыл глаза, выглядел он взволнованным.

— Не приноси гром, — настойчиво сказал он. Он высвободил из-под одеяла тощую руку и схватил Элодина за рубашку. — Но мне нужен кошсвист, и синиз, и кости еще. — Его тон был настойчив. — Палаткости.

— Я принесу, — заверил его Элодин, знаком показывая мне выметаться из комнаты. Что я и сделал.

Элодин закрыл за нами дверь, его лицо было мрачно.

— Уин знал, куда лез, когда стал моим гиллером. — Он отвернулся и пошел по коридору. — А ты не знаешь. Ты ничего не знаешь об Университете. О риске, связанном со всем этим. Ты думаешь, что это волшебная страна, детская площадка. Это не так!

— Так! — огрызнулся я. — Это детская площадка, и все другие дети завидуют, потому что я сыграл в «порку до крови и изгнание из архивов», а они нет.

Элодин остановился и повернулся ко мне.

— Прекрасно. Докажи, что я ошибаюсь. Докажи, что ты полностью все обдумал. Почему Университету с меньше чем полутора тысячами студентов нужна лечебница размером с королевский дворец?

Мой разум пустился вскачь.

— Большинство студентов из обеспеченных семей, — сказал я. — Они вели легкую жизнь. Вынужденные...

— Неправильно, — презрительно оборвал меня Элодин. — Это из-за того, чему мы учимся. Из-за способа заставить наш разум работать.

— Значит, цифры и грамматика сводят людей с ума, — сказал я, очень стараясь, чтобы фраза получилась утвердительной.

Элодин остановился и рывком открыл ближайшую дверь. Панический вопль вырвался в коридор:

— Во мне! Они во мне! Они во мне! Они во мне!

Через открытую дверь я увидел молодого человека, бьющегося в

кожаных ремнях, которые привязывали его к кровати за запястья, талию, шею и щиколотки.

— Тригонометрия и графическая логика этого не делают, — сказал Элодин, глядя мне в глаза.

— Они во мне! Они во мне! Они во мне! — Вопль продолжался неостановимым песнопением, как бесконечный, бездумный лай собаки ночью. — Они во мне! Они во мне! Они...

Элодин закрыл дверь. Хотя я все еще слышал слабые крики сквозь дверь, тишина была оглушающей.

— Знаешь, почему это место называют Галчатником? — спросил Элодин.

Я покачал головой.

— Потому что сюда ты попадаешь, когда тебя поклуют галлюцинации.

Он улыбнулся безумной улыбкой и рассмеялся жутким смехом.

Элодин вел меня по длинным коридорам в другое крыло Череповки. Наконец мы завернули за угол, и я увидел кое-что новенькое: дверь, сделанную целиком из меди.

Элодин достал из кармана ключ и отпер ее.

— Мне нравится заглядывать сюда, когда я оказываюсь поблизости, — сказал он небрежно, открывая дверь. — Проверить почту. Полить цветочки и все такое.

Он снял один носок, завязал его узлом и воткнул в щель, чтобы дверь не закрылась.

— Это место приятно навещать, но, знаешь ли... — он подергал дверь, удостовераясь, что она не захлопнется случайно, — только не снова-здорово.

Первым, что я заметил в комнате, была какая-то странность в воздухе. Сначала я подумал, что помещение звукоизолировано, как комната Альдера Уина, но, оглядевшись, увидел, что стены и потолок голые, из серого камня. Потом я подумал, что воздух, должно быть, застоялся, но при вдохе почувствовал запах лаванды и свежего льна. Ощущение было как от давления на уши, если бы я, например, находился глубоко под водой — только без всякой воды. Я помахал перед собой рукой, почти ожидая, что воздух будет другим на ощупь, более плотным, но нет.

— Раздражает?

Я обернулся и увидел, что Элодин за мной наблюдает.

— На самом деле я удивлен, что ты заметил. Не многие замечали.

Комната выглядела явным шагом вперед по сравнению с уиновской.

В ней стояла кровать под балдахин на четырех столбиках и с занавесками, туго набитое кресло, пустой книжный шкаф и большой стол с несколькими стульями. Самым примечательным отличием были огромные окна, выходившие на сады и лужайки. Снаружи я увидел балкон, но не заметил никакого выхода на него.

— Посмотри-ка, — сказал Элодин.

Он взял один из деревянных стульев с высокой спинкой, поднял его двумя руками, раскрутился и швырнул стул прямо в окно. Я сжался, но вместо чудовищного звона и грохота раздался только сухой треск ломающегося дерева. Стул упал на пол кучкой обломков дерева и крепежа.

— Я занимался этим часами, — сказал Элодин, вдохнув поглубже и любовно оглядывая комнату. — Хорошие были времена.

Я подошел посмотреть на стекла. Они были толще обычных, но не настолько толще. Они казались обыкновенными, только сквозь них бежали тонкие красноватые жилки. Я пригляделся к оконной раме: тоже медная. Медленно оглядел комнату, рассматривая ее голые каменные стены, пробуя на вкус ее странно тяжелый воздух. Я заметил, что на двери изнутри нет ручки, не говоря уже о замочной скважине.

«Зачем кому-то понадобились все эти сложности с изготовлением цельномедной двери?»

И я решился на второй вопрос:

— А как вы выбрались?

— В конце концов, — сказал Элодин с ноткой раздражения.

Он опустился в кресло.

— Понимаешь, как-то раз Элодин Великий оказался заперт в высокой башне. — Он обвел жестом комнату. — Его лишили всех инструментов: монетки, ключа и свечи. Более того, в его камере не было даже достойной упоминания двери и окна, которое можно разбить. — Он презрительно указал на них поочередно. — Даже имя ветра было скрыто от него хитрыми махинациями его пленителей.

Элодин встал с кресла и заходил по комнате.

— Все вокруг него было твердым и гладким камнем — камера, из которой ни один человек еще не ускользал.

Он остановился и патетически поднял палец:

— Но Элодин Великий знал имена всех вещей, и потому все вещи его слушались. — Он повернулся к серой стене между окон. — Он сказал камню: «Откройся», и...

Элодин умолк, с любопытством склонив голову набок и сощурившись.

— Хрен тебе, они все поменяли, — сказал он задумчиво. — Ух. — Он подошел ближе к стене и положил на нее руку.

Я немного отвлекся, подумав, что Вил и Сим были правы — этот человек помешанный. Что будет, если я выбегу из комнаты, вытащу носок и захлопну дверь? Вероятно, другие магистры будут мне только благодарны?

— А, — внезапно рассмеялся Элодин. — Это было не совсем умно с их стороны. — Он отступил на два шага от стены. — Циаэрбазалиен.

И тут я увидел, что стена шевельнулась. Она пошла рябью, как висящий коврик, по которому ударили палкой. Затем она просто... упала. Как грязная вода, выливающаяся из ведра, тонны серого песка внезапно растеклись по полу, засыпав ноги Элодина до щиколоток.

Свет и пение птиц хлынули в комнату. Там, где прежде было четверть метра твердой стены, теперь зияла дыра, достаточно большая, чтобы в нее могла проехать телега.

Но дыра оказалась не совсем сквозной: некий зеленый материал оплетал отверстие. Он выглядел как грязная спутанная сеть, но ячейки были слишком неровными. Больше всего это походило на толстую старую паутину.

— Этого здесь раньше не было, — извиняющимся тоном сказал Элодин, вытаскивая ноги из серого песка. — В первый раз все выглядело гораздо более драматично, уверяю тебя.

Я стоял, ошеломленный увиденным. Это была не симпатия. Это было что-то, чего я раньше никогда не видел. В голове моей вертелась всего одна старая фраза из полусотни полузабытых историй: «И Таборлин Великий сказал камню: „Откройся!“ — и камень открылся...»

Элодин отломил ножку от стула и с ее помощью разорвал спутанную зеленую паутину, затягивавшую пролом. Некоторые нити легко рвались или отваливались. Там, где нити были толще, он использовал ножку как рычаг, чтобы отогнуть их. В тех местах, где нити рвались или сгибались, они ярко светились на солнце.

«Снова медь, — подумал я. — Медные жилы, идущие сквозь каменные блоки стены».

Элодин бросил ножку стула и пролез в дыру. Через окно я видел, как он облокотился на белые каменные перила балкона.

Я выбрался наружу следом за ним. Как только я ступил на балкон, воздух перестал быть тяжелым и неподвижным.

— Два года, — сказал Элодин, глядя на сады. — Видеть балкон, но не иметь возможности постоять на нем. Видеть ветер, но не слышать его и не почувствовать на лице.

Он закинул ногу на перила, уселся на них, а затем спрыгнул вниз, на ровный участок крыши прямо под балконом. И пошел по крыше, удаляясь от своей камеры.

Я тоже перелез через перила и последовал за ним к краю крыши. Мы оказались всего в шести метрах над землей. Сады и фонтаны, раскинувшиеся со всех сторон, были великолепны. Элодин стоял слишком близко к краю, его магистерская мантия билась вокруг него, как черный флаг. Выглядел он весьма эффектно, если не считать того факта, что стоял он в одном носке.

Я подошел и встал рядом с магистром на краю крыши. Теперь я знал, каким должен быть мой третий вопрос.

— Что мне делать, — спросил я, — чтобы учиться у вас именованию?

Элодин спокойно, оценивающе посмотрел мне в глаза.

— Прыгай, — сказал он. — Прыгай с этой крыши.

Тогда я понял, что все до этого было испытанием. Элодин проверял меня с тех пор, как мы встретились. Он ворчливо одобрял мое упрямство, удивился, когда я заметил нечто странное в воздухе его комнаты. Он был почти готов принять меня в ученики.

Но ему требовалось нечто большее: доказательство твердости моего намерения. Демонстрация. Прыжок веры.

Мне вспомнилась еще одна фраза из легенды: «Таборлин упал, но не разбился. Ведь он знал имя ветра, и ветер его слушался. Ветер подхватил его, обнял и опустил на землю легко, словно пушинку, а потом поставил на ноги, да так нежно, как и мать родная не поцелует».

Элодин знал имя ветра.

Все еще глядя ему в глаза, я шагнул с крыши.

Выражение его лица было неопишимо. Я никогда не видел настолько удивленного человека. Падая, я перевернулся, так что Элодин оставался в поле моего зрения. Я увидел, как он протянул руку, словно для того, чтобы схватить меня.

И я почувствовал себя невесомым, словно плыл.

Потом я ударился о землю. Не легко, как опускающееся перышко, но жестко и тяжело, как кирпич, упавший на мостовую. Я упал на спину, левая рука оказалась подо мной. Когда голова ударилась о землю, все вокруг потемнело, а из легких вышибло весь воздух.

Я не потерял сознания — просто лежал, бездыханный, неспособный пошевелиться. И вполне серьезно думал, что умер. Или ослеп.

Наконец зрение вернулось, заставив меня заморгать от внезапной яркости голубого неба. Боль рванула плечо, и я почувствовал вкус крови во

рту. Я не мог дышать. Попытался скатиться с руки, но тело не повиновалось мне. Сломана шея... спина...

Спустя долгую пугающую секунду я ухитрился сделать маленький вдох, потом второй. Я облегченно вздохнул и понял, что вдобавок ко всему остальному сломал ребро. Зато смог слегка пошевелить пальцами рук, потом ног. Они работали. Я не сломал позвоночник.

Пока я лежал, перебирая проклятия и сломанные ребра, передо мной появился Элодин и посмотрел на меня сверху вниз.

— Поздравляю, — сказал он. — Это был самый глупый поступок, который я когда-либо видел. — Благоговение на его лице мешалось с недоверием. — Вообще.

Именно тогда я решил заняться благородным искусством артефакции. Не то чтобы у меня был большой выбор. Прежде чем помочь мне дохромать до медики, Элодин заявил, что человек, достаточно глупый, чтобы прыгнуть с крыши, слишком беспечен и ему нельзя позволить даже держать ложку в присутствии магистра, а не то что изучать нечто столь «многосложное и изменчивое», как именование.

Тем не менее отказ Элодина огорчил меня не так уж сильно. Сказочная магия там или нет, а я уже не горел желанием учиться у человека, чей первый урок подарил мне три сломанных ребра, легкое сотрясение мозга и вывих плеча.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ КОЛЮЧКИ

Несмотря на тернистое начало, моя первая четверть проходила весьма гладко.

Я учился в медике, узнавая больше о человеческом теле и о том, как его лечить. Я практиковался в сиару с Вилемом и взамен помогал ему с атуранским.

Я присоединился к другим э'лирам в артефактной, изучая, как выдувать стекло, смешивать сплавы, тянуть проволоку, писать по металлу и резать камень.

Вечерами я чаще всего снова возвращался к Килвину в мастерскую. Отбивал формы с бронзовых отливок, мыл посуду, размалывал руды для сплавов. Это была не слишком трудная работа, но каждый оборот Килвин давал мне медную йоту, иногда две. Я подозревал, что в его методичном уме имелась учетная карточка, где он тщательно отмечал часы, которые каждый отработал.

Я также учился предметам менее научным. Соседи по койкам в аркануме научили меня карточной игре «собачий дых». Я отплатил им импровизированным уроком по психологии, вероятности и ловкости рук и выиграл почти два таланта, прежде чем меня перестали приглашать играть.

Мы крепко сдружились с Вилемом и Симмоном. Были у меня и другие друзья, но немного и не такие близкие, как Вил и Сим. Мой быстрый подъем до э'лира отгородил меня от большинства других студентов. Возмущались они мной или восхищались, но держались подальше.

И был еще Амброз. Считать нас просто врагами значит упустить тонкий аромат наших взаимоотношений. Мы с ним будто вступили в деловое партнерство, чтобы как можно более эффективно преследовать наш обоюдный интерес: ненависть друг к другу.

Но даже война с Амброзом оставляла мне еще много свободного времени. Поскольку я не мог проводить его в архивах, некоторую его часть я посвящал пестованию своей расцветающей репутации.

Дело в том, что мое драматическое поступление в Университет наделало много шума. В арканум я попал через три дня вместо положенных трех четвертей. Я был младше всех почти на два года. Кроме того, открыто вступив в противоборство с одним из магистров перед его собственным

классом, избежал исключения. Во время порки я не кричал и не заливался кровью.

И — верх возможного — я, очевидно, до такой степени разъярил магистра Элодина, что он сбросил меня с крыши Череповки. Я позволил этой байке ходить по ушам прямо в таком виде — все лучше досадной правды.

Вокруг меня витал постоянный поток слухов, и я решил извлечь из этого пользу. Репутация подобна броне или оружию, которым можно прикрыться в случае необходимости. Я решил, что раз уж я собираюсь стать арканистом, то вполне могу быть известным арканистом.

Поэтому я подлил в этот поток немного истинной информации: меня приняли без рекомендательного письма. Магистры дали мне три таланта, чтобы я посещал Университет, не потребовав платы за обучение. Я три года выживал на улицах Тарбеана только за счет собственного ума и ловкости.

Я даже запустил несколько слухов, которые были чистейшей ерундой, вопиющей ложью, но люди повторяли их, несмотря на явную несуразность. Во мне есть капля демонической крови. Я могу видеть в темноте. Сплю только час в сутки. В полнолуние я говорю во сне на странном языке, которого никто не может понять.

Бэзил, мой бывший сосед в гнездах, помог мне запустить эти слухи. Я сочинял байки, он рассказывал их одному-двум студентам, а затем мы вместе наблюдали, как эти слухи распространяются, будто огонь по полю. Забавное было хобби.

Но постоянная вражда с Амброзом добавляла к моей репутации больше, чем что-либо другое. Всех до глубины души потрясало, что я осмелился открыто бросить вызов перворожденному сыну могущественного вельможи.

У нас было несколько драматических встреч в ту первую четверть. Не буду утомлять вас деталями. Мы просто натыкались друг на друга, и он отпускал бесцеремонный комментарий, достаточно громкий, чтобы слышали все вокруг. Или насмехался надо мной под видом комплимента: «Ты просто обязан сказать мне, кто тебя стрижет...»

Любой человек с проблеском здравого смысла знает, как обращаться с заносчивым дворянством. Портной, которого я запугал в Тарбеане, прекрасно понимал, что ему следует делать. Вы смиряетесь с ситуацией, склоняете голову и заканчиваете дело как можно быстрее.

Но я всегда отшучивался в ответ, и, хотя Амброз был умен и за словом в карман не лез, тягаться с языком бродячего актера он не мог. Я вырос на сцене, и острый ум руэ обеспечивал мне выигрыш в пикировке.

Тем не менее Амброз продолжал меня выслеживать, как глупая собака, которая никак не научится избегать дикобразов. Он таявкали на меня и уходил с мордой, утыканной колючками. Всякий раз, как мы расходились, мы ненавидели друг друга еще больше.

Люди это заметили, и к концу четверти я имел репутацию отчаянного храбреца. Но, по правде говоря, я не боялся его.

Понимаете, тут есть разница. В Тарбеане я узнал настоящий страх: я боялся голода, пневмонии, стражников в подбитых гвоздями сапогах, старших мальчишек с ножами из бутылочных осколков. Противостояние Амброзу не требовало настоящей храбрости с моей стороны: я просто не мог его бояться. Я считал его напыщенным клоуном. Думал, что он безвреден.

Я был дураком.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ТИШИНА ИНОГО РОДА

Баст сидел в трактире «Путеводный камень» и пытался не шевелить руками, лежащими на коленях. Он насчитал пятнадцать своих вдохов с тех пор, как Квоут сказал последнее слово, и невинная тишина, разлившаяся вокруг трех человек, как чистый пруд, начинала темнеть и превращаться в тишину иного рода. Баст сделал еще один вдох — шестнадцатый — и взял себя в руки перед моментом, который, как он боялся, сейчас наступит.

Не к чести Баста будет сказано, он ничего не боялся — ведь считается, что только дураки и священники не ведают страха. Но правда и то, что очень небольшое могло лишить его присутствия духа. Высота, например, не особенно волновала Баста. А вот большие летние бури, которые, проходя через эти края, делали небо темным и вырывали с корнями дубы, заставляли его чувствовать себя неуютно — маленьким и беспомощным.

Но если посмотреть внимательно, то ничто по-настоящему его не пугало: ни бури, ни высокие лестницы, ни даже скрель. Баст был храбр, потому что просто ничего не боялся. Ничто не могло заставить его побледнеть, а если он и бледнел, то ненадолго.

Баст, конечно, не находил удовольствия в мыслях, как кто-то причиняет ему боль: тыкает злым железом, обжигает горячими углями и так далее. Но то, что ему не нравилась мысль о виде собственной крови, не означало, что он на самом деле этого боялся. Он просто не хотел, чтобы подобное произошло. Для того чтобы чего-нибудь по-настоящему бояться, нужно задержаться на этом, сжиться с ним. А поскольку ничто не терзало недремлющий ум Баста подолгу, ничто и не могло заставить его сердце бояться.

Но и сердца могут меняться. Десять лет назад он не удержался, залезая на высокое реннеловое дерево, чтобы сорвать плод для девушки, которой был увлечен. Соскользнув, он на долгую минуту повис вниз головой, а потом упал. В эту длинную минуту в нем пустил корни маленький страх и с тех пор так с ним и остался.

Точно так же Баст научился новому страху — страху опоздать. Еще год назад он был бесстрашен настолько, что любой здоровый человек может только мечтать о таком бесстрашии, но теперь Баст боялся тишины. Не обычной тишины, которая бывает, когда отсутствует какое-либо движение.

Баст боялся глубокой усталой тишины, которая временами, как невидимый саван, окружала его хозяина.

Баст вдохнул еще раз — семнадцатый. Он старался не вертеть руками, ожидая, когда та самая глубокая тишина вползет в комнату. Он ждал, пока она выкристаллизуется и покажет зубы на краю прохладного спокойствия, царившего в «Путеводном камне». Баст знал, как она приходит, — как мороз, сочащийся из зимней земли и делающий твердой прозрачную воду, которая в раннюю оттепель остается в дорожных колеях.

Но прежде чем Баст сделал еще один вдох, Квоут выпрямился на стуле и велел Хронисту отложить перо. Баст чуть не заплакал, чувствуя, как тишина исчезает испугнутой черной птицей.

Квоут вздохнул — что-то среднее между раздражением и обреченностью.

— Должен признаться, — сказал он, — что я не знаю, как подступить к следующей части истории.

Испугавшись, что позволил тишине продлиться слишком долго, Баст прощепетал:

— А почему ты сразу не рассказываешь о самом важном? Ты бы мог время от времени возвращаться, касаясь и других тем.

— Если бы все было так просто, — язвительно отозвался Квоут. — Что самое важное? Моя магия или моя музыка? Победы или ошибки?

Баст зарделся и прикусил губу.

Квоут резко выдохнул.

— Прости, Баст. Это хороший совет, как и все твои советы, бессмысленные на первый взгляд. — Он отодвинулся от стола. — Но можно, мы продолжим чуть позже, реальный мир действительно зовет меня — я не могу больше терпеть. Вы извините меня — я на минутку.

Хронист и Баст тоже встали, разминая ноги, и поспешили по собственным нуждам. Баст зажег лампы. Потом Квоут принес еще сыра, хлеба и твердую колбасу с пряностями. Они поели, пару раз попытавшись завязать светскую беседу, но их мысли блуждали далеко, возвращаясь к рассказанной истории.

Баст слопал половину всей еды. Хронист тоже умял порядочно, хотя и поменьше. Квоут сжевал пару кусков и сказал:

— Что же дальше? Музыка и магия, победы и ошибки. Думайте сейчас. Что нужно нашей истории? Какого жизненно важного элемента в ней недостает?

— Женщин, Реши, — немедленно отозвался Баст. — На самом деле, недостает женщин.

Квоут улыбнулся:

— Не «женщин», Баст. Женщины. Одной женщины. — Квоут посмотрел на Хрониста. — Не сомневаюсь, ты слышал отголоски. Я расскажу тебе правду. Хотя, боюсь, могу не справиться с задачей.

Хронист взял перо, но, прежде чем он успел его обмакнуть, Квоут поднял руку.

— Позвольте мне, прежде чем я начну, сказать об одном. Раньше я рассказывал истории, рисовал картины из слов, говорил злую ложь и еще более злую правду. Однажды я спел цвета слепому. Семь часов я играл, но в конце он сказал, что видит их: зеленый, красный и золотой. Это, я думаю, было попроще, чем пытаться показать ее вам, не имея ничего, кроме слов. Вы никогда не видели ее, никогда не слышали ее голоса. Вы не сумеете понять.

Квоут сделал Хронисту знак взяться за перо.

— Но я все же попытаюсь. Она сейчас за кулисами, ждет сигнала. Давайте посмотрим на сцену перед ее появлением...

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

ПРИРОДА ДИКИХ СУЩЕСТВ

Чтобы приблизиться к любому по-настоящему дикому существу, необходима осторожность. Хитрость бесполезна. Они сразу распознают ложь и ловушку. Хотя дикие существа могут играть в хитрость и во время игры даже оказаться ее жертвами, но поймать их подобным образом на самом деле нельзя никогда.

Так же, с неторопливой осторожностью, а не с хитростью надо подходить к этой женщине. Дикость ее существа такова, что я боюсь приближаться к ней слишком быстро, даже в рассказе. Если я буду неосторожен, то могу напугать саму идею о ней, и она улетучится.

Поэтому, во имя неторопливости и осторожности, я буду рассказывать о том, как встретил ее. А чтобы сделать это, мне следует поведать о событиях, которые привели меня — против моего желания — за реку, в Имре.

Я окончил первую четверть с тремя серебряными талантами и одной йотой. Не так давно это бы показалось мне всеми сокровищами мира. Теперь я просто надеялся, что этого будет достаточно для оплаты еще одной четверти и койки в гнездах.

Последний оборот каждой четверти в Университете предназначался для экзаменов. Занятия отменялись, и магистры ежедневно посвящали несколько часов принятию экзаменов. Сумма платы за следующую четверть основывалась на твоём экзаменационном выступлении. Лотерея определяла, в какой день и час ты будешь проходить экзамен.

Многое зависело от короткого собеседования. Неправильный ответ или отсутствие ответа на несколько вопросов легко могли удвоить плату. Из-за этого жребии на более поздние дни оборота высоко ценились: они давали студентам больше времени на учебу и подготовку. После лотереи разыгрывалась бурная торговля экзаменационным временем. Каждый пытался выменять подходящее ему время на деньги или услуги.

Я оказался достаточно удачлив и вытянул середину утра возжиганья, последнего дня экзаменов. Если бы я захотел, то мог бы продать свой жребий, но я предпочел оставить больше времени на подготовку. Я знал, что мое выступление должно быть блестящим, поскольку некоторые

магистры имели обо мне более чем нелицеприятное мнение. О моем предыдущем трюке с подслушиванием не могло быть и речи. Теперь я знал, что это служит основанием для исключения, и не мог рисковать.

Несмотря на долгие дни, что я проводил за учебой с Вилом и Симом, экзамен прошел не лучшим образом. Я легко ответил на многие вопросы, но Хемме открыто проявлял враждебность, задавая вопросы со многими ответами, чтобы любые мои слова могли считаться ошибкой. Брандье тоже был суров, явно разделяя с Хемме бремя злобы. Лоррена было невозможно раскусить, но я чувствовал его неодобрение лучше, чем оно отражалось на его лице.

После ответов я нервно ерзал, пока магистры обсуждали мою плату за обучение. Поначалу голоса звучали приглушенно и неразборчиво, но постепенно становились все громче. Наконец Килвин вскочил и затряс пальцем перед Хемме, крича и стуча ладонью по столу. Хемме проявил большее самообладание, чем смог бы я, оказавшись лицом к лицу с двадцатью стоунами разъяренного магистра артефактов.

После того как ректору удалось восстановить порядок, меня вызвали и вручили бумажку: «Э'лир Квоут. Осенняя четверть. Плата за обучение: 3 тлн. 9 йт. 7 пн.».

На восемь йот больше, чем у меня было. Выйдя из Зала магистров, я постарался не обращать внимания на внезапно упавшее сердце и тут же начал придумывать способ, как до завтрашнего полудня раздобыть необходимые деньги.

Я заглянул к двум сильдийским менялам на этой стороне реки. Как я и подозревал, они не собирались одалживать мне и ломаного шима. Я не особенно удивился, но огорчился: этот опыт снова напомнил мне, насколько я отличаюсь от других студентов. У них были семьи, платившие за их обучение и дававшие деньги на проживание. Они носили уважаемые имена, под которые им могли в случае необходимости одолжить нужную сумму. Кроме того, они владели собственностью, которую могли заложить или продать. И в любом случае, у них был дом, куда они могли вернуться.

У меня ничего этого не было. Если я не смогу найти еще восемь йот за обучение, мне в целом мире будет некуда пойти.

Одолжиться у друзей казалось самым простым выходом, но я ценил горстку своих друзей слишком сильно, чтобы рисковать потерять их из-за денег. Как говаривал мой отец, «есть два верных способа потерять друга: один — взять у него в долг, а второй — одолжить ему».

Кроме того, я изо всех сил старался скрыть свою отчаянную нищету. Гордость — глупая штука, но великая сила. Я попросил бы у друзей только

в самом крайнем случае.

Я немного поразмыслил о срезании кошелеков, но понял, что идея плохая. Если бы меня поймали в чьем-то кармане, я бы получил не просто подзатыльник. В лучшем случае меня бросили бы в тюрьму и заставили отвечать по Железному закону. В худшем случае меня прокатали бы на «рогах» и исключили за «поведение, неподобающее члену арканума». Я не мог так рисковать.

Мне нужен был гелет, один из тех опасных людей, которые одалживают деньги отчаявшимся. Возможно, вы слышали о них под романтическим названием «медные ястребы», но гораздо чаще их называют «шимососами» или «должителями». Название не важно; они существуют везде, и самое трудное — их найти. Обычно они не афишируют своих занятий, поскольку их бизнес, мягко говоря, незаконен.

Но жизнь в Тарбеане кое-чему меня научила. Я провел пару часов, заходя в самые низкопробные трактиры рядом с Университетом, заводя случайные разговоры и задавая случайные вопросы. Затем посетил лавку ростовщика под названием «Ломаный пенни» и спросил более конкретно. Наконец я узнал, куда мне следует идти: за реку, в Имре.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

СДЕЛКА

Имре лежал примерно в трех километрах от Университета, на восточном берегу реки Омети. Поскольку от Тарбеана до него было всего два дня езды на быстрой карете, многие богатые дворяне, политики и придворные строили здесь резиденции. Получалось, что они живут близко к сердцу Содружества, но на приятном расстоянии от вони тухлой рыбы, горячего дегтя и блевотины пьяных матросов.

Имре считался приютом искусств. Здесь собирались музыканты, драматурги, скульпторы, танцоры и все, исповедующие другие виды искусства, включая и самый низкий — поэзию. Актеры приезжали сюда, потому что Имре предлагал то, что больше всего нужно любому человеку искусства, — многочисленную, благодарную и богатую публику.

Имре также выигрывал от соседства с Университетом. Канализация и симпатические лампы улучшали качество городского воздуха. Легко было достать качественное стекло, поэтому застекленные окна и зеркала считались здесь обычным делом, так же как очки и различные линзы, пусть дорогие, но доступные.

Несмотря на это, особенной любви между городом и Университетом не водилось. Большинству жителей Имре не нравилась мысль о тысяче умов, играющих с темными силами, которые лучше не трогать. Послушав речи среднего горожанина, можно было легко забыть, что в этой части мира уже около трехсот лет не видели, как сжигают арканиста.

Справедливости ради следует упомянуть, что Университет тоже относился к жителям Имре с легким презрением, полагая их пресыщенными и испорченными. Искусства, столь высоко ценившиеся в Имре, считались в Университете фривольными. Часто студенты, покинувшие Университет, назывались «ушедшими за реку», то есть подразумевалось, что тем, чей ум слишком слаб для учебы, приходится заниматься «игрой в искусства».

И обе стороны реки в конечном итоге лицемерили. Университетские студенты жаловались на фривольных музыкантов и тупых размалеванных актеров, а потом выстраивались в очередь, чтобы заплатить за представление. Жители Имре ворчали о темных науках, практикуемых в трех километрах от них, но когда рушился акведук или кто-то заболел,

тут же звали инженеров и врачей, выученных в Университете.

В общем, здесь уже давно длилось непростое перемирие, где обе стороны брюзжали друг на друга, сохраняя в то же время натянутую терпимость. В конце концов, и от этих людей есть своя польза, просто вы не хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за одного из них...

Поскольку Имре был центром музыки и театра, вы можете подумать, что я проводил там много времени, но трудно найти что-либо более далекое от правды. Я был там всего один раз. Вилем и Симмон взяли меня в трактир, где играло трио искусных музыкантов: лютня, флейта и барабан. Я купил на полпенни пива и расслабился, собираясь провести приятный вечерок с друзьями...

Но не смог. Через считанные минуты после начала музыки я практически сбежал из зала. Я сомневаюсь, что вы сможете понять почему, и, полагаю, мне придется объясниться, раз уж мы об этом заговорили.

Я не мог находиться рядом с музыкой и не быть ее частью. Представьте, что вы смотрите, как ваша возлюбленная ложится с другим мужчиной. Нет, это как если бы...

Как сладкоеды, которых я видел в Тарбеане. Смола деннера была строжайше запрещена законом, но для большинства районов города это не имело значения. Смолу продавали завернутой в вощеную бумагу, вроде сосательных карамелек или ирисок. Жевание ее наполняло человека эйфорией, блаженством, умиротворением.

Но через несколько часов человека трясло, его мучила отчаянная жажда добавки, и жажда эта росла тем больше, чем дольше вы жевали смолу. Однажды в Тарбеане я видел девушку, не более шестнадцати лет, с характерным пустым взглядом и неестественно белыми зубами, безнадежно пристрастившейся к деннеру. Она выпрашивала у моряка «сладость», которую он, издеваясь, держал так, чтобы она не могла достать. Он сказал, что конфетка будет ее, если она разденется догола и станцует ему прямо здесь, на улице.

Девушка так и сделала, не обращая внимания, что на нее смотрят люди, не заботясь о том, что уже почти Средьзимье и она стоит по щиколотку в снегу. Она стащила с себя одежду и отчаянно заплясала; ее худенькое тельце побелело и дрожало, а движения получались жалкими и нелепыми. Когда же матрос, покачав головой, рассмеялся, она упала на колени в снег, умоляя и плача, безумно хватая его за ноги, обещая ему все, все...

Вот так я чувствовал себя, глядя на играющих музыкантов. Я не мог вынести этого. Ежедневное отсутствие музыки было как зубная боль, к

которой уже притерпелся, — с этим жить я еще мог. Но смотреть, как то, чего я так жажду, происходит прямо перед носом, было выше моих сил.

Поэтому я избегал Имре до тех пор, пока проблема платы за вторую четверть не заставила меня перейти через реку. Я узнал, что Деви — тот человек, у которого всякий может взять займы, в каких бы отчаянных обстоятельствах он ни находился.

Итак, я пересек Омети по Каменному мосту и направился в Имре. Место работы Деви оказалось в переулке, за лавкой мясника, где следовало подняться по узкой лестнице на балкон. Эта часть Имре напоминала мне Берег в Тарбеане. Назойливый запах прогорклого жира из лавки мясника заставлял меня благословлять прохладный осенний ветерок.

Я помедлил перед тяжелой дверью, разглядывая переулок внизу. Я собирался ввязаться в опасное дело. Сильдийский меняла может привлечь к суду, если не выплатишь заем. Гелет просто прикажет тебя избить или ограбить — или и то и другое. Это не радовало. Я играл с огнем.

Но выбора у меня не было. Я глубоко вздохнул и, расправив плечи, постучал в дверь.

Я вытер о плащ вспотевшие ладони, надеясь, что они будут вполне сухи, когда я пожму руку Деви. В Тарбеане я узнал, что лучший способ общения с этими людьми — вести себя уверенно и смело. Ведь они занимались тем, что извлекали выгоду из слабостей других людей.

Я услышал, как отодвигается тяжелый засов, затем дверь отворилась и за ней обнаружилась девушка с прямыми светлыми, чуть рыжеватыми волосами, обрамлявшими хрупкое пиксиподобное личико. Девушка улыбнулась мне, просияв, как новая пуговица.

— Да?

— Я ищу Деви, — сказал я.

— Вы ее нашли, — легко сказала она. — Заходите.

Я вошел, и она закрыла за нами дверь, вернув железный засов на место. Комната была без окон, но хорошо освещена и наполнена запахом лаванды — приятная перемена после воздуха в переулке. На стенах висели полочки, но настоящей мебелью могли считаться только маленький стол, книжная полка и большая кровать с задернутыми занавесями балдахина.

— Пожалуйста, — девушка указала на стул, — садитесь.

Она расположилась напротив меня, сцепив пальцы. Ее поведение заставило меня изменить мнение о ее возрасте — я недооценил его из-за маленького роста и хрупкого сложения Деви. Но в любом случае ей не могло быть больше двадцати пяти — не совсем то, что я ожидал найти.

Девушка мило подмигнула мне.

— Мне нужна ссуда, — сказал я.

— Как насчет вашего имени для начала? — улыбнулась она. — Мое вы уже знаете.

— Квоут.

— Правда? — Она изогнула бровь. — Я слышала о вас кое-что. — Она смерила меня взглядом с ног до головы. — Я думала, вы выше.

«Я мог бы сказать то же самое», — подумалось мне.

Я был совершенно выбит из колеи, поскольку готовился к мускулистому головорезу и переговорам, полным едва прикрытых угроз и бравады. Я не знал, чего ожидать от этого улыбчивого ребенка.

— А что вы слышали? — спросил я, чтобы заполнить молчание. — Надеюсь, ничего плохого?

— И плохое, и хорошее, — усмехнулась Девушка. — Но ничего скучного.

Я сцепил руки, чтобы не ерзать.

— Итак, как конкретно мы это сделаем?

— Не любишь зря болтать? — сказала она, издав короткий разочарованный вздох. — Хорошо, прямо к делу. Сколько вам нужно?

— Всего около таланта, — сказал я. — На самом деле, восемь йот.

Девушка серьезно покачала головой, ее рыжеватые волосы двинулись из стороны в сторону.

— Боюсь, я не могу этого сделать. Одалживания по полпенни не стоят моего времени и усилий.

Я нахмурился.

— А какая сумма стоит?

— Четыре таланта, — ответила она. — Это минимум.

— А процент?

— Пятьдесят процентов каждые два месяца. Если ты хочешь заплатить как можно меньше, тогда два таланта в конце четверти. Можешь, если хочешь, выплатить весь долг за шесть месяцев. Но пока я не получу основную часть обратно — два таланта каждую четверть.

Я кивнул, не особенно удивленный. Это было примерно в четыре раза больше, чем назначил бы самый жадный меняла.

— Но я плачу процент за деньги, которые мне на самом деле не нужны.

— Нет, — сказала она, серьезно глядя мне в глаза. — Ты платишь процент за деньги, которые берешь взаймы. Такова сделка.

— А как насчет двух талантов? — спросил я. — Это по крайней мере...

Девушка замахала руками, прерывая меня.

— Мы здесь не торгуемся. Я просто информирую тебя об условиях ссуды. — Она улыбнулась. — Извини, что не пояснила с самого начала.

Я посмотрел на нее, на то, как она держит плечи, на то, как встречает мой взгляд.

— Хорошо, — сказал я, решившись. — Где мне расписаться?

Девушка слегка озадаченно посмотрела на меня, чуть наморщив лоб.

— Не надо ничего подписывать. — Она открыла ящик и вытащила маленькую коричневую бутылочку со стеклянной пробкой. Рядом положила длинную булавку. — Только немного крови.

Я застыл на стуле, прижав руки к бокам.

— Не волнуйся, — заверила она меня. — Булавка чистая. Мне нужно всего около трех капель.

Я наконец обрел дар речи:

— Да ты издеваешься!

Девушка склонила головку набок, крошечная улыбка коснулась уголка ее рта.

— А ты не знал? — удивленно спросила она. — Редко кто приходит сюда, не зная всего заранее.

— Я не могу поверить, что кто-то на самом деле... — Я умолк, не находя слов.

— Не все приходят, — сказала она. — Обычно я имею дело со студентами и бывшими студентами. Народ на этой стороне реки решил бы, что я ведьма, или демон, или еще придумал бы какую-нибудь ерунду в том же роде. Члены арканума точно знают, зачем мне нужна кровь и что я могу с ней сделать.

— Ты тоже член арканума?

— Бывший. — Ее улыбка слегка увяла. — Я добралась до ре'лара, прежде чем уйти. И знаю вполне достаточно, чтобы человек не скрылся, если у меня есть немного его крови. Я смогу достать его везде.

— И помимо всего этого, — недоверчиво сказал я, вспомнив восковой образ Хемме, который я сделал в начале четверти, ведь там был только волос, кровь куда эффективнее в создании симпатической связи, — ты можешь убить меня.

Она посмотрела мне в глаза.

— Ты ужасно туп для новой звезды арканума. Подумай хорошенько. Оставалась бы я в деле, если бы имела привычку злоупотреблять магией?

— Магистры знают об этом?

Она рассмеялась:

— Тело Господне, конечно нет. Так же, как констебль, епископ или моя матушка. Я знаю, и ты знаешь. — Она приложила руку к своей груди, потом к моей. — Этого обычно достаточно, чтобы обеспечить хорошие рабочие отношения между нами.

— А как насчет плохого? — спросил я. — Если у меня не будет денег на конец четверти? Что тогда?

Она развела руками и беспечно пожала плечами:

— Тогда мы что-нибудь придумаем, между нами. Как разумные люди. Может, ты поработаешь на меня. Расскажешь мне секреты. Окажешь услугу. — Она улыбнулась и адресовала мне долгий оценивающий взгляд, рассмеявшись при виде моего смущения. — Если дела пойдут еще хуже и ты станешь совсем уж невозможным в работе, я могу, например, продать твою кровь кому-нибудь, чтобы покрыть свои убытки. У всех есть враги. — Она легко пожала плечами. — Но я никогда не давала делам скатиться так низко. Угрозы обычно достаточно, чтобы держать людей в форме.

Она посмотрела на мое лицо, и ее плечи слегка опустились.

— Ну же, — мягко сказала она. — Ты пришел сюда, ожидая увидеть толстошеего гелета с подельниками, покрытыми шрамами. Ты же был готов заключить сделку с человеком, который может разукрасить тебя в дюжину цветов ада, если ты опоздаешь хоть на день. Мой способ лучше. Проще.

— Это безумие, — сказал я, поднимаясь. — Абсолютное.

Жизнерадостность Деви несколько поблекла.

— Держи себя в руках. — Она начинала раздражаться. — Ты ведешь себя как фермер, который думает, что я пытаюсь купить его душу. Это всего лишь немного крови, чтобы я могла следить за тобой. Что-то вроде обеспечения, залога. — Она сделала успокаивающий жест обеими руками, словно разглаживая воздух. — Отлично. Вот что я тебе скажу. Я позволю тебе одолжить половину минимума. — Она выжидающе посмотрела на меня. — Два таланта. Может, так будет проще?

— Нет, — сказал я. — Извини, что зря потратил твое время, но я не могу этого сделать. Есть поблизости еще какие-нибудь гелеты?

— Конечно, — холодно сказала она. — Но я не люблю раздавать направо и налево такую информацию. — Она насмешливо покачала головой. — Кстати, сегодня ведь возжиганье? Разве тебе не нужна плата до завтрашнего полудня?

— Как-нибудь сам найду их, — отрезал я.

— Уверена, что найдешь, ты же умный мальчик. — Деви махнула на меня тыльной стороной ладони: — Выметайся — не стесняйся. И подумай нежно о Деви через два месяца, когда какой-нибудь головорез выбьет зубы

из твоей хорошенькой головки.

Выйдя от Деви, встревоженный и раздраженный, я побрел по улицам Имре, стараясь привести мысли в порядок и пытаюсь придумать способ решить проблему.

У меня был приличный шанс выплатить двухталантовую ссуду. Я надеялся вскоре продвинуться повыше в артефактной. Как только мне разрешат работать над собственными проектами, я могу начать зарабатывать хорошие деньги. Все, что мне нужно, — пробыть в Университете достаточно долго. Просто вопрос времени.

Вот что я на самом деле одалживал: время. Еще одна четверть. Кто знает, какие возможности могут представиться в следующие два месяца?

Но, пытаясь уговорить себя, я знал правду: это была плохая идея. Она прямо-таки напрашивалась на неприятности. Мне следовало унять гордость и спросить, не могут ли Сим, Вил или Совой одолжить мне восемь йот, в которых я нуждался. Я вздохнул, представив себя в течение четверти спящим на улице и побирающимся в поисках еды. Ну, по крайней мере, это не будет хуже, чем годы в Тарбеане.

Я уже собирался возвращаться в Университет, когда мои беспокойные ноги привели меня к витрине ломбарда. Я почувствовал знакомую боль в пальцах...

— Сколько за семиструнную лютню? — спросил я. Не припомню, чтобы до этого дня я вообще заходил в какую-либо лавку.

— Четыре таланта ровно, — жизнерадостно сообщил хозяин. Я предположил, что он либо новичок в деле, либо пьян. Ломбардчики никогда не бывают веселыми, даже в таких богатых городах, как Имре.

— А-а, — сказал я, даже не пытаясь скрыть своего разочарования. — Могу я посмотреть на нее?

Он передал лютню мне. Смотреть в ней было особенно не на что: текстура дерева неровная, лак грубый и поцарапанный. Лады, сделанные из жил, отчаянно нуждались в замене, но это меня мало трогало, поскольку обычно я играл без ладов. Корпус был из розового дерева, так что звук наверняка ужасно тихий. Но с другой стороны, розовое дерево лучше себя ведет в заполненном баре, прорезая гул праздной беседы. Я постучал пальцем по корпусу, и он ответил резонансным гулом: плотным, но не слишком приятным. Я начал настраивать лютню, как бы извиняясь, что так долго держу ее.

— Возможно, я смогу снизить до трех с половиной, — сказал человек за прилавком.

Мои уши насторожились, когда я услышал в его голосе кое-что новое: отчаяние. До меня дошло, что некрасивая потрепанная лютня может не особенно хорошо продаваться в городе, кишасщем дворянами и процветающими музыкантами. Я покачал головой.

— Струны старые, — сказал я. На самом деле они были в порядке, но я понадеялся, что хозяин в этом не разбирается.

— Это да, — признал он, убедив меня в своем невежестве. — Но струны дешевы.

— Наверно, — с сомнением сказал я.

Следуя внезапно родившемуся коварному плану, я настроил все струны чуть-чуть не в лад с другими, взял аккорд и прислушался к мерзкому звуку. Потом смерил гриф лютни кислым задумчивым взглядом.

— Кажется, гриф повело. — Минорный аккорд прозвучал еще более неприятно. — Вам не кажется, что плохо звучит? — Я ударил по струнам сильнее.

— Три и два? — с надеждой спросил он.

— Это не для меня, — сказал я, словно поправляя его, — а для маленького брата. Проклятый зануда не оставит меня в покое.

Я снова провел по струнам и поморщился.

— Я, может, и не очень люблю мелкого поганца, но не настолько жесток, чтобы покупать ему лютню с кривым грифом. — Я сделал многозначительную паузу. Не дождавшись ответа, я подсказал ломбардщику: — Не за три и два.

— Три ровно? — с надеждой спросил он.

С виду я держал лютню небрежно и беспечно, но в глубине души стискивал ее побелевшими от жадности костяшками пальцев. Не могу надеяться, что вы это поймете. Когда чандрианы убили мою труппу, они разрушили единственную семью и дом, какие я когда-либо знал. Но еще хуже в каком-то смысле было, когда лютню моего отца разбили в Тарбеане. Я словно потерял часть тела, глаз, жизненно важный орган. Без музыки я скитался по Тарбеану несколько лет, полуживой, как покалеченный ветеран или шаркун.

— Послушайте, — прямо сказал я ломбардщику. — У меня для вас есть два и два. — Я вытащил кошелек. — Вы можете взять их, или эта уродина будет еще десять лет собирать пыль на верхней полке.

Я встретился с ним глазами, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не показать, насколько я жажду этой лютни: я был готов на все, чтобы получить ее. Я бы плясал голый по снегу. Хватал бы его за ноги, дрожащий и безумный, обещая ему все, все...

Я отсчитал два таланта и две йоты на прилавок между нами — почти все деньги, которые скопил на плату за обучение в этой четверти. Каждая монетка тяжело звякала, когда я выкладывал ее на прилавок.

Он долго смотрел на меня, прикидывая. Я звякнул еще одной йотой и подождал. И еще подождал. Когда он наконец протянул руку за деньгами, его осунувшееся лицо стало именно таким, какие я привык видеть у ломбардщиков.

Девушка открыла дверь и улыбнулась.

— Ну, честно говоря, я не думала, что увижу тебя снова. Заходи. — Она задвинула засов за моей спиной и прошла к своему столу. — Однако не могу сказать, что разочарована. — Оглянувшись через плечо, она сверкнула озорной улыбкой. — Я надеялась завязать с тобой дела. — Она села. — Итак, два таланта?

— Четыре на самом деле будет лучше, — сказал я.

Как раз столько, чтобы оплатить обучение и койку в гнездах. Я мог спать на улице, под дождем и ветром, но моя лютня заслуживала лучшего.

— Чудесно, — сказала она, доставая бутылочку и булавку.

Кончики моих пальцев были нужны мне целыми, так что я уколол тыльную сторону ладони и позволил трем каплям медленно скатиться и упасть в маленькую коричневую бутылочку. Я передал ее Девушке.

— Булавку тоже туда бросай.

Я сделал это.

Девушка смазала пробку каким-то прозрачным веществом и вогнала ее в горлышко бутылки.

— Хитрый клей от твоих приятелей за рекой, — объяснила она. — Теперь я не могу открыть бутылку, не разбив ее. Когда ты выплачиваешь долг, ты получаешь ее обратно целой и невредимой и можешь спать спокойно, зная, что я ничего не припрятала для себя.

— Если только у тебя нет растворителя, — заметил я.

Девушка бросила на меня язвительный взгляд.

— А ты не силен в доверии. — Она пошарила в ящике, вытащила немного воска для запечатывания и начала разогревать его над настольной лампой. — Вряд ли у тебя есть печатка, кольцо или еще что-нибудь в этом роде? — спросила она, заливая воском пробку.

— Если бы у меня были драгоценности, меня бы здесь не было, — честно сказал я и прижал к воску большой палец. Он оставил вполне узнаваемый отпечаток. — Думаю, этого достаточно.

Девушка нацарапала алмазным резцом на дне бутылочки номер, затем

вытащила листок бумаги. С минуту она писала, потом помахала бумажкой, ожидая, пока чернила высохнут.

— Можешь отнести это любому ростовщику на любой стороне реки, — жизнерадостно сказала она, передавая бумажку мне. — Одно удовольствие иметь с тобой дело. Чувствуй себя как дома.

Я направлялся в Университет с деньгами в кошельке и умиротворяющей тяжестью лютни, висящей на плече. Она была старая, некрасивая и много стоила мне — денег, крови и части разума.

Я любил ее как дитя, как дыхание, как собственную правую руку.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ЖЕСТЬ И ДЕГОТЬ

В начале моей второй четверти Килвин дал мне разрешение изучать сигалдри. Это заставило удивленно приподняться несколько бровей, но не в артной, где я показал себя усердным работником и прилежным студентом.

Сигалдри — это, проще говоря, набор инструментов для направления и распределения сил. Как симпатия, только твердая.

Например, если пометить один кирпич руной «уле», а другой — руной «доч», две руны заставят кирпичи приклеиться друг к другу, словно они связаны цементным раствором.

Но все не так просто. В действительности происходит вот что: две руны рвут кирпич пополам с силой, равной силе притяжения. Чтобы предотвратить это, следует добавить руну «ару» на каждый кирпич. «Ару» — руна глины, и она заставляет два кусочка глины слиться, решая вашу проблему.

Если не считать того, что «ару» и «доч» не сочетаются. Они создают неправильную конфигурацию. Чтобы они подошли друг к другу, надо добавить еще две связующие руны: «геа» и «тех» на второй кирпич. Тогда кирпичи притянутся друг к другу, не ломаясь.

Но только если кирпичи сделаны из чистой глины. Большинство кирпичей не таковы. Поэтому лучше подмешать железо в кирпичный раствор, прежде чем обжигать. Конечно. Это означает, что придется использовать «фехр» вместо «ару». Затем вам понадобится добавить «тех» и «геа», чтобы все наконец сошлось...

Как видите, цемент — более простой и надежный способ удерживать кирпичи вместе.

Я изучал сигалдри под руководством Каммара. Этот покрытый шрамами одноглазый человек был «привратником» Килвина. Только после того, как ты доказывал ему полное владение сигалдри, ты мог продвинуться до обучения у одного из более опытных артефакторов. Ты помогал им в их проектах, а они в ответ показывали тебе тонкости своего искусства.

Всего рун было сто девяносто семь. Это походило на изучение нового языка — только он основывался на почти двух сотнях незнакомых букв; кроме того, нередко приходилось изобретать свои собственные слова. У

большинства студентов уходил месяц учебы, прежде чем Каммар признавал их готовыми продвинуться дальше. У некоторых — целая четверть.

У меня это заняло семь дней — все, от начала до конца.

Как?

Во-первых, у меня был мотив. Другие студенты могли позволить себе не спешить в учебе — их родители или покровители оплачивали расходы. Я же вынужден был в артной быстро подниматься по рангам, чтобы начать зарабатывать деньги собственными проектами. Плата за обучение уже не была приоритетом — им стала Деви.

Во-вторых, я был очень умен. Чрезвычайно умен.

И наконец, мне везло. Просто и незатейливо.

С лютней за спиной я ступил на лоскутный ковер крыш главного корпуса. Стояли темные облачные сумерки, но я уже хорошо знал дорогу. Я держался жести и дегтя, зная, что красная черепица и серый кровельный сланец предательски скользят под ногой.

В какой-то момент перестройки главного корпуса один из двориков оказался совершенно изолированным. В него можно было попасть, только вылезая из высокого окна в одном из лекционных залов или спустившись с крыши по корявой яблоне.

Я приходил сюда, чтобы попрактиковаться в игре на лютне. Мое место в гнездах не слишком подходило для этого. Не только потому, что музыка на этой стороне реки считалась фривольной, но и потому, что моя игра могла поссорить меня с соседями по комнате, которые спали или занимались. Поэтому я приходил сюда. Это место было наилучшим: уединенное и практически рядом с домом.

Кусты разрослись, и газон превратился в буйство сорняков и цветущих трав. Но под яблоней стояла скамейка, прекрасно мне подходившая. Обычно я приходил поздно вечером, когда главное здание стояло запертым и пустым. Но сегодня был теден, и, значит, если я быстро пообедаю, у меня будет почти час между занятием Элксы Дала и работой в артной. Куча времени для практики.

Однако добравшись до дворика, я увидел огни в окнах — лекция Брандье затянулась.

Поэтому я остался на крыше. Окна в лекционный зал были закрыты, и было не много шансов, что меня услышат.

Я прислонился спиной к ближайшей трубе и начал играть. Минут через десять огни в окнах погасли, но я решил остаться здесь, а не терять

время, спускаясь во двор.

Я был где-то на половине «Тима — десять стуков», когда солнце выскользнуло из-за туч. Золотой свет залил крышу, скатываясь тонкой струйкой во дворик.

И тогда внизу я услышал шум — внезапное шебуршание, как от испуганного животного. Затем послышалось что-то другое, не похожее на шуршание белки или кролика в кустах. Это был жесткий звук, металлический удар, как будто кто-то уронил тяжелый железный прут.

Я перестал играть — неоконченная мелодия продолжала звучать в голове. Может быть, внизу меня слушал другой студент? Я положил лютню обратно в футляр, подошел к краю крыши и заглянул вниз.

Но ничего не смог разглядеть сквозь густые кусты, покрывавшие почти всю восточную часть дворика. Может, он залез в окно?

Закат быстро угасал, и к тому времени, как я спустился по яблоне, большая часть дворика погрузилась в тень. Отсюда я увидел, что высокое окно закрыто; никто не мог попасть сюда этим путем. Хотя быстро темнело, любопытство победило осторожность, и я полез в кусты.

Здесь оказалось просторно. Кое-где живая изгородь только создавала зеленый купол из живых ветвей, а между кустами оставалось достаточно места, чтобы сидеть свободно. Я подумал, что в этом дворике можно будет спать, если в следующей четверти мне не хватит денег на койку в гнездах.

Даже в угасающем свете я видел, что я тут один. Здесь не хватило бы места даже для кролика. Также я не разглядел ничего, что могло бы издавать металлический звук.

Бормоча прилипчивый припев из «Тима», я прополз до другого конца изгороди. Только уже вылезая на другой стороне, я заметил решетку слива. Я видел такие, разбросанные по Университету, но эта решетка была совсем старая и большая. Если убрать ее, в отверстие вполне мог протиснуться человек.

Я ухватился в нерешительности за один из металлических прутьев и потянул. Тяжелая решетка повернулась на шарнире, приподнялась сантиметров на семь-восемь и застопорилась. В тусклом свете я не мог разглядеть, почему она не идет дальше. Потянул сильнее, но не смог сдвинуть. Наконец я плюнул и уронил решетку на место. Она издала жесткий, слегка металлический звук. Словно кто-то уронил тяжелый железный прут.

Затем мои пальцы нащупали то, что упустили глаза: сеть желобков на поверхности прутьев. Я пригляделся и узнал руны, которые изучал под руководством Каммара: «уле» и «доч».

Тогда в голове у меня что-то щелкнуло. Припев «Тима — десять стуков» сложился с рунами, выученными за последние несколько дней:

«Уле» или «доч» — свяжу,
«Рех» — ищу,
«Кел» — нахожу.
«Тех» — замок,
А «геа» — ключик,
Назубок
Их всякий учит.
Воде — «песин»,
Камням — «ресин».

Тут пробило шесть; этот звук вывел меня из задумчивости. Для равновесия я оперся о землю, но рука вдруг встретила не листья и грязь. Она коснулась чего-то круглого, твердого и гладкого: зеленого яблока.

Я прополз под изгородью и забрался в северо-западный угол, где росла яблоня. На земле никаких яблок не валялось — для них было еще слишком рано. Кроме того, железная решетка находилась на противоположном конце двора. Яблоко не могло закатиться так далеко. Его кто-то принес.

Не зная, что и думать, но понимая, что опаздываю на вечернюю смену в артную, я залез на яблоню, подхватил лютню и поспешил в мастерскую Килвина.

Позже тем же вечером я положил на музыку и все остальные руны. Это заняло несколько часов, но когда я закончил, у меня словно справочник завелся в голове. На следующий день Каммар подверг меня большому двухчасовому экзамену, и я его успешно прошел.

Для следующей стадии обучения в артной меня определили в ученики к Манету, пожилому шевелюристу студенту, с которым я познакомился в первые дни в Университете. Манет учился здесь почти тридцать лет, и все знали его как «вечного э'лира». Но хотя теперь получалось, что мы с ним в одном статусе, у Манета было больше практического опыта в артной, чем у десятка студентов более высокого ранга, вместе взятых.

Манет оказался терпелив и внимателен. На самом деле он напоминал мне моего первого учителя, Абенти. Только Бен скитался по миру, как непоседливый лудильщик, а про Манета все знали, что его единственное желание — остаться в Университете, если получится, до конца своих дней.

Манет начал с малого, научив меня простой формуле, необходимой для изготовления стекла удвоенной прочности и воронок для горячих веществ. Под его руководством я учился артефакции так же быстро, как и всему прочему, и очень скоро мы перешли к более сложным проектам, вроде тепломов и симпатических ламп.

Предметы высокого уровня, такие как симпатические часы или жар-винты, были мне пока недоступны, но я знал, что это вопрос времени. К сожалению, времени у меня оказалось мало.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ПЕРЕГОРАНИЕ

Я снова обрел лютню, и моя музыка вернулась ко мне. Но я быстро понял, что три года без практики не прошли даром. Работа в артефактной в последние пару месяцев укрепила и сделала жесткими мои руки, но не совсем в том ключе. Прошло несколько ужасных дней, прежде чем я смог играть свободно хотя бы по часу в день.

Возможно, я бы продвигался быстрее, если бы не занимался другими делами. Два часа каждый день я проводил в медике на осмотрах, бегая с поручениями, около двух часов отнимали математические лекции и вычисления и три часа — обучение у Манета в артной, знакомство с тонкостями артефакции.

Еще я проходил курс углубленной симпатии у Элксы Дала. Вне занятий Дал был очарователен, мягок и немножко забавен, когда на него находило веселое настроение. Но во время преподавания он то входил в образ безумного пророка, то вел себя как барабанщик на галере. Каждый день на его занятиях я сжигал три часа времени, а энергии и все пять.

Вместе с оплачиваемой работой в мастерской Килвина времени оставалось только на еду, сон и учебу, но никак не на то, чтобы уделить моей лютне столько внимания, сколько она требовала.

Музыка — дама гордая и капризная. Дайте ей время и внимание, которых она заслуживает, и она станет вашей. Пренебрегите ею, и настанет день, когда она не ответит вам. Поэтому я начал спать меньше, чтобы посвящать музыке достаточно времени.

Через оборот такого графика я почувствовал усталость. Через три оборота я еще бегал, но только на угрюмой решимости, стиснув зубы. Примерно к пятому обороту я начал выказывать явные признаки измождения.

Как-то раз во время того самого пятого оборота я испытывал радость редкого совместного ужина с Вилемом и Симмоном. Они принесли еду из ближайшей таверны. Я же не мог позволить себе потратить драб на яблоко и мясной пирог, поэтому прихватил немного ячменного хлеба и хрящеватую колбаску из столовой.

Мы сидели на каменной скамье под столбом для наказаний, где меня когда-то пороли. После той порки скамья и столб наполняли меня ужасом,

но я заставлял себя проводить там свободное время, чтобы доказать самому себе: я могу с этим справиться. Когда нервная дрожь прошла, я продолжал сидеть под столбом, потому что меня забавляли взгляды студентов. Теперь я сидел здесь, потому что это было удобно. Место стало моим.

И поскольку мы проводили довольно много времени друг с другом, это место стало своим и для Вилема с Симмоном. Если они и считали мой выбор странным, то не говорили об этом.

— Тебя что-то давно не видно, — сказал Вилем, жуя мясной пирог. — Болел?

— Ага, — саркастически хмыкнул Симмон. — Целый месяц болел.

Вилем покосился на него и что-то пробурчал, на мгновение напомнив мне Килвина.

Выражение его лица заставило Симмона рассмеяться.

— Вил куда вежливей, чем я. Бьюсь об заклад, ты проводишь все свободное время, бегая до Имре и обратно. Любезничаешь с какой-нибудь потрясающе привлекательной юной бардессой.

Он показал на лютню в футляре, лежавшую рядом со мной.

— Ты выглядишь так, словно болел, — критически посмотрел на меня Вилем. — Твоя женщина не заботится о тебе.

— Он болен от любви, — со знанием дела сказал Симмон. — Не может есть, не может спать. Думает о ней, когда пытается запомнить свою цифирь.

Я не смог придумать, что ответить.

— Видишь? — сказал Симмон Виду. — Она похитила его язык так же, как и сердце. Все его слова теперь только для нее. Для нас не осталось ни одного.

— Ага, и времени на нас тоже нету, — сказал Вилем, быстро поджывая мясной пирог.

Конечно, это была правда — я пренебрегал своими друзьями даже больше, чем собой. Мое лицо залилось краской стыда. Я не мог сказать им всю правду: что должен получить как можно больше от этой четверти, поскольку она, вероятно, станет последней для меня. Я был совсем на мели.

Если вы не понимаете, почему я не мог заставить себя рассказать им об этом, тогда я сомневаюсь, что вы когда-либо были нищим. Я сомневаюсь, что вы поймете, насколько может смущать то, что у тебя всего две рубашки и ты сам вынужден подстригать себе волосы — как получится, ведь ты не можешь позволить себе парикмахера. Я потерял пуговицу и не мог потратить шима, чтобы купить другую. Я порвал штаны

на коленке, и мне пришлось зашить их неподходящими по цвету нитками. Я не мог позволить себе даже соль в еду или выпивку в редкий вечер посиделок с друзьями.

Деньги, которые я зарабатывал в мастерской Килвина, уходили на самое необходимое: чернила, мыло, струны для лютни... Единственное, что я мог себе позволить, — гордость. Я не мог вынести мысли, что мои лучшие друзья узнают, насколько отчаянно мое положение.

Если бы на меня свалилась удача, я бы смог добыть два таланта, чтобы заплатить проценты по долгу Деви. Но нужна была манна небесная, чтобы у меня появилось достаточно денег на оплату процентов и обучения в следующей четверти. Я не представлял, что стану делать после того, как меня выгонят из Университета, и когда я рассчитаюсь с Деви. Возможно, мне придется сматывать удочки и топать в Анилен за Денной.

Я посмотрел на них, не зная, что сказать.

— Вил, Сим, простите. Это все потому, что я был страшно занят в последнее время.

Симмон стал чуть более серьезным, и я понял, что его сильно огорчает мое странное отсутствие.

— Мы тоже были заняты, знаешь ли. У меня началась риторика и химия, и, кроме того, я учу сиару. — Он повернулся к Вилу и нахмурился. — Тебе следует знать, что я начинаю ненавидеть твой язык, шимов сын.

— Ту кралим, — любезно ответил юный сильдиец.

Симмон снова повернулся ко мне и сказал с замечательной прямоотой:

— Это просто к тому, что мы бы хотели видеть тебя чаще, чем раз в несколько дней, когда ты пробегаешь из главного в артную. Девушки — штука прекрасная, признаю, но если кто-то отбирает у меня друга, я начинаю немножко ревновать. — Внезапно он солнечно улыбнулся. — Не то чтобы я имел на тебя какие-то виды...

Я обнаружил, что мне трудно проглотить комок, внезапно вставший в горле. Я не мог припомнить, когда в последний раз по мне кто-то скучал. Долгое время таких людей не было вообще. И я почувствовал подступающие жаркие слезы.

— На самом деле это не девушка, правда. — Я сглотнул, пытаюсь вернуть самообладание.

— Сим, я думаю, мы тут что-то упускаем. — Вил странно посмотрел на меня. — Глянь-ка на него хорошенько.

Симмон посмотрел на меня таким же долгим изучающим взглядом. Взгляда их обоих было достаточно, чтобы привести меня в раздражение,

заставив позабыть про слезы.

— Итак, — сказал Вилем менторским тоном, — сколько четвертей наш юный э'лир посещает Университет?

Озарение разлилось по честному лицу Сима:

— О!

— А мне кто-нибудь объяснит? — раздраженно спросил я.

Вилем проигнорировал мой вопрос.

— Какие занятия ты посещаешь?

— Все, — ответил я, радуясь поводу пожаловаться. — Геометрию, наблюдения в медицине, «углубленную симпатию» у Элксы Дала и еще учусь у Манета в артной.

Симмона мой ответ, похоже, слегка шокировал.

— Неудивительно, что ты выглядишь так, словно не спал целый оборот, — сказал он.

Вилем кивнул сам себе.

— И ты еще работаешь в мастерской у Килвина?

— Пару часов каждый вечер.

Симмон пришел в ужас.

— Да еще учишься играть? Ты что, ненормальный?

— Музыка — единственная вещь, которая помогает мне держаться, — сказал я, глядя футляр лютни. — Я не учусь играть, мне просто нужна практика.

Вилем и Симмон обменялись взглядами.

— Сколько, думаешь, он уже?..

Симмон оглядел меня с ног до головы:

— Оборота полтора, как пить дать.

— Да вы о чем?

Вилем наклонился вперед.

— Все мы раньше или позже пытаемся откусить слишком большой кусок. Но некоторые студенты не знают, когда надо бы уже и выплюнуть лишнее. Они перегорают — уходят или проваливают экзамены. У некоторых крыша едет. — Он постучал пальцем по виску. — Обычно это случается в первый год учебы. — Он многозначительно посмотрел на меня.

— Я не слишком много откусываю, — запротестовал я.

— Посмотри в зеркало, — по-дружески посоветовал Вилем.

Я открыл рот, чтобы убедить Вила и Сима, что со мной все в порядке, но, услышав, что бьет шесть, тут же торопливо попрощался. Даже при этом мне пришлось бежать, чтобы попасть на углубленную симпатию вовремя.

Элкса Дал стоял между двух жаровен среднего размера. Его аккуратно подстриженная борода и черная магистерская мантия все так же напоминали мне типичных злых волшебников, появлявшихся в дурных атуранских пьесах.

— Каждому из вас следует запомнить, что симпатист привязан к огню, — говорил он. — Мы его хозяева и слуги.

Он спрятал руки в длинных рукавах и начал ходить туда-сюда.

— Мы хозяева огня, потому что имеем над ним власть. — Элкса Дал легонько ударил по ближайшей жаровне, заставив ее тихонько звякнуть. Пламя охватило угли и начало жадно тянуться вверх. — Энергия всех вещей подвластна арканисту. Мы приказываем огню, и огонь повинуетя.

Дал медленно прошел в другой угол зала. Жаровня за его спиной притухла, а та, к которой он подошел, заискрила и начала гореть. Я оценил его умение выгодно представить свое искусство.

Дал остановился и снова повернулся к классу.

— Но мы также слуги огня. Потому что огонь — наиболее простая и доступная форма энергии, а без энергии от одного мастерства в симпатии толку мало. — Он повернулся к классу спиной и начал стирать формулу с грифельной доски. — Подготовьте свои материалы. И посмотрим, кто сегодня будет соревноваться с э'лиром Квоутом.

Он принялся писать список студентов. Мое имя стояло первым.

Три оборота назад Дал решил устраивать нам соревнования друг с другом. Он называл это дуэлью. И хотя после монотонности лекций такая перемена была приятна, в этом непривычном занятии мне виделся дурной привкус.

Сотня студентов покидали арканум каждый год, примерно четверть из них — с гильдерами. Это означало, что каждый год в мире становилось на сотню больше людей, обученных пользованию симпатией. Людей, с которыми ты, по той или иной причине, мог столкнуться в будущем. Хотя Дал никогда об этом не говорил, мы понимали, что нас учат чему-то большему, чем простая концентрация и мастерство. Нас учили драться.

Дуэли также могли приносить некоторую выгоду, поскольку существовали тайные пари. Когда мы хотели побиться об заклад, мы с Совоем ставили друг на друга. Хотя, как правило, у меня не бывало лишних денег.

Таким образом, не было никакого совпадения в том, что мы с Совоем регулярно сталкивались, когда готовили материалы. Я передал ему под столом две йоты.

Он сунул их в карман, не глядя на меня.

— Надо же, — шепнул он. — Кто-то сегодня очень уверен в себе.

Я небрежно пожал плечами, хотя на самом деле немного нервничал. Начав четверть без единого пенни, я пока богаче не стал. Но вчера Килвин заплатил мне за оборот работы в артной; две йоты — все деньги, что были у меня сейчас в этом мире.

Совой начал рыться в ящике, доставая симпатический воск, шнурок и несколько кусочков металла.

— Не знаю, сколько я смогу поставить на тебя. Ставки уменьшаются. Полагаю, три к одному — лучшее, что ты получишь сегодня. Тебе все еще интересно, даже если ставки упадут?

Я вздохнул. Ставки действительно уменьшались, несмотря на мой статус непобежденного. Вчера они были два к одному, что означало, что я рискнул бы двумя пенни, чтобы выиграть один.

— У меня есть кое-какой план, — сказал я. — Не делай ставку, пока мы не обговорим условия. Тебе надо получить по крайней мере три к одному против меня.

— Против тебя? — пробормотал он, доставая пригоршню всякой всячины. — Не раньше чем ты выйдешь против Дала.

Я отвернулся, чтобы скрыть смущенный румянец от комплимента.

Дал хлопнул в ладоши, и все бросились по местам. Я оказался в паре с винтийцем Фентоном. Он был всего на ступень ниже меня в классовой системе рангов. Я уважал его как одного из немногих в классе, кто мог бросить мне реальный вызов.

— Хорошо, — сказал Элкса Дал, нетерпеливо потирая руки. — Фентон, вы ниже по рангу, выбирайте оружие.

— Свечи.

— Ваша связка? — задал ритуальный вопрос Дал. Со свечами всегда использовался фитиль или воск.

— Фитиль. — Он показал всем кусочек фитиля.

Дал повернулся ко мне:

— Связка?

Я порылся в кармане и поднял свою связку, помахав ею.

— Солома.

По классу пошел шепот. Это была смехотворная связка. Лучшее, на что я мог надеяться, — три процента передачи, может быть пять. Связка Фентона будет в десять раз сильнее.

— Солома?

— Солома, — сказал я с чуть большей уверенностью, чем ощущал. Если это не поднимет ставки против меня, то я не представлял, что еще

может поднять.

— Хорошо, солома, — легко согласился Элкса Дал. — Э'лир Фентон, поскольку э'лир Квоут пока не побежден, за вами выбор источника.

Тихий смешок прокатился по залу. У меня внутри все упало. Этого я не ожидал. Обычно источник выбирал не тот, кто заказывал игру. Я планировал выбрать жаровню, зная, что большое количество тепла поможет свести на нет мое позерство.

Фентон усмехнулся, понимая свое преимущество.

— Без источника.

Я поморщился: все, что мы сможем вытянуть из собственных тел. Трудно даже в самых благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о некоторой опасности для здоровья.

Я не мог победить. Меня ожидала потеря первенства, но, кроме того, я никак не мог просигнализировать Совою, чтобы он не ставил мои последние две йоты. Я попытался встретиться с ним глазами, но он уже завяз в тихих напряженных переговорах с группой других студентов.

Мы с Фентоном молча уселись на противоположных концах стола. Элкса Дал поставил перед каждым из нас по толстой свече. Целью было зажечь свечу противника, не дав ему зажечь твою. Это включало расщепление разума на две части: одна пыталась удержать алар, что твой кусок фитиля (или соломы, если ты дурак) — тот же самый, что и фитиль свечи, которую ты стараешься зажечь. А потом ты вытягивал энергию из своего источника, чтобы заставить это произойти.

В то же время вторая часть разума занималась поддержанием веры, что кусок фитиля у твоего противника не тот же самый, что фитиль в твоей свече.

Если это звучит сложно, то поверьте, что вы не знаете и половины всего.

Еще хуже, что ни у одного из нас не было легкодоступного источника энергии. Используя себя как источник, следовало быть осторожным. Тело не без причины имеет такую температуру. Оно плохо себя чувствует, когда из него вытягивают энергию.

По сигналу Элксы Дала мы начали. Я немедленно посвятил весь разум защите своей свечи и принялся бешено думать. У меня не было возможности победить. Не важно, насколько ты искусный боец, ты в любом случае проиграешь, если у твоего противника клинок рамстонской стали, а сам ты в качестве оружия выбрал ивовый прутик.

Я погрузился в «каменное сердце». Затем, все еще отдавая большую часть разума защите своей свечи, я пробормотал заклинание, связывающее

мою свечу со свечой Фентона. Я протянул руку и уронил свою свечу набок, вынудив противника схватиться за свою свечу, прежде чем она сделает то же самое и укатится прочь.

Я попытался извлечь преимущество из его замешательства и зажечь его свечу. Я вбросил себя в это и почувствовал, как холод потек к правому плечу от ладони, державшей свечу. Ничего не произошло. Свеча Фентона оставалась холодной.

Я сложил руку чашечкой над фитилем своей свечи, блокируя ему линию взгляда. Это был жалкий трюк и почти бесполезный против опытного симпатиста, но моей единственной надеждой было как-нибудь отвлечь его.

— Эй, Фен, — сказал я. — Ты уже слышал анекдот про лудильщика, тейлинца, фермерскую дочку и маслобойку?

Фентон не ответил. Его бледное лицо застыло в яростном сосредоточении.

Я отбросил идею отвлечь как бесполезную. Фентон был слишком умен, чтобы сбить его с толку таким образом. Кроме того, я обнаружил, что мне трудно сохранять нужную концентрацию, чтобы защищать свою свечу. Я глубже ушел в «каменное сердце» и забыл весь мир, кроме двух свечей, соломы и кусочка фитиля.

Через минуту я весь покрылся липким холодным потом. Меня била дрожь. Фентон увидел это и улыбнулся бескровными губами. Я удвоил усилия, но его свеча игнорировала все мои попытки зажечь ее.

Пять минут прошли — весь класс молчал, как каменный. Большинство дуэлей продолжались не дольше минуты-двух: один быстро доказывал, что умнее или обладает более сильной волей. Теперь похолодели обе мои руки. Я увидел, как на шее Фентона судорожно задергался мускул — так лошадь дергает боком, пытаясь стряхнуть кусачую муху. Его поза стала напряженной — он подавлял дрожь. Фитиль моей свечи начал дымиться.

Я атаковал, чувствуя, что мое дыхание со свистом вырывается сквозь стиснутые зубы, а губы растянулись в зверином оскале. Фентон словно не заметил, его глаза остекленели и взгляд рассредоточился. Я снова вздрогнул, так сильно, что почти пропустил дрожь в его руке. Затем Фентон начал медленно клониться вперед. Его веки опустились. Я стиснул зубы и был вознагражден тонкой струйкой дыма от фитиля его свечи.

Двигаясь словно деревянная кукла, Фентон повернулся посмотреть, но, вместо того чтобы усилить защиту, сделал медленный отстраняющий жест и уронил голову на сгиб руки.

Он не поднял головы, когда свеча у его локтя судорожно загорелась.

По залу пронеслись короткие аплодисменты, смешанные с возгласами недоверия.

Кто-то хлопнул меня по спине:

— Ты глянь, спалился.

— Нет, — тупо сказал я и бросился вокруг стола. Непослушными пальцами я разжал руку Фентона, сжимавшую фитиль, и увидел на нем кровь. — Магистр Дал, — сказал я так быстро, как только мог, — он переохладился.

Слова заставили меня обратить внимание, насколько холодны мои собственные губы.

Но Дал уже был здесь, с одеялом, чтобы завернуть Фентона.

— Ты, — указал он на одного из студентов. — Приведи кого-нибудь из медики. Живо! — Студент убежал. — Глупо. — Магистр Дал пробормотал заклинание тепла и оглядел меня. — Тебе лучше походить. Ты выглядишь не сильно лучше него.

Больше в этот день дуэлей не было. Остальной класс смотрел, как Фентон медленно оживает под заботами Элксы Дала. К тому времени, как из медики пришел старший эл'те, Фентон уже согрелся достаточно, чтобы начать бешено дрожать. Через четверть часа теплых обертываний и целительной симпатии Фентон смог выпить горячего, хотя его руки все еще тряслись.

К тому времени, как неразбериха закончилась, был уже почти третий колокол. Магистру Далу удалось усадить всех студентов и заставить их замолчать, чтобы сказать несколько слов.

— То, что мы видели сегодня, — превосходный пример заклинательского озноба. Тело — штука тонкая, и быстро потерянные несколько градусов тепла могут вывести из строя всю систему. Легкие последствия озноба вот такие: охлаждение. Но более тяжелый случай может привести к шоку и переохлаждению. — Дал оглядел класс. — Может кто-нибудь сказать, в чем заключалась ошибка Фентона? — Все замолкли, затем поднялась рука. — Да, Брэз?

— Он использовал кровь. Когда тепло уходит из крови, тело охлаждается целиком. Это не всегда дает преимущество, поскольку конечности могут выдержать более резкую потерю температуры, чем внутренние органы.

— Зачем тогда вообще используют кровь?

— Она быстрее отдает тепло, чем плоть.

— Сколько можно было вытянуть без последствий? — Дал оглядел класс.

— Два градуса? — предположил кто-то.

— Полтора, — поправил Дал и написал на доске несколько уравнений, чтобы показать, сколько тепла это даст. — При имевших место симптомах сколько, вы считаете, он на самом деле взял?

Наступила пауза. Наконец Совой сказал:

— Восемь или девять.

— Очень хорошо, — ворчливо сказал Дал. — Приятно, что хоть кто-то из вас иногда читает. — Его лицо посуровело. — Симпатия не для слабых разумом, но также и не для чересчур самоуверенных. Если бы нас не было здесь, чтобы оказать помощь Фентону, он бы тихо заснул и умер. — Он сделал паузу, чтобы его слова дошли до студентов. — Лучше, если вы честно осознаете свой предел, чем переоцените свои способности и потеряете контроль.

Пробил третий колокол, и зал наполнился внезапным шумом, поскольку студенты поднялись и стали собираться. Магистр Дал возвысил голос, чтобы я его услышал:

— Э'лир Квоут, можете задержаться на минутку?

Я поморщился. Совой, шедший за мной, хлопнул меня по плечу и пробормотал:

— Удача.

Я не понял, говорит он о моей победе или желает ее.

После того как все ушли, Дал повернулся ко мне, положив тряпку, которой стирал с доски.

— Ну, какие получились ставки? — непринужденно спросил он.

Я не удивился, что он знает о пари.

— Одиннадцать к одному, — признался я.

Я выиграл двадцать две йоты, чуть больше двух талантов. Наличие этих денег в кармане согревало меня.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Как ты себя чувствуешь? В конце ты и сам немного побледнел.

— Меня слегка колотит, — соврал я.

На самом деле в суматохе после обморока Фентона я выскользнул в коридор и провел там несколько тяжелых минут. Дрожь, близкая к судорогам, едва позволяла стоять. По счастью, никто не видел меня таким — трясущимся, с челюстями, стиснутыми так крепко, что я опасался за свои зубы.

Но никто меня не нашел. Моя репутация осталась невредимой.

Дал бросил взгляд, сказавший мне, что он, скорее всего, знает правду.

— Иди, — махнул он на одну из жаровен. — Немного тепла тебе не

повредит.

Я не спорил. Протянув руки к огню, я почувствовал, что слегка расслабился. Внезапно я понял, насколько устал. Мои глаза зудели и горели от недостатка сна. Тело было тяжелым, словно в кости залили свинец.

Неохотно вздохнув, я убрал руки от жаровни и открыл глаза. Дал пристально смотрел мне в лицо.

— Мне надо идти, — сказал я с легким сожалением в голосе. — Спасибо за ваш огонь.

— Мы оба симпатисты, — сказал Дал, дружески помахав мне, когда я собрал вещи и направился к двери. — Добро пожаловать к моему огню в любое время.

Позже вечером, в гнездах, Вил открыл дверь на мой стук.

— Будь я проклят, — сказал он. — Два раза в один день. Чему обязан такой честью?

— Думаю, ты знаешь, — буркнул я и протиснулся в похожую на камеру комнатку. Прислонив футляр с лютней к стене, я упал на стул. — Килвин запретил мне работать в мастерской.

Вилем сел на кровать.

— Почему это?

Я прищурился:

— Полагаю, потому что вы с Симмоном заглянули к нему и попросили об этом.

Он секунду смотрел на меня, затем пожал плечами.

— Ты догадался быстрее, чем я думал. — Он потер щеку. — Но особенно огорченным не выглядишь.

Я был в ярости. Как только удача повернулась ко мне лицом, меня вынудили оставить единственную платную работу из-за благонамеренного вмешательства моих друзей. Но вместо того чтобы разбушеваться и сорвать на них злость, я пошел на крышу главного и поиграл, чтобы остудить голову.

Музыка успокоила меня — как всегда. И пока я играл, обдумал все еще раз. Мое ученичество у Манета продвигалось хорошо, но там было слишком много чего учить: как обжигать сушильные печи, как тянуть проволоку для получения нужной фактуры, какие сплавы применять для наилучшего эффекта. Я не надеялся продрасться через все это так же, как выучил руны. В мастерской Килвина я не мог заработать столько, чтобы отдать долг Деви в конце месяца, не говоря уже о деньгах на оплату обучения.

— Я бы и огорчился, — признался я, — но Килвин заставил меня посмотреть в зеркало. — Я устало улыбнулся. — Действительно кошмарно выгляжу.

— Ты выглядишь как замученный кошмар, — поправил он меня и неловко умолк. — Я рад, что ты не рассердился.

В дверь постучали, и появился Симмон. Удивление на его лице при виде меня сменилось виноватым выражением.

— Разве ты не должен быть... в артной? — запинаясь, спросил он.

Я рассмеялся, и облегчение Симмона стало почти ощутимым. Вилем убрал кипу бумаг с другого стула, и Симмон плюхнулся на него.

— Все прощено, — сказал я великодушно. — Но вот чего я прошу: расскажите мне все, что вы знаете об «Эолиане».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

МЕДЛЕННЫМИ КРУГАМИ

«Эолиан» — то место, где ждет за кулисами долгожданная героиня нашей истории. Я не забыл, что именно к ней я продвигаюсь в своем рассказе. Если вам покажется, что я хожу кругами, причем слишком медленными кругами, то так оно и есть, поскольку мы с ней всегда двигались друг к другу по медленному кругу.

По счастью, и Вилем, и Симмон уже бывали в «Эолиане». Вместе они рассказали мне то небольшое, чего я еще не знал.

В Имре имелось много мест, куда можно было прийти послушать музыку. Практически в каждом трактире, таверне или пансионе какие-нибудь музыканты перебирали струны, пели или дудели в качестве фона. Но «Эолиан» на них не походил: он принимал лучших музыкантов города. Если ты мог отличить хорошую музыку от плохой, ты знал, что в «Эолиане» найдешь лучшую.

Вход в «Эолиан» через переднюю дверь стоил целую медную йоту. Попав внутрь, ты мог оставаться там и слушать столько музыки, сколько душе угодно.

Но плата у дверей еще не давала музыканту права играть в «Эолиане». Музыкант, желавший вступить на сцену заведения, должен был заплатить за эту привилегию один серебряный талант. Что правда, то правда: люди платили, чтобы сыграть в «Эолиане», а не наоборот.

Почему люди платили такую бешеную сумму всего лишь за то, чтобы поиграть на сцене? Ну, некоторые из тех, кто отдавал серебро, просто были богаты и могли потворствовать своим желаниям. Для них талант не казался такими уж большими деньгами, и они рады были выставить себя на столь великолепное обозрение.

Но серьезные музыканты тоже платили. Если твое выступление производило достаточное впечатление на публику и владельцев, тебе давали знак: крошечную многоствольную флейту — ряд серебряных дудочек, которые можно было приколоть на булавку или ожерелье. Талантовые дудочки признавались как отличительный знак в самых приличных трактирах на расстоянии трехсот километров от Имре.

Если у тебя были талантовые дудочки, тебя пускали в «Эолиан» бесплатно и ты мог играть там, когда заблагорассудится.

Единственной обязанностью, которую приносили талантовые дудочки, были выступления. Если ты получал дудочки, тебя могли вызвать играть. Обычно эта ноша не слишком тяготила счастливчиков, поскольку вельможи, часто заходявшие в «Эолиан», нередко дарили музыкантам, которые доставили им особенное удовольствие, деньги или подарки. Своего рода покупка выпивки для скрипача — только высшего класса.

Некоторые музыканты играли почти без надежды получить дудочки. Они платили, чтобы поиграть, потому что никогда не знаешь, кого может сегодня вечером занести в «Эолиан». Иногда хорошее выступление или единственная песня не приносили дудочек, но зато покоряли сердце богатого покровителя.

Покровителя.

— Ни за что не угадаешь, что я слышал, — сказал однажды вечером Симмон, когда мы сидели на нашей скамейке на площади наказаний. Мы были вдвоем, поскольку Вилем строил глазки служанке Анкера. — По вечерам в главном слышат всякие странные звуки.

— Да ну? — Я изобразил полное отсутствие интереса.

Симмон продолжал настойчиво:

— Да. Говорят, это призрак студента, который заблудился в здании и умер там от голода. — Он постучал пальцем по носу, как старый крестьянин, рассказывающий историю. — Говорят, он скитается по коридорам по сей день, но никак не может найти выход.

— А!

— Другие думают, что это злобный дух. Говорят, он мучает животных, особенно кошек. Вот такой звук студенты слышат по вечерам, ближе к ночи: стон кишок замученной кошки. Наверняка страшно.

Я посмотрел на Сима: он был почти готов расхохотаться.

— Не держи в себе, — сказал я ему с насмешливой серьезностью. — Продолжай. Ты заслуживаешь этого за свою проницательность. Даже несмотря на то, что в наши дни никто не использует струны из кишок.

Он фыркнул, довольный собой. Я взял одну из его печенок и начал есть, надеясь, что это даст ему хороший урок смирения.

— Так ты все-таки собираешься?

Я кивнул.

Симмон вздохнул с облегчением.

— Я думал, ты переменил планы. Я не видел тебя с лютней в последнее время.

— Нет необходимости, — объяснил я. — Теперь, когда у меня есть

время заниматься, я могу не хватать по минутке то там, то тут.

Группа студентов проходила мимо, один из них помахал Симмону.

— И когда ты собираешься это сделать?

— В скорбенье, — ответил я.

— Так скоро? — спросил Сим. — Всего два оборота назад ты жаловался, что заржавел. Что, все так быстро вернулось?

— Не все, — признал я. — На все уйдут годы. — Я пожал плечами и положил в рот последнее печенье. — Но уже стало полегче. Музыка больше не замирает в моих руках, она просто... — Я попытался объяснить, но вместо этого пожал плечами: — Я готов.

Честно говоря, я предпочел бы попрактиковаться еще месяц или даже год, прежде чем отдать за просто так целый талант. Но времени не оставалось: четверть почти закончилась. Мне нужны были деньги, чтобы отдать долг Деви и заплатить за следующую четверть. Я больше не мог ждать.

— Ты уверен? — спросил Сим. — Я слушал людей, проигравших талант, и некоторые были настоящие музыканты. В начале этой четверти один старик пел песню про... ну, про женщину, чей муж ушел на войну.

— «В деревенской кузнице», — сказал я.

— Да не важно, — отмахнулся Симмон. — Я говорю, он очень хорошо пел. — Он тревожно посмотрел на меня. — Но дудочек не получил.

Я скрыл свою тревогу под улыбкой.

— Ты ведь не слышал, как я играю?

— Прекрасно знаешь, что нет, — сварливо буркнул он.

Я улыбнулся. Я отказался играть для Вилема и Симмона, пока не наберу практику. Их мнение было почти так же важно для меня, как и мнение владельцев «Эолиана».

— Ну вот, в это скорбенье ты получишь возможность, — поддразнил его я. — Придешь?

Симмон кивнул.

— И Вилем тоже. Если, конечно, не случится землетрясения или кровавого дождя.

Я посмотрел на закат.

— Мне надо идти, — сказал я, вставая. — Мастеру нужна практика.

Сим помахал мне, и я направился в столовую, где просидел довольно долго, ковыряя ложкой бобы и пытаясь прожевать плоский кусок жесткого серого мяса. Уходя, я прихватил с собой маленькую буханку хлеба, поймав несколько вопросительных взглядов от сотрапезников.

Я отправился к себе в комнату и достал лютню из сундука у изножья

кровати. Затем, памятуя о слухах, описанных Симом, я предпринял самый сложный путь на крышу главного корпуса, продребезжав по нескольким водосточным трубам в укромном тупичке. Я не хотел привлекать лишнего внимания к своим вечерним занятиям.

Уже совсем стемнело, когда я добрался до уединенного дворика с яблоней. Свет во всех окнах уже погас. Я посмотрел вниз с края крыши, но не увидел ничего, кроме темноты.

— Аури, — позвал я. — Ты там?

— Ты опоздал, — донесся слегка недовольный ответ.

— Извини, — сказал я. — Хочешь залезть наверх сегодня ночью?

Маленькая пауза.

— Нет, спускайся сюда.

— Сегодня мало луны, — сказал я своим лучшим ободряющим тоном. — Ты уверена, что не хочешь подняться сюда?

В кустах послышался шорох, а затем я увидел, как Аури вскарабкалась по дереву, словно белка. Она пробежала по краю крыши и замерла метрах в четырех от меня.

По моим догадкам, Аури было всего на несколько лет больше, чем мне — и уж точно не более двадцати. Но я превосходил ее ростом сантиметров на тридцать. Обтрепанная одежонка оставляла голыми ее тонкие, как у детей-беспризорников, руки и ноги. Ее щеки запали, и вся она была тощая — частично из-за хрупкого сложения, но не только. Длинные волосы Аури так истончились, что летели за ней по воздуху, как облачко.

Мне потребовалось много времени, чтобы вытащить ее из укрытия. Я заподозрил, что кто-то слушает, как я упражняюсь, но прошло почти два оборота, прежде чем я смог ее увидеть. Поняв, что она едва не умирает от голода, я стал приносить и оставлять ей еду, какую только мог стянуть из столовой. После этого прошел еще оборот, прежде чем она поднялась ко мне на крышу.

В последние несколько дней Аури даже начала говорить. Я ожидал, что она будет угрюмой и подозрительной, но мои опасения не оправдались. Она оказалась ясноглазой и восторженной. При виде ее я все время вспоминал себя в Тарбеане, но на самом деле сходство почти отсутствовало. Аури была безупречно чиста и полна радости.

Она не любила открытого неба, ярких огней и людей. Я предположил, что Аури была когда-то студенткой, но повредила в уме и убежала в подземелья, прежде чем ее успели отправить в Гавань. Я не так уж много знал о ней, потому что она все еще стеснялась и побаивалась меня. Когда я спросил, как ее зовут, она бросилась под землю и не возвращалась

несколько дней.

Поэтому я сочинил ей имя: Аури. Хотя в глубине души я думал о ней как о своей маленькой лунной фее.

Подойдя на несколько шагов ближе, Аури остановилась, подождала, потом снова шагнула вперед. Она проделала так несколько раз, пока не оказалась прямо передо мной. Когда она стояла спокойно, ее волосы ореолом развевались в воздухе. Обе руки она держала перед собой, сжав их под подбородком. Протянув руку, Аури пощупала мой рукав и снова ее отдернула.

— Что ты мне принес? — с восторгом спросила она.

Я улыбнулся.

— А ты что мне принесла? — мягко поддразнил ее я.

Она улыбнулась и протянула руку. Что-то блеснуло в лунном свете.

— Ключ, — гордо сказала Аури, кладя его мне на ладонь.

Я взял ключ. Он приятно оттягивал руку.

— Очень красивый, — сказал я. — А что он открывает?

— Луну, — ответила она серьезно.

— Это должно быть очень поле-е-езно, — протянул я, разглядывая ключ.

— Вот я так и подумала, — сказала Аури. — Значит, если в луне есть дверь, ты можешь ее открыть. — Она села на крышу, скрестив ноги, и усмехнулась мне. — Но не могу сказать, что одобряю такое неосторожное поведение.

Я наклонился и открыл футляр.

— Я принес тебе немного хлеба. — Я передал ей буханку бурого ячменного хлеба, завернутого в кусок салфетки. — И бутылку воды.

— Это тоже очень мило, — благосклонно ответствовала Аури. Бутылка в ее руках казалась огромной. — А что в воде? — спросила она, вытянув пробку и заглядывая внутрь.

— Цветы, — сказал я. — И кусочек луны, которой сегодня нет на небе. Я его тоже туда положил.

— Я уже сказала про луну, — подняв глаза, произнесла она с намеком на укор.

— Ну тогда просто цветы. И отблеск спинки стрекозы. Я хотел кусочек луны, но отблеск синей стрекозы был самым близким, что я смог найти.

Аури наклонила бутылку и отпила глоток.

— Это восхитительно, — сказала она, отбрасывая назад несколько прядей, колышущихся перед ее лицом.

Аури развернула салфетку и начала есть. Она откусывала от буханки

маленькие кусочки и деликатно их жевала, каким-то образом придавая процессу изящный вид.

— Я люблю белый хлеб, — сказала она доверительно между откусываниями.

— Я тоже, — сказал я, садясь напротив. — Когда удастся достать.

Она кивнула и оглянулась на звездное ночное небо и полумесяц луны.

— А еще люблю, когда облака. Но так тоже хорошо. Уютно. Как Подовсё.

— Подовсё? — переспросил я. Она редко бывала так разговорчива.

— Я живу в Подовсё, — просто объяснила Аури. — Оно везде.

— Тебе нравится там, внизу?

Глаза Аури загорелись.

— Святой боже, да! Там чудесно. Можно смотреть вечно. — Она повернулась ко мне. — У меня есть новости, — дразняще сказала она.

— И какие? — спросил я.

Она откусила еще кусочек и прожевала его, прежде чем заговорить.

— Я выходила прошлой ночью, — лукавая улыбка, — на верх всего.

— Правда? — сказал я, не пытаясь скрыть удивление. — И как тебе понравилось?

— Это было чудесно. Я бродила вокруг, — сказала она, явно довольная собой. — Я видела Элодина.

— Магистра Элодина? — переспросил я. Она кивнула. — Он тоже был на верху всего?

Она снова кивнула, жуя.

— А он тебя видел?

Улыбка снова вспыхнула на ее лице, превратив ее в восьмилетнюю девочку из восемнадцатилетней.

— Никто меня не видит. Кроме того, он был занят слушанием ветра. — Она сложила руки чашечкой у рта и издала свистящий звук. — Простой ночью был хороший ветер для слушания, — доверительно добавила она.

Пока я пытался извлечь смысл из того, что она сказала, Аури прикончила свой хлеб и взволнованно захлопала в ладоши.

— Теперь играй! — сказала она, захлебываясь от восторга. — Играй! Играй!

Усмехнувшись, я вытащил лютню из футляра. Я не мог и желать более восторженной публики, чем Аури.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ГДЕ-НИБУДЬ ГОРЕТЬ

— Ты сегодня выглядишь как-то по-другому, — заметил Симмон.
Вилем согласно хмыкнул.

— Я и чувствую себя по-другому, — признался я. — Хорошо, но по-другому.

Мы втроем пылили по дороге в Имре. День стоял теплый и солнечный, и мы особенно не спешили.

— Ты выглядишь... спокойным, — продолжал Симмон, пробегая рукой по волосам. — Чтоб я так чувствовал себя, как ты выглядишь.

— Чтоб я так чувствовал себя, как я выгляжу, — буркнул я.

Симмон не хотел сдаваться.

— Ты выглядишь более твердым. — Он скорчил рожу. — Нет. Скорее... тугим.

— Тугим? — Напряжение выдавило из меня смешок, и я немного расслабился. — Как может человек быть тугим?

— Ну, — он пожал плечами, — будто сжатая пружина.

— Это из-за того, как он себя держит, — сказал Вилем, нарушая обычное задумчивое молчание. — Спина прямая, шея вытянута, плечи назад. — Он тыкал пальцем, иллюстрируя свои слова. — Когда он шагает, вся ступня целиком ставится на землю. Не носок, как будто бы он бежит, не пятка, как будто колеблется. Он ступает твердо, заявляя о своем праве на каждый шаг.

Я на секунду смешался, попытавшись пронаблюдать за собой — бесполезное занятие.

Симмон искоса посмотрел на Вилема.

— Кто-то много общается с Кукловодом?

Вилем легким пожатием плеч выразил согласие и бросил камень в дерево на обочине дороги.

— А кто этот Кукловод, которого вы оба все время упоминаете? — спросил я, чтобы перевести внимание с себя. — Я сейчас помру от любопытства, знаете ли.

— Ты точно можешь помереть, — сказал Вилем.

— Большую часть времени он проводит в архивах, — нерешительно сказал Сим, зная, что касается больной темы. — Трудно будет вас

познакомить с тех пор, как... ну, ты знаешь...

Мы подошли к Каменному мосту, древней арке из серого камня, изогнувшейся над рекой Омети между Университетом и Имре — больше пятидесяти метров от одного берега до другого и подъем метров на двадцать в верхней точке. Каменный мост окружало больше легенд и историй, чем любую другую университетскую достопримечательность.

— Сплюнь на удачу, — настоятельно посоветовал Вилем, когда мы начали подниматься на мост, и сразу же проиллюстрировал собственный совет. Симмон последовал его примеру, плюнув с моста с ребяческой щедростью.

Я чуть не сказал: «Удача здесь ни при чем» — слова магистра Арвила, сурово повторяемые тысячи раз в медике. Я с минуту покатал их на кончике языка, поколебался и тоже плюнул.

«Эолиан» располагался в самом сердце Имре, его передняя дверь выходила на центральную мощеную площадь города. Здесь были скамейки, несколько цветущих деревьев и мраморный фонтан, дробящий до тумана брызги над статуей сатира, преследующего группу полуодетых нимф, чья попытка убежать казалась в лучшем случае притворной. Вокруг слонялись хорошо одетые люди, почти треть их — с каким-нибудь музыкальным инструментом. Я насчитал по меньшей мере семь лютней.

Когда мы подошли к «Эолиану», привратник коснулся края широкополой шляпы и отвесил небольшой поклон. Он был двухметрового роста, сильно загорелый и мускулистый.

— Это будет стоить одну йоту, молодой господин. — Он улыбнулся, когда Вилем отдал ему монету.

Потом он повернулся ко мне все с той же солнечной улыбкой. Посмотрев на футляр моей лютни, он поднял бровь:

— Приятно видеть новое лицо. Вы знаете правила?

Я кивнул и отдал ему йоту.

Он повернулся и указал внутрь помещения:

— Видите стойку? — Было трудно не заметить несколько изогнутых метров красного дерева в дальнем углу зала. — Видите, где конец стойки поворачивает к сцене? — Я кивнул. — Человека на табурете? Если решите побороться за дудочки, он тот, с кем следует поговорить. Звать Станчион.

Мы с ним одновременно отвернулись от зала. Я забросил лютню повыше на плечо.

— Спасибо... — Я сделал паузу, не зная его имени.

— Деоч. — Он снова непринужденно улыбнулся.

Я протянул ему руку во внезапном порыве.

— Деоч значит «пить». Можно, я потом угощу тебя?

Он смотрел на меня долгую секунду, потом рассмеялся — расслабленный счастливый звук, выпрыгивающий прямо из груди, — и сердечно потряс мою руку.

— Буду только рад.

Деоч выпустил мою руку и взглянул мне за спину.

— Симмон, это ты притащил этого молодца?

— На самом деле он меня. — Симмон выглядел немного выбитым из колеи моим кратким обменом любезностями с привратником, но я не мог понять почему. — Не думаю, что кто-нибудь может его куда-нибудь затащить. — Он передал Деочу йоту.

— Охотно верю, — сказал Деоч. — Есть в нем что-то такое, что мне по нраву. Что-то волшебное. Надеюсь, он нам сегодня сыграет.

— Я тоже надеюсь, — сказал я, и мы вошли.

Я оглядел «Эолиан» как можно непринужденней. Приподнятая круглая сцена выходила из стены напротив изогнутой барной стойки из красного дерева. Несколько витых лестниц вели на второй этаж, больше походивший на балкон. Над ним виднелся еще меньший третий этаж, который напоминал высокую антресоль вокруг зала.

Около столиков по всему залу стояли табуреты и стулья, в стенные ниши были утоплены скамьи. Симпатические лампы горели попеременно со свечами, что наполняло зал естественным светом, не портя воздух дымом.

— Вот это было умно проделано. — Голос Симмона звучал нервно. — Тейлу милосердный, предупреждай меня перед новыми трюками, будь любезен.

— А что? — спросил я. — Ты про привратника? Симмон, ты пуглив, как недозрелая шлюшка. Парень проявил дружелюбие. Мне он понравился. Что за беда, если я предложил ему выпить?

— Деоч — хозяин этого заведения, — коротко пояснил Симмон. — И он со страшной силой ненавидит, когда музыканты подлизываются к нему. Два оборота назад он выбросил отсюда парня, пытавшегося дать ему на чай. — Он пристально посмотрел на меня. — Действительно выбросил. Тот почти до фонтана долетел.

— О-хо-хо, — сказал я, совершенно ошарашенный, и украдкой бросил взгляд на Деоча, который обменивался с кем-то шутками у двери. Я увидел, как напряглись и расслабились здоровенные мускулы на его руке, когда он небрежно махнул в сторону улицы. — Он показался тебе недовольным?

— Нет. В этом-то и загадка.

К нам подошел Вилем.

— Если вы двое прекратите тут топтаться и подойдете к столу, я покупаю первую выпивку, лхин? — Мы прошли к столу, выбранному Вилемом, — недалеко от того места, где у стойки сидел Станчион. — Чего желаете выпить? — спросил Вилем, пока мы с Симмоном усаживались, а я ставил футляр на четвертый стул.

— Коричный мед, — не задумываясь, ответил Симмон.

— Девчонка! — с легким укором сказал Вилем и повернулся ко мне.

— Сидр, — сказал я. — Легкий сидр.

— Две девчонки, — вздохнул он и ушел к стойке.

Я кивнул на Станчиона.

— А он что? — спросил я Симмона. — Я думал, это он хозяин.

— Они вместе. Станчион ведаёт музыкальной стороной дела.

— Есть ещё что-нибудь, что мне надо знать о них? — спросил я. Близость катастрофы при знакомстве с Деочем обострила мое беспокойство.

Симмон покачал головой.

— Я слышал, он довольно веселый дядька, но сам никогда с ним не говорил. Не делай глупостей, и все будет в порядке.

— Спасибо, — саркастически сказал я, отодвигая стул и вставая.

Станчион, человек среднего сложения, одетый в красивую темно-зеленую с черным одежду, оказался обладателем круглого бородатого лица и небольшого брюшка, заметного, только когда он сидел. Он улыбнулся и махнул мне, чтобы я подошел. В другой руке он держал впечатляющих размеров пивную кружку.

— Ну, привет, — жизнерадостно сказал он. — Твой вид внушает большие надежды. Собираешься сыграть нам сегодня вечером? — Он вопросительно поднял бровь.

Теперь, подойдя ближе, я заметил, что волосы Станчиона были темно-рыжего цвета.

— Надеюсь, сэр, — ответил я. — Хотя я планировал немного подождать.

— А, конечно. Мы никогда не показываем людям таланты до того, как сядет солнце.

Он сделал паузу, отпив глоток, и, когда он повернул голову, я увидел свисающую с его уха золотую связку дудочек. Вздохнув, Станчион удовлетворенно вытер рот рукавом.

— На чем ты играешь, на лютне?

Я кивнул.

— Уже знаешь, чем собираешься покорить наши сердца?

— Зависит от многого, сэр. Кто-нибудь играл здесь «Песнь о сэре Савиене Тралиарде»?

Станчион поднял бровь и кашлянул. Погладив бороду свободной рукой, он сказал:

— Ну, вообще-то нет. Кто-то пытался ее изобразить пару месяцев назад, но откусил больше, чем смог проглотить. Пропустил пару аккордов и рассыпался. — Он покачал головой. — Короче говоря, нет. Не в последнее время.

Он еще отхлебнул из кружки и задумчиво проглотил, прежде чем заговорить.

— Большинство людей считают, что песня умеренной сложности позволит им показать свой талант во всей красе, — осторожно сказал он.

Я почувствовал недосказанный добрый совет и не обиделся. «Сэр Савиен» — самая сложная песня, которую я когда-либо слышал. Мой отец был единственным в труппе, кто обладал достаточным искусством, чтобы исполнить ее, и я всего четыре или пять раз слышал, как он поет ее перед публикой. Она длилась всего пятнадцать минут, но эти пятнадцать минут требовали быстрой и точной работы пальцев, создававших два голоса одновременно: мелодию и гармонию.

Сложно, но ничего такого, с чем не справился бы искусный лютнист. Однако «Сэр Савиен» был балладой, и вокальная партия вела контрапунктирующую мелодию, которая шла вразрез с лютней. Сложно. Если песня исполнялась как должно, мужчиной и женщиной, поющими куплеты по очереди, то она еще больше осложнялась женской контрапунктирующей партией в припевах. Хорошо исполненная, эта песня рвала сердце. К сожалению, не многие музыканты могли достойно петь и играть посреди такой музыкальной бури.

Станчион отпил очередной внушительный глоток из своей кружки и вытер бороду рукавом.

— Ты поешь один? — спросил он. Несмотря на скрытое предупреждение, он явно радовался. — Или ты привел кого-то петь с тобой? Разве один из тех пареньков, с которыми ты пришел, — кастрат?

Я подавил смешок, представив Вилема в роли сопрано, и покачал головой.

— У меня нет друзей, которые могут спеть это. Я собирался повторить третий припев два раза, чтобы кто-нибудь смог спеть за Алойну.

— Стиль бродячих артистов? — Он серьезно посмотрел на меня. — Сынок, не мне бы это говорить, но ты действительно хочешь попробовать

заработать дудочки с кем попало, с кем ты даже не репетировал?

Его слова убедили меня, что он хорошо понимает, насколько это тяжело.

— А сколько талантов здесь будет сегодня, примерно?

Он быстро подумал:

— Примерно? Восемь. Может, десяток.

— Значит, по всей вероятности, будет не меньше трех женщин, уже получивших дудочки?

Станчион кивнул, с любопытством глядя на меня.

— Отлично, — солидно сказал я. — Если то, что мне рассказывали, — правда и только настоящие мастера могут заработать дудочки, тогда одна из этих женщин обязательно знает партию Алойны.

Станчион сделал еще один неторопливый глоток, оглядывая меня поверх кружки. Когда он наконец ее поставил, то забыл вытереть бороду.

— А ты гордый? — прямо спросил он.

Я оглядел зал.

— Разве это не «Эолиан»? Я слышал, здесь гордые платят серебро, а играют золото.

— Это мне нравится, — раздумчиво произнес Станчион. — Играют золото. — Он брякнул кружкой о стойку, вызвав маленькое извержение пенного гейзера. — Все демоны, парень! Надеюсь, ты на самом деле так хорош, как о себе думаешь. Мне бы пригодился здесь кто-нибудь с огнем Иллиена.

Он пробежался рукой по волосам, подчеркивая двойной смысл.

— Надеюсь, это место на самом деле так хорошо, как все считают, — искренне сказал я. — Мне нужно где-нибудь гореть.

— Он не вышвырнул тебя, — выпалил Симмон, когда я вернулся к столу. — Значит, все не так плохо.

— Думаю, все хорошо, — с тревогой сказал я. — Но не уверен.

— Как ты-то можешь не знать? — возразил Симмон. — Я видел, как он смеялся. Это наверняка означает хорошее.

— Не обязательно, — сказал Вилем.

— Пытаюсь вспомнить все, что я ему наговорил, — признался я. — Иногда мой рот начинает болтать сам с собой, а ум потом догоняет.

— Это часто бывает? — спросил Вилем с одной из своих редких спокойных улыбок.

Их поддразнивания немного успокоили меня.

— Все чаще и чаще, — ухмыльнулся я.

Мы пили и шутили о мелочах, болтали о магистрах и редких студентках, которые привлекли наше внимание. Мы обсудили, кто нам в Университете нравится, но куда дольше перебивали кости тем, кого не любили, красочно расписывая причины нелюбви и кару, которую мы обрушим на этих злодеев, как только представится возможность. Такова уж человеческая натура.

Время шло, «Эолиан» медленно наполнялся людьми. Симмон сдался на поддразнивания Вилема и перешел на скаттен — крепкое черное вино из предгорий Шальды, чаще называемое косорез.

Его действие сказалось практически немедленно: Симмон начал улыбаться шире, смеяться громче и заерзал на стуле. Вилем оставался все таким же немногословным. Я купил следующий круг выпивки, заказав всем троим по большой кружке крепкого сидра. Я ответил нахмутившемуся Вилему, что если получу сегодня дудочки, то отправлю его плыть в косорезе до самого дома, но если кто-нибудь из них напьется до моего выступления, я лично его побью и столкну в реку. Они сразу притормозили и принялись сочинять непристойные куплеты для «Лудильщика да дубильщика».

Я отстранился от них, погрузившись в раздумья. На переднем плане моего разума крутилась мысль, что недосказанный Станчионом совет, возможно, заслуживает внимания. Я попытался придумать другую песню, которую мог бы исполнить: в меру трудную, чтобы показать мое искусство, и в меру легкую, чтобы проявить артистизм.

Голос Симмона вернул меня к реальности.

— Ну давай, у тебя ж со стихами хорошо... — теребил он меня.

Я прокрутил в уме последний кусочек их разговора, который слушал вполуха.

— Попробуй «В тейлинской рясе», — предложил я без всякого интереса.

Я слишком волновался, чтобы начать объяснять, что одним из пороков моего отца была склонность к непристойным стишкам.

Они радостно зафыркали, довольные собой, пока я пытался придумать другую песню. Когда Вилем снова оторвал меня от раздумий, я так еще ничего и не решил.

— Что?! — раздраженно рявкнул я и увидел тусклый взгляд Вилема — такой появлялся, когда ему что-то очень сильно не нравилось. — Что? — повторил я более спокойно.

— Некто, кого мы все знаем и любим, — мрачно сказал он, кивая в направлении двери.

Я не заметил там никого знакомого. «Эолиан» был почти полон, и больше сотни людей бродили по первому этажу туда-сюда. Через открытую дверь я увидел, что на улице уже стемнело.

— Он спиной к нам. Отрабатывает свой сальный шарм на даме, которая его, должно быть, не знает... Справа от толстого джентльмена в красном, — обратил мое внимание Вилем.

— Сукин сын, — сказал я, слишком ошеломленный для настоящего сквернословия.

— А я всегда считал его происхождение свинским, — сухо заметил Вилем.

Симмон оглядывался, мигая, как сова.

— Что? Кто там?

— Амброз.

— Господни яйца, — вздохнул Симмон, сгорбившись за столом. — Как раз то, что мне сейчас нужно. Вы двое разве еще не упокоились?

— Я-то готов оставить его в покое, — запротестовал я. — Но всякий раз, как мы встречаемся, он не может меня не уколоть.

— Чтобы спорить, нужны двое, — сказал Симмон.

— Черта с два! — возразил я. — Мне не важно, чей он сын. Я не собираюсь падать на спину, как пугливый щенок. Если он достаточно глуп, чтобы тыкать в меня пальцем, я откушу ему палец. — Я перевел дыхание, чтобы успокоиться, и попытался говорить разумно: — В конце концов до него дойдет, что меня лучше оставить в покое.

— Можешь просто не обращать на него внимания, — сказал Симмон удивительно трезво. — Просто не клюй на его приманку, ему скоро надоест, и он перестанет.

— Нет, — серьезно сказал я, глядя Симмону в глаза. Временами мой друг бывал ужасно наивным. — Он не перестанет. Как только Амброз почувствует слабость, он насядет на меня вдвое сильнее, чем раньше. Я таких типов знаю.

— Он идет, — заметил Вилем, небрежно отворачиваясь.

Амброз заметил меня, прежде чем перешел на нашу сторону зала. Наши глаза встретились, и стало ясно, что он не ожидал меня здесь увидеть.

Он что-то сказал одному из своих вечных прихлебателей, и они двинулись через толпу в другом направлении, чтобы занять столик. Взгляд Амброза перескакивал с меня на Вилема, на Симмона, на мою лютню и снова на меня. Потом он повернулся и пошел к столику, занятому его друзьями. Прежде чем сесть, он снова глянул в мою сторону.

Он даже не улыбнулся, и я понял, что меня это нервирует. Раньше Амброз всегда мне улыбался — преувеличенно печальной театральной улыбкой, пряча насмешку в глазах.

Тут я заметил нечто, встревожившее меня еще больше: он принес жесткий квадратный футляр.

— Амброз играет на лире?! — спросил я в пространство.

Вилем пожал плечами. Симмон смутился.

— Я думал, ты знаешь, — проямлил он.

— Вы видели его с лирой раньше? — спросил я. Сим кивнул. — Он играл?

— Декламировал, на самом деле. Стихи. Он декламировал и подбренькивал на лире.

Симмон выглядел как кролик, ищущий, куда бы улизнуть.

— Он получил дудочки? — мрачно спросил я.

Я решил, что если Амброз стал членом этой группы, то я не хочу иметь с ней ничего общего.

— Нет, — пискнул Симмон. — Он пытался, но...

Он умолк, а в глазах появилась какая-то затравленность.

Вилем успокаивающе положил ладонь на мою руку. Я глубоко вздохнул и попробовал расслабиться, закрыв глаза.

Понемногу я понял, что все это не имеет значения — в крайнем случае, поднимает ставку на сегодняшний вечер. Амброз никак не сможет испортить мою игру. Ему придется смотреть и слушать. Слушать, как я играю «Песнь о сэре Савиене Тралиарде», потому что теперь вопрос о том, что мне исполнять сегодня вечером, отпал сам собой.

Вечернее мероприятие открыл музыкант из толпы, завоевавший дудочки. Он вышел с лютней и показал, что может играть так же хорошо, как любой из эдема руэ. Вторая его песня была еще лучше, я ее раньше никогда не слышал.

Потом был перерыв минут в десять перед тем, как другого одаренного талантом музыканта позвали на сцену петь. Этот человек играл на многоствольной тростниковой флейте — лучше, чем кто-либо из слышанных мной. Он продолжил выступление прилипчивой хвалебной песнью в миноре. Без инструмента — только чистый голос, взлетающий и опадавший, как пение дудочек, на которых он играл до этого.

Я был рад обнаружить, что искусство здешних музыкантов подтверждает слухи. Но беспокойство мое росло пропорционально радости. Мастерству место только рядом с мастерством. Если бы я не

решил заранее играть «Песнь о сэре Савиене Тралиарде», эти выступления убедили бы меня.

Затем наступил следующий перерыв в пять или десять минут. Я понял, что Станчион нарочно создает паузы, чтобы дать публике возможность походить и поговорить между песнями. Этот человек знал свое дело. Я подумал, не играл ли он когда-нибудь в труппе.

Потом была первая попытка вечера: Станчион вывел на сцену и представил публике бородача лет тридцати. Он играл на флейте, и играл отменно. Две коротенькие песни из тех, что он исполнил, я знал, а третья была незнакомой. Всего он играл около двадцати минут, и я заметил только одну маленькую ошибку.

После аплодисментов флейтист остался на сцене, а Станчион отправился бродить среди публики, собирая мнения. Мальчик-слуга принес флейтисту стакан воды.

Наконец Станчион снова вышел на сцену. Зал утих, когда владелец заведения подошел к флейтисту и торжественно пожал ему руку. Лицо музыканта слегка вытянулось, но он выдавил болезненную улыбку и кивнул публике. Станчион проводил его со сцены и поднес ему высокую кружку с каким-то напитком.

Следующей показывала свой талант девушка — золотоволосая и богато одетая. После того как Станчион представил ее, она запела голосом столь ясным и чистым, что я ненадолго позабыл о своих тревогах и совершенно погрузился в ее песню. На несколько благословенных мгновений я забыл себя и мог только слушать.

Но ее выступление закончилось слишком быстро, оставив нежность в моей груди и легкое покалывание в глазах. Симмон тихонько шмыгнул носом и стыдливо вытер лицо.

Потом девушка спела вторую песню, аккомпанируя себе на полуарфе. Я пристально наблюдал за ней, и, должен признать, не только из-за ее музыкальных способностей. Ее волосы золотились, как спелая пшеница. Со своего места в десяти метрах от сцены я видел прозрачную синеву ее глаз. Гладкие руки с маленькими изящными кистями быстро порхали по струнам. А то, как она держала арфу между коленями заставляло меня думать о... ну, о том, о чем каждый пятнадцатилетний мальчишка думает постоянно.

Голос певицы звучал столь же прекрасно, как и в первой песне, — так, чтобы вызывать сердечную боль. Но, к сожалению, ее игра не могла тягаться с голосом. В середине второй песни она взяла несколько неверных нот, запнулась, но потом, выправившись, закончила выступление.

На этот раз Станчион ходил по залу дольше. Он прошел по всем трем этажам «Эолиана», поговорил с каждым — молодым и старым, музыкантом и нет.

Я заметил, как Амброз поймал взгляд девушки на сцене и послал ей улыбку, которая мне казалась отвратительной, а женщинам — очаровательной. Затем, отлепившись от девушки, взгляд его переполз к нашему столику, и глаза наши встретились. Его улыбочка поблекла, и долгую минуту мы просто смотрели друг на друга, не меняясь в лице. Ни один из нас не улыбнулся насмешливо и не произнес губами какое-нибудь пустое оскорбленье. Но за эту минуту тлеющая вражда снова вспыхнула. Не могу точно сказать, кто первым отвел взгляд.

Примерно через пятнадцать минут собрания мнений Станчион снова взобрался на сцену. Он подошел к золотоволосой девушке и пожал ей руку, как и предыдущему музыканту. Лицо ее омрачилось — так же, как и у того. Станчион свел ее со сцены и поднес ей какой-то напиток — я предположил, что это здесь обычное утешение.

Сразу же после этой неудачи вышел другой даровитый музыкант, игравший на скрипке — великолепно, как и двое до него. Потом Станчион вывел на сцену пожилого мужчину, который вроде собирался побороться за дудочки. Однако аплодисменты, встретившие его, намекали, что он так же популярен, как любой из признанных музыкантов, игравших до него.

Я пихнул Симмона.

— Кто это? — спросил я, пока седобородый настраивал свою лиру.

— Трепе, — шепнул мне Симмон. — На самом деле, граф Трепе. Он здесь играет все время, многие годы. Великий покровитель искусств. Он давно перестал бороться за дудочки, теперь просто играет. Все его любят.

Трепе начал играть, и я тут же понял, почему он так и не получил своих дудочек. Его голос срывался и дрожал, когда он щипал струны лиры. Ритм гулял, и трудно было понять, где он берет неверную ноту. Песня, похоже, была его собственного сочинения, довольно откровенный рассказ о привычках какого-то местного дворянчика. И несмотря на недостаток классической художественной ценности, я обнаружил, что смеюсь вместе с остальной публикой.

Когда граф закончил, раздались громоподобные аплодисменты, некоторые слушатели даже колотили по столам и топали ногами. Станчион сразу поднялся на сцену и пожал графскую руку, но Трепе вовсе не выглядел огорченным. Станчион восторженно похлопал его по спине и провел к стойке.

Время пришло. Я встал и взял лютню.

Вилем похлопал меня по руке. Симмон ухмыльнулся, пытаясь скрыть, что едва не сходит с ума от дружеского беспокойства. Я молча кивнул каждому и прошел к пустому табурету Станчиона в конце стойки, где она загибалась к сцене.

В кармане я нащупал серебряный талант, толстый и тяжелый. Какая-то иррациональная часть меня хотела стиснуть его покрепче, оставить на потом. Но я знал, что через несколько дней один талант мне не поможет. С талантовыми дудочками я смогу заработать на жизнь, играя в местных трактирах. Если мне повезет привлечь внимание покровителя, я смогу получить достаточно, чтобы покрыть свой долг Деви и оплатить обучение. Так что я должен был пойти на этот риск.

Станчион просеменил к своему месту за стойкой.

— Я пойду следующим, сэр. Если вы не возражаете.

Я надеялся, что не выгляжу таким взвинченным, каким себя чувствовал. Лютня скользила в моих вспотевших ладонях.

Он улыбнулся мне и кивнул.

— У тебя хороший глаз на публику, мальчик. Она созрела для печальной песни. Все еще планируешь сыграть «Савиена»?

Я кивнул.

Он сел и сделал глоток.

— Ну ладно, давай дадим им пару минут, чтобы перекипеть и кончить болтовню.

Снова кивнув, я прислонился к стойке, поглощенный бессмысленным беспокойством о том, над чем был не властен. Один из колков на моей лютне болтался, а у меня не было денег починить его. На сцене до сих пор не побывала ни одна одаренная женщина. Я почувствовал укол тревоги при мысли о том, что вдруг это единственный вечер, когда в «Эолиане» собрались только признанные музыканты-мужчины или женщины, которые не знают партии Алойны.

Казалось, прошло мгновение, прежде чем Станчион встал и вопросительно поднял бровь, обращаясь ко мне. Я кивнул и поднял футляр с лютней; внезапно он показался мне ужасно потертым. Мы взошли на сцену.

Как только моя нога коснулась сцены, зал утих до шепотков. В ту же минуту тревога покинула меня, выгорела под вниманием публики. У меня всегда так: перед выходом я волнуюсь и потею — на сцене я спокоен, как безветренная зимняя ночь.

Станчион убедил всех считать меня кандидатом в борьбе за приз. Его слова имели успокаивающий ритуальный привкус. Когда он указал на меня,

не раздалось фамиллярных аплодисментов, только выжидающая тишина. Мгновенной вспышкой я увидел себя так, как меня видела публика. Одет не так хорошо, как другие, — всего один шаг до лохмотьев. Юн, почти ребенок. Я чувствовал любопытство публики — оно располагало людей ко мне.

Я позволил ему нарастать, неторопливо открывая старый потрепанный футляр и доставая старую потрепанную лютню. Внимание публики обострилось при виде моего непритязательного инструмента. Я взял несколько коротких аккордов, коснулся колков, чуть-чуть подкрутил их. Сыграл еще несколько простых аккордов, пробуя их на вкус, прислушиваясь, — и удовлетворенно кивнул.

Огни, горящие на сцене, делали остальной зал едва различимым. Мне казалось, на меня смотрит тысяча глаз. Симмон и Вилем, Станчион у стойки, Деоч у двери. Я почувствовал легкое покалывание в желудке, когда увидел Амброза, наблюдающего за мной: он походил на уголь, готовый вспыхнуть.

Я отвернулся от него и увидел бородача в красном, графа Трепе, пожилую пару, держащуюся за руки, прелестную темноглазую девушку...

Моя публика. Я улыбнулся им. Улыбка сделала их еще чуть ближе ко мне, и я запел:

Замрите! Сядьте! Ибо этой песни
Искать вы тщетно будете чудесней.
Достигли совершенств игра и пенье
В сем Иллиена мастерском творенье
О жизни Савиена и Алойны —
Той девы, кою пожелал он в жены.

Я позволил волне шепотков пробежать по толпе. Те, кто знал эту песню, тихо удивленно воскликнули, а незнающие спрашивали соседей, о чем шум.

Я опустил пальцы на струны и снова обратил внимание на себя. Зал утих, и я начал играть.

Музыка лилась из меня легко, лютня звучала как второй голос. Мои пальцы запорхали быстрее, и лютня подхватила и третий голос. Я пел горделивую мощную партию Савиена Тралиарда, величайшего из амир. Публика дышала вместе с музыкой, как трава под ветром. Я пел за сэра Савиена и чувствовал, как слушатели начинают любить и бояться меня.

Я так привык репетировать эту песню в одиночку, что чуть не забыл удвоить третий припев. Но в последний момент, со вспышкой холодного пота, я вспомнил. На этот раз я пел, глядя на публику, надеясь, что в конце концов услышу голос, отвечающий мне.

Я дошел до конца припева перед первым куплетом Алойны. Я жестко взял первый аккорд и подождал, пока звук его начнет утихать, так и не вызвав голоса из публики. Я спокойно посмотрел на них, ожидая. С каждой секундой все большее облегчение мешалось во мне со все большим разочарованием.

Затем на сцену выплыл голос, мягкий, как касание перышка, поющий...

О Савиен, откуда знать ты мог,
Когда ко мне прийти?
О Савиен, ты помнишь ли
Как наши дни беспечно шли?
Смогло ли сердце удержать
То, что так живо в памяти?

Она пела за Алойну, я за Савиена. На припевах ее голос вился вокруг моего, сплетаясь и сливаясь с ним. Часть меня жаждала высмотреть ее среди публики, найти лицо женщины, с которой я пою. Один раз я попытался, но мои пальцы запнулись, пока я искал лицо, которое могло бы подойти прохладному лунному голосу, вторившему мне. Отвлечшись, я взял неверную ноту, и в музыке возник сбой.

Маленькая ошибка. Я стиснул зубы и сосредоточился на игре, отбросив любопытство, и даже склонил голову, чтобы смотреть на пальцы, не позволяя им соскользнуть и промахнуться.

И мы пели! Ее голос — как горящее серебро, мой — как ответное эхо. Савиен выводил веские мощные строки, похожие на ветви древнего, словно камень, дуба. Алойна звучала как соловей, стремительно кружащий близ этих горделивых ветвей.

Теперь я смутно ощущал публику и так же смутно — пот на теле. Я так глубоко ушел в музыку, что не могу сказать, где она закончилась и началась моя кровь.

Но музыка остановилась. За два куплета до конца песни наступил конец. Я взял первый аккорд куплета Савиена и услышал резкий звук, выдернувший меня из музыки, как рыбу из омута.

Порвалась струна. Она отскочила из-под самой головки грифа и ударила меня по тыльной стороне руки, оставив тонкую яркую полосу крови.

Я тупо смотрел на нее. Она не могла порваться. Ни одна из струн еще не изнасилась так, чтобы порваться. Но это случилось, и последние ноты песни угасали в тишине — а я почувствовал, что публика зашевелилась. Они начали пробуждаться ото сна наяву, который я соткал для них из нитей песни.

В тишине я почувствовал, как все разваливается, публика пробуждается, не досмотрев сна, вся моя работа разрушена, потеряна зря. И все равно во мне, внутри, горела песня. Эта песня!

Не думая, что делаю, я снова поставил пальцы на струны и ушел глубоко в себя. В те былые годы, когда мозоли на моих пальцах были тверже камня, а музыка лилась легко, как дыхание. Назад, в то время, когда я играл звук «ветра, играющего листком» на лютне с шестью струнами.

И я начал играть. Медленно, а потом все быстрее мои руки вспоминали. Я собирал разбегающиеся нити песни и осторожно сплетал их вновь — в то, чем они были секундой раньше.

Это не было совершенным. Ни одну песню, столь сложную, как «Сэр Савиен», невозможно сыграть идеально на шести струнах вместо семи. Но она была целой, и под мою игру публика вздохнула, поерзала и вновь подпала под действие чар, сплетенных мной для нее.

Я едва осознавал, что вокруг есть люди, а через минуту и вовсе позабыл о них. Мои руки плясали, потом бежали, потом слились со струнами в одно расплывчатое пятно, когда я изо всех сил старался удержать два голоса лютни, поющие вместе с моим собственным. Потом, даже глядя на руки, я забыл о них; я забыл про все, кроме песни.

Припев — и снова вступила Алойна. Для меня она была не живым человеком и даже не голосом — она была частью песни, пылающей песни, которая вырывалась из меня.

А потом песня закончилась. Поднять голову и оглядеть зал было все равно что вынырнуть на поверхность и глотнуть воздуха. Я пришел в себя и обнаружил, что рука моя кровоточит, а сам я весь мокрый от пота. Затем окончание песни ударило меня, как кулак в грудь, — так всегда случалось, где и когда бы я ни слушал ее.

Я спрятал лицо в ладонях и зарыдал. Не из-за порвавшейся струны и возможности провала. Не из-за крови и пораненной руки. Я даже не оплакивал того мальчика, который учился играть на шестиструнной лютне в лесу годы назад. Я плакал о сэре Савиене и Алойне, о любви утраченной

и обретенной — и вновь утраченной; я плакал над жестокой судьбой и человеческой глупостью. На какое-то время я утонул в своем горе и не ведал ничего вокруг.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ГРОМ И ПЛАМЯ

Я пребывал в скорби по Савиену и Алойне всего несколько секунд. Понимая, что я все еще на сцене, я взял себя в руки и выпрямился на стуле, чтобы взглянуть на мою публику. Мою молчаливую публику.

Музыка иначе звучит для того, кто ее играет. Это проклятие музыкантов. Пока я смотрел на зал, симпровизированный конец песни начал блекнуть в моей памяти. Затем пришло сомнение: что, если песня не стала снова целой, как казалось мне? Что, если мой финал не донес ужасную трагедию ни до кого, кроме меня? Что, если мои слезы показались всего лишь реакцией ребенка на собственный провал?

Потом, все еще ожидая, я услышал, как от людей струится тишина. Публика была тиха, напряжена и плотно сжата, словно песня обожгла их сильнее пламени. Каждый держался за свое раненое сердце, стискивая боль, как величайшую драгоценность.

И вдруг пробежал шепоток высвобожденных и сдерживаемых рыданий. Вдох слез. Шорох тел, медленно выходящих из оцепенения.

И аплодисменты. Рев — как стена огня, как гром после молнии.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ПОКРОВИТЕЛИ, ДЕВЫ И МЕДЕГЛИН

Я менял струну на лютне — прекрасный способ отвлечься, пока Станчион собирает мнения по залу. Мои руки привычно снимали порванную струну, но сам я чуть с ума не сходил от беспокойства. Теперь, когда аплодисменты стихли, вернулись мучительные сомнения. Достаточно ли одной этой песни, чтобы доказать мое мастерство? Что, если публика реагировала на мощь самой песни, а не на мое исполнение? Что с импровизированным финалом? Вдруг музыка казалась цельной только мне...

Сняв порванную струну, я рассеянно оглядел ее, и все мои мысли смешались в кучу.

Струна не была изношена или плоха, как я думал. Оборванный конец оказался ровным, словно его перерезали ножом или перекусили щипцами.

С минуту я просто тупо смотрел на нее. Мою лютню испортили? Невозможно. Я никогда не выпускал ее из виду. Кроме того, я проверил струны, уходя из Университета, и еще раз перед выходом на сцену. Но что же тогда?

Мысли кругами носились в моей голове, когда я заметил, что толпа притихла. Я вовремя поднял глаза, увидел Станчиона, делающего последний шаг на сцену, и поспешно встал ему навстречу.

Его лицо было довольным, но совершенно непроницаемым. Пока Станчион шел ко мне через сцену, мой желудок успел завязаться узлом, поскольку хозяин «Эолиана» протягивал мне руку точно так же, как предыдущим двум музыкантам, ожидавшим награды.

Я выдавил из себя самую лучезарную улыбку и протянул руку в ответ. Я, сын своего отца и прирожденный актер, собирался принять отказ со всем достоинством эдема руэ. Земля треснет и поглотит это роскошное напыщенное заведение, прежде чем я выкажу хотя бы тень отчаяния.

А где-то за мной наблюдает Амброз. Земля может поглотить «Эолиан», Имре и целое Сентийское море, прежде чем я подарю ему хоть крупицу удовольствия.

Поэтому я широко улыбнулся и пожал руку Станчиона — и тут что-то вдавилось мне в ладонь. Глянув вниз, я увидел блеск серебра: талантовые дудочки.

Вероятно, на мое лицо было приятно посмотреть. Я поднял взгляд на Станчиона. Он подмигнул мне, его глаза искрились весельем.

Я повернулся и поднял дудочки выше, чтобы их увидели все. «Эолиан» опять взревел, и рев этот прозвучал приветствием и признанием.

— Ты должен мне пообещать, — серьезно сказал красноглазый Симмон, — что никогда не будешь играть эту песню, не предупредив меня заранее. Никогда.

— А что, так плохо получилось? — Я немного безумно улыбнулся ему.

— Нет! — Симмон почти выкрикнул это. — Она... Я никогда... — Он попытался сдержаться, секунду молчал, а затем уронил голову и безнадежно зарыдал, закрыв лицо руками.

Вилем покровительственно обнял Симмона, и тот, не стыдясь, припал к его плечу.

— У нашего Симмона нежное сердце, — сказал Вилем мягко. — Наверное, он хотел сказать, что ему очень понравилось.

Я заметил, что уголки глаз Вилема тоже немного покраснели. Я положил ладонь на спину Симмона.

— В первый раз, как я ее услышал, она поразила меня так же, — честно сказал я ему. — Мои родители исполняли ее на празднике Середины Зимы, когда мне было девять, и я часа на два после этого совсем расклеился. Им пришлось убрать мою роль в «Свинопасе и соловушке», потому что я был совершенно не в форме, чтобы выступать.

Симмон кивнул и сделал жест, подразумевающий, что он в порядке, но не стоит ожидать от него разговоров в ближайшее время, так что мне лучше заняться чем-нибудь другим.

Я посмотрел на Вилема.

— Я и забыл, что на некоторых людей эта песня так действует, — запинаясь, пробормотал я.

— Рекомендую скаттен. — Вилем перешел прямо к делу. — Косорез, если вы настаиваете на этой вульгарщине. Но я, кажется, припоминаю, что ты обещал нас сплавить на косорезе до дому, если получишь дудочки. Может быть, зря, потому что я случайно надел свои свинцовые выпивальные башмаки.

За моей спиной хохотнул Станчион:

— А это, видимо, два друга-некастрата?

Симмон был так удивлен, что его назвали некастратом, что почти сразу пришел в себя и вытер нос рукавом.

— Вилем, Симмон, это Станчион.

Симмон кивнул. Вилем изобразил небольшой чопорный поклон.

— Станчион, вы можете провести нас к бару? Я обещал их напоить.

— На, — поправил Вилем. — Напоить.

— Простите, напоить. — Я подчеркнул приставку. — Меня бы здесь не было, если бы не они.

— А! — ухмыльнулся Станчион. — Покровители, я правильно понимаю?

Кружка победителя оказалась такой же, как и утешительная. Она ждала меня, когда Станчиону наконец удалось провести нас через толпу к местам у стойки. Он даже настоял на том, чтобы купить скаттен Симмону и Вилему, сказав, что покровители тоже имеют некоторое право на трофеи победителя. Я сердечно поблагодарил его от имени моего быстро пустеющего кошелька.

Пока мы ждали, когда принесут их выпивку, я попытался из любопытства заглянуть в свою кружку и обнаружил, что, пока она стоит на стойке, мне для этого потребуются встать на табурет.

— Медеглин, — проинформировал Станчион. — Попробуй, а поблагодарить меня можешь и потом. Там, откуда я родом, говорят, что человек из гроба встанет — только бы отведать его.

Я приподнял воображаемую шляпу.

— К вашим услугам.

— К вашим и вашей семьи, — вежливо ответил он.

Я сделал глоток из высокой кружки, чтобы дать себе возможность собраться с мыслями, — и нечто чудесное произошло у меня во рту. Холодный поток меда, гвоздика, кардамон, корица, давленный виноград, печеное яблоко, сладкая груша и чистая колодезная вода — это все, что я могу сказать о медеглине. Если вы его не пробовали, тогда жаль, что я не могу описать его в совершенстве. Если пробовали — я вам не нужен, вы и так не забудете, каков он.

Я с облегчением увидел, что косорез принесли в стаканчиках весьма умеренного размера — и еще один для Станчиона. Если бы мои друзья получили по целой кружке черного вина, мне бы понадобилась тачка, чтобы отвезти их на ту сторону реки.

— За Савиена! — предложил Вилем.

— Вот это правильно! — сказал Станчион, поднимая свой стакан.

— Савиен... — умудрился выговорить Симмон; его голос звучал как подавленное рыдание.

— ...и Алойна, — добавил я, с трудом маневрируя здоровенной

кружкой, чтобы чокнуться с ними.

Станцион выпил свой скаттен с небрежностью, заставившей мои глаза заслезиться.

— Итак, — сказал он. — Прежде чем покинуть тебя на милость и лезть поклонников, хочу спросить. Где ты этому научился? Я имею в виду, играть без струны.

Я подумал секунду.

— Вы хотите коротко или длинно?

— Пока давай коротко.

Я улыбнулся.

— Ну, в таком случае я просто этим занимался. — Я сделал небрежный жест, словно отгоняя что-то. — Следы моей непрожитой юности.

Станцион бросил на меня долгий заинтересованный взгляд.

— Хорошо, длинную версию я послушаю в следующий раз. — Он глубоко вздохнул и оглядел зал, его золотая серьга закачалась и блеснула. — Иду мешаться с толпой. Не дам им наброситься на тебя всем сразу.

Я усмехнулся с облегчением:

— Спасибо, сэр.

Он покачал головой и махнул человеку за стойкой. Тот тут же вручил ему кружку.

— Чуть раньше «сэр» был хорош и уместен. Но сейчас — «Станцион». — Он оглянулся на меня, я улыбнулся и кивнул. — А как называть тебя?

— Квоут, — сказал я. — Просто Квоут.

— За Просто Квоута! — поднял стакан Вилем позади меня.

— И Алойну, — добавил Симмон и тихонько заплакал в сгиб локтя.

Граф Трепе подошел ко мне одним из первых. Вблизи он оказался меньше ростом и старше. Но глаза его горели, он говорил о моей песне с восторженным смехом.

— А потом она порвалась! — восклицал он, буйно жестикулируя. — И все, о чем я мог думать: «Не сейчас! Только не перед финалом!» Но я увидел кровь на твоей руке, и внутри у меня все перевернулось. Ты посмотрел на нас, потом на струны, а вокруг становилось все тише и тише. Потом ты снова поставил пальцы на струны, и я подумал: «Храбрый мальчик. Слишком храбрый. Он не знает, что не сможет спасти испорченную песню на испорченной лютне». Но ты смог!

Он рассмеялся, словно я славно подшутил над всем миром, и тут же изобразил ногами чечетку.

Симмон, переставший плакать и уже плывущий к блаженному опьянению, засмеялся вместе с графом. Вилем, казалось, не зная, чего ожидать от этого человека, серьезно наблюдал за ним.

— Ты как-нибудь должен сыграть у меня дома, — сказал Трепе и быстро поднял руку. — Мы не будем говорить об этом сейчас — не стану отнимать ваш вечер. — Он улыбнулся. — Но прежде чем я уйду, я должен задать тебе один последний вопрос. Сколько лет провел Савиен у амир?

Мне не надо было раздумывать над этим.

— Шесть. Три года доказывал, что он достоин быть с ними, и три тренировался, учился.

— Шесть кажется тебе хорошим числом?

Я не понимал, к чему он ведет.

— Шесть — не совсем удачное число, — уклончиво ответил я. — Если бы я искал счастливое число, я бы увеличил до семи. — Я пожал плечами. — Или спустился до трех.

Трепе обдумал это, постукивая по подбородку.

— Ты прав. Но шесть лет с амир означают, что он вернулся к Алойне на седьмой год.

Он запустил руку в карман и вытащил оттуда пригоршню монет по меньшей мере трех разных стран. Он отобрал из кучки семь талантов и впихнул их в мою удивленную руку.

— Мой господин, — забормотал я, — я не могу взять ваши деньги.

Меня удивили не сами деньги, а количество.

Трепе смешался:

— А почему нет?

Я открыл рот и — редкий случай — на секунду лишился дара речи.

Трепе хмыкнул и закрыл мою ладонь над монетами.

— Это не плата за игру. Ну, конечно, и она, но в большей мере это для того, чтобы ты продолжал тренироваться, становиться лучше. На благо музыки. — Он пожал плечами. — Понимаешь, лаврам нужен дождь, чтобы расти. Я слишком мало могу сделать для этого. Но я могу прикрыть от дождя головы нескольких музыкантов, правда? — Робкая улыбка выползла на его лицо. — Так что о лаврах позаботится бог и намочит их. А я позабочусь о музыкантах и буду их прятать от дождя. А уж когда свести вас вместе, решат умы лучшие, чем мой.

Я молчал целую минуту.

— Думаю, вы куда мудрее, чем считаете себя.

— Ну, — сказал Трепе, пытаясь скрыть удовольствие, — лучше не будем об этом рассказывать, а то люди начнут ожидать от меня великих дел и дум.

Он повернулся, и толпа быстро поглотила его.

Я сунул семь талантов в карман и почувствовал, как огромная тяжесть свалилась с моих плеч. Это было как отмена казни. Возможно, буквально — потому что я не имел ни малейшего представления, как Деви может принудить меня заплатить долг. Впервые за два месяца я вздохнул свободно. Прекрасное ощущение.

После того как Трепе покинул нас, подошел один из одаренных музыкантов с комплиментами. Его сменил сильдийский ростовщик, который пожал мне руку и предложил купить мне выпивку.

Потом подошел дворянин невысокого ранга, еще один музыкант и очаровательная юная леди — я подумал, что она может быть моей Алойной, пока не услышал ее голос. Девушка оказалась дочерью местного ростовщика; мы немного поболтали, потом она ушла. Я едва успел вспомнить о манерах и поцеловал ей руку на прощание.

Через некоторое время все люди слились в одно лицо. Они подходили один за другим, чтобы поздравить меня, похвалить, пожать руку, дать совет, позавидовать и повосхищаться. Хотя Станчион держал слово и умудрялся не давать им навалиться на меня всем скопом, скоро я уже не мог отличить одного от другого. Медеглин тоже способствовал этому.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я додумался поискать глазами Амброза. Оглядев зал, я пихнул Симмона локтем, и он с трудом оторвался от игры шимами, которой они с Вилемом занимались.

— А где наш лучший друг? — спросил я.

Симмон тупо посмотрел на меня, и я понял, что он уже не способен уловить сарказм в моих словах.

— Амброз, — пояснил я. — Где Амброз?

— Уполз, — заявил Вилем чуть ли не воинственно. — Как только ты закончил играть. Еще до того, как получил дудочки.

— Он знал. Он знал, — восторженно пропел Симмон. — Он знал, что ты их получишь, и не мог вынести такого зрелища.

— Выглядел неважно, когда уходил, — с тихим злорадством отметил Вилем. — Бледный весь был и дрожал. Как будто выяснил, что кто-то всю ночь мочился в его вино.

— Может быть, кто-то и мочился, — сказал Симмон с необычной для себя злобой. — Я бы с удовольствием.

— Дрожал? — переспросил я.

Вилем кивнул.

— Трясся. Словно кто-то ему в живот с размаху дал. Линтен ему даже плечо подставил для поддержки.

Симптомы звучали слишком знакомо, как заклинательский озноб, и во мне зародилось подозрение. Я представил себе Амброза, глядящего, как я гладко исполняю самую прекрасную песню, которую он когда-либо слышал, и понимающего, что я вот-вот получу талантовые дудочки.

Конечно, он не стал бы делать ничего очевидного, но, возможно, он нашел нитку или оторвал длинную щепку от стола. Любое из этого могло обеспечить только очень слабую симпатическую связь со струной моей лютни: один процент в лучшем случае, возможно даже одна десятая.

Я представил, как Амброз вытягивает тепло из своего тела, сосредоточивается, пока холод медленно вползает в его ноги и руки. Я представил, как он дрожит, как затрудняется его дыхание, — и вот наконец струна рвется...

...А я заканчиваю песню, несмотря на его усилия. Я ухмыльнулся этой картине. Разумеется, чистая игра воображения, но струна-то лопнула, а я ни на секунду не сомневался, что Амброз попробовал бы что-нибудь в этом роде. Я снова переключился на Симмона.

— ...к нему и сказать: «Никаких мрачных воспоминаний о том случае в тигельной, когда ты смешал мне соли и я почти на целый день ослеп. Нет, правда, выпьем!» Ха! — Симмон расхохотался, погрузившись в мстительные фантазии.

Поток поклонников немного замедлился: собрат-лютнист, одаренный дудочник, которого я видел на сцене, местный торговец. Сильно надушенный дворянин с длинными, умащенными маслом волосами и винтийским акцентом похлопал меня по спине и вручил кошелек «на новые струны». Он мне не понравился. Кошелек я взял.

— А почему все только об этом и говорят? — спросил меня Вилем.

— О чем?

— Половина тех, кто подходит пожать тебе руку, бормочут о том, как хороша была песня. А вторая половина говорит про то, как ты играл с порванной струной. Как будто песню они вообще не слушали.

— Они ничего не понимают в музыке, — объяснил Симмон. — Только те люди, которые принимают музыку всерьез, могут реально оценить, что наш маленький э'лир сделал сегодня вечером.

Вилем задумчиво хмыкнул:

— А что, это так трудно — то, что ты сделал?

— Я никогда не слышал, чтобы кто-то сыграл даже «Белку в тростниках» с неполным набором струн, — сказал ему Симмон.

— А, — сказал он. — Но ты сделал так, что это выглядело легко. Раз уж ты пришел в чувство и перестал хлебать этот винтийский сиропчик, может, позволишь мне купить нам всем прекрасного темного скаттена, напитка королей сильдим?

Я понимаю комплимент, когда слышу его. Но принимать его щедрость я не хотел — я только-только начал немного трезветь.

К счастью, меня спасла от извинений Марреа, подошедшая высказать свое почтение. Это была та самая прелестная златовласая арфистка, которая пыталась выиграть дудочки и потерпела неудачу. На мгновение я подумал, что голосом моей Алойны может быть она, но тут же понял, что нет, не может.

Но Марреа была красива. Даже красивее, чем казалась на сцене, а так бывает далеко не всегда. Из беседы с ней я узнал, что она — дочь одного из советников Имре. На фоне ее густых темно-золотых волос мягкая синева платья казалась отражением глубокой голубизны глаз.

Хотя она была прелестна, я не мог сосредоточить на ней все внимание. Я дергался, распираемый желанием отойти от стойки и найти голос, который пел со мной. Мы немного поговорили, поулыбались и расстались с добрыми словами и обещаниями еще встретиться и поболтать. Марреа — чудесное сплетение плавных изгибов — снова исчезла в толпе.

— Что это был за постыдный выпендрей? — спросил Вилем, как только она ушла.

— Что? — переспросил я.

— Что? — передразнил он меня. — Как ты можешь притворяться таким тупым? Если бы столь красивая девушка смотрела на меня хотя бы одним глазом так, как она смотрела на тебя двумя... Мы бы уже сняли комнату на двоих, так скажу.

— Да мы с ней просто поболтали, — запротестовал я. — Она спрашивала, не покажу ли я ей несколько аккордов для арфы, но я так давно не играл на арфе.

— И еще долго не будешь, если станешь упускать таких красоток, — прямолинейно заявил Вилем. — Она делала все, чтобы как-нибудь за тебя зацепиться.

Сим наклонился ко мне и положил руку на плечо — лучшая поза заботливого друга.

— Квоут, я собирался поговорить с тобой на эту же тему. Если ты не смог понять, что она тобой заинтересовалась, то ты должен признать

возможность того, что ты невозможно туп, когда дело касается женщин. Ты не подумывал о священничестве?

— Да вы оба напились, — возмутился я, пытаюсь скрыть румянец. — Вы не заметили из нашей беседы, что она дочь городского советника?

— А ты не заметил, — тем же тоном отвечал Вил, — как она смотрела на тебя?

Я знал, что прискорбно неопытен с женщинами, но не хотел в этом признаваться. Поэтому я отмахнулся от друзей и встал с табурета.

— Что-то я сомневаюсь, что быстрая возня за стойкой — именно то, чего она хотела. — Я выпил глоток воды и расправил плащ. — А теперь пойду найду свою Алойну и выскажу ей глубочайшую благодарность. Как я выгляжу?

— Да какая разница? — спросил Вилем.

Симмон коснулся его локтя.

— Ты что, не видишь? Он замахивается куда выше, чем какая-то советницкая дочка с глубоким вырезом.

Махнув рукой, я отвернулся от них и направился в переполненный зал.

Я не имел ни малейшего представления, как ее найти. Какая-то глупая романтическая составляющая моего существа полагала, что я узнаю ее, как только увижу. Если она хоть вполовину такова, как ее голос, она должна светиться в темном зале, как свеча.

Но пока я так думал, моя более мудрая составляющая шептала в другое ухо.

«Не надейся, — говорила она. — Даже не смей надеяться, что какая-нибудь женщина может гореть так же ярко, как голос, певший партию Алойны».

Голос мудрой части не успокаивал, но отрезвлял. Я научился внимать ему на улицах Тарбеана, где он помогал мне остаться в живых.

Я прошел по первому этажу «Эолиана», ища сам не зная кого. Иногда люди улыбались или махали мне. За пять минут я увидел все лица, какие мог, и поднялся на второй этаж.

Это и в самом деле оказался балкон — вместо ярусов или сидений здесь все выше поднимались столики, давая обзор первого этажа. Я петлял между столиками, ища свою Алойну, а моя мудрая половина продолжала бубнить мне в ухо:

«Не надейся. Все, что ты получишь, это разочарование. Она не будет так прекрасна, как ты воображаешь, и тебя постигнет отчаяние».

Когда я закончил осматривать второй этаж, новый страх начал расти во мне. Она могла уйти, пока я сидел у стойки, пьяный от медеглина и похвал.

Мне надо было пойти прямо к ней, упасть на одно колено и поблагодарить от всего сердца. Что, если она ушла? Что, если никто не знает, кто она и куда ушла? Тревога ворочалась под ложечкой, когда я начал подниматься на самый верхний этаж «Эолиана».

«Ну и посмотри, куда тебя привела надежда, — сказал голос. — Она ушла, и все, что у тебя осталось, — эта дурацкая фантазия, которая будет теперь мучить тебя».

Последний этаж оказался самым маленьким из трех — всего лишь тонкий полумесяц, охватывающий три стены высоко над сценой. Здесь столики и скамейки стояли реже и занятых было меньше. Я заметил, что посетители этого этажа в основном сидят парами, и почувствовал себя так, будто подглядываю, ходя от столика к столику.

Пытаясь выглядеть естественно, я смотрел на лица тех, кто сидел за столиками, беседуя или выпивая. Подходя к последнему столику, я занервничал еще больше. Было невозможно сделать это случайно, потому что он находился в углу. Там сидела парочка: один со светлыми волосами, другой с темными, оба спиной ко мне.

Когда я приблизился, светловолосый человек рассмеялся, и я разглядел гордое лицо с тонкими чертами. Мужчина. Я обратил все внимание на женщину рядом с ним — женщину с длинными темными волосами. Моя последняя надежда. Я знал, что это должна быть моя Алойна.

Обогнув стол, я увидел ее лицо. Точнее, его — они оба оказались мужчинами. Моя Алойна ушла. Я потерял ее, и от этого понимания я почувствовал, как сердце сорвалось со своего места в груди и упало куда-то в пятки.

Сидящие подняли глаза, и светловолосый улыбнулся мне.

— Смотри-ка, Триа, юный шестиструнный пришел предложить нам свои услуги. — Он оглядел меня с ног до головы. — А ты хорошенький. Хочешь выпить с нами?

— Нет, — промямлил я смущенно. — Я просто искал кое-кого.

— Ну, кое-кого ты нашел, — непринужденно сказал он, касаясь моей руки. — Меня зовут Фаллон, а это Триа. Иди сюда, выпей. Я обещаю не давать Триа увести тебя домой. Он питает ужасную слабость к музыкантам. — Фаллон очаровательно улыбнулся мне.

Я пробормотал извинения и сбежал, слишком смущенный, чтобы беспокоиться, не выставил ли себя ослом.

Опустошенный, я шел к лестнице, и мое мудрое «я» учуяло возможность побранить меня.

«Вот что получается из надежды, — говорило оно. — Ничего

хорошего. И даже лучше, что ты упустил ее. Она никак не может быть равной своему голосу. Такому голосу — прекрасному и опасному, как горящее серебро, как лунный свет на речных камнях, как перышко на губах».

Я шел к лестнице, глядя в пол, чтобы никто не втянул меня в разговор.

И тут я услышал голос — голос как горящее серебро, как поцелуй в висок. Воспрянув сердцем, я поднял взгляд и понял, что это моя Алойна. Я поднял взгляд и смог подумать только одно: «Прекрасна».

Прекрасна.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ЧАСТИ, ИЗ КОТОРЫХ МЫ СОСТОИМ

Баст медленно потянулся и оглядел комнату. Наконец короткий запал его терпения догорел:

— Реши?

— Хм? — посмотрел на него Квоут.

— А что потом, Реши? Ты с ней поговорил?

— Конечно, я с ней поговорил. Не было бы никакой истории, если бы я этого не сделал. Рассказать эту часть просто. Но сначала я должен ее описать. И я не знаю, как это сделать.

Баст заерзал.

Квоут расхохотался, и веселье стерло раздражение с его лица.

— По-твоему, описать прекрасную женщину так же просто, как посмотреть на нее?

Баст зарделся и опустил взгляд, и Квоут, улыбнувшись, мягко положил ладонь на его руку.

— Моя беда, Баст, в том, что эта женщина очень важна. Важна для истории. Я не могу придумать, как описать ее, не разочаровав читателя.

— Я... мне кажется, я понимаю, Реши, — неуверенно согласился Баст. — Я ее тоже видел. Один раз.

Квоут откинулся на спинку стула, удивленный.

— Ты видел, правда? Я и забыл. — Он прижал пальцы к губам. — И как бы ты тогда ее описал?

Баст просиял от такой возможности. Выпрямившись на своем стуле, он на секунду задумался, а затем сказал:

— У нее были идеальные уши. — Он начертил в воздухе изящную линию. — Чудные маленькие ушки, словно вырезанные из... чего-то.

Хронист рассмеялся и тут же оборвал смех, словно удивившись сам себе.

— Уши? — переспросил он, неуверенный, правильно ли расслышал.

— Сам знаешь, как трудно найти красивую девушку с правильными ушами, — буднично подтвердил Баст.

Хронист снова рассмеялся; на этот раз смех вроде бы дался ему легче.

— Нет, — признался он. — Даже не представляю.

Баст бросил на сказителя полный жалости взгляд.

— Ну, тогда просто прими мои слова на веру. Они были необычайно хороши.

— Ты взял отличный аккорд — и, пожалуй, довольно, Баст, — сказал развеселившийся Квоут. Он помолчал секунду и, когда заговорил снова, слова медленно слетали с губ, а взгляд блуждал где-то далеко. — Беда в том, что она не похожа ни на кого из тех, кого я знал. Было в ней что-то неуловимое. Что-то неотразимо притягательное, как тепло огня. В ней было какое-то сияние, искра...

— У нее был кривой нос, Реши, — прервал излияния хозяина Баст.

Квоут посмотрел на него, морщинка раздражения пересекла его лоб.

— Что?

Баст поднял руки, защищаясь.

— Я просто это заметил, Реши. В твоей истории все женщины красивы. Я не могу опровергать тебя в целом, потому что всех их не видел, но эту-то я видел. И нос у нее был немного кривой. И если честно, то лицо у нее узковато, на мой вкус. Она в любом случае не идеальная красавица, Реши. Я точно знаю, я изучал этот вопрос.

Квоут одарил своего ученика долгим мрачным взглядом.

— Мы больше частей, из которых состоим, Баст, — наконец сказал он с оттенком упрека.

— Я же не говорю, что она не была прелестна, Реши, — быстро сказал Баст. — Она улыбнулась мне. Это было... ну как... попадало прямо внутрь тебя, если ты меня понимаешь.

— Я понимаю, Баст. Но ведь тогда я только встретил ее. — Квоут посмотрел на Хрониста. — Видишь ли, сложность происходит от сравнения. Если я скажу: «У нее были темные волосы», читатель может подумать: «Я знал темноволосых женщин, и некоторые были хороши собой». И тут он уйдет в сторону, потеряет нить, потому что те женщины не будут иметь совершенно ничего общего с ней. У тех, других, женщин не будет ее острого ума, ее беспечного очарования. Она была не похожа ни на одну из тех, кого я встречал...

Квоут умолк, глядя на свои сложенные руки. Он молчал так долго, что Баст начал ерзать, беспокойно оглядываясь.

— Думаю, нет смысла мучиться, — наконец сказал Квоут, поднимая голову и делая знак Хронисту. — Если я немного подпорчу историю, мир не заметит.

Хронист еще не успел обмакнуть перо, когда Квоут заговорил:

— Ее глаза были темными. Темными, как шоколад, как кофе, как

полированное дерево лютни моего отца. Они сияли на прекрасном лице — овальном, словно слеза.

Квоут внезапно остановился, словно у него кончились слова. Тишина была столь глубокой и внезапной, что Хронист на миг оторвал взгляд от страницы, чего раньше не делал. Но тут из Квоута хлынул новый поток слов.

— Ее беспечная улыбка могла остановить мужское сердце. Ее губы алели — не тот кричащий нарисованный цвет, который, по мнению многих женщин, делает их желанными. Нет, ее губы всегда были алыми, днем и ночью. Как будто за минуту до того, как вы ее увидели, она ела сладкие ягоды или пила кровь из сердца. Она всегда была в центре любой комнаты, где бы на самом деле ни стояла. — Квоут наморщил лоб. — Нет, она не выставляла себя напоказ. Мы смотрим на огонь, потому что он танцует, потому что он дает свет. Свет — вот что притягивает наш взгляд, но тянуться к огню человека заставляет тепло, которое чувствуешь, когда подходишь ближе. То же самое с Денной.

Пока Квоут говорил, его лицо менялось, искажалось, как будто каждое слово ранило его все глубже и мучило все больше. И хотя слова были простыми и ясными, они становились такими же, как лицо, — словно говорящий проходил по каждому из них жестким напильником, прежде чем они слетали с губ.

— Она... — Голова Квоута склонилась совсем низко. Казалось, он разговаривает с собственными руками, сложенными на коленях. — Что я делаю? — сказал он тусклым голосом, словно его рот был полон серого пепла. — Что хорошего может из этого получиться? Как я могу передать вам хоть какое-то впечатление о ней, если я сам никогда и ни в чем ее не понимал?

Хронист записал большую часть сказанного, прежде чем понял, что Квоут, вероятно, не собирался говорить это для записи. Он застыл на миг, потом закончил предложение. Затем выждал долгую минуту и украдкой бросил взгляд на Квоута.

И встретился с ним глазами — теми же темными глазами, которые видел раньше: как у гневного божества. Писец целую секунду старался побороть себя, чтобы не выскочить в страхе из-за стола. Повисло ледяное молчание.

Квоут встал и показал на лист бумаги.

— Вычеркни это, — проскрежетал он.

Хронист побелел, словно его пырнули кинжалом.

Но не двинулся, и тогда Квоут наклонился и спокойно выдернул

наполовину исписанный лист из-под его пера.

— Если зачеркивание тебе так отвратительно...

Квоут оторвал половину листа, медленно и аккуратно. При звуке рвущейся бумаги последняя кровь отлила от лица Хрониста.

Дьявольски неторопливо Квоут взял чистую половинку листа и аккуратно положил ее перед пораженным писцом. Длинный палец ткнул во вторую, оторванную половину, все еще влажную от чернил.

— Перепиши досюда, — сказал Квоут голосом холодным и неподвижным, как железо. То же самое железо, твердое и темное, стыло в его глазах.

Как только Хронист закончил, Квоут начал говорить сухо и четко, словно кроша кусочки льда:

— В каком смысле она была прекрасна? Я понимаю это, но сказать внятно не могу. Вот так. И поскольку я не могу внятно сказать, то постараюсь хотя бы не говорить слишком много.

Скажу, что у нее были темные волосы. Так. Длинные и прямые. Она была темноглаза и прекрасно сложена. Так. Лицо овальное, подбородок сильный и тонко очерченный.

Квоут перевел дух и продолжил:

— Наконец, повторю, что она была прекрасна. Это все, что можно сказать, — она была прекрасна до мозга костей, несмотря на все изъяны и недостатки. По крайней мере, она была прекрасна для Квоута. По крайней мере? Для Квоута она была прекраснейшей из женщин.

На мгновение Квоут напрягся, словно собирался вскочить и вырвать у Хрониста и этот лист. Потом он обмяк, как парус, покинутый ветром.

— Но следует признать, что для других она тоже была прекрасна...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ИМЕНА ДЛЯ НАЧАЛА

Было бы так красиво сказать, что наши глаза встретились и я шагнул к ней. Сказать, что я улыбнулся и заговорил о высоких материях изящными рифмованными строками, как прекрасный принц из какой-нибудь волшебной сказки.

К сожалению, жизнь редко следует сценарию. По правде сказать, я просто стоял и смотрел. На Денну, девушку, которую я встретил в караване Роунта — так давно.

Если вдуматься, прошло всего полгода. Не так уж много, если вы слушаете историю, но прожитые полгода — это очень долгое время, особенно когда ты молод. А мы оба были очень молоды.

Я увидел Денну, когда она шагнула на последнюю ступеньку, поднимаясь на третий этаж «Эолиана». Ее глаза были опущены, лицо задумчиво, почти печально. Она повернулась и пошла в мою сторону, не отрывая взгляда от пола, не видя меня.

Эти месяцы изменили ее. Если раньше она была прелестна, то теперь приобрела очарование. Возможно, разница заключалась только в наряде: вместо дорожной одежды, в которой я ее впервые увидел, она надела длинное платье. Но это без сомнения была Денна. Я даже узнал кольцо на ее пальце — серебряная розетка с бледно-голубым камнем.

С тех пор как пути наши разошлись, я продолжал хранить дурацкие влюбленные воспоминания о Денне в потайном уголке сердца. Я подумывал о путешествии в Анилен, о случайной встрече на дороге или что она приедет сама и найдет меня в Университете. Но глубоко внутри я понимал: эти мечты — не более чем ребяческие грезы. Я знал правду: я больше никогда ее не увижу.

Но вот она здесь, а я совершенно к этому не готов. Вспомнит ли она меня, неловкого мальчишку, знакомство с которым длилось всего несколько дней?

Денна была метрах в четырех, когда вдруг подняла взгляд и увидела меня. Ее лицо просияло, словно кто-то зажег внутри свечу. Она бросилась ко мне, покрыв расстояние между нами за три взволнованных подпрыгивающих шага.

На мгновение мне показалось, что сейчас Денна бросится в мои

объятия, но в последний момент она остановилась, бросив быстрый взгляд на людей, сидящих вокруг. На полушаге превратила свой восторженный бег в сдержанное приветствие на расстоянии вытянутой руки. Прodelано это было изящно, но ей все равно пришлось выставить вперед руку и опереться о мою грудь, чтобы не воткнуться в меня из-за внезапной остановки.

Денна улыбнулась. Улыбка была теплой, прекрасной и застенчивой, как раскрывающийся цветок. Она была дружелюбной, и искренней, и слегка смущенной. Когда Денна улыбнулась мне, я почувствовал...

Честно сказать, не могу придумать, как это описать. Солгать будет проще. Я бы мог натаскать цитат из тысячи историй и солгать вам настолько знакомо, что вы это проглотили бы и не заметили. Я мог бы сказать, что колени мои ослабели, а дыхание замерло в груди. Но это не будет правдой. Мое сердце не заколотилось, не запнулось, не остановилось. Так обычно случается в сказках. Глупость. Преувеличение. Ерунда. Но все же...

Выйдем в ранние дни зимы, после первых заморозков. Найдем пруд чистой воды с коркой льда на поверхности — еще свежего, тонкого и прозрачного, как стекло. Около берега лед будет держать вас. Скользим дальше. Еще дальше. Наконец вы найдете место, где поверхность льда едва-едва выдерживает ваш вес. Тогда вы почувствуете то же самое, что чувствовал я: треск под ногами. Посмотрите вниз и увидите, как белые линии трещин разбегаются по льду безумными старательными пауками. Абсолютно тихо, но вы ступнями ощущаете внезапные взрывы дрожи внизу.

Вот так и случилось, когда Денна мне улыбнулась. Я не говорю, что чувствовал себя стоящим на тонком льду, готовом провалиться подо мной. Нет. Я ощущал себя самым льдом, внезапно подавшимся вниз, и трещины извилисто разбегались от того места, где она коснулась моей груди. Я был еще цел по одной-единственной причине: тысяча кусочков меня пока не отошли друг от друга. Я боялся, что рассыплюсь, если шевельнусь.

Возможно, достаточно сказать, что я был околдован ее улыбкой. И хотя это звучит как книжная сказочка, но очень близко к правде.

Слова никогда не представляли для меня трудности. Совсем наоборот — мне частенько доводилось выболтать все, что на уме, и из-за этого дела шли наперекосяк. Однако сейчас, перед Денной, я был слишком ошеломлен, чтобы говорить. Я бы не смог произнести осмысленного слова даже ради спасения жизни.

И тогда все изящные манеры, которые мать вбивала мне в голову, сами собой вылезли наружу. Я легко протянул руку и заключил ладонь Денны в

свою, словно она мне ее предложила. Потом я отступил на полшага назад и отвесил элегантный поклон на три четверти. В то же время моя свободная рука поймала полу моего плаща и закинула ее за спину. Это был великолепный поклон: учтивый, но не формальный — и вполне уместный в данной ситуации и при данной публике.

Что дальше? По традиции следовало поцеловать руку, но какой род поцелуя здесь больше подходил? В Атуре просто склоняются над рукой. Сильдийские дамы вроде дочки ростовщика, с которой я беседовал сегодня, ожидали, что вы легонько коснетесь пальчиков и изобразите звук поцелуя. В Модеге вы на самом деле прижимались губами к собственному большому пальцу.

Но мы были в Содружестве, а у Денны не было иностранного акцента. Тогда просто поцелуй. Я легко прижался губами к тыльной стороне ее ладони на время быстрого вдоха. Ее кожа была теплой и едва уловимо пахла вереском.

— Я к вашим услугам, моя леди, — сказал я, выпрямляясь и выпуская ее руку. Впервые в жизни я понял истинный смысл этого формального приветствия. Оно дает вам выход из ситуации, когда вы абсолютно не представляете, что сказать.

— Моя леди? — повторила Денна слегка удивленно. — Ну, если вы так настаиваете... — Она взялась за платье одной рукой и присела в реверансе, как-то ухитрившись сделать его изящным, насмешливым и шаловливым одновременно. — Ваша леди. — Услышав ее голос, я понял, что не ошибся. Она и была моей Алойной.

— Что ты делаешь здесь, в третьем круге, один? — Она оглядела балкон-полумесяц. — Ты ведь один?

— Был один, — сказал я. Затем, поскольку не смог придумать ничего другого, вытащил строчку из песни, столь свежей в моей памяти: — И тут «вдруг предо мной нежданная Алойна».

Она улыбнулась, польщенная:

— В каком смысле нежданная?

— Я почти убедил себя, что ты уже ушла.

— Почти собралась, — лукаво заметила Денна. — Два часа я ждала, когда же придет мой Савиен. — Она трагически вздохнула, устремив взгляд вверх и вбок, как статуя святой. — Наконец, переполненная отчаянием, я решила, что на этот раз поискать может и Алойна — и к демонам все сказки. — Она сверкнула озорной улыбкой.

— «Так мы как корабли без света...» — процитировал я.

— «...прошли борт в борт, не зная это», — закончила Денна.

— «Закат Фелварда», — сказал я с почти запредельным уважением. — Не все знают эту пьесу.

— Я — не все, — заметила она.

— Я больше никогда этого не забуду. — Я склонил голову в преувеличенном раскаянии. Денна насмешливо фыркнула, я, будто не заметив, продолжал в серьезном тоне: — Я вряд ли смогу достойно отблагодарить тебя за сегодняшнюю помощь.

— Не сможешь? — спросила она. — Ну надо же, какая жалость. А как сможешь?

Не раздумывая, я полез за воротник и отстегнул талантовые дудочки.

— Только так, — сказал я, протягивая их Денне.

— Я... — запнулась она, совершенно ошеломленная. — Ты же не всерьез...

— Без тебя я бы их не получил, — сказал я. — А у меня больше нет ничего ценного, если, конечно, ты не захочешь мою лютню.

Темные глаза Денны изучали мое лицо, словно она не могла решить, шучу я или нет.

— Не думаю, что можно вот так раздавать свои дудочки...

— Можно, — сказал я. — Станцион упомянул, что, если я их потеряю или кому-нибудь отдам, мне придется заработать новые. — Я взял ее руку, разжал пальцы и вложил ей в ладонь серебряные дудочки. — Мне разрешено делать с ними что угодно, а мне угодно отдать их тебе.

Денна посмотрела на дудочки в своей руке, затем подняла взгляд на меня с неприкрытым интересом, словно до этого вообще меня не замечала. На мгновение я остро осознал, как выгляжу: даже моя лучшая одежда недалеко отстояла от нищенской.

Она снова посмотрела вниз и медленно сомкнула пальцы вокруг дудочек. Затем взглянула на меня с непонятным выражением на лице.

— Ты, наверное, чудесный человек, — сказала она.

Я набрал воздуха, но Денна меня опередила.

— Однако, — продолжала она, — это слишком большая благодарность. Любая моя помощь не стоила бы столько. Я окажусь у тебя в долгу. — Она поймала мою руку и вложила в нее дудочки. — Лучше пусть ты будешь обязан мне. — И внезапно усмехнулась. — Так что ты все еще должен мне услугу.

Зал заметно утих. Я огляделся, смущенный тем, что забыл, где нахожусь. Денна приложила палец к губам и указала через перила на сцену. Мы подошли ближе к краю и посмотрели вниз — там белобородый старик открывал футляр странной формы. Я изумленно втянул воздух, разглядев,

что у него в руках.

— Что это за штука? — спросила Денна.

— Это старинная придворная лютня, — сказал я, не в силах скрыть удивление. — Я никогда раньше их не видел.

— Это лютня? — неслышно произнесли губы Денны. — Я насчитала двадцать четыре струны. Ведь это больше, чем на арфе. Как же на ней играть?

— Их делали много лет назад, еще до изобретения металлических струн и до того, как научились закреплять длинный гриф. Невероятно. В этой лебединой шейке больше тонкой инженерной работы, чем в громадном соборе. — Я смотрел, как старик убирает бороду и устраивается на сиденье. — Надеюсь, он настроил ее, прежде чем выйти на сцену, — тихонько добавил я. — Иначе мы прождем не меньше часа, пока он будет крутить колки. Мой отец говорил, что прежние менестрели по два дня натягивали струны и по два часа настраивали, чтобы извлечь из придворной лютни музыки на две минуты.

У старика приведение струн в согласие заняло всего пять минут. Потом он начал играть.

Стыдно признаться, но я не помню ровным счетом ничего из песни. Хотя я никогда раньше не видел придворной лютни, не то что слышал, мой разум был весь переполнен мыслями о Денне, чтобы впустить в себя что-либо еще. Мы облокотились вдвоем на перила, и я украдкой поглядывал на девушку.

Денна не назвала меня по имени и не упомянула о том, что мы встречались раньше, в караване Роунта. Значит, она меня не помнит. Не слишком удивительно, думал я, что она забыла оборванного мальчишку, которого видела в дороге всего несколько дней. И все же это немного ранило меня — ведь я-то хранил воспоминания о ней много месяцев. Однако теперь не было способа напомнить ей о нашей встрече, не выставив себя идиотом. Лучше начать все заново и надеяться, что во второй раз она меня не забудет.

Песня закончилась прежде, чем я это понял, и я с энтузиазмом зааплодировал, чтобы извиниться за невнимание.

— Я подумала, ты ошибся, удвоив второй припев, — сказала мне Денна, когда аплодисменты стихли. — Я не сразу поняла, что ты хочешь, чтобы вступила какая-нибудь незнакомка. Я не видела такого нигде, кроме как у походных костров по вечерам.

Я пожал плечами.

— Все говорили мне, что здесь играют самые лучшие музыканты. — Я

обвел жестом зал, остановившись на ней. — Я доверял любой певице, знающей партию.

Она изогнула бровь.

— Это было рискованно, — сказала она. — Я ждала, что вступит кто-нибудь еще, и, начиная, немного волновалась.

Я посмотрел на нее с недоумением.

— Почему? У тебя чудесный голос.

Она смущенно улыбнулась:

— До сих пор я слышала эту песню всего два раза и не была уверена, что помню ее всю.

— Два раза?

Денна кивнула.

— И второй раз был около оборота назад. Парочка играла ее на официальном приеме, который я посетила в Аэтии.

— Ты что, серьезно? — недоверчиво спросил я.

Она качнула головой назад и вперед, словно пойманная на невинной лжи. Ее темные волосы упали ей на лицо, и она рассеянно откинула их.

— Ну ладно, наверное, я еще слышала, как эта пара репетировала перед ужином...

Я покачал головой, с трудом веря.

— Это поразительно. Там ведь ужасно сложная гармония. И запомнить все стихи... — Я секунду повосхищался молча, качая головой. — У тебя невероятные уши.

— Не ты первый, кто мне говорит это, — криво усмехнулась Денна. — Но, кажется, первый, кто при этом глядел на мои уши.

Она многозначительно опустила взгляд.

Я почувствовал, что жутко краснею, и вдруг услышал позади знакомый голос:

— Вот ты где! — Обернувшись, я увидел Совоя, моего высокого красивого друга и соучастника в пари на углубленной симпатии.

— Да, я здесь, — сказал я, удивленный, что он меня ищет. Вдвое больше меня удивили его дурные манеры: он прервал мою задушевную беседу с девушкой.

— Да мы все здесь. — Совой улыбнулся мне и, пройдя мимо, непринужденно обнял Денну за талию, притворно нахмурившись. — Я прочесал все нижние этажи, стараясь найти твоего певца, а вы оба, оказывается, здесь наверху, довольные, как слоны.

— Мы наткнулись друг на друга, — сказала Денна, кладя ладонь поверх его руки на ее бедре. — Я знала, что ты вернешься за выпивкой,

если ничто другое... — Она кивнула на ближайший столик с двумя винными бокалами.

Они вместе повернулись и пошли, рука об руку, к столику. Денна оглянулась на меня через плечо и легонько сдвинула брови. Я не имел ни малейшего представления, что бы это значило.

Совой сделал мне знак присоединяться и подтащил свободный стул.

— Я не мог поверить, что на сцене был ты, — сказал он. — Мне показалось, я узнал твой голос, но... — Он сделал жест, изображающий верхний этаж «Эолиана». — Хотя третий круг обеспечивает приятное уединение для влюбленных, но вид отсюда оставляет желать лучшего. Я и не знал, что ты играешь.

Он обвил рукой плечи Денны и улыбнулся своей очаровательной невинной улыбкой.

— Да бывает иногда, — небрежно сказал я, садясь рядом.

— Повезло тебе, что сегодня вечером я выбрал для нас с Денной «Эолиан», — сказал Совой. — Иначе к тебе не присоединился бы никто, кроме эха и сверчков.

— О, тогда я у тебя в долгу, — сказал я ему с почтительным поклоном.

— Отдашь в следующий раз, — отмахнулся он. — Возьмешь Симмона в партнеры, когда будем играть в уголки. Тогда именно тебе придется лопать проигрыш, когда этот безголовый молокосос будет заявлять длинную карту с одной парой на руках.

— Заметано, — сказал я. — Хотя это и причиняет мне жестокую боль. — Я повернулся к Денне. — Я обязан тебе за эту огромную услугу — как я могу отплатить? Проси всего, чего хочешь, и оно твое, если в моих силах.

— Все, что хочу, но в твоих силах... — игриво повторила она. — А что ты еще можешь, кроме как заставлять рыдать Тейлу и всех его ангелов своей игрой?

— Думаю, я могу все, — легко сказал я. — Если только ты меня попросишь.

Она рассмеялась.

— Опасно говорить такое женщинам, — заметил Совой. — Особенно этой. Она пошлет тебя на другую сторону мира за листком с поющего дерева.

Денна откинулась на стуле и посмотрела на меня, опасно прищурившись.

— Листок с поющего дерева, — протянула она. — Должно быть, прелестная безделушка. Ты бы принес мне такой?

— Принес бы, — сказал я и с удивлением обнаружил, что это правда.

Она, немного подумав, кокетливо потрясла головой.

— Я не могу послать тебя в такой далекий путь. Лучше уж стребую твой долг когда-нибудь потом.

Я вздохнул:

— Значит, я остаюсь у тебя в долгу.

— О нет! — воскликнула она. — Еще одна ноша на сердце моего Савиена...

— Причина, по которой на сердце у меня так тяжело, — то, что я могу никогда не узнать твоего имени, — сказал я. — Конечно, я буду продолжать называть тебя Фелуриан, но это может привести к печальной путанице.

Она бросила на меня оценивающий взгляд.

— Фелуриан? Мне бы понравилось, только я думаю, что ты лжешь.

— Лгу? — негодуяще спросил я. — Моя первая мысль, когда я увидел тебя, была: «Фелуриан. О, чем я заслужил? Все славословия товарищей моих пустой потерей времени явились. Когда бы все мгновенья вспомнил я, которые беспечно так потратил, я лишь надеяться бы мог тогда мудрей их провести, согревшись светом, который с ясным солнцем наравне».

Денна улыбнулась:

— Лжец и вор. Ты украл это из третьего акта «Дазоники».

Она знает и «Дазонику»?

— Виноват, — непринужденно признался я. — Но это не делает цитату неправдой.

Она улыбнулась Совой и снова повернулась ко мне.

— Лесть бывает и хороша, и мила, но она не принесет тебе моего имени. Совой упомянул, что ты учишься с ним в Университете. Значит, ты водишься с темными силами, которых лучше не трогать. Если я скажу тебе мое имя, ты обрешь ужасную власть надо мной. — Ее уста хранили серьезность, но улыбка проглядывала в уголках глаз и наклоне головы.

— Чистая правда, — сказал я с такой же серьезностью. — Но я предлагаю сделку: взамен я дам тебе мое имя. Тогда я тоже буду в твоей власти.

— Да ты продаешь мне мою же рубашку, — возмутилась она. — Совой знает твое имя. Хотя он мне его еще не сказал, я могу получить твое имя так же легко, как вдохнуть.

— И то правда, — сказал Совой с видимым облегчением, что мы вспомнили о нем. Он взял ладонь Денны и поцеловал.

— Он может сказать тебе мое имя, — презрительно отмахнулся я. —

Но не может дать его тебе — только я сам могу это сделать. — Я положил руку на стол. — Мое предложение остается в силе: мое имя за твое. Примешь его? Или мне придется всегда думать о тебе как об Алойне и никогда как о тебе самой?

В ее глазах заплясали искорки.

— Ну ладно, — сказала она. — Твое первое.

Я наклонился, предлагая ей сделать то же самое. Денна высвободилась из объятий Совоя и подставила мне ухо. С должной торжественностью я прошептал в него:

— Квоут. — Она едва уловимо пахла цветами — я подумал, что это духи, но под ними таился ее собственный запах: как зеленая трава, как дорога после легкого весеннего дождя.

Потом Денна откинулась обратно и как будто задумалась.

— Квоут, — наконец сказала она. — Оно тебе подходит. Квоут. — Ее глаза искрились, словно она прятала какой-то секрет. Она произнесла мое имя медленно, словно пробуя на вкус, и одобрительно кивнула. — А что оно значит?

— Много всякого, — сказал я своим лучшим голосом Таборлина Великого. — Но ты не отвлечешь меня так просто. Я заплатил, и теперь я в твоей власти. Дашь ли ты мне свое имя, чтобы я мог тебя им называть?

Денна улыбнулась и снова наклонилась, а я склонился к ней. Подставив ухо, я почувствовал, как меня коснулась прядь ее волос.

— Дианне. — Ее теплое дыхание у моего уха было как перышко. — Дианне.

Мы оба вернулись на свои места. Хотя я не сказал ничего, она спросила:

— Ну что?

— Я держу его, — заверил я ее. — Так же, как свое собственное.

— Тогда скажи.

— Я буду его хранить, — улыбаясь, заверил я ее. — Такие подарки не растрачивают.

Она посмотрела мне в глаза.

— Дианне, — сдался я. — Дианне. Тебе тоже подходит.

Мы смотрели друг на друга долго-долго, пока я не заметил, что Совой не слишком довольнo косится на меня.

— Мне пора идти вниз, — сказал я, вскакивая со стула. — Мне нужно встретиться с важными людьми.

Внутренне я весь съежился от корявости собственных слов, едва их выговорил, но не смог придумать удобный способ взять их обратно.

Совой встал и пожал мне руку, явно радуясь, что избавится от меня.

— Хорошо выступил сегодня, Квоут. Увидимся.

Я повернулся к Денне, которая тоже встала. Она встретила мой взгляд и улыбнулась:

— Тоже надеюсь увидеться. — Она протянула руку.

Я выдал ей свою самую ослепительную улыбку:

— Надежда есть всегда.

Я пытался, чтобы слова прозвучали остроумно, но получилось грубо и резко. Мне пришлось уйти, дабы не выставить себя еще большим ослом. Я быстро пожал руку Денны; на ощупь она оказалась слегка прохладной, мягкой и изящной, но сильной. Я не поцеловал ее, поскольку Совой был моим другом, а с друзьями так поступать не стоит.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

ВСЕ ЭТИ ЗНАНИЯ

Через некоторое время я — с немалой помощью Деоча и Вилема — напился.

Итак, три студента держат свой не слишком прямой путь обратно в Университет. Посмотрите, как они идут, только слегка пошатываясь и заплетаясь в ногах. Стоит тишина, и, когда колокол на башне бьет поздний час, звук не рушит, а подчеркивает тишину. Тишину, которую уважают даже кузнечики: их голоса как осторожные стежки на ее ткани — крошечные, почти невидимые.

Ночь вокруг этих троих подобна теплому бархату. Звезды — алмазы в безоблачном небе — превращают дорогу под ногами в пыльное серебро. Университет и Имре — средоточия знаний и искусства, сильнейшие из четырех сторон цивилизации. Здесь, на дороге между ними двумя, нет ничего, кроме старых деревьев и высокой травы, клонящейся под ветром. Ночь совершенна в своей дикости и пугающе прекрасна.

Трое юношей: один темный, один светлый и один — за неимением лучшего слова — пламенный — не замечают ночи. Возможно, какая-то частичка их и видит ее, но они молоды и пьяны и глубоко в сердцах своих лелеют надежду, что никогда не постареют и не умрут. Они также знают, что любовь и дружба никогда их не покинут. Юноши владеют многими знаниями, но ни одно из них не кажется таким важным, как это.

Возможно, они правы.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

УДАЧА

На следующий день я пошел на экзаменационную лотерею, испытывая первое в своей жизни похмелье. Томимый легкой тошнотой, я встал в самую короткую очередь и попытался отвлечься от галдежа сотен студентов, толпящихся вокруг, покупающих, продающих, торгующихся и громко жалующихся на выпавшие им жребии.

— Квоут, сын Арлидена, — сказал я, когда наконец подошла моя очередь.

Унылая женщина отметила мое имя, и я вытащил квадратик из черного бархатного мешочка. На нем было написано: «Хаэтен: полдень». Еще пять дней, куча времени на подготовку.

Но когда я повернул обратно к гнездам, меня осенила мысль. Сколько времени на подготовку мне на самом деле нужно? И что важнее, сколько я смогу на самом деле выучить, не имея доступа к архивам?

Обдумав это, я поднял над головой руку с отогнутыми средним и большим пальцем, подавая сигнал, что у меня жребий на пятый день от сего дня и я хочу его продать.

Вскоре ко мне подошла незнакомая студентка.

— Четвертый день, — сказала она, показывая свой жребий. — Я дам тебе йоту взамен.

Я покачал головой. Она пожала плечами и побрела прочь.

Следующим был Галвен, ре'лар из медики. Он поднял указательный палец, показывающий, что у него жребий на сегодняшний день. По его тревожному лицу и кругам под глазами я догадался, что он не горит желанием оказаться на экзамене так скоро.

— Пять йот возьмешь?

— Вообще-то я хотел целый талант...

Он кивнул, зажав свой собственный жребий между пальцами. Это была справедливая цена. Никто не хотел идти на экзамены в первый же день.

— Может быть, позже. Я еще немного осмотрюсь.

Глядя, как он уходит, я подивился, какую перемену сотворил во мне всего один день. Вчера пять йот показались бы мне всеми сокровищами мира. Но сегодня мой кошелек был тяжел...

Я погрузился в раздумья, сколько же денег я заработал за вчерашний вечер, когда увидел приближающихся Вилема и Симмона. Вил выглядел немного бледным, несмотря на смуглую сильдийскую кожу. Я решил, что он тоже переживает последствия вчерашнего пира.

Сим, однако, был бодр и весел, как всегда.

— Угадай, кто вытянул жребий на сегодня? — Он мотнул головой куда-то за плечо. — Амброз и несколько его дружков. Вполне достаточно, чтобы заставить меня поверить в справедливость вселенной.

Повернувшись, чтобы осмотреть толпу, я услышал голос Амброза, прежде чем увидел его.

— ...из того же самого мешка. Значит, они погано все перемешали. Надо заново начать это дурацкое мошенничество и...

Амброз шел с несколькими хорошо одетыми друзьями, их глаза метались по толпе, ища поднятые руки. Амброз был всего в трех метрах, когда наконец посмотрел на лицо и понял, что рука, к которой он идет, — моя.

Он остановился как вкопанный, скорчил презрительную мину, а затем вдруг разразился лающим смехом:

— Ах ты, бедненький мальчик. Есть уйма времени, но не на что его потратить. Разве Лоррен еще не пустил тебя обратно?

— Молот и рог, — устало сказал Вилем за моей спиной.

Амброз улыбнулся мне:

— Вот что скажу: я дам тебе полпенни и одну из своих старых рубашек за твой жребий. Тогда тебе найдется что надеть, пока будешь стирать вторую в речке.

Дружки за его спиной захмыкали, оглядывая меня с ног до головы.

Я продолжал изображать беспечность, не желая доставлять ему удовольствие. По правде говоря, я очень хорошо знал, что у меня всего две рубашки и после двух четвертей постоянной носки они обветшали. Совсем обветшали. И кроме того, я и вправду стирал их в реке, поскольку у меня никогда не было денег на прачечную.

— Я, пожалуй, откажусь, — легко сказал я. — Мне кажется, у тебя подол чересчур пятнистый.

Я потыкал в свою рубашку, демонстрируя разницу. Несколько студентов рядом засмеялись.

— Что-то я не понял, — тихо сказал Вилу Симмон.

— Он намекает, что у Амброза... — Вил замялся. — Эдамете тасс, болезнь, которую получаешь от шлюх. Там выделения...

— Все-все, — быстро сказал Сим. — Я понял. Противно. Амброз еще

и зеленое носит.

Амброз, однако, заставил себя усмехнуться шутке вместе с толпой.

— Полагаю, я этого заслуживаю, — сказал он. — Ну ладно, пенни для нищих. — Он вытащил кошелек и позвенел им. — Сколько ты хочешь?

— Пять талантов, — сказал я.

Он застыл, уставившись на меня, так и не успев развязать кошелек. Цена была невероятная. Несколько зрителей подтолкнули друг друга локтями, очевидно надеясь, что я как-нибудь обдурю Амброза и заставлю его заплатить в несколько раз больше, чем мой жребий стоил в действительности.

— Прости, — поинтересовался я. — Тебе пересчитать в йотах?

Было общеизвестно, что на прошлых экзаменах Амброз плохо справился с арифметикой.

— Пять — это смешно, — сказал он. — Тебе повезет, если ты их вообще получишь.

Я выдавил из себя беспечное пожатие плечами.

— Ну так и быть, согласен на четыре.

— Лучше соглашайся на один, — настаивал Амброз. — Я не идиот.

Глубоко вдохнув-выдохнув, я смирился:

— Сомневаюсь, что смогу отдать за столько... один и четыре? — спросил я, с отвращением слушая, как жалобно звучит мой голос.

Амброз по-акульи осклабился.

— Вот что я тебе скажу, — великодушно начал он. — Я дам тебе один и три. Время от времени я не чуждаюсь благотворительности.

— Спасибо, сэр, — смиренно сказал я. — Это очень ценное качество.

Я чувствовал разочарование толпы: я, как собака, опрокинулся на спину за Амбрововы деньги.

— Не стоит, — самодовольно сказал Амброз. — Всегда приятно помочь нуждающимся.

— В винтийских деньгах это будет два нобля, шесть битов, два пенни и четыре шима.

— Могу посчитать и сам, — оборвал меня он. — Я с детства путешествовал по миру с отцовской свитой. Я умею считать деньги.

— Конечно-конечно, — склонил я голову. — Глупо с моей стороны... — Я с любопытством поднял взгляд. — И в Модеге, значит, побывал?

— Естественно, — рассеянно сказал он, продолжая выгребать монеты из кошелька. — Я был при высоком дворе Цершаена. Дважды.

— А правда, что модеганское дворянство полагает торговлю

презренным занятием для благороднорожденных? — невинно спросил я. — Я слышал, они считают это явным признаком того, что у человека или низкая кровь, или настали действительно отчаянные времена...

Амброз посмотрел на меня, его глаза сузились.

— Потому что если это правда, то ужасно милосердно с твоей стороны опуститься до моего уровня ради такой ничтожной сделки, — ухмыльнулся я ему в лицо. — Мы, руэ, обожаем торговаться.

В толпе, которая разрослась уже до нескольких десятков человек, раздались смешки.

— Все совершенно не так, — сказал Амброз.

Мое лицо превратилось в маску сочувствия.

— О, простите, м'лорд. Я не думал, что для вас пришли тяжелые времена... — Я сделал несколько шагов к нему, протягивая свой жребий. — Пожалуйста, вы можете получить его всего за полпенни. Я и сам не чуждаюсь благотворительности. — Я стоял прямо перед ним, протягивая ему жребий. — Пожалуйста, я настаиваю, всегда приятно помочь нуждающимся.

Амброз яростно зыркнул по сторонам.

— Да подавись, — прошипел он мне. — И помни об этом, когда ешь бобы и моешься в реке. Я останусь здесь, когда ты вылетишь ни с чем, — хорошо, если руки в карманах останутся.

Он развернулся и ушел, весь оскорбленное достоинство.

В толпе раздались аплодисменты. Я картинно откланялся во всех направлениях.

— Какой счет сегодня? — спросил Вил Симмона.

— Два — три в пользу Квоута. — Сим посмотрел на меня. — Не лучшая твоя игра, правда?

— Я мало спал прошлой ночью, — отвертелся я.

— Продолжительность сна влияет на результат, — заметил Вил.

— Мы можем только огрызаться друг на друга, — возразил я. — Магистры за этим следят. Любое жесткое действие — и нас исключат за «поведение, неподобающее члену арканума». Думаете, почему я до сих пор не превратил его жизнь в ад?

— Потому что ленив? — предположил Вилем.

— Ленив — одно из моих лучших качеств, — охотно согласился я. — Если бы я не был ленив, я бы мог проделать работу по переводу «эдамете тасс» и ужасно обидеться, обнаружив, что это значит «эдемова сопля». — Я снова поднял руку с оттопыренными большим и средним пальцем. — А я считаю, что это переводится прямо как название болезни: «немсеррия»,

таким образом предотвращая ненужные трения в нашей дружбе.

Наконец я продал свой жребий отчаявшемуся ре'лару из артной по имени Джаксим. Я выдержал трудную торговлю, продав ему свой жребий за шесть йот и услугу, о которой расскажу позже.

Экзамены прошли так хорошо, как только можно было ожидать, учитывая, что я не мог учиться. Хемме все так же лелеял обиду. Лоррен был холоден. Элодин положил голову на стол и, кажется, заснул. Моя плата за обучение поднялась до шести талантов, что опять ставило меня в сложное положение...

Длинная дорога в Имре была практически пустынна. Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев, а ветер приносил только намек на холод, который вскоре наступит. Я шел в «Эолиан», чтобы забрать лютню. Станчион вчера настоял, чтобы я оставил ее там, дабы не разбить по дороге домой — долгой и пьяной дороге.

Подойдя к «Эолиану», я увидел Деоча, прислонившегося к дверному косяку и катающего на ладони монетку. Он улыбнулся при виде меня.

— О, привет! Думал, ты и твои ребята окажетесь в реке — вы здорово петляли, когда уходили.

— Мы шатались в разных направлениях, — объяснил я, — и уравнивались.

Деоч расхохотался:

— Твоя леди там, внутри.

Я поборол смущение, удивившись, как он узнал, что я надеялся найти там Денну.

— Не знаю, могу ли на самом деле называть ее моей леди.

В конце концов, Совой был моим другом.

Он пожал плечами.

— Ну, как ни называй, а Станчион держит ее за стойкой. Я бы лучше забрал, пока он не перешел на фамильярности и не решил поупражнять пальцы.

Ярость вспыхнула во мне, но я умудрился проглотить все ругательства. «Моя лютня. Он говорит о моей лютне». Я как можно быстрее протиснулся внутрь, резонно предполагая, что Деочу сейчас мое лицо видеть не стоит.

Я прошел по всем трем уровням «Эолиана», но Денны нигде не обнаружил. Зато наткнулся на графа Трепе, который с энтузиазмом стал приглашать меня посидеть.

— Вряд ли у меня получится убедить тебя нанести мне визит? — робко спросил он. — Я подумываю о небольшом обеде и знаю нескольких

людей, которые были бы счастливы познакомиться с тобой. — Он подмигнул. — Слава о твоём выступлении уже распространяется.

Я почувствовал укол тревоги, но решил, что потереться среди благородных — необходимое зло.

— Я буду польщен, мой лорд.

Трепе скорчил гримасу:

— Неужели обязательно «мой лорд»?

Дипломатия — большая часть мастерства странствующего актера, а значительная доля дипломатии — соблюдение титулов и рангов.

— Этикет, мой лорд, — сказал я с сожалением.

— Наплюй на этикет, — нетерпеливо посоветовал Трепе. — Этикет — это набор правил, которыми люди пользуются, чтобы публично говорить гадости. Я сначала родился Деннаисом, потом Трепе, а уж графом в самом конце. — Он умоляюще посмотрел на меня. — Денн, для краткости?

Я колебался.

— Ну хотя бы здесь, — умолял он. — Я чувствую себя сорняком на клумбе, когда кто-нибудь начинает мне здесь «мойлордкать».

Я расслабился.

— Если вас это порадует, Денн.

Он зарделся, словно я сказал что-то лестное.

— Тогда расскажи немного о себе. Где ты живешь?

— На другой стороне реки, — уклончиво ответил я. Койка в гнездах не была особенно блистательным местом жительства. Когда Трепе посмотрел на меня недоуменно, я пояснил: — Я учусь в Университете.

— В Университете? — переспросил он, видимо, совсем запутавшись. — А что, они теперь и музыке учат?

Я чуть не рассмеялся от этой мысли.

— Нет-нет, я в аркануме.

И немедленно пожалел о своих словах. Трепе откинулся на стуле и подозрительно посмотрел на меня.

— Так ты колдун?

— О нет, — пренебрежительно сказал я. — Я просто учусь. Ну, знаете, грамматика, математика...

Я выбрал две самые невинные области изучения, какие смог придумать, и Трепе вроде бы успокоился.

— Наверное, мне надо было подумать, что ты... — Он умолк и встряхнулся. — Почему ты там учишься?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я... я всегда хотел. Ведь так многому можно научиться.

— Но тебе не нужно ничего этого. В смысле... — Он поискал слова. — То, как ты играешь. Наверняка твой покровитель убеждает тебя сосредоточиться на музыке...

— У меня нет покровителя, Денн, — сказал я с застенчивой улыбкой. — Вообще-то я не против этой идеи...

Реакция Трепе оказалась совсем не такой, как я ожидал.

— Проклятье на мою почернелую удачу! — Он тяжело хлопнул ладонью по столу. — Я-то думал, кто-то скромничает, держа тебя в секрете. — Он замолотил по столу кулаком. — Проклятье, проклятье, проклятье.

Наконец граф немного пришел в себя и поднял на меня взгляд.

— Извини. Это просто... — Он негодуяюще взмахнул рукой и вздохнул. — Ты когда-нибудь слышал поговорку: «Одна жена — и ты счастлив, две — устал...»

Я кивнул:

— «...три — и они ненавидят друг друга...»

— «...четыре — и они ненавидят тебя», — закончил Трепе. — Вот то же самое вдвойне справедливо для покровителей и их подопечных. Я только что нашел третьего, подающего надежды флейтиста. — Он вздохнул и покачал головой. — Они дерутся, как коты в мешке, беспокоясь, что не получают достаточно внимания. Если бы я только знал, что появишься ты, я бы подождал.

— Вы мне льстите, Денн.

— Я пинаю сам себя, вот что я делаю, — вздохнул он с виноватым видом. — Это несправедливо. Сефран хорош в том, что он делает. Они все хорошие музыканты и за меня горой, прямо как настоящие жены. — Он бросил на меня извиняющийся взгляд. — Если я попытаюсь привести тебя, расплата неминуема. Мне уже пришлось наврать про тот маленький подарок, который я сделал тебе вчера вечером.

— Значит, я ваша любовница? — ухмыльнулся я.

Трепе хохотнул.

— Давай не будем заводить аналогию так далеко. Лучше я буду твоим сватом и помогу тебе найти хорошего покровителя. Я знаю всех с благородной кровью или деньгами на сто километров вокруг, так что это будет нетрудно.

— Это будет огромной помощью, — горячо заверил его я. — Общественные круги по эту сторону реки для меня полная загадка. — Тут меня осенило: — А кстати, о них. Я встретил юную леди вчера вечером и не смог почти ничего узнать о ней. Если вы так хорошо знакомы с

городом...

Я с надеждой умолк.

Он бросил на меня понимающий взгляд:

— Ага, понимаю.

— Нет-нет-нет, — запротестовал я. — Это девушка, которая пела со мной. Моя Алойна. Я просто надеялся найти ее, чтобы выразить свою благодарность.

Трепе, кажется, не поверил мне, но внимание заострять не стал.

— Понятно. А как ее зовут?

— Дианне.

Трепе как будто ждал большего.

— Это все, что я знаю.

Он фыркнул.

— Ну а как она выглядит? Спой об этом, если надо.

Я почувствовал, что мои щеки начинают гореть.

— У нее темные волосы, примерно вот досюда. — Я показал чуть ниже плеча. — Молодая, с прекрасной кожей. — Трепе выжидающе наблюдал. — Красивая.

— Догадываюсь, — пробормотал Трепе, потирая губу. — У нее есть талантовые дудочки?

— Я не знаю, может быть.

— Она живет в городе?

Я пожал плечами, снова демонстрируя неведение и чувствуя себя все глупее и глупее.

Трепе расхохотался.

— Тебе придется рассказать побольше. — Он посмотрел мне за плечо. — погоди, есть же Деоч. Если кто и мог заметить твою даму, так это он. — Граф поднял руку: — Деоч!

— На самом деле это не так важно, — поспешно сказал я.

Трепе не обратил внимания и поманил широкоплечего Деоча к нашему столу.

Деоч подошел и наклонился над столом.

— Что могу для вас сделать?

— Нашему юному певцу нужна информация о даме, которую он встретил прошлым вечером.

— Не могу сказать, что удивлен, тут был хороший урожай красоток. Две уже спрашивали о тебе. — Он подмигнул. — На кого ты положил глаз?

— Да все не так, — запротестовал я. — Это та, которая пела со мной вчера вечером. У нее прекрасный голос, и я надеялся найти ее, чтобы

попеть.

— Думаю, я знаю песню, о которой ты говоришь.

Он широко и понимающе улыбнулся мне.

Я почувствовал, что бешено краснею, и снова начал протестовать.

— Да ладно тебе, я буду держать язык за зубами. Я даже Станчиону не расскажу, а то весь город узнает. Он сплетничает, как школьница, когда пропустит рюмочку.

Деоч выжидающе посмотрел на меня.

— Она такая стройная, с глубокими глазами, темными, как кофе, — сказал я, не успев подумать, как это прозвучит. И поспешно, пока Трепе и Деоч не начали подшучивать, добавил: — Ее зовут Дианне.

— А-а-а... — медленно кивнул Деоч, его улыбка слегка покривилась. — Я мог бы догадаться.

— Она живет здесь? — спросил Трепе. — Мне кажется, я ее не знаю.

— Вы бы запомнили, — сказал Деоч. — Но нет, я не думаю, что она живет в городе. Я вижу ее то тут, то там. Она путешествует, вот только была здесь и уже уехала. — Он потер затылок и обеспокоенно улыбнулся мне. — Я не знаю, где бы ты мог ее найти. Осторожней, парень, эта женщина похитит твое сердце. Мужчины падают вокруг нее, как пшеница под лезвием серпа.

Я пожал плечами, как будто такие мысли даже не могли прийти мне в голову, и обрадовался, когда Трепе свернул беседу на сплетню об одном из местных советников. Я похохатывал над их перебранкой, пока не допил свою кружку, а затем распрощался и покинул их.

Полчаса спустя я стоял на лестнице у дверей Деви, пытаюсь не обращать внимания на тухлый запах из мясницкой внизу. Я пересчитал деньги в третий раз и подумал о том, что выбрать. Я мог полностью выплатить долг и еще заплатить за обучение, но это оставило бы меня без гроша. У меня были еще долги, и, как я ни жаждал выскользнуть из-под пяты Деви, я не собирался начинать четверть без единой монеты в кармане.

Внезапно дверь открылась, напугав меня. Лицо Деви подозрительно выглянуло через узенькую щелочку, затем расцвело улыбкой, когда она узнала меня.

— Чего ты тут болтаешься? — спросила она. — Джентльмены, как правило, стучат.

Она открыла дверь пошире, чтобы впустить меня.

— Просто взвешиваю свои возможности, — объяснил я, пока Деви задвигала засов за моей спиной. Ее комната выглядела совершенно так же,

только сегодня здесь пахло корицей, а не лавандой. — Надеюсь, тебе не доставит неудобств, если я в этой четверти выплачу только процент?

— Совсем нет, — любезно сказала Деви. — Мне нравится думать об этом как о капиталовложении. — Она указала на стул. — Кроме того, это означает, что я увижу тебя снова. Знал бы ты, как мало у меня посетителей.

— Это скорее из-за местоположения, чем из-за тебя самой, — сказал я. Она наморщила носик.

— Знаю. Сначала я обосновалась здесь, потому что было дешево. Но теперь я чувствую себя обязанной оставаться тут, потому что мои клиенты знают, как меня найти.

Я выложил на стол два таланта и подтолкнул к ней.

— Можно задать вопрос?

— Неприличный? — с детским восторгом спросила Деви.

— Немного, — признал я. — Кто-нибудь когда-нибудь пытался донести на тебя?

— Ну... — Она выпрямилась на стуле. — Это можно рассмотреть с разных сторон. — Она подняла бровь над ледяным голубым глазом. — Ты угрожаешь или любопытствуешь?

— Любопытствую, — быстро ответил я.

— Вот что. — Деви кивнула на мою лютню. — Сыграй мне песенку, и я расскажу тебе все как есть.

Я улыбнулся, открыл футляр и вытащил лютню.

— А что бы ты хотела послушать?

Она подумала с минутой.

— Можешь сыграть «Беги из города, лудильщик»?

Я сыграл, быстро и легко. Деви с энтузиазмом присоединилась к припеву и в конце заулыбалась и захлопала, как девчонка.

Какой она когда-то и была. Но потом она снова превратилась в опытную, уверенную в себе женщину. А мне по-прежнему еще не исполнилось шестнадцати.

— Один раз, — ответила Деви, когда я убрал лютню. — Два года назад юный дворянин, э'лир, решил, что будет лучше проинформировать констебля, чем уплатить долг.

Я посмотрел на нее:

— И?..

— И так и сделал, — беспечно сказала она. — Они пришли, стати задавать мне вопросы, обыскали все. Конечно, не нашли ничего предосудительного.

— Конечно.

— На следующий день юный дворянин рассказал констеблю всю правду: он сочинил эту историю, потому что я отвергла его романтическое предложение. — Она усмехнулась. — Констебль, правда, совсем не веселился, и дворянчика оштрафовали за клевету на городскую даму.

Я не смог сдержать улыбку.

— Не могу сказать, что ужасно... — Я умолк, заметив одну вещицу, и указал на книжную полку. — Это «Основа всей материи» Малкафа?

— О да, — с гордостью сказала Деви. — Совсем новая. Частичная предоплата. — Она указала на полку. — Не стесняйся.

Я прошел к полке и взял книгу.

— Если бы я прочитал ее раньше, то не завалил бы сегодня вопрос на экзамене.

— Я-то думала, у вас целая куча книг в архивах, — сказала она полным зависти тоном.

Я покачал головой:

— Меня изгнали оттуда. Я провел в архивах в общей сложности два часа, и половину всего времени меня выпроваживали за ухо.

Деви медленно кивнула.

— Я слышала об этом, но ведь никогда не знаешь, какие слухи правдивы. Значит мы почти в одной лодке.

— Я бы сказал, твоя чуть лучше, — заметил я, разглядывая полки. — У тебя здесь Теккам и «Героборика». — Я просмотрел все заголовки, ища чего-нибудь, что могло бы дать информацию об амир и чандрианах, но не нашел ничего подходящего. — И «Особенности брачных игр драккусов обыкновенных» у тебя есть. Ее-то я и читал, когда меня выперли.

— Это последнее издание, — сказала она. — Здесь новые гравюры и раздел по фейен-мойте.

Я пробежал пальцами по корешку книги и отступил назад.

— Хорошая коллекция.

— Да, неплохая, — поддразнила Деви. — Если пообещаешь мыть руки, то можешь иногда приходить и читать. А если принесешь лютню и сыграешь для меня, я, может быть, даже позволю тебе взять книжку-другую, только верни вовремя. — Она одарила меня задушевной улыбкой. — Нам, изгнанникам, лучше держаться вместе.

Я провел весь долгий путь до Университета в размышлениях, флиртует Деви со мной или просто хочет подружиться. Но мне не удалось прийти ни к чему, хоть как-то напоминающему вывод. Я упоминаю об этом, чтобы кое-что прояснить. Я был умен — расцветающий герой с аларом как брус

рамстонской стали. Но прежде всего я был пятнадцатилетним мальчишкой. Когда дело касалось женщин, я терялся, как ягненок в чаще.

Килвина я нашел в его кабинете. Он наносил руны на стеклянную полусферу для еще одной висячей лампы. Я тихонько постучал в открытую дверь.

Магистр поднял взгляд.

— Э'лир Квоут, ты выглядишь гораздо лучше.

У меня заняло несколько секунд вспомнить, что Килвин говорит про события трехоборотной давности, когда он запретил мне работать в артной благодаря вмешательству Вилема.

— Спасибо, сэр, я и чувствую себя гораздо лучше.

Он внимательно посмотрел на меня.

Я взялся за кошелек.

— Я бы хотел отдать вам долг.

— Ты мне ничего не должен, — буркнул Килвин, снова опуская взгляд на стол и свое изделие.

— Мой долг мастерской, — настаивал я. — Я уже некоторое время пользуюсь вашим добрым расположением. Сколько я должен за материалы, которые использовал в учебе с Манетом?

Килвин продолжал работать.

— Один талант, семь йот и три.

Точность поразила меня, поскольку он не проверял журнал на складе. Я боялся даже представить, сколько всего этот медведь мог держать в голове. Я вытащил нужную сумму из кошелька и положил монеты на относительно свободный угол стола.

Килвин посмотрел на них.

— Э'лир Квоут, я верю, что ты заработал эти деньги достойным способом.

Его тон был столь серьезен, что я не сдержал улыбки.

— Я заработал их вчера вечером, играя в Имре.

— Музыка за рекой так хорошо оплачивается?

Я удержал улыбку и беспечно пожал плечами.

— Не знаю, будет ли так хорошо каждый вечер. Это ведь был всего лишь первый раз.

Килвин издал нечто среднее между храпом и фырканием и снова вернулся к работе.

— Спесь Элксы Дала переходит на тебя. — Он провел аккуратную черту на стекле. — Я прав, предполагая, что ты больше не будешь

проводить вечера, работая у меня?

Я был так ошеломлен, что целую минуту не мог обрести дар речи.

— Я... не... Я пришел поговорить с вами о... том, чтобы снова работать в мастерской.

Мысль перестать работать у Килвина даже не приходила мне в голову.

— Твоя музыка приносит больше выгоды, чем работа здесь. — Килвин многозначительно посмотрел на монеты на столе.

— Но я хочу здесь работать! — потерянно сказал я.

Лицо Килвина расплылось в огромной белозубой улыбке.

— Отлично. Я бы не хотел потерять тебя на другой стороне реки. Музыка — прекрасная вещь, но металл вечен. — Он стукнул по столу двумя огромными пальцами, чтобы подчеркнуть свою мысль. Затем махнул рукой, в которой держал незаконченную лампу, — словно муху отгонял: — Иди. Не опаздывай на работу, или я продержу тебя на протирке бутылок и размалывании руды еще четверть.

Уходя, я подумал о том, что сказал Килвин. Это были первые его слова, которые я не мог принять всем сердцем.

«Металл ржавеет, — подумал я. — Музыка остается навсегда».

Время показало, что один из нас был прав.

Покинув артную, я отправился прямо в «Лошадь и четверку» — пожалуй, лучший трактир по эту сторону реки. Трактирщик, лысый тучный человек, носил имя Каверин. Я показал ему свои талантовые дудочки и провел приятнейшие пятнадцать минут, торгуясь с ним.

Результатом стало то, что в обмен на игру три вечера в оборот я получал бесплатную комнату и стол. Кухня «Четверки» была великолепна, а моя комната оказалась фактически маленькой квартиркой: спальня, гардеробная и гостиная. Огромный шаг вперед от узкой койки в гнездах.

И кроме того, мы договорились, что я буду получать два серебряных таланта каждый месяц. Невообразимая сумма для человека, который был так долго нищ. И это не считая подарков и чаевых, которые могли мне оставлять богатые посетители.

Играя здесь, работая в артной и ожидая со дня на день появления на горизонте богатого покровителя, я мог наконец перестать выглядеть как нищий. Я мог купить вещи, в которых остро нуждался: еще одну смену одежды, приличные перья и бумагу, новые башмаки...

Если вы никогда не были так отчаянно бедны, я сомневаюсь, что вы сможете понять облегчение, которое я испытал. Месяцами я ждал, когда порвется башмак, зная, что любая маленькая дырочка станет катастрофой.

Но теперь мне не надо было беспокоиться о плате за следующую четверть или о процентах по ссуде Деви. Я больше не опасался, что буду вынужден уйти из Университета.

Я великолепно поужинал олениной, листовым салатом и миской изысканно приправленного томатного супа. Еще были свежие персики и сливы и белый хлеб со сладким жирным маслом. Хотя я и не просил, но мне принесли пару бокалов превосходного темного винтийского вина.

Потом я ушел к себе в комнаты и заснул мертвецким сном, утонув в необъятности новой пуховой постели.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ИШАК, ИШАК

Экзамены прошли, и у меня не было никаких обязанностей до начала осенней четверти. Я провел эти дни, отсыпаясь, работая в мастерской Килвина и наслаждаясь новыми роскошными апартаментами в «Лошади и четверке».

Изрядное время отнимала у меня дорога — до Имре и обратно, которую я проделывал под предлогом навестить Трепе или вкусить радость общения с коллегами-музыкантами в «Эолиане». Однако за всем этим стояло одно: я надеялся найти Денну.

Но все мои старания оказались тщетными. Денна словно вообще исчезла из города. Я расспросил нескольких людей, на чей счет был уверен, что они не станут сплетничать, но ни один из них не знал больше, чем Деоч. Я немного поиграл с мыслью спросить о ней у Совоя, но отмел это как плохую идею.

После шестого бесплодного путешествия в Имре я решил прекратить поиски. После девятого убедил себя, что это потеря драгоценного времени. После четырнадцатого осознал с абсолютной уверенностью: Денну я не найду. Она и в самом деле уехала. Опять.

В один из моих без-Денновых приходов в «Эолиан» я получил от графа Трепе тревожные новости. Оказывается, Амброз, перворожденный сын богатого и влиятельного барона Джакиса, трудился как пчелка в высших кругах Имре. Он распространял слухи и сплетни и настроил большинство дворян против меня. Хотя он не способен был повлиять на уважение коллег-музыкантов, но явно мог помешать мне найти богатого покровителя. Так я получил первое представление о проблемах, которые Амброз был способен доставить человеку вроде меня.

Трепе извинялся и хмурился, а я кипел от негодования. Вместе мы умудрились выпить совершенно неразумное количество вина, награждая Амброза Джакиса всевозможными нелестными эпитетами. Наконец Трепе позвали на сцену, где он спел язвительную песенку собственного сочинения, высмеивающую одного из тарбеанских советников. Ее встретили бурным хохотом и аплодисментами.

Оставался совсем короткий шаг до сочинения песни об Амброзе.

Трепе был неисправимым сплетником со склонностью к безвкусным выпадам, а мне всегда удавались привязчивые мелодии. Сочинение нашего совместного шедевра, любовно окрещенного «Ишак, ишак», заняло около часа.

На первый взгляд это была непристойная песенка про ишака, который пожелал стать арканистом. Ближе, чем этот чрезвычайно остроумный каламбур на фамилию Амброза, мы к упоминанию его подойти не смогли. Но всякий, у кого было хоть немного ума, мог догадаться, в чей огород камешек.

Уже стояла ночь, когда мы с Трепе выползли на сцену, мы были не единственными совершенно пьяными в зале. Публика встретила песню громовым хохотом и аплодисментами и тут же потребовала повторения. Мы спели еще раз, и все подхватили припев.

Ключом к успеху песенки была ее простота. Ее можно было насвистывать или напевать. Любой, даже трехпалый, мог ее сыграть, и всякий, у кого имелось ухо, хотя бы одно, — подхватить ритм. Песенка получилась вульгарной, низкопробной и привязчивой. Она распространилась по Университету, как пожар по полю.

Я толкнул наружные двери архивов и вошел в пустой вестибюль, привыкая к красному оттенку симпатических ламп. Сухой и прохладный воздух наполняли запахи пыли, кожи и старых чернил. Я вдохнул его с жадностью голодающего у булочной.

Вилем присматривал за входом. Я знал, что он сегодня будет работать. Амброза в здании не было.

— Я просто поговорить с магистром Лорреном, — быстро сказал я.

Вил расслабился.

— Он сейчас с кем-то занят. Это может затянуться...

Дверь позади приемного стола открылась, и оттуда вышел высокий тощий сильдиец, в отличие от большинства соплеменников гладко выбритый и с длинными волосами, стянутыми в хвостик. На нем была тщательно зачиненная охотничья кожаная одежда, выцветший дорожный плащ и высокие сапоги, пыльные с дороги. Когда он закрывал позади себя дверь, его рука привычно придержала рукоять меча, чтобы он не ударился о стол или стену.

— Теталиа ту Киауре эдан А'сиатх, — сказал он на сиару, хлопнув Вилема по плечу, когда проходил мимо него, — Ворелан туа тетам.

Лицо Вила озарилось нечастой улыбкой:

— Лхинсатва. Туа кверейн.

Человек рассмеялся. Когда он обходил стол, я заметил, что кроме меча он носил еще и длинный нож. Здесь, в архивах, он выглядел настолько же неуместно, как овца при королевском дворе, но вел себя спокойно и уверенно, словно чувствовал себя дома.

Заметив меня, незнакомец остановился и чуть склонил голову набок:

— Циаэтсиен?

Я не понял, какой это язык.

— Прошу прощения?

— А, извини, — сказал он на превосходном атуранском. — Ты показался похожим на иллийца. Твои волосы меня смутили. — Он посмотрел на меня пристальнее. — Но ты ведь не иллиец? Ты из руэ. — Он шагнул ко мне и протянул руку. — Одна семья.

Я не раздумывая пожал ему руку. Она была твердой, как камень, а на смуглой сильдийской коже, еще больше потемневшей от загара, выделялись несколько бледных шрамов — они пересекали суставы пальцев и бежали вверх по рукам.

— Одна семья, — эхом отозвался я, слишком удивленный, чтобы сказать что-нибудь еще.

— Люди из семьи редкие птички здесь, — заметил незнакомец, проходя мимо меня к дверям. — Я бы задержался и поделился новостями, но мне надо попасть в Ивсдаун до заката, а то упущу свой корабль. — Он открыл дверь, и комнату заполнил солнечный свет. — Я найду тебя, когда вернусь в эти края, — сказал он и, помахав на прощание, исчез.

Я повернулся к Вилему:

— Кто это был?

— Один из гиллеров Лоррена, — сказал Вил. — Виари.

— Он хранист? — недоверчиво спросил я, вспоминая тихих бледных студентов, работающих в архивах: сортирующих, переписывающих, ищущих книги.

Вил помотал головой:

— Он работает в комплектовании. Они привозят сюда книги со всего мира. Совершенно другая порода.

— Я уж понял, — сказал я, бросив взгляд на дверь.

— С Виари Лоррен как раз и разговаривал, так что теперь ты можешь идти к нему, — сказал Вил, вставая и открывая дверь позади массивного деревянного стола. — До конца коридора. Там медная табличка на двери. Я бы пошел с тобой, но у нас мало людей и я не могу оставить пост.

Я кивнул и пошел по коридору, улыбаясь, потому что Вил тихонько напевал мелодию «Ишак, ишак». Потом дверь мягко захлопнулась за мной,

и все звуки утихли — осталось только мое собственное дыхание. К тому времени, как я дошел до нужной двери, руки стали липкими от пота. Я постучал.

— Входите, — сказал изнутри Лоррен. Его голос был как лист гладкого серого сланца: ни малейшего намека на интонацию или эмоцию.

Я открыл дверь. Лоррен сидел за огромным полукруглым столом, а по стенам вокруг него от пола до потолка тянулись книжные полки. В комнате было столько книг, что не оставалось и пяди свободной стены.

Лоррен холодно посмотрел на меня. Даже сидя, он был почти с меня высотой.

— Доброе утро.

— Я знаю, что изгнан из архивов, магистр, — быстро сказал я. — Надеюсь, я не нарушаю запрет, придя к вам.

— Нет, если ты пришел с добрыми намерениями.

— Я заработал немного денег, — сказал я, вытаскивая кошелек. — И надеялся выкупить свою «Риторику и логику».

Лоррен кивнул и встал. Высокий, гладко выбритый, в черной магистерской мантии, он вдруг напомнил мне загадочного Молчаливого Доктора — персонажа, присутствующего во многих модеганских пьесах. Я подавил дрожь, стараясь не вспоминать о том, что появление Доктора предвещало катастрофу в следующем акте.

Лоррен подошел к одной из полок и вытащил маленькую книжку, в которой я с первого взгляда признал свою. Темные пятна покрывали обложку с тех нор, когда она промокла под ливнем в Тарбеане.

Я завозился с завязками моего кошелька, с удивлением заметив, как дрожат руки.

— Полагаю, она стоила два серебряных пенни.

Лоррен кивнул.

— Могу я предложить вам что-нибудь в придачу к этому? Если бы вы не выкупили ее для меня, я бы навсегда потерял ее. Не говоря о том, что этим вы помогли мне поступить в Университет.

— Двух серебряных пенни будет достаточно.

Я положил деньги на стол, они слабо звякнули, выдавая дрожь рук. Лоррен протянул мне книгу, и я взял ее, предварительно вытерев вспотевшие ладони о рубашку. Открыв книгу на подписи Бена, я улыбнулся:

— Спасибо за заботу о ней, магистр Лоррен. Она очень дорога мне.

— Заботиться об одной книге нетрудно, — сказал Лоррен, возвращаясь в кресло.

Я подождал, не продолжит ли он. Он не продолжил.

— Я... — Слова застряли у меня в горле, и я сглотнул, чтобы прочистить его. — Я также хотел сказать, что очень сожалею о... — Я запнулся, не решаясь упомянуть об открытом огне в архивах. — О том, что сделал тогда, — неловко закончил я.

— Я принимаю твои извинения, Квоут. — Лоррен снова опустил взгляд на книгу, которую читал, когда я вошел. — Доброго утра.

Я снова сглотнул, смягчая сухость в горле.

— Я также хотел узнать, могу ли надеяться снова получить допуск в архивы.

Лоррен поднял на меня глаза.

— Тебя поймали с живым огнем среди моих книг, — сказал он. Его голос даже немного окрасился чувством — так алый луч заката едва касается грифельно-серых облаков.

Все тщательно продуманные убедительные речи вылетели у меня из головы.

— Магистр Лоррен, — взмолился я. — Меня выпороли в тот день, и я плохо соображал. Амброз...

Лоррен поднял длиннопалую ладонь. Спокойный жест оборвал меня быстрее, чем пощечина. Лицо магистра было невыразительнее пустой страницы.

— Кому мне верить? Ре'лару, учащемуся три года, или двухмесячному э'лиру? Хранисту у меня на службе или незнакомому студенту, признанному виновным в «неосторожном применении симпатии»?

Я немного пришел в себя.

— Я понимаю ваше решение, магистр Лоррен. Но есть ли что-нибудь, что я могу сделать, чтобы снова получить допуск? — спросил я, не сумев полностью скрыть отчаяние в голосе. — Честное слово, лучше бы меня выпороли еще раз, чем провести еще одну четверть изгнанным из архивов. Я бы отдал вам все деньги, что есть в моем кармане, хотя это не так уж много. Я бы работал хранистом долгими часами, без оплаты, за одну только возможность доказать вам, что я достоин этого. Я знаю, у вас мало людей в период экзаменов...

Бесстрастный взгляд Лоррена сделался почти любопытным. Я почувствовал, что моя мольба тронула его.

— Все это?

— Все это, — искренне ответил я, надежда яростно затрепетала в моей груди. — Все это и любое наказание, какое вы пожелаете.

— Чтобы снять запрет, требуется только одно, — сказал Лоррен.

Я изо всех сил боролся с безумной улыбкой, выползающей на лицо.

— Все, что угодно.

— Продемонстрируй терпение и благоразумие, которого прежде тебе не доставало, — ровно сказал Лоррен и перевел взгляд на книгу на столе. — Доброго утра.

На следующий день один из рассыльных мальчишек Джеймисона пробудил меня от крепкого сна в «Лошади и четверке». Он сообщил, что за четверть часа до полудня меня вызывают на рога. Меня обвиняли в «поведении, неподобающем члену арканума». Моя песенка наконец дошла до Амброза.

Следующие несколько часов я провел с ощущением легкой тошноты в желудке. Это было именно то, чего я надеялся избежать: возможность Амброзу и Хемме свести со мной счеты. Что еще хуже, это наверняка опустит мнение Лоррена обо мне еще ниже, вне зависимости от исхода.

Я пришел в Зал магистров рано и с облегчением обнаружил, что атмосфера куда более спокойная, чем когда меня катали на рогах за злоупотребление против Хемме. Арвил и Элкса Дал улыбнулись мне, Килвин кивнул. Я с облегчением почувствовал, что среди магистров у меня есть и друзья, которые помогут уравновесить нажитых врагов.

— Отлично, — энергично сказал ректор. — У нас есть десять минут до начала экзаменов. Я не хочу отставать от графика, поэтому предлагаю начать прямо сейчас. — Он оглядел остальных магистров, все согласно кивнули. — Ре'лар Амброз, изложите свое обвинение. Не более минуты.

— У каждого из вас имеется экземпляр песни, — запальчиво начал Амброз. — Она оскорбительна и порочит мое доброе имя. Это постыдное поведение для члена арканума. — Он сглотнул и стиснул зубы. — Все.

Ректор повернулся ко мне:

— Что скажете в свою защиту?

— Да, песня безвкусная, ректор, но я не ожидал, что она так разойдется. На самом деле я спел ее всего один раз.

— Понятно. — Ректор посмотрел на листок, лежащий перед ним, и откашлялся. — Ре'лар Амброз, разве вы ишак?

Амброз окоченел.

— Нет, сэр, — ответил он.

— У вас, ммм... — Он снова откашлялся и прочитал с листа: — «Кончик, мягкий как пончик»?

Несколько магистров попытались скрыть улыбки. Элодин заухмылялся в открытую.

Амброз вспыхнул:

— Нет, сэр.

— Тогда, боюсь, я не вижу проблемы, — отрезал ректор, роняя листок на стол. — Я предлагаю заменить обвинение в «неподобающем поведении» на «непристойную выходку».

— Присоединяюсь, — сказал Килвин.

— Кто за? — Поднялись все руки, кроме Хемме и Брандье. — Предложение принято. Накладывается наказание в виде официального письма с извинениями, адресованного...

— Ради бога, Артур, — взорвался Хемме. — По крайней мере, пусть это будет публичное извинение.

Ректор зыркнул на Хемме, потом пожал плечами.

— ...Официальное письмо с извинениями, опубликованное до начала осенней четверти. Кто за? — Поднялись все руки. — Предложение принято.

Ректор оперся на локти и посмотрел сверху вниз на Амброза.

— Ре'лар Амброз, в будущем воздержитесь от траты нашего времени по надуманным поводам.

Я чувствовал, как Амброз пышет яростью, словно жар от огня.

— Да, сэр.

Не успел я порадоваться, как ректор повернулся ко мне.

— А вы, э'лир Квоут, ведите себя более прилично в будущем.

Его жесткие слова немного подпортил Элодин, начавший напевать мелодию «Ишак, ишак».

Я опустил глаза и с трудом поборол улыбку.

— Да, сэр.

— Свободны.

Амброз развернулся на каблуках и унесся прочь, но, прежде чем он исчез за дверью, Элодин вслух запел:

Превосходной породы ишак —

Это сразу видать по рысям!

За один медный пенни — пустяк! —

Покатиться позволит он вам!

Мысль о публичном извинении в письме казалась мне унижительной. Но, как говорится, лучшая месть — это сладкая жизнь, поэтому я решил не обращать внимания на Амброза и наслаждаться роскошным бездельем в

«Лошади и четверке».

Но я блаженствовал всего два дня. На третий день «Лошадь и четверка» обзавелись новым хозяином. Невысокого жизнерадостного Каверина сменил долговязый тощий человек, сообщивший мне, что в моих услугах здесь больше не нуждаются. Мне велели освободить комнаты до наступления ночи.

Было неприятно, но я знал на этой стороне реки еще по меньшей мере четыре-пять трактиров подобного уровня, и в любом запрыгали бы до небес, радуясь возможности заполучить музыканта с талантовыми дудочками.

Но трактирщик в «Остролисте» отказался говорить со мной. «Белый олень» и «Корона королевы» были довольны своими нынешними музыкантами. В «Золотом пони» я прождал больше часа, пока не понял, что меня вежливо игнорируют. К тому времени, когда я повернул к «Королевскому дубу», я уже дымился от злости.

Амброз. Я не представлял, как он это сделал, но знал, что это он. Возможно, подкуп или слух, что любой трактир, нанявший некоего рыжего музыканта, потеряет прибыль, лишившись многих богатых клиентов.

Я прошелся по всем трактирам на этой стороне реки. Меня уже завернули из высшего класса, но оставалось еще много приличных мест. В течение нескольких следующих часов я попытал счастья в «Отдыхе пастуха», «Кабаньей голове», «Крюке в стене», «Жезлах» и «Рыцарском плаще». Амброз действовал весьма тщательно: нигде мной не заинтересовались.

Был уже ранний вечер, когда я добрался до трактира «У Анкера», и к тому времени продолжать поиски меня заставляло только чистое упрямство. Я был намерен опросить все трактиры на этой стороне реки, прежде чем снова заплатить за койку и карточку на еду.

Когда я подошел к трактиру, Анкер стоял у входа, на стремянке, собственноручно приколачивая на место длинный кедровый косяк. Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Ага, значит, это ты, — сказал он.

— Прошу прощения? — недоуменно переспросил я.

— Да тут приходил один парень и сказал, что если я найму молодого рыжего музыканта, то огребу большую кучу неприятностей. — Он кивнул на мою лютню. — Наверняка это ты.

— Тогда ладно, — сказал я, поправляя ремень футляра на плече. — Не буду тратить ваше время.

— А ты его пока и не тратишь, — возразил он, слезая со стремянки и

вытирая руки о рубашку. — Моему заведению не помешала бы музыка.

Я недоверчиво посмотрел на него:

— А вы не боитесь?

Он сплюнул.

— Проклятые кровососы думают, что могут купить солнце с неба!

— Этот, наверное, мог бы себе позволить и такое, — мрачно сказал я. — И еще луну, если бы она ему понадобилась на обложку для книжки.

Анкер насмешливо фыркнул.

— Он ни хрена не может мне сделать. Я не обслуживаю такой народ, поэтому бизнес он мне не расстроит. Я сам хозяин этого заведения, поэтому он не сможет купить его и выкурить меня, как бедного старого Каверина...

— Кто-то купил «Лошадь и четверку»?

Анкер удивленно посмотрел на меня.

— А ты не знал?

Я медленно покачал головой, переваривая эту информацию. Амброз купил «Лошадь и четверку», только чтобы выкинуть меня с работы. Нет, он был слишком умен для этого. Наверное, он одолжил денег дружку и списал как деловые расходы.

Сколько это могло стоить? Тысячу талантов? Пять тысяч? Я не мог даже представить, сколько стоит трактир вроде «Лошади и четверки». Что особенно беспокоило — быстрота, с которой он все провернул.

Это ясно осветило мое будущее. Я знал, что Амброз богат, но, честно говоря, по сравнению со мной любой был богачом. Я никогда не думал, насколько он богат или как он может использовать свое богатство против меня. Теперь я получал урок о том, какого рода влияние перворожденный баронский сынок способен оказывать на окружающих.

Впервые я порадовался строгому университетскому кодексу поведения. Если Амброз был готов зайти так далеко, я мог только воображать, какие меры он бы предпринял, если бы ему не нужно было соблюдать видимость приличий.

Из задумчивости меня вывела молодая женщина, высунувшаяся из-за двери.

— Демон бы тебя побрал, Анкер! — завопила она. — Я не собираюсь тут все таскать одна, пока ты болтаешься снаружи и чешешь задницу! Живо иди сюда!

Анкер что-то едва слышно пробормотал, поднял стремянку и отнес ее за угол, в проулок.

— А что ты вообще сделал этому парню? Трахнул его мамашу?

— Да нет, песню про него написал.

Анкер открыл дверь трактира, и на улицу вырвался мягкий гул беседы.

— Любопытно послушать, — ухмыльнулся он. — Почему бы тебе не зайти и не сыграть ее?

— А вы уверены? — спросил я, боясь спугнуть свою удачу. — Это наверняка принесет беду.

— Беду? — хмыкнул он. — Что мальчишка вроде тебя может знать про это? Я был в беде еще до того, как ты родился. Я был в такой беде, что у тебя и слов для нее не найдется. — Он повернулся ко мне, все еще стоя в дверях. — Прошло много времени с тех пор, как у нас тут постоянно была музыка. В настоящей таверне должна быть музыка.

Я улыбнулся:

— Не могу с этим не согласиться.

— По правде говоря, я бы нанял тебя, просто чтобы накрутить этому барчуку хвост, — сказал Анкер. — Но если ты еще можешь играть хоть на чем-то...

Он толчком открыл дверь пошире, приглашая меня войти. Я уловил запах опилок, трудового пота и пекущегося хлеба.

К концу вечера мы все обговорили. В обмен на игру четыре вечера в оборот я получал крошечную комнатку на третьем этаже и уверенность, что если окажусь поблизости, когда все нормальные люди едят, то получу добрую порцию из котла. Следует заметить, что Анкер купил услуги одаренного музыканта за бросовую цену, но я был счастлив и такой сделке. Все лучше, чем возвращаться в гнезда под молчаливые насмешки соседей по комнате.

Потолок моей комнатенки скашивался с двух сторон, отчего она казалась еще меньше. Чуть больше мебели, чем маленький стол, деревянный стул и одинокая полка над ним, и здесь стало бы тесно. Кровать была точно такой же твердой и узкой, как койка в гнездах.

Я поставил потрепанную «Риторику и логику» на полку над столом. Футляр с лютней удобно устроился в углу. Через окно я видел огни Университета, неподвижно висящие в прохладном осеннем воздухе. Наконец-то я был дома.

Оглядываясь назад, я вижу, как мне повезло, что я попал к Анкеру. Да, люди здесь были не так богаты, как в «Лошади и четверке», но они ценили меня так, как никогда не ценили благородные.

И хотя мои апартаменты в «Лошади и четверке» поражали роскошью, крошечная комнатка у Анкера была уютной. Представьте, что мы говорим

об обуви. Вам не нужен самый большой размер, какой только можно найти, — вам нужна пара по ноге. Со временем эта комнатка у Анкера стала для меня большим домом, чем любое другое место в мире.

Но в тот момент я кипел от бешенства, что Амброз обошелся мне так дорого. И поэтому когда я сел писать публичное извинительное письмо, оно просто сочилось ядовитой искренностью. Это было произведение искусства. Я покаянно бил себя в грудь, я рвал на себе волосы и скрежетал зубами, оттого что оклеветал собрата-студента. Я не поленился включить в письмо полный текст песни с двумя новыми куплетами и нотную запись мелодии. Затем я мучительно подробно извинился за каждый вульгарный выпад в песне.

Потом я потратил четыре драгоценные йоты на бумагу и чернила и использовал услугу, которую Джаксим задолжал мне за экзаменационный жребий. Один его друг работал в печатной мастерской, и с его помощью мы напечатали больше сотни экземпляров письма.

Затем в ночь накануне осенней четверти мы с Вилом и Симом развесили их на каждой свободной стенке, какую нашли, — по обеим сторонам реки. Симмон приготовил для этого великолепный алхимический клей. Состав мазался, как краска, но, застыв, приобретал стеклянную прозрачность и стальную крепость. Если бы кто-нибудь пожелал сорвать письма, ему бы понадобились молот и долото.

Теперь это кажется таким же глупым, как дразнить разъяренного быка. И если я правильно понимаю, именно эта дерзость стала главной причиной того, что Амброз позже попытался меня убить.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ЖЕЛАНИЯ ВЕТРА

Вняв советам из нескольких источников, я ограничился в наступающей четверти тремя областями наук. Я все так же занимался углубленной симпатией у Элксы Дала, продолжал ученичество у Манета и взял смену в медике. Мой график получился насыщенным, но не перегруженным, как в прошлой четверти.

Я учился артефакции более упорно, чем всему остальному. Поскольку мои поиски покровителя зашли в тупик, я уверился, что лучший способ обеспечить себя — стать артефактором. Пока что я трудился на Килвина и выполнял довольно черную работу за относительно низкую плату. Но сразу по окончании ученичества мое положение должно было улучшиться. Кроме того, я получил бы возможность заниматься собственными проектами и продавать свои изделия или делать на заказ.

Если. Если только я буду в состоянии продолжать выплачивать долг Деви. Если смогу как-то наскребать денег на обучение. Если закончу ученичество у Манета, не погибнув и не покалечившись на опасной работе, что в артной было возможно в любой день...

В мастерской собралось сорок или пятьдесят человек, ожидающих демонстрации нового оборудования. Некоторые сидели на каменных верстаках, чтобы лучше видеть, около десятка студентов столпились на железных переходах среди стропил, между Килвиновыми лампами.

Там я заметил и Манета. При всем желании его было трудно пропустить: в три раза старше любого другого студента, он выделялся среди всех косматыми волосами и седой бородой. Я поднялся к нему, он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я. — Я думал, это только для зеленых новичков, которые раньше такого не видели.

— Полагаю, мне придется играть роль внимательного наставника, — пожал плечами Манет. — Кроме того, сегодняшнее зрелище стоит того — хотя бы из-за выражения их лиц.

На одном из массивных рабочих столов стоял большой цилиндрический бак около метра высотой и полметра в диаметре. Ребра были запаяны без бугристых швов, а тусклый блеск металла заставил меня

предположить, что это не просто сталь.

Я окинул взглядом помещение и с удивлением заметил Фелу, стоящую в толпе студентов и ожидающую начала демонстрации.

— Я не знал, что Фела здесь работает, — сказал я Манету.

Он кивнул:

— А, ну да. Сколько там, две четверти уже?

— Удивительно, что я не замечал, — пробормотал я, глядя, как она разговаривает с другой женщиной в толпе.

— Мне тоже, — сказал Манет, басовито и понимающе хохотнув. — Но она здесь не слишком часто бывает. Она лепит и работает с резаной керамикой и стеклом, так что ее интересуют материалы, а не сигалдри.

Снаружи на башне пробили часы, и Килвин огляделся, отмечая каждое лицо. Я ни на секунду не сомневался, что он точно запомнил, кого нет.

— Несколько оборотов это будет стоять у нас в мастерской, — просто сказал он, указывая на металлический цилиндр. — Около сорока литров летучего растворителя «режим игнаул нератум».

— Он единственный, кто это так называет, — тихонько заметил Манет. — Это костедеготь.

— Костедеготь?

Он кивнул:

— Щелочь. Пролей себе на руку, и проест до кости за десять секунд.

Все смотрели, как Килвин надевает толстую кожаную перчатку и зачерпывает около трети литра темной жидкости из металлического бака в стеклянную склянку.

— Важно охладить сосуд перед тем, как наливать, поскольку вещество кипит при комнатной температуре.

Он быстро закупорил склянку и поднял ее, показывая всем.

— Также необходимо герметично закупорить, поскольку жидкость чрезвычайно летуча. В газообразном состоянии она обладает поверхностным натяжением и вязкостью ртути. Газ тяжелее воздуха и не растекается: он притягивается сам к себе.

Без всяких предисловий Килвин швырнул склянку в ближайший горн, и раздался резкий звук лопающегося стекла. С высоты я разглядел, что горн, должно быть, вычистили специально для этого случая. Он был пуст — просто неглубокая круглая яма из голого камня.

— Досадно, что актер из него никакой, — шепнул мне Манет. — Элкса Дал сделал бы это с куда большим вкусом.

Послышалось резкое потрескивание и шипение темной жидкости, нагревающейся на камне горна и начинающей закипать. С высоты я видел

густой маслянистый дым, медленно заполняющий дно горна. Он вел себя совсем не как обычный дым или туман: его края не расползались, он скапливался и висел крошечным темным облачком.

Манет постучал меня по плечу, и я обернулся к нему как раз вовремя, чтобы не ослепнуть от первой вспышки — облачко загорелось. Внизу тревожно зашумели, и я догадался, что большинство присутствующих вспышка застала врасплох. Манет ухмыльнулся и многозначительно подмигнул мне.

— Спасибо, — сказал я и повернулся посмотреть.

На поверхности облачка плясало неровное пламя, окрашенное в яркий натриево-красный цвет. От нагрева темный туман закипел быстрее и стал подниматься, пока пламя не начало лизать верхний край горна, находящийся где-то на уровне пояса. Даже отсюда я чувствовал легкий жар на своем лице.

— Как вы называете эту чертовщину? — тихонько спросил я. — Туманный огонь?

— Можно и так, — хмыкнул Манет. — Килвин бы, наверное, назвал это атмосферно-активированным возгоранием.

Огонь замерцал и сразу погас, наполнив помещение резким запахом раскаленного камня.

— Кроме того, что вещество сильно разъедающее, — сказал Килвин, — в газообразном состоянии оно легко воспламеняется. Как только пары достаточно нагреются, они загораются от соприкосновения с воздухом. Тепло, которое при этом выделяется, может вызвать каскадную экзотермическую реакцию.

— Богопроклятый каскадный пожар, — пояснил Манет.

— Ты лучше всякого суфлера, — тихонько сказал я, пытаясь сохранить невозмутимость.

Килвин махнул рукой:

— Этот бак сделан так, чтобы держать вещество холодным и под давлением. Будьте осторожны, пока он находится в мастерской. Избегайте чрезмерного тепла в непосредственной близости с ним.

С этими словами Килвин развернулся и ушел в свой кабинет.

— И все? — спросил я.

Манет пожал плечами:

— А чего тут рассусоливать? Растяпам Килвин здесь работать не позволит, теперь же все знают, чего именно остерегаться.

— А зачем эта штука вообще здесь? — спросил я. — На что она годится?

— Пугать первочетвертников до тошнотиков, — ухмыльнулся он.

— А на что-нибудь более практичное?

— Страх весьма практичен, — заметил Манет. — Но еще с его помощью можно делать излучатели для симпатических ламп. Получается синеватый цвет вместо обычного красного. Немного легче для глаз. Стоит бешеных денег.

Я посмотрел вниз, но среди толпящихся студентов не смог увидеть Фелу. Я снова повернулся к Манету:

— Хочешь дальше играть во внимательного наставника и показать мне, как это делается?

Он запустил руки в свою гриву и пожал плечами:

— А то!

Играя у Анкера тем же вечером, я заметил красивую девушку, сидящую сзади за одним из переполненных столиков. Она показалась мне очень похожей на Денну, но я понимал, что это не более чем фантазия. Я так надеялся увидеть ее, что уже несколько дней образ Денны чудился мне повсюду.

Второй взгляд открыл мне правду.

Это и была Денна, подпевающая «Дочке гуртовщика» вместе с половиной посетителей «У Анкера». Она заметила, что я смотрю на нее, и помахала мне.

Ее появление было настолько неожиданным, что я совершенно забыл, что делают мои пальцы, и песня рассыпалась. Все засмеялись, а я изобразил глубокий поклон, чтобы скрыть смущение. Слушатели около минуты в равной степени подбадривали и освистывали меня, наслаждаясь моим провалом больше, чем самой песней. Такова уж человеческая натура.

Я подождал, пока их внимание поутихнет, а потом непринужденно направился туда, где сидела Денна.

Она встала поздороваться.

— Я прослышала, что ты играешь на этой стороне реки, — сказала она. — Но не представляю, как тебя еще не прогнали, если ты проваливаешься всякий раз, как тебе подмигнет какая-нибудь девчонка.

Я почувствовал, что краснею.

— Это не так часто случается.

— Подмигивание или провал?

Я не смог придумать ответ и почувствовал, что краснею еще сильнее. Денна рассмеялась.

— Сколько ты еще будешь играть сегодня? — спросила она.

— Не очень долго, — соврал я. Я был должен Анкеру по крайней мере час.

Она просияла.

— Отлично. Прогуляйся со мной потом. Мне надо, чтобы меня кто-нибудь сопровождал.

Едва веря в удачу, я поклонился.

— К вашим услугам, конечно. Я пойду, сразу как закончу.

Я отправился к стойке, где суетились Анкер и две служанки, разливая выпивку.

У меня никак не получалось привлечь внимание хозяина, так что я схватил его за фартук, когда он пробежал мимо. Анкер резко остановился и едва не опрокинул на сидящих целый поднос выпивки.

— Господни зубы, парень. Что с тобой?

— Анкер, мне надо уйти. Я не смогу сегодня остаться до закрытия.

Он помрачнел:

— Такие толпы просить не будут. И сидеть без песен или еще какого развлечения тоже.

— Я спою еще одну песню. Длинную. Но после этого мне надо будет уйти. — Я смотрел на него с отчаянием. — Клянусь, я отработаю.

Он посмотрел на меня повнимательнее.

— У тебя неприятности?

Я покачал головой.

— А, тогда девчонка. — Он повернулся на крики, требующие еще выпивки, потом быстро махнул мне: — Ладно, иди. Но уж сделай хорошую длинную песню. И еще должен будешь.

Я вышел перед залом и похлопал в ладоши, привлекая внимание. Как только публика приутихла, я заиграл. Когда я взял третий аккорд, все поняли, что это «Лудильщик да дубильщик» — старейшая песня в мире. Я убрал руки со струн и начал хлопать. Скоро все отбивали в унисон ритм — ногами по полу, кружками по столам.

Грохот стоял почти оглушительный, но он немного утих, когда я запел первый куплет. Потом я завел весь зал подпевать припев — кто со своими словами, кто в других тональностях. Закончив второй куплет, я прошел к ближайшему столику, и снова зал подхватил припев.

Потом я жестом показал людям за столиком, чтобы они спели свой куплет. Пару секунд они не могли понять, чего я хочу, но ожидания всего зала было достаточно, чтобы ободрить одного из самых набравшихся студентов прокричать свой куплет. Это принесло ему громовые аплодисменты и одобрителные вопли. Затем, поскольку все снова запели

припев, я перешел к другому столику и сделал то же самое.

Очень скоро люди начали сами запевать куплеты, как только кончался припев. Я дошел до двери на улицу, где ждала меня Денна, и мы вместе выскользнули в ранние вечерние сумерки.

— Ловко проделано, — сказала она, направляясь прочь от таверны. — Как думаешь, они долго продержатся?

— Это зависит от того, как быстро Анкер сможет разносить выпивку. — Я остановился на углу проулка между задним двором таверны Анкера и соседней пекарней. — Подождешь меня минутку? Я уберу лютню.

— В переулок? — спросила Денна.

— В мою комнату.

Я легко и быстро полез по стене. Правой ногой на дождевую бочку, левой на край окна, левой рукой за железную трубу — и вот я вскочил на край крыши первого этажа. Я перепрыгнул через проулок на крышу пекарни и улыбнулся испуганному вздоху Денны. Короткий проход вверх, и я перепрыгнул обратно на крышу второго этажа «У Анкера». Оттянув задвижку моего окна, я аккуратно положил лютню на кровать и вернулся тем же путем.

— А что, Анкер берет пенни за каждый проход по лестнице? — спросила Денна, когда я почти спустился.

Я слез с бочки и вытер руки о штаны.

— Я прихожу и ухожу в неудобное время, — непринужденно пояснил я, пристраиваясь рядом с ней. — Прав ли я, предполагая, что ты ищешь джентльмена, с которым можно погулять сегодня вечером?

Денна искоса посмотрела на меня, и ее губы тронула улыбка:

— Вполне.

— Какая неудача, — вздохнул я. — Я-то как раз не джентльмен.

Ее улыбка стала шире.

— Думаю, ты достаточно близок.

— Хотел бы быть еще ближе.

— Тогда прогуляйся со мной.

— Это доставит мне огромное удовольствие. Однако... — Я чуть замедлил шаг, улыбка превратилась в серьезную маску. — А как же Совой?

Ее губы сжались в ниточку.

— Он что, меня застолбил?

— Ну, не совсем так. Но здесь начинаются определенные правила...

— Джентльменское соглашение? — язвительно спросила она.

— Больше похоже на воровскую честь, если на то пошло.

Денна посмотрела мне прямо в глаза.

— Квоут, — серьезно произнесла она. — Укради меня.

Я поклонился и широким жестом обвел окружающий мир.

— Слушаю и повинуюсь.

И мы продолжили прогулку. В ярком свете луны дома и лавки вокруг казались чисто вымытыми и бледными.

— А правда, как Совой? Я его давненько не видел.

Она махнула рукой, отменяя саму мысль о нем.

— Я тоже. Не из-за недостатка попыток с его стороны.

Мое настроение слегка приподнялось.

— Правда?

Денна закатила глаза:

— Розы! Клянусь, вы, мужчины, все вытащили свою романтику из одной и той же засаленной книжонки. Цветы — прекрасная штука, их хорошо дарить даме. Но когда до них доходит, это всегда розы, всегда красные и всегда бездушные, оранжерейные. — Она повернулась ко мне. — Когда ты смотришь на меня, ты думаешь о розах?

Я уже понял достаточно, чтобы улыбнуться и покачать головой.

— А о чем? Если не розы, то что ты видишь?

Попался. Я оглядел ее сверху донизу, словно пытаюсь решить.

— Ну, — медленно сказал я, — тебе придется простить нас, мужчин. Понимаешь, не так-то легко подобрать цветок, подходящий девушке, извини за выражение...

Она скорчила гримасу:

— Подобрать цветок. Ладно, на этот раз извиню.

— Беда в том, что, когда ты даришь девушке цветы, выбор их может быть предопределен самыми разными способами. Мужчина может дарить тебе розы, потому что восхищается твоей красотой или потому что ему примерещилось, будто их оттенок или форма похожи на твои губы. Розы дороги, и, возможно, ценным подарком он хочет показать, насколько ты дорога ему.

— Ты привел хорошие доводы в защиту роз, — сказала Денна. — Но факт остается фактом: я их не люблю. Подбери другой цветок, подходящий.

— Но что подходит? Когда мужчина дарит тебе розу, он может иметь в виду совсем не то, что тебе кажется. Ты можешь подумать, что он считает тебя изящной или хрупкой. Возможно, тебе не понравится поклонник, который видит в тебе только красоту и ничего больше. Стебель розы в шипах, и ты можешь решить, что он считает тебя готовой ударить по руке, слишком быстрой на прикосновения. Но если он обрежет шипы, ты

можешь подумать, что он не любит тех, кто готов защищать себя остротой или резкостью. Так много способов истолковать жест! — Я развел руками. — Что же делать бедному мужчине?

Денна искоса посмотрела на меня.

— Если этот мужчина — ты, он наверняка наболтает много умных слов и понадеется, что вопрос будет исчерпан. — Она наклонила голову: — Но не выйдет. Какой цветок ты бы подобрал для меня?

— Хорошо, дай подумать. — Я повернулся к ней и снова отвернулся. — Пойдем по списку. Одуванчик, может быть: он яркий, а в тебе есть яркость. Но одуванчик слишком обычен, а ты — существо непростое. Розы мы уже обсудили. Белладонна — нет. Крапива... возможно.

Она скорчила гневно-насмешливую гримаску и показала мне язык.

Я постучал пальцем по губам, словно передумав.

— Ты права, от нее тебе подходит только язычок.

Денна фыркнула и скрестила руки на груди.

— Овсяг! — провозгласил я, заставив ее рассмеяться. — Его дикость подходит тебе, но это слишком маленький цветок, да и скромный. По этим, а также по некоторым другим, — я кашлянул, — более очевидным причинам я думаю, мы его пропустим.

— Какая жалость, — сказала она.

— Маргаритка хороша, — продолжал я, не позволяя ей отвлечь меня. — Высокая и стройная, любящая расти у дороги. Здоровый цветок, не слишком изысканный. Маргаритка уверена в себе. Я думаю, она могла бы подойти тебе... Но давай продолжим список. Ирис? Слишком безвкусен. Чертополох — слишком сдержан. Фиалка — слишком коротка. Триллиум? Хм, а что? Прекрасный цветок. Не поддается культивации. Текстура лепестков... — я сделал самое смелое движение в своей юной жизни и коснулся шеи Денны двумя пальцами, — достаточно гладкая, чтобы сравниться с твоей кожей, хотя бы немного. Но он слишком близок к земле.

— Да ты мне уж целый букет принес, — мягко заметила она, рассеянно поднимая руку к шее, где я коснулся ее. Она задержала руку на секунду, потом уронила.

Хороший знак или плохой? Стирала Денна мое прикосновение или покрепче прижимала к себе? Неуверенность переполняла меня сильнее, чем раньше, и я решил продолжать, больше не рискуя. И остановился.

— Цветок селаса!

Денна тоже остановилась и повернулась ко мне.

— И вот наконец из всего ты выбираешь цветок, которого я не знаю? Что за селас? Почему?

— Это темно-красный цветок, который растет на гибкой прочной лозе. У него темные изящные листья. Они лучше растут в тени, но сам цветок, чтобы раскрыться, ищет заблудившиеся лучи солнца. — Я посмотрел на нее. — Это похоже на тебя. В тебе так много света и тени одновременно. Селас растет в диких лесах и редко встречается, потому что только очень искусные люди могут сорвать его, не повредив. У него чудесный запах, его часто ищут, но редко находят. — Я сделал паузу и решил испытать ее. — Да, если мне придется выбирать, я бы выбрал селас.

Денна посмотрела на меня и отвела взгляд.

— Ты слишком много думаешь обо мне.

Я улыбнулся:

— Может, это ты слишком мало думаешь о себе?

Она подхватила краешек моей улыбки и отразила ее мне.

— До этого ты был ближе: маргаритки, простые и славные. Маргаритки — вот путь к завоеванию моего сердца.

— Я запомню это. — Мы снова пошли. — А какой цветок ты бы подарила мне? — поддразнил я ее, надеясь застать врасплох.

— Ивовый цвет, — не колеблясь ни секунды, ответила она.

Я задумался.

— А разве у ивы есть цветы?

Она посмотрела вверх и вбок, припоминая.

— Кажется, нет.

— Значит, получить такой — редкая честь, — хмыкнул я. — А почему ивовый цвет?

— Ты напоминаешь мне иву, — беспечно сказала она. — Сильная, с глубокими корнями и скрытная. Ты легко клонишься, когда приходит буря, но не больше, чем сам того хочешь.

Я поднял руки, словно отбивая удар.

— Прекрати эти сладкие речи, — запротестовал я. — Ты хочешь склонить меня своей волей, но это не сработает. Твоя лесть для меня не больше, чем ветер.

Секунду Денна смотрела на меня, словно удостовераясь, что моя тирада закончена.

— Более всех деревьев, — сказала она с легким изгибом улыбки на прекрасных устах, — ива повинуется желаниям ветра.

Звезды сказали мне, что прошло пять часов. Но казалось, что минула

всего лишь минута, а мы уже дошли до «Дубового весла», где она жила в Имре. У дверей была минута, которая длилась целый час: я колебался, не поцеловать ли мне ее. Искушение одолевало меня десятком раз по дороге, за разговорами: когда мы остановились на Каменном мосту, чтобы посмотреть на реку в лунном свете, под липой в одном из парков Имре...

И каждый раз я чувствовал, как между нами нарастает почти ощутимое напряжение. Когда она искоса смотрела на меня, улыбаясь своей загадочной улыбкой, то наклон ее головы, взгляд прямо в лицо заставляли меня думать, что она надеется... на что-то. Что я обниму ее? Поцелую? Как было узнать? Как я мог быть уверен?

Я и не мог и поэтому противостоял ее притяжению. Я не хотел позволять себе слишком много, не хотел обидеть ее или оконфузиться сам. Кроме того, предупреждение Деоча вселило в меня неуверенность. Возможно, то, что я чувствовал, было только естественным очарованием Денны, ее обаянием.

Как все мальчишки моего возраста, я становился сущим идиотом, когда дело касалось женщин. Разница между мной и остальными состояла в том, что я болезненно осознавал собственное невежество, а другие, типа Симмона, неуклюжими ухаживаниями выставляли себя осликами. Я боялся сделать какой-нибудь нежелательный ход в отношении Денны и услышать ее смех над моей неловкостью. Больше всего я ненавижу делать что-либо плохо.

Поэтому я распрощался и посмотрел, как она входит в боковую дверь «Дубового весла». Потом я глубоко вздохнул и чуть не засмеялся и не заплясал от радости. Я был так полон ею, запахом ветра в ее волосах, звуком ее голоса, тенями лунного света на ее лице.

Но затем мои стопы вновь вернулись на землю. Не пройдя и шести шагов, я сник, как парус, потерявший ветер. Среди спящих домов и темных трактиров мое настроение за три коротких вдоха скакнуло от восторга к сомнению.

Я все испортил. Все, что я говорил, что казалось мне умным в ту минуту, было на самом деле ужасно, такое мог придумать только полный болван. И сейчас Денна с облегчением вздыхает, радуясь, что избавилась от меня.

Но она улыбалась. Смеялась.

Она не помнила нашу первую встречу по дороге из Тарбеана. Я не мог тогда произвести на нее никакого особенного впечатления. «Укради меня», — сказала она.

Мне следовало быть смелее и поцеловать ее в конце. Мне надо было

быть осмотрительнее: я слишком много говорил. И слишком мало сказал.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ГУЛЯЛИ-БОЛТАЛИ

Вилем и Симмон уже почти покончили с обедом, когда я появился на нашем обычном месте во дворе.

— Простите, — сказал я, кладя лютню на камни мостовой около скамейки. — Заторговался.

Я был на другой стороне реки: покупал драхму ртути и мешочек морской соли. Последний стоил мне дорого, но на этот раз деньги меня не заботили. Если удача мне улыбнется, я скоро продвинусь в артной, а это значит, что мои денежные проблемы закончатся.

Затовариваясь в Имре, я также чисто случайно послонялся вокруг трактира, где остановилась Денна, но ее там не оказалось, как и в «Эолиане», и в парке, где мы были вчера ночью. Но я все равно пребывал в прекрасном настроении.

Я повернул футляр набок и открыл его, чтобы солнце согревало новые струны, помогая им растягиваться. Потом сел рядом с друзьями на каменную скамейку под столбом для наказаний.

— И где ты был прошлой ночью? — уж слишком небрежно спросил Симмон.

Только тогда я вспомнил, что мы, все трое, планировали встретиться с Фентоном и поиграть в уголки. Денна совершенно выбила этот план у меня из головы.

— О боже, прости, Сим. Сколько вы меня ждали?

Сим посмотрел на меня.

— Простите, — повторил я, надеясь, что выгляжу так же виновато, как себя чувствую. — Я забыл.

Сим ухмыльнулся и легко пожал плечами.

— Да большое дело. Когда мы поняли, что ты не появишься, мы пошли в «Библиотеку» пить да смотреть на девчонок.

— Фентон был вне себя?

— В ярости, — спокойно сказал Вилем, наконец присоединяясь к беседе. — Сказал, что надерет тебе уши, когда увидит в следующий раз.

Ухмылка Сима расплылась еще шире.

— Он назвал тебя безголовым э'лиром, не ведающим своего блага.

— Говорил что-то о твоём происхождении и эротической склонности к

животным, — сказал Вилем с непроницаемым лицом.

— «...в тейлинской рясе!» — пропел Симмон с набитым ртом, рассмеялся и закашлялся. Я похлопал его по спине.

— А где ты был? — спросил Вилем, пока Симмон пытался снова дышать. — Анкер сказал, ты рано ушел.

Я вдруг понял, что мне почему-то не хочется говорить о Денне.

— Я кое-кого встретил.

— Кого-то более важного, чем мы? — спросил Вилем ровным тоном, который можно было принять и за сарказм, и за критику.

— Девушку, — признался я.

Его бровь поползла вверх.

— Ту, за которой ты все гонялся?

— Я ни за кем не гонялся, — запротестовал я. — Она сама меня нашла у Анкера.

— Добрый знак, — сказал Вилем.

Симмон глубокомысленно кивнул, потом посмотрел на меня с озорным блеском в глазах.

— То есть вы немного позанимались музыкой? — Он пихнул меня локтем и подергал вверх-вниз бровями. — Небольшой дуэт?

Он выглядел слишком смешно, чтобы обижаться.

— Никакой музыки. Она просто хотела, чтобы кто-нибудь проводил ее до дома.

— Проводил до дома? — с намеком повторил он, снова поводя бровями.

На этот раз мне это показалось уже не таким смешным.

— Было темно, — серьезно сказал я. — Я просто проводил ее обратно в Имре.

— А-а, — разочарованно сказал Сим.

— Ты же рано ушел от Анкера, — неторопливо заметил Вилем. — Мы прождали целый час. У тебя что, путь до Имре и обратно занимает два часа?

— Это была долгая прогулка, — признал я.

— Долгая — это сколько? — спросил Симмон.

— Несколько часов, — ответил я, глядя в сторону. — Шесть.

— Шесть часов? — переспросил Сим. — Давай уже рассказывай. Думаю, я имею право на некоторые подробности после того, как слушал твое блеяние про нее последние два оборота.

Я начал заводитьсь.

— Я не блею. Мы просто гуляли, — сказал я. — Болтали.

Сим явно сомневался.

— Да ладно. Шесть часов?

Вилем постучал его по плечу.

— Он говорит правду.

Симмон оглянулся на него.

— Почему ты так думаешь?

— Звучит более искренно, чем когда он врет.

— Если вы двое помолчите пару минут, я вам все расскажу. Ладно? —

Они кивнули. Я посмотрел на свои руки, пытаюсь собраться с мыслями, но порядка в голове не прибавилось. — Мы пошли длинным путем в Имре, постояли немного на мосту. Погуляли в парке за городом. Посидели у реки. Мы говорили... да на самом деле ни о чем. О местах, где бывали, о песнях... — Я понял, что начал «блестать», и закрыл рот. Следующие слова я подобрал тщательно. — Я подумывал перейти к чему-нибудь большему, чем разговоры, но...

Я умолк, поскольку не имел ни малейшего представления, что сказать дальше.

Оба они молчали с минуту.

— Надо же, — восхитился Вилем. — Квоут Могучий повержен женщиной.

— Если б я тебя не знал, я бы решил, что ты испугался, — сказал Симмон не особенно серьезно.

— Ты чертовски прав, я испугался, — тихо сказал я, нервно вытирая руки о штаны. — Ты бы тоже испугался, если бы встретил ее. Я сейчас едва могу себя заставить сидеть здесь, а не бежать в Имре, надеясь увидеть ее через витрину или пройти мимо по улице. — Я криво улыбнулся.

— Так иди, — улыбнулся Симмон и легонько пихнул меня. — Бог в помощь. Если б я встретил такую женщину, я бы не жевал тут обед с такими, как вы двое. — Он отбросил волосы с глаз и еще раз пихнул меня свободной рукой.

Я остался на месте.

— Это не так просто.

— Да у тебя все непросто, — пробормотал Вилем.

— Да конечно, это просто, — рассмеялся Симмон. — Иди расскажи ей то, что ты только что сказал нам.

— Ну да, — сказал я с мрачным сарказмом. — Если б это было так же просто, как петь. Кроме того, я не знаю, захочет ли она слушать. Она совсем особенная... зачем я ей сдался?

Симмон удивленно уставился на меня.

— Она пришла искать тебя — значит, она явно чего-то хочет.

Наступило короткое молчание, и я поспешил сменить тему.

— Манет дал мне разрешение начать рабочий проект.

— Уже? — тревожно спросил Сим. — А Килвин с этим согласится?

Он не очень жалуется тех, кто срезает углы.

— А я и не срезал, — сказал я. — Я просто быстро все схватываю.

Вилем насмешливо фыркнул, а Сим сказал, пока мы не начали пререкаться:

— А что ты будешь делать? Симпатическую лампу?

— Все делают лампы, — поддакнул Вилем.

Я кивнул.

— Я хотел сделать что-нибудь особенное, может быть жарвинт, но Манет посоветовал все-таки лампу.

Часовая башня пробила четыре. Я встал и взял футляр с лютней, собираясь идти на занятия.

— Тебе надо сказать ей, — сказал Симмон. — Если девушка тебе нравится, ей надо дать знать.

— А как в отношении тебя самого? — спросил я, раздраженный тем, что именно Сим позволяет себе давать мне советы, как себя вести. — Приведи статистику, как часто окупается твоя стратегия?

Вилем нарочито отвел глаза, а мы с Симом уставились друг на друга. Я отвернулся первым, чувствуя себя виноватым.

— Да и говорить-то нечего, — пробормотал я. — Мне нравится проводить с ней время, и теперь я знаю, где она живет. Это значит, что я смогу найти ее, когда захочу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕВЯТЬ В ОГНЕ

На следующий день, как только представилась возможность, я отправился в Имре. Потом, случайно проходя мимо, заглянул в «Дубовое весло».

Владелец сказал, что не знает имен Денна или Дианне, но молодая красивая девушка по имени Динна снимает здесь комнату. Прямо сейчас ее нет, но если вы желаете оставить записку... Я отклонил это предложение, успокоенный самим фактом, что, раз я теперь знаю, где остановилась Денна, найти ее будет сравнительно легко.

Однако в течение следующих двух дней мне не удалось поймать ее в «Дубовом весле». На третий день хозяин сообщил мне, что среди ночи Денна уехала, забрав все свои вещи и не заплатив за комнату. Заглянув в несколько таверн и не найдя ее, я пошел обратно в Университет, не зная, беспокоиться мне или злиться.

Еще три дня и пять бесплодных путешествий в Имре. Ни Деоч, ни Трепе ничего не слышали о Денне. Деоч сказал мне, что исчезать вот так в ее обыкновении и искать ее так же бессмысленно, как звать кошку. Я знал, что это хороший совет, но не внял ему.

Я сидел в кабинете Килвина, пытаюсь выглядеть спокойным, а огромный косматый магистр вертел мою симпатическую лампу в великанских лапах. Это был мой первый самостоятельный проект в качестве артефактора. Мне надо было самому отлить пластины и отшлифовать линзы. Самому заправить излучатель, не отравившись мышьяком. И главное, моими были алар и сложная сигалдри, которая превращала отдельные части в работающую ручную симпатическую лампу.

Если Килвин одобрял законченное изделие, он продавал его, а я получал часть денег за комиссию. И кроме того, я становился полноправным артефактором, хоть и едва оперившимся. Мне будут доверять разработку собственных проектов и давать большую степень свободы. Это был серьезный шаг вперед в рангах артной, шаг к получению звания ре'лара и, что еще важнее, к моей финансовой свободе.

Наконец Килвин поднял взгляд.

— Прекрасно сделано, э'лир Квоут, — сказал он. — Но конструкция

необычная.

Я кивнул:

— Я внес несколько изменений, сэр. Если вы включите ее, то увидите...

Килвин издал низкий звук, который мог оказаться и смешком, и раздраженным ворчанием. Он положил лампу на стол и прошелся по комнате, потушив все лампы, кроме одной.

— Знаешь, сколько ламп взорвалось в моих руках за все эти годы, э'лир Квоут?

Я сглотнул и покачал головой:

— Сколько?

— Ни одной, — серьезно сказал он. — Потому что я всегда осторожен. Тебе надо научиться терпению, э'лир Квоут. Миг в уме стоит десяти в огне.

Я опустил глаза и попытался выглядеть вполне пристыженным.

Килвин протянул руку и погасил последнюю лампу, отчего в кабинете наступила почти полная темнота. Пауза — и отчетливый красноватый свет из лампы упал на стену. Свет был очень тусклый, меньше чем от одной свечи.

— Выключатель ступенчатый, — быстро сказал я. — Это больше реостат, чем выключатель.

Килвин кивнул.

— Умно устроено. Не то, о чем задумывается большинство, делая такие маленькие лампы, как эта. — Свет стал ярче, потом тусклее, потом опять ярче. — Сама сигалдри кажется вполне приличной, — медленно сказал Килвин, ставя лампу на стол. — Но фокус у твоей линзы с изъяном. Очень малое рассеивание.

Это была правда. Вместо того чтобы освещать всю комнату, как бывало обычно, моя лампа озаряла узкий кусок пространства: угол рабочего стола и половину черной грифельной доски, стоявшей у стены. Остальной кабинет оставался темным.

— Это специально, — сказал я. — Есть такие фонари, типа «бычий глаз».

Килвин был всего лишь темной тенью поперек стола.

— Такие вещи мне знакомы, э'лир Квоут. — В его голосе прозвучал намек на осуждение. — Их часто используют для сомнительных дел. С которыми арканистам не следует иметь ничего общего.

— Я думал, ими пользуются моряки, — сказал я.

— Грабители ими пользуются, — мрачно сказал Килвин, — и шпионы, и всякий прочий сброд, который хочет скрыть свои делишки под покровом

ночи.

Моя легкая тревога внезапно стала острее. Я-то считал эту встречу практически формальностью. Я знал, что я искусный мастер-артефактор, лучше многих других, дольше работавших в мастерской Килвина. Но теперь я внезапно забеспокоился, что, возможно, совершил ошибку и зря потратил около тридцати часов работы над лампой, не говоря уже о целом таланте из моих собственных денег, вложенном в материалы.

Килвин пробурчал что-то уклончивое и едва слышно что-то прошептал. Полдюжата масляных ламп в комнате снова ожили, наполнив кабинет естественным светом. Я подивился мастерскому непринужденному исполнению шестерного связывания. Я не мог даже предположить, откуда Килвин взял энергию.

— Это потому, что все делают симпатическую лампу первым проектом, — сказал я, чтобы заполнить тишину. — Все следуют одной и той же старой схеме. Я хотел сделать нечто необычное. Хотел посмотреть, смогу ли сделать что-то новое.

— Видимо, ты желал продемонстрировать свою одаренность и искусность, — буднично сказал Килвин. — Не только закончить ученичество за половину обычного срока, но и принести мне лампу улучшенной конструкции. Давай будем откровенны, э'лир Квоут. Изготовление тобой этой лампы — попытка показать, что ты лучше любого обычного ученика?

Сказав это, Килвин посмотрел прямо на меня, и на мгновение в его глазах не осталось ни капли обычной рассеянности.

Я почувствовал, что во рту у меня пересохло. Под косматой бородой и ужасным акцентом ум Килвина сверкал, как бриллиант. Почему я вдруг поверил, что смогу солгать ему и это сойдет?

— Конечно, я хотел произвести на вас впечатление, магистр Килвин, — сказал я, не поднимая глаз. — Я думал, это и без слов понятно.

— Не унижайся, — сказал он. — Ложная скромность меня не впечатляет.

Я поднял глаза и расправил плечи.

— В таком случае, магистр Килвин, я действительно лучше. Я учусь быстрее. Работаю усерднее. Мои руки точнее и проворнее. Мой ум любознательнее. Однако я думал, вы и так это знаете.

Килвин кивнул:

— Так-то лучше. И ты прав, я все это и так знаю. — Он поводил рычажком, направляя лампу на разные предметы в кабинете. — И если уж совсем честно, я глубоко впечатлен твоим мастерством. Лампа аккуратно

сделана. Сигалдри весьма хитроумна. Гравировка точна. Это превосходная работа.

Я покраснел от удовольствия.

— Но артефакция — больше, чем просто искусство, — сказал Килвин, кладя лампу и опуская огромные ладони по бокам от нее. — Я не могу продать эту лампу. Она будет стремиться к дурным людям. Если поймают грабителя с такой лампой, это плохо отразится на арканистах. Ты закончил ученичество и отличился мастерством. — (Я немного расслабился.) — Но твоя мудрость и рассудительность пока что спорна. Саму лампу мы, наверное, переплавим как металлолом.

— Вы собираетесь расплавить мою лампу?

Я целый оборот над ней работал и истратил почти все деньги на закупку материалов. Я рассчитывал получить приличную прибыль, когда Килвин ее продаст, но сейчас...

Лицо Килвина было непреклонным.

— Мы все несем ответственность за репутацию Университета, э'лир Квоут. Подобная вещь в дурных руках плохо отразится на всех нас.

Я попытался придумать способ убедить его, но он махнул рукой, выгоняя меня за дверь.

— Иди расскажи Манету свои хорошие новости.

В унынии я пошел в мастерскую и был встречен звуками сотни рук, занятых резкой дерева, откалыванием камня и обстукиванием металла. Воздух был спертый, с запахом травильных кислот, раскаленного железа и пота. В углу я заметил Манета, он загружал черепицу в печь для обжига. Я подождал, пока он закроет дверцу и вытрет пот со лба рукавом рубахи.

— Как успехи? — спросил он. — Ты прошел или я еще четверть буду водить тебя за ручку?

— Прошел, — отмахнулся я. — Ты был прав насчет изменения конструкции. Ему не понравилось.

— Говорил же я тебе, — сказал Манет без особого самодовольства. — Не мешает помнить, что я здесь дольше десяти студентов. Если я говорю, что магистры по сути консервативны, я не просто болтаю. Я-то знаю. — Манет лениво почесал косматую седую бороду, наблюдая, как волны жара расходятся от кирпичной печи. — Есть идеи, чем теперь заняться, раз уж ты вольная птичка?

— Я подумывал сделать партию излучателей для синих ламп, — сказал я.

— Деньги хорошие, — неторопливо заметил Манет. — Но рискованно.

— Ты же знаешь, я осторожен, — заверил я его.

— Риск есть риск, — возразил Манет. — Я учил парня — лет так десять назад. Как же его звали?.. — Он постучал себя по голове, потом пожал плечами. — Он пролил чуть-чуть. — Манет резко стиснул пальцы. — Но этого было достаточно. Страшно обжегся и потерял пару пальцев. Артефактор из него после этого стал никакой.

Я посмотрел через мастерскую на покрытого шрамами Каммара, лысого и без глаза.

— Намек понял.

Я тревожно сжал руки, взглянув на полированную металлическую канистру. После демонстрации Килвина люди обычно денек-другой нервничали вблизи от нее, но потом она становилась не больше чем предметом обстановки. По правде говоря, для беспечных в артной существовало еще десять тысяч способов умереть. Костедеготь был всего лишь самым новым и волнующим способом самоубийства.

Я решил сменить тему:

— Можно тебя спросить?

— Валяй, — сказал он, поглядывая на соседнюю печь. — Ну, чего? Говори.

Я поднял глаза к потолку.

— Можешь ли ты сказать, что знаешь Университет лучше других?

Он кивнул:

— Лучше многих живых. Все грязные секретешки.

Я немного понизил голос:

— А если бы ты захотел, то бы смог проникнуть в архивы так, чтобы никто не знал?

Глаза Манета сузились.

— Мог бы, — сказал он, — но не стал бы.

Я начал что-то говорить, но он оборвал меня более чем раздраженно:

— Слушай, мой мальчик, мы уже говорили об этом раньше. Просто потерпи. Тебе надо дать Лоррену больше времени, чтобы остыть. Прошло всего около четверти...

— Полгода прошло!

Манет покачал головой.

— Это только тебе кажется долгим, потому что ты молод. Поверь мне, в голове Лоррена все еще свежо. Просто проводи четверть-другую, поражая Килвина, а потом попроси его походатайствовать за тебя. Поверь мне, это сработает.

Я нацепил самую жалостную гримасу:

— Ты бы мог просто...

Он непреклонно помотал головой:

— Нет. Нет. Нет. Я не покажу тебе. И не расскажу. И карту не нарисую. — Манет немного смягчился и положил руку мне на плечо, пытаясь загладить резкость своего отказа. — Тейлу болезный, к чему такая спешка? Ты совсем юн. У тебя есть все время мира. — Он наставил на меня палец. — Но если тебя исключат, то это навсегда. А именно это и случится, если тебя поймают в архивах.

Я удрученно поник плечами.

— Наверное, ты прав.

— Что да, то да: я прав, — сказал Манет, снова поворачиваясь к печи. — Теперь беги, а то я с тобой язву заработаю.

Я ушел, изо всех сил размышляя о совете Манета и о том, на что он намекнул в нашем разговоре. В общем-то, я знал, что его совет хорош. Если я буду примерно себя вести четверть-другую, то получу доступ в архивы — простой и безопасный путь к тому, чего я так жажду.

К сожалению, я не мог себе позволить терпение. Я болезненно остро понимал, что каждая четверть может стать последней для меня, если я не смогу придумать способ быстро получить кучу денег. Нет, терпение было не для меня.

Уходя, я заглянул в кабинет Килвина и увидел, что тот сидит за своим столом, включая и выключая мою лампу. Его лицо снова было рассеянным, и я не сомневался, что огромная машина его мозга занята размышлением о десятках вещей сразу.

Я постучал по косяку, чтобы привлечь его внимание.

— Магистр Килвин?

Он не повернулся ко мне.

— Да?

— А могу я купить эту лампу? — спросил я. — Я бы использовал ее, чтобы читать по ночам. А то я все еще трачу деньги на свечи.

Я уже подумал, не заломить ли руки, но решил не делать этого: слишком мелодраматично.

Килвин размышлял долгую минуту. Лампа в его руке издала тихое «тик», когда он включил ее снова.

— Ты не можешь купить то, что сделано твоими руками, — сказал он. — Время и материалы в ней твои. — Он протянул лампу мне.

Я вошел в кабинет, чтобы взять ее, но Килвин отвел руку, глядя мне прямо в глаза.

— Вот что, — сказал он серьезно. — Ты не сможешь продать или одолжить ее кому-нибудь. Даже тому, кому доверяешь. Если она пропадет,

то в конце концов окажется в дурных руках, помогая красться в темноте и совершать бесчестные дела.

— Я даю вам слово, магистр Килвин. Никто не будет пользоваться ею, кроме меня.

Покидая мастерскую, я изо всех сил сохранял спокойное выражение лица, но внутри лелеял широкую довольную улыбку. Манет сказал именно то, что мне нужно было знать: есть другой путь в архивы, потайной путь. И если он существует, я смогу его найти.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ИСКРЫ

Я затащил Вила и Сима в «Эолиан», обещая бесплатную выпивку, — единственная щедрость, которую я мог себе позволить.

Видите ли, хотя стараниями Амброза я и не мог найти богатого покровителя, оставалось еще множество обычных любителей музыки, которые покупали мне больше выпивки, чем я мог употребить.

Эта проблема имела два простых решения. Я мог напиться или использовать соглашение, которое существовало всегда, пока были таверны и музыканты. Внимайте мне, ибо я отдергиваю занавес, раскрывая столь долго таимый секрет менестрелей.

Допустим, вы сидите в трактире и слушаете, как я играю. Вы смеетесь, плачете, переживаете — в общем, поражены моим искусством. После этого вы хотите показать, что оценили его, но у вас недостаточно средств, чтобы сделать приличный денежный подарок, как поступают некоторые богатые торговцы или знать. Поэтому вы предлагаете купить мне выпить.

Я, однако, уже выпил. И не раз. Или я, например, пытаюсь сохранить ясную голову. Откажусь ли я от вашего предложения? Конечно нет. Это потеря ценной возможности и, скорее всего, оскорбление для вас.

Вместо этого я с благодарностью принимаю предложение и прошу у бармена «грейсдельский мед». Или «саунтен». Или особенный коктейль из белого вина.

Название напитка не важно. Важно то, что такого напитка на самом деле не существует. Бармен подает мне воду.

Вы платите за напиток, я любезно вас благодарю, и все расходятся счастливыми. Позже бармен, таверна и музыкант делят деньги поровну.

Что еще лучше, некоторые особенно изысканные питейные заведения позволяют придерживать напитки как своего рода кредит на будущее. «Эолиан» как раз был таким местом.

Вот как, несмотря на мое нищенское положение, я умудрился принести целую бутылку скаттена к столу, где сидели Вил и Сим.

Вил уважительно оглядел ее:

— Что за повод?

— Килвин одобрил мою симпатическую лампу. Вы видите перед собой свежеиспеченного арканумского артефактора, — слегка самодовольно

сообщил я, оставив в секрете неоднозначность успеха с лампой. Большинство студентов тратили три или четыре четверти на завершение ученичества.

— Вовремя, — сухо заметил Вил. — Сколько получилось, почти три месяца? Народ уже начал поговаривать, что ты потерял сноровку.

— Я думал, вы больше обрадуетесь, — сказал я, отковыривая воск с горлышка бутылки. — Возможно, мои прижимистые дни подходят к концу.

Сим негодуяще фыркнул:

— Ты держишь марку вполне прилично.

— Я пью за продолжение твоего успеха в артефакции, — сказал Вил, подталкивая ко мне бокал. — Поскольку знаю, что это приведет к новой выпивке в будущем.

— Плюс, — заметил я, отдирая последний воск, — если я буду тебя хорошо поить, ты как-нибудь позволишь мне проскользнуть в архивы, когда будешь работать на входе. — Я тщательно выдерживал шутливый тон, поглядывая на него, чтобы проверить реакцию.

Вил сделал медленный глоток и старательно отвел глаза.

— Я не могу.

Разочарование засосало у меня под ложечкой. Я взмахнул рукой, словно не мог поверить, что он принял мою шутку всерьез.

— О, я знаю...

— Я думал об этом, — перебил Вилем. — Видя, что ты не заслуживаешь наказания, которое получил, и зная, что это сильно тебя огорчает. — Вил отпил еще. — Лоррен иногда отстраняет студентов. На несколько дней — за слишком громкие разговоры в «могиле». На пару оборотов, если они неаккуратны с книгой. Но изгнание — совсем другое дело. Такого не бывало много лет. Все об этом знают, и если кто-нибудь тебя увидит... — Он покачал головой. — Я потеряю работу храниста. Нас обоих могут исключить.

— Не грызи себя, — сказал я. — Уже то, что ты думал об этом, значит...

— Мы тут скоро разревемся от нежностей, — вмешался Сим, постукивая стаканом по столу. — Открывай бутылку, и выпьем за то, чтобы Килвина пробрало, он поговорил с Лорреном и вернул тебя в архивы.

Я улыбнулся и начал вворачивать штопор в пробку.

— У меня есть план получше, — сказал я. — Предлагаю выпить за вечный конфуз и доуку для студента по имени Амброз Джакис.

— Думаю, с этим мы все согласны, — сказал Вилем, поднимая стакан.

— Великий боже, — приглушенно сказал Сим. — Гляньте, что нашел

Деоч.

— Что там? — спросил я, сосредоточившись на вытаскивании пробки.

— Он снова умудрился закадрить самую красивую девушку в заведении. — Бурчание Сима было нехарактерно угрюмым. — Этого достаточно, чтобы возненавидеть человека.

— Сим, твой вкус на женщин в лучшем случае спорен.

Пробка выскочила с греющим душу звуком, и я триумфально показал ее друзьям. Ни один не обратил внимания, их взгляды были прикованы к двери.

Я повернулся посмотреть. Застыл.

— Это Денна.

Сим повернулся ко мне.

— Денна?

Я нахмурился.

— Дианне. Денна. Я вам про нее рассказывал тогда: та, которая пела со мной. Она пользуется разными именами. Не знаю зачем.

Вилем бросил на меня непонятный взгляд.

— Так это твоя девушка? — спросил он голосом, полным недоверия.

— Девушка Деоча, — мягко поправил Симмон.

Похоже, так оно и было. Красивый мускулистый Деоч что-то сказал ей в своей непринужденной манере. Денна засмеялась и легонько обняла его. Глядя, как они болтают, я почувствовал, как в моей груди поселяется незнакомая тяжесть.

Потом Деоч повернулся и указал внутрь трактира. Она посмотрела в указанную им сторону, встретилась глазами со мной и словно засветилась, улыбнувшись мне. Мое сердце снова забилося. Я помахал ей в ответ. Перекинувшись еще парой слов с Деочем, Денна начала проталкиваться к нам сквозь толпу.

Я быстро отхлебнул скаттена, когда Симмон повернулся ко мне с почти благоговейным недоверием.

Сегодня на Денне было темно-зеленое платье, оставлявшее открытыми руки и плечи. Она улыбалась. Она была ослепительна и знала это.

Когда Денна подошла к нам, мы все трое встали.

— Я надеялась найти тебя здесь, — сказала она.

Я отвесил небольшой поклон.

— Надеялся быть найденным. Это мои лучшие друзья. Симмон. — Сим лучезарно улыбнулся и отбросил волосы со лба. — И Вилем. — Вил кивнул. — Это Дианне.

Она опустилась в кресло.

— Что привело сегодня столько красивых молодых людей в город?
— Мы обсуждаем планы посрамления наших врагов, — сказал Симмон.

— И празднуем, — поспешил добавить я.

Вилем поднял стакан в тосте:

— Посрамление врагу.

Симмон последовал его примеру, но я остановился, вспомнив, что у Денны нет стакана.

— Извини, — сказал я. — Можно купить тебе выпить?

— Я надеялась, что ты купишь мне поужинать, — сказала она. — Но если я украду тебя у друзей, то буду чувствовать себя виноватой.

Мой разум заметался, пытаясь найти тактичный способ выпутаться.

— Вы предполагаете, что мы хотим видеть его здесь, — резюмировал Вилем с непроницаемым лицом. — Однако вы сделаете нам одолжение, если заберете его отсюда.

Денна наклонилась вперед, улыбка коснулась уголков ее губ.

— Правда?

Вилем сурово кивнул:

— Он пьет еще больше, чем говорит.

Она стрельнула в меня лукавым взглядом:

— Так много?

— Кроме того, — невинно поддакнул Сим, — он будет дуться целый оборот, если упустит шанс побыть с вами. Так что если вы оставите его здесь, он будет нам совершенно бесполезен.

Мое лицо налилось жаром, меня охватило внезапное желание придушить Сима. Денна сладкозвучно рассмеялась.

— Тогда лучше его забрать. — Гибким движением — как ивовая ветвь, клонящаяся под ветром, — она встала и подала мне руку. Я ее принял. — Надеюсь еще вас увидеть, Вилем и Симмон.

Они помахали в ответ, и мы пошли к двери.

— Они мне нравятся, — сказала Денна. — Вилем — как камень в глубокой воде. А Симмон — мальчишка, что плещется в ручье.

От ее описания я хихикнул.

— Лучше и я бы не сказал. Ты говорила об ужине?

— Я соврала, — радостно созналась она. — Но я буду рада выпить то, что ты предложишь.

— Как насчет «Пробок»?

Она наморщила нос.

— Слишком много старичья и мало деревьев. Хороший вечерок, чтобы

прогуляться.

— Тогда води, — сказал я, указав на дверь.

Она повела. Я купался в ее свете и завистливых взглядах мужчин. Когда мы уходили из «Эолиана», даже Деоч, кажется, взревновал. Но, проходя мимо него, я заметил, что в его глазах блеснуло что-то другое. Печаль? Жалость?

Я не раздумывал об этом ни секунды — я был с Денной.

Мы купили буханку темного хлеба и бутылку авеннийского земляничного вина. Потом нашли уединенное место в одном из общественных садов, разбросанных по всему Имре. Первые осенние листья кружили по улицам. Денна сбросила туфли и протанцевала среди теней несколько па, радуясь шуршанию травы под ногами.

Мы расположились под большой раскидистой ивой, на скамейке, потом сменили ее, найдя более удобное место на земле у подножия дерева. Хлеб оказался пышным и темным, а отрывание кусков от него — прекрасным занятием для рук. Вино было сладким и легким, и после того, как Денна пригубила из бутылки, ее уста еще долго оставались влажными.

Во всем этом было отчаянное ощущение последней теплой ночи лета. Мы говорили обо всем и ни о чем, и я едва мог дышать от близости Денны, от ее движений, от звука ее голоса в осеннем воздухе.

— Твой взгляд был сейчас где-то далеко, — сказала Денна. — О чем ты думал?

Я пожал плечами, выигрывая секунду на раздумье. Сказать ей правду я не мог, зная, что всякий мужчина делал бы ей комплименты, осыпал бы ее лестью, удушливее, чем пахнут розы. Я же выбрал более скользкую тропу.

— Один из магистров в Университете как-то сказал мне, что существует семь слов, которые заставят любую женщину полюбить тебя. — Я подчеркнуто небрежно пожал плечами. — Я как раз думал, какие это слова.

— Ты поэтому столько говоришь? Надеешься случайно наткнуться?

Я открыл рот, чтобы парировать. Потом, увидев искорки в ее глазах, сжал губы, пытаясь побороть прилив краски к щекам. Денна положила ладонь на мою руку.

— Не молчи со мной, Квоут, — сказала она мягко. — А то я соскучусь по звуку твоего голоса.

Она отхлебнула вина.

— Кроме того, тебе не надо их искать. Ты уже произнес их, когда мы впервые встретились. Ты сказал: «Я все думаю, что ты здесь делаешь». —

Она беспечно махнула рукой. — С того самого мгновения я стала твоей.

Мой разум метнулся назад, к нашей первой встрече в караване Роунта. Я был поражен.

— Я и не думал, что ты запомнила.

Денна выдержала паузу, отрывая кусок от буханки, и вопросительно посмотрела на меня.

— Запомнила что?

— Меня. Нашу встречу в караване Роунта.

— Да ладно, — поддразнила она. — Как я могла забыть рыжего мальчишку, бросившего меня ради Университета?

Я был слишком ошеломлен, чтобы объяснять, что не бросал ее. На самом деле нет.

— Ты не говорила об этом.

— Как и ты, — парировала она. — Может, это я думала, что ты меня забыл.

— Забыл тебя? Как я мог?

Она улыбнулась, потом посмотрела себе на руки.

— Ты удивись, сколько всего мужчины могут позабыть, — сказала она, потом чуть повеселела. — А может, и нет. Не сомневаюсь, что ты тоже забывал всякое.

— Я помню твое имя, Денна. — Было приятно говорить ей это. — Зачем ты взяла новое? Или Денна — это было имя, которое ты носила только по дороге в Анилен?

— Денна, — мягко произнесла она. — Я уже почти забыла ее. Глупенькая была девочка.

— Она была как раскрывающийся цветок.

— Кажется, я перестала быть Денной давным-давно.

Она потеряла обнаженные руки и оглянулась, словно внезапно испугавшись, что кто-то может нас здесь найти.

— Тогда мне называть тебя Дианне? Тебе так больше нравится?

Ветер заколыхал свисающие ветки ивы, когда Денна наклонила голову, чтобы взглянуть на меня. Ее волосы повторили движение ветвей.

— Ты очень любезен. Кажется, «Денна» мне от тебя нравится слышать больше. Когда ты его произносишь, оно звучит по-другому. Нежно.

— Тогда пусть будет Денна, — решительно сказал я. — А кстати, что произошло в Анилене?

Лист ивы слетел вниз и запутался у нее в волосах. Она рассеянно отбросила его.

— Ничего приятного, — сказала она, избегая моего взгляда. — Но и

ничего неожиданного.

Я протянул руку, и она отдала мне хлеб.

— Что ж, я рад, что ты вернулась, — сказал я. — Моя Алойна.

Денна нарочито громко откашлялась.

— Ну уж если кто-то из нас Савиен, то это я. Ведь я искала тебя, — сказала она. — Дважды.

— Я тоже ищу, — запротестовал я. — Кажется, у меня просто нет таланта тебя находить. — (Она театрально закатила глаза.) — Если ты сможешь указать время и место, где тебя лучше искать, это весь мир перевернет... — Я мягко умолк, превращая свои слова в вопрос. — Может быть, завтра?

Денна искоса посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ты всегда так осторожен, — сказала она. — Я никогда не видела, чтобы мужчина подходил так осторожно. — Она взглядела в мое лицо, словно в головоломку, которую можно разгадать. — Пожалуй, завтра благоприятным временем будет полдень. В «Эолиане».

Меня окатила волна тепла от мысли, что я увижу ее снова.

— Я все думаю, что ты здесь делаешь, — подумал я вслух, вспоминая разговор, произошедший, кажется, так давно. — А ты еще тогда обозвала меня лжецом.

Денна наклонилась вперед, утешительно коснувшись моей руки. От нее пахло земляникой, а ее губы опасно краснели даже в лунном свете.

— Как хорошо я тебя знала, даже тогда.

Мы проговорили много ночных часов. Я осторожными кругами подходил к рассказу о своих чувствах, не желая быть слишком смелым. И думал, что Денна, наверное, делает то же самое, но не был уверен. Мы как будто исполняли какой-то сложный модеганский придворный танец, где всего несколько сантиметров разделяют партнеров, но они — если достаточно искусны — никогда не касаются друг друга.

Такой была и наша беседа, но не потому, что нам не хватало прикосновений, ведущих дальше, — мы как будто еще и странно оглохли. И танцевали очень старательно, не очень представляя, какую музыку слышит партнер, а может, и не уверенные, танцует ли он вообще.

Деоч, как всегда, стоял у двери на дежурстве. Увидев меня, он помахал.

— Мастер Квоут, боюсь, вы упустили своих друзей.

— Я подозревал. Как давно они ушли?

— Около часа назад.

Деоч вытянул руки над головой и поморщился. Потом уронил их с усталым вздохом.

— Они не выглядели расстроенными, что я их бросил?

Он ухмыльнулся:

— Не слишком. Они и сами подцепили парочку красоток. Конечно, не таких, как твоя. — Секунду Деоч, кажется, боролся с собой, а потом заговорил медленно, словно с великим тщанием подбирая слова: — Послушай, Квоут. Я знаю, что это не мое дело, и надеюсь, ты поймешь правильно. — Он огляделся и внезапно сплюнул. — Проклятье. Не умею я такие вещи говорить.

Он снова посмотрел на меня и изобразил жестом что-то невнятное.

— Понимаешь, женщины — они как огни, как пламя. Некоторые женщины похожи на свечи, яркие и дружелюбные. Некоторые — как искры или угли, как светлячки, за которыми гоняются летними ночами. Некоторые — как костер в дороге: дают свет и тепло на одну ночь, а потом хотят, чтобы их оставили. Некоторые — как огонь очага: вроде и посмотреть не на что, но внутри они пылают, как раскаленные угли, и горят долго-долго.

Но Дианне... Дианне как водопад искр, льющийся с железного клинка, который Бог точит о камень. Нельзя не смотреть. Нельзя не хотеть. Можно даже поднести руку на секунду, но нельзя удержать. Она разобьет тебе сердце.

Вечер был слишком свеж в моей памяти, чтобы принимать всерьез предупреждения Деоча. Я улыбнулся:

— Деоч, мое сердце из более крепкого материала, чем стекло. Если она ударит, оно только зазвенит, как окованная железом бронза или золото, смешанное с адамантом. Не думай, будто меня поймали врасплох, как испуганного оленя, который стоит, пригвожденный звуком охотничьего рога. Это ей надо быть осторожной, потому что когда она ударит, мое сердце зазвенит так чудно и звонко, что она не сможет не прилететь ко мне на крыльях любви.

Мои слова вырвали у Деоча ошеломленный смех.

— Господи, а ты смелый. — Он покачал головой. — И юный. Хотел бы я быть таким смелым и юным, как ты. — Все еще улыбаясь, он повернулся и вошел в «Эолиан». — Ну, тогда доброй ночи.

— Доброй ночи.

Деоч жалеет, что не такой, как я? Большого комплимента я в жизни не получал.

Но самое главное, мои дни бесплодных поисков Денны подошли к концу. Завтра в полдень в «Эолиане». «Пообедать и погулять»

поболтать», — сказала она. Эта мысль наполняла меня головокружительным восторгом.

Как юн я был. Как глуп. Как мудр.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ЛЕТУЧЕЕ

На следующее утро я проснулся рано с волнующими мыслями об обеде с Денной. Зная, что пытаться снова уснуть бесполезно, я отправился в артную. Экстравагантное завершение вчерашнего вечера оставило меня ровно с тремя пенни в кармане, и мне не терпелось извлечь выгоду из своего нового положения.

Обычно я работал в артной по вечерам, а утром она оказалась совсем другой. Сейчас здесь было всего пятнадцать-двадцать человек, занимающихся собственными проектами. Вечерами собиралось вдвое больше. Килвин, как всегда, сидел у себя в кабинете, но атмосфера была более приятная: рабочая, но не суетливая.

Я даже заметил в углу мастерской Фелу, аккуратно откалывающую пластинки от куска обсидиана размером с большую буханку. Неудивительно, что я никогда не видел ее здесь, если она приходит в мастерскую так рано.

Несмотря на предупреждение Манета, я решил сделать партию синих излучателей для моего первого проекта. Дело непростое, да к тому же требующее работы с костедегтем, но результаты должны продаваться очень быстро, а весь процесс займет не больше четырех-пяти часов. Я не только закончу все вовремя, чтобы встретиться с Денной в «Эолиане», но и смогу получить от Килвина небольшой аванс, так что, когда приду на встречу, в моем кошельке будет чуть больше денег.

Я собрал необходимые инструменты и расположился в одном из вытяжных шкафов вдоль восточной стены. Я выбрал место около оросителя: бака на две тысячи литров из стекла двойной закалки, — такие были расставлены по всей мастерской. Если прольешь на себя что-нибудь опасное, работая под вытяжкой, можно просто повернуть кран и отмыться под струей холодной воды.

Конечно, если я осторожен, ороситель мне не понадобится. Но приятно, что он так близко, — просто на всякий случай.

Разложив все необходимое под вытяжкой, я отправился к столу, где держали костедеготь. Хотя я и знал, что он не опаснее каменной пилы агломерационного колеса, этот полированный бак меня весьма нервировал.

И сегодня, я заметил, в нем что-то изменилось. Я обратил на это

внимание одного из самых опытных артефакторов, проходившего мимо. У Джаксима был изможденный вид, обычный для большинства артефакторов в середине большого проекта: словно он решил не спать до тех пор, пока не закончит.

— Разве он должен быть настолько холодным? — спросил я Джаксима, указывая на бак с костедегтем, чьи края покрывали тонкие белые пучки инея, похожие на крошечные кустики. Воздух вокруг металла переливался от холода.

Джаксим уставился на бак, потом пожал плечами.

— Лучше переморозить, чем недоморозить, — сказал он с невеселой усмешкой. — А то бабах — и все!

Мне оставалось только согласиться, а потом я подумал, что это, наверное, как-то связано с тем, что в мастерской сегодня утром холоднее обычного. Еще не горела ни одна печь, и большинство огней в горнах едва тлели.

Я пробежал процедуру сцеживания у себя в голове, проверяя, не забыл ли чего. Было так холодно, что мое дыхание висло в воздухе белым облачком. Пот на руках приморозил мои пальцы к ручкам бака так же, как язык любопытного ребенка прилипает к ручке насоса в разгар зимы.

Я отлил в герметичный сосуд около тридцати граммов густой маслянистой жидкости и быстро закрыл крышку. Потом отправился обратно к вытяжному шкафу и начал готовить материалы. После нескольких напряженных минут я приступил к долгому тщательному процессу подготовки и заправки партии синих излучателей.

Двумя часами позже мое внимание вдруг рассыпалось — от голоса за спиной. Он был не особенно громким, но чрезвычайно серьезным, а такой тон в артной игнорировать не стоило.

Голос произнес:

— О боже!

Поскольку я работал с костедегтем, то первым делом бросил взгляд на бак. Холодный пот побежал по моей спине, когда я увидел, что черная жидкость сочится из одного угла и стекает по ножке стола, образуя лужицу на полу. Толстая деревянная ножка была почти полностью разъедена, и уже слышалось легкое потрескивание и пощелкивание: жидкость, скопившаяся на полу, начинала кипеть. В голове у меня вертелись только слова Килвина во время демонстрации: «Кроме того, что вещество сильно разъедающее, его пары загораются от соприкосновения с воздухом...»

Как раз в тот момент, как я повернулся посмотреть, ножка подломилась и стол начал падать. Полированный металлический бак упал и

ударился о каменный пол; металл настолько промерз, что не просто треснул или погнулся, но разбился, как стекло. Литры темной жидкости выплеснулись на пол мастерской. Помещение наполнилось треском и щелчками, когда костедеготь разлился по теплому каменному полу и начал кипеть.

Давным-давно умный человек, проектировавший артную, сделал в мастерской около десятка желобов, чтобы облегчить уборку и борьбу с утечками. Кроме того, каменный пол мастерской то поднимался, то понижался, создавая мягкие переливы подъемов и впадин, направляющие утечки в эти стоки. Поэтому, как только бак разбился, широкая струя маслянистой жидкости потекла в двух противоположных направлениях, стремясь в два разных желоба. И она продолжала кипеть, образуя плотные низкие облачка: едкие, темные, как деготь, и готовые вот-вот вспыхнуть.

А между двумя рукавами темного тумана оказалась Фела, работавшая на отдельном столе в углу мастерской. Она стояла, приоткрыв рот и застыв в шоке. Она была практично одета для работы в мастерской: легкие брюки и тонкая льняная рубашка с рукавами, закатанными по локоть. Длинные темные волосы были стянуты сзади в хвост, но все равно свисали почти до талии. Она вспыхнет, как факел.

Помещение наполнилось ужасным шумом — люди сразу поняли, что происходит. Они выкрикивали приказы или просто вопили в панике. Они суетились, роняли инструменты и опрокидывали свои проекты.

Фела не кричат и не звала на помощь, а значит, никто, кроме меня, не заметил, в какой она опасности. Если демонстрация Килвина хоть чего-то стоила, то, по моему предположению, вся мастерская должна была превратиться в море огня и едкого тумана меньше чем через минуту. Времени не оставалось...

Я быстро оглядел разбросанные на ближайшем столе проекты, ища чего-нибудь, что сможет хоть как-то помочь. Но не было ничего: кучка обломков базальта, мотки медной проволоки, неоконченная стеклянная полусфера, которая, возможно, должна была стать очередной лампой Килвина...

И тут я понял, что мне делать. Я схватил полусферу и ударил ее о базальт. Она разбилась, и в руке у меня остался тонкий кривой осколок стекла длиной примерно в ладонь. Второй рукой я схватил со стола свой плащ и шагнул к вытяжке.

Прижав большой палец к острию осколка, я ощутил неприятное давление и резкую боль. Пошла кровь, я мазнул пальцем по стеклу и произнес заклинание. Потом, встав перед оросителем, бросил осколок на

пол и наступил на него, раскрошив пяткой.

Меня пронзил холод, какого я никогда не испытывал прежде. Не простой холод, который ощущают в зимний день кожа и конечности, — он поразил мое тело, как удар грома. Я прочувствовал его языком, легкими, печенью.

Но я получил, что хотел. Стекло двойной закалки треснуло на тысячи кусочков и взорвалось — я еле успел закрыть глаза. Две тысячи литров воды ударили меня, как огромный кулак, отбросив на шаг и промолив до костей. Но я уже бежал, петляя между столами.

Хоть я и был проворен, но недостаточно. В углу полыхнуло ослепительно алым: туман начал розоветь, испуская странные угловатые язычки ярко-красного пламени. Огонь согреет остальной деготь, заставит его кипеть быстрее.

Пока я бежал, огонь растекался, следуя двум дорожкам, которые костедеготь проложил к желобам. Пламя разгоралось с пугающей яростью, вздымая две завесы огня, отрезающие дальний угол мастерской. Огонь был высотой уже почти с меня и рос дальше.

Фела выбралась из-за верстака и ринулась вдоль стены к стоку в полу. Деготь стекал через решетку, и около стены оставалась дорожка, свободная от огня и тумана. Фела была уже готова пробежать там, когда над решеткой вскипел темный туман. Фела испуганно взвизгнула и отпрянула. Туман горел и поглощал все бурлящим озером огня.

Наконец я обежал последний стол. Не замедляя шага, задержал дыхание и перепрыгнул через туман, не давая ужасному разъедающему пару коснуться моих ног. Руками и лицом я почувствовал мощную вспышку жара, но мокрая одежда спасла меня от ожогов.

Глаза мои были закрыты, и я неловко приземлился, ударившись щиколоткой о каменную крышку стола. Не обратив на это внимания, я бросился к Феле.

Она отступала от огня к дальней стене мастерской и смотрела на меня, приподняв руки, как для защиты.

— Опusti руки! — заорал я, подбегая к ней и разворачивая мокрый плащ. Не знаю, услышала ли она меня за ревом пламени, но поняла: опустила руки и шагнула в плащ.

Пробегая оставшееся между нами расстояние, я оглянулся и увидел, что огонь растет быстрее, чем я ожидал. Туман льнул к полу на высоте щиколотки, черный как деготь. Пламя стояло так высоко, что я не видел другой стороны и совершенно не представлял, насколько успела расшириться огненная стена.

Перед тем как Фела нырнула в плащ, я поднял его повыше, чтобы полностью закрыть ей голову.

— Я тебя перенесу, — крикнул я, заворачивая ее в плащ. — Обожжешь ноги, если попробуешь перейти.

Она что-то ответила, но складки мокрой ткани поглотили слова, и я не расслышал их за гулом огня.

Я подхватил Фелу — неся не перед собой, как прекрасный принц из какой-нибудь сказки, а перебросив через плечо, будто мешок с картошкой. Крепко прижав ее бедра к своей груди, я бросился к огню. Жар накатил волной, и я протянул вперед свободную руку, защищая лицо и молясь, чтобы влага на штанах спасла мои ног и от жуткой едкости костедегтя.

Перед тем как прыгнуть в огонь, я глубоко вдохнул, но воздух оказался едким и колючим. Я закашлялся и еще раз вдохнул полной грудью горящий воздух, входя в стену огня. Мои щиколотки охватил резкий холод тумана, а вокруг был огонь — и я бежал, снова и снова вдыхая ужасный воздух. У меня закружилась голова, во рту стоял аммиачный привкус. Какая-то отдельная рациональная часть меня подумала: «Конечно, потому он и летучий».

Потом все исчезло.

Когда я очнулся, мне первым делом пришло на ум совсем не то, что вы могли бы ожидать. Но вы вряд ли сильно удивитесь — если, конечно, сами когда-то были молоды.

— Сколько времени? — лихорадочно спросил я.

— Первый колокол после полудня, — ответил женский голос. — Не пытайся встать.

Я упал на кровать. Я должен был встретиться с Денной в «Эолиане» час назад.

Глубоко несчастный, с кислой тяжестью в желудке, я огляделся. Отчетливый антисептический запах в воздухе сообщил мне, что я в медике. Кровать тоже говорила об этом: достаточно удобная, чтобы спать, но не настолько, чтобы валяться.

Я повернул голову и увидел знакомые, удивительно яркие зеленые глаза в обрамлении коротких светлых волос.

— А-а. — Я расслабленно откинулся на подушку. — Привет, Мола.

Мола стояла около одной из высоких конторок, ограничивавших комнату. Классические темные цвета одежды работников медики делали ее бледное лицо еще блее.

— Привет, Квоут, — ответила она, продолжая писать свой отчет о

лечении.

— Я слышал, ты наконец добралась до эл'те, — сказал я. — Поздравляю. Ты давно того заслуживала, все знают.

Мола подняла взгляд, ее губы изогнулись в легкой улыбке.

— Похоже, жар не повредил позолоте твоего языка. — Она отложила перо. — Как чувствует себя остальное?

— Ноги хорошо, только онемели, поэтому я предполагаю, что обжегся, но вы уже что-то с этим сделали. — Я приподнял простыню, заглянул под нее и аккуратно подоткнул обратно. — Еще я, кажется, донага раздет. — Меня вдруг охватила паника: — Фела в порядке?

Мола серьезно кивнула и подошла ближе к кровати.

— У нее пара синяков — ты ее уронил — и немного опалены щиколотки. Но она в лучшей форме, чем ты.

— А как остальные из артной?

— На удивление хорошо, если учитывать все обстоятельства. Несколько ожогов, обычных и химических. Один случай отравления металлом, но не сильного. Обычно при пожарах главная проблема — дым, но то, что горело сегодня, похоже, вообще не дымило.

— Оно давало что-то типа аммиачного дыма. — Я сделал глубокий вдох, проверяя легкие, и с облегчением сказал: — Но мои легкие, кажется, не обожжены. Я вдохнул всего раза три, пока проходил.

Раздался стук, и в дверь просунулась голова Сима.

— Ты тут не голый, случаем?

— В основном да, — сказал я. — Но опасные части прикрыты.

За Симмоном вошел Вилем, явно нервничающий.

— Ты уже совсем не такой розовый, как раньше, — сказал он. — Полагаю, это добрый знак.

— Ноги у него еще поболят, но необратимых повреждений нет, — сказала Мола.

— Я принес чистую одежду, — жизнерадостно сообщил Сим. — Та, в которой ты был, сгорела.

— Надеюсь, ты выбрал что-нибудь подходящее из моего обширного гардероба? — сухо поинтересовался я, чтобы скрыть смущение.

Сим отмахнулся от моего комментария.

— Ты вышел без башмаков, но я не нашел другой пары у тебя в комнате.

— У меня нет другой пары, — сказал я, принимая грудку одежды от Сима. — Ну и ладно. Я и раньше ходил босиком.

Короче, я вышел из всего приключения без серьезных повреждений.

Но прямо сейчас на мне не было ни одного места, которое бы не болело. По тыльным сторонам рук и шеи прошелся огонь, а на тех местах, где меня коснулся огненный туман, остались легкие химические ожоги.

Несмотря на все это, я прохромал три долгих километра через реку в Имре, надеясь, против всякого смысла, что все еще смогу застать ожидающую меня Денну.

Деоч задумчиво наблюдал за мной, пока я шел через двор к «Эолиану», потом внимательно оглядел сверху донизу.

— Господи, парень. Ты выглядишь так, будто упал с лошади. Где твои башмаки?

— И тебе доброе утро, — саркастически отозвался я.

— Добрый день, — поправил он, многозначительно посмотрев на солнце. Я начал протискиваться мимо него, но он поднял руку и остановил меня. — Боюсь, она ушла.

— Черное... хреново проклятье, — выдохнул я, слишком усталый, чтобы как следует обругать судьбу.

Деоч с симпатией посмотрел на меня.

— Она спрашивала о тебе, — сообщил он утешительно. — И ждала довольно долго, почти час. Дольше, чем я когда-либо видел.

— Она ушла с кем-нибудь?

Деоч посмотрел на свои руки, играющие с монеткой.

— Она не из тех, кто долго остается в одиночестве... — Он снова сочувственно посмотрел на меня. — Нескольким она дала от ворот поворот, но потом ушла с одним парнем. Не думаю, что она действительно была с ним, если ты меня понимаешь. Она искала покровителя, а этот парень имел как раз такой вид. Светловолосый, богатый — ну, ты знаешь таких.

Я вздохнул.

— Если ты случайно увидишь ее, передай... — Я замялся, пытаюсь придумать, как описать то, что случилось. — Можешь сделать, чтобы «непреодолимые обстоятельства» прозвучали более поэтично?

— Наверняка смогу. Я опишу ей твой жалкий вид, и босоное состояние тоже. Заложу тебе добрый крепкий фундамент попресмыкаться вдоволь.

Я улыбнулся против воли:

— Спасибо.

— Может, дать тебе выпить? — спросил он. — Немного рановато для меня, но я всегда могу сделать исключение для друга.

Я покачал головой:

— Мне надо возвращаться. У меня дела.

Я поковылял обратно к Анкеру и обнаружил, что в общем зале собралась целая толпа взволнованных людей, судачивших о пожаре в артной. Не желая отвечать ни на какие вопросы, я уполз за крайний столик и попросил служанку принести мне миску супа и кусок хлеба.

Пока я ел, мои чувствительные уши подслушивателя ловили обрывки рассказов разных людей. Только тогда, услышав эту историю от других, я понял, что совершил.

Я привык, что люди говорят обо мне. Как я уже рассказывал, я активно создавал себе репутацию. Но тут все получилось по-другому: это было настоящее. Люди успели разукрасить историю всевозможными подробностями, но сердце ее осталось прежним: я спас Фелу. Бросился в огонь и вытащил ее в безопасное место. Прямо как прекрасный принц из сказки.

Я впервые ощутил, каково быть героем. И нашел, что мне это весьма по вкусу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

ВОПРОС РУК

После обеда у Анкера я решил вернуться в артную и посмотреть, насколько пострадала мастерская. Слышанные мной рассказы повествовали, что пожар был взят под контроль очень быстро. Если так, то я, возможно, даже смогу закончить работу над своими синими излучателями. Если нет, хотя бы верну пропавший плащ.

К моему удивлению, основная часть артной вышла из пожара почти без повреждений, только северо-восточный угол мастерской был практически уничтожен. Там не осталось ничего, кроме кучи битого камня, стекла и пепла. На полу и разбитых крышках столов застыли яркие потеки меди и серебра.

Более непривычным и неприятным оказалось то, что мастерская была пуста. Такой я ее никогда раньше не видел. Я постучал в дверь кабинета Килвина, потом заглянул внутрь — пусто. Понятно: без Килвина некому организовать уборку.

Окончание работы над излучателями отняло на несколько часов больше, чем я предполагал. Ушибы и ожоги отвлекали меня, а перевязанный палец делал руку неуклюжей. Как и большинство артефактных работ, эта требовала двух искусных и ловких рук. Даже малейшая помеха от повязки становилась серьезным неудобством.

Однако я закончил проект без всяких происшествий и как раз готовился проверять излучатели, когда услышал в коридоре Килвина, бранящегося на сиару. Я оглянулся через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как он протопал через дверь к своему кабинету, а за ним один из гиллеров магистра Арвила.

Я закрыл вытяжной колпак и пошел в кабинет Килвина, тщательно выбирая, куда ставить босые ноги. Через окно я видел Килвина, размахивающего руками, как фермер, гоняющий ворон. Его руки были замотаны белыми повязками почти до локтей.

— Хватит, — рявкнул он. — Я позабочусь о них сам.

Медик поймал одну его руку и чуть получше подогнал повязку. Килвин отдернул руку и высоко поднял, чтобы тот не мог достать.

— Лхинсатва. Хватит — значит, хватит. — Медик сказал что-то — слишком тихо, чтоб я мог расслышать, но Килвин продолжал трясти

головой. — Нет. И никаких больше лекарств. Я и так уже достаточно проспал.

Килвин махнул мне:

— Э'лир Квоут, мне надо с тобой поговорить.

Не зная, чего ожидать, я вошел в его кабинет. Килвин мрачно посмотрел на меня.

— Видишь, что я нахожу, когда пожар потушен? — спросил он, указывая на груды темной ткани на своем столе. Килвин осторожно приподнял один угол перевязанной рукой, и я узнал обугленные останки моего плаща. Килвин резко встряхнул ткань, и наружу выпала моя ручная лампа, неуклюже прокатившись по столу.

— Мы говорили о твоей воровской лампе не больше двух дней назад. А сегодня я обнаруживаю ее там, где любая сомнительная персона может ее забрать. — Он нахмурился. — Что ты можешь сказать в свою защиту?

Я разинул рот.

— Простите, магистр Килвин, я был... Меня унесли...

Он посмотрел на мои ноги, все так же хмурясь.

— А почему ты не обут? Даже э'лиру должно быть понятно, что не следует ходить голыми ногами по такому месту. Твое поведение в последнее время стало весьма беспечным. Я разочарован.

Я забормотал какие-то объяснения, но тут суровость Калвина внезапно превратилась в широкую улыбку.

— Да я же шучу, — мягко сказал он. — Я должен тебе груды благодарностей за то, что ты вытащил ре'лара Фелу из огня. — Он протянул руку, чтобы похлопать меня по плечу, потом поглядел на повязки и передумал.

Я обмяк от облегчения и взял свою лампу. Похоже, ее не повредил огонь и не разъел костедеготь.

Килвин вытащил маленький мешочек и положил его рядом на стол.

— Эти вещи тоже были в твоём плаще, — сказал он. — Много вещей. Твои карманы были набиты битком, как мешок лудильщика.

— Вы, кажется, в хорошем настроении, магистр Килвин, — осторожно сказал я, размышляя, какое обезболивающее ему давали в медике.

— Ага, — жизнерадостно сказал он. — Знаешь пословицу: «чан ваэн коут»?

— Семь лет... Я не знаю «коут».

— «Ожидай беды каждые семь лет», — объяснил он. — Это старая поговорка и вполне правдивая. В этот раз было два года перебора. — Он показал на останки мастерской. — А теперь, когда беда случилась, она

оказалась небольшой. Мои лампы невредимы. Никто не погиб. Из всех мелких ранений самые серьезные — мои, как и должно быть.

Я посмотрел на его повязки, и мой желудок сжался при мысли, что его искусные руки пострадали.

— Как вы? — осторожно спросил я.

— Ожоги второй степени, — сказал он, отмахиваясь от моего участливого возгласа прежде, чем я успел его издать. — Просто пузыри. Болезненно, но ни обугливания, ни долгосрочной потери подвижности. — Он раздраженно вздохнул. — Однако мне придется провести чертову уйму времени без всякой работы в следующие три оборота.

— Если вам нужны руки, я могу вам их одолжить, магистр Килвин.

Он уважительно кивнул.

— Это благородное предложение, э'лир Квоут. Если бы это был только вопрос рук, я бы принял его. Но большая часть моей работы включает сигалдри, с которой э'лиру знакомиться было бы... — Он сделал паузу, тщательно подбирая следующее слово: — Немудро.

— Ну тогда меня надо перевести в ре'лары, магистр Килвин, — сказал я с улыбкой. — Чтобы я мог вам помогать.

Он басовито хмыкнул:

— А что, можно. Если ты продолжишь так же хорошо работать...

Я решил сменить тему, чтобы не спугнуть удачу:

— А что было не так с баком?

— Слишком замерз, — пояснил Килвин. — Металл был просто оболочкой, защищавшей стеклянный бак внутри и поддерживавшей низкую температуру. Подозреваю, что повредилась сигалдри бака и он становился все холоднее и холоднее. Когда реактив замерз...

Я кивнул, наконец догадавшись:

— Внутренний стеклянный бак лопнул, как замерзшая бутылка пива. А потом реактив проел металл бака.

Килвин кивнул.

— Джаксим сейчас стонет под гнетом моего недовольства, — мрачно сообщил он. — Он сказал, что ты обращал на это внимание.

— Я был уверен, что все здание сгорит дотла, — сказал я. — Представить не могу, как вам удалось так легко взять пожар под контроль.

— Легко? — переспросил он чуть удивленно. — Быстро, да. Но я не сказал бы, что это было легко.

— А как вы справились с ним?

Он улыбнулся:

— Хороший вопрос. А ты как думаешь?

— Ну, я слышал, как один студент рассказывал, что вы вышли из своего кабинета и произнесли имя огня, совсем как Таборлин Великий. Вы сказали: «Огонь, успокойся», и он послушался.

Килвин расхохотался.

— Мне нравится эта история, — сказал он, ухмыляясь во весь рот. — Но у меня вопрос к тебе. Как ты пробежал через огонь? Это вещество дает очень жаркое пламя. Как получилось, что ты не сгорел?

— Я вымок под оросителем, магистр Килвин.

Килвин задумался.

— Джаксим видел, как ты прыгнул в огонь через несколько секунд после того, как разлился деготь. Вода из оросителя идет быстро, но не настолько.

— Боюсь, я разбил его, магистр Килвин. Это казалось единственным выходом.

Килвин взглянул в окно кабинета, нахмурился и вышел, направляясь в другой конец мастерской, к разбитому резервуару. Опустившись на колени, он подобрал двумя забинтованными пальцами зазубренный осколок стекла.

— Как, во имя четырех сторон, ты сумел разбить мой резервуар, э'лир Квоут?

Его тон был столь озадаченным, что я рассмеялся.

— Ну, магистр Килвин, по словам студентов, я разбил его одним ударом моей могучей длани.

Килвин снова ухмыльнулся:

— Эта история тоже хороша, но я ей не верю.

— Более достойные доверия источники заявляют, что я взял с ближайшего стола кусок железного прута.

Килвин покачал головой:

— Ты отличный парень, но это стекло двойной закалки было сделано моими собственными руками. Широкоплечий Каммар не смог разбить его кузнечным молотом. — Он уронил осколок и встал. — Пусть другие рассказывают истории, какие пожелают, но между собой давай поделимся секретами.

— Это невеликая тайна, — признался я. — Я знаю сигалдри для стекла двойной закалки. То, что я могу сделать, я могу и сломать.

— Но какой у тебя был источник? — спросил Килвин. — Ты ни с чем бы не успел связаться за такой короткий срок.

Я поднял забинтованный палец.

— Кровь, — удивленно сказал магистр. — Использование тепла своей крови может быть названо неосторожным, э'лир Квоут. Как насчет озноба

заклинателей? Что, если бы ты получил гипотермический шок?

— Мои возможности были весьма ограничены, магистр Килвин, — сказал я.

Килвин задумчиво кивнул.

— Довольно впечатляюще: разбить то, что я соорудил, всего лишь кровью.

Он хотел было почесать бороду, но только нахмурился в раздражении — бинты этого не позволяли.

— А вы, магистр Килвин? Как вам удалось взять пожар под контроль?

— Без имени огня, — признался он. — Если бы тут оказался Элодин, все было бы проще. Но поскольку имя огня мне неизвестно, мне оставались только собственные приспособления.

Я бросил на него недоверчивый взгляд, не уверенный, шутит он снова или нет. Тяжелый юмор Килвина было иногда нелегко понять.

— Элодин знает имя огня?

Килвин кивнул.

— Кажется, в Университете есть еще один или двое, но Элодин-то уж точно.

— Имя огня... — медленно произнес я. — И они могут позвать его, и огонь сделает, что они скажут, прямо как Таборлин Великий?

Килвин снова кивнул.

— Но это же просто сказки, — запротестовал я.

Он насмешливо покосился на меня.

— А откуда, по-твоему, берутся сказки, э'лир Квоут? Всякая сказка имеет глубокие корни.

— А что это за имя? Как оно работает?

Килвин колебался секунду, потом пожал огромными плечами.

— Очень трудно объяснять на этом языке. На любом языке. Спроси Элодина — он вообще-то учит таким вещам.

Я из первых рук знал, насколько полезен в таких вопросах может быть Элодин.

— Ладно, а как вы остановили пожар?

— Невелика тайна, — ответил он. — На всякий пожарный случай я держу у себя в кабинете сосуд со специальным составом. Я использовал его как связь и вытянул тепло из пролитого вещества. Реактив настолько охладился, что не мог кипеть, а оставшийся туман выгорел. Львиная доля пролилась сквозь решетки, а Джаксим и другие рассыпали известь и песок, чтобы задержать оставшееся.

— Вы же не серьезно, — поразился я. — Здесь была адская печь. Вы

не могли переместить столько таумов тепла. Куда бы вы его дели?

— У меня есть пустой теплом, приготовленный как раз на случай чрезвычайной необходимости. Пожар — наименьшая из бед, к которым я готовился.

Я отмахнулся от этого объяснения.

— Даже и так, не может быть. Это должно... — Я попытался рассчитать, сколько тепла ему пришлось бы переместить, но остановился, даже не зная, откуда начать.

— Я насчитал восемьсот пятьдесят миллионов таумов, — сказал Килвин. — Хотя надо проверить ловушку — для большей точности.

Я потерял дар речи.

— Но... как?

— Быстро, — развел он перевязанными руками, — но не легко.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ СКВОЗЬ ОГОНЬ

Весь следующий день я проходил босой, без плаща, погрязший в мрачных думах о своей жизни. Новизна роли героя быстро поблекла в жестком свете того реального положения, в котором я оказался. У меня остался только один комплект поношенной одежды. Ожоги, хоть и небольшие, непрестанно болели. У меня не было денег ни на обезболивающие, ни на новую одежду. Я жевал горькую ивовую кору, и горечь переполняла меня.

Нищета висела на шее тяжелым камнем. Никогда раньше я не осознавал так ясно разницу между мной и остальными студентами. Все учащиеся в Университете имели подстраховку на случай падения. Родители Симмона были атуранскими дворянами. Вил происходил из богатой купеческой семьи в Шальде. Если для них наступят трудные времена, они могут занять денег под имя своей семьи или написать домой.

Я же не могу позволить себе даже башмаки. У меня только одна рубашка. Как могу я надеяться продержаться в Университете те несколько лет, которые требуются, чтобы стать полноправным арканистом? Как я могу надеяться продвигаться по рангам, не имея доступа в архивы?

К полудню я довел себя до такого мрачного настроения, что за обедом нарычал на Сима, и мы принялись препираться, как престарелая семейная пара. Вилем не стал вмешиваться, глядя только на свою еду. Наконец, в явной попытке рассеять мое ужасное настроение, они позвали меня сходить завтрашним вечером за реку на «Три пенни за желание». Я согласился пойти, поскольку слышал, что актеры следуют оригиналу Фелтеми, а не одной из сокращенных версий. Пьеса прекрасно подходила к моему состоянию: полная черного юмора, трагедии и предательства.

После обеда я узнал, что Килвин уже продал половину моих излучателей. Поскольку на некоторое время это были последние синие излучатели, цена получилась высокой, и на мою долю пришлось чуть больше полутора талантов. Я подозревал, что Килвин немного преувеличил цену, и это уязвляло мою гордость. Однако я был не в том положении, чтобы смотреть в зубы дареному коню.

Но даже это ничуть не улучшило моего настроения. Теперь я мог позволить себе башмаки и поношенный плащ. Если остаток четверти буду

работать как лошадь, то, возможно, смогу заработать достаточно, чтобы отдать процент Деви и заплатить за обучение. Эта мысль не принесла мне радости. Более чем когда-либо я понимал, насколько шатко мое положение. Я был на волосок от катастрофы.

Мое настроение все падало и падало, и я решил пропустить углубленную симпатию и отправиться за реку в Имре. Только надежда увидеть Денну могла хоть как-то поднять мой дух. Мне еще было нужно объяснить ей, почему я не пришел на обеденную встречу.

По пути к «Эолиану» я купил пару невысоких ботинок, удобных в носке и достаточно теплых для наступающей зимы. Покупка почти опустошила мой кошелек. Уходя от сапожника, я уныло пересчитал монеты: три йоты и драб. У меня бывало больше денег, когда я жил на улицах Тарбеана...

— Сегодня ты как раз вовремя, — сказал Деоч, когда я подошел к «Эолиану». — У нас тут кое-кто тебя поджидает.

Я почувствовал, как по лицу расплывается глупая улыбка, похлопал Деоча по плечу и зашел внутрь.

Вместо Денны я заметил Фелу, сидящую в одиночестве за столиком. С ней болтал Станчион, стоявший рядом. Заметив меня, он приветственно помахал и отправился на свой любимый насест у стойки, по дороге любовно похлопав меня по плечу.

Фела, увидев меня, вскочила и бросилась навстречу. На секунду я подумал, что она собирается заключить меня в объятия, словно мы воссоединившиеся влюбленные из заигранной атуранской трагедии. Но она внезапно остановилась — только темные волосы взметнулись. Выглядела Фела, как всегда, прелестно, только на одной из высоких скул темнел большой синяк.

— О нет, — сказал я, сочувственно потирая скулу. — Это я так тебя уронил? Прости, пожалуйста.

Она недоверчиво уставилась на меня и расхохоталась.

— Ты извиняешься, что вытащил меня из огненного ада?

— Только за ту часть, где я отключился и уронил тебя. Вышло по глупости: я забыл задержать дыхание и вдохнул ядовитого воздуха. Ты еще что-нибудь ушибла?

— Ничего, что могла бы показать на публике, — ответила она с легкой гримасой, перенося вес с одного бедра на другое, — я нашел это зрелище весьма интересным.

— Надеюсь, ничего ужасного.

Фела нацепила возмущенную маску:

— Ну, в общем, нет. Но я надеюсь, что в следующий раз ты справишься лучше. Когда девушке спасают жизнь, она ожидает более нежного обхождения.

— И то правда, — сказал я, успокаиваясь. — Засчитаем это как тренировочный пробег.

На один удар сердца между нами повисла тишина, и улыбка Фелы немного поблекла. Она протянула мне руку, потом заколебалась и опустила ее обратно.

— Честно говоря, Квоут, я... Это был худший момент всей моей жизни. Везде был огонь...

Она опустила глаза и моргнула.

— Я понимала, что сейчас умру, просто знала. Но стояла, как... как какой-то перепуганный кролик. — Она подняла глаза, сморгнув слезы, и на губах ее снова засияла ослепительная улыбка. — А потом появился ты, бегущий сквозь огонь. Это было самое удивительное, что я когда-либо видела. Как... ты смотрел «Даэонику»?

Я кивнул и улыбнулся.

— Как Тарсус, восстающий из ада. Ты появился сквозь огонь, и я поняла, что все будет хорошо. — Фела сделала шаг ко мне и положила ладонь мне на руку. Сквозь рубашку я чувствовал ее тепло. — Я приготовилась умереть там... — Она умолкла, смущенная. — Я повторяюсь...

Я покачал головой:

— Неправда. Я видел тебя. Ты искала выход.

— Нет. Я просто стояла. Как глупые девчонки из глупых сказочек, которые мне читала мама. А я всегда их ненавидела. Я спрашивала: «Почему она не вытолкнула ведьму из окна? Почему не отравила людоеда?» — Фела смотрела себе под ноги, ее волосы упали так, что закрыли лицо. Голос становился все тише и тише, пока не стал чуть слышным вздохом: — «Почему она просто сидела там и ждала, когда ее спасут? Почему не спасалась сама?»

Я положил ладонь на ее руку, надеясь, что получится успокаивающе. Сделав это, я заметил странную вещь: рука Фелы не была изящной хрупкой тростинкой, как я ожидал. Она оказалась сильной и мозолистой — рука скульптора, знакомая с тяжелой работой молотом и долотом.

— Это не рука юной и трепетной девы, — сказал я.

Фела подняла на меня недоуменный взгляд, в ее глазах блеснули подступающие слезы. Она издала полусмешок-полувсхлип:

— Я... что?

Я покраснел от смущения, поняв, что сказал, но решительно бросился вперед.

— Это не рука какой-то полубморочной принцессы, которая сидит и нанизывает ожерелье в ожидании, что ее спасет некий принц. Это рука женщины, которая выберется на свободу, спустившись по веревке из собственных волос, или убьет пленителя-людоеда, пока он спит. — Я посмотрел ей в глаза. — И это рука женщины, которая прошла бы через огонь сама, если бы там не оказалось меня. Обожглась бы, возможно, но осталась бы жива.

Я поднял ее руку к губам и поцеловал, что казалось сейчас самым правильным и естественным.

— И все равно я рад, что оказался там и смог помочь. — Я улыбнулся: — Значит... как Тарсус?

Улыбка Фелы снова ослепила меня.

— Как Тарсус, прекрасный принц и Орен Велсайтер в одном лице, — рассмеялась она и схватила меня за руку. — Пойдем. У меня кое-что есть для тебя.

Фела потащила меня к своему столику и вручила сверток ткани.

— Я спросила у Вила и Сима, что тебе подарить. Должно подойти... — Она умолкла, внезапно смутившись.

Это оказался плащ — темно-зеленого лесного цвета, из дорогой ткани, прекрасно скроенный и сшитый. Его покупали явно не со старьевщицкой тележки. Обзавестись такой одеждой я даже не надеялся.

— Я попросила портного пришить внутри много маленьких кармашков, — встревоженно сказала Фела. — Вил и Сим оба сказали, что это очень важно.

— Восхитительно, — сказал я.

Она снова засияла улыбкой.

— Мне пришлось угадывать размеры, — призналась она. — Давай посмотрим, подойдет ли.

Она взяла плащ у меня из рук и подошла почти вплотную, расправляя его над моими плечами. Ее руки обвили меня, очень похоже на объятие.

Я стоял, по выражению Фелы, как перепуганный кролик. Она была настолько близко, что я чувствовал тепло ее тела, а когда она наклонилась, расправляя плащ, ее грудь скользнула по моей руке. Я стоял недвижно, как статуя. Через плечо Фелы я видел, как ухмыляется у дверей Деоч.

Фела отступила на шаг, критически оглядела меня, потом снова подошла и поправила плащ на моей груди.

— Тебе идет, — сказала она. — Цвет подчеркивает твои глаза. Не то чтобы они в этом нуждались. Они — самое зеленое, что я видела сегодня. Как кусочек весны.

Когда Фела снова отступила, любуясь своей работой, я заметил знакомый силуэт, покидающий «Эолиан» через переднюю дверь. Денна. Я только мельком увидел ее профиль, но узнал ее так же верно, как свои собственные руки. Что она увидела и к каким выводам пришла, я мог только гадать.

Моим первым порывом было броситься за ней. Объяснить, почему я не пришел на встречу два дня назад. Рассказать, как я сожалею об этом. Объяснить, что девушка, обнимавшая меня, просто делала мне подарок — и ничего больше.

Фела разгладила плащ на моем плече и посмотрела сияющими глазами — всего минуту назад они блестели от подступающих слез.

— Сидит великолепно, — сказал я, пропуская ткань между пальцами и картинно отбрасывая полу плаща назад. — Это гораздо больше, чем я заслуживаю, и ты не должна была делать мне такой подарок, но все равно спасибо.

— Я хотела показать, насколько ценю то, что ты сделал. — Фела снова коснулась моей руки. — Это ерунда, правда. Если есть что-то, что я могу сделать для тебя, любая услуга, просто скажи... — Она замолчала, испытующе разглядывая меня. — С тобой все хорошо?

Я бросил взгляд на дверь поверх ее плеча. Денна уже может быть где угодно. Я никогда не смогу поймать ее.

— Все хорошо, — солгал я.

Фела угостила меня выпивкой, и мы немного поболтали о всякой всячине. Я с удивлением узнал, что последние несколько месяцев она работает с Элодином. Она кое-что лепит для него, а он в ответ иногда вдруг начинает учить ее. Фела завела глаза к потолку: он разбудил ее среди ночи и повел в заброшенный карьер на севере города. Положил ей в туфли мокрую глину и заставил так ходить целый день. Он даже... она зарделась и покачала головой, обрывая рассказ. Сгорая от любопытства, но не желая смущать ее, я не стал настаивать на продолжении, и мы согласились, что Элодин почти сумасшедший.

Все это время я сидел лицом к двери, тщетно надеясь, что Денна вернется и я ей все объясню.

Наконец Фела отправилась обратно в Университет на абстрактную математику. Я остался в «Эолиане», по глоточку потягивая выпивку и

пытаясь придумать, как бы все уладить между мной и Денной. Я бы предпочел крепко напиться, но не мог себе это позволить, поэтому медленно похромал за реку, озаренный заходящим солнцем.

Пока я не начал собираться на обычную прогулку на крышу главного здания, до меня не доходил смысл того, что сказал вчера Килвин. А ведь если большая часть костедегтя пролилась через решетки...

Аури! Она живет в туннелях под Университетом. Я во весь дух бросился к медике, несмотря на усталость и болящие ноги. На полпути мне перепала удача: я заметил Мола, идущую через двор. Я крикнул ей и помахал, привлекая ее внимание.

Мола подозрительно оглядела меня.

— Ты ведь не собираешься петь мне серенады, правда?

Я смущенно поправил лютню на плече и покачал головой.

— Мне нужна помощь, — объяснил я. — У меня есть друг, который может быть ранен.

Она устало вздохнула:

— Ты бы...

— Я не могу пойти в медику за помощью. — Я подпустил в голос тревоги. — Мола, пожалуйста. Обещаю, это не займет больше получаса, но надо идти сейчас. Я боюсь, что уже может быть поздно.

Мой взволнованный тон убедил ее:

— Что случилось с твоим другом?

— Возможно, ожоги, возможно, кислота, возможно, дым. Как у людей, которые попали во вчерашний пожар в артной. Или хуже.

Мола двинулась вперед:

— Мне нужно зайти к себе, взять сумку с инструментами.

— Я подожду здесь, если ты не против. А то я тебя только задержу.

Я сел на ближайшую скамейку и попытался на время забыть о своих ожогах и ушибах. Когда Мола вернулась, я повел ее к юго-западной стороне главного здания, где по стене вилось трио декоративных труб.

— Мы можем подняться здесь на крышу.

Она с любопытством посмотрела на меня, но вроде бы пока решила держать вопросы при себе.

Я медленно полез по трубе, используя выступающие части камней как опоры для рук и ног. Это был один из самых легких путей на крышу главного. Я выбрал его частично из-за неуверенности в скалолазных способностях Мола, а частично потому, что мои собственные раны не располагали к активным упражнениям.

Мола вылезла на крышу вслед за мной. Она все еще была одета в темную униформу медики, но накинула сверху серый плащ. Я выбрал круглую дорогу, чтобы пройти по самым безопасным частям главного. Ночь стояла безоблачная, и серебро луны озаряло нам путь.

— Если бы я не знала тебя лучше, — сказала Мола, когда мы обходили высокую кирпичную трубу, — я бы подумала, что ты заманиваешь меня куда-то в тихое место с подлой целью.

— А почему ты думаешь, что нет? — беспечно отозвался я.

— Ты не очень похож на подобного типа, — объяснила она. — Кроме того, ты едва ходишь. Если ты попытаешься что-нибудь сделать, я просто спихну тебя с крыши.

— Не надо щадить мои чувства, — хмыкнул я. — Даже если бы я не был полукалекой, ты спокойно могла бы скинуть меня с этой крыши.

Я споткнулся на одном из гребней и чуть не упал — израненное тело реагировало медленно. Присев на приподнятый участок крыши, я подождал, пока пройдет головокружение.

— Ты в порядке? — спросила Мола.

— Наверное, нет. — Я с трудом встал на ноги. — Это как раз за следующей крышей, — сказал я. — Тебе лучше пока постоять в сторонке. На всякий случай.

Я дошел до края крыши и осмотрел кусты и яблоню внизу. Окна были темны.

— Аури, — тихонько позвал я. — Ты там? — Я подождал, тревожась еще больше. — Аури, ты ранена?

Никакого ответа. Я начал тихонько ругаться.

Мола скрестила руки на груди.

— Ладно, думаю, я уже достаточно натерпелась. Будь любезен, расскажи, что происходит.

— Иди за мной, и я объясню.

Я направился к яблоне и начал осторожно спускаться. Обойдя кусты, я наклонился над железной решеткой, из-под которой поднимался аммиачный запах костедегтя — слабый, но настойчивый. Я подергал решетку и приподнял ее на несколько сантиметров, но потом она застряла.

— Я тут подружился кое с кем несколько месяцев назад, — сказал я, нервно шаря между прутьями. — Она живет там, внизу. Я беспокоюсь, что ей могло достаться после вчерашнего. Много реактива утекло через решетки в артной.

Мола помолчала немного.

— Ты говоришь серьезно.

Я ощупывал темноту под решеткой, пытаюсь понять, как Аури запирает ее.

— Но что за человек будет жить там?

— Запуганный человек, — ответил я. — Человек, который боится громкого шума, людей и открытого неба. Я около месяца выманивал ее из туннелей, не говоря уж о том, чтобы подойти поближе и поговорить.

Мола вздохнула.

— Если не возражаешь, я присяду. — Она пошла к скамейке. — Я целый день на ногах.

Я продолжал щупать под решеткой, но, как ни пытался, не мог нигде найти защелки. Схватившись за решетку, я стал дергать ее снова и снова. Она издала несколько металлических стуков, но не открылась.

— Квоут?

Я посмотрел на край крыши и видел, что там стоит Аури — силуэт на фоне ночного неба, с облачком серебристых волос вокруг головы.

— Аури! — Напряжение резко покинуло меня, оставив тело слабым и вялым. — Где ты была?

— Облака были, — просто сказала она, идя по краю крыши к яблоне. — И я пошла тебя искать на верх всего. Но теперь луна выходит, и я вернулась.

Аури спустилась по дереву и отпрянула, увидев на скамейке силуэт Мола, закутанной в плащ.

— Я привел друга в гости, Аури, — сказал я самым мягким и успокаивающим тоном. — Ты не возражаешь?

Длинная пауза.

— А он хороший?

— Это она. Да, она хорошая.

Аури немного расслабилась и подошла на несколько шагов ближе ко мне.

— Я принесла тебе перышко с весенним ветром в нем, но, поскольку ты опоздал... — Она сурово посмотрела на меня. — Вместо этого ты получишь монетку. — Аури вытянула вперед руку с монеткой, зажатой между большим и указательным пальцами. — Она будет охранять тебя по ночам. Лучше всего другого, так-то.

Монетка имела форму атуранской покаянной монетки, но светилась в лунном свете серебром. Я никогда такой не видел.

Опустившись на колени, я открыл футляр лютни и достал маленький сверток.

— У меня тут немного помидоров, фасоли и кое-что особенное. — Я

протянул Аури маленький мешочек, на который два дня назад, еще до начала моих злоключений, потратил большую часть денег. — Морская соль.

Аури взяла мешочек и заглянула внутрь.

— Вот это здорово, Квоут. А что живет в соли?

«Микроэлементы, — подумал я. — Хром, бассал, малий, йод — все, в чем нуждается твое тело, но, вероятно, не может извлечь из яблок, хлеба и того, что ты еще умудряешься добыть, когда я не могу найти тебя».

— Рыбьи сны, — сказал я. — И песни моряков.

Аури довольно кивнула и села, расправляя крошечную салфетку и раскладывая еду с той же аккуратностью, что и всегда. Я смотрел, как она обмакивает фасолины в соль и изящно откусывает. Она не выглядела пораненной, но при бледном лунном свете было трудно понять. Мне требовалось удостовериться.

— С тобой все хорошо, Аури?

Она склонила голову, с любопытством глядя на меня.

— Был большой пожар, много пролилось через решетки. Ты это видела?

— Святой боже, да, — воскликнула она, округляя глаза. — Это было везде, и все землеройки и еноты бегали туда-сюда, пытаясь выбраться.

— А на тебя оно не попало? — спросил я. — Ты не обожглась?

Аури покачала головой, лучась озорной детской улыбкой:

— Ах, нет. Оно не смогло поймать меня.

— Ты была близко к огню? — спросил я. — Ты не вдыхала дым?

— Зачем бы мне вдыхать дым? — Аури посмотрела на меня как на дурачка. — Все Подовсё теперь пахнет как кошачья моча. — Она сморщила нос. — Кроме низов и подвала.

Я немного успокоился, но тут заметил, как заерзала Мола, сидящая на скамейке.

— Аури, а мой друг может подойти?

Аури застыла, не донеся фасоль до рта, потом расслабилась и один раз кивнула, отчего ее тонкие волосы взвихрились вокруг лица.

Я приглашающе махнул Моле, и она медленно пошла к нам. Я немного тревожился, как пройдет их встреча. У меня заняло больше месяца мягких и терпеливых уговоров, чтобы вытащить Аури из ее туннелей под Университетом. Я беспокоился, что неправильная реакция Мола может испугать Аури и она снова сбежит под землю, где я не смогу ее найти.

Я указал туда, где остановилась Мола.

— Это мой друг Мола.

— Привет. — Аури подняла глаза и улыбнулась. — У тебя солнечные волосы, как у меня. Хочешь яблоко?

Мола тщательно сохраняла спокойствие.

— Спасибо, Аури. Хочу.

Аури вскочила и побежала обратно к яблоне, нависающей над крышей. Потом бегом вернулась к нам — волосы летели за ней, как флаг, — и вручила Моле яблоко.

— В нем одно желание, — сказала она просто. — Обязательно узнай, чего ты хочешь, прежде чем откусить.

Сообщив это, Аури уселась обратно и начала жевать очередную фасолину.

Мола долго смотрела на яблоко, прежде чем откусить.

Аури быстро прикончила еду и завязала мешочек с солью.

— Теперь играй, — восторженно воскликнула она. — Играй!

Улыбнувшись, я вытащил лютню и потрогал струны. К счастью, палец поранен на левой, аккордовой руке, так что неудобств доставлять почти не будет.

Я подстроил лютню и взглянул на Молу.

— Ты можешь идти, если хочешь, — сказал я ей. — Я бы не хотел случайно спеть тебе серенаду.

— О нет, тебе нельзя уходить. — Аури повернулась к Моле со смертельно серьезным выражением на лице. — Его голос как буря, а его руки знают каждый секрет, спрятанный под холодной темной землей.

Губы Молы раздвинулись в улыбке.

— Полагаю, ради этого я могу остаться.

И я играл для них обеих, а звезды над нашими головами вели свой размеренный хоровод.

— Почему ты никому не сказал? — спросила меня Мола, когда мы шли обратно по крышам.

— Мне показалось, что никому до этого не будет дела, — ответил я. — Если б Аури хотела, чтобы люди знали о ней, думаю, она сама бы им сказала.

— Ты знаешь, о чем я, — раздраженно перебила Мола.

— Я понимаю, — вздохнул я. — Но что хорошего может из этого получиться? Она счастлива там, где есть.

— Счастлива? — Голос Молы звучал скептически. — Она оборванная и полуголодная. Ей нужна помощь. Еда и одежда.

— Я приношу ей еду, — сказал я. — И одежду тоже принесу, как

только... — Я замялся, не желая признаваться в своей презренной нищете, по крайней мере сейчас. — Как только смогу это устроить.

— Зачем ждать? Если бы ты только рассказал кому-нибудь...

— Ну да, — саркастически перебил я. — Уверен, Джеймисон сразу прибежит сюда с коробкой шоколада и пуховой перинкой, если узнает, что под Университетом живет заморенная полоумная студентка. Они запрут ее и залечат, ты это прекрасно понимаешь.

— Не обязательно... — Мола даже не стала заканчивать, зная, что я говорю правду.

— Мола, если люди придут ее искать, она просто юркнет в свои туннели. Они перепугают ее, и я потеряю последний шанс помочь ей.

Мола посмотрела на меня, сложив руки на груди.

— Хорошо. Пока. Но тебе придется снова привести меня сюда. Я принесу ей что-нибудь из своей одежды. Ей будет велико, но все лучше, чем то, что на ней сейчас.

Я покачал головой:

— Не получится. Пару оборотов назад я принес ей подержанное платье. Она говорит, что носить чужую одежду отвратительно.

Мола озадачилась:

— Она не похожа на сильдийку ни капельки.

— Может, ее просто так воспитали.

— Ты сам-то чувствуешь себя лучше?

— Да, — соврал я.

— Ты весь трясешься. — Мола протянула руку. — Давай, обопрись на меня.

Плотнее закутавшись в плащ, я принял ее руку и медленно потащился домой, к Анкеру.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ ПУТЬ ВЕТРА И ЖЕНСКОЙ ПРИХОТИ

Следующие два оборота новый плащ согревал меня во время случайных походов в Имре, где я пытался найти Денну — все время безуспешно. У меня всегда находился какой-нибудь предлог, чтобы пересечь реку: одолжить книгу у Деви, пообедать с Трепе, поиграть в «Эолиане». Но настоящей причиной была Денна.

Килвин продал остальные излучатели, и мое настроение улучшалось вместе с заживающими ожогами. У меня появились деньги на такую роскошь, как мыло и вторая рубашка взамен сгоревшей. Сегодня я отправился в Имре за бассаловой стружкой, нужной мне для нынешнего проекта: большой симпатической лампы с двумя излучателями, которые я приберег для себя. Я надеялся выручить за нее приличную сумму.

Может показаться странным, что я все время покупал материалы для работы за рекой, но дело в том, что торговцы около Университета, играя на лени студентов, задирали цены. А для меня экономия в пару пенни стоила прогулки.

Закончив дела, я заглянул в «Эолиан». Деоч стоял на своем обычном посту, прислонившись к дверному косяку.

— Я наострил глаз на твою девушку, — сказал он.

Раздраженный тем, насколько, оказывается, мои переживания у всех на виду, я буркнул:

— Она не моя девушка.

Деоч закатил глаза:

— Ладно. Эта девушка. Денна, Дианне, Дианай... или как она сейчас себя называет. Так вот, я не видел ее ни разу. Я даже людей немного поспрашивал, но никто не встречал ее целый оборот. Это значит, что она, скорее всего, уехала. Она это запросто делает.

Я попытался не выдать своего разочарования.

— Тебе не стоило беспокоиться, — сказал я. — Но все равно спасибо.

— Я спрашивал не только для тебя, — признался Деоч. — Я и сам ею интересуюсь.

— Правда? — спросил я как можно нейтральнее.

— Не смотри на меня так. Это не соперничество. — Он криво улыбнулся. — Во всяком случае, теперь. Я, может, и не из вас,

университетских, но тоже не лыком шит. И соображу не совать руку в тот же огонь.

Я попытался снова взять себя в руки, изрядно озадаченный: обычно я не позволял своим чувствам разгуливать по лицу так явно.

— Так вы с Денной...

— Станцион все еще меня подкалывает, что я бегал за девчонкой вполонину младше себя. — Деоч сконфуженно пожал широченными плечами. — Но все равно она меня интересуе. Правда, теперь она мне уже больше как младшая сестренка.

— А ты давно ее знаешь? — с любопытством спросил я.

— Вот уж не сказал бы, что знаю, парень. Но встретил я ее где-то около двух лет назад. А может, и год с небольшим... — Деоч пробежался обеими руками по светлым волосам, выгнулся и смачно потянулся, так что мышцы заиграли под рубашкой. Потом он расслабился со вздохом, подобным взрыву, и посмотрел на пустой дворик. — Пойдем, дашь старику повод присесть и выпить? — Он мотнул головой в направлении бара.

Я посмотрел на Деоча: высокий, мускулистый, загорелый.

— Старику? Да у тебя еще все волосы и зубы на месте, разве нет? Тебе сколько, тридцать?

— Ничто так не помогает мужчине чувствовать себя стариком, как юная дева. — Он положил руку мне на плечо. — Пойдем, выпей со мной. — Мы подошли к длинной стойке из красного дерева, и он пробормотал, глядя на бутылки: — Пиво память притупляет, бренд ее палит огнем, а коль сердце зарыдае, поливай его вином. — Он помолчал и повернулся ко мне, нахмуриль лоб. — Не могу вспомнить дальше. А ты помнишь?

— Никогда не слышал подобного, — сознался я. — Но Теккам сообщает, что из всех спиртньх напитков только вино подходит для воспоминаний. Он говорит, хорошее вино приносит чистоту и сосредоточенность, а еще придает воспоминаниям успокаивающую окраску.

— Это верно, — сказал Деоч, разглядывая ячейки за стойкой. Потом он достал бутылку и поднес ее к свету. — Рассмотрим-ка ее в розовом свете. — Он захватил два бокала и повел меня в отдельный кабинет в дальнем углу зала.

— Значит, ты знаком с Денной уже некоторое время, — подсказал я, когда он налил нам по бокалу бледно-розового вина.

Деоч откинулся назад и привалился к стене.

— Более или менее. Скорее менее, чем более.

— А какой она была тогда?

Деоч посвятил вопросу куда больше размышлений, чем я ожидал. Несколько долгих минут он молча прихлебывал вино, вынашивая ответ.

— Да такой же, — наконец сказал он. — Конечно, она была моложе, но не могу сказать, что сейчас она выглядит хоть сколько-нибудь старше. Она всегда поражала меня тем, что выглядит старше, чем на самом деле. — Он нахмурился: — Не старше, на самом деле, а...

— Взрослее? — предположил я.

Он потряс головой:

— Нет. Не знаю правильного слова для этого. Это как будто смотришь на огромный дуб. Ты отмечаешь его не потому, что он старше соседних деревьев, и не потому, что выше. В нем просто есть что-то, чего нет в более молодых деревцах, — сложность, цельность, значительность. — Деоч нахмурился в раздражении. — Проклятье, это худшее сравнение, какое у меня выходило.

Улыбка расплылась по моему лицу.

— Приятно видеть, что я не единственный, у кого проблемы с тем, чтобы описать ее словами.

— Да уж, не очень-то она годится для описаний, — согласился Деоч и залпом допил свое вино. Потом поднял бутылку и постучал горлышком по моему бокалу. Я опустошил его, и он снова налил.

Деоч продолжал:

— Она и тогда была такая же неугомонная, дикая и сумасбродная. И так же зацепляла глаз и заставляла замирать сердце. — Он снова пожал плечами. — Короче, такая же была. Чудесный голос, легкий шаг, острый язычок, восхищение мужчин и брань женщин примерно в равных количествах.

— Брань? — переспросил я.

Деоч посмотрел на меня так, словно не понял, о чем я спрашиваю.

— Женщины ненавидят Денну, — просто сказал он, словно повторял то, что мы оба давно знаем.

— Ненавидят? — Эта мысль обескуражила меня. — Почему?

Деоч посмотрел на меня недоверчиво, потом расхохотался.

— О боже, да ты что, и правда ничего не знаешь о женщинах?

При обычных обстоятельствах я бы ошетинился на такой комментарий, но в словах Деоча слышалось только добродушие.

— Подумай сам. Она красива, очаровательна. Мужчины толпятся вокруг нее, как олени во время гона. — Он сделал легкомысленный жест. — Женщины просто обязаны ее ненавидеть.

Я припомнил, как Сим сказал не больше оборота назад о самом Деоче: «Он снова умудрился закадрить самую красивую девушку в заведении. Этого достаточно, чтобы возненавидеть человека».

— Мне всегда казалось, что она совсем одинока, — осмелился сказать я. — Может быть, поэтому?

Деоч мрачно кивнул.

— В этом есть правда. Я никогда не видел ее в компании с другими женщинами, она пользуется у мужчин почти таким же успехом, как... — Он помолчал, подбирая слова для сравнения. — Как... Вот проклятье! — Он сердито засопел.

— Ну, сам знаешь, что говорят: «Найти правильную аналогию так же трудно, как...» — Я изобразил задумчивость. — Как... — И неопределенно махнул рукой.

Деоч рассмеялся и налил еще вина. Я начал расслабляться: такое товарищество изредка появляется между мужчинами, которые сражались с одними и теми же врагами и знавали одних и тех же женщин.

— Тогда она тоже любила вот так исчезать? — спросил я.

Он кивнул:

— Без всякого предупреждения — просто вдруг пропадала. Иногда на оборот. Иногда на месяцы.

— «Нет переменчивее пути, чем у ветра и женской прихоти», — процитировал я. Я собирался сказать это шутливо, но прозвучало горько. — Ты, случайно, не знаешь, почему так?

— Я уже всю голову на этом поломал, — философски отвечив Деоч. — Полагаю, отчасти такова ее натура. Может, в ней просто есть бродячая кровь.

Моя горечь немного утихла от этих его слов. Когда-то, в моей труппе, отец вдруг заставлял нас сниматься с места и уезжать из города, хотя нас хорошо принимали и публика была щедра. Потом он объяснял мне причину так: злобный взгляд от констебля, слишком много влюбленных вздохов от городских молодых...

Но иногда никаких причин у него не было. «Мы, руэ, рождены, чтобы путешествовать, сынок. Когда моя кровь велит мне идти, я верю ей».

— А по большей части, наверное, виновато ее положение, — продолжил Деоч.

— Положение? — с любопытством переспросил я.

Она никогда не говорила о своем прошлом, когда мы были вместе, и я старался не давить на нее. Я знал, как бывает, когда не хочется распространяться о своей жизни.

— Ну, у нее же нет семьи и средств к существованию. Никаких давних друзей, которые могли бы помочь в затруднительном положении.

— У меня тоже ничего этого нет, — буркнул я: вино прибавило мне мрачности.

— Тут есть разница, — сказал Деоч с оттенком укора. — У мужчины гораздо больше возможностей прокладывать свой путь в мире. Ты нашел себе местечко в Университете, а если бы не получилось, у тебя бы все равно был выбор. — Он многозначительно посмотрел на меня. — А какие варианты у молодой красивой девушки без семьи? Без приданого? Без дома?

Он начал загибать пальцы:

— Можно просить милостыню или стать шлюхой. Или любовницей какого-нибудь лорда — не сильно отличается от предыдущего. А мы оба знаем, что наша Денна не такова, чтобы сидеть взаперти или быть чьей-то женщиной.

— Но есть же другая работа, — сказал я, сам загибая пальцы. — Белошвейка, ткачиха, служанка...

Деоч фыркнул и изобразил на лице безгливость:

— Да брось, парень, ты же не такой дурак и сам знаешь, что это за места. Красивой девушкой без семьи там в конце концов станут пользоваться как шлюхой, а платить будут еще и меньше.

Я немного покраснел от его отповеди — хотя и больше чем обычно, потому что вино уже начало действовать: чуть онемели губы и кончики пальцев.

Деоч снова налил.

— Не стоит смотреть на нее свысока за то, что она идет туда, куда ее несет ветер. Ей приходится пользоваться возможностями, когда они появляются. Если она получает шанс поехать с людьми, которым нравится ее пение, или с торговцем, надеющимся, что хорошенькое личико поможет ему продать побольше, — кто станет винить ее за то, что она снимается и уезжает? А если она немного приторговывает своим очарованием, я не стану презирать ее за это. Молодые джентльмены ударяют за ней, покупают ей подарки, платья, украшения. — Он пожал широкими плечами. — Если она продаст это, чтобы выручить денег на жизнь, что в том неправильного? Это подарки, сделанные по собственной воле, и ее дело, как ими распоряжаться.

Деоч поймал мой взгляд.

— Но что ей делать, когда какой-нибудь джентльмен позволяет себе лишнее? Или начинает злиться, когда ему не дают того, что он, по его

мнению, купил и оплатил? Как ей быть? Ни семьи, ни друзей, ни места где остановиться. Никакого выбора. Только отдаться ему, совершенно того не желая... — Лицо Деоча помрачнело. — Или уехать. Найти попутный ветер и уехать. Стоит ли удивляться, что поймать ее не легче, чем опавший листок, гонимый ветром?

Он покачал головой, уставившись в стол.

— Нет, я не завидую ее жизни. И не сужу ее. — Тирада словно самого его удивила и опустошила. Деоч не поднимал на меня глаз, продолжая говорить: — При всем при этом я помог бы ей, если бы она позволила. — Он поднял взгляд и выдавил досадливую печальную улыбку. — Но она не из тех, кто остается в долгу. Ни на йоту. Даже на волосок. — Он вздохнул и поровну разлил по стаканам остатки вина.

— Ты показал мне ее в новом свете, — честно признался я. — Мне стыдно, что я сам этого не увидел.

— Ну, я-то тебя на голову обогнал, — легко возразил он. — Да и знаком с ней дольше.

— Все равно спасибо. — Я поднял бокал.

Деоч поднял свой:

— За Дианай, — сказал он. — Прекраснейшую.

— За Денну, полную очарования.

— Юную и несгибаемую.

— Яркую и светлую.

— Всегда влекущую и всегда одинокую.

— Такую мудрую и такую глупую, — сказал я. — Такую веселую и такую печальную.

— Боги моих отцов, — благоговейно добавил Деоч. — Храните ее всегда такой: неизменной, непонятной и свободной от беды.

Мы оба выпили и поставили бокалы на стол.

— Позволь, я куплю следующую бутылку, — сказал я. Конечно, это уменьшило бы мой медленно растущий кредит в баре, но мне все больше нравился Деоч, а мысль, что я не могу быть с ним на равных, была слишком горькой.

— Камень, небо и река, — ругнулся он, потирая лицо. — Я не решусь. Еще одна бутылка, и мы будем барахтаться в реке, прежде чем сядет солнце.

Я сделал знак служанке и бодро ответил:

— Ерунда. Надо просто перейти с вина на что-нибудь не такое слезливое.

Возвращаясь в Университет, я не заметил, что за мной идут. Возможно, голова моя была так полна Денной, что на другое места почти не оставалось. А может, я уже так долго вел цивилизованную жизнь, что наработанные за тарбеанские годы рефлексy начали слабеть.

Ежевичный бренд, возможно, тоже имел к этому некоторое отношение. Мы с Деочем говорили долго и выпили полбутылки этого пойла. Я унес остатки с собой, поскольку знал, что Симмон питает к нему слабость.

Полагаю, не так уж важно, почему я их не заметил, — результат был один. Я шел по слабо освещенной части Новодомной улицы, и вдруг что-то тяжелое ударило по моему затылку, и меня, бесчувственного, поволокли в ближайший переулок.

Меня оглушило только на мгновение, но когда я пришел в себя, мой рот зажимала тяжелая рука.

— Слышь, парень, — прошипел мне в ухо здоровяк за спиной. — У меня тут ножик. Будешь трепыхаться — прирежу, и все. — Я почувствовал легкий укол в ребра под левой рукой. — Проверь искатель, — сказал он своему подельнику.

Высокая фигура — единственное, что я мог разглядеть в тусклом освещении переулка, — наклонила голову, глядя себе на руку:

— Не могу понять.

— Тогда зажги спичку. Надо быть уверенными.

Мое беспокойство расцвело в полноценную панику. Это не просто уличный грабеж: они даже не вывернули мои карманы. Тут что-то другое.

— Да мы и так знаем, что это он, — нетерпеливо сказал высокий. — Давай уже все сделаем и покончим с этим. Я замерз.

— Хрена с два. Проверь сейчас, пока он у нас в руках. Мы уже дважды его теряли. Прوماхнемся еще, как в Анилене.

— Ненавижу это, — сказал высокий, копаясь в карманах: вероятно, в поисках спички.

— Ты идиот, — огрызнулся стоявший за моей спиной. — Так чище получается. Проще. Никаких неразборчивых описаний. Никаких имен. Никаких сложностей с маскировкой. Идешь себе за иглой, находишь своего человека, и все кончено.

Будничный тон их голосов привел меня в ужас. Эти люди были профессионалами. Я понял с внезапной уверенностью: Амброз наконец решил удостовериться, что я его больше никогда не побеспокою.

Мгновение мои мысли метались как бешеные, а потом я сделал единственное, что смог придумать: уронил полупустую бутылку с брендом. Она разлетелась по мостовой, и ночной воздух внезапно наполнился

запахом ежевики.

— Круто, — прошипел высокий. — Может, еще дашь ему в колокольчик позвонить?

Человек за моей спиной крепче ухватил меня за шею и резко встряхнул — как капризного щенка.

— Прекрати, — раздраженно потребовал он.

Я обмяк, надеясь усыпить его бдительность, потом сосредоточился и пробормотал заклинание из-под его жесткой ручки.

— Крепкие сиськи, — ругнулся он. — Если ты наступил на стекло, это твоя клятая... в-и-и!

Он испустил испуганный вопль, когда лужа вокруг наших ног загорелась.

Я воспользовался тем, что он ослабил хватку, и вывернулся из его рук. Но я оказался недостаточно быстр — его нож успел прочертить по моим ребрам жаркую полосу боли. Я отпрыгнул и побежал прочь по переулку.

Но мое бегство было недолгим: переулок уткнулся в сплошную кирпичную стену. Не было ни дверей, ни окон — ничего, за что можно спрятаться или зацепиться, чтобы перелезть. Я попал в ловушку.

Я повернулся и увидел, что эти двое перегораживают вход в проулок. Здоровяк яростно топал ногой, пытаюсь ее потушить.

Моя левая нога тоже горела, но я не потратил на нее и единой мысли. Небольшой ожог будет наименьшей из проблем, если я не сделаю что-нибудь прямо сейчас. Я снова оглянулся, но переулок был прискорбно чист — даже никакого приличного мусора, который можно превратить в оружие. Я неистово зашарил по карманам плаща, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь план. Пара кусков медной проволоки бесполезны. Соль — может, бросить им в глаза? Нет. Сушеное яблоко, перо и чернила, шлифовальный шарик, бечевка, воск...

Здоровяк наконец сбил пламя, и они медленно пошли ко мне. Свет от лужи горящего брэнда мерцал на клинках их ножей.

Проверяя карманы, я нащупал какой-то незнакомый сверток. Потом вспомнил: это был мешочек с бассаловыми стружками, которые я купил для симпатической лампы.

Бассал — легкий серебристый металл, входящий в некоторые сплавы, нужные мне для лампы. Манет, мой внимательный учитель, подробно описывал опасности каждого материала, которым мы пользовались. Бассал, если его достаточно нагреть, горит ярким белым и очень горячим пламенем.

Я поспешно развязал мешочек. Проблема была в том, что я не знал,

смогу ли это повернуть. Вещи вроде свечного фитиля или спирта легко поджечь. Им нужна всего лишь сфокусированная вспышка жара. Но бассал не таков. Чтобы воспламениться, ему нужно большое количество тепла, вот почему я не беспокоился, нося его в кармане.

Двое подошли на несколько неторопливых шагов ближе, и я швырнул в них по высокой дуге горсть бассаловых стружек. Я пытался попасть им в лицо, но не особенно надеялся. Стружки почти ничего не весили — я как будто бросал пригоршню сухого рыхлого снега.

Поднеся одну руку к огню, лижущему мою ногу, я сфокусировал алар. Широкая лужа горящего брэнда мигнула и погасла за спинами головорезов, оставив переулок в угольной черноте. Но тепла все еще было недостаточно. В отчаянии я коснулся кровоточащего бока, сосредоточился и почувствовал, как ужасный холод ворвался в меня, когда я вытянул тепло из собственной крови.

Вспыхнул белый свет, ослепительный в темноте переулка. Я закрыл глаза, но даже сквозь веки горящий бассал был жгуче-ярким. Один из нападающих взвизгнул, тонко и испуганно. Открыв глаза, я увидел только пляску синих теней на белом фоне.

Визг перешел в стон, и я услышал удар, как будто один из убийц запнулся и упал. Высокий начал бормотать, его голос звучал как перепуганный плач.

— О господи. Тэм, мои глаза. Я ослеп.

Мое зрение уже достаточно приспособилось к свету, чтобы различить смутные очертания переулка и темные тени обоих нападавших. Один стоял на коленях, закрыв лицо руками, второй неподвижно распростерся на земле немного дальше. Выглядело так, будто он воткнулся в низкий брус стропил на входе в переулок и потерял от удара сознание. Разбросанные по камням, остатки бассала потрескивали и гасли крошечными бело-голубыми звездочками.

Человек на коленях был просто ослеплен вспышкой, но это продлится несколько минут: достаточно, чтобы я успел убраться отсюда подальше. Я медленно обошел его, стараясь ступать неслышно. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда он снова заговорил.

— Тэм? — Голос звучал тонко и испуганно. — Клянусь, Тэм, я ослеп. Парень спустил на меня молнию. — Я увидел, что он встал на четвереньки и начал шарить вокруг руками. — Ты верно говорил, не надо было сюда приходить. Ничего хорошего не выходит, когда водишься с таким народом.

Молния. Ну конечно! Он ничегошеньки не знает о настоящей магии. Это навело меня на мысль.

Я сделал глубокий вдох, успокаивая нервы.

— Кто тебя послал? — потребовал я своим лучшим таборлиновским голосом. Получилось не так хорошо, как у моего отца, но все же достаточно прилично.

Здоровяк издал жалкий стон и прекратил ощупывать мостовую.

— О сэр, не делайте этого...

— Я не стану спрашивать дважды, — зло оборвал его я. — Скажи, кто тебя послал. Если солжешь, я узнаю.

— Я не знаю имени, — быстро сказал он. — Нам просто дали половинку монетки и волос. Мы не знаем имен. Мы даже не встречались. Клянусь...

Волос. Штука, которую они называли «искатель», была, вероятно, чем-то вроде магического компаса. Хотя я сам еще не мог сделать такую сложную штуку, но примененные принципы знал прекрасно. Если у них есть мой волос, искатель укажет на меня, куда бы я ни убежал.

— Если я еще увижу кого-нибудь из вас, то сотворю кое-что похуже огня и молнии, — угрожающе заявил я, подбираясь к выходу из переулка.

Если я смогу получить их искатель, мне больше не надо будет беспокоиться, что они снова выследят меня. Здесь темно, а на мне был капюшон. Они, может, даже не узнают, как я выгляжу.

— Спасибо, сэр, — пролепетал он. — Клянусь, ноги нашей больше здесь после этого не будет. Спасибо...

Я посмотрел на упавшего: его бледная рука на камнях была пуста. Я огляделся, раздумывая, не уронил ли он искатель. Нет, скорее просто убрал. Я подошел чуть ближе и задержал дыхание. Ощупал плащ, ища карманы, но плащ придавило телом. Я легонько приподнял лежащего за плечо и медленно потянул из-под него плащ...

Тут головорез испустил тихий стон и самостоятельно перекатился на спину. Его рука захлопала по камням и ударилась о мою ногу.

Хотел бы я сказать, что просто отступил на шаг, — ведь высокий наверняка был еще почти слеп и оглушен. Я хотел бы сказать, что сохранил полное спокойствие и напугал их еще сильнее или, на худой конец, произнес что-нибудь пафосное или остроумное, прежде чем уйти.

Но это не будет правдой. На самом деле я бросился прочь, как испуганный олень. Я пробежал с полкилометра, а потом темнота и затуманенное зрение подставили меня, и я воткнулся прямо в коновязь, больно ударившись. Весь в крови и синяках, полуослепший, я упал и только тогда понял, что за мной никто не гонится.

Я с трудом поднялся на ноги, ругая себя на чем свет стоит. Если бы я

сохранил самообладание, то забрал бы их магический компас, обеспечив себе безопасность. Но раз уж вышло иначе, придется принять другие меры предосторожности.

Я отправился к Анкеру, но, когда пришел, окна трактира были темны, а дверь заперта. Полупьяный и раненый, я пробрался к своему окну, отодвинул защелку и потянул... Окно не открылось.

Прошел по меньшей мере оборот с тех пор, как я возвращался в трактир так поздно, чтобы пользоваться окном. Неужели защелки заржавели?

Прижавшись спиной к стене, я вытащил ручную лампу и поставил на самый слабый свет. Только тогда я увидел что-то в щели оконной рамы. Неужели Анкер запер мое окно?

Но когда я потрогал это, то понял, что это не дерево, а клочок бумаги, сложенный во много раз. Я вытащил его, и окно легко распахнулось. Я залез внутрь.

Моя рубашка превратилась в лохмотья, но, сняв ее, я вздохнул с облегчением. Порез был не особенно глубоким — болезненным и кровоточащим, но менее серьезным, чем следы кнута. Плащ Фелы тоже порвался, и это меня ужасно разозлило. Впрочем, его залатать уж точно проще, чем мою почку. Я сделал мысленную заметку поблагодарить Фелу за выбор такой прекрасной толстой ткани.

Зашивание могло подождать. Наверняка те двое уже очухались от испуга, который я на них нагнал, и снова принялись выслеживать меня.

Я ушел через окно, оставив плащ внутри, чтобы на него не попала моя кровь. Я надеялся, что поздний час и моя природная ловкость позволят мне остаться незамеченным. Я не мог даже представить, какие слухи поползут, если кто-нибудь увидит меня бегущим по крышам поздно ночью: окровавленного и голого по пояс.

Забираясь на крышу конюшни, выходящей на двор наказаний около архивов, я прихватил горсть сухих листьев.

В тусклом лунном свете я видел темные размытые тени листьев, кружащих над серыми камнями внизу. Выдернув из головы несколько волосков, я наковырял ногтями смолы из просмоленного шва крыши и прилепил волосы к листу. Я повторил это десять раз, бросая листья с крыши и глядя, как ветер подхватывает их и носит в безумном танце туда-сюда по двору.

Я улыбнулся при мысли, что если кто-то сейчас выслеживает меня, то ему придется разбираться в десятке противоречащих сигналов — листья разлетелись в десяти разных направлениях.

Я пришел именно в этот двор, потому что ветер здесь вел себя странно. Я заметил это только осенью, когда начали падать листья. Они вились по камням в сложном хаотическом танце — то так, то эдак, но всегда непредсказуемо.

Однажды заметив странные завихрения ветра, потом я уже не мог не обращать на них внимания. По правде говоря, с крыши, где я сейчас сидел, зрелище это оказывало почти гипнотическое воздействие. Так удерживает взгляд текущая вода или огонь костра.

Я смотрел на листья — ночью, усталый и раненый — и постепенно успокаивался и расслаблялся. Чем дольше я наблюдал за этим танцем, тем менее хаотичным казался он мне. Я вроде бы даже начинал видеть некий смутный узор, который ветер выписывал по двору. Его движение только выглядело хаотическим — из-за огромности и поразительной сложности узора. Кроме того, он как будто все время менялся. Это была невероятная изменчивая картина, сотканная из меняющихся узоров. Это было...

— Ты ужасно поздно учишься, — произнес спокойный голос за моей спиной.

Грубо вырванный из созерцания, я весь напрягся, готовый дать деру. Как кто-то ухитрился забраться сюда незаметно для меня?

Это был Элодин, магистр Элодин, одетый в заплатанные штаны и свободную рубаху. Он рассеянно махнул в мою сторону, сполз и уселся, скрестив ноги, на краю крыши так непринужденно, словно мы встретились выпить в баре.

Он смотрел вниз на двор.

— Сегодня особенно хорош.

Я безуспешно попытался прикрыть голую окровавленную грудь и только тогда заметил, что кровь на моих руках уже засохла. Сколько же я просидел здесь, неподвижно наблюдая за ветром?

— Магистр Элодин, — начал я и запнулся, не представляя, что сказать в такой ситуации.

— Да ладно, здесь мы все друзья. Не стесняйся, зови меня просто по имени: магистр. — Элодин лениво ухмыльнулся и снова уставился на двор.

Он что, не заметил, в каком я состоянии? Или просто изображает вежливость? Может... Я потряс головой: с ним гадать бесполезно. Я-то уж лучше, чем кто-либо, знал, что Элодин чокнутый.

— Давным-давно, — сказал Элодин, словно продолжая беседу, — когда люди говорили по-другому, это называлось Квоян Хайель. Потом его называли Залом вопросов, и студенты долго развлекались: пишешь вопрос на бумажке и пускаешь его тут летать. По слухам, можно было угадать ответ

по тому, как твоя бумажка покинет двор. — Магистр поочередно указал на дорожки между серыми зданиями: — Да. Нет. Может быть. В другом месте. Скоро.

Он пожал плечами.

— Однако они ошибались. Плохой перевод. Они думали, что «квоян» — старинный корень слова «кветентан»: «вопрос». Но это не так. «Квоян» значит «ветер». Правильно называть это место Чертогом Ветра.

Я подождал минуту, не продолжит ли он дальше. Поскольку ничего больше не последовало, я медленно встал.

— Очень интересно, магистр... — Я заколебался, не зная, насколько серьезно он говорил до этого. — Но мне надо идти.

Элодин рассеянно кивнул и взмахнул рукой, не то прощаясь, не то отпуская меня. Его взгляд не отрывался от двора внизу, следуя за вечно изменчивым ветром.

Вернувшись в свою комнату у Анкера, я долго сидел на кровати в темноте, пытаюсь решить, что мне делать теперь. Мысли будто вязли в грязи. Я был утомлен, ранен и все еще немного пьян. Адреналин, державший меня раньше, выветривался, и мой бок немилосердно жгло и дергало.

Я глубоко вздохнул и попытался сосредоточиться. До сих пор я действовал инстинктивно, но теперь пора обдумать ситуацию более тщательно.

Могу ли я пойти за помощью к магистрам? На мгновение в груди затеплилась надежда, но тут же умерла. Нет. У меня нет доказательств виновности Амброза. Кроме того, если я расскажу им всю историю, то мне придется признаться, что я использовал симпатию, чтобы ослепить и обжечь напавших на меня. Самозащита это или нет, но то, что я сделал, — бесспорное злоупотребление магией. Студентов исключали и за меньшие проступки, только чтобы сохранить репутацию Университета.

Нет, я рисковать не мог. А если я пойду в медику, будет слишком много вопросов — да еще слухи поползут. Значит, Амброз узнает, насколько был близок к успеху. Лучше создать впечатление, что я ушел невредимым.

Я не представлял, как давно нанятые Амброзом убийцы висят у меня на хвосте. Один из них сказал: «Мы уже дважды теряли его». Значит, они могли знать, что я живу здесь, у Анкера. Возможно, здесь мне тоже небезопасно.

Заперев окно, я задернул занавеску и включил лампу. Свет выхватил позабытый клочок бумаги, который был заткнут в мое окно. Я развернул

его и прочел:

Квоут!

Залезать сюда так же забавно, как ты демонстрировал. Я не обнаружила тебя дома и надеюсь, ты не огорчишься, что я позаимствовала у тебя бумагу и чернила для этой записки. Поскольку ты не играешь внизу и не спишь мирным сном в своей постели, персона циническая могла бы заинтересоваться, чем ты занят в столь поздний час и не затеваешь ли чего-нибудь дурного. Увы, придется мне возвращаться домой среди ночи без твоего надежного сопровождения и приятной компании.

Мы не встретились с тобой в повержение в «Эолиане», но, несмотря на это, мне улыбнулась удача, и я познакомилась с одним довольно интересным человеком. Он весьма необычная личность, и я жажду рассказать тебе то небольшое, что из него выжала, когда мы встретимся в следующий раз.

Я сейчас снимаю комнату в трактире «Лебедь и топь» (или выпь?) в Имре. Пожалуйста, загляни ко мне до 23-го числа этого месяца, и мы наконец запоздало пообедаем. После этого я уеду по делам.

Твой друг и ученик-взломщик,

Денна.

P. S. Пожалуйста, не думай, что я заметила прискорбное состояние твоих простыней и буду судить по ним о тебе.

Сегодня было двадцать восьмое. На письме не стояло даты, но оно, вероятно, ждало здесь не меньше полутора оборотов. Денна наверняка оставила его всего через пару дней после пожара в артной.

Я попытался разобраться, что чувствую по этому поводу. Польщен ли я, что она пыталась найти меня? Или в ярости, что не нашел записку до сих пор? А эта «личность», которую встретила Денна...

Разбираться во всем прямо сейчас я — усталый, раненый и все еще не пришедший в себя после выпитого — не стал. Вместо этого я как мог наскоро промыл в умывальнике неглубокий порез. Стоило бы наложить на него несколько стежков, но я не мог так изогнуть руку. Рана снова начала кровоточить, и я отрезал от погибшей рубашки более или менее чистый кусок и сотворил неуклюжую повязку.

Кровь. У людей, которые пытались меня убить, все еще есть магический компас, а я несомненно оставил на ноже свою кровь. Кровь

куда более эффективна в магическом компасе, чем простой волос; значит, если они и не знают до сих пор, где я живу, то смогут найти меня, несмотря на все предпринятые меры предосторожности.

Я быстро обошел комнату, запихивая все ценное в дорожную сумку, поскольку не знал, когда можно будет безопасно вернуться сюда. Под стопкой бумаги я нашел маленький складной нож, о котором совсем забыл, — я выиграл его у Сима в уголки. В драке он не будет стоять почти ничего, но это все же лучше, чем пустые руки.

Потом я схватил лютню и тихонько спустился в кухню, где мне посчастливилось найти пустую широкогорлую флягу из-под велегенского вина. Невеликая удача, но я был рад и ей.

Я отправился на восток и пересек реку, но до самого Имре не дошел. Вместо этого я спустился немного южнее к берегу широкой реки Омети, где вокруг доков сгрудилась горстка домов и сомнительный трактирчик. То был маленький порт, обслуживавший Имре, — слишком маленький, чтобы иметь собственное имя.

Я запихал свою окровавленную рубашку во флягу и запечатал симпатическим воском. Потом бросил ее в реку Омети и наблюдал, как она медленно плывет по течению. Если они ищут меня с помощью крови, им покажется, будто я бегом направляюсь на юг. Будем надеяться, они последуют за ней.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ ЗНАКИ

Я проснулся ранним утром следующего дня и спросонья не понял, где нахожусь, только смутно ощутил, что не там, где надо. Что-то пошло не так. Я прячусь. Кто-то за мной охотится.

Я лежал на одеяле в углу крошечной комнатенки, в плаще и свернувшись клубком. Это трактир... все медленно возвращалось ко мне. Я снял комнату в трактире около доков Имре.

Я встал и осторожно потянулся, стараясь не растрезожить рану. Вчера я задвинул единственную дверь комнаты шкафом и завязал оконную раму веревкой, несмотря на то, что окно было совсем маленьким и взрослый человек пролезть бы в него не смог.

Увидев в холодном голубом свете раннего утра свои предосторожности, я пришел в некоторое замешательство. Я не мог припомнить, почему лег спать на полу: из боязни убийц или клопов. В любом случае, было ясно, что под конец вчерашней ночи рассуждал я не слишком четко.

Взяв сумку и лютню, я направился вниз по лестнице. Надо было составить какой-нибудь план, но сначала мне требовались завтрак и ванна.

Несмотря на бурно проведенную ночь, я проснулся сразу после восхода и поэтому в баню попал легко. Помывшись и заново перевязав рану, я почувствовал себя почти человеком. После тарелки яичницы, пары сосисок и жареной картошки я уже был способен рационально обдумать свое положение. Просто поразительно, насколько легче думается на сытый желудок.

Сидя в дальнем углу прибрежного трактирчика, я попивал из кружки свежий яблочный сидр. Я больше не волновался, что откуда-нибудь выскочат наемные убийцы и набросятся на меня, но все же сел спиной к стене, чтобы лучше видеть дверь.

Вчерашнее нападение потому так потрясло меня, что застало врасплох. Живя в Тарбеане, я каждый день был готов к тому, что могу быть убитым. Цивилизованная атмосфера в Университете внушила ложное ощущение безопасности. Меня бы ни за что не взяли тепленьким год назад. И конечно, само нападение тогда не стало бы чем-то необычным.

Теперь кровью добытые тарбеанские инстинкты понуждали меня бежать. Покинуть это место, оставить позади Амброза с его вендеттой. Но

эта дикая часть меня заботилась только о безопасности. У нее не было никакого плана.

Я не мог сбежать. Я слишком много вложил сюда. Моя учеба, мои тщетные надежды найти покровителя и более реальные — получить доступ в архивы. Драгоценные немногочисленные друзья. Денна...

В трактир начали заходить за утренней едой моряки и докеры, зал медленно заполнялся негромким гулом голосов. В отдалении послышался неясный звон колокола, и до меня дошло, что через час начнется моя смена в медике. Арвил заметит, если меня не будет, а он таких вещей не прощает. Я подавил первый порыв бежать в Университет: было прекрасно известно, что прогульщики наказываются более высокой платой за обучение в следующей четверти.

Чтобы пока занять себя чем-нибудь, я вытащил иголку с ниткой и плащ. Нож проделал в нем прямой разрез в две ладони длиной. Я начал зашивать его крошечными стежками, чтобы шов получился незаметным.

Мои руки работали, а мысли метались туда-сюда. Могу ли я противостоять Амброзу? Угрожать ему? Вряд ли. Он знает, что я не в силах так просто свести с ним счеты. Но может быть, мне удастся убедить кого-нибудь из магистров, рассказав, что на самом деле произошло. Килвин придет в ярость от мысли, что магический компас используют наемные убийцы, и, возможно, Амброз...

— ...все синим пламенем. Все они мертвы, разбросаны, как тряпичные куклы, а дом вокруг них рассыпался на кусочки. Я прям рад, что с этим местом покончено. Так-то вот.

Мои чуткие уши выловили эти слова из общего шума, и я от неожиданности уколол палец. В паре столиков от меня за пивом беседовали двое мужчин. Один был высокий и лысоватый, а второй тучный, с рыжей бородой.

— Да ты как бабка старая, — заржал толстяк. — Веришь каждой сплетне.

Высокий покачал головой.

— Я был в трактире, когда пришли с новостями. Собирали людей с повозками, чтобы перевезти тела. Вся свадьба мертва как подметка.

Больше тридцати человек выпотрошены, точно свиньи, и все сгорело синим пламенем. И это было еще не самое странное... — Он понизил голос, и я не расслышал его слов за шумом зала.

Сглотнув внезапную сухость в горле, я медленно сделал последний стежок, завязал узелок, заметил кровь на пальце и рассеянно сунул его в рот. Сделал глубокий вдох. Отхлебнул сидра.

Потом подошел к столику, где сидели те двое.

— Вы, джентльмены, случайно, не вниз по реке едете?

Они подняли головы, явно раздраженные вмешательством.

«„Джентльмены“ было ошибкой, — понял я, — надо было сказать „ребята, ребя“».

Лысый кивнул.

— Вы из Марроу едете? — спросил я, наугад выбрав город к северу.

— Нет, — ответил толстяк. — Из Требона.

— О, здорово, — сказал я, быстро сочиняя правдоподобную ложь. — У меня семья там, думал съездить к ним.

Но ум отключился, когда я попытался придумать, как перевести разговор на то, что я подслушал.

Ладони вспотели.

— Там еще готовятся к празднику урожая или я уже все пропустил? — неуклюже закончил я.

— Пока готовятся, — сказал лысый, демонстративно поворачиваясь ко мне боком.

— Я слышал, в тех краях была какая-то беда со свадьбой...

Лысый резко повернулся ко мне.

— Вот уж не знаю, как ты об этом услышал. Вчера ночью вести были свежие, а мы причалили только десять минут назад. — Он смерил меня тяжелым взглядом. — Не знаю, чего ты продаешь, парень, но я не покупаю. Вали отседа, а то щас врежу.

Я ушел к своему месту, понимая, что наделал безобразную кучу глупостей. Сел, положил руки на стол перед собой, чтобы они не дрожали. Группа людей жестоко убита. Синий огонь. Странность...

Чандрианы.

Меньше дня назад чандрианы были в Требоне.

Я почти автоматически прикончил сидр, потом встал и направился к стойке.

Ситуацию я оценил быстро. После стольких лет у меня наконец появилась возможность узнать что-нибудь о чандрианах. И не просто найти упоминание о них, втиснутое между страниц книги из архивов, а шанс увидеть их работу воочию. Такая возможность могла никогда больше не представиться.

Но мне нужно попасть в Требон быстро, пока все происшедшее еще свежо в людской памяти. Пока любопытный и суеверный городской народ не разрушил все оставшиеся свидетельства и доказательства. Я не очень

представлял, что надеюсь там найти, но все, что я смогу узнать о чандрианах, будет больше, чем я знаю сейчас. И если я собираюсь раскопать что-нибудь полезное, мне надо попасть туда как можно скорее. Сегодня.

Утренняя толпа отвлекала трактирщицу, так что мне пришлось звякнуть о стойку железным драбом, прежде чем женщина вообще обратила на меня внимание. После оплаты отдельной комнаты прошлой ночью, а также завтрака и мытья этим утром драб представлял собой изрядную долю моих земных богатств, так что я придерживал его пальцем.

— Чего хотите? — спросила она, подойдя ко мне.

— Как далеко отсюда до Требона? — спросил я.

— По реке-то? Пара дней.

— Я не спрашивал, как долго. Мне нужно знать, как далеко... — сказал я, акцентируя последнее слово.

— Грубить-то не надо, — заметила она, вытирая руки о не слишком чистый фартук. — Вверх по реке шестьдесят километров или около того. Больше двух дней может выйти, смотря на барже идти или на гребной лодке, да еще какая погода будет.

— А по дороге сколько? — спросил я.

— Обожги меня, если знаю, — буркнула трактирщица, потом крикнула куда-то вдоль стойки: — Радд, как далеко до Требона по дороге?

— Три или четыре дня, — сказал обветренный, выдавший виды мужчина, не поднимая взгляда от кружки.

— Я спросила, как далеко, — рявкнула она. — Дольше, чем рекой?

— Да куда как дольше. Около двадцати пяти лиг по дороге. Да еще дорога тяжелая, в гору.

Господне тело, ну кто в наши дни меряет расстояния в лигах? В зависимости от того, где вырос этот парень, лига может быть какой угодно: от четырех до пяти с половиной километров. Мой отец всегда заявлял, что лига — это вообще не единица измерения, просто способ для фермеров привязать хоть какие-то цифры к своим грубым представлениям о местности.

Однако это сказало мне, что Требон находится где-то в ста — ста тридцати километрах к северу. Лучше рассчитывать на худшее, но все равно не меньше ста километров.

Женщина за стойкой снова повернулась ко мне:

— Ну вот тебе. Теперь принести что-нибудь?

— Мне нужна фляга, если у вас есть, или бутыл с водой, если нет. И немного еды, которую можно взять в дорогу. Твердая колбаса, сыр,

лепешка...

— Яблоки? — спросила она. — Сегодня есть чудные «рэд дженни». Хороши в дороге.

Я кивнул.

— И что у вас еще есть дешевого и непортящегося.

— На драб далеко не уедешь... — сказала она, бросив взгляд на стойку.

Я вытащил кошелек и с удивлением увидел в нем четыре драба и медный полпенни, на который не рассчитывал. Да я почти богат!

Трактирщица сгребла мои деньги и отправилась на кухню. Я поборол укол боли от полного разорения и стал быстро припоминать, что еще у меня с собой в сумке.

Трактирщица вернулась с двумя лепешками, толстой твердой колбасой, благоухающей чесноком, небольшой головкой сыра, запечатанной в воск, бутылкой воды, пятком роскошных ярко-красных яблок и мешочком моркови и картошки. Я сердечно поблагодарил ее и запихал припасы в сумку.

Сто километров. Я смогу попасть туда сегодня, если найду хорошую лошадь. Но хорошие лошади стоят денег...

Я вдохнул запах прогорклого жира и постучал в дверь Деви. Целую минуту я ждал, едва не подпрыгивая от нетерпения. Я понятия не имел, спит ли еще Деви в такой ранний час, но рискнуть стоило.

Деви приотворила дверь и улыбнулась.

— Вот так приятный сюрприз. — Она открыла дверь пошире. — Заходи, садись.

Я выдал ей свою лучшую улыбку:

— Деви, я просто...

Она нахмурилась.

— Заходи, — сказала она решительнее. — Я не обсуждаю дела на пороге.

Я вошел, и она закрыла за мной дверь.

— Садись. Если только не желаешь прилечь. — Она игриво кивнула на громадную кровать с балдахином в углу комнаты. — Ты не поверишь, какую историю я услышала сегодня утром, — сказала она, чуть не смеясь.

Я заставил себя расслабиться, несмотря на свое нетерпение. Деви не из тех, кого можно взять наскоком, и если я попытаюсь, то только разозлю ее.

— И что же ты слышала?

Она села по другую сторону стола и сложила руки.

— Прошлой ночью пара хулиганов попыталась облегчить кошелек юного студента. К их большому разочарованию, оказалось, что парень — новый Таборлин, хоть и еще учится. Он призвал на них огонь и молнию. Ослепил одного и отвесил другому такой тумак, что тот до сих пор в себя не пришел.

С минуту я сидел молча, впитывая информацию. Час назад это были бы лучшие новости, какие я только мог представить. Теперь они всего лишь задержка. Однако, несмотря на срочность моего нового дела, я не мог упустить шанс получить немного информации о ситуации из первых рук.

— Они не просто пытались ограбить меня, — сказал я.

Девушка рассмеялась:

— Я так и знала, что это ты! Они ничего не знали о нем, кроме того, что у него рыжие волосы. Но для меня этого было достаточно.

— Я действительно ослепил одного? — спросил я. — А другой все еще без сознания?

— Честно говоря, не знаю, — призналась Девушка. — Новости распространяются быстро, но в основном это сплетни.

Мой разум тут же завертелся вокруг нового плана.

— А ты могла бы запустить свою сплетню? — спросил я.

— Может, и да. — Она неприятно осклабилась. — Это ужасно интересно.

— Запусти мое имя, — сказал я. — Пусть все точно узнают, кто это был. Пусть узнают, что я абсолютно безумен и убью следующих, кто придет за мной. Я убью их самих, тех, кто их нанял, посредников, их семьи, их собак — в общем, всех.

Восхищение на лице Девушки померкло и превратилось во что-то вроде отвращения.

— Слишком мрачно, тебе не кажется? Я ценю, что ты так привязан к своему кошельку, — она бросила на меня кокетливый взгляд, — и у меня в нем есть свой интерес. Но нет...

— Это были не воры, — сказал я. — Их наняли убить меня. — Девушка смерила меня скептическим взглядом. Я отогнул воротник рубашки и показал повязку. — Я серьезно. Могу показать, куда один из них ткнул меня, когда я вырвался.

Нахмурившись, она встала и обошла стол.

— Ладно, покажи.

Я заколебался, потом решил, что лучше удовлетворить ее любопытство, поскольку еще придется просить об услуге. Я снял рубашку

и положил ее на стол.

— Повязка грязная, — заявила Деви, словно это было для нее личным оскорблением. — Сними. — Она подошла к шкафчику в задней части комнаты и вернулась с черной сумкой медика и тазиком. Вымыв руки, она осмотрела мой бок. — Ты даже его не зашил? — недоверчиво спросила она.

— Я был слишком занят, — сказал я. — Убегал и прятался всю ночь.

Деви пропустила мои слова мимо ушей и принялась промывать рану с бесстрастной деловитостью, которая давала понять, что она училась в медике.

— Рана неприятная, но неглубокая, — сказала она. — Не во всех местах даже кожу разрезало. — Она встала и вытащила что-то из сумки. — Но все равно надо зашить.

— Я бы сделал это сам, — сказал я, — но...

— ...но ты идиот, который даже не убедился, что хорошо промыл рану, — закончила она. — Если будет заражение, то так тебе и надо.

Она промыла мой бок и сполоснула руки в тазике.

— Хочу, чтоб ты знал: я делаю это потому, что у меня слабость к хорошеньким мальчикам, умственно неполноценным и людям, которые должны мне деньги. Я считаю это защитой капиталовложений.

— Да, мэм. — Я со свистом втянул воздух, когда Деви смазала рану антисептиком.

— Я думала, из тебя не должна идти кровь, — сухо заметила она. — Еще одна легенда оказалась ложью.

— Это как посмотреть... — Стараясь как можно меньше двигаться, я достал из сумки книжку и положил ей на стол. — Я принес тебе обратно «Особенности брачных игр драккусов обыкновенных». Ты была права, гравюры много к ним добавляют.

— Я знала, что тебе понравится. — Секунда молчания, и Деви принялась зашивать меня. Когда она снова заговорила, игривости в ее голосе почти не осталось. — Так эти парни действительно были наняты, чтобы убить тебя, Квоут?

Я кивнул:

— У них был магический компас и мой волос. Так они и узнали, что я рыжий.

— Лорды-леди, разве одно это не приведет Килвина в бешенство? — Она покачала головой. — Ты уверен, что их наняли не просто попугать тебя? Немного пощипать перышки, чтоб научить тебя уважать вышестоящих? — Она сделала паузу в зашивании и посмотрела на меня. —

Ты же не был настолько глуп, чтобы одалживать денег у Хеффрона и его ребят?

Я покачал головой.

— Ты мой единственный ястреб, Деви, — улыбнулся я. — На самом деле именно поэтому я и зашел сегодня...

— О, а я-то думала, тебе просто нравится мое общество, — сказала она, возвращаясь к работе. Мне почудилась нотка раздражения в ее голосе. — Давай сначала покончим с этим.

Я обдумывал то, что она недавно сказала, довольно долго. Высокий сказал: «Давай покончим с этим», — но это могло означать что угодно.

— Возможно, они не пытались убить меня, — медленно согласился я. — Но у него был нож. Не нужен нож, если хочешь только поколотить человека.

Деви фыркнула:

— Мне не нужна кровь, чтобы заставить людей платить долги. Но она помогает.

Я поразмыслил и об этом, пока она закрепляла нитку и накладывала чистую повязку. Возможно, это должно было быть простым избиением — анонимное послание от Амброза, советующее мне уважать вышестоящих. Возможно, это просто попытка напугать меня и заставить сбежать. Я вздохнул, пытаясь не делать лишних движений.

— Я бы хотел верить, что дело обстоит именно так, но на самом деле... Кишками чую, они хотели крови.

Лицо Деви стало серьезным.

— В таком случае я пуцую сплетню, — сказала она. — Не знаю, как насчет собак, но кое-что на мельницу слухов я капну, так что люди дважды подумают, прежде чем браться за такую работу. — Она хмыкнула, как-то горло. — На самом деле они уже думают после прошлой ночи. Это заставит их трижды подумать.

— Очень тебе признателен.

— Невелика работа, — презрительно сказала Деви, вставая и отряхивая колени. — Маленькая услуга, помощь другу. — Она вымыла руки в тазике и небрежно вытерла их о рубашку. — Что ж, давай послушаем твое дело, — сказала она, усаживаясь за стол и надевая на лицо деловую маску.

— Мне нужны деньги на быструю лошадь, — сказал я.

— Покинуть город? — Она изогнула бледные брови. — От меня ты так не уйдешь.

— Я не убегаю, — возразил я. — Но мне нужно проделать большой

путь. Сто километров до вечера.

Деву чуть расширила глаза.

— Лошадь, которая сможет проделать такой путь, должна много стоять, — сказала она. — Почему не купить почтовую бумагу и не менять лошадей по дороге? Быстрее и дешевле.

— Там, куда я еду, нет почтовых станций, — объяснил я. — Вверх по реке, потом в горы. Маленький городок под названием Требон.

— Ладно, — сказала она. — Сколько ты хочешь?

— Мне нужны деньги, чтобы купить быструю лошадь, не особенно торгуясь. Плюс жилье, еда, может быть, подкуп... Двадцать талантов.

Деву фыркнула, потом, взяв себя в руки, прикрыла рот рукой.

— Нет. Прости, но нет. У меня, конечно, есть слабость к очаровательным юношам вроде тебя, но она не распространяется на голову.

— У меня есть лютня, — сказал я, ногой выдвигая футляр вперед. — В залог. Плюс что угодно из того, что здесь есть. — Я поставил на стол сумку.

Она набрала воздуха, словно чтобы отказать мне, потом пожала плечами и полезла в сумку. Вытащила «Риторику и логику» и, мгновением позже, мою ручную симпатическую лампу.

— Опа, — с любопытством сказала Деву, передвигая выключатель и направляя свет на стену. — А вот это интересно.

Я поморщился.

— Все, кроме этого, — сказал я. — Я обещал Килвину, что никогда не выпущу ее из рук. Я дал слово.

Она посмотрела мне в глаза.

— Ты когда-нибудь слышал выражение: «Просящие не выбирают»?

— Я дал слово, — повторил я. Я отстегнул свои серебряные талантовые дудочки и подтолкнул их через стол, к «Риторике и логике». — Такие нелегко достать, сама знаешь.

Деву посмотрела на лютню, на книгу, на дудочки и испустила долгий глубокий вздох.

— Квоут, видимо, это важно для тебя, но цифры просто не складываются. Ты недостаточно хорош для таких денег. Ты едва дотягиваешь до четырех талантов, которые мне должен.

Ее слова задели меня, тем более что я знал: это правда.

Деву обдумала все еще секунду, потом решительно покачала головой.

— Нет, один только процент... Через два месяца ты будешь должен мне тридцать пять талантов.

— Или что-то равноценное взамен, — сказал я.

Она одарила меня мягкой улыбкой.

— А что у тебя есть, что стоит тридцати пяти талантов?

— Доступ в архивы.

Девушка выпрямилась. Легкая покровительственная улыбка застыла на ее лице.

— Ты врешь.

Я покачал головой.

— Я знаю, туда есть другой путь. Я его еще не нашел, но найду.

— Слишком много «если».

Голос Девушки был полон скепсиса. Но в ее глазах загорелось нечто большее, чем просто желание, — нечто, похожее на голод или жажду. Я понял, что она хочет попасть в архивы так же отчаянно, как и я. А может, и больше.

— Это то, что я предлагаю, — сказал я. — Если смогу отдать тебе долг, я это сделаю. Если нет, то, когда найду вход в архивы, поделюсь с тобой.

Девушка посмотрела на потолок, словно подсчитывая вероятности в голове.

— При таком залоге и возможности доступа в архивы я могу одолжить тебе десяток талантов.

Я встал и забросил сумку на плечо.

— Боюсь, мы здесь не торгуемся, — сказал я. — Я просто информирую тебя об условиях ссуды. — Я улыбнулся. — Двадцать талантов или ничего. Прости, что не пояснил с самого начала.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

СТРАННОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Тремя минутами позже я подошел к дверям ближайших конюшен. Хорошо одетый сильдиец улыбнулся и сделал шаг вперед, приветствуя меня.

— О, юный сэ, — сказал он, протягивая мне руку. — Мое имя Каэрва. Могу я спросить...

— Мне нужна лошадь, — сказал я, быстро пожимая его руку. — Здоровая, отдохнувшая и накормленная. Такая, которая осилит шесть часов тяжелой скачки.

— Конечно, конечно, — сказал Каэрва, потирая руки и кивая. — Все возможно по воле божьей. Я был бы рад...

— Послушайте, — снова перебил его я. — Я спешу, так что нам придется пропустить церемонии. Я надеюсь, вы не будете терять мое время демонстрацией кляч и пони. Если я не куплю лошадь в течение десяти минут, я уйду и куплю ее в другом месте. — Я поймал его взгляд: — Лхинсатва?

Сильдиец пришел в ужас.

— Сэр, но покупка лошади никогда не совершается столь поспешно. Вы даже жену за десять минут не выберете, а в дороге лошадь куда важнее жены. — Он конфузливо улыбнулся. — Даже сам господь не...

Я снова оборвал его:

— Он сегодня лошадь не покупает. Покупаю я.

Тощий сильдиец замолчал и попытался собраться с мыслями.

— Ладно, — сказал он мягко, больше себе, чем мне. — Лхин, пойдемте и посмотрим, что у нас есть.

Он провел меня вокруг стойл в маленький загон и показал в направлении ограды:

— Вот эта кобылка в яблоках столь надежна, что на лучшую и надеяться нельзя. Она отвезет вас...

Я проигнорировал его и оглядел полдюжину кляч, понуро стоящих у ограды. Хотя у меня не было ни средств, ни причины держать лошадь, я мог отличить хорошую от плохой. Ни одна из тех, что я там увидел, даже не приближалась к моим требованиям.

Понимаете, бродячие артисты живут и умирают рядом с лошадьми,

которые тянут их фургоны, и родители не пренебрегали моим образованием в этой области. Уже к восьми годам я мог оценить лошадь и узнать хорошую. Горожане регулярно пытались сбыть нам полудохлую или загнанную клячу, зная, что к тому времени, как мы обнаружим ошибку, мы будем в километрах и днях пути от них. Уйма неприятностей ожидала человека, продавшего соседу больную хромоногую клячу, но что за беда обдурить одного из этих грязных вороватых руэ?

Я повернулся к лошадинику и нахмурился:

— Вы только что потеряли две драгоценные минуты моего времени, полагаю, вы все еще не понимаете ситуацию. Я буду предельно ясен: мне нужна быстрая лошадь, готовая к тяжелой поездке сегодня. За это я заплачу быстро, твердой монетой и без жалоб. — Я вытащил свой снова потяжелевший кошелек и потряс его, давая хозяину послушать звон чистого сильдийского серебра внутри. — Если вы продадите мне лошадь, которая потеряет подкову и захромает или пугается теней, я упущу важную возможность. Практически неповторимую. Если это произойдет, я не стану возвращаться и требовать назад деньги. Я приду пешком в Имре этой же ночью и подожгу ваш дом. И когда вы выбежите из передней двери в ночной рубашке и колпаке, я вас убью, зажарю и съем. Прямо здесь, на вашем газоне, под взглядами соседей.

Я смерил его смертельно серьезным взглядом.

— Вот такое у меня к вам деловое предложение, Каэрва. Если вам оно не нравится, скажите, и я пойду куда-нибудь в другое место. В противном случае прекращайте этот парад кляч и покажите мне настоящую лошадь.

Маленький сильдиец посмотрел на меня больше ошарашенно, чем испуганно. Я видел, как он пытается на ходу разобраться в ситуации. Он наверняка решил, что я либо сумасшедший и брежу, либо я сын какого-нибудь важного вельможи. Либо и то и другое.

— Очень хорошо, — сказал он, убирая из голоса льстивость и подобострастие. — Когда вы сказали «тяжелая поездка», насколько тяжелую вы имели в виду?

— Очень тяжелую, — ответил я. — Мне надо проехать за сегодня сто километров. По грунтовым дорогам.

— Седло и сбруя вам тоже понадобятся?

Я кивнул.

— Никакой роскоши, ничего нового.

Он глубоко вздохнул:

— Ладно, и как много вы готовы потратить?

Я покачал головой и изобразил суровую улыбку.

— Покажите мне лошадь и назовите цену. Вольдер прекрасно подойдет. Пусть даже он будет немного диковатым, если это просто от избытка энергии. Хорошая вольдерская пометь может подойти или кхершаенская дальнобежная.

Каэрва кивнул и повел меня обратно, к широким дверям конюшен.

— У меня есть кхершаенец. Только чистокровный. — Он указал на одно из стойл. — Выведи нашего черного красавца, быстро-быстро.

Мальчик бросился исполнять.

Лошадник повернулся ко мне:

— Роскошное животное. Я его погонял, прежде чем купить, просто чтобы удостовериться. Скакал галопом больше километра и даже не вспотел, аллюр самый гладкий, какой я вообще видел, и я не лгу вашей светлости на этот счет.

Я кивнул: чистокровный кхершаенец великолепно подходил для моих нужд. Они обладают легендарной выносливостью, но и от цены никуда не уйдешь. Хорошо обученная дальнобежная лошадь стоила десятков талантов.

— Сколько ты просишь за него?

— Я хочу две полные марки, — ответил он без тени смущения или подобострастия в голосе.

Тейлу милосердный, двадцать талантов. Подковы у него, что ли, серебряные, раз он столько стоит?

— Я не в настроении долго торговаться, Каэрва, — коротко сказал я.

— Вы прекрасно донесли эту мысль, милорд, — сказал он. — Я говорю честную цену. Вот сейчас увидите почему.

Мальчик поспешно вывел громадного лоснящегося жеребца: по меньшей мере восемнадцать ладоней в холке, с гордо посаженной головой и черного от носа до кончика хвоста.

— Он любит бегать, — сказал Каэрва с искренним восхищением и провел рукой по гладкой черной шее. — И посмотрите на масть. Ни одного светлого волоска не найдете. Вот почему он стоит двадцатку, а не шима.

— Мне масть не важна, — рассеянно сказал я, оглядывая жеребца на предмет повреждений или признаков старости. Ничего такого не нашлось: он был молодой, сильный и весь лоснился. — Мне просто надо быстро ехать.

— Я понимаю, — извиняющимся тоном сказал лошажник. — Но я-то не могу не обращать внимания на масть. Если я подожду оборот-другой, какой-нибудь юный лорд заплатит за один только его шикарный вид.

Я понимал, что это правда.

— У него есть имя? — спросил я, медленно подходя к черному коню и

позволяя ему обнюхать мои руки, привыкнуть ко мне. В сделке можно торопиться, но в знакомстве с лошастью — никогда. Только дурак портит первое впечатление от знакомства у горячего молодого кхершаенца.

— Такого, чтобы пристало к нему, нет.

— Как же тебя зовут, мальчик? — мягко спросил я, просто чтобы он привык к звуку моего голоса. Жеребец изящно обнюхал мою руку, внимательно рассматривая меня большим умным глазом. Он не отпрянул, но и не расслабился. Я продолжал говорить, подходя все ближе, надеясь, что он успокоится от звука моего голоса. — Ты заслуживаешь хорошего имени. Не хотел бы я, чтобы какой-нибудь лордик, заблуждающийся насчет своего ума, повесил на тебя дурацкую кличку вроде Полночь, Сажа или Новичок.

Я подошел еще ближе и положил руку жеребцу на шею. Его шкура дернулась, но руку он не сбросил. Мне нужно было прочувствовать его характер не меньше, чем энергию и выносливость. Я не мог позволить себе риск упасть с норовистой лошади.

— Кто-нибудь поумнее нарек бы тебя Смолой или Угольком — невзрачные, скучные имена. Или Графитом — малоподвижное имя. Сами небеса против того, чтобы ты получил кличку Черныш — совершенно неподходящее имечко для такого принца, как ты.

Мой отец всегда разговаривал с лошадьми таким образом: постоянной успокаивающей литанией. Я гладил коня по шее и продолжал говорить, совершенно не заботясь о том, что именно говорю. Слова для лошади ничего не значат — важен тон вашего голоса.

— Ты проделал долгий путь. У тебя должно быть гордое имя, чтобы народ не считал тебя обычной лошадью. Твой предыдущий хозяин был сильдийцем? — спросил я. — Ве ваналои. Ту териаи кета. Палан те?

Я почувствовал, как конь успокаивается от звуков знакомого языка. Я обошел его с другой стороны, так же тщательно оглядывая и давая ему привыкнуть к моему присутствию.

— Ту Кетха? — спросил я его. «Ты Уголь?» — Ту Махне? — «Ты Тень?»

Я хотел сказать «Сумрак», но не смог припомнить сиарского слова. Но я не запнулся и просто продолжал болтать, говоря что попало и осматривая его копыта: нет ли трещин или сколов.

— Ту Кетх-Селхан? — «Ты Начало Ночи?»

Огромный черный жеребец наклонил голову и обнюхал меня.

— Похоже, тебе понравилось? — сказал я со смешком, зная, что на самом деле конь учуял запах мешочка с сушеными яблоками, лежащего в

одном из карманов моего плаща. Важно, что теперь он признал меня за своего. Если он достаточно освоился, чтобы обнюхивать меня в поисках еды, мы сможем хорошо поладить в тяжелой дневной поездке.

— Кетх-Селхан, кажется, ему подходит, — сказал я, снова поворачиваясь к Каэрве. — Еще что-нибудь, что мне нужно знать?

Каэрва вроде бы отчего-то смутился.

— Он немного пуглив с правой стороны.

— Немного?

— Совсем немного. Он может быть склонен шарахаться с этой стороны, но я никогда не видел, чтобы он это делал.

— Как он обучен? Короткие поводья или бродячий стиль?

— Короткие.

— Отлично. У вас есть еще минута, чтобы завершить эту сделку. Это хорошее животное, но я не стану платить за него двадцать талантов.

Я говорил с уверенностью в голосе, но без всякой надежды в сердце. Конь был роскошный, и масть делала его достойным по меньшей мере двадцати талантов. Однако надо было попытаться сбить цену хотя бы до девятнадцати — тогда у меня останутся деньги на еду и жилье в Требоне.

— Ладно, — сказал Каэрва. — Шестнадцать.

Только годы сценической подготовки не позволили мне разинуть рот от его внезапной скидки.

— Пятнадцать. — Я изобразил раздражение. — И это включая седло, упряжь и суму овса.

Я начал доставать деньги из кошелька, словно сделка уже совершилась.

Невероятно, но Каэрва кивнул и велел одному из мальчиков принести седло и упряжь.

Я отсчитывал деньги в его ладонь, пока помощник седлал черного великана. Сильдиец неловко отводил глаза.

Если б я не знал лошадей так хорошо, то подумал бы, что меня пытаются надуть. Возможно, лошадь краденая или торговец отчаянно нуждался в деньгах.

Мне было все равно, в чем причина, — мне просто перепала удача. К тому же это значило, что я могу продать коня с некоторой выгодой, после того как доеду до Требона. Честно говоря, мне все равно придется продать его при первой возможности, даже если я потеряю деньги на сделке. Конюшня, еда и уход для такого коня стоили бы мне пенни в день. Я не мог себе позволить содержать его.

Я сунул свою сумку в седельную суму, проверил подпругу и стремяна,

потом вскочил на спину Кетх-Селхана. Он немного протанцевал вправо, готовый двинуться в путь. Так мы с ним и поступили: я тряхнул поводьями, и мы отправились в дорогу.

Большинство проблем с лошадьми никак с ними самими не связаны — они растут из невежества всадника. Люди плохо подковывают своих лошадей, неправильно седлают, мало кормят, а потом жалуются, что им втюхали хромоногую клячу с провислой спиной и дурным нравом.

Я в этом деле разбирался. Родители научили меня ездить верхом и ухаживать за лошадьми. Хотя большая часть моего опыта относилась к более крепким породам, выведенным скорее для таскания повозок, чем для скачки, я хорошо представлял, как быстро покрыть большое расстояние.

Многие люди, торопясь, сами осложняют себе путешествие. Они с самого начала срываются в смертельный галоп, а потом обнаруживают, что их лошадь захромала или вообще едва жива после часа езды. Чистой воды идиотизм. Только дюжинноцветный гад может так обращаться с лошадыю.

Но если быть полностью честным, я бы заездил Кетх-Селхана до смерти — лишь бы он вовремя довез меня до Требона. Бывают времена, когда мне хочется быть идиотом. Я бы целый десяток лошадей загнал, если бы это помогло мне собрать больше информации о чандрианах и о том, почему они убили моих родителей.

Но в конце концов, не было никакого смысла думать об этом. Мертвая лошадь не довезет меня до Требона — только живая.

Поэтому я для разогрева пустил Кетх-Селхана неторопливым шагом. Он был готов бежать быстрее, возможно, чуя мое собственное нетерпение, и это было бы прекрасно, если бы мне был нужен километр-другой. Но он был нужен мне на сто, а то и на все сто двадцать километров, а это означало терпение. Мне приходилось дважды возвращать его на шаг, прежде чем он с этим согласился.

После полутора километров я ненадолго пустил коня рысью. Его аллюр был ровен даже для кхершаенца, но на рыси всегда трясет, а мои свежие швы на боку нещадно дергало. Еще через полтора километра я пустил его легким галопом. Только когда мы отъехали от Имре на пять или шесть километров и вышли на ровный прямой участок дороги, я позволил ему скакать галопом.

Наконец дождавшись такой возможности, жеребец бросился вперед. Солнце еще только досушивало утреннюю росу, и фермеры, убиравшие пшеницу и ячмень, поднимали головы, когда мы с грохотом проносились мимо. Кетх-Селхан был быстр; настолько быстр, что ветер рвал с меня

плащ и полоскал его за моей спиной, как флаг. Я знал, что наверняка выгляжу сейчас весьма театрально и внушительно, но быстро устал от напряжения в шее и снял плащ, запихав его в седельную суму.

Когда мы проезжали через рощицу, я притормозил Селхана до рыси. Так он мог немного отдохнуть, и мы не рисковали, завернув за угол, наткнуться на поваленное дерево или медленнодвигающуюся телегу. Когда мы снова выехали на открытое пространство и смогли ясно видеть дорогу впереди, я снова дал коню волю, и мы почти полетели.

После полутора часов Селхан вспотел и стал тяжело дышать, но все же чувствовал себя лучше, чем я, совершенно стерший ноги. Я был молод и в хорошей форме, но не сидел в седле много лет. Верховая езда задействует иные мышцы, чем ходьба, а скакать галопом почти так же тяжело, как бежать, если только вы не хотите заставить лошадь работать вдвое больше.

Сказать, что я обрадовался следующей роще, будет некоторым преуменьшением. Я соскочил с седла и прошелся, давая нам обоим честно заслуженный отдых. Я разрезал одно яблоко и отдал большую часть коню. По моим подсчетам, мы проехали около пятидесяти километров, а солнце еще даже не подошло к зениту.

— Это легкая часть, — сказал я Селхану, любовно глядя его по шее. — Господи, да ты великолепен. Ты ведь еще и наполовину не выдохся.

Мы прошли около десяти минут, а потом нам посчастливилось наткнуться на небольшой ручей под деревянным мостом. Я дал коню попить, а потом увел прочь, пока он не выпил слишком много.

Затем снова сел в седло и постепенно разогнал коня до галопа. Мои ноги горели и болели, когда я склонялся над его шеей. Барабанная дробь копыт вторила бесконечной песне ветра, обжигающего мне уши.

Первое препятствие возникло около часа спустя: нам пришлось переходить широкий ручей. Он никак не был коварным, но мне пришлось расседлать коня и перенести все через поток, чтобы случайно не намочить. При мокрой сбруе я не смог бы проскакать еще несколько часов.

По другую сторону ручья я обтер Селхана своим одеялом и заново оседлал. Это заняло где-то с полчаса, а значит, он не только отдохнул, но и остыл. Так что мне опять пришлось его медленно разогревать: шаг, рысь и легкий галоп. В целом этот ручей стоил мне часа времени. Я тревожно думал, не будет ли еще одного — холод может проникнуть в мышцы Селхана, и, если это случится, сам Тейлу не сможет снова разогнать его до галопа.

Час спустя я проехал через маленький городок — едва ли больше, чем церковь да таверна, случайно оказавшиеся бок о бок. Здесь я остановился,

только чтобы дать Селхану напиться из корыта. Я размял свои затекшие ноги и обеспокоенно посмотрел на солнце.

После этого поля и фермы встречались реже и располагались дальше друг от друга. Деревья стали гуще и толще. Сузившаяся дорога оказалась не в лучшем состоянии: местами она была усыпана камнями, местами размыта. Это заставляло ехать все медленнее и медленнее. Но, по правде говоря, ни в Селхане, ни во мне не осталось больше задора для галопа.

Наконец мы подошли к еще одному ручью, пересекавшему дорогу, — небольшому, не более тридцати сантиметров в самом глубоком месте. Вода имела острый неприятный запах, сказавший мне, что выше по течению стоит дубильня или очистительный заводик. Моста не было, и Кетх-Селхан медленно перешел ручей, осторожно ставя копыта на каменистое дно. Я мельком подумал, как ему, должно быть, приятно погружать ноги в воду после дневного перехода.

Ручей не слишком нас задержал, но в следующие полчаса пришлось пересекать его еще три раза, поскольку он извивался туда-сюда поперек дороги. Впрочем, это было не более чем неудобство — ручей нигде не бывал глубже полуметра. Каждый раз, как мы переходили его, едкий запах становился сильнее. Растворители и кислоты — если не очистительный завод, то по меньшей мере шахта. Я держал поводья в руках, готовый поднять голову Селхана, если он вдруг вздумает попить, но он был для этого слишком умен.

После долгого легкого галопа я выехал на холм и увидел внизу, в маленькой, заросшей травой долине, перекресток. Прямо под указательным столбом сидел лудильщик. Один из двух его ослов был так загружен тюками и сумками, что, казалось, готов откинуть копыта прямо здесь и сейчас. При этом второй, совершенно без груза, стоял у обочины грунтовой дороги и пасся, а рядом с ним громоздилась гора разнообразного хлама.

Лудильщик сидел на маленьком табурете, прямо на дороге, и выглядел удрученным. Когда он увидел, как я съезжаю по склону холма, его лицо просветлело.

Подъехав поближе, я прочитал знак. К северу лежал Требон, к югу — Темфолз. Приблизившись к лудильщику, я натянул поводья. Мы с Селханом оба могли здесь отдохнуть, а я не настолько спешил, чтобы не пообщаться с лудильщиком. Наверняка он мне скажет, сколько осталось ехать до Требона.

— Привет! — поздоровался лудильщик, поднимая голову и прикрывая глаза рукой. — У тебя вид паренька, которому что-то нужно.

Он был пожилой, лысый, с круглым дружелюбным лицом.

Я рассмеялся.

— Мне нужна куча всего, лудильщик, но не думаю, что у тебя что-нибудь из этого завалилось в мешках.

Он радостно улыбнулся:

— А вот не стоит прям так спешить... — и умолк, на мгновение опустив глаза и раздумывая. Когда он снова встретился со мной взглядом, его лицо было все таким же дружелюбным, но куда более серьезным. — Послушай, буду с тобой честен, сынок. Моя ослица разбила себе переднее копыто и не может везти груз. Я застрял здесь, пока не найду какой-нибудь помощи.

— В обычный день ничто не могло бы осчастливить меня больше, чем помощь тебе, лудильщик, — сказал я. — Но мне нужно как можно быстрее попасть в Требон.

— Это дело невеликое. — Он кивнул на северный холм. — Ты всего в километре от него. Если б ветер дул на юг, ты б унюхал дым.

Я посмотрел в направлении, в котором он указал, и увидел дым, поднимающийся из-за холма. Меня накрыло огромной волной облегчения: еще только час пополудни, а я уже добрался до места.

Лудильщик продолжал:

— А мне надо попасть на Ивсдаунские пристани. — Он кивнул на восток. — Я договорился с кораблем ниже по реке и очень не хочу его упустить. — Он многозначительно оглядел моего коня: — Но мне нужно новое выючное животное, чтобы везти поклажу...

Похоже, удача повернулась наконец ко мне лицом. Селхан — великолепная лошадь, но теперь, когда я уже добрался до Требона, он будет только поглощать мои ограниченные ресурсы.

Однако, если ты хочешь что-то продать, никогда не стоит этого показывать.

— Уж больно хорошая лошадь, чтоб ее навьючивать, — заявил я, похлопывая Кетх-Селхана по шее. — Это чистокровный кхершаенец, и могу сказать, что лучшего коня я не видел за всю жизнь.

Лудильщик скептически оглядел жеребца.

— Он выдохся, вот чего, — сказал он. — У него не осталось сил даже на один километр.

Я соскочил с седла и пошатнулся: нетвердые ноги чуть не подогнулись подо мной.

— Отдай ему должное, лудильщик. Он проехал сегодня весь путь от Имре.

Лудильщик хмыкнул:

— Ты неплохой враль, парень, но тебе пора бы знать, когда остановиться. Если приманка слишком велика, рыбка не клюнет.

Мне даже не пришлось изображать ужас.

— Прости, я не представился. — Я протянул руку. — Меня зовут Квоут, я бродячий актер из эдема руэ. Даже в самый черный день я не стал бы лгать лудильщику.

Он, немного ошеломленный, пожал мою руку.

— Ну, тогда мои искренние извинения тебе и твоей семье. Редко увидишь кого из вашего народа одного на дороге. — Он критически оглядел коня. — Весь путь из Имре, ты сказал? — Я кивнул. — Это что же, около ста километров? Адская скачка... — Он посмотрел на меня и понимающе заулыбался: — Как твои ноги?

Я ухмыльнулся в ответ.

— Лучше просто сказать, что я с удовольствием снова ими похожу. Конь, пожалуй, потянет еще километров пятнадцать, а вот о себе такого сказать не могу.

Лудильщик оглядел жеребца и испустил бурный вздох.

— Ну, как я уже сказал, ты на мели меня застал. Сколько ты за него хочешь?

— Ну-у, — начал я, — Кетх-Селхан — чистокровный кхершаенец, прекрасной масти, и это нельзя не заметить. На нем нет и пятнышка. Ни единого белого волоска...

Лудильщик расхохотался:

— Беру свои слова назад, — сказал он. — Ты ужасный враль.

— Не вижу, что тут смешного, — слегка натянуто отозвался я.

Лудильщик странно посмотрел на меня.

— Ни единого белого волоска, ага. — Он кивнул мимо меня на зад Селхана. — Ну, если он весь черный, то я — Орен Велсайтер.

Я повернулся и увидел, что на левой задней ноге Кетх-Селхана появился отчетливый белый носок, достоящий до скакательного сустава. Пораженный, я подошел и наклонился посмотреть. Носок был не совсем чисто белый — скорее уж застиранный серый. Я принялся и уловил слабый запах ручья, который мы пересекали на последнем отрезке нашего пути... Растворители.

— Вот ведь шимов гад, — ошарашенно протянул я. — Он продал мне крашеную лошадь.

— Разве имя не предупредило тебя? — ухмыльнулся трактирщик. — Кетх-Селхан? Господи, парень, кто-то, вспоминая тебя, сейчас здорово веселится.

— Его имя означает «сумрак», — сказал я.

Лудильщик покачал головой:

— Твой сиару порядком заржавел. «Кетх-Селем» будет «начало ночи»! «Селхан» значит «носок». Его имя — «один носок».

Я припомнил реакцию барышника, когда выбирал имя. Неудивительно, что парень так разнервничался и запросто сбросил цену. Он решил, что я разгадал его маленький секрет.

При виде моего лица лудильщик расхохотался и похлопал меня по спине.

— Да не мучайся так, парень. Это время от времени случается даже с лучшими из нас. — Он отвернулся и начал рыться в своих тюках. — Думаю, у меня есть кое-что, что тебе понравится. Позволь предложить тебе сделку.

Он снова повернулся ко мне и протянул что-то черное и скрученное, как кусок обточенного водой дерева.

Я взял это у него и осмотрел. На ощупь оно было тяжелое и холодное.

— Кусок шлака? — спросил я. — У тебя кончились волшебные бобы?

Лудильщик показал булавку, зажатую в другой руке. Он поднес ее на пол-ладони к камню и отпустил. Вместо того чтобы упасть, булавка рванулась вбок и прилипла к гладкому куску черного металла.

Я уважительно присвистнул.

— Лоденник? Я никогда их не видел.

— Формально это требонник, — просто сказал он. — Поскольку вблизи Лодена он никогда не бывал, а Требон совсем рядом. В Имре этой красотой многие могут заинтересоваться...

Я рассеянно кивнул, вертя камень в руках. Мне всегда хотелось увидеть тяговик — с самого детства. Я оторвал булавку, чувствуя странное притяжение, которое влекло ее к гладкому черному металлу. Поразительно: в моей руке кусочек звездного железа.

— Сколько, ты считаешь, он стоит? — спросил я.

Лудильщик втянул воздух сквозь зубы.

— Ну, я считаю, что прямо здесь и сейчас он стоит как раз одного чистокровного кхершаенского вьючного мула...

Я повернул камень боком, оттянул булавку и позволил ей снова прилипнуть.

— Беда в том, лудильщик, что я влез в долги у опасной женщины, чтобы купить эту лошадь. Если я не продам ее хорошо, то попаду в отчаянное положение.

Он кивнул.

— Если ты возьмешь за кусок звездного железа такого размера меньше восемнадцати талантов, то прорежешь дыру в собственном кошельке. Его купят ювелиры или богатеи — как диковинку. — Он постучал себе по носу. — Но если ты отправишься в Университет, то поступишь еще лучше. Артефакторы просто обожают лоденники, и алхимики тоже. Если ты поймаешь кого-нибудь из них в хорошем настроении, получишь еще больше.

Это была хорошая сделка. Манет рассказывал, что лоденники высоко ценятся и их трудно достать. Не только из-за их гальванических свойств, но и потому, что кусочки небесного железа часто содержат примеси редких металлов. Я протянул руку.

— Буду рад заключить сделку.

Мы торжественно пожали руки, затем, когда лудильщик потянулся к поводьям, я спросил:

— А что ты дашь мне за седло и сбрую?

Я немного беспокоился, что лудильщик обидится на мое выманивание, но он расплылся в улыбке.

— Вот ушлый паренек, — хохотнул он. — Мне нравятся ребята, которые не боятся добиваться большего. А что ты хочешь? У меня здесь есть прекрасное шерстяное одеяло. Или хорошую веревку? — Он вытащил моток из одного из своих тюков. — Всегда полезно иметь при себе кусок веревки. Или как насчет этого? — Он повернулся ко мне с бутылкой в руках и подмигнул. — У меня есть немного великолепного авеннийского фруктового вина. Я отдам тебе все три бутылки за сбрую.

— Мне бы не помешало запасное одеяло, — признался я. Но тут мне пришла в голову мысль. — У тебя есть одежда примерно моего размера? За последнее время я поистратил кучу рубашек.

Старик помедлил, держа веревку и бутылку вина, потом пожал плечами и начал рыться в тюках.

— А ты слышал что-нибудь про свадьбу в этих краях? — спросил я. Лудильщики всегда в курсе всех событий.

— Про маутеновскую-то? — Он завязал один тюк и начал рыться в другом. — Не хочу тебя огорчать, но ты ее пропустил. Вчера была.

Мой желудок сжался от его небрежного тона. Если там случилось побоище, то лудильщик наверняка должен был об этом слышать. Я оцепенел от ужасной мысли: я влез в долги и проехал полпути до гор, гоняясь за призраками.

— А ты там был? Ничего странного не случилось?

— Ага, вот оно! — Лудильщик повернулся и протянул мне рубаху из

простого домотканого холста. — Боюсь, не особенно роскошная, зато новая. Ну, почти.

Он приложил рубашку к моей груди, чтобы проверить, подходит ли она.

— Свадьба-то? — подсказал я.

— Что? А, нет, я там не был. Хотя вполне себе событие, насколько я понимаю. Единственная дочь Маутенов, и они хорошо ее провожали. Несколько месяцев планировали.

— Так ты не слышал, чтобы там произошло что-нибудь странное? — спросил я, чувствуя, как сердце мое падает.

Он пожал плечами.

— Да я уж сказал, что там не был. Я был около литейных заводов последнюю пару дней. — Он кивнул на запад. — Торговал с промывщиками и народом высоко в горах. — Он постучал себя по виску, словно вспомнив что-то. — Это напомнило мне: я нашел кое-что в холмах. — Он снова покопался в вещах и вытащил плоскую бутылку толстого стекла. — Если не хочешь вина, может, чего-нибудь покрепче?

Я начал было качать головой, но тут понял, что домашним брендом можно промыть бок сегодня вечером.

— А что... — сказал я. — Смотря по остальному предложению.

— Вот это серьезный юный джентльмен, — торжественно провозгласил он. — Я отдам тебе одеяло, обе бутылки и моток веревки.

— Ты щедр, лудильщик. Но я лучше возьму рубашку вместо веревки и вина. Они будут просто мертвым грузом в моей сумке, а мне еще надо много пройти.

Лудильщик немного скис, но пожал плечами.

— Твой выбор, конечно. Одеяло, рубашка, бренд и три йоты.

Мы пожали руки, и я помог ему загрузить Кетх-Селхана, смутно чувствуя, что обидел его, отвергнув предыдущее предложение. Десятью минутами позже лудильщик направился на восток, а я на север, через зеленые холмы — к Требону.

Я был рад пройти последние полкилометра пешком, разминая затекшие ноги и спину. Перевалив через холм, я увидел Требон, раскинувшийся внизу, зажатый в глубокой чаше между холмами. Городок оказался невелик по любым меркам — пожалуй, не больше сотни строений, раскиданных по сторонам десятка петляющих утопанных земляных улочек.

Еще в детстве, в труппе, я научился оценивать города. Это очень похоже на «просчитывание» публики, когда играешь в таверне. Ставки,

конечно, повыше: сыграй в таверне не ту песню, и тебя освищут, но недооцени целый город — и все может пойти куда хуже.

Итак, я оценивал Требон. Стоит в стороне от наезженных дорог, примерно посередине между фермерским и шахтерским городками. Вряд ли люди здесь сразу подозрительно относятся к незнакомцам, но город достаточно мал, поэтому все с первого взгляда поймут, что ты не из местных.

Я удивился, увидев, что люди выставляют у своих домов соломенные пугала. Это означало, что, несмотря на близость к Имре и Университету, Требон — действительно отсталая и захолустная община. В каждом городе есть какой-нибудь свой праздник урожая, но в наши дни большинство довольствуется зажиганием костра и обжираловкой. То, что здесь, в Требоне, люди следовали старой народной традиции, значило, что они более суеверны, чем я предположил поначалу.

Но все равно мне было приятно увидеть соломенные пугала. Я питаю склонность к традиционным праздникам урожая, суевериям и всему такому — это немного смахивает на театр.

Тейлинская церковь оказалась самым красивым зданием в городке; в три этажа высотой, она была сложена из блоков тесаного камня. Ничего странного, но такого огромного железного колеса, как прибитое над парадным входом высоко над землей, я, пожалуй, никогда раньше не видел. Кроме того, оно было из настоящего железа, а не из раскрашенного дерева, и при высоте в три метра наверняка весило не меньше тонны. В любом другом месте такая нарочитость встревожила бы меня, но, поскольку Требон был шахтерским городком, я предположил, что колесо является скорее городской гордостью, чем символом фанатичной веры.

Почти все прочие дома в городе — построенные из грубой древесины, с крышами из кедровой дранки — жались поближе к земле. Трактир, однако, выглядел весьма респектабельно: высотой в два этажа, с оштукатуренными стенами и красной глиняной черепицей на крыше. Там просто обязан был найтись кто-то, побольше знающий о свадьбе.

В трактире сидела лишь горстка людей — неудивительно, ведь страда была в самом разгаре и оставалось еще пять или шесть часов дневного света. Я напустил на лицо как можно более встревоженное выражение и направился к стойке, где был трактирщик.

— Извините, — сказал я. — Мне очень неприятно вас беспокоить, но я кое-кого ищу.

Темноволосый трактирщик отозвался привычно хмуро:

— И кого?

— Мою кузину, — объяснил я. — Она была здесь на свадьбе, и я слышал...

При слове «свадьба» хмурое лицо трактирщика совершенно закаменело. Двое мужчин, сидевших за стойкой чуть поодаль, отвернулись. Я чувствовал, как они стараются не смотреть в мою сторону. Значит, все правда: случилось что-то ужасное.

Трактирщик вытянул руку вперед и впечатал пальцы в стойку. Я целую секунду пытался понять, зачем это, пока не заметил, что он касается железной головки гвоздя, загнанного в доски стойки.

— Дурное дело, — коротко ответил он. — Больше ничего не скажу.

— Пожалуйста, — взмолился я, подпуская в голос еще тревоги. — Я навещал семью в Темфолзе, когда дошел слух о том, что случилась какая-то беда. Там все заняты уборкой последней пшеницы, так я пообещал, что схожу сюда и узнаю, что за беда такая.

Трактирщик смерил меня взглядом с ног до головы. Он мог выпроводить охотника за новостями, праздного зеваку, но не мог отказать мне в нраве узнать, что случилось с моей родственницей.

— Наверху есть одна из тех, кто там был, — коротко сказал он. — Не отсюда. Может быть, твоя кузина.

Свидетель! Я открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но трактирщик покачал головой.

— Я ни шиша об этом не знаю, — отрезал он. — И не собираюсь, так-то. — Он отвернулся, внезапно заинтересовавшись пробками своих пивных бочонков. — Наверху, в дальнем конце коридора, слева.

Я пересек зал и поднялся по лестнице, чувствуя, как все они отвернулись. Их молчание и тон трактирщика объяснили, что человек, сидевший наверху, был не одним из многих, а единственным. Единственным выжившим.

Я прошел в конец коридора и постучал в дверь, сначала тихо, потом громче. Затем открыл дверь — медленно, чтобы не напугать того, кто находился внутри.

Открылась узкая комната с узкой кроватью. На ней лежала женщина, одетая, с перевязанной рукой. Ее голова была повернута к окну, так что я видел только профиль.

И все же я узнал ее: Денна.

Должно быть, я издал какой-то звук, потому что она повернулась и посмотрела на меня. Ее глаза расширились, и впервые слов не нашлось у нее, а не у меня.

— Я прослышал, что ты в беде, — невозмутимо сообщил я. — И

решил приехать помочь.

Глаза Денны снова расширились на мгновение, потом сузились.

— Ты лжешь, — сказала она, скривив губы.

— Да, — признал я. — Но это красивая ложь. — Я вошел в комнату и закрыл дверь. — Я бы приехал, если бы узнал.

— Всякий бы поехал, если бы услышал новости, — с облегчением ответила она. — Но только редкий человек может прийти, не зная, что случилась беда.

Денна села и повернулась ко мне, свесив ноги с кровати.

Теперь, увидев ее ближе, я заметил кровоподтек у нее на виске — вдобавок к перевязанной руке. Я сделал к ней еще шаг.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Нет, — отрезала Денна. — Но могла быть куда в большем беспорядке. — Она медленно поднялась на ноги, словно не была уверена в своей устойчивости, сделала пару осторожных шагов и вроде бы осталась довольна. — Отлично. Я могу ходить. Давай выбираться отсюда.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

РОДНИК

Выйдя из комнаты. Денна повернула налево, а не направо. Сначала я подумал, что она плохо ориентируется, но, выйдя на черную лестницу, понял: она просто хочет исчезнуть, не проходя мимо трактирщика. Денна нашла дверь в переулок, но та оказалась крепко заперта.

Так что мы отправились через переднюю дверь. Как только мы спустились, я остро почувствовал направленное на нас всеобщее внимание. Денна пошла прямо к двери, с медлительной неостановимостью грозовой тучи.

Мы уже почти вышли, когда трактирщик заорал из-за стойки:

— Хой! Эй, вы там!

Взгляд Денны метнулся в сторону. Ее губы сложились в тонкую линию, и она продолжила путь, будто не слышала.

— Я договарюсь с ним, — тихонько сказал я. — Подожди меня. Я только на секунду.

Я подошел к хмурому трактирщику.

— Так это твоя кузина? — спросил он. — А констебль говорил, что она может идти?

— Я думал, вы не хотите ничего об этом знать, — удивился я.

— Знать-то не хочу. Но она занимала комнату, да еще еда, да я доктора позвал, чтоб зашил ее.

Я смерил его тяжелым взглядом:

— Если в этом городишке есть доктор, стоящий больше полпенни, тогда я — король Винта.

— Я истратил полталанта, — настаивал трактирщик. — Повязки тоже не бесплатные. А еще сиделка при ней была, ждала, когда она очнется.

Я очень сомневался, что он потратил хотя бы половину этого, но не хотел никаких задержек. Зная наклонности Денны, я беспокоился, что, если потерять ее из виду больше чем на минуту, она растает, как утренний туман.

Я вынул из кошелька пять йот и бросил их на стойку.

— Навар живодера с чумы, — язвительно заметил я и вышел.

Я почувствовал огромное облегчение, увидев, что Денна ждет меня снаружи, прислонившись к коновязи, закрыв глаза и подставив лицо

солнцу. Она удовлетворенно вздохнула и повернулась на звук моих шагов.

— Все так ужасно и было? — спросил я.

— Поначалу они были довольно добры, — признала Денна, пошевелив перевязанной рукой. — Но эта старуха, что все время за мной следила! — Она нахмурилась и откинула длинные черные волосы, открыв моему взгляду наливающийся пурпуром кровоподтек, шедший от виска до линии волос. — Ну, ты знаешь такой тип: чопорная старая дева с губками, сложенными кошачьей задницей.

Я расхохотался, и внезапная улыбка Денны была как луч солнца, пробившийся из-за туч. Потом ее лицо снова помрачнело, и она продолжила:

— Она все время на меня так смотрела... Словно мне следовало иметь совесть и помереть вместе со всеми. Как будто это все моя вина.

Денна покачала головой.

— Но она была лучше старикана. Констебль лапал меня за ногу! — Она передернулась. — Даже мэр пришел и кудахтал надо мной, делая вид, что заботится, а на самом деле только изводил меня вопросами: «Что ты здесь делала? Что произошло? Что ты видела?..»

Насмешка в голосе Денны заставила меня проглотить мои собственные вопросы так быстро, что я чуть язык не прикусил. Такова уж моя натура: задавать вопросы — да и целью этого сумасшедшего броска в пригорье было разузнать, что случилось.

Однако тон Денны не оставлял сомнений: она была совершенно не в настроении давать сейчас ответы. Я забросил дорожную сумку повыше на плечо, и тут до меня дошло:

— Погоди. Твои вещи. Ты их все оставила в комнате.

Денна колебалась не более удара сердца.

— Не думаю, чтобы там было что-то мое, — сказала она, словно эта мысль раньше не приходила ей в голову.

— Ты уверена, что не хочешь вернуться и проверить?

Она решительно покачала головой:

— Я уйду отсюда, где мне не рады. Все остальное можно добыть по пути.

Денна пошла вниз по улице, и я пристроился рядом с ней. Она повернула на узкую боковую улочку, ведущую на запад. Мы миновали старуху, которая вешала пугало, сделанное из снопов овса. На пугале красовалась грубая соломенная шляпа и пара дерюжных штанов.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Мне нужно посмотреть, остались ли мои вещи там, на ферме

Маутенов, — ответила Денна. — После этого я открыта для предложений. Куда ты собирался направиться перед тем, как нашел меня?

— Честно говоря, я и сам направлялся на ферму Маутенов.

Денна покосилась на меня.

— Прекрасно. До фермы около километра. Мы сможем попасть туда еще засветло.

Земля вокруг Требона выглядела дикой и необработанной — в основном густые леса, перемежающиеся участками каменистой почвы. Потом дорога вдруг поворачивала, и за углом оказывалось маленькое ухоженное поле золотой пшеницы, втиснутое между деревьев или гнездящееся в долинке среди темных скал. По полям виднелись фермеры и батраки в соломенных шляпах,двигающиеся с медлительной усталостью, которая происходит от знания, что еще предстоит убрать половину дневного урожая.

Мы шли всего около минуты, когда я услышал за спиной знакомый перестук копыт. Я обернулся и увидел небольшую открытую повозку, медленно катящуюся вверх по дороге. Мы с Денной отступили к кустам на обочине, поскольку дорога была шириной едва на одну телегу. Костлявый изможденный фермер, сгорбившийся над поводьями, подозрительно оглядел нас.

— Мы на ферму Маутенов идем, — крикнула Денна, когда он подъехал поближе. — Вы не возражаете, если мы прокатимся?

Человек угрюмо посмотрел нас и кивнул на заднюю часть повозки, пробурчав:

— Я еду мимо старого Стогродника. Оттуда вам придется идти самим.

Мы с Денной забрались в повозку и сели на досках, свесив ноги через край. Так получалось ненамного быстрее, чем пешком, но мы оба были рады дать отдых ногам.

Ехали в тишине. Денна, очевидно, не желала обсуждать что-либо под носом у фермера, а я радовался свободной минутке, позволяющей хоть что-то обдумать. Я готовился к любой лжи, какая будет необходима, чтобы вытянуть из свидетеля нужную мне информацию. Денна все усложняла. Я не хотел ей лгать, но в то же время не мог рассказать слишком много. Последнее, что я хотел бы сделать, — это убедить ее, что я помешан на дурацких байках о чандрианах.

Так что мы ехали в молчании. Было очень приятно просто сидеть рядом с ней. Вы вряд ли бы посчитали, что девушка с перевязанной рукой и подбитым глазом может быть красива, но Денна была прекрасна, как луна: не безупречна, но совершенна.

Фермер внезапно буркнул, прервав мои размышления:

— Вот Стогородник.

Я огляделся, ища родник, но не увидел его. Печально: я бы не отказался попить чего-нибудь холодного и немного умыться. После нескольких часов тяжелой скачки я весь пропитался потом и вонял лошадью.

Мы поблагодарили фермера и соскочили с повозки. Денна повела меня по тропе, которая вилась по склону холма среди деревьев и внезапных выходов выветренного темного камня. Денна казалась уверенней в своих ногах, чем когда мы уходили из трактира, но не отрывала глаз от земли, выверяя шаги с тщательной осторожностью, словно не очень полагалась на свое чувство равновесия.

Меня посетила внезапная мысль.

— Я получил твою записку, — сказал я, вытаскивая клочок бумаги из кармана плаща. — Когда ты мне ее оставила?

— Почти два оборота назад.

Я скорчил гримасу:

— Я получил ее только прошлой ночью.

Она кивнула своим мыслям:

— Я беспокоилась, потому что ты все не показывался. Я подумала, записка могла выпасть или размокнуть так, что ты не смог ее прочесть.

— Просто в последнее время я не пользовался окном, — сказал я.

Денна безразлично пожала плечами:

— Глупо с моей стороны было рассчитывать на это.

Я попытался придумать что-нибудь еще, объясняющее картину, которую она могла увидеть в «Эолиане», когда Фела дарила мне плащ. И не смог придумать ничего.

— Мне очень жаль, что я пропустил наш обед.

Денна удивленно посмотрела на меня:

— Деоч сказал, ты попал в пожар или что-то в этом роде. Говорил, что ты выглядел совершенно измочаленным.

— Я и чувствовал себя измочаленным, — сказал я. — Но больше от того, что не встретился с тобой, чем от огня...

Она закатила глаза.

— Я уверена, что ты был ужасно расстроен. Однако ты оказал мне своего рода услугу. Пока я сидела там... одна... изнывая, покинутая...

— Я уже сказал, что мне очень жаль.

— ...со мной познакомился пожилой джентльмен. Мы поговорили, немного узнали друг о друге... — Денна пожала плечами и искоса

посмотрела на меня, почти робко. — С тех пор я с ним еще несколько раз встречалась. Если все и дальше пойдет гладко, думаю, он станет моим покровителем до конца года.

— Правда? — сказал я, облегчение затопило меня, как холодная вода. — Чудесно и давно пора. А кто он?

Денна покачала головой, темные волосы заколыхались у лица.

— Не могу сказать. Он помешан на своей таинственности. Он не говорил мне свое имя больше оборота. Даже сейчас я не знаю, настоящее ли то имя, которое он назвал.

— Но если ты не знаешь, кто он такой, — медленно сказал я, — откуда ты можешь знать, что он из благородных?

Это был дурацкий вопрос. Мы оба знали ответ, но Денна все равно его озвучила:

— Деньги. Одежда. Манера себя держать. — Она пожала плечами. — Даже если он только богатый торговец, он все равно будет хорошим покровителем.

— Но не лучшим. В торговых семьях нет такой стабильности...

— ...и их имена не имеют такого же веса, — закончила Денна с еще одним пожатием плеч. — Полбуханки лучше, чем ничего, а я устала обходиться совсем без хлеба. — Она вздохнула. — Я здорово потрудились, завлекая его. Но он такой изворотливый... Мы никогда не встречаемся в одном и том же месте дважды и никогда прилюдно. Иногда он назначает встречу и даже носа на нее не показывает. Не то чтобы это было какой-то особенной новостью в моей жизни...

Тут под ногу Денне попался камешек, и она запнулась. Я поддержал ее, и она ухватилась за мою руку и плечо, чтобы не упасть. На секунду мы тесно прижались друг к другу, и, пока она восстанавливала равновесие, я ощутил ее тело совсем рядом.

Я отпустил ее, и мы отодвинулись друг от друга. Но она оставила свою руку легко лежать на моей. Я двигался медленно, словно мне на руку села диковинная птица и я ни за что не хотел спугнуть ее.

Я обдумывал, не обнять ли мне Денну — частично для поддержки, частично по другим, более очевидным причинам, — но быстро отбросил эту идею. Я вспомнил ее лицо, когда она сказала, что констебль лапал ее за ногу. Что я буду делать, если она даст мне такой же отпор?

Мужчины табуном ходили за Денной, и по нескольким нашим беседам я понял, насколько утомительными она их находит. Я не мог вынести мысль, что совершу те же ошибки, что и они, просто из-за того, что не придумал ничего другого. Лучше было не рисковать обидеть ее, а оставить

все как есть. Как я уже говорил, существует огромная разница между храбростью и отсутствием страха.

Мы шли по тропе до развилки, потом стали подниматься по склону холма. Все молчало, кроме ветра, колеблющего высокие травы.

— Значит, он скрытен? — мягко подсказал я, беспокоясь, что молчание скоро станет неудобным.

— «Скрытен» не охватывает и половины, — сказала Денна, поднимая глаза к небесам. — Однажды какая-то женщина предложила мне денег за сведения о нем. Я сыграла дурочку, но потом, когда рассказала ему об этом, он сообщил, что это была проверка: насколько мне можно доверять. В другой раз мне угрожал мужчина. Полагаю, это была еще одна проверка.

Этот «покровитель» показался мне весьма подозрительным — не то беглец от закона, не то человек, скрывающийся от своей семьи. Я уже собирался это сказать, когда заметил, что Денна тревожно смотрит на меня. Она беспокоилась, волновалась, что я могу хуже подумать о ней за потакание капризам какого-то параноидального лордика.

Я припомнил свой разговор с Деочем о том, что как ни тяжела моя участь, ее куда тяжелее. Во что бы ввязался я, если бы мог получить покровительство богатого вельможи? Что бы сделал я для обретения человека, который даст мне денег на струны для лютни, присмотрит за тем, как я одеваюсь и что ем, и защитит меня от подлых мелких негодяев вроде Амброза?

Я проглотил свой предыдущий комментарий и выдал Денне понимающую ухмылку:

— Пусть уж он будет богатым, чтобы оправдать твои надежды, — сказал я. — Мешки денег. Горшки и ведра!

Уголки ее губ изогнулись вверх, и я почувствовал, как ее тело расслабилось: она радовалась, что я не осуждаю ее.

— Ну это было бы здорово! — В глазах Денны плясали искорки, говорящие: «да». — Он и есть та причина, почему я здесь оказалась, — продолжала она. — Он велел мне засветиться на этой свадьбе. Она оказалась куда более сельской, чем я ожидала, но... — Денна снова пожала плечами: молчаливый комментарий необъяснимым причудам знати. — Я ожидала, что мой может-быть-будущий покровитель будет здесь... — Она остановилась, смеясь. — Это вообще звучит хоть сколько-нибудь осмысленно?

— Просто придумай ему имя, — предложил я.

— Придумай ты, — сказала она. — Разве вас не учат именам в Университете?

— Аннабель, — предложил я.

— Я не буду, — отсмеявшись, сказала она, — называть своего потенциального покровителя Аннабель.

— Герцог Кучаденег?

— Ну, теперь ты просто так болтаешь. Попробуй еще раз.

— Просто скажи мне, когда я наткнусь на что-нибудь, что тебе понравится... Фредерик Болтливый. Фрэнк Щедрый. Феран Дикий. Форю Жалостливый. Фордейл Раздольный...

Она отрицательно качала головой всю дорогу до гребня холма. Когда мы наконец вышли на вершину, нас встретил резкий порыв ветра. Денна ухватила за мою руку, а я поднял ладонь, прикрывая глаза от листьев и пыли. И закашлялся от неожиданности, когда ветер запустил лист прямо мне в рот. Я задохнулся и начал плевать.

Денна нашла это невероятно смешным.

— Прекрасно, — сказал я, наконец выудив изо рта лист — желтый, в форме наконечника копья. — Ветер решил за нас. Мастер Ясень Пепельный. Или просто Ясень. Или просто Пепел.

— Ты уверен, что не мастер Вяз? — спросила она, разглядывая листок. — Их часто путают.

— На вкус ясень, — уверенно сказал я. — Кроме того, вяз — женское дерево.

Она серьезно кивнула, но глаза ее искрились весельем.

— Тогда Ясень.

Когда мы вышли из-под деревьев и перевалили через холм, ветер напал на нас снова и, забросав еще большим количеством мусора, утих. Денна отступила от меня на шаг и потеряла глаз. Моя рука, на которой только что лежала ее ладонь, вдруг очень замерзла.

— Почернелые руки, — выругалась она, почесывая веко. — Мне соринка в глаз попала.

— Не соринка, — возразил я, оглядываясь с вершины холма. Меньше чем в пятнадцати метрах от нас стояла группа обугленных строений, которые прежде, видимо, были фермой Маутенов. — Пепел.

Я привел Денну к маленькой рожице, где можно было укрыться от ветра и вида фермы. Мы присели отдохнуть на упавшее дерево, и я дал Денне свою бутылку с водой, чтобы промыть глаз.

— Знаешь, — нерешительно сказал я, — тебе не обязательно идти туда. Я могу поискать твои вещи, если ты мне скажешь, где ты их оставила.

Она чуть прищурилась:

— Вот не пойму, ты такой заботливый или заносчивый...

— Я не знаю, что ты видела прошлой ночью. Так что не представляю, насколько мне стоит быть деликатным.

— Как правило, я не нуждаюсь в особой деликатности, — резко заметила она. — Я не рдеющая маргаритка.

— Маргаритки не рдеют.

Денна посмотрела на меня, моргая покрасневшими глазами.

— Возможно, ты думала о «скромной фиалке» или «робкой девице». В любом случае, маргаритки белые. Они не могут рдеть...

— А вот это, — ровным голосом сказала она, — была заносчивость.

— Ну, я подумал, тебе надо показать, как она выглядит, — сказал я. — Для сравнения. Чтобы не путать, когда я пытаюсь быть таким, а когда эдаким.

Мы глазели друг на друга некоторое время, потом Денна отвернулась, потирая глаз.

— Ну ладно, — согласилась она, потом откинула голову назад и плеснула себе в лицо водой, яростно моргая.

Промокнув лицо рукавом рубашки, она сказала:

— Я на самом деле не очень-то много видела. Я играла перед самой свадьбой, потом еще раз, когда готовились к ужину. Я все ждала появления своего... — она бледно улыбнулась, — мастера Ясеня, но не решалась спросить о нем. При всем том, что я знаю, это могло быть очередной его проверкой.

Денна умолкла, нахмурившись.

— У него есть способ подать мне сигнал. Способ дать мне знать, когда он где-то поблизости. Я извинилась, отошла и встретила с ним у амбара. Мы ненадолго прогулялись в лес, он меня все время расспрашивал. Кто там был, сколько людей, как они выглядели... — Она задумалась. — Теперь мне кажется, что это была настоящая проверка. Он хотел посмотреть, насколько я наблюдательна.

— Прямо шпион какой-то, — пробормотал я.

Денна пожала плечами.

— Мы побродили где-то с полчаса, поговорили. Потом он что-то услышал и велел мне его подождать. Ушел по направлению к ферме и отсутствовал довольно долго.

— Насколько долго?

— Минут десять. — Она пожала плечами. — Знаешь же, как бывает, когда кого-нибудь ждешь. Было темно, я замерзла и проголодалась. — Она обхватила живот руками и немного наклонилась вперед. — Боги, я и сейчас голодна. Лучше бы я...

Я вытащил из дорожной сумки яблоко и отдал ей. Оно было роскошное: красное, как кровь, сладкое и хрустящее. О таких яблоках мечтаешь весь год, но видишь их всего пару недель осенью.

Денна с любопытством посмотрела на меня.

— Я привык много путешествовать, — объяснил я и взял себе другое яблоко. — И часто бывал голодным. Поэтому обычно беру с собой что-нибудь поесть. Я сделаю тебе настоящий ужин, когда мы разобьем лагерь на ночь.

— Он еще и готовит... — Денна надкусила яблоко и отпила воды. — В общем, мне показалось, что я слышу крики, поэтому я пошла обратно в направлении фермы. Когда я вышла из рощи, то уже точно расслышала крики и визг. Тогда я подобралась поближе и унюхала дым. И увидела огонь сквозь деревья...

— Какого он был цвета? — спросил я с набитым ртом.

Денна резко обернулась ко мне, ее взгляд внезапно стал подозрительным.

— Почему ты об этом спросил?

— Извини, что перебил тебя, — сказал я, проглатывая яблоко. — Сначала закончи свою историю, а потом я тебе все расскажу.

— Я тут уже много наговорила, — возразила она. — А ты даже не упомянул, почему оказался в этом городке.

— Магистры в Университете услышали некие странные слухи и послали меня сюда выяснить, правда ли это, — ответил я.

В моей лжи не было ни неловкости, ни колебаний. Я даже не планировал ее, она вырвалась сама. Пришлось принять молниеносное решение — я не мог взять и сказать ей правду о поисках чандриан, не мог вынести мысли, что Денна посчитает меня больным на голову.

— Университет занимается такими вещами? — спросила Денна. — Я-то думала, ваша компания только и делает, что сидит за книгами.

— Некоторые так и делают, — признал я. — Но когда мы слышим странные вести, кому-то приходится ехать и выяснять, что случилось на самом деле. Когда люди становятся суеверными, они начинают смотреть на Университет и думать: «Кто еще у нас тут водится с темными силами, которых лучше не трогать? Кого бы нам запихнуть в большой красивый костер?»

— И ты часто этим занимаешься? — Денна помахала оставшейся половинкой яблока. — Расследуешь такие дела?

Я покачал головой:

— Просто попал в немилость к магистру, и он постарался, чтобы я

вытащил короткую соломинку на эту поездку.

Неплохая ложь, особенно для полной импровизации. Она даже продержится, если Денна задумает навести справки, поскольку в ней есть частичка правды. Когда требует необходимость, я становлюсь величайшим лжецом. Не самое благородное из искусств, но весьма полезное. Оно тесно связано с актерством и рассказыванием историй, и я научился всем трем от отца — а уж он-то был великим мастером.

— Ты по горло набит конским дерьмом, — буднично сообщила Денна.

Я застыл, завязнув зубами в яблоке. Потом разинул рот, так и не откусив, но оставив белые отпечатки зубов на красной коже.

— Извини?

Она пожала плечами:

— Если не хочешь говорить мне, ладно. Не ври из желания успокоить меня или произвести впечатление.

Я глубоко вдохнул, поколебался и медленно выдохнул:

— Я не хочу тебе лгать о том, почему я здесь. Но беспокоюсь, что ты обо мне подумаешь, если я скажу правду.

Глаза Денны были темны, задумчивы и непроницаемы.

— Ну ладно, — наконец сказала она с почти незаметным кивком. — В это я могу поверить.

Она откусила от яблока и начала жевать, разглядывая меня в упор. Ее влажные губы были даже краснее яблока.

— Я услышал кое-какие слухи, — наконец сказал я. — И я хочу знать, что здесь случилось. Это все, правда. Я просто...

— Послушай, Квоут, прости меня. — Денна вздохнула и провела рукой по волосам. — Мне не следовало давить на тебя. Это и правда не мое дело. Я знаю, как это: иметь тайны.

В эту минуту я чуть не рассказал ей все: всю историю о моих родителях, чандрианах, человеке с черными глазами и кошмарной улыбкой. Но вдруг побоялся, что это может показаться отчаянной выдумкой ребенка, пойманного на лжи. Поэтому я выбрал путь труса и промолчал.

— Так ты никогда не найдешь свою настоящую любовь, — сказала Денна.

Ошарашенный, я выпал из своих размышлений.

— Прости, что?

— Ты ешь серединку яблока, — рассмеявшись, пояснила она. — Ты обгрызаешь его по бокам, а потом сверху вниз. Никогда раньше не видела, чтобы так ели.

— Старая привычка, — отмахнулся я, не желая рассказывать ей

правду. Правду о том, что в моей жизни бывали времена, когда я радовался и серединке яблока, если удавалось ее добыть. — Что ты имела в виду до того?

— Разве ты никогда не играл в эту игру? — Она показала огрызок своего яблока и взялась двумя пальцами за черенок. — Задумываешь букву и поворачиваешь. Если выдерживает, задумываешь другую букву и поворачиваешь снова. Когда черенок отрывается... — ее как раз оторвался, — ты получаешь первую букву имени человека, которого полюбишь.

Я посмотрел на крошечный кусочек, оставшийся от моего яблока. Слишком мало, чтобы взяться и повернуть. Я откусил остатки и бросил черенок.

— Похоже, я обречен вечно жить без любви.

— Вот ты снова перешел на семь слов, — с улыбкой сказала Денна. — Ты замечаешь, что все время это делаешь?

Почти минуту я пытался понять, на что она намекает, но, прежде чем успел ответить, Денна продолжила.

— Я слышала, что яблочные семечки вредны, — сказала она. — В них есть мышьяк.

— Кумушкины сказки, — ответил я. Это был один из десяти тысяч вопросов, которые я задавал Бену, когда он путешествовал с трупой. — Там не мышьяк, а цианид, но его недостаточно, чтобы повредить человеку, разве что съесть целое ведро.

— А-а. — Денна задумчиво рассматривала огрызок своего яблока, потом начала его есть сверху вниз.

— Ты рассказывала мне о том, что случилось с мастером Ясенем, перед тем как я грубо тебя перебил, — подсказал я так деликатно, как мог.

Денна пожала плечами.

— Не много осталось рассказывать. Я увидела огонь, подошла поближе, услышала еще больше криков и шума...

— А огонь?

Она поколебалась:

— Синий.

Во мне поднялось некое темное предчувствие. И возбуждение: я наконец подобрался ближе к ответам о чандрианах — и страх от мысли, что я так близко к ним.

— Как выглядели те, кто напал на тебя? Как тебе удалось спастись?

Денна горько усмехнулась.

— Никто не нападал на меня. Я увидела силуэты на фоне огня и

побежала как ошпаренная. — Она подняла перевязанную руку и коснулась виска. — Наверное, я врезалась в дерево и потеряла сознание. Пришла в себя только в городе, сегодня утром. Это вторая причина, по которой мне надо было вернуться, — продолжала она. — Я не знаю, вдруг мастер Ясень все еще поблизости. Я не слышала, чтобы кто-нибудь в городе говорил о найденном лишнем теле, но не могла задавать вопросы, не вызывая подозрений...

— А он такого не потерпит, — понимающе поддакнул я.

Денна кивнула.

— Не сомневаюсь, что он превратит это еще в одну проверку, чтобы посмотреть, как хорошо я умею держать рот на замке. — Она многозначительно посмотрела на меня. — Это значит...

— О, я постараюсь хорошенько удивиться, если мы кого-нибудь найдем, — сказал я. — Не волнуйся.

Она нервно улыбнулась.

— Спасибо. Я просто надеюсь, что он жив. Я целых два оборота потратила, чтобы завоевать его. — Она выпила последний глоток из моей бутылки и отдала ее мне. — Давай пойдем все осмотрим.

Денна неуверенно поднялась на ноги, а я краем глаза наблюдал за ней, засовывая бутылку обратно в сумку. Я работал в медике уже полгода; Денна ударилась левым виском достаточно сильно, чтобы получить синяк под глазом и кровоподтек за ухом под волосами. Ее правая рука висела на перевязи, и по тому, как она держала спину, я догадался, что у нее сильно ушиблен левый бок, а то и пара ребер сломана.

Если она наскочила на дерево, то дерево это было очень странной формы.

Но все же я не стал заострять на этом внимание. Не стал на нее давить.

Как я мог? Я слишком хорошо знал, как это: иметь тайны.

Ферма выглядела совсем не так ужасно, как могла бы. Амбар превратился в груды золы и досок, между ним и обугленной ветряной мельницей стояло пустое корыто для лошадей. Ветер пытался повернуть ветряк, но на нем осталось только три лопасти, и он просто качался: туда-сюда, туда-сюда.

Трупов не было — только глубокие колеи, оставленные в дерне колесами повозок, приезжавших увозить тела.

— Сколько людей было на свадьбе? — спросил я.

— Двадцать шесть, считая невесту и жениха. — Денна рассеянно пнула обугленный кусок бревна, наполовину торчащий из пепла около

останков амбара. — Хорошо, что здесь обычно к вечеру идет дождь, иначе вся эта сторона горы была бы сейчас в огне.

— Были здесь какие-нибудь злостные враги? — спросил я. — Семьи-соперники? Другой соискатель руки и сердца, ищущий мести?

— Конечно, — легко согласилась Денна. — Маленькие городки — рассадник всего такого. Люди здесь будут пятьдесят лет помнить любую обиду вроде: «Вишь, шо ихний Том сказал про нашу Кари». — Она покачала головой. — Но убивать — вряд ли. Это были самые обычные люди.

Обычные, но зажиточные, подумал я про себя, обходя фермерский дом. Построить такой дом могла только богатая семья: фундамент и нижняя часть стен были сложены из прочного серого камня, и углы верхнего этажа, деревянно-штукатурного, также укреплял камень. Однако стены просели внутрь, чуть не обваливаясь, а зияющие провалы окон и двери обрамляла темная сажа. Я заглянул в проем и увидел, что серый камень стен закоптился дочерна. Среди останков мебели и обугленных досок пола валялись черепки глиняной посуды.

— Если твои вещи были внутри, — сказал я Денне, — то считай, что они пропали. Я, конечно, могу войти и поискать...

— Не глупи, — возразила она. — Тут все вот-вот рухнет.

Она постучала согнутым пальцем по косяку. Он отозвался глухо и пусто.

Заинтересовавшись странным звуком, я подошел посмотреть, поддел косяк пальцем, и длинная щепка величиной с мою ладонь отвалилась почти без сопротивления.

— Труха какая-то, а не дерево, — сказал я. — Столько денег потрачено — зачем скряжничать на косяках?

Денна пожала плечами.

— Может, это от жара?

Я рассеянно кивнул и продолжил бродить вокруг, осматривая все, что попадалось на глаза. Наклонившись и подобрав обугленный кусок дранки, я едва слышно пробормотал заклинание. По моим рукам пробежал краткий холодок, и на другом конце щепки вспыхнуло пламя.

— Такое не каждый день увидишь, — заметила Денна. Ее голос был спокоен, но это было деланное спокойствие, словно она очень старалась выглядеть невозмутимой.

Сначала я даже не понял, о чем она говорит. Простая симпатия вроде этой была настолько обычна в Университете, что я даже не подумал, как это выглядит для непосвященных.

— Просто небольшое обращение к темным силам, которых лучше не трогать, — беспечно заявил я, держа горящую дранку. — Значит, вчера вечером огонь был синим?

Она кивнула.

— Как пламя угольного газа. Как лампы, которые попадались мне в Анилене.

Щепка горела обычным живым оранжевым пламенем. Ни следа синевы, но прошлым вечером огонь вполне мог быть синим. Я бросил щепку наземь и затоптал ее башмаком.

Что-то тревожило меня, но я не мог уловить это. Я снова обошел дом и решил войти внутрь и оглядеться.

— Пожар на самом деле был не так уж силен, — сказал я Денне. — Так что ты оставила внутри?

— Не так уж силен? — недоверчиво сказала она, выходя из-за угла. — Да все в труху превратилось.

Я показал:

— Крыша не прогорела, только около трубы. Это значит, что огонь не слишком повредил второй этаж. Что там было твоего?

— Немного одежды и лира, которую мне купил мастер Ясень.

— Ты играешь на лире? — Я был удивлен. — Сколько струн?

— Семь. Я только учусь. — Она издала короткий невеселый смешок. — Училась. Для деревенской свадьбы я достаточно хороша — но и только.

— Не трать себя на лиру, — сказал я. — Архаичный инструмент, никакого простора для развития. Не то чтобы я осуждал твой выбор инструмента, — быстро добавил я. — Просто твой голос заслуживает лучшего аккомпанемента, чем тебе сможет дать лира. Если ты ищешь прямострунный инструмент, который можно носить с собой, выбирай полуарфу.

— Ты очень мил, — сказала она. — Но я ее не выбирала. Мастер Ясень выбрал. В следующий раз раскручу его на арфу. — Она посмотрела вокруг и вздохнула: — Если он еще жив.

Я заглянул внутрь сквозь одно из закопченных окон — и рама рассыпалась, когда я оперся на нее.

— Это тоже прогнило, — сказал я, вертя в руках кусок дерева.

— Именно. — Денна схватила меня за руку и оттащила от окна. — Все здесь только и ждет, чтобы обрушиться. Не стоит заходить внутрь. Ты верно сказал: это всего лишь лира.

Я позволил увести себя.

— Тело твоего покровителя может быть там, наверху.

Денна покачала головой.

— Не тот он человек, чтобы вбежать в горящее здание и попасть в ловушку. — Она сурово посмотрела на меня. — И вообще, что ты собираешься там найти?

— Не знаю, — признался я. — Но если я не войду внутрь, то не представляю, где еще искать ключи к тому, что здесь действительно произошло.

— А кстати, что за слухи ты слышал? — спросила Денна.

— Не много, — сказал я, возвращаясь мысленно к тому, что сказал человек с баржи. — Группа людей убита на свадьбе. Все мертвы, разодраны, как тряпичные куклы. Синий огонь.

— На самом деле они были не разодраны, — заметила Денна. — Судя по тому, что я слышала в городке, здесь хорошо поработали ножом и мечом.

Я не заметил в городке никого, кто носил хотя бы нож на поясе. Самыми вооруженными были фермеры в полях: у них имелись серпы и косы. Я оглянулся на просевший дом, твердо уверенный, что упускаю нечто важное...

— Так что, ты думаешь, здесь произошло? — спросила Денна.

— Не знаю, — сказал я. — Я ожидал, что вообще ничего не найду. Ты же знаешь, как слухи раздуваются до невообразимых размеров. — Я огляделся. — Я бы списал синий огонь на сплетни, если бы ты не была здесь и не подтвердила это.

— Другие люди видели его прошлой ночью, — сказала она. — Все еще тлеет, когда они приехали за телами и нашли меня.

Я оглянулся, в нарастающем раздражении, все еще чувствуя себя так, словно что-то прохлопал, но никак не мог понять, что именно.

— А что думают в городке? — спросил я Денну.

— Народ был не больно-то разговорчив в моем присутствии, — едко заметила она. — Но я уловила кусок разговора между констеблем и мэром. Народ шепчется про демонов, и синий огонь их в этом убедил. Некоторые говорили о шаркунах. Полагаю, в этом году праздник урожая будет куда более традиционным, чем обычно. Множество костров, сидр и пугала...

Я снова огляделся. Осыпавшиеся останки амбара, ветряная мельница с тремя лопастями и выгоревшая коробка дома. Рассерженный, я почесал голову, пытаюсь понять, что же я упустил. Я хотел найти... хоть что-нибудь. Что угодно.

Я стоял и все больше уверялся, насколько глупа моя надежда. Что я

надеялся найти? Следы? Клочок ткани из чьего-нибудь плаща? Какую-нибудь скомканную записку с важнейшим кусочком информации, разборчиво написанную и оставленную специально для меня? Такое случается только в сказках.

Я вытащил бутылку и допил последние капли.

— Ну все, я здесь закончил, — сказал я, подходя к корыту. — Что ты планируешь делать дальше?

— Мне нужно еще немного осмотреться, — сказала она. — Есть шанс, что мой благородный друг где-то тут, лежит раненый.

Я поглядел на покатые холмы, золотые от осенних листьев и пшеничных полей, зеленые от пастбищ и сосновых перелесков. Там и сям их прорезали темные шрамы скал и каменных лбов.

— Огромные пространства... — заметил я.

Она кивнула с решительным выражением на лице.

— По крайней мере, мне надо попытаться.

— Ты не откажешься от помощи? — спросил я. — Я неплохо ориентируюсь в лесу...

— Уж точно не откажусь от компании, — ответила Денна. — Особенно учитывая тот факт, что в округе может бродить толпа мародерствующих демонов. Кроме того, ты уже предложил мне сегодня ужин.

— И верно.

Я прошел мимо обугленной мельницы к железному ручному насосу, взялся за ручку, налег на нее и пошатнулся, когда она отломилась у основания.

Я уставился на сломанную ручку насоса. Она проржавела насквозь и рассыпалась в моих руках жирными слоями красной ржавчины.

Во внезапной вспышке я припомнил, как однажды вечером много лет назад вернулся и нашел свою трупку убитой. Вспомнил, как протянул руку для опоры и обнаружил, что крепкие железные спицы фургонного колеса полностью проржавели. Припомнил толстое прочное дерево, распавшееся в труху от моего прикосновения.

— Квоут? — Лицо Денны оказалось совсем близко к моему, на нем читались волнение и участие. — С тобой все в порядке? Тейлу почернелый, сядь, пока не упал. Ты ушибся?

Я отошел и сел на край корыта, но толстые доски расползлись под моим весом, как трухлявый пенёк. Я не стал сопротивляться силе притяжения и плюхнулся на траву.

Подняв проржавелую ручку насоса, я показал ее Денне. Она

нахмурилась:

— Насос был новый. Отец невесты все бубнил, как дорого стоило вырыть колодец здесь, на вершине холма. Гордился, что его дочери не придется по три раза в день таскаться с ведрами в гору.

— Что, ты думаешь, здесь произошло? — спросил я. — Только честно.

Денна посмотрела по сторонам. Синяк на виске резко контрастировал с бледностью ее кожи.

— Думаю, когда я закончу искать своего покровителя, мне надо хорошенько отмыть руки от этого места и никогда его не вспоминать.

— Это не ответ, — сказал я. — Что, ты думаешь, здесь произошло?

Она долго смотрела на меня, прежде чем ответить.

— Что-то плохое. Я никогда не видела демона и не очень-то стремлюсь. Но я также никогда не видела короля Винта...

— Знаешь детскую песенку?

Денна непонимающе посмотрела на меня, так что я спел:

Синим стал огонь в печи —
Что нам делать, научи!
Наутек — со всех ног!
Ржа твой меч поела вдруг.
Кому верить, кто здесь друг?
Стоит камень. Ты не с нами.

Денна побледнела, поняв, что я имею в виду. Она кивнула и тихонько допела припев:

Дама инея бледнее,
Тишина идет за нею.
Вот бы вывести их планы...
Чандрианы, чандрианы!

Мы с Денной сидели в лоскутной тени осенних деревьев, отвернувшись от разрушенной фермы. «Чандрианы. Чандрианы действительно были здесь». Я все еще пытался собраться с мыслями, когда Денна заговорила.

— Это то, что ты ожидал найти? — спросила она.

— Это то, что я искал, — сказал я. «Чандрианы были здесь меньше

суток назад». — Но я не ожидал этого. В смысле, когда ты ребенок и ищешь зарытый клад, ты не ожидаешь его найти. Ты ищешь деннерлингов и фейри в лесу, но не находишь их. — «Они убили мою труппу и убили эту свадьбу». — Адское пламя, я ищу тебя в Имре все время, но на самом деле не ожидаю найти тебя... — Я умолк, поняв, что болтаю вздор.

Денна рассмеялась, и напряжение словно вылилось из нее с этим смехом. В нем не было ни капли насмешки, только веселье.

— Значит, я потерянное сокровище, а то и фейелинг?

— Ты и то и другое. Спрятанное, драгоценное, то, что часто ищут, но редко находят. — Я поднял на нее глаза; мой разум почти не контролировал то, что вылетало изо рта. — В тебе также много от феи. — «Они реальны. Чандрианы реальны». — Тебя никогда нет там, где я тебя ищу, а потом ты появляешься совершенно неожиданно. Как радуга.

Весь последний год я таил в глубинах сердца молчаливый страх. Временами я опасался, что память о гибели моей труппы и чандрианах была странным горестным сном, созданным моим умом, чтобы помочь мне справиться с потерей всего моего мира. Но теперь я получил нечто вроде доказательства. Они реальны. Моя память не врет. Я не сумасшедший.

— Когда я был маленький, я как-то вечером целый час бежал за радугой. Потерялся в лесу, родители были в бешенстве. А я думал, что могу ухватить ее. Я видел, где она касалась земли. Вот и с тобой так же...

Денна коснулась моей руки. Я почувствовал через рубашку внезапное тепло ее ладони. Глубоко вдохнул запах ее волос, теплых от солнца, запах зеленой травы и ее чистого пота, ее дыхания и яблок. Ветер прошелестел в ветвях и приподнял прядь Денниных волос так, что она мазнула меня по лицу.

Только когда внезапная тишина наполнила поляну, я осознал, что уже несколько минут из меня льется непрерывный поток бездумной болтовни. Я покраснел от смущения и огляделся, внезапно вспомнив, где нахожусь.

— Глаза у тебя были немного безумные, — мягко сказала Денна. — Кажется, раньше я ни разу видела тебя не в себе.

Я сделал еще один медленный вдох.

— Я все время не в себе, — сказал я. — Просто не показываю этого.

— Прямо мой случай. — Она отступила на шаг, ее рука медленно проскользила по моей и упала. — И что теперь?

— Я... понятия не имею. — Я бессмысленно огляделся.

— Тоже на тебя не похоже, — сказала она.

— Мне бы глоток воды, — сказал я и застенчиво улыбнулся от того, как по-детски это прозвучало.

Денна улыбнулась мне в ответ.

— Для начала неплохо, — поддразнила она меня. — А потом?

— Я бы хотел знать, почему они напали на это место.

— «Вот бы вывести их планы»? — Она посерьезнела. — У тебя не бывает ничего среднего. Все, что тебе нужно, — глоток воды и ответ на вопрос, который народ пытается разгадать с тех пор, как... да целую вечность.

— А что, ты думаешь, здесь произошло? — в который уже раз повторил я. — Кто, по-твоему, убил их всех?

Денна скрестила руки на груди.

— Не знаю. Это могло быть все, что... — Она остановилась, прикусив нижнюю губу. — Нет. Вранье, — наконец сказала она. — Странно говорить такое, но я думаю, это были они. Звучит как сказочка, так что не хочется верить... Но я верю. — Она тревожно посмотрела на меня.

— Я прямо-таки почувствовал себя лучше. — Я улыбнулся и встал. — А то уж я думал, что немного повредился в уме.

— Тоже может быть, — сказала Денна. — Я не слишком хороший пробный камень, чтобы оценивать твою нормальность.

— А ты чувствуешь себя сумасшедшей?

Она покачала головой, изогнув уголок губ в полуулыбке.

— Нет. А ты?

— Не особенно.

— И хорошо и плохо — как посмотреть, — решила она. — Как же ты предлагаешь нам решать эту тайну веков?

— Мне надо немного подумать, — сказал я. — Кстати, давай-ка поищем твоего таинственного мастера Ясеня. Я сгораю от желания задать ему несколько вопросов о том, что он увидел на ферме Маутенов.

Денна кивнула.

— Думаю, надо вернуться туда, где он меня оставил, за тот камень, и посмотреть между ним и фермой. — Она пожала плечами. — Невеликий план...

— Зато хоть есть, с чего начать, — сказал я. — Если он вернулся и обнаружил, что ты исчезла, он мог оставить след, а мы его можем взять.

Денна повела меня через лес. Здесь было теплее: деревья сдерживали ветер, а поскольку многие из них почти оголились, вниз просачивалось солнце. Только высокие дубы все еще прикрывались листвой, как скромничающие старики.

Пока мы шли, я попытался придумать, какую причину могли чандрианы найти, чтобы убить всех этих людей. Было ли какое-нибудь

сходство между этой свадьбой и моей трупой?

«Чи-то родители пели совсем неправильные песни...»

— Что ты пела той ночью? — спросил я. — Для гостей.

— Как обычно, — ответила Денна, пиная груды листьев. — Праздничные благоглупости. «Свистульку», «Приходи на речку мыться», «Горшок с медным дном». — Она фыркнула: — «Лоханку тети Эмме»...

— Да ты что! — негодуяще воскликнул я. — На свадьбе?

— Пьяный дедушка очень просил. — Она пожала плечами, пробираясь через густые заросли желтеющего бойликрова. — Было несколько поднятых бровей, но немного. Народ здесь не слишком возвышенный.

Мы прошли еще немного в тишине. Ветер шуршал высоко в ветвях, но там, где шли мы, он звучал едва слышным шепотком.

— Кажется, я никогда раньше не слышал «Приходи на речку»...

— А я-то думала... — Денна посмотрела на меня через плечо. — Ты хитришь, пытаешься заставить меня спеть тебе?

— Конечно.

Она повернулась и тепло мне улыбнулась, прядь волос упала ей на лицо.

— Может быть, позже. Отплачу за ужин. — Она обошла вокруг высокого зубца темного камня. Здесь, в тени, было холоднее. — Вроде бы он оставил меня здесь, — сказала она, неуверенно оглядываясь. — Днем все выглядит по-другому.

— Ты хочешь искать по дороге к ферме или ходить отсюда кругами?

— Кругами, — ответила она. — Но тебе придется показать мне, что следует искать. Я девочка городская.

Я быстро показал Денне то небольшое, что знал о лесе: почву, где сапог может оставить след, явно потревоженные кучи листьев, через которые прошла она сама, сломанные и оборванные ветки бойликрова там, где она пробиралась.

Мы не отходили друг от друга далеко, поскольку две пары глаз лучше одной, а бродить в одиночку никто из нас не рвался. Мы искали и искали, отходя от камня по все более длинным дугам.

Через пять минут я понял тщетность этих поисков — леса было просто слишком много. Я не сомневался, что и Денна быстро пришла к тому же выводу. Сказочные ключики, которые мы надеялись найти, снова не пожелаали нам показываться. Не было ни оторванных клочков ткани, застрявших на ветках, ни глубоких отпечатков сапог, ни покинутых кострищ. Мы нашли много грибов, желудей, комаров и кучку енотьего дерьма, тщательно закопанного в листья.

— Ты слышишь воду? — спросила Денна.

Я кивнул.

— Наконец-то я смогу попить, — сказал я. — И немного помыться.

Мы без слов оставили наши розыски: ни один из нас не желал признавать, что хочет бросить их, но оба уже понимали, насколько они бессмысленны. Мы двинулись вниз по склону холма, на звук бегущей воды, и наконец, протиснувшись через плотный ряд сосен, вышли к прелестному глубокому ручью метров пяти шириной.

В этой воде не чувствовалось запаха отходов литейной, так что мы напились и наполнили мою бутылку.

Я хорошо знал строй сказок и историй. Если юная парочка приходит к реке, то дальше все происходит по определенному сценарию. Денна будет купаться на песчаном участке берега с другой стороны ели, невидимая мне. Я отойду на некоторое расстояние, также невидимый, но в пределах слышимости. Потом... что-нибудь случится. Она поскользнется и подвернет ногу или порежется об острый камень, и мне придется броситься к ней. А потом...

Но это не была история о встрече двух юных влюбленных у реки. Так что я немного поплескал себе водой в лицо и переоделся за деревом в чистую рубашку. Денна окунула в воду голову, чтобы освежиться. Ее блестящие волосы струились, как черная тушь, когда она их выжимала.

Потом мы сидели на камне, опустив ноги в воду, отдыхали и наслаждались обществом друг друга. Мы разделили яблоко, передавая его друг другу и откусывая по очереди — занятие, близкое к поцелуям, если вы никогда не целовались раньше.

И после недолгих подначек Денна спела для меня. Один куплет из «Приходи на речку» — куплет, которого я раньше никогда не слышал и который, подозреваю, она сочинила прямо на ходу. Я не буду повторять его здесь, поскольку она спела его мне, а не вам. И раз это не история о встрече двух юных влюбленных у реки, он не имеет здесь особенного значения, и я придержу его для себя.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

СВИНЬКИ

Вскоре после того, как яблоко закончилось, мы с Денной вытащили ноги из воды и собрались уходить. Я подумывал остаться босиком, потому что ноги, которые бегали босыми по крышам Тарбеана, могут не опасаться ран даже на самом жестком лесном ковре. Но, не желая выглядеть невоспитанным, все же надел носки, хоть они и были влажные и липкие от пота.

Я уже зашнуровывал башмак, когда услышал слабый шум в лесу, где-то за группой невысоких пышных сосен.

Тихонько я потянулся к Денне, чуть коснулся ее плеча, чтобы привлечь ее внимание, и приложил палец к губам.

«Что?» — одними губами спросила она.

Я подошел поближе, ступая аккуратно, чтобы создавать как можно меньше шума.

— Кажется, я что-то слышу, — сказал я ей на ухо. — Надо пойти взглянуть.

— Демона с два, — прошептала она. Ее лицо под тенью сосен было бледно. — Именно это Ясень сказал мне перед тем, как уйти. Будь я проклята, если ты тоже исчезнешь.

Я не успел ответить. Послышалось новое движение среди деревьев: зашуршали кусты, резко хрустнула сухая сосновая ветка. Шум становился громче, и я разобрал звук чего-то большого и тяжело дышащего. Потом глухое животное ворчание.

Не человек. Не чандриан. Мое облегчение было коротким, поскольку я услышал ворчание и звук принюхивания. Дикий кабан, вероятно, идущий к реке.

— Спрячься за меня, — сказал я Денне.

Большинство людей не понимают, насколько кабаны опасны, особенно осенью, когда самцы дерутся между собой, доказывая свою удаль. Симпатия мне сейчас не поможет: у меня нет ни источника, ни связи, даже крепкой палки нет. Отвлечет ли его пара яблок?

Кабан выломился из-под низко нависших ветвей ближайшей сосны. Весил он раза в два больше меня. Осмотревшись и заметив нас, кабан издал громкий утробный рык, поднял голову и зашевелил ноздрями, пытаясь

уловить наш запах.

— Не беги, а то он побежит за тобой, — сказал я тихонько, медленно закрывая собой Денну. Поскольку ничего другого под рукой не нашлось, я вытащил свой складной нож и открыл его большим пальцем. — Отступай и заходи в реку. Они плохо плавают.

— Не думаю, что она опасна, — сказала Денна за моей спиной обычным голосом. — Она скорее любопытна, чем зла. — Денна помолчала. — Не то чтобы я не оценила твой благородный порыв...

Со второго взгляда я понял, что она права. Это была свинья, а не кабан, и под слоем грязи проглядывала розовая шкура домашней свиньи, а не бурая щетина дикой. Заскучав, свинья опустила голову и принялась рыться в кустах под соснами.

Только тогда я понял, что припал к земле, выставив одну руку, как борец. В другой руке я сжимал свой жалкий складной нож, такой маленький, что мне приходилось делать несколько надрезов, чтобы располовинить крупное яблоко. Еще хуже — на мне был только один башмак. Я выглядел смешно — и безумно, как Элодин в его худший день.

Мое лицо вспыхнуло. Я понял, что красен, как свекла.

— Тейлу милосердный, я чувствую себя идиотом.

— На самом деле все это весьма лестно, — сказала Денна. — Не припомню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь бросался на мою защиту раньше — разве что в трактирах выпендривались, причем довольно противно.

— Конечно-конечно. — Я натягивал второй носок и башмак, старательно не глядя ей в глаза. — Это же мечта каждой девушки, чтобы ее спасли от чьей-то любимой свинки.

— Я серьезно. — Я посмотрел на Денну и увидел на ее лице веселье, но не насмешку. — Ты выглядел... свирепым. Как волк, оцетинившийся каждой шерстинкой. — Она запнулась, глядя на мою голову. — Или, скорее, лис. Для волка ты слишком рыжий.

Я немного успокоился: оцетинившийся лис лучше помешанного полуобутого идиота.

— Однако нож ты держишь неправильно, — буднично заметила Денна, кивнув на мою руку. — Если ты пырнешь кого-нибудь, твой захват соскользнет и ты разрежешь себе большой палец. — Протянув руку, она чуть передвинула мои пальцы. — Если держишь вот так, палец останется целым. Обратная сторона — много теряешь в подвижности запястья.

— Ты так часто дерешься ножом? — ошеломленный, спросил я.

— Не настолько, как можно подумать, — криво улыбнулась она. — Это еще одна страница из той затрепанной книжонки, которой вы,

мужчины, так любите пользоваться при уходе за нами. — Она раздраженно закатила глаза. — И перечить не могу мужчинам, которые пытались похитить мою добродетель, уча меня, как ее защищать.

— Никогда не видел, чтобы ты носила нож, — заметил я. — Почему?

— А зачем бы мне носить нож? — спросила Денна. — Я же нежный цветок и все такое. Женщина, которая разгуливает с ножом, явно напрашивается на неприятности. — Она сунула руку в карман и вытащила длинную изящную полосу металла, остро отблескивающую с одной стороны. — Однако женщина, которая носит с собой нож, готова к неприятностям. В общем, проще казаться безобидной. Меньше проблем получается.

Только ее будничным тоном не позволил мне вздрогнуть. Ее нож, хоть и ненамного больше моего, был не складной — прямой кусок металла с рукоятью, оплетенной тонкой кожей. Он явно предназначался не для еды и не для выполнения всяких работ около костра. Он больше походил на бритвенно-острые хирургические инструменты из медицины.

— А как ты носишь его в кармане и не режешься? — спросил я.

Денна повернулась вполоборота и посмотрела на меня.

— Мой карман идет вдоль шва, внутри. Он прилегает к ноге, вот почему нож такой плоский. Так что нельзя увидеть, что я его ношу. — Она сжала обернутую кожей рукоять и выставила нож перед собой, показывая мне: — Вот так. Надо держать большой палец вдоль плоскости.

— Ты пытаешься похитить мою добродетель, уча меня, как ее защищать? — спросил я.

— Как будто у тебя есть добродетель, — рассмеялась Денна. — Я пытаюсь спасти от порезов твои красивые руки, когда ты в следующий раз будешь защищать девушку от свиньи. — Она склонила голову набок. — Кстати, ты знаешь, что, когда злишься, твои глаза...

— Ау-у, свиньки! — раздался из-за деревьев голос, сопровождаемый унылым бряканьем колокольчика. — Свинь-свинь-свинь...

Огромная свинья подняла голову и потрусила через кусты на голос. Денна улучила момент и убрала нож, пока я поднимал дорожную сумку.

Мы последовали за свиньей и вскоре заметили ниже по ручью человека, вокруг которого толкалось с полдюжину крупных свиней. Были среди них и старый щетиный боров, и куча разновозрастных поросят, путавшихся под ногами.

Свинопас подозрительно уставился на нас.

— Приве-ет! — прокричал он. — Да не бойтесь. Энти не кусят.

Он был тощий, с выдубленной солнцем кожей и всклоченной

бородой. На длинной палке висел грубый бронзовый колокольчик, а на плече болтался потрепанный мешок. Пахло от него лучше, чем можно было ожидать, поскольку свиньи на выпасе чище, чем в загонах. Даже если бы он вонял, как загонная свинья, я бы не смог его в этом упрекнуть, поскольку наверняка мне в некоторые периоды жизни случалось пахнуть куда хуже.

— Мне штой-то прислышалось тама, у воды, — сообщил свинопас с таким сильным шикающим акцентом, что я еле понял его слова. Моя мать называла это говором дальних долин, поскольку найти его можно только в городках, почти не имеющих контактов с внешним миром. Даже в маленьких сельских городишках вроде Требона народ в наши дни уже не говорит так. Я, проживший столько времени в Имре и Тарбеане, не слышал подобного невнятного говора многие годы. Этот парень, похоже, вырос в действительно отдаленном месте, возможно, затерянном где-то в горах.

Свинопас подошел поближе и угрюмо оглядел нас.

— Шо эт вы оба-два тута делаете? — подозрительно спросил он. — Мне пошудилось, шо кто-то пел.

— А, эт сеструха моя, — сказал я, кивая на Денну. — У ней чудный голос, дык далеко слыхать. — Я протянул руку. — Страшно рад познакомицца, сэр. Меня звать Коуф.

Услышав мою речь, свинопас отпрянул, и добрая половина подозрительности сошла с его лица.

— Я тож рад, маастр Коуф, — сказал он, трясая мою руку. — Редко случайца встретить парня, штоб пральна грил. Энти при портах бубнят как шерсти в рот набили.

Я рассмеялся:

— Папаша мой грил: «Шерсть во рте — шерсть в балде».

Он ухмыльнулся и потряс мою руку.

— Меня звать Скойван Чиммельпфеннег.

— Да у тя имечко, как у короля, — восхитился я. — Ты не больно обидисся, коли я тя до Чима сокращу?

— Дык все дружки мои так, — ухмыльнулся он, похлопав меня по спине. — И для ребят навроде вас Чим ладно будет. — Он перевел взгляд с меня на Денну и обратно.

Денна, к ее чести, не стала делать очень уж большие глаза при внезапной перемене моей манеры говорить.

— Ну, извиняй, — сказал я, махнув в ее направлении. — Чим, эт моя сам-любимая сестра.

— Диннаех, — сказала Денна.

Я понизил голос до сценического шепота.

— Девшонка шо надо, тока ужас кака скромная. Ты от нее, поди, и словечка не добьесся...

Денна приняла свою роль без малейшего колебания: уставилась на ноги и нервно сцепила пальцы. Она подняла глаза ровно настолько, чтобы улыбнуться свинопасу, потом снова их опустила, изобразив столь правдоподобную картину стыдливости, что даже я ей почти поверил.

Чим вежливо коснулся своего лба и кивнул.

— Рад познакомиться, Диннаех. В жизнь я не слышал такого чудного голоса, — сказал он, снова водружая бесформенную шляпу на голову. Поскольку Денна на него по-прежнему не смотрела, он повернулся ко мне.

— Здорово за стадом ходишь. — Я кивнул на свиней, бродящих среди деревьев.

Свинопас, ухмыльнувшись, покачал головой.

— Эт не стадо. У овец да коров стадо. А свиньки — у них гурт.

— Правда, што ль? — удивился я. — А шо, друг Чим, можно у тя поросю купить? А то мы с сестрой седни не обедали...

— Может, и можно, — осторожно ответил он, сверкнув глазами в сторону моего кошелька.

— Коли ты его для нас освежуешь, я те дам четыре йоты, — сказал я, зная, что это щедрая цена. — Но тока ты окажи нам честь и подели его с нами.

Это была осторожная проба воды. Люди на одиночных работах, вроде пастухов или свинопасов, обычно или избегают общения, или изнывают по разговорам. Я надеялся, что Чим окажется из вторых. Мне нужна была информация о свадьбе, а народ в городке, похоже, говорить об этом не особенно стремился.

Я хитро улыбнулся свинопасу, сунул руку в сумку и показал бутылку бренда, купленную у лудильщика.

— У меня даж тут есть кой-што на такой случай. Коли ты не прочь чуток поболтать с парочкой путников прямо среди дня...

Денна подхватила свою роль и подняла глаза как раз вовремя, чтобы поймать взгляд Чима, робко улыбнуться и снова опустить ресницы.

— Ну, мамаша-то моя мя прально воспитала, — благочестиво сказал свинопас, кладя руку себе на грудь. — Я ваше не пью, только от жажды или когда ветер дует. — Он театрально сорвал с головы бесформенную шляпу и отвесил нам полупоклон. — Вы вроде люди хорошие, дык я рад буду с вами вместе отобедать.

Схватив за шиворот молодую «свиньку», Чим увел ее в сторону и там заколол и разделал с помощью длинного ножа, извлеченного из сумки. Я расчистил листья и сложил несколько камней, чтобы сделать очаг.

Через минуту пришла Денна с охапкой хвороста.

— Думаю, мы собираемся выкачать из этого парня всю информацию, какую сможем? — тихонько спросила она поверх моего плеча.

Я кивнул.

— Извини за «робкую сестру», но...

— Да нет, отличная была мысль. Я не слишком бегло говорю по-деревенски, а он скорее откроется тому, кто говорит. — Ее глаза блеснули за моей спиной. — Он почти закончил. — И Денна ушла к реке.

Я тайком использовал симпатию, чтобы разжечь огонь, пока Денна соорудила пару вертелов из раздвоенных веток ивы. Тут и Чим вернулся с поросенком, аккуратно разделенным на четыре части.

Я достал бутылку бренда и передавал ее по кругу, пока поросенок жарился над огнем, капая жиром в угли. Я изображал, что пью, просто поднимая бутылку и смачивая губы. Когда бутылка перешла к Денне, она тоже едва пригубила, но ее щеки после этого порозовели. Ветер дул, а Чим держал свое слово — так что скоро нос свинопаса приобрел приятный глазу красный цвет.

Мы с Чимом болтали о всяких пустяках, пока поросенок покрывался хрустящей корочкой. Чем больше я слушал, тем глубже говор свинопаса западал в мое сознание, и мне теперь уже не приходилось так сосредотачиваться на собственном произношении. К тому времени, когда поросенок был готов, я уже едва замечал Чимов акцент.

— А ты здорово с ножом управляйся, — отвесил я комплимент Чиму. — Тока пошто ты прям тута маленька уделал, прочие-то свиньки рядом...

Он покачал головой.

— Свиньки — тварюки подлые. — Он показал на свинью, трусившую к тому месту, где он разделявал поросенка. — Вишь? Она за лехкими евоными идет. Свиньки умные, да тока ни хрена не душевные.

Объявив, что поросенок почти готов, Чим принес круглую буханку фермерского хлеба и разделил ее на три части.

— Кто ж баранину станет лопать, када есть добрый шмат свининьки? — Он встал и начал резать поросенка своим длинным ножом. — Чаво вам хотца, молода леди? — обратился он к Денне.

— Да я не больно-та разборчива, — ответила она. — Возьму, шо

дадите.

Я порадовался, что Чим не смотрел на меня, когда она заговорила. Ее акцент не был идеален: немного длинноватые «о» и слишком напряженное горло, — но весьма, весьма хорош.

— Да неча стесняцца-та, — сказал Чим. — Тута всем хватит.

— Я-то все задние части люблю, — сказала Денна, краснея от смущения и опуская глаза. «О» на этот раз получились получше.

Чим показал свою истинно джентльменскую натуру, воздержавшись от грубых комментариев, и положил ей на хлеб толстый шмат дымящегося мяса.

— Пальчики-та побереги. Погодь минутку, штоб остыло.

Все вгрызлись в еду. Чим отрезал еще по куску, потом еще. Скоро мы уже облизывали жир с пальцев и подъедали крошки. Я решил приступить к делу. Если Чим сейчас не готов немного посплетничать, то не будет готов никогда.

— Я шо дивлюсь: шо ты тута ходишь, када таки дела творяцца...

— А шо за дела? — спросил он.

Он еще не знает об ужасной свадьбе. Отлично. Он не сможет дать мне сведений о самом нападении, зато с удовольствием поговорит о событиях, предшествовавших свадьбе. Даже если не все люди в городке перепуганы до смерти, вряд ли я смогу найти кого-нибудь, кто честно и откровенно расскажет мне о погибших.

— Да я тута слыхал, какая-то беда на ферме Маутенов стряслася, — сказал я, подавая информацию как можно более расплывчато и безобидно.

Чим фыркнул.

— Не скажу, штоб эт меня хоть чуток подивило.

— Эт почему?

Он сплюнул в сторону.

— Маутены — прям шайка отморозков, и все у их так. — Он снова потряс головой. — Я-т держусь подальше от Стохробника, потому как маманя-то вколотила в мя чуток здравого смысла. А у Маутенов-то и того нету.

Пока я не услышал, как Чим с его невнятным акцентом произносит название места, я не мог понять, почему оно так зовется. Оказалось, холм называется не «Стогородник» и вообще никакого отношения к воде не имеет. Это был «гробник» — курган, могильный холм.

— Я даж свинек своих тама не пасу, а этот дурной гад дом выстроил... — Чим с отвращением покачал головой.

— А народ-то, што ль, их не остановил? — подсказала Денна.

Свинопас издал непристойный звук.

— Маутен-то не больно слухал. Ништо так человеку уши не затыкает, как денежки.

— Дык это ж тока дом, — возразил я. — Кака в том беда?

— Папаша хотел, штоб у дочери был славный дом да вид хороший — эт-то ничего бы, — согласился Чим. — Но уж коли копашь яму под дом да находишь кости и не останавливаешься... Эт уж совсем дурь.

— Да ну! — в ужасе воскликнула Денна.

Чим кивнул, наклоняясь вперед.

— И кабы это самое худшее было. Он дальше стал копать да в камни уткнулся. И шо, остановився? — Он фыркнул. — Он их вытащил да и дом из их сложил.

— А шо б ему не взять эти камни, коли он их нашел? — спросил я.

Чим поглядел на меня, как на придурка.

— Ты б стал строить дом из могильных камней? Ты б взял шото из могилы, штоб дочери своей на свадьбу подарить?

— Он что-то нашел? Что это было? — Я передал ему бутылку.

— Ну, то ж страшный секрет, панимашь, — язвительно сказал Чим, отхлебывая из бутылки. — Шо я слышал, так энто шо он копал яму да вытащил камни. Потом маленьку каменну комнату нашел, вся накрепко замурована была. Но он всех заставил рот на замке держать об том, шо он в ней нашел, потому как хотел, штоб это сюрприз был такой на свадьбе.

— Богатства, што ль, какие? — любопытствовал я.

— Да не деньги. — Чим потряс головой. — Об энтом бы не стал молчать. Эт было, видать, шото вроде... — Его рот приоткрылся и закрылся, не найдя слов. — Ну, как зовутся таки штуки, как богатеи на полку ставят, штоб ихние дружки дивились?

Я беспомощно пожал плечами.

— Драгоценности, што ль? — подсказала Денна.

Чим приложил палец к носу, потом указал на нее и заулыбался.

— Ага, оно. Всякие блестящие штуки, штоб народ дивить. Он бахвалицца-та любит, Маутен-то.

— Так никто и не знал, што эт было? — спросил я.

Чим кивнул.

— Едва горстка наберецца: Маутен, да брат его, сынки евоны, двое, да жинка мож. Они все перед всеми выхвалялися большим секретом, полгода аж. Как попы надувались.

Это выставляло все в новом свете. Мне нужно было попасть обратно на ферму и заново все осмотреть.

— А вы тут видали кого сегодня? — спросила Денна. — Мы дядьку моего ищем.

Чим покачал головой.

— Да вроде никого не попадалось.

— Я из-за него прям извелася, — настаивала она.

— Да я б те врать не стал, милашка, — развел руками свинопас. — Есть пошто тревожицца, коли он один в энтих лесах.

— А што, здесь дурной народ бродит? — спросил я.

— Да не, не шо вы подумали, — замахал руками Чим. — Я-т сюда не спускаюся аж до осени, раз в году тока. Свинькам пожрать здесь хорошо, тока потому. Странные штуки здесь бывают, в лесах энтих. Особливо там, к северу.

Он посмотрел на Денну, потом снова на свои ноги, явно неуверенный, стоит ли продолжать.

Это было именно то, что я стремился узнать, так что я пренебрежительно отмахнулся от комментария свинопаса, надеясь его спровоцировать.

— Да што ты тут сказочки нам задвигаешь, Чим?

Чим нахмурился.

— Да вона две ночи назад я встал, штоб... — он бросил взгляд на Денну, заколебавшись, — ну, по делам своим, так на севере огонь увидал. Синим полыхнуло. Будто костер большущий, тока сразу появился. — Он стиснул пальцы. — Потом все пропало. И так три раза. Прям вся спина задубела.

— Две ночи назад? — переспросил я. Свадьба была всего лишь прошлой ночью.

— Я ж сказал, две, — оскорбленно заявил Чим. — Я-т с тех пор все на юг шел. Я в такие дела не лезу, када синий огонь по ночам.

— Чим, правда што ль, синий огонь?

— Парень, я ж не враль-руэ какой, штоб байки плести да пенни у людей выманивать, — заявил он, явно раздраженный. — Да я всю жизнь в энтих холмах прожил. Всяк знает: шо-то есть в северных скалах. Потому народ туды не больно-то ходит.

— А ферм там, што ль, нету? — спросил я.

— Да на тех скалах и места для ферм нету, коли ты не камни растишь, — запальчиво ответил он. — Шо думать, я свечу от костра не отличу? Синий был, точно те говорю. Здоровы такие вспышки. — Он изобразил нечто большое обеими руками. — Как када выпивкой в огонь плеснешь.

Я перевел беседу на другую тему. Вскоре Чим тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

— Свиньки-то тута уж все обожрали поди, — сказал он, беря посох и тряся его так, чтобы колокольчик забрякал погромче. Свиньи послушно потрусили к нему со всех сторон. — Лу-у, свиньки! — крикнул он. — Свинь-свинь-свинь! Идись-ка, пошшитамся!

Я завернул остатки жареного поросенка в кусок мешковины, а Денна несколько раз сбегала с бутылкой к воде и затушила костер. К тому времени, как мы закончили, Чим привел свой гурт в порядок. Он оказался обширней, чем я думал: больше двух десятков взрослых свиней, да еще поросята и боров с седой щетинистой спиной. Чим коротко помахал нам и без единого слова двинулся прочь. Колокольчик на его посохе брякал при каждом шаге, и свиньи трусили за ним неплотной толпой.

— Как-то не слишком тонко получилось, — заметила Денна.

— Мне пришлось его немного подтолкнуть, — сказал я. — Суеверный народ не очень-то любит говорить о том, чего боится. Он собирался уже замолчать, а мне нужно было знать, что он видел в лесу.

— Я бы вытащила это из него, — сказала она. — Еще немного мух в меду и все такое.

— Да, ты бы, наверное, могла, — признал я, закидывая за спину сумку. — Но ты вроде говорила, что не умеешь по-деревенски.

— У меня ухо пересмешника, — сказала она, равнодушно пожимая плечами. — И всякие такие штуки я ловлю на лету.

— Подивился я зна-атно... — Я сплюнул. — Проклятье, я целый оборот буду избавляться от этого акцента. Будто хрящ в зубах застрял.

Денна уныло озидала окрестный пейзаж.

— Полагаю, нам следует вернуться к ползанию по кустам. Найти моего покровителя и ответы на твои вопросы.

— На самом деле смысла нет, — сказал я.

— Я знаю, но не могу все бросить, даже не попытавшись.

— Я не это имею в виду. Смотри... — Я указал туда, где свиньи копались в грязи и листьях, ища что-нибудь съестное. — Его свиньи пасутся повсюду. Даже если след и был, мы его теперь ни за что не найдем.

Денна испустила усталый вздох.

— В той бутылке что-нибудь осталось? — спросила она. — Моя голова все еще болит.

— Я идиот, — сказал я, оглядываясь. — Лучше бы ты сказала об этом раньше. — Я подошел к молодой березе, отрезал несколько длинных полосок коры и принес Денне. — Внутренняя сторона бересты — хороший

болеутолитель.

— А ты полезный спутник. — Она отколупнула ногтем кусочек бересты и положила его в рот. Потом наморщила нос: — Горько.

— Так и можно узнать настоящее лекарство, — сказал я. — Если бы оно было приятно на вкус, это была бы конфета.

— Разве не все в мире так? — задумчиво проговорила Денна. — Мы хотим сладкого, но нуждаемся в горьком. — Она улыбнулась одними губами. — Кстати, как будем искать моего покровителя? Я открыта для предложений.

— У меня есть идея, — сказал я, забрасывая на плечо сумку. — Но сначала нам нужно вернуться на ферму. Мне надо еще раз взглянуть кое на что.

Мы направились обратно на вершину Гробника, и я наконец понял, почему он получил свое имя. Странные, неправильной формы глыбы виднелись там и сям, хотя других скал поблизости не было. Теперь, когда я искал эти камни, пропустить их было невозможно.

— На что именно тебе надо взглянуть? — спросила Денна. — Помни, что, если ты пойдешь в дом, мне придется задержать тебя силой.

— Посмотри на дом, — сказал я. — Теперь на скалу, которая торчит из-за деревьев позади него. — Я ткнул пальцем. — Скалы здесь темные...

— ...А камни дома серые, — закончила она.

Я кивнул.

Денна смотрела выжидающе.

— И что же это значит? Он и говорил, что они нашли камни от гробника.

— Но здесь нет гробников, — сказал я. — Люди делают их в Винтасе, там такая традиция. Или в низких болотистых местах, где нельзя выкопать могилу. Мы, наверное, километрах в восьмистах от настоящих гробников.

Я подошел поближе к дому.

— Кроме того, гробники не делают из камня. Даже если бы и делали, то не брали бы обработанные камни вроде этих. Они привезены издалека. — Я пробежался рукой по гладкой кладке стены. — Потому что кто-то хотел построить нечто, что долго простоит. Что-то прочное. — Я повернулся к Денне. — Думаю, здесь засыпана древняя горная крепость.

Денна пораздумывала над этим секунду.

— Зачем тогда называть это место Гробником, если здесь нет настоящих гробников?

— Возможно, потому что народ здесь никогда не видел настоящего

гробника, а только слышал о них в сказках. Когда они находят холм с огромными глыбами на нем... — я показал на странные бугры, — получается Гробник.

— Но здесь же ничего нет. — Она бесцельно оглянулась. — Тут самый край...

— Сейчас да, — согласился я. — Но когда это все строили? — Я показал на проплешину между деревьев, к северу от сожженной фермы. — Пойдем заглянем туда на минутку. Я хочу еще кое на что посмотреть.

Прогулка до деревьев на северном гребне холма открыла великолепный вид на лежащие внизу земли. От красно-желтого разноцветья осенних листьев перехватывало дыхание. Я увидел несколько домов и амбаров, окруженных золотыми полями или бледной зеленью пастбищ с белыми пятнышками овец. Разглядел ручей, где мы с Денной полоскали ноги.

Взглянув на север, я увидел скалы, о которых упоминал Чим. Земля здесь выглядела совсем жесткой и неприютной.

Я покивал своим мыслям.

— Отсюда все видно на пятьдесят километров, в любом направлении. Единственный холм с лучшим обзором — вон тот. — Я указал на высокий холм, заслоняющий вид дальних скал. — А он практически сходится в точку. Его вершина слишком узка для приличной крепости.

Денна задумчиво огляделась и кивнула.

— Ну ладно, уговорил. Здесь была горная крепость. И что дальше?

— Ну, я бы хотел забраться на вершину того холма, прежде чем разбивать лагерь на ночь. — Я указал на узкий высокий холм, который сейчас скрывал часть утесов от нашего взора. — Здесь всего километра два-три, и если в северных скалах происходит что-нибудь странное, мы оттуда прекрасно это разглядим. — Я подумал секунду. — Кроме того, если мастер Ясень находится где-нибудь в радиусе тридцати километров, он сможет увидеть наш огонь и прийти к нам. Если он предпочитает держаться тише воды ниже травы и не желает идти в город, то к костру, возможно, все-таки подойдет.

Денна снова кивнула.

— Это, конечно, куда лучше прочесывания окрестностей.

— У меня бывают озарения, — сказал я, широким жестом указывая вниз по склону. — Пожалуйста, дамы вперед.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЕВОДНЫЙ КАМЕНЬ

Несмотря на усталость, мы с Денной шли быстро и поднялись на вершину северного холма, как раз когда солнце садилось за горы. Хотя холм со всех сторон окружали деревья, его вершина была голой, как макушка священника. Вид открывался на все стороны, захватывая дух. Меня огорчало лишь то, что, пока мы шли, нанесло облака и небо стало серым и плоским, как слюда.

На юге я разглядел несколько маленьких ферм. Ручьи и узкие дороги извилистыми линиями прорезали перелески. Западные горы стояли далекой стеной. На юго-востоке я рассмотрел дымок, поднимающийся в небо, и приземистые бурые дома Требона.

Повернувшись лицом к северу, я увидел, что свинопас говорил правду: в том направлении не было никаких признаков человеческого жилья. Ни дорог, ни ферм, ни дыма из трубы — только суровая земля, голые скалы и деревья, жмущиеся к утесам.

На вершине холма обнаружилась только группа серовиков. Три массивных камня, сложенные вместе, образовывали огромную арку, похожую на исполинскую дверь. Еще два лежали на боку, словно отдыхая в густой траве. Их присутствие показалось мне успокаивающим, как неожиданно встреченная компания старых друзей.

Денна села на один из упавших серовиков, а я все стоял, разглядывая округу. Я почувствовал на лице слабые брызги дождя и, пробормотав ругательство, надвинул капюшон.

— Он долго не продлится, — сказала Денна. — Так было последние два вечера. Облака собираются, капает полчасика, а потом все заканчивается.

— Прекрасно, — ответил я. — Ненавижу спать под дождем.

Я поставил дорожную сумку с подветренной стороны одного из серовиков, и мы вдвоем начали разбивать лагерь. Каждый занимался своим делом, как будто мы вместе устраивались на ночлег уже сотню раз. Денна расчистила место для очага и собрала камни. Я принес охапку дров и быстро развел костер. В следующий раз я собрал немного шалфея и выкопал пару диких луковиц, которые приметил по пути на холм.

Дождь сначала усилился, а потом сошел на нет, и я начал готовить

ужин. В своем маленьком котелке я сварил похлебку из свинины, оставшейся с обеда, моркови, картошки и найденных луковиц. Приправив все это солью, перцем и шалфеем, я подогрел лепешку на огне и взломал воск, запечатывавший сыр. Напоследок я засунул между горячими камнями два яблока. Они испекутся как раз к десерту.

К тому времени, как ужин был готов, Денна натаскала небольшую гору хвороста. Я расстелил свое одеяло, и мы сели есть. Денна отпускала одобрительные замечания насчет еды.

— Девушка ведь может и привыкнуть к такому обращению, — наконец сказала она, когда мы покончили с ужином. Она расслабленно откинулась на серовик. — Если бы тут была твоя лютня, ты бы спел мне на сон грядущий и вышло бы совсем идеально.

— Сегодня утром я встретил на дороге лудильщика, и он хотел продать мне бутылку фруктового вина, — сказал я. — Надо было ловить момент.

— Я люблю фруктовое вино, — заметила Денна. — Оно было земляничное?

— Думаю, да, — ответил я.

— Вот что бывает, когда не слушаются лудильщика на дороге, — пожурела меня Денна с сонным видом. — Умник вроде тебя должен был слышать достаточно историй, чтобы... — Она вдруг села, указывая мне за плечо. — Смотри!

Я повернулся.

— Куда смотреть? — спросил я.

Небо было все еще полно облаков, так что окрестности казались сплошным морем черноты.

— Подожди. Может, оно... Вон!

И я увидел: вспышка синего света далеко впереди. Я вскочил и встал перед костром, чтобы он не мешал видеть. Денна встала рядом со мной, и мы ждали, затаив дыхание, еще минуту. Сверкнула новая вспышка синего огня, ярче.

— Как ты думаешь, что это было? — спросил я.

— Я уверена, что это не железные шахты — они дальше к западу, — пробормотала Денна.

Еще одна вспышка. Она вроде бы блеснула из скал, а значит, если это костер, то огромный — в несколько раз больше нашего костерка.

— Ты говорила, что у твоего покровителя есть способ подать тебе сигнал, — медленно сказал я. — Я не собираюсь испытывать, но это не...

— Нет. Ничего общего с синим огнем, — сказала она, тихо фыркнув на мое неловкое блеяние. — Кроме того, это было бы слишком мрачно даже

для него.

Мы смотрели еще некоторое время, но больше огонь не появлялся. Я взял ветку толщиной с большой палец, сломал ее пополам, потом камнем заколотил обе половины в землю, как будто колья для навеса. Денна вопросительно подняла бровь.

— Это стрелка, указывает туда, где мы видели свет, — объяснил я. — В этой темнотище я не вижу никаких ориентиров, но утром стрелка покажет нам, в каком направлении это было.

Мы вернулись обратно, я подбросил в костер еще дров, вызвав искры, замерцавшие в воздухе.

— Одному из нас, наверное, стоит остаться у огня, — сказал я. — На случай, если кто-нибудь появится.

— Я все равно не собираюсь спать, — сказала Денна. — Так что проблемы нет.

— У тебя плохо со сном?

— Со снами у меня хорошо, — сказала она таким тоном, что стало ясно: больше она на эту тему говорить не собирается.

Я нащупал бурошип, приставший к поле моего плаща, отодрал его и бросил в огонь.

— Кажется, у меня есть идея насчет того, что случилось на ферме Маутенов.

Она подняла голову:

— Рассказывай.

— Вопрос вот в чем: зачем чандрианам понадобилось нападать в этом месте в это время?

— Очевидно, из-за свадьбы.

— Но почему именно свадьба? Почему этим вечером?

— Почему бы тебе просто все не рассказать? — спросила Денна, потирая лоб. — Не пытайся раскрутить меня на внезапное озарение, как школьный учитель.

Я снова зарделся от смущения.

— Извини.

— Да ладно. Обычно мне ничто не доставляет большего удовольствия, чем остроумные пикировки с тобой, но сегодня у меня был долгий день, да еще голова болит. Давай перейдем сразу к концу...

— Это из-за того, что нашел Маутен, раскапывая древнюю горную крепость в поисках камней, — объяснил я. — Он вырыл что-то из развалин и полгода распускал об этом слухи. Чандрианы прослышали и явились, чтобы забрать это, — закончил я с ноткой гордости.

Денна нахмурилась.

— Не складывается. Если они хотели только эту штуку, они могли подождать до окончания свадьбы и просто убить новобрачных. Гораздо легче.

Ее замечание слегка приспустило мои паруса.

— Ты права.

— Больше смысла было бы, если бы они хотели избавиться от любого знания об этой вещи. Как старый король Селон, заподозривший, что регент собирается обвинить его в измене. Убил всю семью регента и сжег все их владения, чтобы убедиться, что никто никогда не найдет ни слова, ни свидетельства об этом.

Денна указала на юг.

— Поскольку все, знавшие секрет, собрались на свадьбе, чандрианы могли прийти, убить всех, кто что-либо знал, и уничтожить или забрать ту штуку, чем бы она ни была. — Она мотнула головой. — Вымели под метелку.

Я сидел совершенно ошеломленный — не столько тем, что сказала Денна, хотя, конечно, это было куда лучше моих собственных догадок, — я вспоминал, что случилось с моей родной труппой. «Чьи-то родители пели совсем неправильные песни». Но они не просто убили моих родителей. Они убили всех, кто был достаточно близко, чтобы слышать хотя бы часть песни.

Денна закуталась в мое одеяло, свернувшись клубочком и улеглась спиной к костру.

— Я оставлю тебя размышлять над моей мудростью, пока я сплю. Разбуди меня, когда тебе понадобится еще что-нибудь разгадать.

Я остался на страже, держась больше на усилении воли. У меня был долгий, изнурительный день: я проскакал сто километров и прошел еще с десяток. Но Денна была ранена и больше нуждалась в сне. Кроме того, я хотел понаблюдать, не появится ли снова на севере синий огонь.

Но вспышек больше не было. Я подкармливал костер и вяло раздумывал, волнуются ли Вил и Сим там, в Университете, из-за моего внезапного исчезновения. А что Арвил, Элкса Дал и Килвин? Поинтересуются ли они, что со мной случилось? Надо было оставить записку...

У меня не было возможности отмерять время, потому что облака все еще закрывали звезды. Но я подкладывал дрова уже в шестой или седьмой раз, когда увидел, как Денна вся напряглась и внезапно проснулась. Она не подскочила, но ее дыхание замерло, и я увидел, как ее темные глаза дико

мечутся по сторонам, словно она не понимала, где находится.

— Извини, — сказал я, больше чтобы дать ей зацепиться за что-то знакомое. — Я тебя разбудил?

Она расслабилась и села.

— Нет, я... нет. Совсем нет. Я пока не буду спать. Хочешь воспользоваться своей очередью? — Денна протерла глаза и уставилась на меня поверх огня. — Дурацкий вопрос. Выглядишь ты ужасно. — Она начала снимать с себя одеяло. — Вот...

Я отмахнулся.

— Оставь себе. Мне вполне хватит плаща. — Я надвинул капюшон и лег на траву.

— С ума сойти, какие мы джентльмены, — мягко поддразнила она, снова укутывая плечи одеялом.

Я положил руку под голову и, пока пытался придумать остроумный ответ, заснул.

Я пробудился от мутного сна о том, как пробираюсь по заполненной толпами людей улице, и увидел над собой лицо Денны, порозовевшее и резко очерченное светом костра. Как ни крути, весьма приятный способ проснуться.

Я собирался сказать что-нибудь на этот счет, но Денна приложила палец к моим губам, отвлекая меня сразу несколькими способами.

— Тихо, — сказала она мягко. — Слушай.

Я сел.

— Ты слышишь это? — спросила она через секунду.

Я наклонил голову:

— Только ветер...

Она покачала головой и оборвала меня жестом.

— Там!

И я услышал. Сначала я подумал, что это ползут вниз по склону холма потревоженные камни, но нет: этот звук не стихал в отдалении, как должен был бы. Скорее уж казалось, будто что-то волокут вверх по склону холма.

Я встал и огляделся. Пока я спал, облака раздуло, и теперь луна заливала окрестности бледным серебряным светом. Наша широкая костровая яма была полна поблескивающих угольков.

И тут же неподалеку, ниже по склону, я услышал... Сказать, что я услышал хруст ветки, — значит сбить вас с толку. Когда человек, идущий по лесу, ломает ветку, она издает короткое резкое «хрясь». Так происходит потому, что любая ветка, которую человек может сломать случайно,

невелика и ломается быстро.

Но то, что услышал я, было не коротким треском, а очень долгим хрустящим звуком. Звуком, который ветка толщиной в ногу издает, когда ее отрывают от дерева: «криик-кирка-кряк».

Я повернулся к Денне и тут услышал другой звук. Как мне описать его?

Когда я был маленький, мама взяла меня посмотреть на бродячий зверинец в Сенарине. Я впервые увидел льва и услышал его рев. Другие дети в толпе перепугались, но я смеялся от восторга. Звук был таким глубоким и низким, что я чувствовал, как он отдается у меня в груди. Мне очень понравилось это ощущение, и я помню его по сей день.

Звук, который я услышал на холме около Требона, был не ревом льва, но я точно так же почувствовал его в груди. Это было ворчание, еще более низкое и гулкое, чем рев льва. Больше похоже на далекий раскат грома.

Сломалась еще одна ветка, почти на вершине холма. Я посмотрел в том направлении и увидел громадную тень, слабо очерченную светом костра. Земля чуть содрогнулась под моими ногами. Денна повернулась ко мне, ее испуганные глаза казались огромными.

Я схватил ее за руку и бросился на другую сторону холма. Денна сначала бежала за мной, потом остановилась, увидев, куда я направляюсь.

— Не глупи, — прошипела она. — Мы себе шеи переломаем, если побежим вниз в такой темноте. — Она обернулась, потом посмотрела на ближайšie серовики. — Подсади меня туда, а я втащу тебя.

Я сцепил пальцы и подставил Денне. Она встала на них, и я поднял ее так резко, что чуть не подбросил в воздух, и она смогла ухватиться за край камня. Я выждал короткое мгновение, пока она забросит ногу, потом нацепил сумку и пополз по боку огромного камня.

Точнее сказать, я ползал у камня. Века непогоды выгладили его так, что на нем не осталось никаких зацепок для пальцев. Бессильно скребя руками по камню, я соскользнул на землю.

Я бросился на другую сторону арки, запрыгнул на лежащий камень и сделал еще один прыжок.

Крепко ударившись, я вышиб воздух из груди и разбил коленку. Мои руки нащупали верх камня, но я не смог найти ни единой зацепки.

Меня поймала Денна. Если бы это была героическая баллада, я бы рассказал вам, как она крепко схватила меня за руку и спасла. Но по правде говоря, она одной рукой ухватилась за мою рубашку, а второй накрепко вцепилась мне в волосы. Она упорно тащила меня вверх, удерживая от падения, чтобы я ухватился за край и вскарабкался к ней, на вершину

камня.

Там мы и лежали, тяжело дыша и поглядывая на землю поверх кромки камня. Внизу, на вершине холма, смутная тень начала продвигаться в круг света нашего костра. Полускрытая тенями, она выглядела больше, чем любое животное, которое я когда-либо видел, — здоровенная, как нагруженный доверху фургон. Существо было черное, с массивным телом, похожим на бычье. Оно подобралось поближе, странно шаркая при ходьбе — совсем не как бык или лошадь. Ветер раздул костер, заставив его снова вспыхнуть, и я увидел, что тело животного почти не отрывается от земли, а ноги у него по бокам, как у ящерицы.

Когда оно совсем выползло на свет, отрицать сходство стало невозможно: это оказалась огромная ящерица. Не такая длинная, как змея, она выглядела слегка сплюсненной, наподобие зольного кирпича; толстая шея перетекала в голову, по форме напоминавшую огромный плоский клин.

Существо покрыло расстояние от края холма до нашего костра одним судорожным рывком. Потом снова заворчало — гулко, как рокочущий гром, — и я снова почувствовал этот звук в своей груди. Когда оно подобралось ближе и прошло мимо второго серовика, лежащего в траве, я понял, что глаза меня не обманывают. Ящерица была больше серовика: высотой около двух метров, а длиной и все пять. Огромная, как телега для перевозки лошадей, наверняка она весила не меньше десятка быков, связанных вместе.

Тварь поводила широкой башкой туда-сюда, открывая и закрывая пасть, нюхая воздух.

И вдруг — вспышка синего пламени. Внезапный свет был ослепителен, и я услышал вскрик Денны рядом. Я пригнул голову и почувствовал, как над нами прокатилась волна жара.

Потирая глаза, я снова посмотрел вниз и увидел, что тварь придвинулась ближе к огню. Она была черная, чешуйчатая — и гигантская. Она снова громоподобно заворчала, потом, качнув головой, выдохнула вверх еще один громадный язык синего пламени.

Это был дракон.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ПОСЛУШАНИЕ

В трактире «Путеводный камень» Квоут выжидающе умолк. Прошло полминуты, и Хронист поднял взгляд от страницы.

— Я даю вам возможность что-нибудь сказать, — сообщил Квоут. — Что-нибудь в духе «этого не может быть!» или «драконов не существует...»

Хронист тщательно вытер перо.

— На самом деле я не вправе комментировать историю, — миролюбиво сказал он. — Если вы говорите, что видели дракона... — Он пожал плечами.

Квоут смерил его взглядом, полным глубочайшего разочарования.

— И это я слышу от автора «Особенностей брачных игр драккусов обыкновенных»? От Девана Локииза, величайшего развенчивателя мифов?

— От Девана Локииза, принявшего обязательство не перебивать и не изменять ни единого слова в истории, которую он записывает. — Хронист положил перо и размял руку. — Потому что это были единственные условия, на каких он мог получить столь желанную ему историю.

Квоут пристально посмотрел на него.

— Ты когда-нибудь слышал выражение «белый бунт»?

— Слышал, — сказал Хронист с тонкой усмешкой.

— Я могу это сказать, Реши, — радостно заявил Баст. — Я никаких обязательств не принимал.

Квоут перевел взгляд с одного на другого, потом вздохнул.

— Мало что вызывает такую же тошноту, как абсолютное послушание, — заметил он. — Вам обоим стоило бы это запомнить. — Он показал Хронисту снова взяться за перо. — Итак... это был дракон.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНЫХ ИГР ДРАККУСОВ ОБЫКНОВЕННЫХ

— Дракон, — прошептала Денна. — Тейлу сохрани и спаси нас. Это дракон.

— Это не дракон, — сказал я. — Драконов не существует.

— Да посмотри на него! — прошипела она. — Он же прямо перед тобой! Видишь, это громадный дракон.

— Это драккус, — возразил я.

— Это богопроклятая громадина, — повторила Денна с истерической ноткой в голосе. — Это богопроклятый громадный дракон, и он собирается залезть сюда и сожрать нас.

— Он не ест мяса, — сказал я. — Он травоядный — что-то вроде огромной коровы.

Денна посмотрела на меня и начала хохотать. Не истерически, а неудержимым смехом человека, который только что услышал нечто настолько забавное, что теперь может только пускать пузыри от хохота. Она прижала руки ко рту и тряслась от смеха, но единственным звуком было тихое пыхтение, прорывавшееся сквозь пальцы.

Еще одна вспышка синего пламени внизу. Денна замерла посреди смеха, потом убрала руки ото рта. Она посмотрела на меня расширившимися глазами и тихонько, с легкой дрожью в голосе сказала:

— Му-у-у.

Мы оба перешли от испуга к спокойствию так быстро, что расхохотались бы просто от облегчения. Поэтому когда Денна опять скорчилась, душа хохот в ладонях, я тоже начал смеяться, весь трясясь, но стараясь не издавать ни звука. Мы лежали там, как хихикающие ребятишки, а внизу огромное чудовище ворчало и обнюхивало наш костер, время от времени изрыгая в ночь языки пламени.

Через несколько долгих минут мы взяли себя в руки. Денна вытерла слезы с глаз и глубоко вдохнула. Она придвинулась ближе ко мне, пока ее левый бок не прижался к моему правому.

— Слушай, — сказала она тихонько. Мы оба смотрели на землю поверх каменного ребра. — Эта тварь не может пастись. Она огромная. Она в жизни не добудет столько пищи. И погляди на пасть, на эти зубищи.

— Именно. Они плоские, а не острые. Эта тварь жрет деревья, целые деревья. Посмотри, какая она здоровенная. Где бы она брала столько мяса? Ей бы пришлось лопать по десять оленей в день, а иначе бы ей не выжить!

Денна повернулась и посмотрела на меня.

— Откуда, демон раздери, ты это знаешь?

— Читал в Университете, — объяснил я. — Книга под названием «Особенности брачных игр драккусов обыкновенных». Они используют огонь во время брачного периода. Что-то вроде хохолка у птиц.

— Ты хочешь сказать, что эта тварь там, внизу, — Денна подбирала слова, и секунду ее губы двигались беззвучно, — собирается попробовать покрыть наш костер? — Секунду казалось, что она вот-вот опять взорвется смехом, но вместо этого она сделала глубокий дрожащий вдох, восстанавливая самообладание. — Я просто обязана это увидеть...

Мы оба почувствовали содрогание камня под нами, идущее снизу, от земли. В то же время вокруг заметно потемнело.

Посмотрев вниз, мы увидели, что драккус валяется в огне, как кабан в грязи. Земля дрожала, а он катался, подминая под себя огонь.

— Эта тварь, наверное, весит... — Денна отползла от края, качая головой.

— Тонн пять, пожалуй, — предположил я. — Если не больше.

— Она может достать нас, опрокинув эти камни.

— Ну не знаю, — сказал я, поглаживая камень под рукой и пытаясь говорить более уверенно, чем себя чувствовал. — Они здесь давно стоят. Мы в безопасности.

Катаясь по нашему костру, драккус разбросал горящие ветки по всей вершине холма. Теперь он приполз туда, где в траве дымилось полусгоревшее полено. Драккус понюхал его и плюхнулся сверху, загоня полено в землю. Потом снова поднялся на ноги, еще раз обнюхал полено и сожрал его. Он не трудился жевать — просто проглотил обугленный кусок дерева целиком, как лягушка заглатывает кузнечика.

Он повторил это несколько раз, обходя вокруг теперь уже угасшего костра: нюхал, катался по горящим дровам и пожирал их, когда они гасли.

— Полагаю, в этом есть смысл, — сказала Денна, наблюдая за ящером. — Он может вызвать пожар, а живет в лесу. Если бы у него в голове не было чего-нибудь, что заставляло бы его тушить пожары, он бы долго не протянул.

— Возможно, именно поэтому он и пришел сюда, — предположил я. — Увидел наш костер.

После нескольких минут обнюхивания и катания драккус направился

на ровное ложе из углей — единственное, что осталось от нашего костра. Ящер сделал несколько кругов, потом взошел на угли и улегся. Я подозрительно наблюдал за ним, но он просто поерзал туда-сюда, как курица, устраивающаяся на насесте. Вершина холма теперь была совершенно темна, только бледно светила луна.

— Как же так, почему я раньше ничего об этом не слышала? — спросила Денна.

— Они очень редкие, — сказал я. — Люди убивают их, не понимая, что они относительно безобидны. Да и размножаются они не слишком быстро. Этому вот, внизу, лет, наверное, двести: он здоровенный, крупнее они не вырастают. — Я перевел взгляд на драккуса. — Могу поспорить, что в целом мире не более двухсот драккусов такого размера.

Мы понаблюдали еще пару минут, но внизу не было видно никакого движения. Денна широко зевнула.

— Боги, я совсем измотана. Ничто так не утомляет, как твердая уверенность в скорой смерти. — Она перекатилась на спину, потом на бок, потом опять лицом ко мне, пытаясь устроиться поудобнее. — Господи, как здесь холодно. — Она резко вздрогнула. — Теперь я понимаю, почему это чудище так тянуло к нашему костру.

— Мы можем спуститься и взять одеяло, — предложил я.

Денна фыркнула:

— Сомневаюсь, — и снова вздрогнула, пряча руки под грудь.

— Вот. — Я встал и снял плащ. — Завернись в него. Немного, но все же лучше, чем голый камень. — Я протянул ей плащ. — Я посторожу, пока ты спишь, и послежу, чтобы ты не упала.

Денна смотрела на меня долго-долго, и я уже наполовину был уверен, что она откажется. Но через мгновение она взяла плащ и закуталась в него.

— Вы, мастер Квоут, определенно знаете, как обращаться с девушками.

— Подожди до завтра, — сказал я. — Я еще только начал.

Я сидел тихо, старясь не дрожать, и дыхание Денны наконец стало ровным. Я смотрел, как она спит, со спокойным удовлетворением мальчишки, который понятия не имеет, насколько он глуп и какие несчастья может сулить грядущее утро.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ СКАЛЫ

Я проснулся, не помня, когда успел задремать. Денна осторожно трясла меня.

— Не подскакивай слишком резко, — сказала она. — Вниз далеко лететь.

Я медленно перевернулся. Почти каждый мускул в моем теле жаловался на то, как с ним обошлись вчера. Бедра и икры казались туго скрученными узлами боли.

Только тогда я понял, что мой плащ снова на мне.

— Я разбудил тебя? — спросил я у Денны. — Я не помню...

— Ну, что-то в этом роде, — ответила она. — Ты клюнул носом и упал прямо на меня. Причем даже веком не шелохнул, когда я обругала тебя самыми черными словами... — Денна умолкла, наблюдая, как я медленно поднимаюсь на ноги. — Господи, да ты похож на какого-то артритного старикашку.

— Ну знаешь, как это бывает, — сказал я. — Всегда плохо гнешься, когда просыпаешься.

Она самодовольно ухмыльнулась:

— У нас, женщин, такой проблемы, как правило, нет. — Она продолжала наблюдать за мной, и улыбка сошла с ее лица. — Ты что, серьезно?

— Вчера я проехал около ста километров, прежде чем встретиться с тобой, — сказал я. — Трудновато с непривычки. А когда ночью прыгал, здорово треснулся о камень.

— Тебе больно?

— Еще бы, — сказал я. — Со всех сторон.

— Ой, — задохнулась она, прикрыв ладонью рот. — Твои прекрасные руки!

Я посмотрел на руки и понял, о чем она. Видимо, я ободрал их в бешеной попытке залезть на серовик прошлой ночью. Музыкантские мозоли спасли кончики пальцев, но суставы были страшно исцарапаны, и на них запеклась кровь. Все тело болело так сильно, что этого я даже не замечал.

В животе у меня все съежилось, когда я посмотрел на руки, но, сжав и

разжав ладони, понял, что они только болезненно оцарапаны, но не повреждены серьезно. Как музыкант я всегда боялся, что с моими руками может что-нибудь случиться, и работа артефактора удвоила эти опасения.

— Выглядит хуже, чем есть на самом деле, — с облегчением сказал я. — Драккус давно ушел?

— С пару часов, не меньше. Он уполз почти сразу, как встало солнце.

Я посмотрел вниз с высоты серовиковой арки. Прошлым вечером вершина холма была ровной площадкой зеленой травы; сегодня утром она походила на поле боя. Трава местами была вырвана, а в других сожжена до самого дерна. На тех местах, где ящер катался или волочил тело по земле, зияли глубокие рытвины.

Спуститься с серовика оказалось труднее, чем залезть. Вершина арки находилась метрах в трех над землей — выше, чем подходило для прыжка. В обычной ситуации это бы меня не беспокоило, но в моем закостенелом, израненном состоянии легко было, неудачно приземлившись, подвернуть лодыжку.

Наконец нам удалось спуститься, используя в качестве веревки ремень от моей сумки. Денна опоясалась и держала один конец, а я спускался. Сумка, конечно же, разорвалась, и все мои пожитки высыпались, но я спустился на землю, не получив ничего серьезнее пятен от травы на штанах.

Потом Денна повисла на краю камня, я поймал ее за ноги, и она медленно соскользнула вдоль меня наземь. Хотя я был весь в ушибах, спуск значительно поднял мое настроение.

Я собрал вещи, достал иголку с ниткой и уселся зашивать сумку. Через минуту Денна вернулась из краткого похода в лесок и подобрала одеяло, которое мы оставили вчера у огня. В нем зияли несколько прорех от когтей — там, где драккус прошелся по нему.

— А ты когда-нибудь видела такое раньше? — спросил я, протягивая руку.

Она подняла бровь:

— Сколько раз я слышала...

Ухмыльнувшись, я показал ей кусок черного железа, который выменял у лудильщика. Денна с любопытством повертела его в руках.

— Это лоденник?

— Удивлен, что ты знаешь.

— Я была знакома с одним парнем, у которого такой лежал вместо пресс-папье. — Она уничижительно фыркнула. — Он так гордился тем, что может пользоваться таким ценным и крайне редким предметом. — Она

фыркнула. — Ужасный был зануда. У тебя есть что-нибудь железное?

— Поищи вон там. — Я указал на свои разбросанные пожитки. — Наверняка что-нибудь найдешь.

Денна села на лежащий серовик и стала играть с лоденником и куском сломанной железной пряжки. Я неторопливо зачинил сумку, потом пришел ремень, простегав край несколько раз, чтобы не оторвался.

Денна была совершенно зачарована лоденником.

— Как он работает? — спросила она, отрывая пряжку и снова позволяя ей прилипнуть. — Откуда берется притяжение?

— Ну, это такая гальваническая сила... — сказал я и засомневался. — И такой удобный способ сказать, что я понятия не имею.

— Интересно, он любит железо, потому что сам железный? — пробормотала Денна, прикасаясь без всякого эффекта к своему серебряному кольцу. — А если кто-нибудь найдет лоденник из бронзы, он будет любить бронзу?

— Может быть, медь и цинк, — предположил я. — Бронза делается из них.

Я вывернул сумку на правую сторону и начал упаковывать вещи. Денна отдала мне лоденник и пошла к уничтоженному очагу.

— Он сожрал все дрова перед уходом, — сказала она.

Я тоже подошел посмотреть. Пространство вокруг костра превратилось в плотно утоптанную площадку, выглядевшую так, словно по ней проскакал целый кавалерийский полк. Я отковырнул носком башмака большой кусок вывернутого дерна, потом нагнулся и поднял нечто любопытное.

— Посмотри-ка на это.

Денна подошла поближе, и я показал ей находку. Эта была чешуйка Драккуса, гладкая и черная, величиной почти с ладонь, а формой напоминавшая слезу. Около сантиметра толщиной в середине, она утончалась к краям.

Я протянул ее Денне.

— Для вас, м'леди. На память.

Она взвесила чешуйку на руке.

— Тяжелая. Я поищу еще одну для тебя... — Она принялась ковыряться в руинах очага. — Кажется, он съел не только дрова, а еще и несколько камней. Помню, вчера вечером я собирала больше, чем тут осталось.

— Ящерицы все время едят камни, — объяснил я. — Они так переваривают пищу. Камни перемалывают еду у них в желудках. — Денна

смерила меня недоверчивым взглядом. — Это правда. И куры так делают.

Она покачала головой и отвернулась, колупая утоптанную землю.

— Знаешь, сначала я вроде как надеялась, что ты превратишь встречу с драккусом в песню. Но чем больше ты об этой твари говоришь, тем меньше я в это верю. Коровы и куры! Где твоя склонность к театральным эффектам?

— Так это и без преувеличения прекрасно, — сказал я. — Чешуйка почти целиком железная, если я хоть что-то понимаю. Куда уж эффектнее?

Денна присмотрелась к чешуйке.

— Да ты меня разыгрываешь.

Я ухмыльнулся.

— В здешних камнях полно железа, — сказал я. — Драккус ест камни, и они медленно растворяются в его внутренностях. Металл постепенно впитывается в кости и чешую. — Я взял у Денны чешуйку и подошел к серовику. — Год за годом он сбрасывает шкуру, а потом поедает ее, удерживая железо внутри. Лет через двести...

Я постучал чешуйкой о камень. Она издала резкий звук — нечто между звоном колокольчика и стуком кусочка глазированной керамики.

Я вернул чешуйку Денне.

— Когда-то, когда еще не было шахт, люди, возможно, охотились на них из-за железа. Думаю, даже сейчас алхимики заплатят кругленькую сумму за чешую или кости. Органическое железо — большая редкость, из него можно понаделать всяких интересных штук.

Денна посмотрела на чешуйку в своей руке.

— Ты выиграл. Ты можешь написать песню. — Ее глаза загорелись идеей. — А дай-ка попробовать лоденник.

Я вынул его из сумки и передал ей. Она придвинула чешуйку к куску железа, и они резко соединились, снова издав тот самый странный керамический звон. Денна усмехнулась, прошла обратно к очагу и начала возить лоденником по мусору, ища другие чешуйки.

Я посмотрел на северные скалы.

— Ненавижу приносить дурные вести, — сказал я, указывая на слабый дымок, поднимающийся из-за деревьев. — Но там что-то дымится. Палочки, которые я поставил, исчезли, но я думаю, это в том направлении, где мы видели ночью синий огонь.

Денна водила лоденником над руинами очага.

— Драккус не мог быть виноват в том, что случилось на ферме Маутенов. — Она показала на взрытую землю и перекопанный дерн. — Таких разрушений там не было.

— Я думаю не о ферме, — сказал я. — Я думаю, что чей-то покровитель мог согреться прошлой ночью у веселого маленького костерка...

Лицо Денны помрачнело.

— И драккус его увидел.

— Я бы не стал беспокоиться, — быстро произнес я. — Если он так умен, как ты говоришь, то наверняка цел и невредим аки каменный дом.

— Покажи мне дом, который уцелеет после этой твари, — мрачно проговорила Денна, отдавая мне лоденник. — Давай уж пойдем поглядим.

До того места, где из леса поднималась тонкая струйка дыма, было всего несколько километров, но путь оказался нелегким. У нас все болело, и ни один из нас не питал особых надежд насчет того, что мы найдем, когда достигнем цели.

По пути мы разделили мое последнее яблоко и половину оставшейся лепешки. Я нарезал полосок березовой коры, и мы оба расковыривали их и жевали. Где-то через час мышцы в моих ногах расслабились настолько, что ходьба перестала причинять боль.

Чем ближе мы подходили к цели, тем медленнее получалось идти. Пологие холмы сменились острыми скалами и склонами, покрытыми каменными осыпями. Нам приходилось карабкаться по ним или делать большой крюк. Иногда мы несколько раз возвращались, прежде чем находили проход.

Кроме того, нас многое отвлекало. Мы наткнулись на кусты спелой рябины и задержались почти на целый час. Вскоре нам попался ручей, и мы остановились попить, отдохнуть и умыться. И снова моя надежда на развитие сказочного сюжета разбилась под тяжестью фактов: ручей оказался всего сантиметром пятнадцать глубиной. Не идеальное место для правильного купания.

Было чуть за полдень, когда мы наконец добрались до источника дыма, и то, что мы нашли, оказалось совсем не тем, чего мы ожидали.

Это была уединенная долина, втиснутая между скалами. Я сказал «долина», но на самом деле она куда больше походила на след великана среди холмов. С одной ее стороны высилась черная скальная стена, а другая обрывалась в пропасть. Мы дважды подходили к долине с разных сторон, прежде чем нашли спуск. К счастью, день был безветренный, и дым поднимался в чистое голубое небо прямо, как стрела. Если бы он не указывал нам путь, мы, вероятно, ни за что бы не нашли это место.

Наверное, еще недавно здесь рос прекрасный лес, но теперь он выглядел так, словно здесь пронесся смерч. Деревья были сломаны, вывернуты с корнем, обуглены и искрошены в щепки. Повсюду виднелись огромные борозды вывернутой земли и камня, словно какой-то великан фермер пахал свое поле да вдруг сбрендил.

Два дня назад я бы не догадался, что могло вызвать такие разрушения. Но после увиденного этой ночью...

— Ты вроде говорил, они безобидны? — спросила Денна, обернувшись ко мне. — Да он здесь прямо рвал и метал.

Мы начали пробираться через изуродованный лес. Белый дым поднимался из глубокой дыры под вывернутыми корнями огромного клена. От огня осталось лишь несколько углей, дымившихся на дне ямы.

Я рассеянно сбросил в яму носком башмака пару комьев грязи.

— Ну, хорошая новость в том, что твоего покровителя здесь нет. А плохая... — Я осекся, вдохнув поглубже. — Ты чувствуешь запах?

Денна втянула воздух и кивнула, наморщив нос.

Я забрался на поваленный клен и огляделся. Ветер изменился, и запах усилился: что-то мертвое и протухшее.

— И ты говорил, что они не едят мяса, — заметила Денна, нервно озираясь.

Я спрыгнул с дерева и пошел обратно, к скальной стене. Там обнаружилась маленькая бревенчатая хижина, разнесенная в щепки. Гнилостный запах стал сильнее.

— Ну, — сказала Денна, оглядывая обломки, — выглядит совсем не безобидно.

— Мы не знаем, драккус ли виноват в этом, — возразил я. — Если сюда приходили чандрианы, драккуса мог привлечь огонь, и он тут все порушил, пока тушил его.

— Думаешь, это сделали чандрианы? — спросила она. — Это совсем не похоже на то, что я о них слышала. Они вроде бы ударяют как молния, а потом исчезают. А вовсе не оставляют парочку костров, к которым возвращаются, сбегав по делам.

— Не знаю, что и думать. Но два разрушенных дома... — Я начал пробираться через завал. — Мне кажется логичным, что они тут все-таки замешаны.

Денна охнула. Я проследил за ее взглядом и увидел руку, торчащую из-под груды тяжелых бревен.

Я подошел поближе. Взлетели мухи, и я прикрыл рот, безуспешно пытаясь не вдыхать запах.

— Он мертв чуть ли не два оборота. — Я наклонился и подобрал перепутанные обломки дерева и металла. — Взгляни-ка.

— Принеси сюда, и я взгляну.

Я принес находку туда, где она стояла. Предмет был исковеркан до неузнаваемости.

— Арбалет.

— Не очень-то ему помог, — заметила Денна.

— Вопрос в том, почему он сразу схватился за него? — Я посмотрел на толстый кусок голубоватой стали, составлявший перекладину. — Это ведь не охотничий лук. Из него можно убить воина в доспехах, причем на расстоянии целого поля. Такие штуки запрещены законом.

Денна фыркнула.

— Здесь законы выполнять не заставишь, сам знаешь.

Я пожал плечами.

— Факт остается фактом — оружие дорогое. С какой стати человеку, живущему в крошечной хижине с земляным полом, владеть арбалетом стоимостью в десять талантов?

— Может, он знал про драккуса? — спросила Денна, тревожно оглядываясь. — Я бы не отказалась от арбалета прямо сейчас.

Я покачал головой.

— Драккусы пугливы. Они стараются держаться подальше от людей.

Денна в упор глянула на меня и саркастически указала на обломки хижины.

— Вспомни диких зверей в лесу, — сказал я. — Все дикие животные избегают встречаться с людьми. Ты сама говорила, что никогда раньше не слышала о драккусах. В этом и причина.

— Может, он взбесился?

Эта идея меня ошеломила.

— Ужасная мысль. — Я оглядел покореженный пейзаж. — Но как такая зверюга может заразиться? Да и могут ли ящерицы вообще подцепить бешенство?

Денна беспокойно переступила с ноги на ногу, нервно оглядываясь.

— Есть тут еще что-нибудь, что ты хотел бы найти? Потому как мне здесь уже ничего не нужно. Я не хочу здесь оказаться, когда эта тварь вернется.

— Полагаю, мы все-таки должны устроить этому парню приличные похороны...

Денна покачала головой.

— Я не собираюсь оставаться здесь так надолго. Мы можем сказать

кому-нибудь в городе, и они позаботятся об этом. Тварь может вернуться в любую минуту.

— Но с какой стати? — спросил я. — Зачем ему сюда возвращаться? — Я показал пальцем: — Вон то дерево мертво уже целый оборот, но это было вывернуто всего пару дней назад...

— А какая разница? — спросила Денна.

— Чандрианы, — решительно ответил я. — Я хочу знать, зачем они здесь побывали. Может, они управляют драккусом?

— Не думаю, что они сюда приходили, — сказала Денна. — На ферму Маутенов — может быть. Но здесь просто работа бешеной ящерокоровы. — Она пристально посмотрела на меня, изучая мое лицо. — Я не знаю, что ты здесь собирался найти, но думаю, что не найдешь.

Я покачал головой, озираясь.

— Уверен, это как-то связано с фермой.

— Просто ты хочешь, чтобы было связано, — мягко заметила она. — Но этот парень мертв уже давно, ты сам сказал. И вспомни дверные рамы и насос на ферме. — Она наклонилась и постучала согнутым пальцем по бревнам разрушенной хижины. Они отозвались обычным деревянным звуком. — И посмотри на арбалет: металл не съела ржа. Их здесь не было.

Мое сердце упало. Я понял, что Денна права. В глубине души я знал, что хватаюсь за соломинки. Однако уйти, не разведав все, что можно, было неправильным.

Денна взяла меня за руку, ее кожа была прохладной и гладкой.

— Ну пойдем же. — Она улыбнулась и потянула меня прочь. — Есть куда более интересные вещи, чем охотиться за...

Далеко в лесу раздался громкий треск: «ккккрек-ке-кrrк». Денна выпустила мою руку и повернулась туда, откуда мы пришли.

— Нет, — сказала она. — Нет-нет-нет...

Внезапная угроза появления драккуса привела меня в чувство.

— Мы в безопасности, — сказал я, оглядываясь. — Он не умеет лазить, слишком тяжелый.

— Лазить по чему? По деревьям? Да он их выворачивает для забавы!

Мы бросились к подножию скалы, обегая рытвины и перепрыгивая поваленные деревья. Позади нас слышался раскатистый громовой рык. Я бросил взгляд через плечо, но драккус еще не появился из-за деревьев.

Мы добрались до подножия скалы, и я начал искать расщелину, по которой мы оба могли бы забраться наверх. Через долгую безумную минуту мы продрались сквозь густые заросли сумаха и обнаружили полосу вывернутой земли. Драккус зачем-то здесь копался.

— Смотри! — Денна указала на разлом в скале, глубокую расщелину около полуметра шириной. Человек мог сюда протиснуться, но не гигантская ящерица. На скальной стене виднелись следы когтей, и повсюду валялись обломки камней вперемешку с вывернутой землей.

Мы проскользнули в тесную щель. Там было темно, единственный свет шел от узкой полоски неба высоко над головой. Иногда приходилось поворачиваться боком, чтобы проползти. Когда я отнял руки от стен, ладони оказались покрыты черной сажей. Видимо, не в силах пробраться внутрь, драккус дышал в узкий проем.

Всего через четыре метра расщелина увеличилась.

— Здесь лестница, — сказала Денна. — Я поднимаюсь. Если эта тварь дыхнет сюда огнем, тут будет хуже, чем в овраге после дождя.

Она полезла вверх, я за ней. Лестница была грубая, но прочная, и через несколько метров она вывела нас на ровную площадку. С трех сторон нас окружал темный камень, но внизу открывался прекрасный вид на разрушенную хижину и поваленные деревья. У стены стоял деревянный ящик.

— Ты видишь его? — спросила Денна, заглядывая вниз. — Скажи мне, что я не просто так обдираю коленки, а убегала от чего-то реального.

Я услышал глухой удар и почувствовал, как по спине прокатилась волна горячего воздуха. Драккус снова заворчал, и еще один язык огня пронесся по узкому проходу вниз. Затем внезапно раздался чудовищный скрежет — как ногтем по камню, только куда громче: драккус бешено царапал подножие скалы.

Денна насмешливо посмотрела на меня.

— Безобидны.

— Он не за нами охотится, — сказал я. — Ты же видела, он копался у этой стены задолго до того, как мы сюда попали.

Денна села.

— А что это за место?

— Что-то вроде смотровой площадки, — объяснил я. — Отсюда видно всю долину.

— Да уж понятно, что это смотровая площадка, — вздохнула она. — Я говорю обо всей этой местности.

Я открыл деревянный ящик, стоявший у стены. Внутри лежало грубое шерстяное одеяло, полная фляга, немного сушеного мяса и десяток хищно заостренных арбалетных болтов.

— Я тоже не знаю, — признался я. — Может, парень был дезертир или изгнанник?

Шум внизу прекратился, и мы снова взглянули на изуродованную долину. Наконец драккус отошел от скалы и медленно побрел прочь. Его огромное тело прорывало в грунте неровную колею.

— Он двигается не так быстро, как прошлой ночью, — заметил я. — Может, он и в самом деле болен?

— Или устал после трудного дня, пытаюсь выследить и убить нас. — Денна посмотрела на меня снизу вверх. — Сядь. Ты меня нервируешь. Мы все равно в ближайшее время никуда не собираемся.

Я сел, и мы стали смотреть, как драккус продирается к центру долины. Он подошел к дереву высотой метров в десять и свалил его без всякого видимого усилия.

Потом он принялся есть дерево, начиная с листьев. Ветки толщиной с запястье он обкусывал так же легко, как овца вырывает клоч травы. Когда наконец остался только голый ствол, я решил, что теперь драккус остановится. Но он просто сомкнул огромную плоскую пасть на конце ствола и резко дернул массивной шеей. Ствол расщепился и раскололся, оставив драккусу большую, но вполне удобную порцию пищи, которую тот заглотил целиком.

Мы с Денной тоже воспользовались возможностью пообедать. Немного лепешки, колбасы и оставшиеся у меня морковки. Я сомневался, стоит ли доверять пище в ящике, поскольку парень, живший здесь, кажется, был немножко безумен.

— Меня поражает, что никто в округе никогда его не видел, — сказала Денна.

— Возможно, кто-то мельком и видел, — предположил я. — Свинопас говорил, что всякий знает про опасность в этих лесах. Наверное, люди просто решили, что это демон или еще какая-нибудь ерунда вроде того.

Денна снова взглянула на меня с усмешкой на губах.

— И это говорит человек, приехавший сюда искать чандриан.

— Это другое дело, — запальчиво возразил я. — Я не разгуливаю по округе, фонтанируя сказками про фейри и хватаясь за железо. Я приехал потому, что могу узнать здесь правду. Могу получить сведения из чуть более надежных источников, чем байки из третьих рук.

— Я не собиралась наступать тебе на больную мозоль, — ошарашенно сказала Денна и снова глянула вниз. — Это и правда невероятное животное.

— Когда я прочитал о нем, то не особенно поверил про огонь, — признался я. — Мне показалось, что это уж слишком.

— Конечно, если ящерица величиной с подводу для лошадей!

— Ну, это просто вопрос размера. Но огонь — не настолько естественная вещь. Даже если забыть про все прочее, где эта тварь его держит? Она явно не обжигается изнутри.

— А в той книге, что ты читал, это не объяснялось?

— У автора были некоторые догадки, но и только. Он не смог поймать ни одного экземпляра, чтобы разрезать его и посмотреть.

— Вполне понятно, — сказала Денна, наблюдая, как драккус небрежно обрушил еще одно дерево и начал поедать его. — Какая сеть или клетка могли бы его удержать?

— Хотя у него там было несколько интересных теорий, — припомнил я. — Ты знаешь, что коровий навоз дает горючий газ?

Денна повернулась ко мне и рассмеялась:

— Нет. Что, правда?

Я кивнул, ухмыляясь.

— Фермерские мальчишки высекают искры над свежей коровьей лепешкой и смотрят, как она горит. Поэтому фермерам приходится хранить навоз с осторожностью. Газ может скопиться и взорваться.

— Я девочка городская, — усмехнулась Денна. — Мы в такие игры не играли.

— Ты много пропустила, — сказал я. — Автор предполагал, что драккусы хранят газ в каком-нибудь пузыре или полости. Вопрос в том, как они его поджигают. Автор выдвигает интересную идею про мышьяк. Химически это, в общем, имеет смысл: мышьяк и угольный газ взорвутся, если их соединить. Так получаются болотные огни. Но я думаю, это небезопасно. Если бы у него внутри было столько мышьяка, он бы отравился.

— Угу, — отозвалась Денна, поглощенная созерцанием драккуса.

— Но если хорошенько подумать, то ведь нужна всего лишь крошечная искорка, чтобы поджечь газ, — продолжал я. — И есть много животных, которые могут создавать достаточную гальваническую силу для искры. Клещевые угри, например, дают силу, которая может убить человека, а они всего полметра длиной. — Я указал на драккуса: — Животное подобного размера, несомненно, может создать достаточно энергии для искры.

Я надеялся, что на Денну произведет впечатление моя сообразительность, но ее, похоже, совершенно заворожила картина внизу.

— Ты ведь меня на самом деле не слушаешь?

— Не особенно, — сказала она, поворачиваясь ко мне и улыбаясь. — В смысле, мне все кажется совершенно логичным. Он ест дерево, дерево

горит — почему бы ему не дышать огнем?

Пока я пытался придумать ответ, Денна указала на долину.

— Посмотри на деревья вон там. Они тебе не кажутся странными?

— Кроме того, что они повалены и почти съедены? — переспросил я. — Не особенно.

— Посмотри, как они располагаются. Это трудно заметить, потому что тут сплошные руины, но выглядит так, словно они росли рядами. Как будто их кто-то посадил.

Теперь, когда она указала, действительно стало похоже, будто большинство деревьев до прихода драккуса росли рядами. Десять рядов по два десятка деревьев. Почти от всех них теперь остались пеньки или ямы.

— Зачем бы кому-то сажать деревья среди леса? — задумчиво проговорила Денна. — Это же не сад... Ты видишь какие-нибудь плоды?

Я покачал головой.

— И эти деревья — единственные, какие ест драккус, — заметила она. — В середине большая проплешина. Остальные он просто валит, но эти валит и жрет. — Она прищурила глаза: — Какое дерево он сейчас ест?

— Отсюда не видно, — ответил я. — Клен? Неужто он любит сладенькое?

Мы посмотрели еще немного, потом Денна встала.

— Ну, самое главное, он не собирается бежать за нами и дышать огнем нам в спину. Давай посмотрим, что на другом конце той узкой тропы. Может, там есть выход.

Мы спустились по лестнице и отправились в медленный извилистый путь по дну маленькой расселины. Она петляла и виляла еще около шести метров и наконец открылась в крошечную замкнутую котловину с крутыми стенами, поднимающимися отвесно со всех сторон.

Здесь не было пути наружу, но местом явно как-то пользовались. Все пространство было расчищено от растений, а земля плотно утоптана. Неизвестные люди вырыли две длинные костровые ямы, и поверх этих ям на кирпичных платформах стояли большие металлические кастрюли, немного напоминавшие бочки для вытапливания сала, какими пользуются живодеры. Только эти были широкие, плоские и мелкие, как противни для огромных пирогов.

— Вот кто сладкоежка! — рассмеялась Денна. — Этот парень делал здесь кленовую карамель. Или сироп.

Я подошел взглянуть поближе. Везде стояли ведра, в таких вполне можно носить кленовый сироп для выпаривания. Я открыл дверь ветхой маленькой сараюшки и увидел еще ведра, длинные деревянные лопатки,

чтобы помешивать сироп, скребки для сковород...

Но мне не все было понятно. В лесу растет много кленов, так какой смысл их специально выращивать? И зачем выбирать такое глухое место?

Может, парень был просто сумасшедший. Я взял один скребок и рассмотрел его. Край был выпачкан чем-то черным, как будто им счищали деготь...

— Фу! — сказала Денна за моей спиной. — Горько. Наверное, они его пережгли.

Я обернулся и увидел, что Денна стоит около одного из очагов. Она отковыряла большой круг липкого вещества от дна противня и откусила от него кусочек. Он был черный, а вовсе не глубокого янтарного цвета кленовой карамели.

Я внезапно догадался, чем здесь занимались на самом деле.

— Нет!

Денна недоуменно посмотрела на меня.

— Ну, это не настолько плохо, — невнятно проговорила она сквозь липкую жвачку. — Оно странное, но вообще-то не особенно противное.

Я подскочил к ней и выбил лепешку из руки. Ее глаза гневно полыхнули.

— Выплюнь! — рявкнул я. — Сейчас же! Это яд!

Лицо Денны из гневного мгновенно стало испуганным. Она открыла рот и вытолкнула наружу комок темного вещества, проследив его падение до самой земли. Потом сплюнула густой черной слюной. Я сунул ей бутылку.

— Промывай рот, — велел я. — Полощи и плюй.

Она взяла бутылку, и я вспомнил, что там пусто: мы прикончили ее за обедом.

Я бросился бежать, петляя по узкому коридору. Взлетел вверх по лестнице, схватил флягу — теперь вниз и обратно в ущелье...

Денна сидела на земле, очень бледная, с широко открытыми глазами. Я втиснул ей в руки флягу, и она отхлебнула так быстро, что подавилась, потом пополоскала рот и выплюнула.

Я бросился к очагу, запустил руки глубоко в золу и вытащил горсть непрогоревших углей. Стряхнув пепел, я бросил их Денне.

— Съешь это, — велел я.

Она непонимающе посмотрела на меня.

— Давай! — Я потряс перед ней углем. — Если ты не прожухешь это и не проглотишь, я тебя вырублю и пропихну их тебе в горло. — Я положил уголек себе в рот. — Смотри, все нормально. Просто сделай это. — Мой

тон смягчился, стал скорее умоляющим, чем приказным. — Денна, верь мне.

Она взяла пару угольков и положила себе в рот. Бледная, с начинающими слезиться глазами, она прожевала их и, поморщившись, запила водой.

— Они здесь выращивают богопроклятый офалум, — сказал я. — Я идиот, что раньше не догадался.

Денна начала что-то говорить, но я оборвал ее.

— Не болтай. Продолжай есть. Сколько вместит желудок.

Она мрачно кивнула, прожевала, кашлянула и проглотила уголь еще с одним глотком воды. Съев десять порций довольно быстро, она снова прополоскала рот и тихо спросила:

— Что такое офалум?

— Наркотик. Это деревья деннера. У тебя только что был полный рот деннеровой смолы.

Я сел рядом с ней. Мои руки дрожали, и я положил их на колени, чтобы скрыть это.

Денна молчала. Всякий знал, что такое смола деннера. В Тарбеане уборщикам приходилось собирать в переулках и дверных нишах Доков окоченелые трупы перебравших дозу сладкоедов.

— Сколько ты проглотила? — спросил я.

— Я просто жевала ее, как ириску. — Ее лицо снова побледнело. — Еще немного у меня в зубах застряло.

Я указал на флягу:

— Продолжай полоскать.

Она поболтала воду от щеки к щеке, сплюнула и повторила процесс. Я попытался прикинуть, сколько наркотика попало в организм, но было слишком много вариантов: я не знал ни сколько она проглотила, ни насколько чистой была смола. Предпринимали ли «фермеры» что-нибудь для ее очистки?

Денна двигала челюстью, ощупывая зубы языком.

— Ладно, я чиста.

Я выдавил смешок.

— Ты какая угодно, только не чистая. У тебя рот весь черный. Ты похожа на ребенка, игравшего в угольной яме.

— Ты ненамного лучше, — парировала Денна. — Ты похож на трубочиста. — Она протянула руку и коснулась моего голого плеча. Видимо, я разорвал рубаху о камни, пока бегал за флягой. Она изобразила бледную улыбку, совершенно не затронувшую ее глаза. — А зачем мне

полное пузо углей?

— Уголь — это химическая губка, — сказал я. — Он вытягивает наркотики и яды.

Денна немного просветлела.

— Все?

Я подумывал, не соврать ли, потом решил лучше этого не делать.

— Большинство. Ты его съела почти сразу. Он вытянет то, что ты проглотила.

— Все?

— Примерно шесть частей из десяти, — сказал я. — Будем надеяться, что и побольше. Как ты себя чувствуешь?

— Испуганной, — сказала она. — Потрясенной. Но в остальном без особой разницы. — Она нервно поерзала на месте и потрогала круг смолы, который я у нее выбил. Потом отбросила его подальше и вытерла руку о штаны. — Сколько должно пройти, прежде чем станет понятно?

— Я не знаю, как они ее очищали, — признался я. — Если смола сырая, то пройдет больше времени, пока она начнет действовать. И это хорошо, поскольку эффекты растянутся надолго.

Я пощупал пульс на горле Денны. Он был учащенным, но это мне ничего не сказало — мой тоже был учащен.

— Посмотри сюда.

Я поднял руку и осмотрел Деннины глаза. Зрачки реагировали на свет немного замедленно. Я положил руку ей на висок и, под предлогом поднятия века, сильно прижал палец к синяку. Она не дернулась и вообще не показала, что ей больно.

— Я думала, это все мое воображение, — сказала Денна, глядя вверх на меня. — Но твои глаза действительно меняют цвет. Обычно они ярко-зеленые, с золотым ободком в середине...

— Я получил их от матери, — сказал я.

— Но я наблюдала за тобой. Когда ты вчера сломал ручку насоса, они стали тускло-зелеными, будто пыльными. А когда свинопас отпустил комментарий насчет руэ, потемнели, всего на секунду. Я думала, это просто игра света, но теперь вижу, что нет.

— Удивляюсь, что ты заметила, — сказал я. — Единственный человек, который обратил на это внимание, — мой старый учитель. А он был арканистом, то есть изрядную часть его работы составляло умение подмечать все вокруг.

— Ну а моя работа — подмечать то, что касается тебя. — Денна чуть склонила голову набок. — Людей, наверное, удивляют твои волосы. Они

такие яркие, такие... такие отвлекающие. И лицо у тебя очень выразительное. Ты всегда держишь его под контролем, даже движения глаз. Но не цвет. — Она слабо улыбнулась. — А сейчас они бледные. Как зеленый иней. Ты, должно быть, ужасно боишься.

— Полагаю, это старомодное вождение, — возразил я самым грубым тоном. — Не так уж часто красивая девушка позволяет мне подойти так близко.

— Ты всегда говоришь мне самую красивую ложь, — сказала она, отворачиваясь и глядя на руки. — Я умру?

— Нет, — твердо сказал я. — Совершенно точно нет.

— Мог... — Она подняла на меня полные слез глаза и улыбнулась. — Мог бы ты просто повторить это громко?

— Ты не умрешь, — повторил я, поднимаясь на ноги. — Пойдем лучше посмотрим, не ушел ли наш приятель ящер.

Я хотел, чтобы она двигалась и отвлеклась от страшных мыслей, поэтому мы оба выпили еще немного воды и направились обратно на площадку. Драккус мирно дрых на солнышке.

Я воспользовался возможностью и переложил одеяло и сушеное мясо к себе в сумку.

— Раньше мне было неловко обкрадывать мертвых, — пояснил я. — Но теперь...

— По крайней мере, теперь мы знаем, почему он прятался в таком месте с арбалетом, и смотровой площадкой, и всем прочим, — сказала Денна. — Меньшая из загадок решена.

Я начал застегивать сумку, но потом, чуть подумав, упаковал туда и арбалетные болты.

— А они-то зачем? — спросила Денна.

— Ну, они хоть что-то да стоят, — сказал я. — Я в долгах у опасного человека. Мне пригодится каждый пенни...

Я умолк, но мысль продолжала работать.

Денна посмотрела на меня, и я понял, что она подумала о том же.

— Ты знаешь, сколько может стоить эта смола? — спросила она.

— Не очень, — сказал я, вспоминая тридцать противней, на дне каждого из которых застыла лепешка черной липкой смолы размером с большую тарелку. — Но полагаю, много, чудовищно много.

Денна переминалась с ноги на ногу.

— Квоут, я не знаю, что и думать по этому поводу. Я видела девушек, подсевших на нее. Мне нужны деньги. — Она горько рассмеялась. — Сейчас у меня нет даже смены одежды. — Она словно испугалась своих

мыслей. — Но я не знаю, настолько ли они мне нужны.

— Я думаю об аптекарях, — быстро сказал я. — Они могут сделать из нее лекарство, мощное болеутоляющее. Цена даже близко не будет такой, как если бы мы пошли к другим людям, но все же полбуханки...

Денна заулыбалась.

— Люблю полбуханки. Особенно с той поры, как мой таинственный горе-покровитель исчез.

Мы отправились обратно в ущелье. На этот раз, выйдя из узкого прохода, я увидел емкости для выпаривания в новом свете. Теперь каждая из них равнялась увесистой монете в моем кармане. Оплата следующей четверти, новая одежда, свобода от долга Деви...

Я увидел, что Денна смотрит на чаны с той же зачарованностью, хотя ее взгляд был чуть более остекленелым.

— Я смогу комфортно жить на это целый год, — сказала она. — И ни перед кем не быть в долгу.

Я зашел в сарай с инструментами и взял там два скребка. Через несколько минут работы мы слепили все черные лепешки в единый ком размером с дыню.

Денна чуть вздрогнула, потом подняла на меня глаза и улыбнулась. На ее щеках играл румянец.

— Мне так хорошо вдруг стало! — Она переплела руки, потирая локти ладонями. — Очень, очень хорошо. Не думаю, что это только от мыслей обо всех этих деньжищах.

— Это смола, — сказал я. — Хороший знак, что она так долго на тебя не действовала. Я бы встревожился, если бы это случилось раньше. — Я серьезно посмотрел на нее. — Теперь послушай: ты должна дать мне знать, если почувствуешь тяжесть в груди или станет трудно дышать. А если ничего этого не случится, то и прекрасно.

Денна кивнула, потом сделала глубокий вдох и выдох.

— Добрый ангел Ордаля на небесах, как мне хорошо. — Она тревожно посмотрела на меня, но улыбка все равно расползлась по ее лицу. — Я попаду в зависимость от него?

Я покачал головой, и она облегченно вздохнула.

— Вот проклятая штука. Я боюсь привыкнуть, но меня не заботит мой страх. Со мной такого никогда раньше не бывало. Неудивительно, что наш здоровенный чешуйчатый приятель возвращается за добавкой...

— Тейлу милосердный, — сказал я. — А я и не подумал об этом. Вот почему он пытался процарапать вход сюда — он чуял запах смолы. Он жрет деревья уже два оборота, по три-четыре в день.

— Величайший из сладкоедов исправно возвращается за новой дозой. — Денна рассмеялась, потом ее лицо стаю испуганным. — А сколько осталось деревьев?

— Два или три, — сказал я, припомнив ряды ям и пеньков. — Но он мог съесть еще, пока мы тут сидели.

— Ты видел сладкоедов, когда у них просыпается жажда? — с ужасом спросила Денна. — Они сходят с ума.

— Я знаю, — сказал я, припомнив девушку, которую видел в Тарбеане танцующей на снегу.

— И что, ты думаешь, он будет делать, когда деревья кончатся?

Я размышлял довольно долго.

— Пойдет искать новые. И будет в отчаянии. Он знает, что в последнем месте, где ему попадались деревья, был маленький домик, который пах людьми... Нам придется его убить.

— Убить его? — Денна рассмеялась, потом снова прижала руки ко рту. — Чем, кроме моего неплохого голоса и твоего мужского бахвальства? — Она начала неконтролируемо хихикать, несмотря на то, что закрывала рот обеими руками. — Господи, прости меня, Квоут. Сколько я еще буду вот так?

— Не знаю. Эффекты офалума — эйфория...

— Есть. — Она усмехнулась и подмигнула мне.

— Потом несильная мания, немного бреда, если доза была достаточно высокой, потом истощение всех сил.

— О, тогда я просплю целую ночь, — обрадовалась Денна. — Ты не можешь всерьез собираться убить эту тварь. Чем ты это сделаешь? Острой палкой?

— Так я его только взбешу. Требон отсюда всего в восьми километрах, а маленькие фермы еще ближе. Только представь, что он может натворить.

— Но как? — повторила она. — Как убить такую тварь?

Я повернулся к крошечному сараю.

— Если нам повезет и у этого парня было достаточно здравого смысла, чтобы купить запасной арбалет...

Я начал копать в сарае, выбрасывая из дверей барахло. Мешалки, ведра, скребки, совки, еще ведра, бочонок.

Бочонок был размером с небольшую бочку эля. Я вынес его из сарая и приоткрыл крышку. На дне лежал промасленный мешок с упругим комом смолы деннера, раза в четыре раза большим, чем мы с Денной уже наскребли.

Я вытащил мешок и положил его на землю, открыв, чтобы Денна тоже

посмотрела. Она заглянула внутрь, задохнулась, потом запрыгала.

— Теперь я смогу купить пони! — рассмеялась она.

— Не знаю, как насчет пони, — сказал я, произведя в голове расчет, — но думаю, прежде чем мы поделим деньги, тебе надо купить хорошую полуарфу. А не какую-то унылую лиру.

— Да! — обрадовалась Денна и вдруг обвила меня руками в диком восторженном объятии. — А тебе... — Она с любопытством посмотрела на меня, ее перемазанное сажей лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего. — Чего ты хочешь?

Я не успел ничего сказать — позади взревел драккус.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ЯД

Рев драккуса был подобен реву трубы, если вы сможете вообразить трубу величиной с дом, отлитую из камня, грома и расплавленного свинца. Я почувствовал его не в груди, а в ногах — от него задрожала земля.

Мы чуть с ума не сошли от этого рева. Макушка Денниной головы врезалась мне в нос, и я пошатнулся, ослепленный болью. Денна этого не заметила, поскольку в этот момент споткнулась и упала, путаясь в ногах и руках и хохоча.

Пока я помогал Денне подняться, послышался далекий треск и грохот, и мы осторожно пробрались обратно на смотровую площадку.

Драккус скакал и прыгал, словно одуревший щенок. Он сшибал деревья, как мальчишка сшибает стебли кукурузы в поле.

Затаив дыхание, я смотрел, как драккус подошел к огромному, будто серовик, столетнему дубу. Он встал на задние лапы и поставил передние на одну из нижних веток, как будто хотел залезть на нее. Ветку — размером почти с дерево — разорвало в щепки.

Драккус снова встал на задние лапы и сильнее надавил на дерево. Я наблюдал, уверенный, что он вот-вот напорется на сломанный сук, но зазубренное копьё твердого дерева только проскребло по его груди и раскрошилось. Драккус с размаху врезался в ствол, и тот хоть и не сломался, но треснул со звуком, подобным удару молнии.

Драккус сделал круг, подпрыгнул, плюхнулся наземь и принялся кататься по острым камням. Выпустив огромный язык пламени, он снова ударил в расколотый дуб огромным плоским клином головы. На этот раз дерево рухнуло; его корни вырвались из земли, взметнув фонтан земли и камней.

Единственным, о чем я мог размышлять, была тщетность попыток хоть как-то ранить это существо. Для этого требовалось куда больше сил, чем я мог собрать.

— Нет никакого способа убить его, — сказал я. — Это все равно что сражаться с бурей. Как его вообще можно ранить?

— Мы сбросим ее со скалы, — будничным тоном сообщила Денна.

— Ее? — переспросил я. — Почему ты думаешь, что это «она»?

— А почему ты думаешь, что это «он»? — парировала она и потрясла

головой, будто пытаюсь прочистить ее. — Да ладно, без разницы. Мы знаем, что его тянет к огню. Давай просто разожжем костер и свесим его с ветки. — Она указала на несколько деревьев, наклонившихся над пропастью. — А затем, когда он бросится, чтобы потушить огонь... — Она обеими руками изобразила, как что-то падает.

— Думаешь, это сможет ему повредить? — с сомнением спросил я.

— Ну, — сказала Денна, — если смахнуть муравья со стола, он не разобьется, хотя для муравья это все равно что упасть со скалы. Но если кто-нибудь из нас спрыгнет с крыши, то ушибется, потому что мы тяжелее. Отсюда вывод: чем больше существо, тем сильнее оно ударяется. — Она многозначительно посмотрела на драккуса. — А больше его вряд ли кто-то бывает.

Конечно, она была права. Она говорила о квадратно-кубическом соотношении, хотя не знала, как это назвать.

— По крайней мере, это ему повредит, — продолжала Денна. — Потом, ну не знаю, мы можем скатить на него камни или что-нибудь в этом роде. — Она посмотрела на меня. — В моей идее что-то не так?

— Не слишком-то героично. — Я развел руками. — Я ожидал чего-нибудь более эффектного.

— Ну, я оставила свои доспехи и боевого коня дома, — сказала она. — Ты просто злишься, что твой могучий университетский ум не смог придумать ничего, а мой план великолепен. — Она показала за наши спины, в замкнутую котловину. — Мы устроим костер в одном из тех чанов. Они широкие и мелкие, и хорошо нагреваются. В том сарае была какая-нибудь веревка?

— Я... — Я почувствовал знакомое падающее ощущение в животе. — Нет, кажется, не было.

Денна похлопала меня по руке.

— Не надо так расстраиваться. Когда он уйдет, мы проверим развалины хижин. Бьюсь об заклад, там веревка найдется. — Она посмотрела на драккуса. — Честно говоря, я понимаю, как она себя чувствует. Мне тоже хочется бегать кругами и на все запрыгивать.

— Это та самая мания, о которой я говорил, — сказал я.

Через четверть часа драккус ушел из долины. Только тогда мы с Денной вылезли из нашего укрытия, я с сумкой, она — с тяжелым мешком из промасленной кожи, в котором лежала вся найденная нами смола, больше тридцати килограммов.

— Дай-ка мне свой лоденник, — сказала она, ставя мешок на землю. — Ты ищешь веревку. А я собираюсь найти тебе подарочек. — Она

весело поскакала прочь, ее темные волосы развевались за спиной.

Я быстро обыскал хижину, стараясь как можно меньше дышать. Там нашлись осколки посуды, топорик, бочонок червивой муки, прелый соломенный тюфяк, клубок нетолстой бечевки, но не веревка.

Денна за деревьями издала восторженный вопль, подбежала ко мне и сунула мне в руку черную чешуйку. Она была теплая от солнца и немного больше, чем ее, но овальная, а не в форме слезы.

— Сердечно благодарю, м'леди.

Она изобразила очаровательный реверанс, улыбаясь во весь рот.

— Веревка?

Я показал клубок бечевки:

— Это все, что я смог найти. К сожалению.

Денна нахмурилась, потом беззаботно пожала плечами.

— Да и ладно. Теперь твоя очередь на план. У тебя есть какая-нибудь тайная чудесная магия из Университета? Какие-нибудь темные силы, которые лучше не трогать?

Я повертел чешуйку в руках и задумался. У меня есть воск, а эта чешуйка создаст такую же хорошую связь, как волос. Я могу сделать образ драккуса, но что потом? Огонь вряд ли беспокоит существо, которое прекрасно себя чувствует на ложе из углей.

Но с куклой можно делать и куда более неприятные вещи. Вещи, о каких приличный арканист не должен и помышлять. Манипуляции с булавками и ножами, которые могут заставить человека истечь кровью, даже если он находится за много километров от вас... Настоящее злоупотребление магией.

Я смотрел на чешуйку в своей руке и думал. Она толще моей ладони и почти целиком железная. Сумею ли я пробить чешуйку и причинить ящеру вред, даже если у меня будет кукла и большой костер для энергетической подпитки?

Но и в случае, если я попытаюсь это сделать, то все равно не узнаю, сработает ли оно. Я не мог вынести мысленной картины, как сижу у костерка и втыкаю булавки в восковую куколку, а в нескольких километрах от меня обезумевший от наркотика драккус катается по горящим руинам какой-нибудь невезучей семейной фермы.

— Нет, — сказал я. — Не могу придумать никакой магии.

— Давай пойдем и скажем констеблю, что ему нужно отрядить десяток мужчин с луками, чтобы убить сбрендившего от наркотика дракко-цыпленочка размером с дом.

Меня осенило.

— Яд, — сказал я. — Надо отравить его.

— У тебя что, с собой пара литров мышьяка? — скептически поинтересовалась она. — Да и хватит ли на такую громадину?

— Не мышьяк. — Я пихнул башмаком кожаный мешок.

Денна посмотрела на него.

— А, — сказала она, падая духом. — Но как же мой пони?

— Похоже, придется тебе обойтись без пони, — сказал я. — Но у нас все равно останется достаточно денег, чтобы купить тебе полуарфу. На самом деле мы сможем выручить еще больше за труп драккуса. Чешуя должна дорого стоить. А натуралисты в Университете будут счастливы, если смогут...

— Не надо меня уговаривать, — перебила Денна. — Я знаю, что это правильно. — Она взглянула на меня и ухмыльнулась. — Кроме того, мы станем героями: убьем дракона. Его сокровища — только сладкая подливка.

Я рассмеялся:

— Тогда ладно. Думаю, нам стоит пойти обратно на серовиковый холм и развести там костер побольше, чтобы подманить его.

Денна казалась обескураженной:

— Зачем? Мы же знаем, что он сюда вернется. Почему бы нам просто не разбить лагерь здесь и не подождать?

Я покачал головой.

— Посмотри, сколько осталось деннеров.

Она оглянулась.

— Он их все сожрал?

Я кивнул:

— Если мы убьем его сегодня вечером, то сможем вернуться в Требон к ночи, — сказал я. — Я устал спать под открытым небом. Я хочу ванну, горячую еду и настоящую кровать.

— Ты опять врешь, — жизнерадостно сообщила Денна. — Подача улучшается, но мне ты виден насквозь, как мелкий ручеек. — Она ткнула меня пальцем в грудь. — Расскажи мне правду.

— Я хочу довести тебя до Требона, — сказал я. — На тот случай, если ты проглотила больше смолы, чем для тебя безопасно. Я не поверю ни одному тамошнему врачу, но, возможно, у них есть лекарства, которые мне пригодятся. Просто на всякий случай.

— Мой герой, — улыбнулась Денна. — Ты очень мил, но я чувствую себя прекрасно.

Я протянул руку и сильно щелкнул ее по уху.

Ее рука метнулась к голове, на лице было написано возмущение.

— Да... ох... — Она смутилась.

— Совсем не больно?

— Да, — ответила она.

— Так вот, это правда, — серьезно сказал я. — Я думаю, что ты поправишься, но твердо не уверен. Я не знаю, сколько еще этого вещества осталось у тебя в организме. Через час я буду знать лучше, но, если что-то пойдет не так, я предпочту быть на час ближе к Требону. Это значит, что мне не придется нести тебя слишком далеко. — Я заглянул Денне прямо в глаза. — Я не играю с жизнями людей, которые мне небезразличны.

Она мрачно выслушала меня. Потом на ее лице снова расцвела ухмылка.

— Мне нравится твое мужское бахвальство, — сказала она. — Давай еще.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ

Возвращение на холм с серовиками заняло у нас около двух часов. Могло получиться и быстрее, но мания Денны росла, и ее избыточная энергия была больше помехой, чем помощью. Она на все отвлекалась и, если видела что-нибудь интересное, сразу весело бежала туда.

Мы пересекли тот же мелкий ручеек, что и раньше, и, хотя воды там было по щиколотку, Денна настояла на купании. Я немного умылся, потом отошел на благопристойное расстояние и слушал, как она распевает весьма пикантные песенки. Она также сделала несколько не слишком тонких намеков, что я могу присоединиться к ней в воде.

Стоит ли говорить, что я сохранял дистанцию. Есть много названий для людей, которые не прочь воспользоваться ситуацией, когда женщина не вполне владеет собой, — но ни одно из этих слов никогда не будет относиться ко мне.

Когда мы добрались до вершины холма, я направил избыток энергии Денны в мирное русло и послал ее искать дрова, а сам сложил очаг — еще больший, чем прошлой ночью. Чем ярче будет огонь, тем быстрее он привлечет драккуса.

Я уселся рядом с кожаным мешком и открыл его. От смолы шел землистый, чуть сладковатый запах, как от продымленной травы.

Денна вернулась на холм и бросила наземь охапку хвороста.

— Сколько ты собираешься взять?

— Мне надо рассчитать, — сказал я. — Сделать несколько прикидок.

— Да просто скорми ему все, — сказала Денна. — Лучше так, чем потом жалеть.

Я покачал головой.

— Нет смысла заходить так далеко. Это будет пустой тратой продукта. Кроме того, из хорошо очищенной смолы сделают сильное болеутоляющее. Люди получают лекарство...

— ...А ты получишь деньги, — закончила Денна.

— Ну да, — согласился я. — Но, честно говоря, я больше думал о твоей арфе. Ты потеряла лиру в том пожаре. Я знаю, каково жить без инструмента.

— Ты когда-нибудь слышал сказку о мальчике с золотыми стрелами? — спросила Денна. — Она всегда меня в детстве поражала. Нужно очень сильно хотеть убить человека, чтобы выстрелить в него золотой стрелой. Почему бы не сохранить золото и не уйти домой?

— Это, — кивнул я на мешок, — определенно выставляет ту сказку в новом свете. Думаю, такой ком деннеровой смолы должен стоить у аптекаря по меньшей мере пятьдесят талантов. А может, и все сто — смотря как она очищена.

Денна пожала плечами и направилась обратно к деревьям за дровами, а я начал сложный расчет: сколько нужно смолы деннера, чтобы отравить пятитонную ящерицу.

Это оказалось кошмарно трудной математической задачей. Еще больше она осложнялась тем, что у меня не было возможности провести точные измерения. Я начал с шарика размером с полмизинца — столько, по моим предположениям, проглотила на самом деле Денна. Однако Денна была потом основательно загружена углем, который уменьшал это количество где-то вполовину. У меня остался шарик смолы размером чуть больше горошины.

Но это количество всего лишь привело человеческую девушку в состояние эйфории и повышенной энергичности — я же хочу убить драккуса. Для этого я утроил дозу, потом утроил еще раз, на всякий случай. В конце концов получился шарик величиной с хорошую спелую виноградину.

Я предположил, что драккус весит пять тонн — восемьсот стоунов. Денна, по моим прикидкам, весила восемь-девять стоунов; возьмем восемь, для безопасности. Это значит, что для отравления драккуса мне нужно в сто раз больше, чем виноградина. Я скатал десять шариков размером с виноградину и слепил их вместе. Получился шарик величиной с абрикос. Я сделал еще девять таких же шариков и положил их в деревянное ведро, что мы захватили с плантации.

Денна бросила наземь еще охапку дров и заглянула в ведро.

— Столько? — спросила она. — На вид маловато.

Она была права. По сравнению с огромной тушей драккуса это выглядело сущей чепухой. Я объяснил, как пришел к этому результату. Денна кивнула.

— Звучит как будто правильно. Но не забывай, что он ел деревья большую часть месяца. Может, у него выработалась привычка.

Я кивнул и добавил в ведро еще пять шариков-абрикосов.

— И он может оказаться крепче, чем ты думаешь. Смола может по-

другому действовать на ящериц.

Я снова кивнул и добавил еще пять шариков. Потом, секунду поразмыслив, еще один.

— Теперь получается двадцать один, — объяснил я. — Хорошее число. Три семерки.

— Ничего дурного в том, чтобы переманить удачу на нашу сторону, — согласилась Денна.

— Однако мы хотим, чтобы он умер быстро, — сказал я. — Это будет гуманнее для драккуса и безопаснее для нас.

Денна посмотрела на меня.

— Так мы удваиваем это?

Я кивнул, и она снова удалилась в лес, а я скатал еще двадцать один шарик и бросил их в ведро. Денна вернулась с дровами, как раз когда я катал последний шар.

Я умял смолу на дне ведра.

— Этого должно быть предостаточно, — сказал я. — Столько офалума может убить все население Требона. Дважды.

Мы с Денной посмотрели на ведро. В нем лежало около трети всей найденной нами смолы. Того, что осталось в мешке, хватит, чтобы купить Денне полуарфу, выплатить мой долг Деви и еще останется столько, что мы сможем несколько месяцев жить со всеми удобствами. Я подумал о покупке новой одежды, целого набора струн для моей лютни, бутылки авеннийского фруктового вина...

Я подумал о драккусе, продирающемся сквозь деревья, словно сквозь стебли пшеницы, и небрежно ломающем их своим весом.

— Надо еще раз удвоить, — отозвалась Денна эхом моих собственных мыслей. — Просто чтобы быть уверенными.

Я снова удвоил количество, скатав еще сорок два шарика из смолы, а Денна тем временем таскала хворост, охапку за охапкой.

Как только начался дождь, я разжег костер. Мы сделали его больше, чем прошлой ночью, в надежде, что более яркий огонь быстрее привлечет драккуса. Я хотел, чтобы Денна добралась до Требона как можно скорее.

И наконец, я соорудил грубую лестницу с помощью найденного топорика и бечевки. Она получилась уродливой, но пригодной к употреблению, и я прислонил ее к боку серовиковой арки. На этот раз наш с Денной путь к спасению будет легок.

Наш ужин ничем не напоминал вчерашние роскошества. Пришлось обойтись остатками уже заплесневевшей лепешки, сушеным мясом и

последними картофелинами, испеченными на огне.

Пока мы ели, я рассказал Денне полную историю пожара в артной. Частично потому что я был мужчиной, причем юным, и отчаянно желал произвести на нее впечатление, но также я хотел объяснить, что пропустил наш обед из-за обстоятельств, совершенно мне неподвластных. Денна оказалась великолепной слушательницей: внимательной и ахающей в нужных местах.

Я больше не беспокоился насчет передозировки. После сбора небольшой горы хвороста мания Денны угасала, оставляя после себя удовлетворенную, почти мечтательную заторможенность. Однако я знал, что в конце концов наркотик вызовет у нее сильнейшее утомление и слабость. Я хотел, чтобы к этому времени она оказалась в безопасности — в Требоне, в постели для восстановления сил.

Когда мы закончили есть, я подошел к Денне, расслабленно привалившейся к серовику, и закатал рукава.

— Теперь мне необходимо обследовать тебя, — сказал я высокопарно.

Она лениво улыбнулась мне, глаза ее были полузакрыты.

— Ты и правда умеешь развлечь девушку задушевной беседой.

Я пощупал пульс в ямке на ее стройной шее. Он был медленным, но ровным. Денна чуть отпрянула от моего прикосновения.

— Щекотно.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Усталой, — ответила она немного невнятно. — Довольно усталой и чуть-чуть замерзшей.

Немного странно: Денна сидела в нескольких сантиметрах от пылающего костра. Я вытащил из сумки запасное одеяло и принес ей. Она тут же закуталась в него.

Я наклонился поближе, чтобы заглянуть ей в глаза. Зрачки все еще были расширены и медленно реагировали на свет, но не хуже, чем раньше.

Денна вдруг положила руку мне на щеку.

— У тебя восхитительное лицо, — сказала она, мечтательно глядя на меня. — Оно как идеальная кухня.

Я изо всех сил пытался не засмеяться. Это пришел бред. Теперь Денна будет уплывать в него и выныривать, пока полное изнеможение не унесет ее в забытие. Если вы видите в тарбеанском переулке человека, несущего чепуху, то, возможно, он на самом деле не сумасшедший, а просто сладкоед, бредящий от слишком большой дозы деннера.

— Кухня?

— Да, — подтвердила она. — Все как надо, и сахарница там, где

должна быть.

— Как ощущения, когда ты дышишь? — спросил я.

— Нормально, — беспечно сказала Денна. — Туговато, но нормально. Мое сердце забилося чуть быстрее.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня плохо с дыханием, — ответила она. — Иногда у меня в груди все делается тугим, и как будто дышишь через пудинг. — Она рассмеялась. — Я сказала: «пудинг»? Я имела в виду патоку. Как сладкий пудинг с патокой.

Я хотел гневно попенять ей, что она не сказала мне, как я просил, про трудности при дыхании, но тут же подавил порыв.

— А сейчас тяжело дышать?

Денна безразлично пожала плечами.

— Мне надо послушать твое дыхание, — сказал я. — Но у меня нет никаких инструментов, так что мне придется приложить ухо к твоей груди. Если бы ты немного расстегнула рубашку...

Денна закатила глаза и расстегнула куда больше пуговиц, чем было необходимо.

— А вот это что-то совсем новенькое, — сказала она насмешливо, на секунду показавшись совсем здоровой. — Такого со мной еще никто не делал.

Я прижал ухо к ее груди.

— И какой звук у моего сердца? — спросила она.

— Медленный, но сильный, — сказал я. — Хорошее сердце.

— Оно что-нибудь говорит?

— Ничего, что я мог бы понять, — ответил я.

— Слушай лучше.

— Сделай несколько глубоких вдохов и не разговаривай, — сказал я. — Мне надо послушать твое дыхание.

Я приготовился слушать. Воздух пошел внутрь, и грудь Денны прижалась к моей щеке. Денна выдохнула, и я почувствовал ее теплое дыхание на шее сзади. По всему моему телу побежали мурашки.

Я представил себе неодобрительный взгляд Арвила, закрыл глаза и попытался сосредоточиться на том, что делаю. Вдох и выдох — это было как слушать ветер в ветвях. Вдох и выдох — я расслышал легкий шелест, как мнущаяся бумажка, как едва заметный вздох. Но не было ни влажности, ни бульканья.

— Твои волосы очень хорошо пахнут, — сказала Денна.

Я сел.

— С тобой все хорошо, — сказал я. — Обязательно дай мне знать, если станет хуже или что-нибудь изменится.

Она милостиво кивнула и сонно улыбнулась.

Злясь, что драккус задерживается, я, будто готовя торжественный выход, подбросил в огонь еще дров. Потом посмотрел на дальние скалы, но в тусклом свете нельзя было разглядеть ничего, кроме очертаний деревьев и скал.

Денна вдруг рассмеялась.

— Я обозвала твое лицо сахарницей или чем-то в этом роде? — спросила она, уставясь на меня. — В моих словах сейчас есть вообще хоть какой-нибудь смысл?

— Это просто небольшой бред, — заверил я ее. — Ты будешь уплывать в него и выныривать, пока не уснешь.

— Надеюсь, тебе так же весело, как мне, — сказала Денна, поплотнее укутываясь в одеяло. — Это как ватный сон, только не такой теплый.

Я влез по лестнице на верхушку серовика, где мы сложили наши пожитки. Вытащив из мешка горсть смолы, я принес ее вниз и положил на край костра. Она загорелась неохотно, чадя едким дымом, который ветер относил на северо-запад, к невидимым скалам. Будем надеяться, драккус учует его и прибежит галопом.

— У меня было воспаление легких, когда я была совсем маленькой, — сказала Денна без всякого выражения. — Вот почему мои легкие не слишком хороши. Ужасно, когда не можешь дышать.

Глаза ее были полузакрыты. Она продолжила, словно рассказывая сама себе.

— Я на две минуты перестала дышать и умерла. Иногда я думаю, не ошибка ли все это и не следует ли мне быть мертвой. Но если это не ошибка, то, значит, я здесь с какой-то целью. Но если цель и есть, то я не знаю, что это за цель.

Вероятно, Денна даже не понимает, о чем говорит, и почти все главные части ее мозга уже спят, так что наутро она не вспомнит ничего происходящего сейчас. Поскольку я не знал, что ответить, то просто кивнул.

— Это первое, что ты мне сказал: «Я все думаю, что ты здесь делаешь». Мои семь слов. Я об этом думаю уже давно.

Солнце, уже скрытое облаками, наконец закатилось за западные горы. Вся округа потонула во тьме, и вершина нашего холма казалась маленьким островком в океане ночи.

Денна начала клевать носом: ее голова медленно клонилась на грудь,

потом снова поднималась. Я подошел и протянул ей руку.

— Пойдем, драккус скоро будет здесь. Нам надо забраться на камни.

Она кивнула и встала, не снимая одеяла. Я отвел ее к лестнице, и она медленно и неуклюже поднялась на верхушку камня.

Здесь, на камне, вдалеке от огня, да еще под порывами ветра, было холодно. Я расстелил на камне одеяло, и Денна, закутанная во второе одеяло, уселась на него. Холод вроде бы немного ее взбодрил: она поежилась и досадливо огляделась.

— Проклятый цыпленочек. Иди, лопай свой ужин. Мне холодно.

— Я надеялся, что к этому времени ты уже будешь лежать в теплой постели в Требоне, — признался я. — Основная часть моего великолепного плана провалилась.

— Ты всегда знаешь, где ты делаешь, — невразумительно сообщила Денна. — Ты такой важный и нужный с этими твоими зелеными глазами, которые смотрят на меня, как будто я что-то значу. Это ничего, что у тебя есть занятия получше. Достаточно того, что иногда ты есть и у меня. Хотя изредка. Я знаю, мне уже везет, потому что я все-таки немножко тебя получаю.

Я согласно кивнул, разглядывая склоны в поисках драккуса. Мы посидели еще немного, смотря в темноту. Денна уронила голову, потом снова проснулась и передернулась.

— Я знаю, ты не думаешь обо мне... — Она умолкла.

Бредящих людей лучше смешить, а то они начинают злиться.

— Да я о тебе все время думаю, Денна, — ошарашенно возразил я.

— Не опекай меня, — сварливо буркнула она, потом ее тон снова смягчился. — Ты не думаешь обо мне так. Это прекрасно. Но если тебе тоже холодно, ты мог бы подойти сюда и обнять меня. Немножко.

Мое сердце чуть не выскочило из груди. Я придвинулся ближе и сел за спиной Денны, обхватив ее руками.

— Вот так хорошо, — сказала она, расслабляясь. — Мне как будто всю жизнь было холодно.

Мы сидели, глядя на север. Денна привалилась ко мне, ощущать ее в своих объятиях было восхитительно. Я старался дышать как можно тише, чтобы не потревожить ее.

Денна немного поерзала и пробормотала:

— Ты такой мягкий, никогда не подталкиваешь, не давишь... — Она снова умолкла, сильнее навалившись на мою грудь. Потом опять встрепенулась. — Знаешь, ты мог бы давить немного сильнее. Самую чуточку.

Я сидел в темноте, держа в объятиях ее спящее тело. Денна была мягкой, теплой и несказанно драгоценной. Я никогда раньше не обнимал женщину. Через несколько минут моя спина начала болеть от двойного веса: моего собственного и Денны. Нога затекала, Деннины волосы щекотали мне нос. И все же я не двигался, боясь разрушить это мгновение — самое чудесное в моей жизни.

Денна пошевелилась во сне, потом начала заваливаться на бок и резко проснулась.

— Ложись, — сказала она снова ясным голосом. Поборовшись с одеялом, она размотала его так, чтобы оно больше не разделяло нас. — Давай. Ты тоже наверняка замерз. Ты не священник, так что никаких неприятностей тебе за это не светит. Нам будет хорошо. Просто немного тепла на этом холоде.

Я обнял ее, и она накрыла нас обоих одеялом.

Мы лежали на боку. Моя рука оказалась под ее головой, как подушка. Денна уютно свернулась калачиком вдоль моего тела, так легко и естественно, словно была создана для этого.

Теперь я понял, что ошибался: вот самый чудесный миг в моей жизни. Денна заворочалась.

— Я знаю, ты не имел это в виду, — ясно произнесла она.

— Не имел в виду что? — мягко спросил я. Ее голос стал другим, он больше не был сонным и усталым. «Может, она говорит во сне?» — подумал я.

— Ну, тогда. Ты сказал, что вырубешь меня и заставишь жевать угли. Ты ведь никогда не ударишь меня, правда? Даже ради моего блага?

По моей спине прошел холодок.

— Что ты имеешь в виду?

Последовала долгая пауза, и я уже решил, что Денна заснула, когда она вдруг вновь заговорила:

— Я не все тебе рассказала. Я знаю, что Ясень не погиб на ферме. Когда я шла к пожару, он нашел меня. Он вернулся и сказал, что все мертвы. Он сказал, люди будут меня подозревать, если я окажусь единственной, кто выжил...

Я почувствовал, как во мне поднимается тяжелая темная ярость. Я знал, что Денна скажет дальше, но не перебивал ее. Я не хотел слушать, но понимал, что ей нужно кому-то рассказать.

— Он не стал делать это неожиданно, — продолжала она. — Он убедился, что я сама этого хочу. Я понимала, что если сделаю что-нибудь с собой, это не будет выглядеть убедительно. Он удостоверился, что я

действительно хочу, чтобы он это сделал. Он заставил меня просить ударить меня. Просто чтобы быть уверенным... И он был прав. — Она совсем не шевелилась, говоря. — Даже и так они что-то подозревали. Но если бы он этого не сделал, я сейчас могла быть в тюрьме. Меня могли повесить.

Гнев вскипел во мне.

— Денна, — сказал я. — Человек, который мог такое с тобой сделать... он не стоит твоего времени. Ни одной минуты. Дело не в том, что он — всего лишь полбуханки. Он протух насквозь. Ты заслуживаешь лучшего.

— Кто знает, чего я заслуживаю? — сказала она. — Он — не лучшая моя буханка, а единственная. Или он, или голод.

— У тебя есть другие возможности, — сказал я и замялся, припомнив свою беседу с Деочем. — Ты... у тебя...

— У меня есть ты, — мечтательно сказала Денна. Я ощущал в ее голосе теплую сонную улыбку, как у ребенка, которого укладывают в постельку. — Ты будешь моим темноглазым прекрасным принцем и защитишь меня от свиней? Будешь мне петь? Затаскивать на высокие деревья... — Она умолкла, не закончив фразы.

— Буду, — пообещал я и по тому, как потяжелела ее голова на моей руке, понял, что она наконец-то заснула.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЖЕЛЕЗУ

Я лежал без сна, чувствуя легкое дыхание Денны на своей руке. Я бы не смог заснуть, даже если бы захотел. Близость Денны наполняла меня кипучей энергией, тихим теплом, мягким звенящим гулом. Я лежал без сна, запоминая каждый момент, драгоценный, как бриллиант.

И тут в отдалении послышался треск сломанной ветки. Потом еще один, ближе. Только недавно я ничего так не желал, как скорейшего явления драккуса к нашему костру. Теперь я бы отдал правую руку за то, чтобы он погулял где-нибудь еще минут пять.

Но он все же пришел. Я начал медленно вытягивать руку из-под Денны. Она едва шевельнулась.

— Денна?

Я потряс ее, сначала осторожно, потом посильнее. Ничего. Я не удивился: нет ничего глубже сна сладкоеда.

Я укрыл ее одеялом, потом подложил ей под один бок свою сумку, а под другой кожаный мешок — словно обложки книги. Если Денна повернется во сне, она уткнется в них, прежде чем подкатится к краю серовика.

Я переполз на другой край камня и посмотрел на север. Облака над головой все еще висели плотной пеленой, так что за пределами круга света от костра не было видно ничего.

Осторожно ощупав камень, я нашел бечевку, перекинутую через серовик. Другой ее конец был привязан к веревочной ручке деревянного ведра, стоящего внизу, посередине между костром и серовиками. Я сильно опасался, что драккус может случайно разбить ведро, прежде чем унюхает смолу. В этом случае я планировал вытащить ведро у него из-под носа, а потом снова сбросить. Денна посмеялась над моим проектом, обозвав его цыплячьей удочкой.

Шумно продираясь сквозь кусты, драккус взобрался на вершину холма и остановился прямо в круге света. Его темные глаза горели красным, на чешуе плясали алые отсветы. Он принялся и начал обходить костер, медленно мотая головой из стороны в сторону. Потом выдул широкий язык синего огня, что, как я понял, было либо своего рода приветствием, либо вызовом.

И вдруг он бросился к костру. Хотя я наблюдал за ним не в первый раз, но не переставал удивляться, насколько быстро может двигаться это громадное животное. Драккус остановился как вкопанный прямо у костра, снова принялся и направился к ведру.

Ведро, хоть и сделанное из прочного дерева и рассчитанное литров на десять, выглядело рядом с головой драккуса крошечным, как чайная чашечка. Ящер снова принялся, потом толкнул ведро носом и опрокинул его.

Ведро прокатилось по дуге, но смола в нем была умята плотно. Драккус сделал еще шаг, снова принялся и взял ведро в пасть.

Меня охватило такое облегчение, что я даже забыл выпустить бечевку. Ее выдернуло из моих рук, когда драккус начал жевать ведро, перемалывая его массивными челюстями. Потом он дернул головой вверх и вниз, проталкивая липкую массу в глотку.

Я испустил глубокий вздох облегчения и сел, чтобы лучше видеть драккуса, кружащего около костра. Ящер выдохнул вал синего пламени, еще один, потом повернулся и покатился по огню, извиваясь и впечатывая его в грязь.

Разметав костер, драккус занялся тем же, чем и в прошлый раз: искал разбросанные дрова, катался по ним, пока они не гасли, а потом пожирал. Я почти чувствовал, как каждая новая палка и полено, которые он проглатывал, проталкивают смолу деннера глубже в его желудок, дробя, перемешивая и помогая ей раствориться.

Прошло четверть часа, и драккус завершил борьбу с огнем. Я надеялся, что к этому времени уже начнет сказываться действие смолы. По моим прикидкам, он съел раз в шесть больше летальной дозы, так что начальные стадии эйфории и мании пройдут быстро. Потом наступят бред, паралич, кома и смерть. Я подсчитал, что все должно закончиться где-то за час, а может, и раньше.

Наблюдая, как драккус воюет с разметанными огнями, я почувствовал укол сожаления: это было великолепное животное. Мне не хотелось убивать его — не хотелось больше, чем пускать на ветер офалум, стоящий шестьдесят талантов. Однако у меня не было никаких сомнений в том, что случится, если предоставить событиям идти своей чередой, а отягощать свою совесть смертями невинных людей мне хотелось еще меньше.

Вскоре драккус прекратил есть. Теперь он просто катался по разбросанным веткам, гася огонь. Двигался он куда более энергично — верный признак того, что смола деннера уже начала действовать. Он стал ворчать, басовито и гулко — рык, рык, язык синего огня, пережат, рык,

перекат.

Наконец от костра не осталось ничего, кроме поблескивающих углей. Как и в прошлый раз, драккус покрутился по ним и лег, окончательно потушив весь огонь на вершине.

С минуту он лежал спокойно. Потом заворчал снова — рык, рык, язык пламени. Он зарывался брюхом глубже в угли, как будто ерзал от волнения. Если это начало мании, то, на мой взгляд, оно пришло слишком поздно. Я-то надеялся, что сейчас он будет уже на всех парах двигаться к бреду. Неужели я неправильно рассчитал дозу?

Мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я заметил, что откуда-то идет свет. Сначала я подумал, что раздуло облака и из-за горизонта выглядывает луна. Но когда отвернулся от драккуса и посмотрел назад, то увидел кое-что другое.

На юго-западе, едва ли в трех километрах от нас, сиял Требон. Это был не обычный тусклый свечной свет в окнах — нет, там повсюду горели высокие костры. На секунду я решил, что город объят пожаром.

Но потом понял, что происходит: праздник урожая. В центре города горит огромный костер, а около домов — костры поменьше, где люди потчуют сидром усталых работников. Сейчас все пьют и бросают в костры соломенные чучела — куклы, связанные из снопов пшеницы, ячменя, соломы, мякины. Чучела, сделанные так, чтобы быстро и ярко вспыхивать, — ритуал конца года, предназначенный для отпугивания демонов.

Позади меня заворчал и заворочался драккус. Я посмотрел на него со своего каменного насеста. Как и я, он лежал головой к темным скалам на севере, а Требон был в противоположной стороне.

Я не религиозный человек, но должен признаться, что тогда молился. Я от всего сердца молил Тейлу и всех его ангелов, чтобы драккус умер — просто тихо уснул и умер, не поворачиваясь и не видя огней города.

Я выждал несколько долгих минут и уже решил, что драккус уснул, но, приглядевшись, увидел, что голова его мотается из стороны в сторону. Мои глаза совсем привыкли к темноте, и огни Требона словно стали ярче. Прошло полчаса с тех пор, как драккус сожрал смолу. Почему он до сих пор не умер?

Я хотел сбросить вниз остатки смолы, но не решился. Если драккус повернется ко мне, он посмотрит на юг, на город. Даже если я брошу мешок со смолой прямо перед ним, он может повернуться, чтобы поудобнее устроиться на кострище. Может, если...

Драккус взревел, так же гулко и мощно, как и раньше. Я не

сомневался, что в Требоне его услышали. Я бы не удивился, если бы его услышали даже в Имре. Я взглянул на Денну: она пошевелилась во сне, но не проснулась.

Драккус подпрыгнул на угольном ложе, мотая головой, как игривый щенок. Угли местами еще тлели, давая мне достаточно света, чтобы разглядеть, как огромное животное перекатилось, подпрыгнуло, клацнуло в воздухе зубами, повернулось...

— Нет, — сказал я. — Нет-нет-нет.

Драккус посмотрел на Требон. Я видел, как пляшущие огни города отражаются в огромных глазах. Он выдохнул еще один язык синего пламени: вверх, по высокой дуге. Тот же самый сигнал он подавал раньше — приветствие или вызов.

Драккус сорвался с места и пустился бежать, с безумной энергией ломаясь вниз по склону. Я слышал, как он крушит и грызет деревья; снова раздался рев.

Я включил свою симпатическую лампу, подошел к Денне и сильно ее потряс.

— Денна, Денна! Ты должна проснуться!

Она едва шевельнулась.

Я приподнял ей веко и проверил зрачки. Они не выказали прежней медлительности и быстро сжались в ответ на свет лампы. Значит, деннеровая смола наконец вышла из организма, теперь это уже просто изнеможение, и ничего больше. На всякий случай я приподнял оба ее века и снова поднес лампу.

Да, зрачки пришли в норму, с Денной все в порядке. Словно чтобы подтвердить мой вывод, Денна сердито нахмурилась и отвернулась от света, пробормотав что-то невнятное и совершенно не подходящее даме. Я не все разобрал, но слова «шлюхoder» и «отвали» повторялись не единожды.

Я сгреб ее вместе с одеялами и осторожно снес вниз, на землю, положив под каменную арку. Когда я подтыкал одеяло, она вроде бы проснулась.

— Денна?

— Шо там? — пробормотала она сквозь сон, ее глаза под веками еле двигались.

— Денна! Драккус идет в Требон! Мне придется...

Я запнулся из-за того, что она соскользнула обратно в беспамятство. Но я также не очень-то представлял, что мне придется делать.

Надо было действовать. Обычно драккус не сунулся бы в город, но

обезумевший от наркотика, да еще с манией, — я не представлял, как на него действуют праздничные огни. Если он устроит в городе погром, это будет моя вина. Я должен что-то сделать.

Я бросился на вершину серовика, схватил обе сумки и спустился обратно. Вытряхнув все вещи на землю, я схватил арбалетные болты, завернул их в рваную рубашку и запихал обратно в сумку. Туда же я сунул железную чешуйку и бутылку с брендом, уложенную в мешок со смолой.

Во рту у меня пересохло, так что я быстро глотнул из фляги, закрыл ее и оставил Денне. Когда она проснется, ее будет мучить чудовищная жажда.

Я забросил сумку на плечо и плотно притянул ее к спине. Потом включил симпатическую лампу, подхватил топорик и побежал.

Мне надо было убить дракона.

Я бежал через лес как сумасшедший, свет симпатической лампы дико скакал, озаряя препятствия впереди за пару мгновений до того, как я успевал на них налететь. Не слишком удивительно, что, сбегая по склону, я споткнулся и покатился вверх тормашками. Поднявшись, я легко нашел лампу, а топорик искать не стал, в глубине души понимая, что против драккуса он будет совершенно бесполезен.

Я упал еще дважды, прежде чем выбрался на дорогу, но по ней уже можно было бежать без опаски. Пригнув голову, как спринтер, я рванул к далеким огням города. Я знал, что драккус быстрее меня, но надеялся, что его задержат деревья или он собьется с пути. Если я прибегу в город первым, то смогу предупредить всех, подготовить...

Но когда дорога вышла из леса, я увидел, что огни стали ярче и больше. Пылали дома. Я слышал почти непрерывный рев драккуса вперемешку с криками и пронзительным визгом.

Перед городом я перешел на быстрый шаг, восстанавливая дыхание. Потом вскарабкался по стене одного из немногих двухэтажных домов и вылез на крышу — посмотреть, что происходит.

По всей городской площади были разбросаны горящие дрова. Некоторые из ближайших домов и лавок были пробиты насквозь, словно гнилые бочонки, и почти все горели. Огонь лизал дранку крыш. Если бы не вечерний дождь, уже полыхал бы весь город, а не только порушенные дома вокруг площади. Однако это был всего лишь вопрос времени.

Я не мог разглядеть драккуса, но слышал ужасный шум, который он производил, катаясь по руинам горящего дома. Высоко над крышами взвился всплеск синего огня, и снова раздался рев. От этого звука я pokrылся потом: кто знает, что происходит в одурманенном наркотиком

мозгу ящера?

Везде были люди. Одни стояли, как громом пораженные, другие в панике бежали к церкви, надеясь, что их спасет высокое каменное здание или огромное железное колесо над входом, призванное защищать от демонов. Но двери церкви были заперты, и людям приходилось искать спасения в других местах. В окнах виднелись перепуганные плачущие лица, но многие из горожан все же сохранили присутствие духа и уже организовали цепочку из ведер — от городской цистерны на ратуше к ближайшему горящему дому.

И тут я понял, что мне делать. Ощущение было такое, будто я вышел на сцену: страх и колебания покинули меня. Все, что мне оставалось, — сыграть свою роль.

Я перепрыгнул на соседнюю крышу, потом дальше и дальше, с одной на другую, пока не оказался на доме рядом с городской площадью, где разлетевшиеся из костра поленья подожгли крышу. Оторвав толстый кусок дранки, горящий с одного конца, я бросился к ратуше.

Я пробежал всего две крыши и вдруг поскользнулся. Слишком поздно я понял, что перепрыгнул на трактир — он был крыт не деревом, а глиняной черепицей, скользкой от дождя. Падая, я изо всех сил старался не выпустить горящую дранку, даже не пытаясь остановить падение. Я соскользнул почти до края и остановился, мое сердце бешено колотилось.

Почти не дыша, я сдернул с ног башмаки, вскочил и понесся дальше, привычно молотя по крышам мозолистыми ступнями. Я бежал, прыгал, снова бежал, соскальзывал и опять прыгал. Наконец я раскачался и ухватился одной рукой за водосточный желоб на плоской каменной крыше ратуши.

Все еще сжимая в руке горящую дранку, я взлетел по лестнице наверх цистерны, шепча беззвучные благодарности тем, кто оставил ее открытой.

Пока я несся по крышам, пламя на дранке угасло, оставив на конце ее тонкую тлеющую полоску. Я осторожно раздул огонь, и скоро он весело запылал. Разломив дранку пополам, я бросил половину на плоскую крышу внизу.

Потом повернулся и оглядел город, отмечая самые большие пожары. Шесть из них были особенно плохи: языки пламени взлетали высоко в небо. Элкса Дал всегда говорил, что все огни — это один огонь, и все огни подвластны симпатисту. Прекрасно, все огни — один огонь. Как и огонь на этом куске дранки. Я пробормотал заклинание и сфокусировал алар, затем торопливо нацарапал ногтем на дереве руны «уле», «доч» и «песин». За это короткое время вся дранка уже задымилась, обжигая мне руку.

Я уцепился ногами за ступеньку лестницы и свесился глубоко в цистерну, погрузив дранку в воду. На секунду мою руку охватил холод, но вода тут же нагрелась. Хотя щепка была уже под водой, я видел, что ее краешек все еще тлеет.

Второй рукой я вытащил нож и загнал его сквозь дранку глубоко в стенку цистерны, пригвоздив свою самодельную сигалдри под водой. Без сомнения, это был самый быстрый и самый халтурный теплом из всех, когда-либо созданных.

Вернувшись на лестницу, я оглядел благословенно темный город. Огни притухли и во многих местах обратились в тусклые угли. Я не погасил пожары совсем, только притушил их настолько, чтобы дать горожанам с ведрами справиться самим.

Но работа была сделана только наполовину. Я спрыгнул на крышу и подобрал брошенную половину дранки; она все еще горела. Потом соскользнул по водосточной трубе на землю и побежал по темным улицам, через городскую площадь — к тейлинской церкви.

Я остановился под огромным дубом, который рос перед главным входом и пока еще не расстался с пожелтевшим листовым убором. Опустившись на колени, я открыл сумку и вытащил промасленный кожаный мешок с оставшейся смолой. Потом вылил на него бутылку бренда и поджег от щепки. Он быстро вспыхнул, сочась едим, сладко пахнущим дымом.

Потом я зажал плоский конец дранки в зубах, подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и начал карабкаться на дерево. Это было легче, чем лезть по стене, и я забрался достаточно высоко, чтобы легко перескочить на широкий каменный карниз под окном второго этажа церкви. Перед тем как прыгнуть, я отломил от дуба прутик и сунул в карман.

Я прополз по карнизу туда, где висело железное колесо. Лезть по нему было быстрее, чем по лестнице; железные спицы под мокрыми руками казались на удивление холодными.

Забравшись на самый верх колеса, я подтянулся оттуда на плоскую макушку самого высокого в городе здания. Пожаров внизу было почти не видно, а вопли в основном перешли в рыдания и тихий гул поспешных переговоров. Я вытащил изо рта дранку и принялся раздувать ее, пока она снова не разгорелась. Потом я сосредоточился, пробормотал другое заклинание и поднес к огню дубовый прутик. Бросив взгляд на город, я увидел, что стало еще темнее.

Прошла секунда.

Внезапно дуб внизу вспыхнул ослепительным пламенем. Все его

листья загорелись одновременно, и он пылал ярче тысячи факелов.

В этой вспышке света я увидел, как в двух улицах от меня драккус поднял голову. Он взревел, выдохнул облачко синего пламени и бросился к огню. Слишком резко повернув за угол, он со всего маху врезался в стену лавки и проломил ее, как картон. Перед деревом он притормозил, снова и снова выдыхая огонь. Вспыхнув, листья дуба быстро гасли, превращаясь в тысячи тлеющих звездочек, отчего дерево походило на гигантский потушенный канделябр.

В тусклом красном свете драккус казался всего лишь тенью. Но я все же разглядел, что он обескураженно озирается: яркий огонь погас — противник пропал. Огромный клин головы мотался туда-сюда, туда-сюда. Я выругался сквозь зубы: драккус был слишком далеко.

Вдруг он принялся, так шумно, что я расслышал это с крыши, возвышавшейся над ним метров на тридцать. Потом, учуяв сладкий запах горячей смолы, драккус щелкнул зубами. Он не выказал прежней осторожности и буквально набросился на смолу, раздирая мешок широченной пастью.

Я вздохнул поглубже и потряс головой, отгоняя навалившуюся слабость. Совершив два довольно значительных симпатических усилия очень быстро, одно за другим, я чувствовал себя изрядно отупевшим.

Но, как говорится, два без трех не бывает. Я разделил свой разум надвое, потом, с некоторым усилием, натрое. Ничто, кроме тройного связывания, здесь бы не помогло.

Пока драккус работал челюстями, пытаясь проглотить липкий ком смолы, я отыскал в сумке чешуйку и достал из плаща лоденник. Потом четко произнес заклинания и сфокусировал алар. Подняв перед собой чешуйку и лоденник, я стал медленно сближать их, пока не почувствовал, что их тянет друг к другу.

Сосредоточение, фокусировка...

Я отпустил лоденник. Он полетел к железной чешуйке, а под моими ногами фонтаном брызнули камни — огромное железное колесо вырвалось из стены церкви.

Тонна кованого железа рухнула на драккуса. Внимательный наблюдатель мог заметить, что колесо упало быстрее, чем это возможно под действием одной лишь гравитации. Он бы мог также заметить, что колесо упало под странным углом — словно его притянуло к драккусу. Почти как если бы сам Тейлу в гневе швырнул его в чудовище могучей дланью.

Но никто не наблюдал за происходящим. И никакой бог не вмешался в

него. Только я.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ГОРДОСТЬ

Поглядев вниз, я увидел драккуса, придавленного огромным железным колесом. Он лежит перед церковью, неподвижный и черный, и, хотя иначе поступить было нельзя, я почувствовал сожаление, что убил бедную тварь.

Долгую минуту я, совершенно измотанный, наслаждался чистым бесконечным облегчением. Осенний воздух был свеж и сладок, несмотря на дым, а каменная крыша церкви приятно холодила мои ступни. Чуть не лопаюсь от гордости, я сунул чешуйку и лоденник обратно в сумку, глубоко вздохнул и еще раз посмотрел на спасенный мною город.

И тут же услышал нарастающий скрежет и грохот, крыша подо мной задрожала. Фасад церкви оседал, рассыпался, и я зашатался, словно мир вдруг выскочил из-под моих ног. Я поискал глазами, куда можно безопасно перепрыгнуть, но поблизости ничего не было. Я рванулся назад, но в эту минуту крыша обрушилась каменным дождем.

В отчаянии я прыгнул на обугленный дуб, ухватился за ветку, но она сломалась под моим весом. Я пролетел сквозь ветви, ударился головой и упал во тьму.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ВЯЗ, РЯБИНА, ЯСЕНЬ...

Я проснулся в постели. В комнате. В трактире. Остальное прояснилось не сразу: я чувствовал себя так, как будто кто-то шарахнул меня по голове всей церковью.

Я был вымыт и перевязан. Очень тщательно перевязан. Кто-то считал необходимым позаботиться обо всех моих ранах — не важно, насколько серьезных. Белый лен охватывал мою голову, грудь, колено и одну ступню. Кто-то даже промыл и перевязал царапины на руках и ножевую рану, полученную три дня назад, когда Амбрововы наймиты пытались меня убить.

Шишка на голове, похоже, была худшим из всех повреждений: она пульсировала и не давала поднять голову, заставляя мир кружиться перед глазами. Каждое мое движение оказывалось принудительным уроком по анатомии. Я спустил ноги с кровати и поморщился: «Травма глубоких тканей медиально-полонной части правой ноги». Сел: «Сильное сдавление хрящей нижних ребер». Встал: «Небольшое растяжение суб... транс... демоны, как там это называется?» Я представил себе нахмуренные брови Арвила за круглыми очками.

Моя одежда оказалась выстирана и зачинена. Я натянул ее, двигаясь как можно медленнее, чтобы не пропустить ни одного возмущенного сообщения из тех, что посылаю мне тело. Порадовался, что в комнате нет зеркала, подозревая, что выгляжу совершенным калекой. Повязка вокруг головы сильно меня раздражала, но я решил ее не снимать. Судя по ощущениям, она единственная была способна удержать мою голову от рассыпания на части.

Потом я подошел к окну. Небо было затянуто облаками, и в сером свете город выглядел ужасно — все покрывали сажа и пепел. Лавка через дорогу походила на кукольный домик, растоптанный солдатским сапогом. Люди передвигались медленно, осторожно пробираясь между обломками. Облака висели так плотно, что я не мог понять, какое сейчас время суток.

Я почувствовал слабое движение воздуха — открылась дверь — и повернулся. В проеме появилась женщина, молодая, миловидная, скромная, — такие девушки всегда работают в небольших трактирах вроде этого, и их всех хочется называть Нелли, Нелл. Они живут, постоянно

вздрагивая, потому что трактирщики, нередко обладающие дурным нравом и острым языком, не стесняются поколачивать служанок. При виде меня девушка разинула рот, явно удивленная тем, что я не в постели.

— Кто-нибудь погиб? — спросил я.

Она покачала головой.

— Лирамову парнишке руку размозжило. Да еще кой-кто обжегся и всякое такое...

Я почувствовал, как напряжение уходит из меня.

— Вам нельзя вставать, сэр. Доктор сказал, что вы можете и вовсе не очнуться. Вам надо отдыхать.

— А... моя кузина вернулась в город? — спросил я. — Девушка, которая была на ферме Маутенов. Она тоже здесь?

Девушка покачала головой:

— Только вы, сэр.

— Который час?

— Ужин еще не совсем готов, сэр. Но я могу принести вам что-нибудь, если хотите.

Моя сумка лежала у кровати. Я закинул ее на плечо — странное ощущение, когда в сумке нет ничего, кроме чешуйки и лоденника, — поискал глазами башмаки, но тут же вспомнил, что сбросил их для лучшего сцепления с крышами вчера ночью.

Я вышел из комнаты — девушка поплелась за мной — и направился вниз, в общий зал. За стойкой стоял тот же парень, что и прежде, все с той же хмурой миной.

Я подошел к нему.

— Моя кузина, — сказал я. — Она в городе?

Бармен обратил угрюмую физиономию к двери за моей спиной, где как раз возникла девушка.

— Нелл, во имя ада господня, чем ты думаешь, когда позволяешь ему вставать? Клянусь, у тебя нет и тех мозгов, что бог дал собаке.

Так ее и вправду зовут Нелл. При других обстоятельствах я нашел бы это весьма забавным.

Он повернулся ко мне и изобразил улыбку, которая на самом деле представляла собой другую разновидность хмурости.

— Что, парень, болит лицо-то? Я прям весь истревожился. — Он хохотнул над собственной шуткой.

Я бросил на него испепеляющий взгляд.

— Я спрашивал о моей кузине.

Трактирщик покачал головой.

— Она не возвращалась. И скатертью дорожка дурным гостям, вот что я скажу.

— Принеси мне хлеба, фруктов и любого готового мяса из кладовки, — сказал я. — И бутылку авеннийского фруктового вина. Земляничного, если есть.

Он навалился на стойку и поднял бровь. Его хмурая мина преобразовалась в покровительственную улыбку.

— Не стоит так спешить, сынок. Констебль захочет поговорить с тобой, раз уж ты очухался.

Я стиснул зубы, не выпуская первые слова, и сделал глубокий вдох.

— Послушайте, у меня было несколько исключительно трудных дней, моя голова болит так, что вам ума не хватит это представить, да еще мой друг может попасть в беду. — Я смерил его взглядом, исполненным ледяного спокойствия. — У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Так что любезно прошу вас: дайте мне то, о чем я прошу. — Я вытащил кошелек. — Пожалуйста.

Трактирщик уставился на меня, на его лице медленно проступала злость.

— Больно нагло говоришь. Побольше уважения, не то я тебя усажу и к стулу привяжу, пока констебль не придет.

Я бросил на стойку железный драб, а второй крепко зажал в кулаке.

Он нахмурился сильнее.

— Что это?

Я сконцентрировался и почувствовал, как по рукам бежит холодок.

— Это ваши чаевые, — сказал я, когда от драба потянулась тонкая струйка дыма. — За быстрое и любезное обслуживание.

Лак вокруг драба запузырился и почернел. Трактирщик ошарашенно и перепуганно воззрился на монету.

— Теперь дайте мне то, о чем я просил, — сказал я, глядя ему в глаза. — И еще флягу воды. Или я сожгу это заведение дотла и спляшу на развалинах и ваших обгорелых костях.

На вершину холма с серовиками я пришел с полной сумкой. Я был бос и тяжело дышал, а голова моя раскапывалась от боли. Денны нигде не было видно.

Быстро обыскав вершину, я обнаружил все свои разбросанные пожитки там же, где их оставил. Фляга была почти пуста, но все остальное лежало здесь. Денна, наверное, отошла по зову природы.

Я подождал — куда дольше, чем имело смысл. Потом позвал ее,

сначала негромко, потом все громче, хотя от крика моя голова едва не рассыпалась на части. Наконец я просто сел и вздохнул. Все, о чем я мог думать, это Денна: вот она проснулась, одна, больная, умирая от жажды и плохо понимая, что происходит. Что она подумала?

Я немного поел, пытаюсь придумать, что делать дальше. Поразмыслив, не открыть ли бутылку вина, я решил, что это плохая идея, поскольку у меня, без сомнения, было легкое сотрясение мозга. Я поборол неосознанный страх, что Денна, возможно, бродит по лесам в бреду и мне нужно идти ее искать. Я раздумывал, не разжечь ли костер, чтобы она увидела его и вернулась...

Но нет. Я понимал, она просто ушла. Проснулась, увидела, что меня нет, и ушла. Она сама сказала, когда мы покидали трактир в Требоне: «Я ухожу оттуда, где мне не рады. Все остальное можно добыть по пути». Решила ли она, что я бросил ее?

В любом случае, я нутром чуял, что Денна ушла отсюда давно. Я упаковал сумку, потом, просто на всякий случай, написал записку, объясняющую все происшедшее и говорящую, что я буду ждать ее в Требоне еще сутки. Я написал угольком ее имя на одном из серовиков, потом нарисовал стрелку вниз — туда, где я оставил всю принесенную с собой еду, бутылку воды и одно одеяло.

Потом я ушел. Настроение было не из лучших. Мои мысли отнюдь не блистали добротой и кротостью.

Когда я вернулся в Требон, над городом сгущались сумерки. Я пробрался на крыши с чуть большей осторожностью, чем обычно. Похоже, чувству равновесия я не смогу доверять еще несколько дней, пока голова не придет в норму.

Однако залезть на крышу трактира, где я нашел свои башмаки, было невеликим подвигом. Отсюда, при тусклом вечернем свете, город выглядел невесело. Передняя стена церкви полностью обрушилась, и почти треть города носила отметины огня. Некоторые здания были только опалены, но от других остались лишь пепел да зола. Несмотря на мои усилия, пожар, видимо, вышел из-под контроля, когда я потерял сознание.

Я посмотрел на север, на вершину серовикового холма, надеясь увидеть там искорку огня, но ничего такого, конечно же, не было.

Потом перелез на плоскую крышу ратуши и забрался по лестнице на цистерну. Она была почти пуста. Полметра воды поблескивало у дна, намного ниже моего ножа, пригвождающего к стенке обугленный кусок дранки. Это объясняло нынешнее состояние города. Когда уровень воды

упал ниже моей кустарной сигадрри, огонь вспыхнул снова. Однако моя попытка замедлила пожар. Если бы не это, города могло не остаться вообще.

В трактире обнаружилась огромная толпа угрюмых, перемазанных сажей людей, собравшихся выпить и обменяться новостями. Моего хмурого приятеля нигде не было видно, но несколько человек сгруппировались около стойки, оживленно обсуждая то, что видели там.

Мэр и констебль тоже были здесь. Едва заметив меня, они тут же поволокли меня в отдельный кабинет поговорить.

Я был суров и мрачен, а после событий последних нескольких дней высокое положение двух упитанных старичков не слишком меня устрасило. Они это поняли и занервничали. У меня болела голова, так что я был не особенно расположен объясняться и вполне комфортно чувствовал себя посреди неловкого молчания. Поэтому они заговорили первыми и своими вопросами рассказали мне большую часть того, что я хотел узнать.

Ущерб, причиненный городу, оказался благословенно мал. Поскольку шел праздник урожая, никого не застали врасплох спящим. Было множество ушибов, опаленных волос, народ надышался дымом, но, если не считать нескольких серьезных ожогов и парня, чью руку раздавило упавшим бревном, больше всех, похоже, пострадал я.

Горожане были непоколебимо уверены, что драккус — демон, огромный черный демон, извергающий огонь и яд. Если кто-то и сомневался хоть на йоту, то после того, как чудовище было убито священным железом Тейлу, в это поверили все.

Также все согласились, что демоническая тварь виновна и в побоище на ферме Маутенов — резонный вывод, хоть и абсолютно неверный. Попытаться убедить их в чем-либо другом значило бы бессмысленно тратить время.

Меня нашли без сознания на железном колесе, убившем демона. Местный костоправ заштопал меня как мог и, не зная о замечательной крепости моего черепа, выразил глубокое сомнение, что я вообще очнусь.

Поначалу все полагали, что я просто невезучий прохожий или что я как-то ухитрился выломать колесо из церковной стены, однако мое чудесное выздоровление в сочетании с дырой, прожженной в стойке, побудило людей наконец обратить внимание на то, о чем целый день талдычили мальчик и старая вдова: когда дуб вспыхнул, как факел, они увидели, что кто-то стоит на крыше церкви. Снизу фигуру озарял свет, а руки ее были воздеты, будто в молитве.

Наконец мэр и констебль исчерпали все, что могли сказать, чтобы

заполнить молчание, и умолкли, взволнованно переводя взгляд друг на друга.

И тут до меня дошло, что они видят перед собой не оборванного нищего парнишку, но загадочного, покрытого ранами человека, который убил демона. Я не имел причин их разубеждать: было самое время извлечь из этого дела хоть какую-то пользу для себя. Если они считают меня героем или святым, у меня в руках есть хороший рычаг.

— Что вы сделали с телом демона? — спросил я, и старики облегченно вздохнули. До этой секунды я и десятка слов не произнес, почти на все их вопросы отвечая угрюмым молчанием.

— Не тревожьтесь об этом, сэр, — сказал констебль. — Мы сделали все, что нужно.

Мой желудок сжался, и я понял даже раньше, чем они это произнесли: драккуса сожгли и закопали. Это существо было научной диковиной, а они сожгли и закопали его, словно мусор. Я знал хранистов-натуралистов из архивов, которые бы руки дали на отсечение, чтобы изучить столь редкое животное. Я даже в глубине души надеялся, что, предоставив им такую возможность, смогу получить допуск в архивы.

А чешуя и кости! Сотни килограммов органического железа, за которое алхимики устроили бы драку...

Мэр радостно закивал и пропел:

— «Вырой яму, десять на два. Вяз в огонь, рябину, ясень...» — Он закашлялся. — Хотя тут, конечно, яма побольше была. Все в очередь копали, чтоб как можно быстрее вышло. — Он поднял руку, с гордостью показывая ряд свежих мозолей.

Я закрыл глаза и подавил порыв разнести эту комнату вдребезги и обругать их на восьми языках. Теперь понятно, почему город до сих пор в таком плачевном состоянии: все были заняты сжиганием и захоронением существа, стоящего королевских деньжищ.

Однако с этим уже ничего нельзя было поделать. Я сомневался, что моей новообретенной репутации хватит, чтобы защитить меня, если они поймают меня за выкапыванием драккуса.

— А девушка, которая вышла на свадьбе у Маутенов, — сказал я. — Кто-нибудь ее сегодня видел?

Мэр вопросительно посмотрел на констебля.

— Я вроде не слышал. Думаете, она как-то связана с чудовищем?

— Что? — Вопрос был столь абсурдным, что я сначала его даже не понял. — Нет! Не говорите чепухи, — сурово велел им я. Вот уж последнее, что мне сейчас нужно: замешать во все это Денну. — Она

помогала мне в работе, — сказал я, благоразумно избегая излишней ясности.

Мэр зыркнул на констебля, потом снова посмотрел на меня.

— А ваша... работа здесь закончена? — спросил он осторожно, словно боясь причинить мне обиду. — Я, конечно же, не собираюсь вмешиваться в ваши дела... но... — Он нервно облизнул губы. — Почему это случилось? В безопасности ли мы теперь?

— Вы в безопасности настолько, насколько я могу вам помочь, — уклончиво ответил я. Кажется, это прозвучало героически. Если единственное, что я смогу получить здесь, — некоторая репутация, стоит позаботиться о том, чтобы она была правильной.

Потом у меня родилась идея.

— Чтобы быть уверенным в вашей безопасности, мне кое-что нужно. — Я наклонился вперед в кресле и переплел пальцы. — Мне нужно знать, что Маутен выкопал на Стогробнике.

Отцы города удивленно переглянулись: «Как он об этом узнал?»

Я откинулся в кресле, подавив порыв заухмыляться, как кот, дорвавшийся до голубятни.

— Если я узнаю, что Маутен там нашел, я смогу сделать все возможное, чтобы такого больше не случилось. Я знаю, что это был секрет, но кто-то в городе наверняка знает хоть немного больше. Пустите слух и приведите ко мне всякого, кто хоть что-нибудь знает.

Я встал, легко и изящно. Потребовалось немалое сознательное усилие, чтобы не поморщиться от взрыва боли во всем теле.

— Но пусть они придут побыстрее. Я уеду завтра вечером. У меня срочные дела на юге.

И я вышел, театрально взмахнув плащом. Я актер до мозга костей и знаю, как надо уходить, когда сцена закончена.

Следующий день я провел, отъедаясь и валяясь в мягкой кровати. Я принял ванну, позаботился о своих многочисленных и многообразных ранах — в общем, наслаждался заслуженным отдыхом. Несколько человек зашли, чтобы рассказать мне то, что я и так уже знал: Маутен выкопал захороненные кости и нашел еще что-то зарытое. Что это было? Просто «что-то». Больше никто ничего не знал.

Я сидел у кровати, обдумывая идею написать песню о драккусе, когда услышал робкий стук в дверь — такой слабый, что я едва его заметил.

— Войдите.

Дверь приоткрылась чуть-чуть, потом шире. Девочка лет, наверное,

тринадцати нервно оглядела комнату и проскользнула внутрь, тихо закрыв за собой дверь. У нее были волнистые мышасто-русые волосы и бледное личико с яркими пятнами румянца на щеках. В глазах девочки застыла темная пустота, как будто она долго не спала или много плакала — или и то и другое.

— Вы хотели знать, что Маутен раскопал? — Она посмотрела на меня и отвела взгляд.

— Как тебя зовут? — мягко спросил я.

— Вериания Грейфлок, — послушно отозвалась она. Потом испуганно присела в реверансе, не поднимая глаз.

— Прекрасное имя, — сказал я. — Вериан — это такой крошечный алый цветок. — Я улыбнулся, пытаюсь успокоить ее. — Ты когда-нибудь видела такой?

Девочка покачала головой, все так же глядя в пол.

— Но тебя, наверное, никто не зовет Верианией. Ты Нина?

Она подняла глаза. Слабая улыбка появилась на ее измученном личике.

— Так меня бабушка зовет.

— Давай присядем, Нина. — Я кивнул на кровать, поскольку в комнате не имелось ничего другого, на что можно было бы сесть.

Она села, нервно теребя подол.

— Я видела это. Ту штуку, что они из гробника откопали. — Нина посмотрела на меня, потом снова на свои руки. — Джимми, младшенький Маутена, он показал мне.

Мое сердце забилося быстрее.

— Что же это было?

— Большущий разукрашенный горшок, — тихонько сказала Нина. — Такой вот высоты. — Она подняла руку на метр над полом. Рука ее дрожала. — На нем всякие надписи да картинки были. Весь-весь был разукрашенный. Я таких цветов и не видела никогда. А кой-какие краски блестящие были, словно золото и серебро.

— А что было на картинках? — спросил я, с трудом сохраняя спокойствие.

— Люди, — ответила она. — Больше все люди. Там женщина была, она держала сломанный меч, и мужчина возле засохшего дерева, и еще один, его собака за ногу кусала... — Нина умолкла.

— Там был человек с белыми волосами и черными глазами?

Она кивнула, вытаращившись на меня во все глаза.

— Опиши мне остальных.

Девочка поежилась.

Чандрианы. Это была ваза, изображающая чандриан и их знаки.

— Ты можешь вспомнить еще что-нибудь про эти картинки? — спросил я. — Не спеши, подумай хорошенько.

Она подумала.

— Был еще один без лица — просто капюшон, а внутри ничего. Возле его ног зеркало лежало, а над ним всякие луны. Ну знаете: полная, половинка и серник. — Нина опустила глаза, припоминая. — И была еще женщина... — Она зарделась. — Не вся одетая.

— А еще что-нибудь можешь вспомнить? — спросил я.

Она покачала головой.

— А что за надписи?

Нина опять покачала головой.

— Там все по-иноземному было. Ничего не понять.

— Как думаешь, сможешь нарисовать что-нибудь из тех надписей?

Она снова потрясла головой:

— Я горшок этот всего-то полминутки видела. Мы с Джимми знали, что если евоный папаша поймает нас, то как пить дать прибьет. — Ее глаза внезапно наполнились слезами. — Раз я его видела, демоны теперь и за мной придут?

Я успокаивающе покачал головой, но она все равно расплакалась.

— Я уж так боюсь после того, как у Маутенов все так вышло, — прорыдала Нина. — И все сны снятся. Я же знаю, они и за мной придут.

Я сел рядом с ней на кровать и обнял ее, бормоча успокоительные глупости. Ее рыдания медленно утихали.

— Никто за тобой не придет.

Нина подняла на меня взгляд. Она больше не плакала, но я видел, что в глубине души она все еще боится. Никаких успокаивающих слов не хватило бы, чтобы разубедить ее.

Я встал и подошел к своему плащу.

— Давай-ка я тебе кое-что подарю, — сказал я, шаря в одном из карманов. Я вытащил деталь симпатической лампы, над которой работал в артной, — диск из светлого металла, покрытый с одной стороны сложной сигалдри.

Я вручил Нине диск.

— Я получил этот амулет, когда был в Велоране — далеко, за Штормвальскими горами. Это самый лучший амулет против демонов.

Нина посмотрела на него, потом на меня.

— А вам он разве не нужен?

Я покачал головой.

— У меня есть другие способы защиты.

Она прижала диск к груди, слезы снова заструились по ее щекам.

— О, спасибо, спасибо вам. Я его всегда буду при себе носить. — Костяшки ее пальцев побелели.

Она потеряет его. Не скоро, но через год, два или десять. Такова человеческая натура, и, когда это случится, ей будет еще хуже, чем сейчас.

— В этом нет нужды, — быстро сказал я. — Он работает вот так. — Я взял ее руку, крепко сжимавшую металлический диск, и обхватил ее ладонь своей. — Закрой глаза.

Нина закрыла глаза, и я медленно процитировал первые десять строк из «Вевалора сартане». На самом деле не слишком подходяще, но больше мне в тот момент ничего в голову не пришло. Темийский — очень впечатляющий язык, особенно если у вас хороший драматический баритон, как у меня.

Я закончил, и Нина открыла глаза. Они были полны восхищения и чуда, а не слез.

— Теперь он настроен на тебя, — сказал я. — Не важно, где он находится, он все равно будет тебя защищать и хранить. Ты можешь даже сломать его и расплавить, но чары будут держаться.

Девочка обвила меня руками и поцеловала в щеку. Потом вдруг вскочила, покраснев. Ее глаза сияли, она больше не выглядела бледной и измученной. К тому же она оказалась красавицей, а я и не заметил сперва.

Вскоре Нина ушла, а я немного посидел на кровати, размышляя.

За последний месяц я вытащил девушку из пылающего ада, призвал огонь и молнию на убийц, а сам остался невредим. Я даже убил существо, которое могло быть драконом или демоном — в зависимости от точки зрения.

Но только здесь, в этой комнате, я впервые почувствовал себя героем. Если вы ищете причину, почему я стал тем, кем стал, если вы ищете начало — загляните туда.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тем же вечером я собрал свои вещи и спустился в общий зал. Горожане пилились на меня и взволнованно перешептывались. Проходя к стойке, я уловил несколько комментариев и вспомнил, что вчера большинство людей видели меня обмотанным повязками, предположительно скрывающими ужасные раны. Сегодня же все повязки исчезли, и на мне оказалась лишь парочка небольших ссадин и синяков. Еще одно чудо. Я изо всех сил постарался не улыбнуться.

Унылый трактирщик сообщил мне, что и помыслить не может требовать с меня деньги, когда весь город у меня в долгу и все такое прочее. Я настаивал. Нет-нет, ни за что, он и слышать об этом не хочет. Разве только он может сделать для меня что-нибудь еще, чтобы выразить свою благодарность.

Я напустил на лицо задумчивое выражение. Ну, раз уж он завел об этом речь, то не случилось ли ему разжиться еще одной бутылкой того прекрасного земляничного вина...

Я отправился в Ивсдаунские доки и получил место на барже, идущей вниз по реке. Потом поспрашивал докеров, не видел ли кто молодую женщину, проходившую здесь в последнюю пару дней. Темноволосую, красивую...

Видели: она была здесь вчера днем и уплыла вниз по реке. Я почувствовал некоторое облегчение, узнав, что Денна цела и относительно здорова. Но в остальном я не знал, что и думать. Почему она не пришла в Требон? Решила ли она, что я ее бросил? Помнила ли что-нибудь из того, о чем мы говорили, лежа в обнимку на серовике?

Мы пристали в Имре за несколько часов до рассвета, и я отправился напрямик к Деви. После бурной торговли я отдал ей лоденник и один талант, чтобы покрыть мой чрезвычайно краткосрочный заем в двадцать талантов. На мне все еще висел прежний долг, но после всего, через что я прошел, четыре таланта уже не казались мне столь зловеще невозможной суммой, хотя мой кошелек был снова почти пуст.

Возвращение в привычное русло заняло некоторое время. Я отсутствовал всего четыре дня, но мне пришлось извиняться и давать объяснения самым разным людям. Я пропустил встречу с графом Трепе,

два занятия с Манетом и обед с Фелой. Анкеру пришлось два вечера обходиться без музыканта. Даже Аури мягко упрекнула меня, что я не приходил навестить ее.

Я пропустил занятия у Килвина, Элксы Дала и Арвила. Все они приняли мои извинения с милостивым неодобрением. Я знал, что, когда назначат плату за следующую четверть, мне придется кошельком ответить за мое внезапное исчезновение.

Но важнее всех для меня были Вил и Сим. Они слышали сплетни, что на какого-то студента напали в переулке. Поскольку физиономия Амброза в последние дни была еще самодовольней, чем обычно, друзья решили, что я бежал из города или, в худшем случае, покоюсь на дне реки Омети с камнем на шее.

Они были единственными, кто получил истинное объяснение всего происшедшего. Хотя я и не открыл им правду о том, почему так интересуюсь чандрианами, но рассказал всю историю целиком и показал чешуйку. Друзья были должным образом поражены, но тут же недвусмысленно объяснили мне, что в следующий раз следует оставить им записку, иначе придется жестоко поплатиться.

И я искал Денну, надеясь дать самые важные объяснения из всех, но мои поиски, как всегда, были безуспешны.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

В конце концов я нашел Денну — как у меня всегда получалось, по чистой случайности.

Я торопливо шел по улице, занятый кучей разнообразных мыслей, и, повернув за угол, остановился как вкопанный: я чуть не налетел на нее.

Полсекунды мы оба просто стояли, ошеломленные и потерявшие дар речи. Хотя я искал ее лицо в каждой тени, в каждом окне кареты многие дни, встреча поразила меня. Я помнил форму ее глаз, но не очарование, их темноту, но не глубину. И теперь близость Денны вытеснила воздух из моей груди, как будто я внезапно оказался глубоко под водой.

Долгими часами я обдумывал, как должна пройти наша встреча, — я проиграл эту сцену в мозгу тысячу раз. Я боялся, что Денна будет отчужденной, молчаливой и обиженно замкнутой. Я опасался, что она заплачет, или накинется на меня с бранью, или просто отвернется и уйдет.

Денна одарила меня восторженной улыбкой.

— Квоут! — Она схватила мою руку и сжала ее в ладонях. — Я скучала по тебе. Где ты был?

От облегчения на меня навалилась слабость.

— Да ты знаешь, и там и сям. — Я рассеянно помахал рукой. — Везде.

— Ты намеренно оставил меня на мели, — сказала она с насмешливо-серьезным видом. — Я ждала и ждала, но прилив не пришел.

Я уже собрался объяснить ей все, но тут Денна указала на мужчину рядом с собой.

— Простите мою грубость. Квоут, это Лентарен. Лентарен, это Квоут.

Лентарен был высокий и поджарый; прилично мускулистый, прилично одетый и прилично воспитанный; с линией подбородка, которой гордился бы каменотес, и ровными белыми зубами. Он выглядел как прекрасный принц из сказки и прямо-таки вонял деньгами.

Он улыбнулся непринужденно и дружелюбно.

— Приятно познакомиться, Квоут, — сказал он с изящным полупоклоном.

Я вернул поклон на чистом рефлексе, блеснув своей самой очаровательной улыбкой.

— К вашим услугам, Лентарен.

Я снова повернулся к Денне.

— Нам обязательно надо пообедать в ближайшие дни, — жизнерадостно заявил я, чуть заметным изгибом брови спрашивая: «Это мастер Ясень?» — У меня есть для тебя парочка интересных историй.

— Непременно. — Она чуть качнула головой, отвечая мне: «Нет». — Ты ушел раньше, чем закончилась предыдущая. Я ужасно огорчилась, что пропустила финал. Прямо чуть с ума не сошла.

— О, там вышло то же самое, что уже ты слышала тысячу раз, — сказал я. — Прекрасный принц убивает дракона, но теряет сокровище и девушку.

— Ах, какая трагедия, — опустила глаза Денна. — Не тот конец, на который я надеялась, но не худший, чем ожидала.

— Если бы на этом все кончилось, это действительно была бы трагедия, — согласился я. — Но на самом деле все зависит от того, как смотреть. Я предпочитаю думать, что эту историю ждет увлекательное продолжение.

Мимо прокатилась карета, и Лентарен отступил с дороги, случайно задев Денну. Она рефлексивно ухватила за его руку.

— Обычно я не ввязываюсь в истории с продолжениями, — сказала она. На мгновение ее лицо стало серьезным и непроницаемым, но потом она пожала плечами и одарила меня тенью кривой улыбки. — Но я уже изменяла этому принципу раньше. Может быть, ты убедишь меня сделать это еще раз.

Я указал на футляр за своим плечом.

— Я играю у Анкера почти каждый вечер, так что заглядывай, если что...

— Загляну. — Денна вздохнула и посмотрела на Лентарена. — Мы уже опаздываем?

Он сощурил глаз на солнце и кивнул.

— Опаздываем. Но мы еще можем их догнать, если поторопимся.

Она снова повернулась ко мне.

— Извини, у нас встреча: катаемся на лошадях.

— О, тогда я не стану вас задерживать, — сказал я, изящно отступая с пути.

Мы с Лентареном вежливо кивнули друг другу.

— Я скоро найду тебя, — сказала Денна, повернувшись ко мне, когда они проходили мимо.

— Иди же. — Я кивнул в ту сторону, куда они направлялись. — Не позволяй мне тебя задержать.

Я смотрел, как они уходят по мощеным улочкам Имре. Вместе.

Вил и Сим уже ждали меня во дворике перед «Эолианом», заняв скамейку с видом на фонтан. Вода посверкивала на скульптурных нимфах, бегущих от сатира.

Я поставил футляр с лютней у скамейки и рассеянно откинул крышку, подумав, что моей лютне, наверное, хочется погреть струны на солнце. Если вы не музыкант, вам этого не понять.

Потом я сел рядом с друзьями, и Вил вручил мне яблоко. По площади бродил ветерок, и я засмотрелся, как струя фонтана колышется на ветру, словно газовый занавес. Несколько красных кленовых листьев кружились в танце над камнями мостовой. Я смотрел, как они скачут и выются, рисуя в воздухе странные сложные траектории.

— Полагаю, ты наконец нашел Денну? — через некоторое время спросил Вилем.

Я кивнул, не отрывая глаз от листьев. Рассказывать о встрече мне не очень-то хотелось.

— Я догадался по тому, что ты такой тихий, — сказал он.

— Плохо прошло? — робко осведомился Сим.

— Повернулось не так, как я надеялся, — признал я.

Они многозначительно покивали, и снова наступила тишина.

— Я все время думаю о том, что ты нам рассказал, — сказал Вил, — что твоя Денна говорила. В ее истории есть дырка.

Мы с Симом с любопытством уставились на него.

— Она сказала, что ищет своего покровителя, — объяснил Вилем. — Она пошла с тобой искать его. Но потом сказала, что знает, что он уцелел, потому что он... — Вил сделал многозначительную паузу. — Встретил ее, когда она шла к горячей ферме. Так вот, кое-что не сходится. Зачем ей искать его следы, если она знала, что он жив?

Мне это и в голову не приходило. Прежде чем я нашелся с ответом, Симмон покачал головой.

— Да она просто придумала повод провести время с Квоутом, — сказал он, словно это было ясно как день.

Вилем чуть нахмурился.

Сим перевел взгляд с меня на Вила, явно удивленный, что надо еще что-то объяснять.

— Да очевидно же, что она к тебе неровно дышит, — сказал он и начал загибать пальцы. — Она находит тебя у Анкера. Она приходит и уводит тебя из «Эолиана» в тот вечер, когда мы там пили. Она придумывает повод,

чтобы пару дней побродить с тобой в глуши...

— Сим, — раздраженно оборвал его я. — Если бы она интересовалась мной, я бы находил ее чаще, чем раз в месяц.

— Это логическая ошибка, — с готовностью парировал Сим. — Ложная причинность. Это доказывает только то, что ты плохо ее ищешь или ее трудно найти. А вовсе не то, что ты ее не интересуешь.

— На самом деле, — указал Вил, принимая сторону Симы, — поскольку она находит тебя чаще, чем ты ее, то, вероятно, она проводит немало времени в поисках. Тебя не так уж легко выследить. Это признак интереса.

Я подумал о записке, которую Денна оставила мне, и на секунду почти поверил, что Сим может оказаться прав. В моей груди затеплился огонек надежды при воспоминании о том, как мы лежали вместе на серовике.

Но потом я вспомнил, что той ночью Денна бредила, и припомнил, как она опиралась на руку Лентарена. Я представил себе высокого, красивого, богатого Лентарена и всех прочих бесчисленных мужчин, которым есть что предложить ей — кое-что побольше неплохого голоса и мужского бахвальства.

— Да ты сам знаешь, что я прав! — Симмон отбросил волосы с глаз, по-мальчишески ухмыльнувшись. — Тебе нечего возразить! Она явно одурела от тебя. А ты вообще дурачок, так что вы прекрасно подходите друг другу.

Я вздохнул.

— Сим, я счастлив, что дружу с ней. Денна замечательный человек, и мне нравится общаться с ней. И все.

Я вложил в голос нужное количество веселого безразличия, чтобы Сим не поймал меня на слове и хотя бы на время оставил эту тему.

Секунду Сим пялился на меня, а потом пожал плечами.

— Ну, раз так, — сказал он, махнув куском курицы, — то Фела тоже все время о тебе говорит. Полагает, что ты классный парень. Да еще вся эта история со спасением жизни. Уверен, у тебя там есть шанс.

Я пожал плечами, наблюдая за игрой ветра с фонтанной струей.

— Знаешь, что нам надо...

Сим остановился на полуслове, глядя куда-то мимо меня. С его лица исчезло всякое выражение.

Я повернулся туда и увидел, что футляр пуст. Моя лютня пропала. Я дико огляделся, готовый вскочить и броситься на поиски, но нужды не было — в нескольких метрах от нас стоял Амброз с друзьями. Он небрежно держал мою лютню за гриф.

— Ох, Тейлу милосердный, — вздохнул Симмон за моей спиной. Потом нормальным голосом сказал: — Отдай, Амброз.

— Тихо, э'лир, — огрызнулся тот. — Не твое дело.

Я встал, глядя прямо на него — и на мою лютню. Раньше я считал, что Амброз выше меня, но тут заметил, что мы одного роста. Он, кажется, тоже слегка удивился.

— Дай, — сказал я и протянул руку, с удивлением заметив, что она не дрожит. Зато я дрожал внутри: наполовину от страха, наполовину от ярости.

Две части меня пытались говорить одновременно. Первая кричала: «Пожалуйста, не делай с ней ничего. Не разбивай ее. Пожалуйста, отдай. Не держи ее так». Вторая половина скандировала: «Я ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу!» — как будто плевалась кровью.

Я шагнул вперед.

— Отдай ее мне.

Мой голос казался странным для моих собственных ушей: бесстрастный и ровный. Ровный, как моя протянутая ладонь. Я перестал дрожать внутри.

Амброз застыл на секунду: что-то в моем тоне его озадачило. Я чувствовал: он в замешательстве — я повел себя не так, как он ожидал. За моей спиной Симмон и Вилем задержали дыхание. За спиной Амброза умолкли его дружки, вдруг потеряв уверенность.

Амброз улыбнулся и вскинул бровь.

— Но я написал для тебя песню, и надо на чем-то подыграть.

Он неуклюже перехватил лютню и ударил по струнам, не заботясь ни о ритме, ни о мелодии. Люди остановились посмотреть, а он запел:

Жил однажды оборвыш по имени Квоут,
Чей язык был на колкости скорым.
Магистры его умным считали
И поркой его награждали.

К этому времени собралось довольно много прохожих, они засмеялись и захлопали маленькому выступлению Амброза. Ободренный, Амброз изобразил низкий поклон.

— Теперь все хором! — крикнул он, воздевая руки, словно дирижер оркестра, и размахивая моей лютней как палочкой.

Я сделал еще один шаг.

— Отдай, или я убью тебя. — В этот момент я говорил совершенно серьезно.

Все умолкли. Видя, что от меня он не добьется желаемого успеха, Амброз изобразил полную невозмутимость.

— У некоторых людей нет никакого чувства юмора, — со вздохом сказал он. — Лови.

Он бросил мне лютню, но лютни не созданы для того, чтобы их швыряли: она неуклюже перевернулась в воздухе, и я схватил лишь пустоту. Неловок был Амброз или жесток, значения не имеет — моя лютня, издав жалобный треск, упала корпусом вниз на камни мостовой.

Этот звук напомнил мне тот ужасный треск, с которым отцовская лютня раскололась подо мной в покрытом копотью тарбеанском переулке. Я наклонился подобрать лютню, и она застонала, как раненое животное. Амброз полуобернулся ко мне, и я увидел насмешливые искорки в его глазах.

Я открыл рот, чтобы закричать, заорать, обложить его проклятиями. Но что-то иное вырвалось из моего горла — слово, которого я не знал и не мог помнить.

Потом я слышал только голос ветра: он взревел во двореке, как внезапная буря. Ближайшую двуколку боком протащило по мостовой, лошади в панике подались назад. Вырвавшаяся из чьих-то рук нотная тетрадь промелькнула мимо, словно белая молния. Меня толкнуло вперед. Всех толкало ветром — всех, кроме Амброза, который лежал, пригвожденный к земле будто бы ударом длани Господней.

И вдруг все снова успокоилось. Бумаги попадали, кружась, как осенние листья. Люди оглядывались: ошеломленные, с растрепавшимися волосами и одеждой. Несколько человек пошатнулись, когда напор стихии, которой они сопротивлялись, исчез.

Горло у меня болело. Моя лютня была разбита.

Амброз, шатаясь, поднялся на ноги. Он неловко прижимал руку к боку, по волосам текла кровь. Полный дикой растерянности и ужаса взгляд, который он бросил на меня, доставил мне краткое, но сладкое удовольствие. Я прикинул, не крикнуть ли на него еще раз — интересно же, что получится. Придет ли снова ветер? Или, может, земля поглотит его?

Я услышал паническое ржание лошади. Из «Эолиана» и других домов вокруг дворика начали выбегать люди. Музыканты ошарашенно озирались, и все галдели разом.

— ...это было?

— ...ноты все разлетелись. Помогите собрать, пока они...

— ...сделал это. Этот, вон там, с рыжими...

— ...демон. Демон ветра и...

Я оглядывался в тупом оцепенении, пока Вилем и Симмон не увели меня торопливо прочь.

— Мы не знали, куда его отвести, — сказал Симмон Килвину.

— Расскажите-ка мне все сначала, — спокойно велел Килвин. — Но теперь пусть говорит только один. — Он ткнул пальцем в Вилема. — Попытайся поставить слова в ровный ряд.

Мы сидели в кабинете Килвина. Дверь была закрыта, занавески задернуты. Вилем начал объяснять, что случилось, потом увлекся и перешел на сиару. Килвин продолжал кивать, храня задумчивое молчание. Симмон напряженно слушал, вставляя иногда слово-другое.

Я сидел рядом на табурете. В моем разуме бешеным вихрем крутились смятение и невысказанные вопросы. Горло болело, тело было налито усталостью и отработавшим адреналином. В центре всего этого, глубоко в груди, кусочек меня горел гневом, словно раскаленный уголь в горне. А снаружи царила великая немота, как будто меня покрыли толстым слоем воска. Не осталось никакого Квоута — только смятение, гнев и немота, окутывающая его. Я был как воробышек, попавший в сердце бури и не способный ни найти надежную ветку, чтобы уцепиться, ни контролировать свой кувыркающийся полет.

Вилем уже подходил к концу объяснения, когда в кабинет ворвался Элодин, не постучав и не поздоровавшись. Вилем умолк. Я едва взглянул на магистра имен и снова уставился на разбитую лютню в моих руках. Когда я повернул ее, острая щепка вонзилась мне в палец. Я тупо смотрел, как капля крови набухла и упала на пол.

Элодин встал прямо передо мной, не утруждая себя разговорами с кем-либо еще.

— Квоут?

— С ним что-то не в порядке, магистр, — сказал Симмон звенящим от тревоги голосом. — Он совсем онемел. Ни слова не говорит.

Я слышал слова и знал, что они имеют значение, и даже знал, какие значения принадлежат им, но не мог извлечь из них никакого смысла.

— Думаю, он ударился головой, — сказал Вилем. — Он смотрит на тебя, но сказать ничего не может. Как собака.

— Квоут? — повторил Элодин. Когда я не ответил и не поднял взгляда, он протянул руку и мягко взял меня за подбородок, чтобы я посмотрел ему в глаза. — Квоут.

Я моргнул.

Он посмотрел на меня. Его темные глаза как-то уравнивали меня. Сдерживали бурю внутри.

— Аэрлевседи, — сказал он. — Повтори.

— Что? — переспросил Симмон где-то вдалеке. — Ветер?

— Аэрлевседи, — терпеливо повторил Элодин, пристально глядя мне в лицо своими темными глазами.

— Аэрлевседи, — тупо сказал я.

Элодин на секунду умиротворенно прикрыл глаза, как будто пытался уловить слабое звучание мелодии, мягко плывущей по ветру. Я снова посмотрел вниз, на разбитую лютню в моих руках, но, прежде чем мой взгляд опять ушел слишком далеко, магистр снова поймал меня за подбородок.

Его глаза ухватили мой взгляд. Оцепенение ослабло, но буря в моей голове продолжала бушевать. Тогда взгляд Элодина изменился. Он перестал смотреть на меня, а заглянул в меня — я могу описать это только так. Он заглянул глубоко внутрь, не в глаза, а сквозь глаза. Его взгляд вошел в меня и прочно угнездился в моей груди, как будто магистр запустил внутрь обе руки, нащупывая очертания легких, движение сердца, жар гнева, узор бури, грохочущей во мне.

Элодин наклонился вперед, и его губы коснулись моего уха — я почувствовал его дыхание. Он сказал слово... и буря утихла. Я нашел, где приземлиться.

Есть игра, которую в какой-то момент изобретает каждый ребенок. Ты раскидываешь руки в стороны и быстро вращаешься, наблюдая, как размывается мир. Сначала теряешь ориентацию, но если продолжать крутиться достаточно долго, то все изменяется, и голова больше не кружится от вращения в этом размытом мире.

Потом ты останавливаешься, и мир возвращается в привычное состояние. Головокружение ударяет, как гром, все кренится, шатается, движется. Мир качается вокруг тебя.

Именно это и случилось, когда Элодин успокоил бурю в моей голове. Завопив от внезапного жестокого головокружения, я раскинул руки, чтобы не упасть, — вбок, вверх, внутрь. Мои ноги запутались в табурете, я начал валиться на пол и почувствовал, как меня подхватывают чьи-то руки.

Ощущение было ужасное, но быстро проходило. К тому времени, как я пришел в себя, Элодин исчез.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

РУКИ ПРОТИВ МЕНЯ

Симмон и Вилем увели меня в мою комнатку у Анкера, где я упал на кровать и провел восемнадцать часов за дверями сна. Я проснулся на следующий день, чувствуя себя на удивление хорошо — особенно учитывая то, что спал я прямо в одежде, а мочевого пузыря, судя по ощущениям, раздулся до размеров арбуза.

Удача улыбнулась мне, подарив достаточно времени на еду и ванну, прежде чем меня отыскал один из рассыльных мальчишек Джеймисона. Через полчаса мне следовало явиться в Зал магистров и прокатиться на рогах.

Я и Амброз стояли перед магистерским столом. Он обвинил меня в злоупотреблении магией. В ответ я обвинил его в краже, уничтожении чужой собственности и «поведении, неподобающем члену арканума». После моего предыдущего опыта катания на рогах я ознакомился с «Рерум Кодекс», официальным уставом Университета. Я прочитал его дважды, чтобы получить полное представление о том, как здесь все заведено. А потом выучил его наизусть, как собственные руки.

К сожалению, теперь я точно знал, в какой беде оказался. Обвинение в злоупотреблении было очень серьезным. Если меня посчитают виновным в намеренном причинении вреда Амброзу, меня высекут и исключат из Университета.

Вряд ли кто-нибудь мог усомниться, что я причинил Амброзу вред: он был весь покрыт синяками и прихрамывал. Лоб украшала ослепительно алая ссадина. Рука покоилась на перевязи, но я не сомневался, что эту деталь он присочинил сам.

Кроме того, я не имел ни малейшего представления, что на самом деле произошло. Я не успел ни с кем поговорить, даже не успел поблагодарить Элодина за вчерашнюю помощь в кабинете у Килвина.

Магистры дали высказаться каждому из нас. Амброз демонстрировал наилучшие манеры, то есть говорил очень вежливо, когда вообще говорил. Через некоторое время я начал подозревать, что его медлительность может быть вызвана слишком большой дозой болеутоляющего. Взглянув на его чуть остекленевшие глаза, я предположил лауданум.

— Давайте разбираться с обвинениями по степени их тяжести, — сказал ректор после того, как мы изложили каждый свою сторону.

Магистр Хемме поднял руку, и ректор кивнул ему говорить.

— Прежде чем голосовать, надо объединить обвинения, — сказал Хемме. — Жалобы э'лира Квоута избыточны. Нельзя обвинить студента и в краже, и в уничтожении одной и той же собственности — или одно, или другое.

— Почему вы так считаете, магистр? — вежливо спросил я.

— Кража подразумевает завладение чужой собственностью, — сказал Хемме рассудительным тоном. — Как можно владеть чем-либо, что ты уничтожил? Одно из двух обвинений должно быть снято.

Ректор посмотрел на меня.

— Э'лир Квоут, желаете ли вы снять одно из ваших обвинений?

— Нет, сэр.

— Тогда я требую голосования за снятие обвинения в краже, — сказал Хемме.

Ректор ожег его гневным взглядом за высказывание без очереди, потом снова повернулся ко мне.

— Упорствование перед лицом рассудка вряд ли похвально, э'лир, а магистр Хемме привел убедительный аргумент.

— Магистр Хемме привел несостоятельный аргумент, — бесстрастно сообщил я. — Кража подразумевает присвоение чужой собственности. Смешно утверждать, что нельзя уничтожить украденное.

Я увидел, как несколько магистров кивнули, но Хемме стоял на своем.

— Магистр Лоррен, каково наказание за кражу?

— Студенту можно дать не более двух ударов по спине одинарным кнутом, — процитировал Лоррен. — И он обязан вернуть собственность или стоимость собственности плюс штраф в размере одного серебряного таланта.

— А наказание за уничтожение собственности?

— Студент должен оплатить замену или ремонт собственности.

— Видите? — сказал Хемме. — Есть возможность, что ему придется дважды заплатить за одну и ту же лютню. В этом нет справедливости — только двойное наказание за одно и то же.

— Нет, магистр Хемме, — вмешался я. — Это наказание за кражу и за уничтожение собственности. — Ректор бросил на меня тот же взгляд, который раньше получил Хемме, но я продолжал: — Если бы я одолжил ему свою лютню, а он бы разбил ее, это было бы одно дело. Если бы он украл ее, но оставил целой — другое. В данном случае нет ни того ни

другого — есть оба.

Ректор постучал костяшками пальцев по столу, утихомиривая нас.

— Я правильно понимаю, что вы не снимете ни одно из обвинений?

— Не сниму.

Хемме поднял руку и получил слово.

— Я предлагаю голосование, чтобы вычеркнуть обвинение в краже.

— Кто за? — устало спросил ректор. Хемме поднял руку, и с ним Брандье, Мандраг и Лоррен. — Пять с половиной против четырех: обвинение остается.

Ректор понесся дальше, не давая никому опомниться.

— Кто находит ре'лара Амброза виновным в уничтожении собственности? — Все подняли руки, кроме Хемме и Брандье. Ректор посмотрел на меня. — Сколько ты заплатил за свою лютню?

— Девять талантов и шесть, — соврал я, зная, что это вполне разумная цена.

Тут Амброз не сдержался:

— Да ладно. Ты десяти талантов в жизни в руках не держал.

Раздраженный, ректор постучал костяшками пальцев по столу, чтобы прекратить это, но тут поднял руку Брандье.

— Ре'лар Амброз поднимает интересный вопрос. Как студент, который пришел к нам нищим, получил такие деньги?

Некоторые из магистров задумчиво посмотрели на меня. Я опустил глаза, будто бы в смущении.

— Я выиграл их в уголки, сэры.

Послышалось веселое перешептывание. Элодин рассмеялся вслух. Ректор постучал по столу.

— Ре'лару Амброзу следует заплатить штраф в девять талантов и шесть. Кто-нибудь из магистров возражает против этого?

Хемме поднял руку и остался в одиночестве.

— По обвинению в краже. Назначаемое число ударов?

— Ни одного, — сказал я, вызвав несколько удивленно поднятых бровей.

— Кто находит ре'лара Амброза виновным в краже? — спросил ректор. Хемме, Брандье и Лоррен не подняли рук. — Ре'лару Амброзу присуждается штраф в десять талантов и шесть. Кто-нибудь из магистров возражает против этого?

На этот раз приунывший Хемме руки не поднял.

Ректор набрал побольше воздуха и выпустил его залпом:

— Магистр архивов, каково наказание за поведение, неподобающее

члену арканума?

— Студент может быть оштрафован, выпорот, временно исключен из арканума или исключен из Университета в зависимости от тяжести обвинения, — спокойно произнес Лоррен.

— Назначаемое наказание?

— Временное исключение из арканума, — сказал я, как будто это была самая естественная вещь в мире.

Самообладание Амброза дало трещину.

— Что? — недоверчиво переспросил он, поворачиваясь ко мне.

Хемме вмешался.

— Эрма, это становится смешным.

Ректор посмотрел на меня с легким укором.

— Боюсь, я вынужден согласиться с магистром Хемме, э'лир Квоут. Я не думаю, что этот случай может быть основанием для исключения.

— Я не согласен, — сказал я, пытаясь собрать все силы своего убеждения. — Подумайте о том, что вы только что услышали. По единственной причине личной антипатии ко мне Амброз публично насмеялся надо мной, а потом украл и уничтожил единственную ценную вещь, которая у меня была. Разве такое поведение должен демонстрировать член арканума? Такие ли качества вы хотите воспитать в остальных ре'ларах? Неужели мелочная подлость и злоба — те черты характера, которые вы одобряете в студентах, желающих стать арканистами? Прошло двести лет с тех пор, как мы видели сожжение арканиста. Если раздавать гильдеры недоросткам вроде него, — я указал на Амброза, — долго державшиеся мир и безопасность закончатся через каких-нибудь пару лет.

По лицам магистров я видел, что это их поколебало. Амброз позади меня нервно заерзал, его глаза метались от лица к лицу.

После минуты тишины ректор объявил голосование.

— Кто за временное исключение ре'лара Амброза?

Поднялась рука Арвила, за ней — Лоррена, Элодина, Элксы Дала...

Напряжение звенело в воздухе. Я переводил взгляд с Килвина на ректора, надеясь увидеть руку кого-нибудь из них, присоединяющуюся к остальным.

Прошла секунда.

— Наказание отклонено.

Амброз выдохнул. Я был разочарован лишь чуть-чуть. На самом деле я даже удивлялся, что мне удалось зайти так далеко.

— Теперь, — сказал ректор, словно подготовив себя к серьезному усилию. — Обвинение в злоупотреблении против э'лира Квоута.

— От четырех до пятнадцати ударов и окончательное исключение из Университета, — процитировал Лоррен.

— Назначаемое число ударов?

Амброз повернулся ко мне. Я видел, как крутятся колесики у него в мозгу, рассчитывая, насколько высокую цену он может потребовать с меня так, чтобы магистры проголосовали в его пользу.

— Шесть.

У меня под ложечкой повис свинцовый ужас. Я ничуть не тревожился насчет порки — я принял бы и два десятка, если бы это помогло избежать исключения. Но если меня выгонят из Университета, моя жизнь закончится.

— Ректор? — сказал я.

Он устало и доброжелательно посмотрел на меня. Его глаза говорили, что он все понимает, но у него нет другого выбора, кроме как довести все до положенного финала. Мягкое сочувствие в его взгляде напугало меня. Он знал, что должно было случиться.

— Да, э'лир Квоут?

— Могу я кое-что сказать?

— Ты уже все сказал в свою защиту, — твердо ответил он.

— Но я даже не знаю, что я сделал! — взорвался я. Паника поборолла мое самообладание.

— Шесть ударов и исключение, — официальным тоном сказал ректор, проигнорировав мою вспышку. — Кто за?

Хемме поднял руку, за ним Брандье и Арвил. Мое сердце упало, когда я увидел, как руку поднимает ректор — и Лоррен, и Килвин, и Мандраг, и Элкса Дал. Последним был Элодин: он лениво улыбнулся и пошевелил пальцами поднятой руки, словно помахал мне. Все девять рук против меня. Меня исключали из Университета. Моя жизнь закончилась.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

САМ ОГОНЬ

— Шесть ударов и исключение, — веско произнес ректор.

«Исключение», — тупо подумал я, будто никогда не слышал этого слова раньше.

«Исключат и вышвырнут прочь». Я чувствовал удовлетворение, исходившее от Амброза. На секунду я испугался, что меня сейчас сильно стошнит, прямо здесь, перед всеми.

— Кто-нибудь из магистров возражает против этого? — ритуально спросил ректор, а я посмотрел на свои ноги.

— Я возражаю. — Жизнерадостный голос мог принадлежать только Элодину.

— Кто за отмену наказания?

Я снова поднял взгляд — как раз вовремя, чтобы увидеть руку Элодина. Элксы Дала. Килвина. Лоррена. Ректора. Все руки, кроме Хемме. Я чуть не рассмеялся от шока и неверия. Элодин снова по-мальчишески ухмыльнулся мне.

— Наказание отменяется, — решительно заявил ректор, и я почувствовал, как радость сидящего рядом Амброза замерцала и погасла. — Есть еще какие-нибудь вопросы для обсуждения? — Я уловил в голосе ректора странную нотку: он чего-то ждал.

Заговорил Элодин:

— Я предлагаю повесить Квоута до ре'лара.

— Кто за? — Все руки, кроме Хемме, поднялись одним движением. — Квоут переведен в ре'лары при поручительстве Элодина сегодня, пятого подпара. Собрание распущено. — Он рывком встал из-за стола и направился к двери.

— Что?! — завопил Амброз, оглядываясь, словно не мог решить, кого спрашивает. Наконец он выбежал вслед за Хемме, который быстро ушел за ректором и большинством остальных магистров. Я заметил, что Амброз хромает совсем не так сильно, как перед началом разбирательства.

Огорошенный, я тупо стоял на месте, пока не подошел Элодин и не потряс мою бесчувственную руку.

— Ничего не понимаешь? — спросил он. — Пойдем прогуляемся. Я объясню.

После затемненной прохлады пустот яркий дневной свет ошеломлял. Элодин неуклюже стянул через голову магистерскую мантию. Под ней обнаружили простая белая рубашка и весьма сомнительного вида штаны, поддерживаемые куском обтрепанной веревки. Я впервые заметил, что он ходит босиком. Верхнюю сторону его стоп покрывал здоровый загар, такой же, как на руках и лице.

— Ты знаешь, что такое «ре'лар»? — спросил он меня тоном светской беседы.

— Это переводится как «говорящий», — сказал я.

— А ты понимаешь, что это значит? — подчеркнул он слово.

— Вообще-то нет, — признался я.

Элодин набрал побольше воздуха.

— Давным-давно стоял один Университет. Его построили на мертвых развалинах более старого Университета. Он был очень большой — наверное, целых пятьдесят человек. Но это был лучший Университет на километры и километры вокруг, так что люди приходили туда, учились и уходили. И там собралась маленькая группка людей — людей, чьи знания вышли за пределы математики, грамматики и риторики. Они основали в Университете меньшее сообщество. И назвали его арканумом, поскольку оно было очень маленьким и очень, очень тайным. У них была своя система рангов-ступеней, и подъем по этим ступеням зависел только от мастерства и ни от чего другого. Люди вступали в эту группу, доказав, что они могут видеть вещи такими, какие они есть на самом деле. Они становились э'лирами, что означает «видящие». Как, думаешь, становились ре'ларами? — Он выжидающе посмотрел на меня.

— Через говорение.

Он рассмеялся.

— Правильно! — Он остановился и повернулся ко мне. — Но говорение чего? — Его сияющие глаза пронизывали меня насквозь.

— Слов?

— Имен, — восторженно сообщил он. — Имена — это форма мира, и человек, который может произнести их, стоит на пути к могуществу.

Тогда, в самом начале, арканум был маленькой группой людей, понимавших мир, знавших имена вещей. Они учили немногих студентов, медленно, осторожно поощряя их двигаться к мудрости и могуществу. И к магии. Настоящей магии. — Он оглядел здания и слоняющихся вокруг студентов. — В те дни арканум был крепким брендом, а сейчас это сильно разбавленное водой вино.

Я ждал, пока не убедился, что он закончил.

— Магистр Элодин, что произошло вчера? — Я задержал дыхание, из всех сил надеясь на вразумительный ответ.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Ты назвал имя ветра, — сказал он, будто ответ был очевиден.

— Но что это значит? И что вы имеете в виду под «именем»? Это просто имя, как «Элодин» или «Квоут»? Или больше — как «Таборлин знал имена многих вещей».

— Как оба, — заявил Элодин, помахав хорошенькой девушке, выглянувшей из окна второго этажа.

— Но как может имя делать такие штуки? Ведь «Квоут» и «Элодин» — просто звуки, которые мы издаем, они сами по себе не имеют никакой силы.

На это Элодин поднял брови.

— Правда? Смотри. — Он оглядел улицу и крикнул: — Натан! — К нам обернулся мальчик. Я узнал его: один из посыльных Джеймисона. — Натан, иди сюда!

Мальчик подбежал и посмотрел на Элодина снизу вверх.

— Да, сэр?

Элодин вручил ему свою мантию.

— Натан, можешь отнести это в мои комнаты?

— Конечно, сэр.

Мальчик взял мантию и умчался. Элодин посмотрел на меня.

— Видишь? Имена, которыми мы называем друг друга, — это не имена вещей. И тем не менее они имеют некоторую силу.

— Но это же не магия, — запротестовал я. — Ему приходится вас слушаться. Вы — магистр.

— А ты ре'лар, — неумолимо возразил он. — Ты позвал ветер, и ветер послушался.

Я попытался переварить эту концепцию.

— Так вы говорите, ветер живой?

Элодин сделал неопределенный жест.

— Ну, в своем роде. Большинство вещей живые, так или иначе.

Я решил зайти с другой стороны.

— А как я позвал ветер, если я не знал, как это сделать?

Элодин резко хлопнул в ладоши.

— А вот это отличный вопрос! Ответ в том, что каждый из нас обладает двумя разумами: спящим и бодрствующим. Наш бодрствующий ум — это то, что думает, говорит и делает выводы. Но спящий ум куда

могущественнее: он проникает глубоко в сердце вещей. Это та наша часть, которая видит сны. Она помнит все, она дает нам интуицию. Твой бодрствующий ум не понимает природы вещей. А спящий понимает; он уже знает многое из того, чего не знает бодрствующий.

Элодин посмотрел на меня.

— Помнишь, как ты себя чувствовал после того, как назвал имя ветра?

Я кивнул, не особенно радуясь воспоминанию.

— Когда Амброз разбил твою лютню, это пробудило твой спящий ум. Как огромный дремлющий медведь, которого ткнули горячей палкой, он поднялся на задние лапы и проревел имя ветра. — Он дико замахал руками, привлекая удивленные взгляды проходящих студентов. — После этого твой бодрствующий ум не знал, как быть. Он остался один на один с разъяренным медведем.

— А вы что сделали? Я не могу вспомнить, что вы мне шепнули.

— Это было имя. Имя, которое успокоило разъяренного медведя и снова усыпило его. Но теперь он спит не так крепко. Нам нужно медленно его будить и переводить под твой контроль.

— Поэтому вы и предложили отменить мое исключение?

Элодин беспечно отмахнулся.

— На самом деле исключение тебе не грозило. Ты не первый студент, который назвал имя ветра в гневе, хотя и первый за несколько лет. Обычно спящий ум пробуждается от какого-нибудь сильного чувства. — Он улыбнулся. — Ко мне имя ветра пришло, когда я спорил с Элксой Далом. Когда я выкрикнул имя, его жаровни взорвались целой тучей горящего пепла и углей. — Он хихикнул.

— А что он сделал, чтобы так вас разозлить?

— Он отказался учить меня продвинутым заклинаниям. Мне было всего четырнадцать, и я был э'лиром. Он сказал, что мне придется подождать до ре'лара.

— А что, есть продвинутые заклинания?

Он ухмыльнулся:

— Тайны, ре'лар Квоут, — в этом-то и смысл того, что значит быть арканистом. Теперь, когда ты ре'лар, ты имеешь право знать некоторые штуки, которые раньше от тебя утаивали: продвинутые симпатические заклинания, природа имен. Немного рискованных рун, если Килвин сочтет тебя готовым.

Надежда вспыхнула в моей груди.

— Значит ли это, что мне теперь разрешено посещать архивы?

— Э, нет, — сказал Элодин. — Совсем нет. Понимаешь, архивы —

вотчина Лоррена, его королевство. Это не мои тайны, я их выдавать не могу.

При упоминании о тайнах мой мозг сосредоточился на той, что занимала меня многие месяцы.

— А как насчет каменной двери в архивах? — спросил я. — Дверь с четырьмя табличками. Теперь, когда я ре'лар, вы можете мне сказать, что там, за ней?

Элодин расхохотался.

— О нет! Ты, смотрю, на мелкие тайночки не нацеливаешься. — Он похлопал меня по спине, как будто я особенно удачно пошутил. — «Валаритас». Господи, я все еще помню, каково было стоять там, смотреть на дверь и с ума сходить от любопытства.

Он снова рассмеялся:

— Тейлу милосердный, это же меня чуть не убило, — и покачал головой. — Нет. Тебе нельзя входить в дверь с четырьмя табличками. Но, — он бросил на меня заговорщический взгляд, — поскольку ты теперь ре'лар...

Он огляделся по сторонам, как будто боялся, что нас могут подслушать. Я наклонился поближе.

— Поскольку ты теперь ре'лар, я признаю, что она существует. — Он торжественно мне подмигнул.

Как я ни был разочарован, не улыбнуться я не смог. Мы прошли еще немного в тишине, мимо главного здания, мимо заведения Анкера.

— Магистр Элодин?

— Да?

Он проследил взглядом за белкой — через дорогу и вверх по дереву.

— Я все еще не понимаю про имена.

— Я буду учить тебя понимать, — беззаботно отозвался он. — Природу имен невозможно описать, только испытать на себе и понять.

— А почему? — спросил я. — Если ты понимаешь что-то, то можешь это и описать.

— Все, что понимаешь? — Он искоса посмотрел на меня.

— Конечно.

Элодин указал вниз по улице.

— Какого цвета рубашка на том парне?

— Синяя.

— А что ты имеешь в виду под словом «синяя»? Опиши это.

С минуту я пытался, потом признал поражение.

— Так «синий» — это имя?

— Это слово. Слова — бледные тени забытых имен. Поскольку имена обладают властью, то и слова обладают властью. Слова могут зажечь огонь в людских умах, слова могут выбить слезы из самых суровых сердец. Есть семь слов, которые могут заставить кого угодно полюбить тебя. Есть десять слов, которые сломают волю самого сильного человека. Но слово — только отражение огня, картинка. Имя — сам огонь.

У меня уже голова шла кругом.

— Я все равно не понимаю.

Элодин положил руку мне на плечо.

— Использование слов, говорение словами похоже на использование карандаша, чтобы нарисовать его собственное изображение на нем самом. Невозможно. Бессмысленно. Но есть другие пути к пониманию! — Он поднял руки высоко над головой, словно пытаясь дотянуться до безоблачного неба над нами. — Смотри! — воскликнул он, смеясь, как дитя: — Синее! Синее! Синее!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

ДЕРЗОСТЬ

— Он совсем, совсем чокнутый, — сказал я Симмону и Вилему позже тем же днем в «Эолиане».

— Он магистр, — тактично заметил Сим. — И твой поручитель. А судя по тому, что ты нам рассказал, он — причина того, что тебя не исключили.

— Я не говорю, что он не умен, и я видел, как он делал штуки, которые я не знаю даже откуда начать объяснять. Но факт остается фактом — он совершенно не в себе. Бормочет снова и снова про имена и слова, да еще про могущество, и, пока он это говорит, вроде понятно. Но на самом деле никакого смысла в этом нет.

— Брось жаловаться, — сказал Симмон. — Ты обскакал нас обоих с получением ре'лара, даже если твой поручитель чокнутый. И тебе заплатили два оборота серебра за то, что ты сломал Амброзу руку. Ты ушел свободный, как птичка. Мне бы хоть половину твоей удачливости.

— Не совсем как птичка, — сказал я. — Меня все равно должны выпороть.

— Что? — поразился Сим. — Я думал, ты сказал, что они все отменили.

— Отменили исключение, — объяснил я. — Но не порку.

Симмон разинул рот.

— Бог мой, но почему?

— Злоупотребление магией, — понизив голос, сказал Вилем. — Они не могут отпустить студента вольной птичкой, если признали его виновным в злоупотреблении.

— Так и Элодин сказал. — Я отхлебнул глоток, потом еще.

— Да мне все равно, — горячо возмутился Симмон. — Это варварство. — Он вколотил последнее слово в стол кулаком, опрокинув свой стакан и пролив темную лужицу скаттена. — Вот дерьмо. — Он вскочил, пытаясь ладонями удержать жидкость и не дать ей пролиться на пол.

Я хохотал неудержимо, пока не заболел живот, а из глаз не потекли слезы. Когда я наконец перевел дух, то почувствовал, как с моих плеч свалился огромный камень.

— Я люблю тебя, Симмон, — искренне сказал я. — Иногда я думаю, что ты единственный честный человек, которого я знаю.

Он недоверчиво оглядел меня:

— Да ты уже нажрался.

— Нет, это правда, ты очень хороший человек. Лучше, чем я когда-нибудь буду.

Сим бросил на меня взгляд, который говорил, что он не понял, смеюсь я над ним или нет. Подбежала служанка с мокрыми тряпками, насухо вытерла стол, отпустив пару язвительных комментариев. Совестливый Сим смутился за всех троих.

К тому времени, как я вернулся в Университет, уже совсем стемнело. Я быстренько заглянул к Анкеру, захватил пару нужных вещей и отправился на крышу главного здания.

Там я с удивлением обнаружил, что Аури ждет меня на крыше, несмотря на ясное небо. Она сидела на низкой кирпичной трубе, болтая ногами. Волосы обрамляли ее крошечную фигурку воздушным облачком.

Когда я подошел ближе, она соскочила с трубы и сделала полушажок в сторону — почти реверанс.

— Добрый вечер, Квоут.

— Добрый вечер, Аури, — сказал я. — Как ты?

— Я прекрасно, — решительно заявила она, — и сегодня прекрасная ночь.

Она переминалась с ноги на ногу, держа обе руки за спиной.

— Что ты мне сегодня принесла? — спросил я.

Аури солнечно улыбнулась.

— А что ты мне принес?

Я вытащил из-под плаща узкую бутылку.

— Я принес тебе немного медового вина.

Она схватила бутылку обеими руками.

— О, это подарок принца. — Она с любопытством разглядывала бутылку. — А что в нем?

— Солнечный свет, — ответил я. — И улыбка, и вопрос.

Она поднесла горлышко бутылки к уху и усмехнулась.

— Вопрос на дне, — сказал я.

— Нелегкий вопрос, — заметила она и протянула руку. — А я принесла тебе кольцо.

Кольцо было из теплого гладкого дерева.

— А что оно делает? — спросил я.

— Оно хранит тайны, — объяснила она.

Я поднес кольцо к уху.

Аури серьезно покачала головой, волосы взвихрились вокруг нее.

— Оно их не рассказывает, а хранит. — Она подошла совсем близко, взяла у меня кольцо и надела его мне на палец. — Довольно иметь одну тайну, — мягко пожурела она меня, — большее — уже жадность.

— Оно подходит, — заметил я, немного удивленный.

— Это ведь твои тайны, — объяснила она мне, словно ребенку. — Кому бы оно еще могло подойти?

Аури отбросила волосы за спину и снова сделала тот же странный полушажок в сторону — как реверанс или коротенький танец.

— А я думала, присоединишься ли ты сегодня ко мне за ужином, Квоут, — сказала она с серьезным лицом. — И принесла яблоки и яйца. Также могу предложить прекрасное медовое вино.

— Буду счастлив разделить с тобой ужин, Аури, — официальным тоном сказал я. — Я принес хлеб и сыр.

Аури слезила вниз, во дворик и через несколько минут вернулась с изящной фарфоровой чашечкой для меня. Она налила нам обоим медового вина — себе в серебряную чашечку для подаяния, чуть больше наперстка, — и выпила его несколькими изящными глотками.

Я уселся, и мы разделили ужин. Сегодня у меня была с собой большая буханка бурого ячменного хлеба и клин твердого белого далонирского сыра. У Аури были спелые яблоки и полдюжины крапчатых яиц, которые она как-то умудрилась сварить вкрутую. Мы съели их с солью, которая нашлась у меня в кармане плаща.

Большую часть трапезы мы провели в молчании, просто наслаждаясь обществом друг друга. Аури сидела, скрестив ноги и выпрямив спину, ее волосы развевались во все стороны. Как всегда, ее деликатная аккуратность делала этот скромный ужин на крыше похожим на официальный прием в доме какого-нибудь вельможи.

— В последнее время ветер приносит в Подовсё листья, — непринужденно заметила Аури ближе к концу ужина. — Через решетки и туннели. Они складываются в Глубинах, так что там теперь все хрустящее.

— Правда?

Она кивнула.

— И мать-сова переселилась внутрь. Свила гнездо прямо в середине Серой Дюжины, вот дерзкая.

— Разве это такая редкость?

Аури кивнула.

— Конечно. Совы мудры. Они осторожны и терпеливы. Мудрость исключает дерзость. — Она сделала глоток из своей чашечки, изящно держа ее за ручку большим и указательным пальцами. — Вот почему совы — плохие героини.

Мудрость исключает дерзость. После моих недавних приключений в Требоне я мог только согласиться.

— Но эта — искательница приключений? Исследовательница?

— О да, — сказала Аури, широко распахивая глаза. — Она ничего не боится. У нее лицо как злая луна.

Она наполнила свою крошечную чашечку медовым вином, а остатки вылила в мою. Потом сложила губы трубочкой и дважды резко подула в горлышко, отчего бутылка издала ухающий звук.

— А где мой вопрос? — потребовала Аури.

Я заколебался, не представляя, как она ответит на мою просьбу.

— Можно спросить тебя, Аури: ты захочешь показать мне Подовсё?

Аури отвернулась, вдруг застеснявшись.

— Квоут, я-то думала, ты джентльмен, — сказала она, смущенно теребя обтрепанную рубашку. — Надо же: попросить девушку показать свое подовсё.

Она смотрела вниз, волосы скрывали ее лицо.

Я на секунду задержал дыхание, тщательно подбирая следующие слова, чтобы не спугнуть ее обратно под землю. Пока я думал, Аури поглядывала на меня из-за занавеса волос.

— Аури, — медленно спросил я, — ты шутишь со мной?

Она подняла глаза и ухмыльнулась.

— Шучу, — согласилась она. — Правда же здорово?

Сквозь металлическую решетку в заброшенном дворике Аури провела меня вниз, в Подовсё. Я вытащил ручную лампу, чтобы освещать путь, но у Аури был и собственный светильник: она держала в сложенных чашечкой ладонях нечто испускающее мягкое сине-зеленое сияние. Мне было ужасно любопытно, что у нее там, но я не хотел выпытывать слишком много секретов сразу.

Поначалу Подовсё было именно таким, как я ожидал: туннели и трубы. Трубы для стоков, воды, пара и угольного газа. Огромные черные чугунные трубы, по которым мог проползти человек, маленькие яркие бронзовые трубы, не толще большого пальца. Обширная сеть каменных туннелей, ветвящихся и сходящихся под странными углами. Если у этого места и был какой-нибудь смысл и суть, они мне не открылись.

Аури устроила мне стремительный тур, гордая, как молодая мать, и

восторженная, как девчонка. Ее энтузиазм был заразителен, и я скоро тоже увлекся и разволновался, позабыв первоначальные намерения и причины, по которым хотел исследовать туннели. Нет ничего столь же восхитительного, как тайна на твоём собственном заднем дворе.

Мы спустились по трем спиральным лестницам из черного кованого железа и пришли к Серой Дюжине. Все равно что стоять на дне ущелья. Поглядев вверх, я увидел далеко над головой бледный лунный свет, льющийся через решетки стока. Мать-сова улетела, но Аури показала мне гнездо.

Чем глубже мы забирались, тем удивительнее все становилось. Грубые туннели для стоковых труб исчезли и сменились коридорами со стенами из тесаного камня и лестницами, усыпанными каменными обломками. Гниющие деревянные двери свисали с проржавевших петель, встречались полуобвалившиеся помещения с верстаками и стульями. В одной комнате обнаружилась пара заложённых кирпичом окон — хотя, по моим догадкам, мы находились метрах в пятнадцати под землей.

Еще глубже, и мы пришли в Черездно — зал, похожий на собор, такой огромный, что ни синий свет Аури, ни мой красный не достигали потолка. Здесь повсюду громоздились какие-то древние машины. Некоторые лежали разбитые: сломанные шестерни выше человеческого роста, кожаные стропы, крошащиеся от времени, огромные деревянные балки, на которых теперь вздымались белые грибы, громадные, как живые изгороди.

Другие машины были целы, но обветшали за долгие века. Я подошел к железной штуковине размером с фермерский дом и отколупнул пласт ржавчины — большой как тарелка. Под ней не оказалось ничего, кроме новой ржавчины. Рядом стояли три огромные колонны, так густо покрытые зеленой патиной, будто поросли мхом. Многие из огромных машин было невозможно распознать: они выглядели больше оплавленными, чем проржавевшими. Но потом я увидел нечто, когда-то, наверное, бывшее водяным колесом в три этажа величиной, — оно стояло посреди сухого канала, пролежавшего, как расселина, через середину зала.

Я весьма смутно представлял себе, для чего были созданы эти машины. Также я понятия не имел, зачем они пролежали здесь, глубоко под землей, бесчисленные века. Они не выглядели...

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ИНТЕРЛЮДИЯ. ИЩУ

Стук тяжелых башмаков по деревянному крыльцу спугнул людей, сидящих в «Путеводном камне». Квоут вскочил, не закончив предложения, и был уже на полпути к стойке, когда передняя дверь открылась и появились первые посетители из обычной компании вечера поверженья.

— Коут, к тебе голодные мужики! — крикнул Коб, распахивая дверь. Вслед за ним вошли Шеп, Джейк и Грейм.

— Может, в кладовой что-то и завалилось, — отозвался Квоут. — Я б сбегал быстренько да поискал, если б только вы первым делом выпить не хотели.

Раздался хор одобрительных возгласов, пока фермеры рассаживались на табуреты перед стойкой. Обмен любезностями имел изрядно затасканный привкус, удобный как старые туфли.

Хронист во все глаза разглядывал рыжеволосого человека за стойкой — в нем не осталось ничего от Квоута. Это был просто трактирщик: дружелюбный, услужливый и незаметный.

Джейк сделал длинный глоток и вдруг заметил Хрониста, сидящего в дальнем углу зала.

— Приятно посмотреть, Коут! Новый клиент. Нам чертовски повезло, что вообще есть свободные места.

Шеп фыркнул. Коб развернулся на стуле и уставился туда, где рядышком сидели Баст и Хронист, чье перо все еще было занесено над бумагой.

— Он писец, что ль?

— Ага, — быстро сказал Квоут. — Пришел давеча в город среди ночи.

Коб подозрительно сощурился.

— А что он сейчас пишет?

Квоут чуть понизил голос, отвлекая клиентов от гостя.

— Помните ту историю, когда Баст в Бейдн ездил? — Они утвердительно закивали. — Ну дак он, оказывается, натерпелся страху из-за оспы и с тех пор прямо дни считает. Вот и решил, что надо бы завещание написать, как выйдет случай.

— Весьма разумно в такие-то времена, — мрачно заметил Шеп. Он допил свое пиво и стукнул опустевшей кружкой по стойке. — Я б еще

выпил.

— Все деньги, что я скопил, после моей смерти должны пойти вдове Сейдж, — на весь зал сообщил Баст. — Чтобы помочь воспитать и собрать приданое трем ее дочерям, как только они достигнут замужественного возраста. — Он тревожно взглянул на Хрониста: — Есть такое слово: «замужественный»?

— Малютка Кати подросла чуток в этом году, правда? — пробормотал Грейм.

Остальные согласно кивнули.

— Моему хозяину я оставляю свою лучшую пару ботинок, — торжественно продолжал Баст. — И все штаны, какие ему подойдут.

— А у парня прекрасные ботинки, — сказал Коб Квоуту. — Всегда так считал.

— Я предоставляю отцу Леодену распределить остальное мое имущество среди прихожан, ведь когда я стану безмерной душой, я больше не буду в нем нуждаться.

— Ты имеешь в виду «бессмертной»? — неуверенно спросил Хронист. Баст пожал плечами.

— Это все, что я могу сейчас придумать.

Хронист кивнул и быстро сложил бумагу, перья и чернила в свой плоский кожаный пенал.

— Тогда иди-ка сюда, — позвал его Коб. — Будь как дома.

Хронист застыл, потом медленно подошел к стойке.

— Как тебя зовут, парень?

— Деван, — ответил он, потом ошарашенно кашлянул. — Извините, Карверсон. Деван Карверсон.

Коб представил остальных, потом снова повернулся к новичку.

— Каким путем приехал, Деван? — спросил Коб.

— Мимо Аббатсфорда.

— Какие-нибудь новости на той дороге есть?

Хронист неловко поерзал на табурете; Коут мрачно наблюдал за ним с другой стороны стойки.

— Ну... дороги довольно плохие...

Это вызвало хор привычных жалоб, и Хронист расслабился. Пока фермеры брюзжали, вновь открылась дверь и вошел ученик кузнеца, широкоплечий, с полудетским лицом и пахнущими угольным дымом волосами, на плече у него лежал длинный железный прут. Юноша придержал дверь, впуская Картера.

— Ты выглядишь как дурак, мальчик, — проворчал Картер, медленно

проходя в дверь с неуклюжей осторожностью недавно раненного. — Везде его таскаешь, и народ начинает говорить про тебя, как про Чокнутого Мартина. Станешь «тем чокнутым парнишкой из Рэнниша». Хочешь слушать это следующие пятьдесят лет?

Ученик кузнеца смущенно перехватил железный прут.

— Пусть болтают, — буркнул он с ноткой вызова. — С тех пор как я сходил позаботиться о Нелли, все сны теперь вижу про это паучье чудище. — Он покачал головой. — Преисподняя, я думал, уж ты-то будешь носить по пруту в каждой руке. Ведь эта тварь тебя чуть не убила.

Картер пропустил замечание мимо ушей и осторожно пошел к стойке, его лицо было сурово и непроницаемо.

— Рад тебя видеть на ногах, Картер, — провозгласил Шеп, поднимая кружку. — Я-то думал, мы тебя не увидим еще денек-другой.

— Парой швов меня не уложишь, — отрезал Картер.

Баст устроил целый спектакль, предлагая свой табурет раненому, а потом тихонько сел подальше от ученика кузнеца. Со всех сторон послышался теплый гул приветствий.

Трактирщик скрылся в задней комнате и через несколько минут появился с подносом, загроможденным горячим хлебом и исходящими паром мисками с тушеным мясом.

Все слушали Хрониста.

— ...Если я правильно помню, Квоут был в Северене, когда это случилось. Он шел домой...

— Это не в Северене было, — сказал Старый Коб, — а там, в Университете.

— Может, и так, — согласился Хронист. — Так вот, он шел поздно ночью домой, и в переулке на него напали бандиты.

— Среди дня это было, — запальчиво заявил Коб. — В центре города. Весь народ видел.

Хронист упрямо покачал головой.

— Я помню, что в переулке. Ладно, бандиты захватили Квоута врасплох. Они хотели его лошадь. — Он умолк и потер лоб кончиками пальцев. — Погодите, все не так. В переулке у него не было бы лошади. Может, он ехал в Северен...

— Да говорю ж тебе, не Северен! — возмутился Коб, раздраженно хлопнув ладонью по столу. — Тейлу болезный, замолчи уж. Все ты перепутал.

Хронист покраснел от смущения.

— Я слышал только раз, много лет назад.

Мрачно зыркнув на писца, Квоут громко брякнул подносом о стойку, и об истории моментально позабыли. Старый Коб слопал все так быстро, что чуть не подавился, потом запил ужин длинным глотком пива.

— Раз уж ты все копаешься со своей едой, — не слишком вежливо обратился он к Хронисту и вытер рот рукавом, — так небось не будешь сильно против, коли я дальше буду рассказывать? Штоб мальчик послушал.

— Ну, если ты уверен, что знаешь... — нерешительно сказал Хронист.

— Конечно же, я ее знаю, — огрызнулся Коб, разворачивая табурет к публике. — Ладно. Давно, когда Квоут был еще щенком, он пошел в Университет. Но ему не больно-то хорошо там жилось, в Университете-то, потому как он был из простого народа. Не мог он позволить себе всякую роскошную жизнь, как там принято.

— Как это? — спросил ученик кузнеца. — Раньше ты говорил, что Квоут был такой умный, что они сами заплатили ему, чтоб он остался, хотя ему всего десять лет было. Они ему дали полный кошель золота, и алмаз величиной с пол-ладони, и отличную лошадь с новым седлом и сбруей, и новые башмаки, и полный мешок овса, и всё-превсё.

Коб примирительно кивнул.

— Правда, все правда. Но дело было через год или два опосля того, как Квоут получил все это. И он, понимаешь, раздал почти все то золото беднякам, чьи дома сгорели.

— Во время их свадьбы сгорели, — вставил Грейм.

Коб кивнул.

— А Квоуту надо было есть, снимать жилье да еще покупать овес для коня. Так что все его золото к тому времени вышло. И он...

— А что алмаз? — настаивал мальчик.

Старый Коб сурово нахмурился.

— Коли тебе так нужно знать, он отдал этот алмаз своему закадычному другу. Закадычной подруге то бишь. Но это совсем другая история, не та, какую я сейчас рассказываю. — Он сурово зыркнул на мальчика, который, покаянно опустив взгляд, сунул в рот ложку тушеного мяса.

Коб продолжал:

— Поскольку Квоут не мог себе позволить богатое житье в Университете, он поселился в соседнем городке, местечке под названием Амари. — Он бросил язвительный взгляд на Хрониста. — Квоут снимал комнату в трактире и жил там за бесплатно, потому что вдове, чье заведение было, он приглянулся. Да еще он по хозяйству помогал, чтобы отработать за прожитые.

— Он там еще музыку играл, — добавил Джейк. — Уж очень был

искусен с лютней.

— Суй ужин в рот и дай мне закончить, что говорю, Джейкоб, — огрызнулся Старый Коб. — Всякий знает, что Квоут был искусен с лютней. Вот почему вдове он так полюбился, а играть музыку каждый вечер было частью его помощи по хозяйству.

Коб быстро глотнул пива и продолжил:

— И как-то раз Квоут бегал по поручениям вдовы, как вдруг какой-то парень вытаскивает нож и говорит ему, что если Квоут не отдаст деньги вдовы, то он ему кишки по всей улице раскидает. — Коб наставил воображаемый нож на мальчика и скорчил угрожающую гримасу. — А теперь припомните, что дело было давно, когда у Квоута еще молоко на губах не обсохло. У него и меча-то не было, а и был бы, так ведь он еще не выучился у эдем сражаться.

— И что Квоут сделал? — спросил ученик кузнеца.

— Ну... — Коб облокотился на стойку. — Это было среди бела дня, прямо посреди городской площади Амари. Квоут уже собирался позвать констебля, да глаза-то он всегда держал нараспашку, вот и заметил, что у этого парня белые-белые зубы...

Глаза мальчика расширились:

— Он был сладкоед?

Коб кивнул.

— И что еще хуже, парень потел, будто загнанная лошадь, глаза у него были безумные, а руки... — Коб пошире раскрыл глаза и, вытянув вперед руки, затряс ими. — Тут Квоут понял, что у парня жажда совсем страшная, а это значит, что щас и собственную мать пырнет за гнутый пенни.

Коб сделал еще один долгий глоток, нагнетая напряжение.

— Ну же, и что он сделал? — взволнованно взорвался Баст у дальнего конца стойки, театрально ломая руки. Трактирщик ожег ученика взглядом.

Коб продолжил:

— Ну, сначала он заколебался, а человек с ножом все ближе подходит, и Квоут видит, что он уж больше говорить не собирается. И тогда Квоут сотворил темную магию, которую нашел в тайной книге в Университете, она там запертая была. Он произнес три ужасных тайных слова и вызвал демона...

— Демона? — Голос ученика кузнеца больше походил на всхлип. — Такого, как тот...

Коб медленно покачал головой.

— Какой там! Энтот был совсем не как паук, а еще хуже. Был весь из теней, и когда он налетел на парня, то ударил его в грудь, прямо в сердце, и

выпил из него всю кровь, как ты высасываешь сок из сливы.

— Почернелые руки, Коб, — сказал Картер тоном, полным укора. — Ты же мальчика запугаешь совсем. Он будет таскать с собой проклятую железную палку целый год, коли ему такой чепухой голову забивать.

— А я не так слышал, — медленно произнес Грейм. — Я слышал, что женщина застряла в горящем доме, и Квоут вызвал демона, чтоб защититься от огня. Тогда он в дом вбежал и женщину вытащил, и она вовсе не обожглась.

— Да вы послушайте себя, — с отвращением сказал Джейк. — Вы как дети в Средьзимье: «демоны украли мою куколку», «демоны пролили молоко». Квоут не связывался с демонами. Он же в Университете учился всяким именам? Парень пристал к нему с ножом, и он призвал огонь и молнию, совсем как Таборлин Великий.

— Это был демон, Джейк, — рассерженно заявил Коб. — Иначе во всей истории смыслом даже не пахнет. Он вызвал демона, а тот выпил у того парня кровь, и все, кто это видел, страшно перепугались. Кто-то сказал священнику, потом священники пошли к констеблю, а констебль пришел и вытащил Квоута из трактира вдовы той же ночью. Потом они бросили его в тюрьму за то, что он водится с темными силами и все такое.

— Народ, наверное, просто увидел огонь и подумал, что это демон, — настаивал Джейк. — Ты ж знаешь, как это бывает.

— Нет, не знаю, Джейкоб, — рявкнул Коб, скрестив руки на груди и опершись на стойку. — Зачем ты мне тут втираешь, как шо бывает? Почему бы тебе просто не рассказать нам всю эту треклятую историю, пока...

Коб умолк при звуке тяжелых ботинок, грохочущих по деревянному крыльцу снаружи. Через мгновение кто-то взялся за ручку двери.

Все с любопытством повернулись взглянуть, так как все постоянные клиенты уже давно собрались.

— Два новых лица в один день, — тихонько заметил Грейм, зная, что касается деликатной темы. — Похоже, Коут, твой застой кончается.

— Видать, дороги лучше становятся, — сказал Шеп в кружку с ноткой облегчения в голосе. — Вовремя нам удача подвалила.

Ручка щелкнула, и дверь медленно отворилась и, пройдя по широкой дуге, впечаталась в стену. Снаружи, в темноте, стоял человек, словно не зная, входить ему или нет.

— Добро пожаловать в «Путеводный камень»! — крикнул трактирщик из-за стойки. — Что можем для вас сделать?

Человек вышел на свет, и радостное волнение фермеров угасло при виде кусочного кожаного доспеха и тяжелого меча, выдававших наемного

солдата. Одинокый наемник никогда не радовал, даже в лучшие времена. Всякий знал, что недалек путь от безработного солдата к разбойнику с большой дороги.

Кроме того, было видно, что наемника постигли тяжелые времена. Бурошип густо усеивал низ его штанин и грубую кожу шнурков ботинок. Рубашка из тонкого льна, окрашенная в ярко-синий королевский цвет, была усеяна грязными пятнами и разодрана колючками ежевики. Волосы свалились в сальный колтун. Темные глаза его глубоко запали, как будто он не спал несколько дней. Наемник сделал несколько шагов внутрь трактира, оставив дверь за собой открытой.

— Да вы, похоже, давненько в дороге, — жизнерадостно заметил Квоут. — Хотите выпить или поужинать? — Когда солдат не ответил, он добавил: — Никто из нас опять же винить вас не станет, если сначала захотите поспать. По всему видать, у вас выдались тяжелые деньки.

Квоут бросил взгляд на Баста, тот соскользнул с табурета и пошел закрывать дверь трактира.

Медленно оглядев всех сидящих, наемник занял пустое место между Хронистом и Старым Кобом. Квоут выдал свою лучшую трактирщицкую улыбку, а солдат тяжело навалился на стойку и что-то пробурчал.

На другом конце комнаты Баст застыл, держась за дверную ручку.

— Прошу прощения? — спросил Квоут, наклоняясь вперед.

Солдат поднял взгляд, встретился глазами с Квоутом, потом оглядел пространство за стойкой. Его глаза двигались замедленно, как будто его оглушили ударом по голове.

— Аэтхин тсех ктхистой сктхайвен вен.

Квоут наклонился еще ближе.

— Простите, еще раз — что это было? — Поскольку от наемника ничего не последовало, он оглядел остальных сидящих за стойкой. — Кто-нибудь разобрал?

Хронист рассматривал солдата, отмечая доспехи, пустой колчан стрел, тонкую синюю рубашку. Взгляд писца был оскорбительно пристальным, но наемник будто бы не замечал его.

— Это сиару, — знающе заявил Коб. — Забавно. А на шима вроде не похож.

Шеп рассмеялся, качая головой.

— Да не, он просто пьян. Мой дядька так часто говорил. — Он пихнул Грейма локтем. — Помнишь маво дядьку Тэма? Господи, я в жизни не знал человека, чтоб пил как он.

Баст у двери отчаянно махнул рукой, но Квоут в этот момент пытался

поймать взгляд солдата.

— По-атурански говорите? — медленно спросил Квоут. — Что хотите? Глаза наемника на секунду застыли на трактирщике.

— Авои... — начал он, потом закрыл глаза и наклонил голову, как будто прислушиваясь. Открыв глаза, он заговорил медленно и неуклюже: — Я... хочу... Я... ищу...

Он умолк, обводя комнату бессмысленным взглядом.

— Я его знаю, — сказал Хронист.

Все повернулись к писцу.

— Што? — спросил Шеп.

Лицо Хрониста наливалось гневом.

— Этот парень и пятеро его дружков ограбили меня около пяти дней назад. Я его не узнал сразу: тогда он бритый был. Но это он.

За спиной человека Баст сделал более явный жест, пытаясь привлечь внимание хозяина, но Квоут вперился в странного человека.

— Ты уверен?

Хронист невесело хохотнул:

— Он в моей рубашке, да еще испортил ее. Она мне в целый талант обошлась. Я ее даже ни разу не надел.

— А тогда он тоже такой был?

Хронист покачал головой.

— Вовсе нет. Он был даже любезен, как иногда бывают разбойники. Похоже, он служил младшим офицером до того, как дезертировал.

Баст прекратил подавать знаки.

— Реши! — позвал он с ноткой отчаяния в голосе.

— Секундочку, Баст, — сказал Квоут, пытаясь привлечь внимание одурманенного солдата. Он помахал перед ним рукой, щелкнул пальцами: — Эгей?

Глаза человека следили за рукой Квоута, но все, что говорилось вокруг, он будто бы не замечал.

— Я... искать... ищу... — медленно сказал он. — Я ищу...

— Што? — раздраженно потребовал Коб. — Шо ты ищешь?

— Ищу... — слабым эхом отозвался наемник.

— Полагаю, он ищет повод вернуть мне лошадь, — спокойно сказал Хронист, подойдя на полшага ближе к наемнику и взявшись за рукоять его меча. Внезапным движением он выхватил меч из ножен — точнее, попытался выхватить: меч вышел наполовину и застрял.

— Нет! — крикнул Баст через весь зал.

Наемник тупо уставился на Хрониста, но не сделал попытки помешать

ему. Стоя в неловкой позе и все еще сжимая рукоять меча, писец дернул сильнее, и меч медленно вышел из ножен. Широкий клинок был запятнан засохшей кровью и ржавчиной.

Отступив назад, Хронист перевел дух и направил меч на солдата.

— И лошадь — это только начало. Потом, полагаю, он найдет повод отдать мои деньги и мило побеседовать с констеблем.

Наемник посмотрел на острие, маячащее перед его грудью. Меч в нетвердой руке Хрониста слегка дрожал, и взгляд наемника долгую минуту следил за его качанием.

— Оставь его в покое! — Голос Баста был пронзителен. — Пожалуйста!

Коб кивнул.

— Мальчик прав, Деван. Парень щас не совсем в уме. Не тыкай в него. А то он еще в обморок упадет, да прямо на меч.

Солдат рассеянно поднял руку.

— Я ищу... — сказал он, отодвигая меч, как будто это была ветка, загораживающая ему путь. Хронист шумно втянул воздух и отвел меч, когда рука солдата прошла по краю лезвия и на ней выступила кровь.

— Вишь? — сказал Старый Коб. — Шо я те говорю? Поганец сам себе опасен.

Голова наемника склонилась набок. Он поднял руку, разглядывая ее. Капля темной крови медленно стекла по пальцу и, повисев на нем секунду, упала на пол. Солдат шумно шмыгнул носом, и его остекленелые запавшие глаза внезапно прояснились.

Он широко улыбнулся Хронисту, отупение исчезло с лица.

— Те варайин арои Сеатхалои вей мела, — произнес он низким голосом.

— Я... не понимаю тебя, — в замешательстве сказал Хронист.

Улыбка человека пропала. Его глаза посуровели, стали гневными.

— Те-таурен скийр-лоет? Амауен.

— Я не могу понять, что ты говоришь, — возразил Хронист. — Но мне не нравится твой тон.

Он снова выставил перед собой меч, направив его человеку в грудь.

Тот посмотрел вниз, на тяжелый зазубренный клинок, его лоб наморщился в задумчивости. Потом внезапное понимание разлилось по лицу наемника, и широкая улыбка вернулась. Он откинул голову и расхохотался.

Это был не человеческий звук — дикий и торжествующий, как пронзительный крик ястреба.

Наемник поднял раненую руку и схватился за кончик меча, двигаясь с такой неожиданной скоростью, что металл тупо звякнул при встрече с плотью. Все еще улыбаясь, он усилил хватку, сгибая меч. Кровь побежала по его руке, по краю клинка и забарабанила по полу.

Все в комнате наблюдали за этим, не веря своим глазам. Единственным звуком был слабый скрип при трении пальцев солдата о края клинка.

Глядя Хронисту прямо в лицо, наемник резко повернул руку, и меч сломался со звуком разбитого колокольчика. Пока Хронист тупо смотрел на сломанное оружие, человек сделал шаг вперед и легко положил руку на плечо писца.

Хронист издал сдавленный визг и отпрянул, будто его огрели раскаленной кочергой. Он взмахнул сломанным мечом, отбросив руку незнакомца прочь и вонзив меч глубоко в ее плоть. Лицо солдата не выказало ни боли, ни страха, ни какого-либо другого знака, что он ощутил эту рану.

Все еще держа отломанный конец меча в окровавленной руке, наемник сделал шаг к Хронисту.

И тут между ними оказался Баст: он толкнул солдата плечом и сбил его с такой силой, что тело человека в щепки разнесло тяжелый табурет, прежде чем врезаться в стойку. Быстрый, как вспышка молнии, Баст схватил голову наемника обеими руками и ударил ее об угол стойки. Растянув губы в дикой гримасе, Баст впечатывал голову незнакомца в дерево: раз, другой...

Действия Баста словно всех пробудили: в комнате поднялся хаос. Старый Коб оттолкнулся от стойки, опрокинув табурет, и побежал к стене. Грейм что-то закричал о констебле. Джейк попытался броситься к двери, запнулся об упавший табурет Коба и неуклюже рухнул на пол. Ученик кузнеца, нашаривая свой железный прут, уронил его на пол, и тот по широкой дуге укатился под стол.

Баст издал испуганный вопль и отлетел через всю комнату, приземлившись на один из прочных деревянных столов. Стол сломался под его весом, и он распростерся среди обломков, обмякнув, как тряпичная кукла. Наемник встал, по левой половине его лица струилась кровь. Его это, казалось, ничуть не заботило: он снова повернулся к Хронисту, все так же сжимая конец сломанного меча в кровоточащей руке.

За его спиной Шеп схватил нож, лежавший рядом с недоеденной головкой сыра. Это был просто кухонный нож с лезвием длиной в ладонь. Угрюмый фермер шагнул за спину солдату и сильно ударил, целиком погрузив короткое лезвие в тело — туда, где плечо соединяется с шеей.

Вместо того чтобы упасть, наемник развернулся и мазнул Шепу по лицу зазубренным краем меча. Брызнула кровь, и Шеп вскинул руки к лицу. Затем быстрым судорожным рывком солдат перевернул кусок металла и вонзил его в грудь фермеру. Шеп отшатнулся к стойке, а потом повалился на пол, обломанный конец меча остался торчать у него между ребер.

Наемник закинул руку за спину и с любопытством ощупал рукоятку ножа, торчащую из собственной шеи. На его лице было написано скорее замешательство, чем гнев. Он потянул за рукоять и, когда она не поддавалась, издал еще один дикий птичий клекот.

Поскольку фермер теперь лежал на полу, хватая ртом воздух и истекая кровью, взгляд наемника снова начал блуждать, словно он забыл, что делает. Его глаза медленно озирали комнату, неторопливо переходя с поломанных столов к очагу из черного камня и огромным дубовым бочками. Наконец взгляд солдата остановился на рыжеволосом человеке за стойкой. Квоут не побледнел и не отпрянул, когда внимание наемника сосредоточилось на нем. Их глаза встретились.

Сосредоточившись на Квоуте, взгляд наемника снова стал острым. Широкая невеселая улыбка появилась снова — жуткая из-за крови, текущей по лицу.

— Те айтхийн Сеатхалои? — требовательно спросил он. — Те Рхин-таэ?

Почти небрежным движением Квоут схватил с полки темную бутылку и швырнул ее через стойку. Она ударила солдата по губам и разбилась. Воздух наполнился резким запахом бузины. Настойка залила все еще ухмыляющееся лицо и плечи человека.

Квоут обмакнул палец в жидкость, разбрызганную по стойке, потом что-то прошептал, и его лоб наморщился от сосредоточения. Он пристально смотрел на окровавленного человека, стоящего по другую сторону стойки.

Ничего не произошло.

Наемник потянулся через стойку и поймал Квоута за рукав. Трактирщик просто стоял, и в этот момент на лице его не было ни страха, ни гнева, ни удивления. Он только казался усталым, оцепенелым и удрученным.

Солдат не успел схватить Квоута за руку: в спину ему врезался Баст, и он пошатнулся. Басту удалось одной рукой схватить наемника за шею, а второй он вцепился ему в лицо. Солдат выпустил рукав Квоута и схватился обеими руками за обвивающую его шею руку Баста, пытаясь вывернуться. Когда руки незнакомца коснулись Баста, лицо ученика трактирщика

превратилось в напряженную маску боли. Оскалив зубы, он бешено царапал глаза наемника свободной рукой.

На дальнем конце стойки ученик кузнеца наконец вытащил свой железный прут из-под стола и встал во весь рост. Он оглядел упавшие стулья, распростертые тела на полу и, взревев, занес железный прут высоко над плечом.

Глаза Баста, все еще прижатого к наемнику, расширились от внезапной паники: он увидел приближающегося ученика кузнеца. Баст выпустил солдата и отскочил прочь, запутавшись ногами в обломках табурета. Падая назад, он бешено рванулся прочь от них обоих.

Наемник повернулся и посмотрел на высокого парня с занесенным прутком, потом, улыбнувшись, вытянул вперед окровавленную руку. Движение было грациозным, почти ленивым.

Ученик кузнеца отбросил руку прочь. Железный прут ударил в наемника, и улыбка того погасла. Он схватился за свою руку, шипя и плюясь, как разъяренный кот.

Мальчик снова замахнулся железным прутком и ударил солдата прямо по ребрам. Сила удара отбросила наемника от стойки, и он упал на четвереньки, визжа, как резанный ягненок.

Ученик кузнеца перехватил прут обеими руками и ударил наемника поперек спины, будто рубил дрова. Послышался хруст ломающихся костей. Железный прут чуть зазвенел, как далекий, приглушенный туманом колокол.

Даже со сломанной спиной окровавленный человек пытался ползти к двери трактира. Теперь его лицо побледнело, рот перекосился в унылом вое, подобном стону ветра в зимних ветвях. Ученик кузнеца бил снова и снова, запросто замахиваясь тяжелой железной палкой, словно ивовым прутиком. Он оставил глубокую борозду в деревянном полу, потом сломал наемнику ногу, руку и снова ребра. Тот продолжал ползти к двери, визжа и стеная, как животное.

Наконец мальчик попал по голове, и солдат обмяк. Наступила секунда полной тишины, потом наемник издал влажный кашляющий звук и выbleвал отвратительную жидкость, густую как деготь и черную как чернила.

Наконец мальчик перестал колошматить недвижный труп, но, даже остановившись, он держал прут занесенным над плечом, тяжело дыша и дико озираясь. Пока он медленно приходил в себя и восстанавливал дыхание, с другой стороны комнаты донесся еле слышный шепоток молитвы — там у черного камня очага скорчился Старый Коб.

Скоро даже молитвы прекратились, и в трактире «Путеводный камень» снова воцарилась тишина.

На следующие несколько часов «Путеводный камень» стал центром городского внимания. Общий зал был набит битком, полон шепота, вопросительного бормотания и надрывных рыданий. Те, кто отличался меньшим любопытством или большим чувством приличия, стояли снаружи, заглядывая внутрь через широкие окна и сплетничая о том, что видят.

Пока еще не сложилось версий — только перекатывающаяся мешанина предположений. Мертвец был бандитом, пришедшим ограбить трактир. Он пришел, желая отомстить Хронисту, который обесчестил его сестру в Аббатсфорде. Это выживший из ума охотник. Нет, старый знакомый трактирщика, он пришел требовать долг. Да это бывший солдат, сбрендивший во время сражений с мятежниками в Резавеке.

Джейк и Картер все упирали на улыбку наемника, и хотя зависимость от деннера была в основном бедой больших городов, народ слышал о сладкоедах и здесь. Трехпалый Том знал про такие вещи, потому что служил в солдатах при старом короле почти тридцать лет назад. Он объяснил, что, съев четыре зернышка смолы деннера, человек может перенести ампутацию ноги без всякой боли. После восьми зернышек он сам себе перепилит кость. После двенадцати — еще и побежит потом, хохоча и распевая «Лудильщика да дубильщика».

Тело Шепа было накрыто одеялом, и над ним молился священник. Позже тело осмотрел констебль, но он явно не знал, что искать, и осматривал только потому, что чувствовал себя обязанным это сделать.

Где-то через час толпа начала рассасываться. Братья Шепа явились с повозкой, чтобы забрать его, и их угрюмый вид и гневные глаза отпугнули большую часть оставшихся зрителей, слоняющихся вокруг.

Однако оставалось сделать еще многое. Констебль попытался сложить воедино картину случившегося из рассказов свидетелей и наиболее уверенных в своем мнении зевак. Через час размышлений история начала понемногу срастаться. В конце концов все согласились с выводом, что незнакомец был дезертиром и деннеровым наркоманом и пришел в их городок, как раз когда совсем свихнулся.

Всем было ясно, что ученик кузнеца поступил правильно и смело. Однако железный закон требовал суда, и его назначили на следующий месяц, когда четвертной суд проедет обходом через эти края.

Констебль отправился домой к жене и детям. Священник увез останки

наемника в церковь. Баст вынес поломанную мебель и сложил ее у кухонной двери — на дрова. Трактирщик семь раз вымыл деревянный пол, пока вода в ведре не перестала отливаться красным. Наконец даже самые отчаянные зеваки ушли прочь, оставив в трактире обычную компанию вечера поворждения — без одного.

Джейк, Коб и остальные вели спотыкливую тягостную беседу обо всем, кроме того, что случилось, цепляясь за успокаивающее общество друг друга.

Но усталость заставляла их одного за другим покидать «Путеводный камень». Наконец остался только ученик кузнеца со своей кружкой. Железный прут лежал возле его локтя на красном дереве стойки.

Прошло почти полчаса, но никто так и не заговорил. Хронист сидел за столом, притворяясь, что доедает тушеное мясо. Квоут и Баст слонялись вокруг, пытаясь изобразить, что заняты делом. В трактире росло смутное напряжение: трое бросали взгляды друг на друга, выжидая, когда мальчик уйдет.

Наконец трактирщик подошел к ученику кузнеца, вытирая руки чистой салфеткой.

— Ну, мальчик, думаю...

— Аарон, — перебил тот, не отрываясь от кружки. — Мое имя Аарон. Квоут серьезно кивнул.

— Хорошо, Аарон. Полагаю, ты это заслужил.

— Я не думаю, что это был деннер, — внезапно сказал Аарон. Квоут замялся.

— Прошу прощения?

— Я не думаю, что этот парень был сладкоедом.

— Значит, ты с Кобом? — спросил Квоут. — Полагаешь, это бешенство?

— Я думаю, в нем был демон, — произнес мальчик со взвешенной тщательностью, как будто долго обдумывал эти слова. — Я не говорил ничего — ну, раньше, — потому что не хотел, чтоб все подумали, будто я совсем повредился в уме, вроде Чокнутого Мартина. — Он поднял взгляд от кружки. — Но я все равно думаю, что в нем был демон.

Квоут нацепил мягкую улыбку и показал на Баста и Хрониста.

— Тебя не слишком удивит, что они думают так же?

Аарон серьезно покачал головой.

— Вы не отсюда. Вы бывали во всяких местах. Вы знаете, какие штуки творятся в мире. — Он посмотрел Квоуту в глаза. — Я полагаю, вы тоже знаете, что это был демон.

Баст застыл около очага. Квоут с любопытством склонил голову набок, не отводя глаз.

— Почему ты так говоришь?

Ученик кузнеца махнул рукой за стойку.

— Я знаю, у вас есть большая дубовая колотушка, чтоб пьяных утихомиривать — там, под стойкой. И, ну... — Его глаза метнулись к мечу, угрожающе висящему на стене за стойкой. — Есть только одна причина, почему вы вместо этого схватили бутылку. Вы не хотели выбить этому парню зубы, вы думали его поджечь. Только у вас не было спичек или свечей поблизости.

Моя матушка часто читала мне из «Книги о Пути», — продолжал он. — Там куча демонов. Некоторые прячутся в телах людей, вроде как под овечьей шкурой. Я думаю, он был просто обычный парень, в которого залез демон. Вот почему его ничего не брало: просто как будто в его рубашке дырки протыкали. Вот почему он нес бестолковщину: он говорил на демонском языке.

Аарон снова взглянул на кружку, которую держал в руках, и кивнул сам себе.

— Чем больше я думаю, тем больше в этом смысла. Железо и огонь — вот что убивает демонов.

— Сладкоеды сильнее, чем ты думаешь, — сказал Баст через комнату. — Как-то раз я видел...

— Ты прав, — оборвал его Квоут. — Это был демон.

Аарон посмотрел Квоуту в глаза, потом кивнул и снова уставился в кружку.

— И вы не сказали ничего, потому что вы в городе новичок и дела идут не очень-то хорошо.

Квоут кивнул.

— И мне небось не принесет добра, коли я стану рассказывать людям.

Квоут набрал побольше воздуха и медленно его выпустил:

— Скорей всего, нет.

Аарон допил последний глоток пива и оттолкнул от себя пустую кружку.

— Ладно. Мне просто надо было это услышать. Узнать, что я не совсем свихнулся.

Он встал, поднял тяжелый железный прут одной рукой, положил его на плечо и повернулся к двери. Никто не заговорил, пока он шел к двери и, выходя, закрывал за собой дверь. Тяжелые ботинки гулко простучали по деревянному крыльцу снаружи, потом все стихло.

— А в этом парне ума больше, чем можно предположить, — наконец сказал Квоут.

— Это потому, что он такой здоровенный, — буднично заметил Баст, притворявшийся, что подметает. — Вас, людей, часто смущает внешность. Я к нему уже давно присматриваюсь. Он умнее, чем некоторые полагают: всегда что-нибудь ищет и задает вопросы. — Он сунул веник обратно за стойку. — И он меня нервирует.

Квоута это рассмешило.

— Нервирует? Тебя?

— Парень прямо воняет железом. Проводит целые дни, вертя его, плавя, дыша его парами. А потом приходит сюда с такими умными глазами. — Баст бросил на дверь чрезвычайно неодобрительный взгляд. — Это неестественно.

— Неестественно? — наконец заговорил Хронист. В его голосе слышались истерические нотки. — Что ты знаешь об этом? Демон только что убил человека — по-твоему, это естественно? — Хронист повернулся к Квоуту. — Какого черта эта тварь здесь вообще делала? — спросил он.

— «Искала», очевидно, — сказал Квоут. — Больше я ничего не понял. А ты, Баст? Ты смог его понять?

Баст покачал головой.

— Я узнал только звучание, Реши, а фразировка была очень древняя, архаичная. Я не смог ничего разобрать.

— Ладно, он искал, — резко бросил Хронист. — Но что искал?

— Вероятно, меня, — угрюмо сказал Квоут.

— Реши, — укорил его Баст, — ты просто сентиментален. Тут не твоя вина.

Квоут посмотрел на ученика долгим усталым взглядом.

— Ты сам все прекрасно знаешь, Баст. Все это — моя вина. Скрель, война — все по моей вине.

Баст, кажется, хотел возразить, но не смог найти слов. После долгой минуты борьбы с собой он отвернулся, побежденный.

Квоут облокотился о стойку и вздохнул:

— И все-таки, как вы думаете, что это было?

Баст покачал головой.

— Оно было похоже на одного из Маэль-урет, Реши: кожаный плясун. — Он нахмурился, в его голосе звучало все, что угодно, только не уверенность.

Квоут поднял бровь.

— Так это не один из твоих?

Обычно приветливое лицо Баста превратилось в оскал.

— Это не был один из «моих», — с негодованием заявил он. — Маэль даже не имеет с нами общих границ. Он так далеко, как только может быть в Фейе.

Квот кивнул с ноткой извинения.

— Я просто думал, ты знаешь. Ты ведь не колебался, нападая на него.

— Все змеи кусаются, Реши. Мне не нужно знать их имена, чтобы понимать, что они опасны. Я понял, что он из Маэль, — этого было достаточно.

— Значит, кожаный плясун... — протянул Квоут. — Разве не ты мне рассказывал, что они пропали уже много веков назад?

Баст кивнул.

— И он выглядел каким-то... туповатым и не пытался убежать в новое тело. — Баст пожал плечами. — Кроме того, мы все еще живы. Похоже, тут что-то другое.

Хронист недоверчиво наблюдал за разговором.

— В смысле, никто из вас не знает, что это было? — Он посмотрел на Квоута. — Ты же сказал мальчику, что это демон!

— Для мальчика демон, — сказал Квоут, — потому что так ему проще понять, к тому же весьма близко к истине. — Он начал медленно протирать стойку. — Для всех остальных в городе это сладкоед, потому что так они смогут спать по ночам.

— Ну, тогда для меня это тоже демон, — едко заметил Хронист. — Потому что мое плечо стало как лед, когда он меня коснулся.

Баст поспешил к нему.

— Я и забыл, что он положил на тебя руку. Дай посмотрю.

Пока Хронист снимал рубашку, Квоут закрыл ставни на окнах. На руках писца белели повязки — там, где его три ночи назад поранил скрель.

Баст внимательно рассмотрел его плечо.

— Шевелить можешь?

Хронист кивнул и покрутил рукой.

— Когда он меня коснулся, было больно, как у черта на сковороде. Будто что-то рвалось внутри. — Он потряс головой, недовольный собственным описанием. — Теперь просто странное ощущение. Плечо онемелое, будто замороженное.

Баст потыкал пальцем в Хронистово плечо, с сомнением разглядывая его.

Хронист посмотрел на Квоута.

— Мальчик был прав насчет огня. Пока он не упомянул об этом, я не

поня-а-а-аххх! — вскрикнул писец, отшатываясь от Баста. — Что, во имя Господне, это было? — возопил он.

— Полагаю, плечевой нервный узел, — сухо сказал Квоут.

— Мне надо посмотреть, как глубоко зашло повреждение, — сказал Баст, ничуть не смутившись. — Реши, можешь принести мне немного гусиного жира, чеснока, горчицы?.. У нас остались те маленькие зеленые штучки, которые пахнут как лук, но не он?

Квоут кивнул.

— Кеверал? Думаю, парочка осталась.

— Принеси тогда, и еще бинт. Надо наложить примочку.

Квоут кивнул и вышел в дверь за стойкой. Как только он исчез из виду, Баст наклонился к уху Хрониста.

— Не спрашивай его об этом, — настойчиво прошипел он. — Вообще не упоминай.

Хронист выглядел растерянным.

— О чем ты говоришь?

— О бутылке. О симпатии, которую он пытался сотворить.

— Так он действительно пытался поджечь эту тварь? Почему же не вышло? Что...

Баст усилил хватку, его большой палец нащупал ямку под ключицей Хрониста. Писец снова испуганно вскрикнул.

— Не говори об этом, — прошипел ему в ухо Баст. — Не задавай вопросов.

Схватив писца за плечи, Баст встряхнул его, как рассерженный родитель упрямого ребенка.

— Господи боже, Баст. Я слышал, как он вопит, даже в задней комнате.

Баст выпрямился и дернул Хрониста за руку, уронив его на стул, и тут же в дверях появился трактирщик.

— Тейлу болезный, да он же белый, как бумага. С ним все будет в порядке?

— Примерно так же опасно, как обморожение, — пренебрежительно отмахнулся Баст. — Не моя вина, что он визжит, как девчонка.

— Ну, будь с ним поосторожней, — сказал Квоут, водружая на стол горшочек с жиром и горсть зубчиков чеснока. — Ему понадобится эта рука еще по меньшей мере два дня.

Квоут очистил и раздавил чеснок, Баст смешал бальзам и размазал дурно пахнущую массу по плечу писца, а потом обернул повязкой. Хронист сидел очень тихо.

— Ты чувствуешь себя в силах еще немного пописать сегодня? —

спросил Квоут, когда Хронист снова надел рубашку. — Мы все еще во многих днях пути от финала, но я могу связать некоторые болтающиеся концы, прежде чем можно будет сказать, что наступила ночь.

— На пару часов меня хватит.

Хронист поспешно распаковал свой пенал, стараясь не смотреть в направлении Баста.

— Я тоже. — Баст, весь сияя, повернулся к Квоуту. — Я хочу узнать, что ты нашел под Университетом.

Квоут выдал тень улыбки.

— Я так и предполагал, Баст. — Он подошел к столу и сел. — Под Университетом я нашел то, чего больше всего желал, хотя и не то, что ожидал. — Он махнул Хронисту, чтобы тот брался за перо. — Как часто и случается, когда исполняется твое сокровенное желание.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

ПРИЯТНЫЙ ДЕНЬ

На следующий день я был выпорот в широком мощеном дворе, который назывался Квоян Хайель, Чертог Ветра. Я нашел это удивительно уместным.

Как и ожидалось, посмотреть на это событие собралась изрядная толпа. Дворик заполнили сотни студентов: они высовывались из окон и дверей, а некоторые даже пробрались на крышу для лучшего обзора. Я их, право же, не виню. Бесплатное развлечение трудно пропустить.

Мне нанесли шесть ударов по спине одинарным кнутом. Не желая разочаровывать зрителей, я дал им пищу для разговоров — повторное представление. Я не кричал, не истекал кровью, не падал в обморок. Я покинул двор на своих двоих, с высоко поднятой головой.

После того как Мола наложила на мою спину пятьдесят семь аккуратных стежков, я утешился походом в Имре и покупкой весьма приличной лютни, двух отличных комплектов поношенной одежды, маленькой бутылочки моей собственной крови и нового теплого платья для Аури.

В общем, это был очень приятный день.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ

НЕДОСТРОЕННЫЕ ДОМА

Каждую ночь я отправлялся исследовать подземелья с Аури. Я увидел уйму интересного; кое-что я, возможно, упомяну в дальнейшем, но сейчас достаточно сказать, что Аури показала мне все многочисленные и разнообразные уголки Подовсё. Она водила меня в Скачки, Леса, Копи, Сверченье, Десятки, Свеченосец...

Имена, которые Аури давала этим местам, поначалу бессмысленные, подходили, как перчатка, когда я наконец видел то, что они описывали. Леса совсем не напоминали лес. Это была просто вереница осыпающихся коридоров и комнат, чьи потолки подпирали толстые деревянные балки. В Сверченье по одной из стен стекал крошечный ручеек чистой воды. Влага привлекала сверчков, и они наполняли низкий длинный зал своими маленькими песенками. Скачки были узким коридором с тремя глубокими поперечными провалами в полу. Я понял название, только когда увидел, как Аури быстро-быстро перепрыгнула все три провала, чтобы попасть на другую сторону.

Это было за несколько дней до того, как она отвела меня в подвалы, паутину переплетающихся туннелей. Хотя мы находились по меньшей мере в тридцати метрах под землей, туннели наполнял ровный сильный ветер, пахнущий пылью и кожей.

Ветер был тем самым ключом, который я искал: он дал мне понять, что я близок к тому, зачем пришел сюда. Однако меня беспокоило название этого места — я чувствовал, что упускаю нечто важное.

— Почему ты называешь это место «подвалы»? — спросил я Аури.

— Это его имя, — просто сказала она. Ветер заставлял ее тонкие волосы лететь за спиной, как прозрачный флаг. — Ты называешь вещи их именами. Вот для чего нужны имена.

Я невольно улыбнулся.

— А почему у него такое имя? Разве здесь не все «в подвале»?

Аури повернулась ко мне, склонила голову набок. Волосы закрыли ей лицо, и она отвела их обеими руками.

— Это не «подвалы», — сказала она. — Это «подвалы».

Я не расслышал разницы.

— Поддавалы? — спросил я, изобразив движение коленом снизу

вверх, как будто пинаю кого-то.

Аури рассмеялась от восторга.

— Немножко так, — ухмыльнулась она. — Попробуй найди еще.

Я попытался придумать еще что-нибудь осмысленное.

— Поддувало? — Я сделал жест, как будто обеими руками раздуваю кузнечные меха.

Аури поразмышляла над этим секунду, глядя вверх и качая головой туда-сюда.

— Нет, не так хорошо. Здесь место тихое.

Она тонкой рукой оттянула полу моего плаща, так что медленный ветер поддел ее и надул, как парус.

Аури посмотрела на меня, ухмыляясь, как будто показала магический трюк. Ее собственная одежка тоже развевалась, как будто ветер заглядывал под нее.

«Поддевала». Вот оно что. Я заулыбался в ответ.

Победив эту маленькую тайну, мы с Аури начали тщательное изучение поддевалы. Через несколько часов я почувствовал, что привык к этому месту и начал понимать, куда идти. Осталось только найти туннель, ведущий туда, куда мне нужно.

Это сводило с ума. Туннели изгибались, делая широкие бесполезные крюки. В тех редких случаях, когда я находил туннель, ведущий прямо к цели, путь был закрыт. Несколько проходов шли резко вверх или вниз, не оставляя возможности следовать им. В одном коридоре путь перегораживали толстые железные прутья, вогнанные глубоко в камень. Другие туннели неуклонно сужались, пока не превращались в расселины шириной в ладонь. Третьи оканчивались завалами из деревянных обломков и земли.

Через несколько дней поисков мы наконец обнаружили древнюю рассыпающуюся дверь. Когда я попытался открыть ее, сырое дерево раскрошилось на кусочки.

Аури сморщила нос и покачала головой.

— Я коленки обдеру.

Посветив лампой на обрушенную дверь, я увидел, что она имеет в виду. Потолок коридора за дверью шел наискось вниз, пока проход не становился всего метр высотой.

— А ты подождешь меня? — спросил я, снимая плащ и закатывая рукава рубашки. — Не знаю, смогу ли я без тебя найти дорогу на поверхность.

Аури кивнула с обеспокоенным видом.

— Внутри легче, чем наружу, ты знаешь. Есть узкие места. Ты можешь застрять.

Я постарался не думать об этом.

— Я просто посмотрю. Вернусь через полчаса.

Она вскинула голову:

— А если нет?

Я улыбнулся:

— Тогда тебе придется идти меня спасать.

Она кивнула торжественно и важно, как ребенок.

Я взял симпатическую лампу в зубы, озарив красноватым светом смоляную черноту передо мной. Потом встал на четвереньки и пополз вперед, скребя коленями о грубый камень пола.

Через несколько поворотов потолок стал еще ниже — слишком низким для четверенек. После долгого размышления я лег на живот и пополз дальше, толкая лампу перед собой. Каждый изгиб тела натягивал ряды швов по всей спине.

Если вы никогда не бывали глубоко под землей, я сомневаюсь, что вы сможете понять, на что это похоже. Темнота абсолютная, почти осязаемая. Она таится возле света, чтобы броситься на него и затопить, как внезапное наводнение. Воздух спокойный и затхлый. Нет никаких шумов, кроме тех, что производишь ты сам. Дыхание кажется ужасно громким, сердце грохочет. И кроме всего этого, тебя переполняет понимание, что над тобой нависают тысячи тонн земли и камня.

И все же я продолжал ползти вперед, продвигаясь сантиметр за сантиметром. Руки мои покрылись грязью, пот заливал глаза. Коридор еще сузился, а я неосторожно оставил одну руку прижатой к боку. Холодный пот выступил по всему моему телу — я запаниковал. Я рвался вперед, пытаюсь пропихнуть руку перед собой...

Через несколько ужасных минут мне удалось высвободить руку. Потом, полежав там, в темноте, весь дрожащий, я продолжил ползти. И нашел то, что искал...

Выбравшись из Подовсё, я осторожно пролез через окно в женское крыло гнезд. Не желая кого-нибудь случайно разбудить, я тихонько постучал в дверь Фелы. Мужчинам не позволялось приходить без сопровождения в женское крыло гнезд, особенно глубокой ночью.

Я постучал три раза, прежде чем услышал в комнате тихий шум. Через секунду Фела открыла дверь; ее длинные волосы были в диком беспорядке. Еще не полностью разлепив веки, она недоуменно выглянула в коридор.

При виде меня она заморгала, как будто на самом деле не ожидала никого увидеть.

Несомненно, она была голая — под простыней, в которую успела завернуться спросонья. Признаюсь, что вид прекрасной полногрудой полуобнаженной Фелы, стоявшей передо мной, был одним из самых неожиданных и потрясающих эротических моментов в моей юной жизни.

— Квоут? — произнесла она, выказывая замечательное самообладание. Она попыталась прикрыться получше и добилась смешанного успеха, натянув простыню до шеи, но оголив до скандального уровня длинные, прекрасно очерченные ноги. — Сколько времени? Как ты сюда попал?

— Ты сказала, что если мне что-нибудь понадобится, я могу попросить тебя об услуге, — напористо начал я. — Это правда?

— Ну да, конечно, — ответила она. — Боже, да ты весь в грязи. Что с тобой случилось?

Я посмотрел на себя и только тогда заметил, в каком я состоянии. После ползания по полу меня всего покрывала грязь. Я порвал штаны на колене и, кажется, ободрался до крови. Я был так взбудоражен, что даже не заметил всего этого и не подумал переодеться перед тем, как прийти сюда.

Фела отступила на полшага назад и открыла дверь пошире, чтобы я мог пройти. Движение двери создало легкий ветерок, который прижал простыню к телу Фелы, на мгновение великолепно очертив ее наготу.

— Зайдешь?

— Нет, я не могу остаться, — не подумав, брякнул я, борясь с желанием разглядывать ее. — Мне нужно, чтобы ты завтра вечером встретила в архивах с одним моим другом. В пятый колокол, у двери с четырьмя табличками. Можешь?

— У меня занятие, — сказала Фела. — Но если это важно, я его пропущу.

— Спасибо, — тихо сказал я, отодвигаясь назад.

О том, насколько важным было для меня то, что я нашел в туннелях под Университетом, немало говорит следующий факт: только на полпути к своей камерке я понял, что отклонил приглашение полуобнаженной Фелы зайти к ней в комнату.

На следующий день Фела пропустила лекцию по «углубленной геометрии» и пришла в архивы. Она спустилась на несколько пролетов ступеней и пробралась через лабиринт коридоров и стеллажей, чтобы найти единственный в целом здании участок каменной стены, не

заставленный книгами. Там была дверь с четырьмя табличками, молчаливая и неподвижная, как гора, — «Валаритас».

Фела нервно оглядывалась, переминаясь с ноги на ногу.

Через долгую минуту из темноты в красноватый круг света ее ручной лампы выступила фигура в капюшоне.

Фела тревожно улыбнулась.

— Привет, — тихо сказала она. — Друг попросил меня...

Она умолкла и чуть наклонила голову, стараясь разглядеть лицо под капюшоном.

Вероятно, вы не удивитесь, узнав, кого она там увидела.

— Квоут? — недоверчиво спросила Фела, оглядываясь во внезапной панике. — Бог мой, что ты здесь делаешь?

— Нарушаю, — беспечно заявил я.

Она схватила меня за руку и потянула через лабиринт полок, пока мы не пришли в одну из читальных норок, разбросанных по всем архивам. Фела втокнула меня внутрь и, решительно закрыв за нами дверь, привалилась к ней спиной.

— Как ты сюда пробрался? Лоррен лопнет от ярости! Ты хочешь, чтоб нас обоих исключили?

— Тебя они не исключат, — сказал я. — Ты в самом тяжелом случае виновна в «добровольном сговоре». За это исключить не могут. Вероятно, ты бы отделалась штрафом, поскольку женщин не порют. — Я чуть шевельнул плечом, чувствуя тупую тянущую боль в швах на спине. — Что несколько несправедливо, на мой взгляд.

— Как ты пробрался сюда? — повторила она. — Проскользнул мимо стола?

— Тебе лучше не знать, — уклончиво ответил я.

Конечно же, это был поддевала. Только вдохнув вместе с ветром запах старой кожи и пыли, я понял, что уже где-то рядом. В переплетении туннелей пряталась дверь, которая вела прямо на нижние уровни хранилища. Именно оттуда хранисты могли легко попасть в систему вентиляции. Дверь, конечно, была заперта, но запертые двери никогда не становились для меня серьезным препятствием. К сожалению.

Однако Феле я ничего этого не рассказал. Я знал, что мой тайный путь будет работать, только пока он остается тайным. Рассказать о нем хранисту, даже задолжавшему мне услугу, было не лучшей идеей.

— Послушай, — быстро сказал я. — Это абсолютно безопасно. Я бродил здесь часами, и никто даже близко ко мне не подошел. Здесь у каждого своя лампа, так что людей легко избегать.

— Ты просто удивил меня, — ответила Фела, отбрасывая темные волосы за плечо. — Хотя ты прав, там, наверное, безопасней. — Она открыла дверь и выглянула наружу, убеждаясь, что в окрестностях никого нет. — Хранисты периодически проверяют читальные норки, чтобы в них никто не спал или не занимался сексом.

— Что?

— Ты еще многого не знаешь об архивах.

Она улыбнулась, открывая дверь настежь.

— Вот почему мне нужна твоя помощь, — объяснил я, когда мы направились обратно в хранилище. — Я не могу здесь разобраться.

— А что ты ищешь? — спросила Фела.

— У меня тысяча вопросов, — честно признался я. — Но мы можем начать с истории амир. Или с любых невымышленных сообщений о чандрианах. Хоть что-нибудь об этом. Я не смог найти ничегошеньки.

Я даже не пытался скрыть разочарование в голосе. После стольких месяцев ожидания попасть наконец в архивы и не найти ни одного ответа — с ума сойти!

— Я думал, тут все лучше организовано, — проворчал я.

Фела тихонько фыркнула.

— А как бы ты это сделал? В смысле, организовал?

— Как раз об этом я и думал последнюю пару часов, — сказал я. — Лучше разделить их по темам. Ну, знаешь: история, мемуары, грамматика...

Фела остановилась и глубоко вздохнула.

— Думаю, это надо прояснить. — Она наугад вытащила с полки тонкую книжицу. — Какова тема этой книги?

Я открыл ее и проглядел страницы. Она была написана почерком писца старой школы: витиеватым и трудночитаемым.

— Выглядит как мемуары.

— Какого типа мемуары? Куда бы ты поставил в отделе мемуаров?

Все еще листая страницы, я заметил тщательно вырисованную карту.

— Больше похоже на книгу путешествий.

— Отлично, — сказала Фела. — Куда ты поставишь ее в отделе мемуаров и путешествий?

— Я бы отнес ее к географии, — сказал я, наслаждаясь игрой, и перелистнул еще несколько страниц. — Атур, Модеги... Винт? — Нахмурившись, я посмотрел на корешок книги. — Сколько ей лет? Атуранская империя поглотила Винт больше трехсот лет назад.

— Больше четырехсот, — поправила Фела. — Так куда ты поставишь

рассказ о путешествии, повествующий о месте, которого больше не существует?

— Тогда это будет относиться к истории, — медленно сказал я.

— А если она не точна? — дожимала Фела. — Основана больше на слухах, чем наличном опыте? Если она полностью вымышленная? Романы о воображаемых путешествиях были весьма модными в Модеге лет двести назад.

Закрыв книгу, я медленно задвинул ее на полку.

— Я начинаю понимать проблему, — задумчиво сказал я.

— Нет, не начинаешь, — возразила Фела. — Ты только краешек проблемы увидел. — Она показала на книгохранилище вокруг. — Вот, скажем, завтра ты станешь магистром архивов. Сколько времени у тебя уйдет на то, чтобы все это организовать?

Я посмотрел на бесчисленные стеллажи, теряющиеся в темноте.

— Да это работа на целую жизнь.

— Очевидность говорит, что не на одну, — сухо заметила Фела. — Здесь больше семисот пятидесяти тысяч книг, и это не считая глиняных табличек и свитков или черепков из Катуитены.

Она пренебрежительно махнула рукой:

— Итак, ты проводишь годы, продумывая безупречную систему организации, в которой даже есть удобное место для твоей истории-фантастики-путешествий-мемуаров. Ты вместе с хранистами проводишь долгие дни, медленно определяя, сортируя и переставляя десятки тысяч книг. — Она посмотрела мне в глаза. — А потом умираешь. Что случается тогда?

Я начал понимать, куда она клонит.

— Ну, в совершенном мире следующий магистр архивов продолжит мое дело, — сказал я.

— Ура совершенному миру! — саркастически заметила Фела и снова повела меня между стеллажами.

— А что, каждый новый магистр архивов имеет свои собственные идеи о том, как все должно быть организовано?

— Необязательно, — признала Фела. — Иногда бывает, что несколько магистров подряд работают по одной системе. Но раньше или позже приходит кто-то, уверенный, что знает лучший способ, и все начинается сначала.

— И сколько разных систем здесь было?

Я заметил слабый красный отсвет, мелькающий среди дальних стеллажей и направленный в нашу сторону.

Фела сменила направление, уводя нас от света и его носителя.

— Смотря как считать, — мягко сказала она. — За последние триста лет — по меньшей мере девять. Хуже всего было около пятидесяти лет назад, когда здесь сменилось четыре магистра архивов: по пять лет на каждого. В результате среди хранистов возникли пять фракций — всякая со своей каталожной системой, — причем каждая была твердо уверена, что она лучшая.

— Похоже на гражданскую войну, — заметил я.

— Священную войну, — уточнила Фела. — Очень тихий и осмотрительный церковный поход, где все уверены, что защищают бессмертную душу архивов. Они крали книги, уже занесенные в каталог другими системами, прятали книги друг от друга или путали их порядок на полках.

— И сколько так продолжалось?

— Почти пятнадцать лет, — сказал Фела. — Могло бы продолжаться и по сей день, если бы хранистам магистра Толема не удалось наконец выкрасть журналы Ларкина и сжечь их. Ларкинцы после этого были обезоружены.

— А мораль этой истории в том, что люди сходят с ума от книг? — мягко поддразнил ее я. — Отсюда мысль проверять читальные норки?

Фела показала мне язык.

— Мораль истории в том, что все здесь перепутано. Мы надежно «потеряли» двести тысяч книг, когда Толем сжег журналы Ларкина: они были единственными записями о том, где находятся эти книги. Потом, пять лет спустя, Толем умирает. Угадай, что потом?

— Новый магистр архивов пытается начать с чистого листа?

— Это как бесконечная цепочка недостроенных домов, — сказала Фела сердито. — Легко найти книгу по старой системе — так они на этом строят новую. Тот, кто строит новый дом, крадет бревна из построенного раньше. Старые системы до сих пор попадают то там, то сям. Мы все еще находим тайники, в которых хранисты прятали книги друг от друга.

— Чувствую, это у тебя больное место, — с улыбкой заметил я.

Мы дошли до лестницы, и Фела повернулась ко мне.

— Это больное место у каждого храниста, который проработал в архивах больше двух дней, — сказала она. — Люди в «книгах» возмущаются, когда у нас занимает больше часа найти им то, что они хотят. Они не понимают, что это не так просто, как подойти к стеллажу «История амир» и вытащить книжку.

Она отвернулась и стала подниматься по ступенькам. Я молча

последовал за ней, оценивая новые перспективы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ СТОИТ ПОБЕГАТЬ

После проникновения в архивы осенняя четверть пошла весьма приятно. Фела медленно вводила меня в курс внутренних дел архивов, и я проводил все время, какое мог, скрываясь там и пытаясь раскопать ответы на мою тысячу вопросов.

Элодин занимался тем, что с горем пополам можно было назвать обучением, но, кажется, с большим удовольствием запутывал меня, чем проливал истинный свет на вопрос имен. Мой прогресс был настолько мал, что временами я задумывался, есть ли он вообще.

То время, что я проводил не в архивах, я тратил на дорогу в Имре и обратно, бросая вызов стынущему ветру и не стараясь отыскать его имя. Денну было лучше всего ловить в «Эолиане», и, поскольку погода ухудшалась, я находил ее там все чаще и чаще. К тому времени, как выпал первый снег, я обычно умудрялся поймать ее в один поход из трех.

К сожалению, мне редко удавалось поговорить с ней наедине, поскольку при ней всегда кто-нибудь вертелся. Как и говорил Деоч, она была не из тех, кто долго остается в одиночестве.

Но я все равно продолжал приходить. Почему? Потому что всякий раз, как Денна видела меня, внутри ее загорался какой-то свет, заставляя ее на мгновение засиять. Она вскакивала, бежала ко мне и хватала за руку. Потом, улыбаясь, вела меня к своему столу и представляла очередному мужчине.

Я познакомился почти со всеми. Ни один из них не был достаточно хорош для нее, так что я презирал их и ненавидел. Они, в свою очередь, ненавидели и боялись меня.

Но друг с другом мы вели себя обходительно. Всегда обходительно. Это была своего рода игра: мужчина приглашал меня присесть, а я покупал ему выпить. Мы болтали втроем, и его глаза медленно темнели, когда он замечал, как Денна улыбается мне. Его губы сжимались, когда он слышал смех, который вызывали у нее мои шутки, рассказы, песни...

Они всегда реагировали одинаково, пытаясь доказать право собственности на нее какими-то мелочами: взять ее за руку, поцеловать, подчеркнуто небрежно обнять.

Мужчины цеплялись за нее с отчаянным упорством. Некоторые просто

возмущались моим присутствием, видя во мне соперника. Но другие с самого начала таили глубоко в глазах испуганную уверенность: они знали, что Денна уходит, но не понимали почему. И они хватались за нее, как потерпевшие крушение моряки цепляются за скалы, даже разбиваясь о них насмерть. Я почти жалел их. Почти.

А они меня ненавидели, и это светилось в их глазах, когда Денна смотрела на меня. Я предлагал купить еще один круг выпивки, но они настаивали на своей очереди, а я, милостиво принимая, благодарил и улыбался.

«Я знаю ее дольше, — говорила моя улыбка. — Что правда, то правда — ты держал ее в объятиях, пробовал на вкус ее губы, ощущал ее тепло, а у меня этого никогда не было. Но есть закуток в ее сердце, который только для меня. Ты не можешь пробраться туда, как бы ни пытался. А после того как она оставит тебя, я все еще буду здесь, смеша ее, сияя в ней своим светом. Я буду с ней еще долго после того, как она забудет твое имя».

Мужчин было не два и не три. Денна проходила сквозь них, как перо сквозь мокрую бумагу. Она покидала их, разочаровавшись. Или они, расстроенные и недоумевающие, покидали ее, оставляя у нее на сердце тяжесть и печаль, но до слез дело не доходило никогда.

Все же один или два раза случились и слезы — но не по мужчинам, которых она потеряла или оставила. Это был тихий плач о себе самой: в ней болела какая-то глубокая рана. Я не знал, что это за рана, и не осмеливался спросить. Вместо этого я просто говорил, говорил, чтобы унять ее боль и помогая ей укрыться от всего мира.

Иногда я рассказывал о Денне Вилему и Симмону. Настоящие друзья, они давали мне разумные советы и сочувствие в равных количествах.

Сочувствие я ценил, но советы совсем бесполезны. Друзья подталкивали меня к правде, предлагали открыть ей свое сердце. Бегать за ней, писать ей стихи, посылать розы...

Розы! Они ее не знали. Мужчины Денны, хоть я их и ненавидел, преподнесли мне урок, который иначе я бы не усвоил.

— Чего ты не понимаешь, — объяснял я Симмону однажды днем, когда мы сидели под столбом наказаний, — так это того, что мужчины все время западают на Денну. А ей знаешь каково? Знаешь, как это утомительно? Я один из немногих ее друзей и не стану рисковать нашей дружбой. Я не стану на нее бросаться: она этого не хочет. И не буду одним из сотни влажнооких поклонников, которые таскаются за ней, как влюбленные бараны.

— Я просто не понимаю, что ты в ней находишь, — осторожно сказал Сим. — Ну да, я знаю, она красива, очаровательна и все такое. Но она кажется довольно, — он замялся, — жестокой.

Я кивнул:

— Так и есть.

Симмон выжидающе посмотрел на меня, потом сказал:

— И ты ее даже не защищаешь?

— Нет. Жестокая — хорошее слово для нее. Но я думаю, ты говоришь «жестокая», а думаешь что-то другое. Денна не злая, не подлая и не коварная — она жестокая.

Сим молчал долго, прежде чем заговорил:

— Я думаю, она может быть и такой, и эдакой.

Добрый, честный, мягкий Сим. Он никогда не мог заставить себя дурно отзываться о другом человеке, пусть и намеком. Даже эти слова были для него трудны.

Он поднял на меня глаза:

— Я говорил с Совоем. Он ее до сих пор не забыл. Он действительно любил ее, понимаешь? Обращался с ней как с принцессой. Он бы все для нее сделал. Но она все равно бросила его, без объяснений.

— Денна — дикое существо, — объяснил я. — Как лань или летняя гроза. Если буря сдувает твой дом или ломает дерево, ты не говоришь, что она подлая. Буря жестока. Она вела себя в соответствии со своей природой, и чему-то хрупкому не повезло. То же самое и с Денной.

— А что такое лань?

— Такой олень.

— Я думал, олень — марал.

— Лань — это самка оленя, дикого оленя. Знаешь, сколько пользы гоняться за диким существом? Нисколько. Это только отпугивает. Все, что ты можешь сделать, — спокойно оставаться на месте и надеяться, что однажды лань выйдет к тебе сама.

Сим кивнул, но я не был уверен, что он действительно понял.

— Ты знаешь, что это место называют Залом вопросов? — спросил я, подчеркнуто меняя тему. — Студенты пишут вопросы на клочках бумаги и позволяют ветру унести их. Ты получаешь различные ответы в зависимости от того, куда бумажка полетит со двора. — Я указал на проемы между серыми зданиями, которые мне назвал Элодин. — Да. Нет. Может быть. В другом месте. Скоро.

Часовая башня пробила время, и Симмон вздохнул, чувствуя, что дальше продолжать разговор бессмысленно.

— Так мы вечером играем в уголки?

Я кивнул. Когда он ушел, я залез в карман и вытащил записку, которую Денна оставила в моем окне. Я медленно перечитал ее, потом аккуратно оторвал низ страницы — там, где Денна подписалась.

Сложив узкий клочок бумаги с именем Денны, я позволил всегда танцующему ветру вырвать его у меня из рук и закрутить среди последних осенних листьев.

Бумажка плясала по камням. Она крутилась и вертелась, рисуя узоры, слишком дикие и сложные, непонятные для меня. Я ждал, пока небо не потемнело, но ветер все никак не уносил бумажку прочь. Когда я ушел, мой вопрос все еще крутился в Доме ветра, не давая ответов, намекая на многие. «Да. Нет. Может быть. В другом месте. Скоро».

И наконец, оставалась еще моя нескончаемая вражда с Амброзом. Я ходил как на иголках, каждый день ожидая его мести. Но проходили месяцы, а ничего не случилось. Скоро я пришел к выводу, что он выучил урок и решил держаться от меня на безопасном расстоянии.

Конечно же, я ошибался, жестоко и абсолютно. Амброз просто дожидался благоприятного случая. Ему удалось осуществить свою месть, меня поймали врасплох, и я вынужден был покинуть Университет.

Но это, как говорится, история для другого дня.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ МУЗЫКА, КОТОРАЯ ВЕДЕТ

— Полагаю, на сегодня хватит, — сказал Квоут, сделав знак Хронисту отложить перо. — У нас теперь есть основа: фундамент, на котором строится вся история.

Квоут поднялся на ноги и пошевелил плечами, разминая спину.

— Завтра будет несколько моих любимых историй: путешествие ко двору Алверона, обучение боевому искусству у адем, Фелуриан... — Он взял чистую льняную салфетку и повернулся к Хронисту. — Тебе еще что-нибудь нужно перед сном?

Хронист покачал головой, уловив намек на вежливое выпроваживание.

— Нет, спасибо. Все и так хорошо.

Он собрал письменные принадлежности в плоский кожаный пенал и поднялся в свою комнату.

— Ты тоже иди, Баст, — сказал Квоут. — Я позабочусь об уборке. — Он махнул рукой, опережая протесты ученика. — Иди. Мне нужно время подумать о завтрашней истории. Такие штуки, знаешь ли, сами собой не складываются.

Пожав плечами, Баст тоже отправился наверх, его шаги гулко простучали по деревянной лестнице.

Квоут выполнял ежевечерний ритуал. Он выгреб золу из огромного каменного очага и принес дров на завтра. Вышел наружу потушить лампу около вывески «Путеводный камень», но обнаружил, что забыл ее зажечь. Запер трактир и после секундного размышления оставил ключ в двери, чтобы Хронист мог выйти, если проснется рано.

Потом Квоут методично и расторопно подмел пол, вымыл столы, протер стойку и под конец занялся стиранием пыли с бутылок. Все эти действия он совершал с отсутствующим видом, взгляд его блуждал где-то далеко, в воспоминаниях. Он не мурлыкал про себя и не насвистывал, как обычно, — и не пел.

В своей комнате Хронист беспокойно ходил туда-сюда, усталый, но слишком взбудораженный, чтобы спокойно отправиться спать. Он вынул исписанные листы из пенала и сложил их аккуратной стопкой в ящик тяжелого деревянного комода. Потом вычистил все перья и разложил их

просушить. Осторожно сняв повязку с плеча, он выбросил дурно пахнущую припарку в горшок и поплотнее прикрыл крышкой, а плечо промыл в раковине.

Зевнув, Хронист подошел к окну и поглядел вниз, на маленький городок, но смотреть было совершенно не на что: ни огней, ни движения. Он приоткрыл окно, впуская свежий осенний воздух, потом задернул занавески и, раздевшись перед сном, повесил одежду на спинку стула. Последним он снял с шеи простое железное кольцо и положил его на тумбочку у изголовья.

Повернувшись к кровати. Хронист с удивлением заметил, что за день простыни успели сменить. Свежий хрусткий лен приятно пах лавандой.

После секундного колебания Хронист прошел к двери и запер ее. Он положил ключ в изголовье, потом, нахмурившись, взял железное кольцо и снова надел его на шею, после чего задул лампу и улегся.

Почти целый час Хронист лежал без сна в благоухающей постели, беспокойно ворочаясь с боку на бок. Наконец, вздохнув, он откинул одеяло, снова зажег лампу серной спичкой и вылез из кровати. Потом, подойдя к тяжелому комоду у окна, попытался сдвинуть его. Сначала тот не поддавался, но Хронист навалился спиной, и ему удалось медленно протолкать комод по гладкому деревянному полу.

Через минуту увесистый предмет мебели загородил дверь комнаты. Снова забравшись в постель, Хронист потушил лампу и быстро погрузился в глубокий мирный сон.

В комнате царила смоляная темнота, когда Хронист проснулся оттого, что ему на лицо легло что-то мягкое. Он бешено дернулся — больше рефлекторно, чем действительно пытаясь вырваться. Его испуганный вопль заглушила ладонь, плотно закрывшая ему рот.

После первоначальной паники Хронист затих и обмяк. Тяжело дыша носом, он лежал в темноте, широко открыв глаза.

— Это всего лишь я, — прошептал Баст, не убирая руки.

Хронист буркнул что-то придушенное.

— Нам надо поговорить. — Стоя на коленях у кровати, Баст смотрел на темную фигуру Хрониста, завернутого в одеяла. — Я зажгу лампу, а ты не будешь издавать никаких громких звуков. Ладно?

Хронист кивнул. Мгновением позже вспыхнула спичка, наполнив комнату неровным красным светом и едким запахом серы. Потом разлился более мягкий свет лампы. Баст облизал пальцы и зажал спичку между ними.

Чуть дрожа, Хронист сел в кровати и прислонился спиной к стене. Полуголый, он смущенно подгреб к себе одеяла и бросил взгляд на дверь. Тяжелый комод по-прежнему стоял там.

Баст проследил за его взглядом.

— Это демонстрирует явный недостаток доверия, — сухо заметил он. — Ты бы лучше не царапал пол. Его такие штуки дико бесят.

— Как ты сюда попал? — потребовал Хронист.

Баст яростно вскинул руки к голове Хрониста.

— Тихо! — прошипел он. — Нам надо вести себя тихо. У него уши как у ястреба.

— Как... — начал Хронист тише, потом остановился. — У ястребов нет ушей.

Баст непонимающе посмотрел на него:

— Что?

— Ты сказал, у него уши как у ястреба. Это бессмыслица.

Баст нахмурился, потом отмахнулся.

— Ты понимаешь, о чем я. Он не должен знать, что я здесь.

Баст сел на край кровати и смущенно разгладил штаны на коленках.

Хронист вцепился в одеяла.

— Так зачем же ты здесь?

— Как я уже сказал, нам надо поговорить. — Баст серьезно посмотрел на Хрониста. — Нам надо поговорить о том, зачем ты здесь.

— Такое у меня занятие, — раздраженно ответил Хронист. — Я собираю истории. И если есть возможность, то проверяю разные слухи и выясняю, правдивы ли они.

— Просто из любопытства: откуда был этот слух? — спросил Баст.

— Да ты, похоже, напился вдрызг и как-то проболтался фургонщику, — сказал Хронист. — Довольно неосторожно, учитывая все обстоятельства.

Баст бросил на Хрониста взгляд, исполненный глубочайшей жалости.

— Посмотри на меня, — сказал Баст, словно разговаривая с ребенком. — Подумай. Мог ли какой-то фургонщик напоить меня? Меня?

Хронист открыл рот. Закрыл.

— Тогда...

— Он был моим посланием в бутылке. Одним из многих. Ты просто оказался первым, кто нашел его и приехал посмотреть.

Хронист переваривал информацию целую минуту.

— Я думал, вы двое прячетесь...

— О, конечно же, мы прячемся, — горько сказал Баст. — Мы

запрятались так далеко и надежно, что он почти превратился в деревянную статую.

— Я могу понять, что тебе здесь и нудно, и скучно, — начал Хронист. — Но, честно говоря, не понимаю, как дурное настроение твоего хозяина связано с ценами на масло.

Глаза Баста гневно вспыхнули.

— Оно очень сильно связано с ценами на масло! — прошипел он сквозь зубы. — И все куда хуже, чем дурное настроение, ты, невежественный, тупоумный анхаут-фехн. Это место убивает его.

Хронист побледнел от вспышки гнева, охватившей Баста.

— Я... я не...

Баст закрыл глаза и вдохнул поглубже, пытаясь успокоиться.

— Ты просто не понимаешь, что происходит, — сказал он больше себе, чем Хронисту. — За этим я и пришел: объяснить. Я многие месяцы ждал, чтобы кто-нибудь появился. Кто угодно. Даже старые враги, пришедшие свести счеты, были бы лучше, чем смотреть, как он вот так утекает. Но ты даже лучше, чем я мог надеяться. Ты само совершенство.

— В каком смысле? — переспросил Хронист. — Я даже не понимаю, в чем проблема.

— Как тебе сказать... Ты когда-нибудь читал сказку о Мартине Масочнике? — Хронист покачал головой, и Баст разочарованно вздохнул. — Как насчет пьес? «Призрак и гусятница» или «Король за полпенни»?

Хронист нахмурился:

— Это та, где король продает свою корону мальчику-сироте?

Баст кивнул.

— И мальчик становится лучшим королем, чем он. Гусятница одевается как графиня, и все поражены ее красотой и очарованием. — Он помолчал, мучительно ища нужные слова. — Понимаешь, есть глубокая связь между «быть» и «казаться». Каждый ребенок в Фейе знает это, но вы, смертные, будто и не замечаете. Мы понимаем, насколько опасна может быть маска. Все мы становимся тем, чем долгое время представляем себя.

Хронист чуть расслабился, почувствовав знакомую почву.

— Основы психологии: наряжаешь нищего в роскошные одежды, тогда люди обращаются с ним как с благородным, и он соответствует их ожиданиям.

— Тут только самая малая часть, — сказал Баст. — Правда глубже. Это... — Баст на секунду задумался, — как будто каждый у себя в голове рассказывает историю о себе. Всегда. Все время. Эта история делает тебя

тем, что ты есть. Мы строим себя из этой истории.

Нахмурившись, Хронист открыл рот, но Баст поднял руку, останавливая его.

— Нет, послушай. Я поймал наконец. Вот ты встречаешь девушку: скромную, застенчивую. Если ты скажешь ей, что она прекрасна, она подумает, что ты очень мил, но не поверит тебе. Она знает, что красота существует только в твоём видении. — Баст недовольно пожал плечами. — И иногда этого достаточно.

Его глаза засияли.

— Но есть лучший способ. Ты показываешь ей, что она красива. Делаешь зеркала из своих глаз, воздаешь молитвы ее телу. Это трудно, очень трудно, но когда она действительно поверит тебе... — Баст восторженно жестикулировал. — Внезапно история, которую она рассказывает в своей голове, меняется. Девушка преображается. Теперь не ты ее видишь красивой. Она на самом деле красива, и ты это видишь.

— Какого демона это все значит? — оборвал его Хронист. — Ты сейчас просто несешь чепуху.

— Я несу слишком много смысла — столько, что ты не можешь понять, — сердито парировал Баст. — Но ты достаточно близок к тому, что я имею в виду. Подумай о том, что он сказал сегодня. Люди видели его героем, и он играл роль. Он носил ее как маску и в конце концов поверил ей. Роль стала правдой. Но теперь... — Он умолк.

— Теперь люди видят его трактирщиком, — закончил Хронист.

— Нет, — тихо сказал Баст. — Люди видели его трактирщиком уже год назад. Но он снимал маску, когда они выходили за дверь. Теперь он сам видит себя трактирщиком, причем неудачливым. Ты видел, на что он стал похож, когда Коб и остальные пришли вечером. Ты видел эту бледную тень человека за стойкой. Раньше это было игрой, актерством...

Баст восторженно уставился на Хрониста.

— Но ты совершенство. Ты можешь помочь ему вспомнить, как все было. Я не видел его таким живым много месяцев. Я знаю, ты сможешь это сделать.

Хронист чуть нахмурился.

— Я не уверен...

— Я знаю, это сработает, — нетерпеливо сказал Баст. — Я пробовал что-то в этом роде пару месяцев назад. Я заставил его начать мемуары.

— Он написал мемуары? — вскинулся Хронист.

— Начал, — уточнил Баст. — Он так волновался, говорил об этом несколько дней. Все думал, с чего начать свою историю. После первой ночи

писания он стал совсем похож на себя прежнего. Казался на метр выше, а в глазах сверкали молнии. — Баст вздохнул. — Но что-то случилось. На следующий день, прочитав то, что написал, он впал в уныние. Заявил, что это худшая из всех идей, какие у него были.

— А где страницы, которые он написал?

Баст сделал сминающее движение и выбросил воображаемые бумаги прочь.

— И что же там говорилось? — спросил Хронист.

Баст покачал головой.

— Он не выбросил их, просто... забросил. Они так и валяются у него на столе все эти месяцы.

Любознательство Хрониста стало почти осязаемым.

— А ты мог бы... — Он пошевелил пальцами. — Ну, знаешь, прибрать их?

— Анпауен. Нет, — перепугался Баст. — Он был в такой ярости, когда их прочел. — Баст чуть содрогнулся. — Ты не представляешь, какой он, если разозлится. Я-то знаю, что тут ему лучше не перечить.

— Наверное, тебе лучше знать, — с сомнением сказал Хронист.

Баст чутко кивнул.

— Именно. Вот почему я пришел поговорить с тобой: потому что мне лучше знать. Тебе надо удерживать его от мрачных мыслей. Если не... — Баст пожал плечами и повторил жест сминания и выбрасывания бумаги.

— Но я записываю историю его жизни. Настоящую историю. — Хронист беспомощно развел руками. — Без мрачных частей она будет просто глупой ф... — Хронист застыл на полуслове, нервно стрельнув глазами в сторону.

Баст ухмыльнулся, как ребенок, поймавший священника на ругательстве.

— Давай же, — подзадорил он. Его взгляд был полон восторга, тяжел и жуток. — Скажи это.

— Как какая-то глупая фейевская сказочка, — тонким голосом закончил бледный как бумага Хронист.

Баст широко улыбнулся:

— Ты ничего не знаешь о фее, если думаешь, что нашим историям недостает мрачных сторон. А кроме того, это и есть фейевская сказочка, потому что ты пишешь ее для меня.

Хронист сглотнул и вроде бы успокоился.

— Я имею в виду, что он рассказывает правдивую историю, а в правдивых историях есть неприятные части. А в его истории их побольше,

чем у других. Полно грязи, путаницы и...

— Я знаю, ты не сможешь заставить его совсем выбросить тяжелые моменты, — сказал Баст. — Но ты можешь поторапливать его в таких местах. Можешь помочь ему задержаться на приятных минутах: его приключениях, женщинах, сражениях, путешествиях, музыке... — Баст внезапно умолк. — Ну... не музыке. Не спрашивай об этом и о том, почему он больше не творит магию.

Хронист нахмурился.

— Почему? Его музыка вроде бы...

Лицо Баста помрачнело.

— Просто не спрашивай, — твердо сказал он. — Это бесплодные темы. Хорошо, что я остановил тебя, — он многозначительно постучал по плечу Хрониста, — ведь ты собирался спросить его, что пошло не так с симпатией. Ты тогда не знал, как лучше, но теперь знаешь. Сосредоточься на его героизме, уме... — Он помахал руками: — Ну, всем таком.

— Но я действительно не могу направлять его по тому или иному пути, — чопорно заявил Хронист. — Я только записываю. Я здесь только ради истории. История — вот что важно.

— Наплюй на свою историю, — резко оборвал его Баст. — Ты сделаешь то, что я скажу, или я переломлю тебя, как лучинку.

Хронист замер.

— Так ты говоришь, я работаю на тебя?

— Я говорю, ты мне принадлежишь. — Лицо Баста было смертельно серьезно. — До самого мозга костей. Я привел тебя сюда для своих целей. Ты ел за моим столом, и я спас тебе жизнь. — Он указал на голую грудь Хрониста. — У меня три права на тебя, и это делает тебя целиком моим. Инструментом моих желаний. Ты будешь делать то, что я скажу.

Подбородок Хрониста чуть приподнялся, лицо посуровело.

— Я буду делать то, что сочту нужным, — сказал он, медленно поднимая руку к металлическому кольцу на своей голой груди.

Взгляд Баста метнулся вниз-вверх.

— Ты думаешь, я играю в какую-то игру? — недоверчиво спросил он. — Думаешь, железо спасет тебя?

Баст наклонился вперед, отбросил руку Хрониста и схватил круг темного металла, прежде чем писец успел шевельнуться. Немедленно рука Баста напряглась, глаза закрылись и лицо сморщилось в гримасе боли. Когда он снова открыл глаза, они оказались чисто синими, цвета глубокой воды или темнеющего неба.

Баст наклонился вперед, придвинув свое лицо к лицу Хрониста. Писец

запаниковал и попытался отползти в сторону, но Баст ухватил его за плечо и держал крепко.

— Послушай мои слова, человечек, — прошипел он. — Не путай меня с моей маской. Ты видишь свет, играющий на воде, и забываешь о глубокой холодной темноте под ним. — Баст крепче сжал железный круг, так что хрустнули суставы. — Слушай. Ты не можешь повредить мне, ты не можешь убежать или спрятаться. Так меня не одолеть.

Глаза Баста становились все бледнее, пока не засияли яркой голубизной полуденного неба.

— Я клянусь всей солью во мне: если ты пойдешь против моей воли, остаток твоего краткого смертного срока пройдет под оркестр несчастий. Клянусь камнем, и дубом, и вязом: я сделаю тебя своей игрой. Я буду незримо следовать за тобой и разрушу каждую искру радости, что ты найдешь. Ты никогда не узнаешь прикосновения женщины, отдохновения, даже на секунду твой разум не будет знать покоя.

Глаза Баста теперь были бледного бело-голубого цвета — цвета молнии, его голос звучал напряженно и гневно.

— И я клянусь ночным небом и вечно бегущей луной: если ты доведешь моего хозяина до отчаяния, я вспорю тебе брюхо и буду плескаться в твоей крови, как дитя в грязной луже. Я натяну на скрипку струны из твоих кишок и заставлю тебя играть на ней, а сам буду танцевать.

Баст наклонился ближе, так что их лица теперь разделяли считанные сантиметры, его глаза стали белыми, как опалы, белыми, как полная луна.

— Ты образованный человек и знаешь, что демонов не существует. — Баст улыбнулся ужасной улыбкой. — Есть только мой народ. — Он наклонился еще ближе. Хронист чувствовал запах цветов в его дыхании. — Но ты недостаточно мудр, чтобы бояться меня так, как меня стоит бояться. Ты не знаешь и первой ноты музыки, которая ведет меня.

Баст резко отодвинулся от Хрониста и отступил от кровати на несколько шагов. Стоя на краю круга мерцающего света, он раскрыл ладонь, и железное кольцо упало на пол, тускло звякнув. Через секунду Баст выдохнул, глубоко и медленно, и провел руками по волосам.

Хронист остался сидеть, прижавшись к стене, весь бледный и покрытый потом.

Баст наклонился, поднял железное кольцо за порванный шнурок и быстро связал его воедино ловкими пальцами.

— Послушай, у нас нет ни единой причины не быть друзьями, — буднично заметил он, повернувшись и протягивая кольцо Хронисту. Его

глаза снова приобрели обычную человеческую синеву, улыбка стала теплой и очаровательной. — Нет причин, почему бы каждому из нас не получить то, что он хочет. Ты получишь свою историю. Он расскажет ее. Ты узнаешь правду. Он вспомнит, кто он на самом деле. Все выиграют, и все мы разойдемся своими путями, довольные, как персики.

Хронист потянулся к шнурку, его рука слегка дрожала.

— А что получишь ты? — спросил он сухим шепотом. — Чего ты хочешь от всего этого?

Вопрос словно бы застал Баста врасплох. Он застыл на мгновение, вся его текучая грация пропала. Секунду казалось, будто сейчас он разразится слезами.

— Чего я хочу? Я просто хочу обратно своего Реши. — Его голос был тихим и потерянным. — Я хочу его таким, каким он был.

Наступила минута неловкого молчания. Баст с силой потер лицо обеими руками и тяжело сглотнул.

— Я отсутствую слишком долго, — внезапно сказал он, подходя к окну и открывая его.

Перекинув одну ногу через подоконник, он замер и оглянулся на Хрониста.

— Может, тебе принести что-нибудь, пока ты не спишь? Ночной колпак? Еще одеяло?

Хронист ошеломленно покачал головой, и Баст, помахав ему, перенес вторую ногу за окно и осторожно закрыл его за собой.

ЭПИЛОГ

ТРЕХЧАСТНАЯ ТИШИНА

И снова наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в тишину, и складывалась эта тишина из трех частей.

Первой частью было пустое, гулкое до эха молчание, возникшее по нескольким причинам. Если бы в стойлах были лошади, они переступали бы копытами, жевали, чавкали и разорвали бы тишину в клочья. Если бы в трактире осталось переночевать хоть несколько человек — их беспокойное дыхание и смешанный храп растопили бы молчание, подобно теплему весеннему ветру. Играй здесь музыка... Нет, вот уж музыки точно не было слышно. Так что в воздухе висела тишина.

В трактире, наверху, в мягкой благоухающей постели скорчился человек. Неподвижный, он лежал в темноте, широко открыв глаза, и ждал прихода сна. Этим он добавлял маленькое испуганное молчание к большей пустой тишине. Получался своего рода сплав, гармония.

Третью тишину ощутить было не так легко. Пожалуй, пришлось бы прождать около часа, чтобы почувствовать ее в толстых каменных стенах пустого общего зала и в сером металле меча, висевшего позади стойки. Тишина таилась в тусклом свете свечи, наполнявшем одну из комнат верхнего этажа танцующими тенями. Она пряталась в безумном узоре скомканных мемуаров, брошенных на столе, но не забытых. И в руках человека, сидящего рядом и старательно не замечающего страниц, которые он написал и давным-давно забросил.

У человека были рыжие, словно пламя, волосы. Его темные глаза смотрели куда-то вдаль, а в движениях сквозило то усталое спокойствие, которое приходит лишь со многими знаниями.

Трактир «Путеводный камень» принадлежал ему, и третья тишина тоже. Вполне закономерно, тишина эта была самой большой из трех: она окутывала две первые, заключала их в себе, — бездонная и безбрежная, словно конец осени, и тяжелая, как обкатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека, ожидающего смерти.